

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

4(58)'2016

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета: journals.uspu.ru
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ

Екатеринбург 2016

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

доктор филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА (Екатеринбург)

Члены редакционной коллегии:

PhD, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор В. М. БРИЦЫН (Киев, Украина)

PhD, профессор АНДЖЕЙ ДЕ ЛАЗАРИ (Лодзь, Польша)

PhD, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор, чл.-кор. РАН В. А. ВИНОГРАДОВ (Москва, Россия)

доктор филол. наук, профессор Е. А. НАХИМОВА (Екатеринбург, Россия)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург, Россия)

доктор филологических наук, профессор У АЙХУА (Пекин, Китай)

PhD, профессор Л. ЦОНЕВА (Велико-Тырново, Болгария)

доктор филол. наук, профессор Е. В. ШУСТРОВА (Екатеринбург, Россия)

PhD, профессор ЯН КЭ (Гуанчжоу, Китай)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Заведующий отделом перевода: кандидат филол. наук И. С. ПИРОЖКОВА

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2016. — Вып. 4 (58). — 263 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов — «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык — политика — культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Из истории политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш107

Благодарим РНФ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 16-18-02102 «Речевое воздействие на русском языке в конфликтных и неконфликтных политических ситуациях и методология его лингвистической экспертизы с использованием современных методик (лингвокогнитивный, лингвориторический, психолингвистический анализ, критический анализ дискурса, комплексный анализ креолизованного текста и др.)».

ISSN 1999-2629

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2016

© Политическая лингвистика, 2016

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

4(58)'2016

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editors-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)
Maria B. Voroshilova, Ph.D., Assoc. Prof. (Ekaterinburg)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)
Vladimir N. Bazylev, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Britsyn V. M., Ph. D. (Kiev, Ukraine)
Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)
Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Andrzej de Lazari, Ph.D., Prof. (Lodz, Poland)
Elena A. Nakhimova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)
Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Elizaveta V. Shustrova, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)
Patrick Seriot, Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)
Lilyana Tsoneva, Ph.D., Prof. (Veliko Tarnovo, Bulgaria)
Viktor A. Vinogradov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)
Yang Ke, Ph.D., Prof. (Guangzhou, China)
Wu Aihua, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Ekaterinburg 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Балашова Л. В. Саратов, Россия	Идиомы со значением «власть» в современном российском политическом дискурсе	12
Васильев А. Д. Красноярск, Россия	Фразеологизм <i>холодная война</i> в современной политической риторике	22
Катермина В. В. Краснодар, Россия	Политическая неонимация в массмедийном дискурсе	27
Кондратьева О. Н. Ковалева К. А. Кемерово, Россия	Динамика метафорических моделей в политической коммуникации (на примере выступлений Ю. Тимошенко)	34
Кошкарлова Н. Н. Челябинск, Россия Руженцева Н. Б. Екатеринбург, Россия	Ретропрогнозирование как инструмент проектирования прошлого?	48
Красовская О. В. Луганск, ЛНР	Информационная война как коммуникативный феномен	53
Лу Тинтин Пекин, Китай	Стратегия уклонения в политическом интервью: на материале русского и китайского языков	60
Темиргазина З. К. Павлодар, Казахстан	«Сны разума» в казахстанском политическом медиадискурсе	68
Шустрова Е. В. Екатеринбург, Россия	Гастрометафора в американской карикатуре времен Великой депрессии и экономического спада последних лет	75

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алёшина Е. Ю. Пенза, Россия	Регистры публичного политического дискурса и факторы их формирования (на материале английского языка)	87
Будаев Э. В., Курейко В. В. Екатеринбург, Россия	Метафорическая репрезентация кризиса на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов	93
Зуева С. А. Москва, Россия	Центр и периферия политического словаря газеты (на материале английских газет «Таймс» и «Гардиан»)	99
Зюбина И. А. Иванова А. А. Кумпан Н. А. Ростов-на-Дону, Россия	Междисциплинарный характер современного парламентского дискурса	107
Култышева И. В. , Журавская О. С. Нижний Тагил, Россия	Категория комического в репрезентации образа политического врага (на примере политической карикатуры)	114
Маник С. А., Косолюкина Е. А. Иваново, Россия	Особенности новостной статьи в современном англоязычном интернет-медиадискурсе (на материале медиатекстов по теме «Терроризм»)	124

Матвеева Г. Г. Зюбина И. А. Лесняк М. В. Ростов-на-Дону, Россия	Особенности жанровой системы парламентского дискурса	133
Миронова М. Ю. Санкт-Петербург, Россия	Метафоризация терминов английского языка (на примере политического термина <i>lame duck</i>)	141
Мурашова Е. П. Москва, Россия	Политический спот как жанр политической рекламы (на материале английского языка)	147
Никифорова М. В. Чудинов А. П. Екатеринбург, Россия	Варианты и средства репрезентации концептуальной оппозиции «свои — чужие» в дискурсе мэра Екатеринбурга Евгения Ройзмана	154

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Богоявленская Ю. В. Екатеринбург, Россия	Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных	163
Борискина О. О. Донина О. В. Воронеж, Россия	Корпусные технологии в политической метафорологии: «террор» и «терроризм» по данным электронных ресурсов	167
Горшунов Ю. В. Бирск, Россия	Региональные и местные формы рифмованного сленга (на примере шотландского рифмованного сленга)	172
Загидулина Т. А. Красноярск, Россия	«Сталинские соколы» — орнитологическая метафора в авиационном дискурсе как инструмент конструирования политического мифа	176
Земцов В. Н. Екатеринбург, Россия	Россия глазами Наполеона	181
Какзанова Е. М. Москва, Россия	Влияние Великой французской революции на политизацию языка	187
Колмогорова А. В. Калинин А. А. Талдыкина Ю. А. Красноярск, Россия	Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации	194
Плотникова М. В. Кипина М. А. Екатеринбург, Россия	Советский Джеймс Бонд: политический портрет В. В. Путина во французских медиатекстах в свете украинского кризиса	200
Рябкова И. П. Варганов М. В. Ижевск, Россия	Аудиовизуальный политический текст: анализ вербальной составляющей выступления и эмоционального состояния политика	206
Юсупов Х. А. Убайдулаева Ш. А. Махачкала, Россия	Особенности изменения лексического состава даргинского литературного языка в 30—40-х годах XX века	211

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Громыко С. А. Вологда, Россия	Особенности речевой агрессии русских националистов в дореволюционной Государственной думе	217
Злоказов К. В. Рыбьякова Е. А. Степанов Р. И. Екатеринбург, Россия	Анонимная угроза и план ее воплощения: экспериментальное исследование представлений автора	225

Пушкарева И. Н. Тагильцева Ю. Р. Екатеринбург, Россия	«Ты записался добровольцем?», или Агитационные плакаты как инструменты информационно-психологического воздействия на молодежь в практике религиозно-политического экстремизма 232

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Цзи Сяосяо Москва, Россия	Об исследовании метафоры в американском президентском дискурсе 239
Эдельман М. США <i>Перевод с английского И. С. Пирожковой, С. М. Полякова</i>	Категоризация, восприятие и политика 244

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Бабикова М. Р., Чудинов А. П. Екатеринбург, Россия	Теория и методика вербальной и иконической репрезентации социокультурной реальности в печатных СМИ 251
Дзюба Е. В., Цыганкова А. В. Екатеринбург, Россия	Политический, экономический, межэтнический и межконфессиональный дискурсы: практика критического анализа манипулятивных тактик в глобальных СМИ 255
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика» 260	

CONTENTS

Editorial principles of the journal "Political Linguistics"	10

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Balashova L. V. Saratov, Russia	Idioms with the meaning "power" in contemporary Russian political discourse	12
Vasiljev A. D. Krasnoyarsk, Russia	Idiom <i>cold war</i> in contemporary political rhetoric.....	22
Katermina V. V. Krasnodar, Russia	Political neonomination in mass media discourse	27
Kondrat'eva O. N. Kovaleva K. A. Kemerovo, Russia	Dynamics of metaphorical models in political communication (on the example of addresses by J. Timoshenko).....	34
Koshkarova N. N. Chelyabinsk, Russia Ruzhentseva N. B. Ekaterinburg, Russia	Retroprognosis as past modelling instrument?	48
Krasovskaya O. V. Luhansk, Luhansk People's Republic	Information warfare as a communicative phenomenon	53
Lu Tingting Beijing, China	Strategy of evasion in political interviews: based on the Russian and Chinese languages	60
Temirgazina Z. K. Pavlodar, Kazakhstan	"Dreams of reason" in Kazakhstan political media discourse	68
Shustrova E. V. Ekaterinburg, Russia	Metaphor of food in American political cartoon of the Great Depression times and today	75

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Aleshina E. Y. Penza, Russia	Registers of public political discourse and factors of their formation (based on the English language).....	87
Budaev E. V., Kureyko V. V. Ekaterinburg, Russia	Metaphorical representation of the crisis in the Ukraine in Russian comments to the news portals	93
Zueva S. A. Moscow, Russia	The centre and the periphery of the political vocabulary of a newspaper (based on the british newspapers "The Times" and "The Guardian")	99
Zyubina I. A. Ivanova A. A. Kumpan N. A. Rostov-on-Don, Russia	Interdisciplinary nature of modern parliamentary discourse	107
Kultysheva I. V. Zhuravskaya O. S. Nizhny Tagil, Russia	The category of comic in representation of the image of political opponent (on the basis of political caricature).....	114
Manik S. A., Kosolyukina E. A. Ivanovo, Russia	Peculiarities of news article in English Internet media discourse (as exemplified by media texts on terrorism).....	124

Matveeva G. G. Zyubina I. A. Lesnyak M. V. Rostov-on-Don, Russia	Peculiarities of parliamentary discourse genre system 133
Mironova M. Y. Saint-Petersburg, Russia	Metaphorization of the English language terms (by the example of a political term <i>lame duck</i>) 141
Murashova Y. P. Moscow, Russia	Political spot as a genre of political advertising (an analysis of English-language political spots)..... 147
Nikoforova M. V. Chudinov A. P. Ekaterinburg, Russia	Variants and representation means of 'friend or foe' conceptual opposition in the individual discourse of Eu. Roizman, mayor of Yekaterinburg..... 154

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Bogoyavlenskaya Y. V. Ekaterinburg, Russia	Representativeness of text corpus: method of verification of data reliability 163
Boriskina O. O. Donina O. V. Voronezh, Russia	Corpus technologies in political metaphorology: "terror" and "terrorism" on the basis of electronic resources 167
Gorshunov Y. V. Birsk, Russia	Regional and local varieties of rhyming slang: Scottish rhyming slang 172
Zagidulina T. A. Krasnoyarsk, Russia	«Stalins' hawks» — ornithological metaphor in aviation discourse as a tool for political myth construction 176
Zemtsov V. N. Ekaterinburg, Russia	Russia through the eyes of Napoleon 181
Kakzanova E. M. Moscow, Russia	The impact of the Great French revolution upon language politicization 187
Kolmogorova A. V. Kalinin A. A. Taldykina J. A. Krasnoyarsk, Russia	Linguistic markers of manipulation i n polarized discourse: parametric study..... 194
Plotnikova M. V., Kipina M. A. Ekaterinburg, Russia	Soviet James Bond: political portrait of V. Putin in French media texts with reference to Ukrainian crisis 200
Ryabkova I. P. Varganov M. V. Izhevsk, Russia	Audiovisual political texts: analysis of the verbal component and the orator's emotional state 206
Yusupov H. A. Ubaydulaeva Sh. A. Makhachkala, Russia	Features of changes of lexical structure of dargin literary language in the 1930s and 1940s..... 211

PART 4. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Gromyko S. A. Vologda, Russia	The features of the verbal aggression of Russian nationalists in pre-revolutionary state Duma 217
Zlokazov K. V. Rybakova E. A. Stepanov R. I. Ekaterinburg, Russia	Anonymous threat and plan of her embodiment: empirical research of representations of the author 225

Pushkareva I. N. Tagiltseva Y. R. Ekaterinburg, Russia	“Are you a volunteer?”, or propaganda posters as an instrument of information and psychological influence on the youth in religious and political extremism	232

PART 5. FOREIGN EXPERIENCE

Zi Xiaoxiao Moscow, Russia	Insights into metaphor use in American presidential discourse	239

Edelman M. USA	Categorization, perception, and politics	244

*Transl. from English
by I. S. Pirozhkova, S. M. Polyakov*

PART 6. REVIEWS. CHRONICLE

Babikova M. R., Chudinov A. P. Ekaterinburg, Russia	Theory and practice of verbal and iconic representation of sociocultural reality in print media	251

Dziuba E. V., Tsygankova A. V. Ekaterinburg, Russia	Political, economic, interethnic and interconfessional discourses: practice of critical analysis of manipulative tactics in the global mass media	255

Manuscripts requirements	260

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». По результатам 2012 года мы прочно закрепились в числе 10 самых цитируемых лингвистических журналов в России. А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journals.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Из истории политической лингвистики», предназначенный для публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Из истории политической лингвистики»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны:

(343)3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: [ap_chudinov@mail.ru.](mailto:ap_chudinov@mail.ru),
[shinkari@mail.ru.](mailto:shinkari@mail.ru)

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1
ББК Ш141.12

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.49

Код ВАК 10.02.01

Л. В. Балашова
Саратов, Россия

ИДИОМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ВЛАСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются идиомы из семантической группы «Власть» в дискурсивном, семантическом, мотивационном и концептуальном аспектах. Устанавливается роль таких фразеологизмов в репрезентации языковой картины мира. В частности, отмечается дискурсивная ограниченность большинства анализируемых идиом и их ориентация не на традиционную народную, а на книжную культуру, связанную с религиозными, литературными, иноязычными источниками, а также на публицистику и разговорную речь советского периода. Подчеркивается, что формирование идиом базируется на нескольких концептуальных моделях метафорического и/или метонимического типов (пространственной, биоморфной, социоморфной). Устанавливается, что внутренняя форма и базовые модели мотивации, в свою очередь, обуславливают конкретную семантику и прагматику исследуемых фразеологизмов, которые по преимуществу дают обобщенную характеристику властных структур и их лидеров, с возможной конкретизацией правовой стороны обретения и сохранения власти, методов правления. Доказывается, что в современном российском политическом дискурсе идиомы из группы «Власть» обычно употребляются в своих языковых значениях. Вместе с тем обнаруживается, что при использовании ряда фразеологизмов есть определенные предпочтения в выборе современных политических ситуаций. Доказывается, что политическому дискурсу присуща некоторая терминологизация языковых идиом. Главной особенностью в прагматическом аспекте употребления идиом является преобладание негативной и/или иронической оценочности именуемых властных структур и их лидеров, причем данной характеристикой наделяются и те фразеологизмы, которые не обладали такими признаками в языке. Концептуальный анализ употребления идиом показывает, что «власть» в основном воспринимается как особая каста, живущая по своим законам и во многом противопоставленная остальному социуму.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идиоматика; семантика; мотивация; концептуализация; власть; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, 9; e-mail: sarteorlingv@yandex.ru.

Практически все исследователи отмечают особую роль в репрезентации языковой картины мира (далее — ЯКМ) фразеологических единиц (далее — ФЕ), которые «представляют собой большой объем „свернутой“ культурно-маркированной информации, поскольку актуализируют социально более релевантные явления на определенном этапе развития общества» [Шкатова 2012: 209]. Фразеологию называют «зеркалом жизни нации» [Маслова 2007: 268] и «самым культурноносным компонентом языка в действии» [Телия 2004: 19]. Более того, «история фразеологического состава языка — это не только история его формирования, но и история мировидения и миропонимания народа, поскольку отбор образов и их оязыковление — это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним — ценностное или эмоциональное» [Телия 1996: 82].

Не подвергая сомнению данную точку зрения в целом, мы все же хотели бы отметить, что, несомненно, степень национальной самобытности фразеологии во многом зависит от объекта исследования (структурного типа ФЕ — коллокации, идиомы, паремии, их семантики, а также от их концептуального наполнения).

Концепт ВЛАСТЬ, безусловно, относится к числу фундаментальных феноменов не

только в политической коммуникации, но и в русской ЯКМ в целом (ср.: [Балашова 2014: 193—406; Дементьев 2013: 15—25; Чудинов 2006: 8—9]). Вследствие этого данный концепт не может не получить отражение в русской идиоматике.

Согласно лексикографическим источникам [Алефиренко, Золотых 2008; АСРФ 2015; БФСРЯ 2009; СТСРЯ 2007; Фелицына, Мокиенко 1990; ФСРЯ 1994], в современном русском языке выделяется семантическая группа «Власть», включающая 31 идиому с базовыми компонентами: (1) 'право и возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-л.'; (2) 'право и возможность влиять на социальное, имущественное и др. положение кого-л.' (ср.: [Балашова 2010: 9—10]). Например: *Власть имущие* (книжн.) 'о тех, кто стоит у власти'; *Царь и бог* (высок.) 'человек, имеющий возможность распоряжаться людскими судьбами по своему усмотрению, пользующийся неограниченной властью'.

Весьма примечательно, что абсолютное большинство исследуемых идиом, согласно лексикографическим пометам, дискурсивно ограничено книжными стилями речи (ср.: *Сильные мира сего* (книжн., ирон.) 'самые влиятельные люди, занимающие высокое общественное положение'; *Стоять (находиться) у кормила [власти]* (книжн., журн.)

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по заданию № 2014/203, код проекта 1549.

© Балашова Л. В., 2016

‘находиться у власти, возглавлять что-л.’), причем в состав ФЕ регулярно включаются устаревшие лексемы, славянизмы (ср.: *кормило*, *сей*, *бразды*, *предержащие* и др.). Книжным (устаревшим) может являться порядок слов в идиомах, а именно: постпозиция согласованного определения в именных ФЕ (ср.: *Власть имущие* (книжн.); *Власти предержащие* (книжн.); *Помазанник Божий* (высок.)).

Концептуально значимым является также то, что идиомы, связанные своим происхождением с народной традиционной культурой, представлены единичными примерами (ср.: *Царь-батюшка* (народн.); *Что хочю, то и ворочу* (прост.); *Наложить лапу (на что-л.)* (прост.)). Основная же масса идиом этимологически связана с библейским текстом, религиозным дискурсом в целом (ср.: *Сильные мира сего*; *Власти предержащие*; *Помазанник Божий*; *Гог и Магог*), а также с литературными источниками (ср. идиоматизацию прецедентных фраз из произведений А. С. Пушкина — *Тяжела ты, шапка Мономаха* (высок.); Ф. М. Достоевского — *Административный восторг* (книжн.); И. Ильфа и Е. Петрова — *Командовать парадом* (журн.); Джорджа Оруэлла — *Большой (старший) брат* (журн.); фрагмента крылатого выражения из куплетов Мефистофеля из оперы Ш. Гуно «Фауст» — *Править бал* (книжн.)). К данной группе примыкают интернационализмы и семантические кальки из европейских языков (ср.: *Серый кардинал* (книжн.); *Кнут и пряник*; *Политика / метод кнута и пряника*; *Кнутом и пряником* (книжн.)).

Более современные по формированию идиомы (XX в.), как правило, связаны происхождением с политической публицистикой (ср.: *Заказывать музыку* (журн.); *Слуги народа* (журн.)), а также с разговорной речью, сленгом советского периода (ср.: *Телефонное право* (разг., ирон.) ‘возможность влиятельных лиц получать что-либо в обход общепринятых правил и законов — по знакомству, через сеть «старых друзей», «по звонку» (с 70-х гг. XX в.); *Софья Власьева*; *Стеланида Властьевна* (совет.; эвфем.) ‘о советской власти’).

Тем самым можно констатировать, что семантическая группа идиом «Власть» этимологически ориентирована по преимуществу не на традиционную народную, а на книжную культуру, связанную с религиозными, литературными, иноязычными источниками, а также на публицистику и разговорную речь советского периода.

Не менее концептуально значимым представляется тот факт, что, несмотря на разнообразие источников исследуемых ФЕ,

их формирование базируется на нескольких концептуальных моделях метафорического и/или метонимического типов.

В частности, устойчивой (в рамках нашего объекта исследования) является **пространственная** модель (отчасти совмещенная с моделью **обладания**): право и возможность распоряжаться судьбами кого-либо ассоциируется с определенными пространственными характеристиками субъекта и объекта власти. Данная модель реализуется в нескольких вариантах.

Во-первых, власть осмысляется как возможность субъекта держать в руках, удерживать рядом с собой объект (ср.: *Власти предержащие*; *Власть имущие*). Если во внутренней форме ФЕ есть указание на немотивированное изменение положение объекта, то в семантике идиомы актуализируются экспрессивные компоненты, негативно оценивающие мотивацию действий субъекта власти и его отношение к объекту власти: ‘неограниченная власть’, ‘произвол’; ‘унижение объекта’, ‘отсутствие учета интересов объекта’ (ср.: *Что хочю, то и ворочу*). Негативная оценка неправого характера обретения власти и распоряжения чужой собственностью, правами других и т. п. может актуализироваться за счет подключения к данной модели **зооморфного** компонента (ср.: *Наложить лапу на что-л.*): субъект власти в этом случае ассоциируется с хищником, силой овладевающим добычей.

Во-вторых, власть может осмысляться как способность субъекта речи управлять движением какого-либо транспортного средства (объекта власти) — упряжкой, судном. Символом власти становятся артефакты, с помощью которых осуществлялось управление движением: *бразды* ‘конские удила; узда’; *кормило* ‘кормовое весло’; *руль*, тогда как различные манипуляции с данными артефактами уточняют этапы в обретении или утрате власти, а также способы ее обретения/утраты (ср.: *Бразды правления* (книжн., устар.) ‘власть, управление’; *Держать / выпустить... бразды [правления]* (книжн.) ‘обладать властью; утратить власть’; *Находиться (стоять) у кормила (чего-л.)* (журн.); *Стоять у руля (чего-л.)* ‘находиться у власти, возглавлять что-л.’).

Наконец, в третьем варианте пространственной модели лидерская позиция ассоциируется с положением вне общего ряда, совокупности людей, а именно: во главе их (ср.: *Стоять во главе* (нейтр.) ‘занимать основное место где-л.; являться руководителем чего-л.’).

Вторая — **биоморфная** — концептуальная модель формирования ФЕ совмещает

метафорическое и метонимические основания для переосмысления внутренней формы идиом. В данном случае власть ассоциируется с физическим превосходством над другими членами сообщества (ср.: **Сильные миры сего**), а также с наличием у лидеров возможности насильственным и ненасильственным способом влиять на физическое состояние членов сообщества (ср.: **Кнутом и пряником** (книжн.) 'о методе совмещения различных способов воздействия на людей, при котором чтобы убедить, выучить или подчинить их используются вознаграждения (*пряник*) и наказания (*кнут*)'; **Взять / держать палку** 'добиваться подчинения угрозой силой'). Фиксируется также идиома **Административный восторг** (книжн., ирон.) 'упоеание своей властью — о тех, кто наслаждается возможностью проявить свою власть по отношению к другим людям и злоупотребляют этим', в которой иронично характеризуются люди, испытывающие сильные положительные эмоции от возможности использовать властные (*административные*) рычаги для воздействия на других членов общества.

Таким образом, в ФЕ, формируемых по биологической модели, нейтрально характеризуется восприятие субъекта власти как физически сильного, но негативно оценивается использование этой силы для воздействия на других или эмоциональное упоение возможностью такого воздействия на них.

Третья — **социоморфная** — концептуальная модель формирования идиом из семантической группы «Власть» также представлена несколькими вариантами переосмысления внутренней формы ФЕ. Иерархические социальные отношения осмысляются в рамках различных видов конкретных социальных связей, где представитель власти ассоциируется с социально главенствующим членом данного сообщества:

- Старший родственник в семье (ср.: **Большой (старший) брат** (журн.); **Царь-батюшка**₁ (народн.) — в совмещении с монархическим вариантом модели);

- Сакральные силы, представители религиозного культа и т. п. (ср.: **Царь и бог** (высок.) — в совмещении с монархическим вариантом модели; **Серый кардинал** (книжн.); **Помазанник Божий** — 1) (религ.) 'почтительное обращение к царям Израиля'; 2) (перен.) 'льстивый либо предписанный эпитет по отношению к правителю, прошедшему обряд помазания');

- Монарх — при обозначении правителя, субъекта власти немонархического типа (с возможным подключением синекдохи: номинации артефактов — символов власти)

(ср.: **Гог и Магог** (высок.) 'о человеке, наделенном большой властью, о всесильном и жестоком правителе' — в совмещении с завоевательным вариантом (в библейских сказаниях Гог — свирепый царь, а Магог — его царство и народ, отличавшийся дикостью и жесткостью); **Царь и бог**; **Царь-батюшка**₂); **Шапка Мономаха** 'символ царской власти; в переносном употреблении — власти в целом' (по названию головного убора, короны, которой венчались на царство московские цари); **Тяжела ты, шапка Мономаха** 'о тяжести власти, ответственности правителя');

- Завоеватель, победитель в войне, в вооруженном восстании и т. п. (с возможным подключением синекдохи: номинации различных видов вооружения, с помощью которых осуществляется захват власти, обеспечивается победа в войне) (ср.: **Гог и Магог** (высок.); **На штыках**; **Опирается на штыки** — 'о приходе власти / об удержании власти с помощью вооруженных сил, армии'; **Тяжелая артиллерия** (журн.) 'самое надежное, действенное средство в достижении цели, власти и др.');

- Командир, распорядитель в каком-либо мероприятии и т. п. (ср.: **Править бал (балом)** (книжн., ирон.) 'о том, кто управляет, распоряжается чем-л.'; **Командовать парадом** (журн.) 'о человеке, берущем ответственность за решение чего-л., руководство чем-л. на себя'; **Заказывать музыку** (журн.) 'о том, кто контролирует ситуацию, является истинным руководителем чего-л.');

Наконец, в рамках социоморфной модели можно выделить несколько идиом, при мотивации которых немаловажную роль играет оксюморон (включая антонимию). В частности, в ФЕ **Слуги народа** (журн.) 'лицо, которому общество (народ) явно или неявно делегировало те или иные общественные функции, но чаще всего — власть', представитель законодательной власти принципиально позиционирует свою зависимую позицию по отношению к электорату. В идиоме **Телефонное право** (разг., ирон.) 'возможность влиятельных лиц получать что-либо в обход общепринятых правил и законов — по знакомству, через сеть старых друзей, „по звонку“ (с 70-х гг. XX в.) обыгрывается сочетание несовместимых понятий «право» и «телефонный звонок», чем подчеркивается неправовой характер такого метода управления чем-либо. Наконец, в фонетических метафорах (от аббревиатуры СВ) советского периода **Софья Власьева**; **Степанида Властьевна** 'о советской власти' обыгрывается концептуальная несовместимость представления о бюрократической машине власти недемократического типа со знакомой жен-

щиной, которую называют по имени-отчеству, что подчеркивает, с одной стороны, неформальный характер взаимоотношений с ней (не указывается фамилия), а с другой — относительно неблизкий характер таких взаимоотношений (использование отчества).

Внутренняя форма и базовые модели мотивации обуславливают конкретную семантику и прагматику исследуемых идиом. Концептуально значимым представляется степень востребованности ФЕ с отражением разных участников и аспектов ситуации ВЛАСТЬ в целом.

Так, примерно треть идиом дает экспрессивную, но оценочно нейтральную обобщенную характеристику самой власти, ее представителей (органов управления, лидеров, правителей), процесса управления (ср.: *Бразды правления*; *Власть имущие*; *Власти предержажие*; *Сильные мира сего*; *Держать бразды [правления]*; *Править бал*; *[Стоять...] во главе*; *Находиться... у кормила (власти)*; *Стоять у руля*).

В ряде ФЕ нейтрально или оценочно конкретизируется тип управления или различные ветви властных структур:

- монархическое государство / его правитель — *Помазанник Божий* (высок.) — 1) (религ.) 'почтительное обращение к царям Израиля'; 2) (перен.) 'льстивый либо предписанный эпитет по отношению к правителю, прошедшему обряд помазания'; *Царь-батюшка₁* (народн.) 'о монархе';

- тоталитарное государство / органы его управления; исторический вид такого государства — *Большой (старший) брат* (журн.) 'государство или другая подобная организация, стремящаяся установить тотальную слежку или контроль над народом'; *Софья Власьевна*; *Степанида Властьевна* 'советская власть';

- представитель законодательной власти (ср.: *Слуги народа* 'о представителях выборной (обычно законодательной) власти').

Кроме того, регулярно в семантике идиом актуализируется компонент, указывающий на неправовой характер обретения, поддержания власти, а также ее проявления (ср.: *На штыках* 'о достижении / поддержании власти с помощью армии'; *Наложить лапу* (прост., презр.) 'полностью подчинить себе'; *Заказывать музыку* (журн.) 'являться истинным хозяином, распорядителем'; *Серый кардинал* (книжн.) 'о том, кто обладает большой властью, но не занимает соответствующего высокого положения и остается в тени (оборот связан с именем монаха отца Жозефа, доверенного лица кардинала Ришелье)'; *Телефонное право* (разг., ирон.) 'возможность влиятельных лиц получать

что-либо в обход общепринятых правил и законов — по знакомству').

Помимо этого в исследуемых ФЕ может выражаться отношение к правителю и методам его правления, как правило, в сочетании с указанием на представителя абсолютной власти: от почтительного, восторженного и т. п. признания его авторитета, превосходства до иронического, презрительного, негодующего (ср.: *Царь-батюшка₂* (ирон.) 'о правителе, управленце, обладающем неограниченной и обычно неконтролируемой властью'; *Царь и бог* (высок.) 'человек, имеющий возможность распоряжаться людскими судьбами по своему усмотрению, пользующийся неограниченной властью'; ; *Что хочешь, то и ворочу* (прост.) 'о поведении правителя, управленца-самодура'; 'о человеке, наделенном большой властью, о всемогущем и жестоким правителе'; *Административный восторг* (книжн., ирон.) 'упоение своей властью'). Примечательно, что оценка власти самим правителем содержится только в одной идиоме: *Тяжела ты, шапка Мономаха* 'о тяжести власти, ответственности правителя').

Таким образом, «власть» как базовый политический феномен получает в русской идиоматике отражение через систему ФЕ, в которых на первый план выходит характеристика и экспрессивная оценка степени концентрации власти в одних руках, а также правомочности самой власти и ее представителей, соотношения методов, используемых в управлении, с понятиями справедливости, ответственности и милосердия.

По мнению многих исследователей, современный политический дискурс (в широкой его интерпретации), особенно тот его вариант, что репрезентируется с помощью СМИ, отличает стремление к демократизации, к активному использованию разговорных элементов и т. п. (ср.: [Петрова, Рацбургская 2011: 3—8]). Однако анализ употребления идиом из семантической группы «Власть» в современном политическом дискурсе (по материалам Национального корпуса русского языка XXI в.) показывает, что, несмотря на то, что большинство исследуемых ФЕ дискурсивно ограничены, все они достаточно активно используются в газетных текстах общественно-политической направленности, причем это относится как к книжным и/или устаревшим, так и к разговорным, сленговым идиомам (ср.: *Сильные мира сего* — 171 употребление; *Власти предержажие* — 131 употребление; *Власть имущие* — 125 употреблений; *Править бал* — 122; *Стоять у руля* — 98; *Слуги народа* — 121; *Серый кардинал* — 76; *Бразды правления* — 59; *Гог и Магог* — 53; *Телефонное право* —

34; *Царь-батюшка* — 21; *Находиться... у кормила власти* — 18; *Административный восторг* — 9; *Софья Власьевна* — 7; *Тяжела ты, шапка Мономаха* — 7; *Что хочешь, то и ворочу* — 5).

Большинство идиом употребляются в современном российском политическом дискурсе в своих языковых значениях с сохранением также своей прагматической зоны (книжные, разговорные, нейтральные, экспрессивно-оценочные и т. п.).

Например: *Посмотришь, с каким рвением на выборах стремятся претенденты к „кормилу“ власти* [Пожаробезопасность — в ранг экономической политики 2003]; *Стране нужны управленцы широкого профиля, всесторонне образованные специалисты, которые в недалеком будущем встанут у руля отечественной экономики* [Семенова 2002]; *А для этого необходимо было добиться раскола в высшем армейском руководстве, с помощью кнута и пряника превратив часть офицеров и генералов в американских агентов влияния* [Терентьев, Перинчек 2010]; *Этот факт признают все заинтересованные лица, кроме чиновников от образования, преисполненных административного восторга и бодро рапортующих о небывалых успехах своих новаций* [Аринштейн 2009]; *Верховная рада, в которой правят бал популисты, мгновенно возносит на пьедестал и так же стремительно свергает любые авторитеты* [Шеремет 2015]; *В качестве тяжелой артиллерии задействованы администрация президента Путина и правительство* [Пылаев 2003]; *Разница в том, что русская государственность устояла, и напор новой идеологии капитала, несомый на штыках, мы отразили в централизованном порядке* [Креленко 2003].

Фиксируются в XXI в. и историзмы, но только в той же функции (эвфемистической), в которой они функционировали в разговорной речи и сленге XX в., а именно: при обозначении негативного отношения к власти в СССР. Например: *Самое ужасное, что в тогдашнем обществе одинаково подло действовали и советская власть, и те, кто, называя ее „Софьей Власьевной“, тихо презирая ее с кукишем в кармане, тем не менее, пользовался ее же методами, в частности, замалчиванием, захлопыванием, нерукоподаванием, неупоминанием и прочими насколько дешевыми по сути, настолько же страшными „по жизни“ приемами* [Баранов 2003].

Иногда в контексты включаются пояснения: по-видимому, авторы публикаций предполагают, что массовый читатель не знаком

с ФЕ или не знает ее значения. Акцентированию, привлечению внимания к, возможно, не совсем понятным адресату устойчивым выражениям служат также графические выделения, обычно кавычки. Например: *„Самоспасаящаяся“ (в авторском обозначении этого процесса) имперско-патерналистская система, по мнению В. Булдакова, достаточно проста в сумбурном использовании репрессивных и поощрительных методов („кнут и пряник“); поэтому приписывать ей какую бы то ни было оптимальность в этих способах властвования было бы занятием излишним.* [Филиппова 2010]; *Тогда публикация итогов голосования явно опоздает за введением нового закона, и „править бал“ будут персоны, которые 1 марта окажутся на главном городском посту* [Рыбкина 2003].

При использовании части ФЕ в их языковом значении обнаруживаются определенные предпочтения в выборе современных политических ситуаций. Так, экспрессивные ФЕ, именующие неправовой, агрессивный характер обретения власти и ее осуществления, обычно употребляются при описании действий коррумпированной российской экономически-политической элиты регионального или министерского уровня, мафиозных структур, а также внешнеполитических шагов стран НАТО (прежде всего США). Например: *Сначала на пивзавод пытался „наложить лапу“ вице-губернатор И. Ялышев* [Толстых 2003]; *В ближайшее время наш „союзник по антитеррористической коалиции“ собирается захватить Ирак и наложить лапу на иракскую нефть* [Крылов 2003]. Представители оппозиции идиомы с такой семантикой используют подобным образом по отношению к центральной власти (ср.: *И хотя Кремль скоро вернулся к политике умиротворения, правозащитные организации единодушно выступили в том духе, что такой ускоренный референдум, проведенный на штыках, будет профанацией и только усугубит положение дел* [Волеизвержение 2003]).

Идиома *Серый кардинал* при описании советского прошлого именуется почти исключительно члена Политбюро ЦК КПСС М. А. Суслова (ср.: *Василий Гроссман по памяти записал беседу с Михаилом Сусловым, в которой „серый кардинал“ журил писателя за то, что тот льет воду на известную чью мельницу* [Рахаева 2002]). При характеристике современной ситуации в России ФЕ обычно указывает на столпов бизнеса, лоббирующих свои интересы во власти, а также официальных и неофициальных политических советников, чиновни-

ков второго плана, имеющих особые отношения с представителями власти в центре и на местах (ср.: *Для человека с репутацией серого кардинала российской политики* [Владислава Суркова] это, безусловно, ссылка, пусть и почетная [Веселов 2012]; *Не прошло и месяца, как „по собственному желанию“ ушел замминистра Александр Смирный, считавшийся при Нургалиеве серым кардиналом и подлинным разработчиком реформы правоохранительных органов* [2012: год фиктивных перемен 2012].

Ряд идиом подвергаются своеобразной терминологизации с сохранением языковой экспрессивной оценочности или обретением таковой при терминологизации. Так, в советском политическом дискурсе ФЕ *Старший брат* регулярно использовалась при обозначении положения России в кругу советских республик. В XXI в. данный фразеологизм также именуется Россией уже в новой реальности, но с ироническим намеком на тот же тип отношения — политическое, экономическое, идеологическое влияние и т. п. Например: *Проблема лишь в том, что, не контролируя выделяемые Южной Осетии финансовые потоки и одновременно поддерживая там непопулярных и вороватых бюрократов, Россия стремительно теряет позиции даже в этой сверхлояльной „старшему брату“ стране* [Великовский 2011]. Вариативная идиома *Большой брат* обычно употребляется при экспрессивной номинации тех режимов, которые автор считает тоталитарными. Например: *Вы ведь хотите лишитъ человечество права на выбор между добром и злом, навязать нам очередного **Большого Брата*** [Тринадцать лиц будущего 2009].

Не менее показательным в концептуальном аспекте представляется употребление в современном политическом дискурсе идиом, экспрессивно, но оценочно нейтрально именующих власть в целом, властные структуры и их представителей (лидеров, правителей и т. п.).

Большинство из них используются в иронических и негативных контекстах. В частности, это может быть связано с недоверием к власти, с отрицательной оценкой конкретных ее действий, а также с сомнением, что данные усилия направлены на пользу всего общества, а не на укрепление элитой собственной позиции в обществе и ее личного благополучия. Большую роль играет также восприятие власти как органа, который способен решительным образом повлиять на благополучие отдельного индивида, отдельной экономической (политической, социальной) силы, а также социума в целом

и которому этот индивид, сила, социум в целом не могут противостоять как равные. Например:

• **Власть имущие:** *А значит, власть имущим приходится сдерживаться, действовать втайне, чужими руками, скрываться, юлить, оправдываться... и, в конечном счете — умерять свои аппетиты* [Холмогорова 2015]; *Если власть имущим твоя земля показалась сладкой, они ее заберут, можешь в этом не сомневаться* [Сычев, Звягинцев 2014];

• **Власти предрержащие; Власть предрержащая:** *Простой вопрос: может ли преодолеться бедность при таких стараниях властей предрержащих?* [Варецкий 2003]; *Дело ставить превыше всего и очень важно — не бояться говорить жесткие вещи власти предрержащим* [Левандовский 2013]; *А тенденция к вымиранию населения, на которую власти предрержащие обращают гораздо меньшее внимание, чем на экономические или спортивные успехи, связана с отсутствием не только социальной, но и физической его защищенности, поскольку с начала 1990-х годов борьба с преступностью в нашей стране ведется в соответствии с формулой М. Жванецкого: „Это — не борьба, и это — не результат“* [Юревич 2009]; *А если бесмертие станет доступным только для богатых и властей предрержащих, простые смертные не захотят смириться со своей участью* [Юрьев 2007];

• **Сильные мира сего:** *Весь синклит сильных мира сего, представленный в РСПП, ума не приложит, что поделатъ [Попов 2003]; Большую роль в магическом маркетинге играет реклама: те частицы пояса Богородицы, которые много лет находятся в московских храмах, никого не интересуют, поскольку им не поклоняются сильных мира сего, вокруг нет ни рекламной кампании, ни, как следствие, ажиотажа* [Волкова 2013]; *Мы не позволяем „сильным мира сего“ относиться к себе как к рабам или домашней скотине* [Холмогорова 2015].

Наиболее регулярно отрицательная и/или ироническая оценка присуща контекстам, включающим во внутреннюю форму ФЕ номинацию сакральных сил, монархов (*Царь-батюшка; Царь и бог*), если такие идиомы называют современных российских политиков, представителей администрации регионального и всероссийского масштаба. Субъекты речи обычно подчеркивают превышение полномочий, тенденцию к тоталитаризму и/или раздутое самомнение чиновника о своей значимости. Например: *Он же, в нарушение законодательства, председа-*

тель совета директоров, он же — **царь и бог** [Данилюк 2004]; Архивист МВД так с нами разговаривал, будто он — **царь и бог**, а мы — так, просители... [Владимирова 2005]; Раньше практика неуставных взаимоотношений между солдатами и офицерами тоже присутствовала, однако солдаты не обращались в правоохранительные органы — офицер был для них **царь и бог** [Виньков, Демченко 2003]; *Надысь губернатор Омской области Леонид Полежаев решил сыграть роль **царя-батюшки**, отрезанного своими коварными и хитрыми холопами от всяческой информации* [Омский мусорный абзац 2003].

Но даже в тех контекстах, где нет негативной оценки, властные органы и остальное население России воспринимаются как две диаметрально противоположные силы (ср.: *В результате между **власть имущими** и населением возник некий консенсус, который, по оценкам Гэвенты, стал не естественным следствием успешной реализации интересов жителей территории и их свободного выбора, а результатом эффективного осуществления элитой своей власти* [Ледяев 2010]; *В нем нет недостойного заискивания перед **сильными мира сего**, не просматривается и преднамеренного очернения „буржеев-кровососов“* [Алексеева 2002]; *Но мораль, которую могут вынести из нее политические элиты других стран, все та же: если хочешь процветания своему народу, сделай так, чтобы в этом были заинтересованы **сильные мира сего**, а дальше останется лишь грамотно распорядиться предоставленными возможностями.* [Соколов-Митрич, Дятликович 2013].

Исключение составляет ФЕ *Стоять во главе*, которая употребляется в контекстах с нейтральной и положительной оценочностью. Возможно, это связано с моделью: лидер пространственно объединен с остальной частью социума — единой группы, которая объединена и движется в одном направлении). Например: *Второй — постараться доходчиво объяснить президенту и его экономическому советнику Илларионову, что даже сейчас, когда у нас такие отличные люди **работают во главе государства**, возможно далеко не всё* [Минаев 2002]; *Во-вторых, в структуре кабинета министров образовано Министерство по делам Северного Кавказа, **во главе которого встал Лев Кузнецов**, досрочно сдавший пост губернатора Красноярского края* [Военно-гражданские перестановки 2014]; *Луценко считает, что пришло время создавать новую партию, одной из движущей сил*

*которой должны стать интеллектуальные интернет-сообщества и объединения среднего класса. При этом у него нет амбиций **встать во главе этой партии**, он готов и „рядом постоять“* [Калныш 2013].

Но в целом использование идиом из семантической группы «Власть» в современном российском политическом дискурсе отличается экспрессия и оценочность, преимущественно негативно-ироническая. Одним из ярких примеров такого прагматического сужения служит употребление фразеологизма *Слуги народа*. Он фиксируется исключительно в контекстах, характеризующих коррумпированных чиновников и представителей выборных органов. Ирония же усиливается за счет актуализации внутренней формы идиомы (лица, призванные служить народу, используют власть в собственных интересах и воспринимают остальное население как «быдло», не заслуживающее уважения). Например: ***Слуги народа** „переплюнули“ мафию. В № 33 за прошлый год „АиФ“ опубликовал материал „Роскошь бюджетных денег“* [Львова 2003]; *На **слуг народа** коллективное негодование впечатления не произвело, большинством голосов они постановили: компенсациям быть* [Коузова 2014]; *Пристальным вниманием следственных органов к **слугам народа** сегодня никого не удивишь* [Повестка дня 2014]; *Тогда **слуги народа** будут думать не о том, как содрать взятку с собственника, а как заставить его исправно платить все положенные налоги* [Анисин 2003].

Возможно усиление оценочной экспрессии (обычно иронической) за счет отнесения идиом из семантической группы «Власть» к лицам, занимающим во властной, профессиональной и другой иерархии далеко не лидирующую позицию. Например: *Посмотрите на людей, нас окружающих. На **административный восторг в глазах вахтера, мнящего себя повелителем стихий; на сторожа, являющегося по классификации всё того же Достоевского „подпольным человеком“**, каждую ночь взрывающего мир* [Бавильский, Манцов 2010]. В ряде случаев изменение привычной отнесенности выглядит не совсем обоснованным. Например, в контексте: *Пока **правит бал эта неразбериха**, профессиональные стратеги вполне в силах проявить в той или иной форме собственное интеллектуальное превосходство* [Черемных 2009] — субъект власти («неразбериха») вряд ли может быть включен в определенную социально-политическую иерархию.

Безусловно, усилению экспрессии служит формальное и семантическое преобра-

зование идиом, в результате которых часто актуализируется внутренняя форма ФЕ, что, в свою очередь, усиливает экспрессивно-оценочную составляющую ФЕ.

В частности, достаточно регулярно фиксируются такие приемы, как контаминация нескольких ФЕ, расширение формального состава, разрушение ФЕ и т. п. Например: *Кто сейчас, оказавшись у кормила власти (или хотя бы приблизившись к нему), почувствовал, что его ресурсы значительно уступают возможностям конкурентов, которые у того же кормила находятся дольше* [Гальперин 2003]; *Соображение, что все наши беды по части моральной и эстетической распущенности от того, что не те люди с началом демократизации прорвались к рулям, рычагам, не те встали у кормила власти, достаточно распространенное* [Богомолов 2002]; *Выполнение или невыполнение задачи повлечет за собой не некий внешний „кнут“ или „пряник“, а чувство либо глубокого внутреннего удовлетворения, либо что-то совсем противоположное* [Шабанов, Алешина 2008]. *Так что теперь, если принятый закон будет одобрен Советом Федерации, гражданам придется либо судиться с захмелевшими от административного восторга законодателями, либо как минимум голосовать против них на предстоящих в декабре выборах в Госдуму* [Катанян 2003]; *У них есть основания, причем даже не так надо бояться Большого брата, как „маленького братца“, busy buddy, какой-нибудь бдительной вахтерши или постового, вообразившего себя American hero* [Дорфман 2003].

Усиление экспрессии может быть связано с использованием устойчивых сочетаний в составе паремий, к которым восходит данная идиома (ср.: *По-прежнему ни „скорая“, ни пожарные, ни наша доблестная милиция не могут пробиться через бесконечные пробки на дорогах города, в том числе и потому, что продолжает торжествовать известный принцип: кто взял палку, тот капрал!* [Поюровский 2010]).

Кардинальное семантическое преобразование и, как результат, разрушение ФЕ, фиксируется только в одном контексте, где обыгрывается фонетическое сходство идиомы *Гог и Магог* с номинацией напитка *го-голь-моголь*, который готовится путем смешивания и взбивания различных ингредиентов. Именно этот признак ('смешивание, отсутствие структурированности') становится основным при употреблении преобразованного фразеологизма, причем такое использование фиксируется не СМИ, а в интернет-

общении (ср.: *Давайте, Ирина, сделайте нам коктейль из геев и нормалов, алкашей и абстинентов, папуасов и мексиканцев, иудеев и сикхов, гоги и магоги* [Форум: Я за гей-парад]).

В целом же, как показывает анализ, в современном российском политическом дискурсе «власть» воспринимается в основном как особая каста, живущая по своим законам, часто непонятным населению. Интересы политической, социальной и экономической элиты могут быть диаметрально противоположны интересам социума. Это относится не только к конкретным чиновникам, властным структурам, но и к обобщенному (планетарному) восприятию элиты общества (ср.: *Но и это фантастика, поскольку власть имущие и без всяких психотронных излучателей весьма просто решают свои задачи — разваливая страны, оккупирывая, бомбардируя и т. п.* [Геворкян 2008]).

Вместе с тем подобное концептуальное представление о власти нельзя абсолютизировать и утверждать, что таковы объективные отношения власти и народа в современном российском обществе, поскольку идиоматика является по преимуществу экспрессивным средством, то есть используется в том случае, когда субъект речи обращает внимание на наиболее острые и, возможно, болезненные стороны социальной жизни России.

ИСТОЧНИКИ

1. 2012: год фиктивных перемен // Русский репортер. 2012.
2. Алексеева Т. «Олигарх» чтит Уголовный кодекс // Финансовая Россия. 2002. 19 сент.
3. Анисин Н. Кабала хапуг (к проблемам нынешних отношений власти и бизнеса в России) // Завтра. 2003. 26 марта.
4. Аринштейн Э. Торжество абсурда // Однако. 2009.
5. Бавильский Д., Манцов И. У каждого ума свой телескоп // Частный корреспондент. 2010.
6. Баранов В. Малый народ как малый параметр // Лебедь : интернет-альманах. 2003. 16 нояб.
7. Богомолов Ю. Не виноваты мы // Известия. 2002. 16 авг.
8. Варецкий Б. Стыдные уроки барства. Власть и бедность // Советская Россия. 2003. 21 авг.
9. Великовский Д. «Единство» в опасности // Русский репортер. 2011. № 45 (223), 17 нояб.
10. Веселов А. Карьерные горки // Русский репортер. 2012.
11. Виньков В., Демченко В. Избитая тема // Известия. 2003. 14 янв.
12. Владимирова А. Учителя // Знание — сила. 2005.
13. Военно-гражданские перестановки // Эксперт. 2014.
14. Волеизвержение // Еженедельный журнал. 2003. 17 марта.
15. Волкова Е. Магия порядка // Эксперт. 2013.
16. Гальперин И. Власть «делом» занимается // Совершенно секретно. 2003. 9 авг.
17. Геворкян Э. С кем контактируем? // Наука и религия. 2008.
18. Данилюк С. Рублевая зона. 2004.
19. Дорфман М. Об Израиле, войне в Ираке, Сталине и кое-чем другом... // Лебедь : интернет-альманах. 2003. 30 июня.
20. Калныш В. Министр в отсидке // Огонек. 2013.
21. Катанян К. Освещать избирательную кампанию становится небезопасно. За нарушения, допущенные в период предвыборной агитации, средство массовой информации может быть временно закрыто // Время МН. 2003.
22. Коузова А. Арестованный выбор // Огонек. 2014.

23. Креленко Д. Испания — Россия: тайное тяготение // Бюгетей (Саратов). 2003. 10 февр.
24. Крылов К. Национальная безопасность // Спецназ России. 2003. 15 янв.
25. Левандовский А. Безупречный министр // Знание — сила. 2013.
26. Ледаев В. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. 2010.
27. Львова М. Слуги народа переплюнули мафию // Аргументы и факты. 2003. 22 янв.
28. Минаев С. Есть ли у вас план, мистер Греф? // Вечерняя Москва. 2002. 11 апр.
29. Омский мусорный абзац // Криминальная хроника. 2003. 10 июня.
30. Повестка дня // Эксперт. 2014.
31. Пожаробезопасность — в ранг экономической политики // Строительство. 2003. 26 мая.
32. Попов В. Страсти по «черному золоту» // Завтра. 2003. 13 авг.
33. Поуровский Б. Кому живется вольвотно... // Вечерняя Москва. 2000.
34. Пылаев И. Война срывает посевную // Ежедневный журнал. 2003. 8 апр.
35. Рахаева Ю. Как Любимов водку на боржоми заменил. Советская цензура в борьбе за нравственность // Известия. 2002. 26 мая.
36. Рыбкина М. Власть — поближе, деньги — подальше? // Новороссийский рабочий. 2003. 18 февр.
37. Семенова А. Власть, дай порулить // Вечерняя Москва. 2002. 11 апр.
38. Соколов-Митрич Д., Дятликович В. Чудо корейское // Русский репортер. 2013.
39. Сычев С., Звягинцев А. Русское терпение переплавилось в покорность // Огонек. 2014.
40. Терентьев А., Перинчек Д. США надеются уничтожить наследие Атаюрка // Однако. 2010.
41. Толстых Е. Пивка для рыбка // Совершенно секретно. 2003. 1 сент.
42. Тринадцать лиц будущего // Русский репортер. 2009. № 1—2 (080—081), 22—29 янв.
43. Филиппова Т. Логика иррациональности, или Стоит ли бежать от самих себя? // Родина. 2010.
44. Холмогорова Н. Л. Переименование «Войковской»: 12 аргументов против // Православие и мир. 2015. 11 мая. URL: <http://www.pravmir.ru/12-argumentov-protivnikov-pereimеноvaniya-voikovskoy/>.
45. Черемных К. Путаница благих намерений // Однако. 2009.
46. Шабанов С., Алешина А. Коучинг как стиль управления // Соач. 2008.
47. Шеремет П. Дождит до транша // Огонек. 2015.

L. V. Balashova
Saratov, Russia

IDIOMS WITH THE MEANING “POWER” IN CONTEMPORARY RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

ABSTRACT. *In the article the idioms of the semantic group “Power” are studied in the discursive, semantic, motivational, and conceptual aspects. The role of these phraseological units in the representation of a language picture of the world has been stated. In particular, the discursive limitations of most of the analyzed idioms has been stated, and their orientation not to the traditional folk culture, but to the book culture, associated with religious, literary, foreign-language sources, as well as journalism and oral speech communication of the Soviet period was revealed. It is emphasized that the formation of the idioms is based on several conceptual models of metaphorical and/or metonymic types (spatial, biomorphic, sociomorphic). It is established that the inner form and the basic models of motivation, in turn, determine the specific semantics and pragmatics of the studied phraseological units, which mainly provide a generalized description of the power structures and their leaders, and give detailed description of the legal side of gaining and maintaining power, and methods of government. It is proved that in modern Russian political discourse idioms of the “Power” group are usually used in their language meaning. However, it is found that when using a number of phraseological units there are some preferences in the selection of the current political situation. It proved that one of characteristics of political discourse is some terminologization of language idioms. The main feature in the pragmatic aspect of the use of the idioms is the predominance of negative and/or ironic valuation of the power structures and their leaders, and this characteristic is also inherent to the phraseological units which did not have such features in the language. Conceptual analysis of the use of the idioms shows that “power” is mainly perceived as a special caste, living by their own laws and largely opposed to the rest of the society.*

KEYWORDS: *idiomatics; semantics; motivation; conceptualization; power; political discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Balashova Lyubov Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, Saratov National Research State University n.a. N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.*

48. Юревич А. В. Динамика психологического состояния современного российского общества // Родина. 2009.
49. Юрьев З. Смертельное бессмертие // Наука и жизнь. 2007.
50. Я за гей-парад : коллективный форум. 2011.

ЛИТЕРАТУРА

51. Академический словарь русской фразеологии = АСРФ / А. Н. Баранов, М. М. Вознесенская, Д. О. Добровольский, К. Р. Киселева, А. Д. Козеренко. 2-е изд., испр. и доп. — М. : ЛЕКСРУС, 2015. 1168 с.
52. Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики. — М. Элпис, 2008. 472 с.
53. Балашова Л. В. Концептуализация власти в социоморфной литературной и сленговой метафоре (сопоставительный аспект) // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 2 (32). С. 9—15.
54. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. — М. : Языки славянской культуры, 2014. 496 с.
55. Большой фразеологический словарь русского языка = БФСРЯ / отв. ред. В. Н. Телия. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 784 с.
56. Маслова В. А. Homo linguus in культуре. — М. : Гнозис, 2007. 320 с.
57. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики = СТСРИ / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. — М. : Мир энциклопедий «Аванта+», 2007. 1135 с.
58. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. — М. : Глобал Ком, 2013. 338 с.
59. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. — М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 19—31.
60. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
61. Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: лингвостранноведческий словарь. — М. : Русский язык, 1990. 220 с.
62. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства языковой агрессии. — М. : Флинта, 2011. 160 с.
63. Фразеологический словарь русского языка = ФСРЯ / под ред. А. И. Молоткова. 5-е изд., стереотип. — М. : Русский язык, 1994. 543 с.
64. Шкатова В. В. Фразеологическая картина мира как объект лингвистического изучения // Вестн. Петербург. гос. ун-та. 2012. № 1, т. 7. С. 207—215.
65. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006. 44 с.

REFERENCES

1. 2012: god fiktivnykh peremen // *Russkiy reporter*. 2012.
2. Alekseeva T. «Oligarkh» chtit Ugolovnyy kodeks // *Finansovaya Rossiya*. 2002. 19 sent.
3. Anisin N. Kabala khapug (k problemam nyneshnikh otnosheniy vlasti i biznesa v Rossii) // *Zavtra*. 2003. 26 marta.
4. Arinshteyn E. Torzhestvo absurda // *Odnako*. 2009.
5. Bavit'skiy D., Mantsov I. U kazhdogo uma svoy teleskop // *Chastnyy korrespondent*. 2010.
6. Baranov V. Malyy narod kak malyy parametr // *Lebed' : internet-al'manakh*. 2003. 16 noyab.
7. Bogomolov Yu. Ne vinovaty my // *Izvestiya*. 2002. 16 avg.
8. Varet'skiy B. Stydnye uroki barstva. Vlast' i bednost' // *Sovetskaya Rossiya*. 2003. 21 avg.
9. Velikovskiy D. «Edinstvo» v opasnosti // *Russkiy reporter*. 2011. № 45 (223), 17 noyab.
10. Veselov A. Kar'ernye gorki // *Russkiy reporter*. 2012.
11. Vin'kov V., Demchenko V. Izbitaya tema // *Izvestiya*. 2003. 14 yanv.
12. Vladimirova A. Uchitel'ya // *Znanie — sila*. 2005.
13. Voenno-grazhdanskije perestanki // *Ekspert*. 2014.
14. Voleizverzhenie // *Ezhenedel'nyy zhurnal*. 2003. 17 marta.
15. Volkova E. Magiya poryadka // *Ekspert*. 2013.
16. Gal'perin I. Vlast' «delom» zanimaetsya // *Sovershenno sekretno*. 2003. 9 avg.
17. Gevorkyan E. S kem kontaktiruem? // *Nauka i religiya*. 2008.
18. Danilyuk S. Rublevaya zona. 2004.
19. Dorfman M. Ob Izraile, voyne v Irake, Staline i koe-chem drugom... // *Lebed' : internet-al'manakh*. 2003. 30 iyunya.
20. Kalnysh V. Ministr v otsidke // *Ogonek*. 2013.
21. Katanyan K. Osveshchat' izbiratel'nuyu kompaniyu stanovitsya nebezopasno. Za narusheniya, dopushchennyye v period predvybornoy agitatsii, sredstvo massovoy informatsii mozhet byt' vremenno zakryto // *Vremya MN*. 2003.
22. Kouzova A. Arestovannyiy vybor // *Ogonek*. 2014.
23. Krenko D. Ispaniya — Rossiya: taynoe tyagotenie // *Bogatey (Saratov)*. 2003. 10 fevr.
24. Krylov K. Natsional'naya bezopasnost' // *Spetsnaz Rossii*. 2003. 15 yanv.
25. Levandovskiy A. Bezuprechnyy ministr // *Znanie — sila*. 2013.
26. Ledyayev V. Izuchenie vlasti v gorodskikh soobshchestvakh: osnovnyye etapy i modeli issledovaniya // *Neprikosnovennyy zapas*. 2010.
27. L'vova M. Slugi naroda pereplyunuli mafiyu // *Argumenty i fakty*. 2003. 22 yanv.
28. Minaev S. Est' li u vas plan, mister Gref? // *Vechernyaya Moskva*. 2002. 11 apr.
29. Omskiy musornyiy abzats // *Kriminal'naya khronika*. 2003. 10 iyunya.
30. Povestka dnya // *Ekspert*. 2014.
31. Pozharobezopasnost' — v rang ekonomicheskoy politiki // *Stroitel'stvo*. 2003. 26 maya.
32. Popov V. Strasti po «chernomu zolotu» // *Zavtra*. 2003. 13 avg.
33. Poyurovskiy B. Komu zhivetsya vol'votno... // *Vechernyaya Moskva*. 2000.
34. Pylaev I. Voyna sryvaet posevnyuyu // *Ezhenedel'nyy zhurnal*. 2003. 8 apr.
35. Rakhaeva Yu. Kak Lyubimov vodku na borzhomi zamenil. Sovetskaya tsenzura v bor'be za nravstvennost' // *Izvestiya*. 2002. 26 maya.
36. Rybkina M. Vlast' — poblizhe, den'gi — podal'she? // *Novorossiyskiy rabochiy*. 2003. 18 fevr.
37. Semenova A. Vlast', day porulit' // *Vechernyaya Moskva*. 2002. 11 apr.
38. Sokolov-Mitrich D., Dyatlikovich V. Chudo koreyskoe // *Russkiy reporter*. 2013.
39. Sychev S., Zvyagintsev A. Russkoe terpenie pereplavilos' v pokornost' // *Ogonek*. 2014.
40. Terent'ev A., Perinchev D. SShA nadeyutsya unichtozhit' nasledie Ataturka // *Odnako*. 2010.
41. Tolstykh E. Pivka dlya ryvka // *Sovershenno sekretno*. 2003. 1 sent.
42. Trinadtsat' lits budushchego // *Russkiy reporter*. 2009. № 1—2 (080—081), 22—29 yanv.
43. Filippova T. Logika irratsional'nosti, ili Stoit li begat' ot samikh sebya? // *Rodina*. 2010.
44. Kholmogorova N. L. Pereimenovanie «Voykovskoy»: 12 argumentov protiv // *Pravoslavie i mir*. 2015. 11 maya. URL: <http://www.ppravmir.ru/12-argumentov-protivnikov-pereimenovan-ya-voykovskoy/>.
45. Cheremnykh K. Putanitsa blagikh namereniy // *Odnako*. 2009.
46. Shabanov S., Aleshina A. Kouching kak stil' upravleniya // *Coach*. 2008.
47. Sheremet P. Dozhit' do transha // *Ogonek*. 2015.
48. Yurevich A. V. Dinamika psikhologicheskogo sostoyaniya sovremennogo rossiyskogo obshchestva // *Rodina*. 2009.
49. Yur'ev Z. Smertel'noe bessmertie // *Nauka i zhizn'*. 2007.
50. Ya za gey-parad : kollektivnyy forum. 2011.
51. Akademicheskii slovar' russkoy frazeologii / Baranov A. N., Voznesenskaya M. M., Dobrovol'skiy D. O., Kiseleva K. R., Kozerenko A. D. — 2-e izd., ispr. i dop. — M. : LEKSRUS, 2015. — 1168 s. (ASRF 2015)
52. Alefirenko N. F., Zolotykh L. G. Frazeologicheskii slovar': Kul'turno-poznavatel'noe prostranstvo russkoy idiomatiki. — M. : Izd-vo «Elpis», 2008. — 472 s.
53. Balashova L. V. Kontseptualizatsiya vlasti v sotsiomorfnoy literaturnoy i slengovoy metafere (sopostavitel'nyy aspekt) // *Politicheskaya lingvistika*. — Ekaterinburg, 2010. Vyp. 2 (32). S. 9—15.
54. Balashova L. V. Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. — 496 s.
55. Bol'shoy frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka / Otv. red. V. N. Teliya. — M. : AST-PRESS KNIGA, 2009. — 784 s. (BFSRYa 2009).
56. Maslova V. A. Homo lingudlis v kul'ture. — M. : Gnozis, 2007. — 320 s.
57. Slovar'-tezaurus sovremennoy russkoy idiomatiki / Pod red. A. N. Baranova, D. O. Dobrovol'skogo. — M. : Mir entsiklopediy. Avanta+, 2007. — 1135 s. (STSRI 2007)
58. Dement'ev V. V. Kommunikativnyye tsennosti russkoy kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike. — M. : Global Kom, 2013. — 338 s.
59. Teliya V. N. Kul'turno-yazykovaya kompetentsiya: ee vysokaya veroyatnost' i glubokaya sokrovennost' v edinitsakh frazeologicheskogo sostava yazyka // *Kul'turnye sloi vo frazeologizmakh i diskursivnykh praktikakh*. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. S. 19—31.
60. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1996. — 288 s.
61. Felitsyna V. P., Mokienco V. M. Russkie frazeologizmy: Lingvostrannovedcheskiy slovar'. — M. : Russkiy yazyk, 1990. — 220 s.
62. Petrova N. E., Ratsiburskaya L. V. Yazyk sovremennykh SMI: Sredstva yazykovoy agressii. — M. : Flinta, 2011. — 160 s.
63. Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka / Pod red. A. I. Molotkova. — 5-e izd., stereotip. — M. : Russkiy yazyk, 1994. — 543 s. (FSRYa 1994)
64. Shkatova V. V. Frazeologicheskaya kartina mira kak ob'ekt lingvisticheskogo izucheniya // *Vestnik Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. № 1. T. 7. S. 207-215.
65. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. — M. : Flinta, Nauka, 2006. — 44 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.

А. Д. Васильев
Красноярск, Россия

ФРАЗЕОЛОГИЗМ *ХОЛОДНАЯ ВОЙНА* В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ

АННОТАЦИЯ. Современная политическая риторика рассматривается как пример вербальной магии, существующей в двух ипостасях — эфемизации и табуирования. Оба эти феномена тесно взаимосвязаны и основываются одновременно и на свойствах слова как единицы языка, и на глубокой вере в его могущество, способность трансформировать как внутреннюю, психическую сущность человека, так и окружающую его реальную действительность. Соответствующие представления, воплощенные в фольклоре, проявляются в уверенности многих политических деятелей в том, что для радикальной трансформации любой реалии достаточно лишь переименовать ее. Те же самые постулаты вербальной магии предписывают табуирование некоторых лексико-фразеологических единиц: отсутствие их упоминания будто бы исключает саму возможность существования опасности, неприятностей. Вербально-магические манипулятивные приемы рассматриваются на примере устойчивого словосочетания сферы международных отношений «холодная война». Анализируются изменения дефиниции выражения «холодная война» в постсоветской лексикографии: из определения исключается упоминание об антисоветской (антисоциалистической) специфике феномена; не сообщается, кто был инициатором разнообразных акций в рамках этого периода; пометы относят это словосочетание к разряду историзмов, а само обозначаемое им явление описывается как ушедшее в прошлое вместе с другими реалиями советской эпохи. На примере выступлений российских и западных политиков демонстрируется аналогичное отнесение феномена «холодной войны» к прошлому и опасение употребить соответствующее слово-детонатор применительно к актуальной международной ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; вербальная магия; «холодная война».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Васильев Александр Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск); 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89; e-mail: vasileva@kspu.ru.

То, что не названо, — не существует.
К сожалению, всё было названо.
В. В. Набоков

Хорошо известно, что вербальная магия обычно воплощается в двух ипостасях: табуировании и эфемизации. Оба эти феномена взаимно связаны и основываются одновременно и на свойствах слова как единицы языка, и на глубокой (по большей части оправданной) извечной вере в его могущество, способность трансформировать как внутреннюю, психическую сущность человека, так и окружающую его реальную действительность, обладающую физически вполне измеримыми параметрами, ср. пословицы: «язык горами движет» — «язык царствами ворочает» [Даль 1984, 1: 317]. Во многих мифах и легендах упоминается об изначальной ключевой роли Слова в сотворении мира, например: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет <...>. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды <...>. И стало так <...>. И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так <...>. И сказал Бог: да произрастит земля зелень <...>. И стало так» — и т. д. [Быт. 1: 3—11]. — «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё чрез него начало быть <...>» [Ин. 1: 1—4]. И во многих других космогонических мифах творение всего сущего происходит отнюдь не из «ничего», но путем словесного называния предметов, поскольку оно есть некая духовная эманация божества [Топоров 1988: 8].

И в фольклоре совершение чудес зачастую также происходит как результат некоего высказывания, вроде «по щучьему велению, по моему хотению».

Несомненно, интересно, что «неслучайно слав. *věkъ (чеш. věc, рус. — цслав. вещь этимологизируется как и.-е. *ǵektos/ *uktos 'сказанное, изреченное' (вещь — это 'то, что можно назвать')), подразумевается в оппозиции то, чего нельзя назвать, неизреченное, т. е., видимо, высшие понятия» [Трубачёв 1988: 10]. Следовательно, существует лишь то, что способно быть именованным: *имя как бы документирует, утверждает в реальности что или кого бы то ни было.*

В свою очередь, не имеющее названия исключается из объектов действительности.

В фантастическом рассказе некий инопланетный пришелец, представляющий собою совокупность движущихся атомов, а потому не имеющий строгих внешних очертаний, более всего опасается быть хоть как-то вербально отмеченным, ибо в этом случае он рискует получить (и получает, в конце концов) навсегда четкий и определенный облик [Брэдбери 1983: 305—308], что оказывается для него совершенно губительным.

С другой стороны, точное название позволяет безошибочно понять глубинную сущность его носителя, ср. хрестоматийное: «Ужель загадку разрешила? Ужели слово найдено?» [Пушкин 1978, V: 130].

Вероятно, отсюда проистекает наивно-трогательная уверенность многих в том, что для радикальной трансформации любой реалии достаточно лишь переименовать ее. Свое крайнее выражение подобный подход получил в недавнем вербально-магическом превращении российской милиции в полицию. Конечно, чуда не произошло, и ведомство осталось собственно таким же, каким было ранее (подробнее об этом словотворческом акте и сопровождавших его реакциях якобы общественного мнения, граничивших с откровенным идиотизмом, см.: [Васильев 2013: 568—574; Васильев 2014: 179—191]). Вообще такие псевдолингвистические фокусы руководящих речедеятелей перестроечно-реформаторского периода обрели чрезвычайно устойчивый и интенсивно-массированный характер, поскольку неприглядные «инновации» пока еще (а особенно в директивно оживленные предвыборные периоды) нуждаются в словесной маскировке, дабы та часть населения страны, которую снисходительно-ласково именуют электоратом, продолжала, несмотря даже на собственный печальный опыт ежедневного выживания, пребывать в приятном убеждении, что «всё хорошо, прекрасная маркиза» (см.: [Васильев 2010; Васильев 2013: 543—575; Васильев 2014: 191—219]).

Те же самые постулаты вербальной магии предписывают табуирование некоторых лексико-фразеологических единиц: отсутствие их упоминания будто бы исключает саму возможность существования опасности, неприятностей и проч. («чёрта к ночи не поминать», «не буди лихо, пока оно тихо» и т. п.). Так, в детективном эпизоде вербовки американским агентом выпускника советского военного училища психологически (и даже, может быть, — лингвopsихологически) точно первый из них, пресекая почти высказанную догадку второго о том, к чему ведет их беседа, не дает ему произнести слово *предательство*, *шпионаж*: «Есть слова, которые не следует произносить вслух! Можно думать, предполагать, но внутри себя <...>. Слово задуманное — это одно, а произнесенное — совсем другое! Оно меняет действительность, меняет судьбы людей, меняет политику, меняет международные отношения...» [Корецкий 2008: 54—55].

Если обратиться к речекоммуникативным актам последней из упомянутых областей общения, то есть именно к сфере международных отношений, то можно обнаружить немало примеров того, как вербально-магические манипулятивные приемы фигурируют в речах политиков. Скажем, в выступлениях ряда ораторов на пленарном заседании

Петербургского международного экономического форума 17 июня 2016 г., в том числе В. В. Путина, неоднократно прозвучало устойчивое словосочетание *холодная война*.

Обратимся прежде всего к его истории, семантике, ассоциативной ауре и комментариям специалистов по этому поводу.

Возникновение словосочетания *холодная война* (англ. *Cold war*) связывают с выступлением американского политика и бизнесмена Б. Баруха в законодательном собрании Южной Каролины 16 апреля 1947 г. — впрочем, по инициативе его помощника, публициста Х. Соупа. Но широкую известность и собственно устойчивый характер этот оборот приобрел благодаря статьям обозревателя У. Липпманна в газете «Нью-Йорк трибьюн», которые в ноябре того же года были опубликованы отдельным изданием под заглавием «Холодная война. О внешней политике США» [Душенко 2006: 38].

В отечественной лексикографии словосочетание определялось как фразеологическое: «*холодная война* — враждебный политический курс, который правительства западных держав стали проводить в отношении Советского Союза и других социалистических государств по окончании второй мировой войны» [МАС 1984, IV: 617]; оно было отмечено и как термин (например, в [СЭС 1983: 1450], где заключено в кавычки).

Полагают, что «последние полвека главным фоном общественной жизни была мировая *холодная война* <...>. Сам по себе тот факт, что множество людей „не замечали“ войны, есть результат эффективного психологического воздействия и признак ненормального состояния общества (частично это было вызвано тем, что советская печать искажала образ холодной войны, многократно занижала опасность. Почти полностью повторялась история с советско-германскими отношениями перед „горячей“ войной) <...>. Реально мы даже не верили в существование *холодной войны* — считали ее пропагандой» [Кара-Мурза 2002: 334—335, 339]. Однако «в *холодной войне* СССР потерпел поражение, в результате чего был ликвидирован сложившийся вокруг СССР блок государств, затем был распущен сам Советский Союз. Следующим шагом был ликвидирован существовавший в СССР общественный строй и политическая система и начата форсированная деиндустриализация» [Кара-Мурза 2002: 335], плоды которой большинство «уважаемых россиян» пожинает сегодня и последствия которой будут сказываться на них наверняка еще не одно десятилетие.

Довольно объяснимо, что в послесоветской лексикографии дефиниция словосоче-

тания *холодная война* существенно изменилась: «*холодная война (в советское время)*: враждебные отношения между государствами, длительное политическое противостояние, сопровождающееся идеологической пропагандой друг против друга, ослаблением экономического и культурного сотрудничества» [ТССРЯ 2001: 150]. Легко заметить, что, во-первых, в соответствии с возобладовавшей тогда тенденцией к так называемой «деидеологизации» (а на самом деле — к реидеологизации; см. об этом: [Васильев 2013: 133—154]), из определения исключено упоминание об антисоветской (антисоциалистической) специфике феномена. Во-вторых, не говорится о том, кто именно был инициатором *разнообразных операций* в рамках *холодной войны*. Наконец, помета «в советск. время», по существу, относит это словосочетание к разряду историзмов, а само обозначаемое явление характеризует как безвозвратно канувшее в Лету вместе со всем комплексом реалий советской эпохи.

Однако многие данные свидетельствуют о том, что по крайней мере последнее положение вряд ли соответствует действительности. Так, по результатам изысканий, принятых Д. А. Васильевым, в зарубежной политической коммуникации, и далеко не в последнюю очередь американской, словосочетание *холодная война* продолжает быть употребительным, причем далеко не всегда будучи относимым именно к событиям прошлого. Некоторые примеры: «Внешнеполитические разногласия между Москвой и Вашингтоном подогреваются взаимными пропагандистскими выпадами, многие из которых имеют тональность *холодной войны*» [Стуруа 2012]. — «Газета [«Минчу Чосон» — правительственная газета КНДР] также подчеркнула, что США следует отказаться „от опасной политики времен „*холодной войны*“» [Сидоров 2012] и др.

Вернемся теперь к материалам пленарного заседания Петербургского международного экономического форума.

Ведущий (а на сегодняшнем русском — «модератор») этого мероприятия, итальянский журналист Ф. Закария, обращается к В. Путину с «очень простым вопросом»: «С 2014 года введены санкции со стороны Евросоюза и Соединенных Штатов [в отношении России]. НАТО на этой неделе объявила о том, что будет наращивать присутствие в тех странах, которые граничат с Россией. Россия сделала объявление о наращивании своих сил. Приходим ли мы к некоему «*холодной войне*» более низкого уровня между Западом и Россией?»

Весьма пространственный ответ В. Путина начинается с пассажа, который (предположительно) должен задать тон следующим тезисам президента: «*Мне не хотелось бы так думать*, что мы переходим к какой-то «*холодной войне*», и уверен, что этого никто не хочет. *Мы точно этого не хотим*. В этом нет никакой необходимости. Главная *логика развития международных отношений, какой бы она внешне ни смотрелась драматичной*, она всё-таки *не является логикой глобальной конфронтации...*» (выделения полужирным шрифтом здесь и далее наши. — А. В.).

Однако перечисленные президентом далее ключевые моменты, определившие и определяющие сегодняшнюю международную ситуацию, характеризуют ее вовсе не благобно. Это прежде всего обманутые ожидания «всеобщего благоденствия и атмосферы всеобщего доверия», возникшие после крушения Советского Союза. Но на практике действия западных партнеров оказались явно враждебными, что проявилось в активной поддержке сепаратистов и международных террористов на российском Кавказе; в расширении инфраструктуры НАТО и продвижении ее к нашим границам; в одностороннем выходе США из Договора по противоракетной обороне; в поддержке Западом «цветных революций», в том числе так называемой «арабской весны»; в поощрении государственного переворота на Украине; в эскалации околоспортивной якобы антидопинговой кампании; и, конечно, во введении против России экономических санкций.

По-видимому, наличие совокупности перечисленных мероприятий позволяет говорить о несомненно имеющем место недоброжелательном отношении к России, статус которой в мире пытаются либо существенно принизить, либо хотя бы доставить ей максимум негативных ощущений.

На этом малорадостном для нашей страны фоне российский президент допускает по меньшей мере два варианта дальнейшего развития событий. Первый соответствует западной «политике односторонних действий <...>. Если будем в такой логике дальше действовать, нагнетать и наращивать усилия, чтобы пугать друг друга, то тогда *когда-нибудь и придём* к „*холодной войне*“. Второй вариант предлагается Россией: «...если мы будем прислушиваться друг к другу, искать баланс интересов, то этого [«*холодной войны*»] не будет. Да, это сложный процесс — процесс договоренностей, но только он может привести к поиску приемлемых решений <...>. У нас совер-

шенно другая логика, она направлена на сотрудничество и поиск компромиссов».

Заметим, что словосочетание *холодная война* фигурирует и в выступлении еще одного участника заседания, председателя совета министров Италии М. Ренци. Отвечая на вопрос ведущего, он, в частности, сказал: «Нам необходимо иметь в виду, что словосочетание „холодная война“ **не может входить в лексику третьего тысячелетия**. Поэтому если словосочетание „холодная война“ используется сегодня, **оно вне истории, оно вне реальности, и оно не только несправедливо, оно бесполезно**». По всей вероятности, негативно окрашенное упоминание о *холодной войне* в данном случае представляет собою ординарный дипломатический ход: продемонстрировать собственную высокую оценку реплики партнера и выразить свое согласие с его мнением.

Вероятно, следует учитывать очевидное наличие в западной политике (а также и в западной ментальности) некоторых константных стереотипов. Одно из первых мест среди них несомненно принадлежит русофобии. Враждебное отношение к России и основной части ее населения, как бы эта страна ни называлась и какой бы государственный строй ни существовал в ней, — неизменная и определяющая черта западного мышления.

Холодная война — лишь одна из возможных, но четко эксплицированных форм ее воплощения. «Никакой связи с марксизмом, коммунизмом или другими идеологическими моментами здесь нет. Это именно война, причем война тотальная, против мирного населения» [Кара-Мурза 2002: 336] (см. также: [Васильев 2013: 219—230]).

Неудивительно, что зарубежные политики нередко даже не могут точно воспроизвести название государства, против которого так ожесточенно выступают. Например: «Некоторое время назад [М. Ромни] назвал Россию „геополитическим противником номер один“. Это позволило противникам Ромни говорить о том, что он мыслит „стандартами *холодной войны*“ <...>. Один из его советников — бывший министр ВМС США Джон Леман — оговорился, спутав Россию с СССР: „Мы видим, как Советы исследуют Арктику, а мы сидим сложа руки“» [Зеленин 2012].

Интересно, что и некоторые американские политики иногда на словах вроде бы тоже дистанцируются от *холодной войны*, не признавая ее существования в послесоветской современности. Тот же М. Ромни заявил: «Россия последовательно препятствует

действиям США в ООН. Конечно, **мы не враги и не воюем друг с другом**. Это не „холодная война“, но [!] **Россия является нашим геополитическим противником**» [Бекренев 2012]. Таким образом, можно даже усмотреть кое-что общее в публичном вербальном поведении представителей противостоящих сторон, именуемых также «партнерами»: и те, и другие не только не признают наличия ситуации *холодной войны*, но и акцентируют архаичность самого этого словосочетания. А ведь, учитывая, что «сам пафос *холодной войны* имел мессианский, эсхатологический характер» [Кара-Мурза 2002: 337], трудно согласиться с Ф. Фукуямой в том, что с ликвидацией СССР наступил «конец истории»: ведь Россия, пусть даже в сегодняшнем своем виде, всё еще существует. Так что, как бы ни назывался направленный против нее комплекс политических, пропагандистских, экономических и иных операций, он представляет собой лишь современную модификацию *холодной войны*.

И всё же не оставляет ощущение некоторого диссонанса, присутствующего в высказываниях президента по поводу пусть и потенциальной, но всё же *холодной войны*. Ведь, с одной стороны, он наверняка не настолько наивен, чтобы не замечать посвоему последовательных недружественных по отношению к России шагов Запада: об этом говорит их краткое перечисление В. Путиным. С другой стороны, ему «**не хотелось бы думать**» о переходе к *холодной войне*, хотя он и допускает такую возможность как результат действий зарубежных «партнеров». Можно, конечно, сколько угодно говорить об отсутствии «глобальной конфронтации», но существует ли более адекватное именование того, что происходит на международной арене — большой вопрос. По-видимому, публичное признание того, что *холодная война* продолжается, способно повлечь за собой новый всплеск антироссийской пропагандистской истерии и, как обычно, дать повод оппонентам к обвинению России буквально в чем угодно. В общем, «о волке помолвка, а волк и тут» [Даль 1984, 1: 349]. Как видим, и в политическом дискурсе явно присутствует опасение «сглазить» ход развития событий в результате употребления некоего слова-детонатора, что вполне согласуется с постулатами вербальной магии. Ведь «злое, неосторожно сказанное в сердцах слово, хотя бы без всякого желания, чтоб оно сбылось, по народному поверью, никогда не остается без худых последствий» [Афанасьев 1998: 354].

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Живая вода и вешее слово // Живая вода и вешее слово / А. Н. Афанасьев. — М., 1998. С. 314—354.
2. Бекренев А. Митт Ромни вновь назвал Россию геополитическим противником США. URL: <http://www.itar-tass.com/c1/451244.html>.
3. Брэдбери Р. Песочный человек // Холодный ветер, теплый ветер / Р. Брэдбери. — М., 1983. С. 303—315.
4. Васильев А. Д. Манипулятивная эвфемизация как атрибут дискурса СМИ // Вестн. КГПУ им. В. П. Астафьева. 2010. № 1. С. 150—161.
5. Васильев А. Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. — СПб., 2013. 660 с.
6. Васильев А. Д. Современное мифотворчество и российская телевизионная словесность. — М., 2014. 240 с.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа. — М., 1984. Т. 1. 383 с.
8. Душенко К. В. Словарь современных цитат. — М., 2006. 832 с.
9. Зеленин О. URL: <http://www.itar-tass.com/c12/406300.html>.
10. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М., 2002. 832 с.
11. Корецкий Д. А. Рок-н-ролл под Кремлём. Шпион из прошлого. — М., 2009. 344 с.
12. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума 17.06.2016. URL: <http://kremlir.ru/events/president/news/52178>.
13. Словарь русского языка = МАС : в 4 т. — М., 1981—1984.
14. Советский энциклопедический словарь = СЭС. — М., 1983. 1600 с.
15. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Полн. собр. соч. В 10 т. / А. С. Пушкин. — Л., 1987. Т. 5. С. 5—164.
16. Стуря М. Короткое замыкание. URL: <http://www.itar-tass.com/c43/428065.html>.
17. Топоров В. Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира. — М., 1988. Т. 2. С. 6—9.
18. Трубачев О. Н. Этимология и славянская пракультура // Всесоюзная конференция «Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры». — Л., 1988. С. 9—10.

A. D. Vasiljev
Krasnoyarsk, Russia

IDIOM COLD WAR IN CONTEMPORARY POLITICAL RHETORIC

ABSTRACT. *Contemporary political rhetoric is an example of verbal magic that exists in two forms – euphemization and taboo. Both phenomena are closely connected with each other and are based on the properties of a word as a language unit and on the belief in its might, the ability to transform both inner psychological quality of a person and the surrounding him reality. The existing ideas, embodied in the folklore, manifest themselves in the confidence of many politicians in the fact that for serious transformation of any realia it is enough to rename it. The same postulates of the verbal magic dictate to mark some lexical and phraseological units as taboo: as if the absence of reference to them eliminates any danger and troubles caused by their existence. Verbal and magic manipulative techniques are discussed on the example of the set expression of the sphere of international relations “Cold War”. The changes of the definition of the expression “Cold War” in the post-Soviet lexicography are analyzed: the anti-Soviet (anti-socialistic) character of the phenomenon is excluded from the definition; there is no information who initiated different efforts in that period; this set expression is marked as a historicism, while the concept it describes, is treated as the past phenomenon belonging to the Soviet epoch. The similar reference of the phenomenon of “Cold War” to the past is proved in the course of analysis of the speeches of the Russian and Western politicians; the reluctance to use this expression in reference to the current international situation is noted.*

KEYWORDS: *political discourse; the verbal magic; the Cold War.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vasiljev Aleksandr Dmitrievich, Professor of Department of General Linguistics, Doctor of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia.*

REFERENCES

1. Afanas'ev A. N. Zhivaya voda i veshchee slovo // Zhivaya voda i veshchee slovo / A. N. Afanas'ev. — M., 1998. S. 314—354.
2. Bekrenev A. Mitt Romni vnov' nazval Rossiya geopoliticheskim protivnikom SSHA. URL: <http://www.itar-tass.com/c1/451244.html>.
3. Bredberi R. Pesochnyy chelovek // Kholodnyy veter, teplyy veter / R. Bredberi. — M., 1983. S. 303—315.
4. Vasil'ev A. D. Manipulyativnaya evfemizatsiya kak atribut diskursa SMI // Vestn. KGPU im. V. P. Astaf'eva. 2010. № 1. S. 150—161.
5. Vasil'ev A. D. Iгры v slova. Manipulyativnye operatsii v tekstakh SMI. — Spb., 2013. 660 s.
6. Vasil'ev A. D. Sovremennoe mifotvorchestvo i rossiyskaya televizionnaya slovesnost'. — M., 2014. 240 s.
7. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda. — M., 1984. T. 1. 383 s.
8. Dushenko K. V. Slovar' sovremennykh tsitat. — M., 2006. 832 s.
9. Zelenin O. URL: <http://www.itar-tass.com/c12/406300.html>.
10. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — M., 2002. 832 s.
11. Koretskiy D. A. Rok-n-roll pod Kremlem. Shpion iz proshlogo. — M., 2009. 344 s.
12. Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma 17.06.2016. URL: <http://kremlir.ru/events/president/news/52178>.
13. Slovar' russkogo yazyka = MAS : v 4 t. — M., 1981—1984.
14. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar' = SES. — M., 1983. 1600 s.
15. Pushkin A. S. Evgeniy Onegin // Poln. sobr. soch. V 10 t. / A. S. Pushkin. — L., 1987. T. 5. S. 5—164.
16. Sturua M. Korotkoe zamykanie. URL: <http://www.itar-tass.com/c43/428065.html>.
17. Toporov V. N. Kosmogonicheskie mify // Mify narodov mira. — M., 1988. T. 2. S. 6—9.
18. Trubachev O. N. Etimologiya i slavyanskaya prakul'tura // Vsesoyuznaya konferentsiya «Metodologiya i metodika istoriko-slovarnykh issledovaniy, istoricheskoe izuchenie slavyanskikh yazykov, slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury». — L., 1988. S. 9—10.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

В. В. Катермина
Краснодар, Россия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕОНОМИНАЦИЯ В МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматриваются политические неологизмы английского языка в массмедийном дискурсе. Язык функционирует в обществе, которое закономерно развивается, эволюционирует и поэтому постоянно нуждается в языковой поддержке и отражении изменений, а значит так или иначе стимулирует языковые процессы. Существенной особенностью словарного состава является его непосредственная обращенность к явлениям действительности, поэтому именно в лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни, что неизбежно влечет за собой создание новых наименований. Новообразования в средствах массовой информации вызывают особый интерес исследователей, поскольку именно в этой сфере слово должно обладать экспрессивностью, привлекать внимание аудитории, для чего зачастую конструируются лексические единицы, способные выполнить определенную коммуникативную задачу. При этом именно СМИ и оказываются распространителем новообразования, средством его популяризации. В статье отмечается, что через вербальные оценки происходит отражение языковой личности в лексико-семантической системе. Оценка является собственно человеческой категорией, касается человека и всего того, что каким-либо способом связано с ним, затрагивает его физическую, психическую и социальную сущность. Оценка представляет человека как цель, на которую обращен мир. Наиболее частотными средствами создания оценки выступают имена собственные, прецедентные имена, а также отрицательная коннотация лексики, относящейся к политической тематике. В статье подчеркивается, что анализ английской политической новой лексики способствует выявлению видения языковой личности типичных и специфических особенностей своего народа, а в результате культурной интерпретации анализируемых единиц выявляются концептуальные ценности данного народа с опорой на их менталитет, типичные черты этноса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неологизм; политическая номинация; массмедийный дискурс; оценка; имя собственное; прецедентное имя.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет; 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: katermi_n@mail.ru.

Язык функционирует в обществе, которое закономерно развивается, эволюционирует и поэтому постоянно нуждается в языковой поддержке и отражении изменений, а значит так или иначе стимулирует языковые процессы. Основанием для именования актуальных реалий новыми лексическими и семантическими единицами на современном этапе служат события, затронувшие все сферы общественно-политической и экономической жизни, а также широкие интеграционные процессы, происходящие в мировом сообществе в конце XX — начале XXI в. Обогащение номинативного фонда современной лексики связано с внутриязыковыми процессами — потребностью в совершенствовании средств языкового обозначения, эмоционально-экспрессивным обновлением словаря, тенденцией к экономии, системностью языковых единиц [Алексеева 2011].

Лексический состав языка динамичен и меняется исторически в соответствии с новыми задачами коммуникации и практическим использованием языка. Существенной особенностью словарного состава является его непосредственная обращенность к явлениям действительности, поэтому именно в лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни, что неизбежно влечет за собой создание новых наименований.

Целью любого говорящего является построение осмысленного высказывания как целостной коммуникативной единицы. В процессе его порождения важную роль играют акты номинации. При осуществлении этих

актов язык использует уже имеющиеся или создает новые номинативные единицы, посредством которых именуется реалии, представляющие собой как отдельные элементы опыта, так и целые события, факты, состояния дел, ситуации. Осознаваемая говорящим мотивированность значения слова (внутренняя форма слова) является одной из характерных черт номинации. К образованию нужной лексической единицы можно прийти различными путями, а значит, первоначально внутренняя форма слова является основой всякого индивидуального речетворчества [Антюфеева 2004].

Каждая вещь, каждое явление получает свое название, свое имя. Обозначение предметов и явлений в их универсальности или в обобщенном качестве, охватывающее собою их сущностную характеристику, как бы их внутреннюю всеобщность, есть не что иное, как номинация предметов и событий в соответствующих языковых единицах.

Язык фиксирует концептуальный мир человека, имеющий своим первоначальным источником реальный мир и деятельность в этом мире. Считается, что в сущности своей вся номинативная деятельность человека протекает в опоре на готовые и известные из предыдущего опыта знаки. Тем не менее особенностью человеческой природы, заключающиеся в оценочной психологической ориентации, проявляются в так называемой избирательной заинтересованности, т. е. выделении одних объектов (или одних свойств, признаков, качеств, предметов) по сравнению с другими.

Как свидетельствуют исследования современных лингвистов, в процессах формирования наименований всегда взаимодействуют три гетерогенные по своей природе сущности. Одна из них — то, что именуется (называется) — мир действительности, включая и психическую деятельность человека (то есть сфера денотации). Вторая — образ (в гносеологическом смысле) компонента действительности — его понятийное отражение, в котором человеческое сознание способно совмещать и квалификативно-оценочное видение мира. Соотносясь с именем, этот образ воплощается при языковом назывании в понятийно-языковой форме отражения действительного (сфера сигнификации). Третья сущность — имя (звукоряд или его графическое изображение), т. е. языковое средство выражения сигнификативного содержания, закрепляемого за именем с целью опознания того, что обозначается. Отношение именования, по мнению лингвистов, связывая таким образом сигнификат с именем в форме языкового знака, соотносит его с обозначаемой действительностью [Колшанский 1977].

Новообразования в средствах массовой информации вызывают особый интерес исследователей, поскольку именно в этой сфере слово должно обладать экспрессивностью, привлекать внимание аудитории, для чего зачастую конструируются лексические единицы, способные выполнить определенную коммуникативную задачу. При этом именно СМИ и оказываются распространителем новообразования, средством его популяризации.

Средства массовой информации — «технологии и институты, через которые централизованно распространяется информация и другие формы символической коммуникации крупным, гетерогенным и географически рассеянным аудиториям; одна из существенных форм распространения и бытия массовой культуры» [Conboy 2010: 29]. Иными словами, это институты, занимающиеся «adaptation and distribution of information» («обработкой и распространением информации»), предназначенной для массовой аудитории [Lorimer, Scannell 1994: 11] (здесь и далее перевод наш. — В. К.).

Целью массмедиа считается «донесение до потребителя / аудитории отражения реального мира» [Дубских 2014: 133]. С учетом существования разнообразных форм представления информации выделяются следующие функции, реализуемые дискурсом СМИ: 1) информативная; 2) регулятивная, включающая в себя идеологическую функцию и функции социального контроля и ма-

нипуляции общественным сознанием; 3) образовательная; 4) развлекательная; 5) фатическая; 6) рекламная [Дубских 2014: 133]. Отражая общество, массмедиа также являются инструментом представления некоей «собственной» реальности, результата «interplay between readers and writers» («взаимодействия между читателями и писателями») [Conboy 2010: 12], т. е. реальности, несущей на себе влияние автора текста, ожиданий и речевых навыков массового читателя и других условий, в том числе факторов рынка. Ученый отмечает, что любой массмедийный текст должен содержать то, что «would sell to audiences» («сможет быть продано аудитории») [Ibid].

Слово — не единственное, но наиболее доступное и действенное оружие политиков. То, что и как говорят политические деятели, представляет интерес научного и прикладного характера. В широком понимании вся совокупность коммуникативных практик в политическом контексте представляет собой политический дискурс, и определение политического дискурса может охватывать вопросы власти, конфликта, контроля или доминирования.

О политических и социальных отношениях можно говорить как о взаимодействии не определенной группы индивидов, но дискурсов, для которых мы всего лишь «перевозчики»: «It is sometimes helpful to think about social and political issues as if it is not just us humans who are talking and interacting with each other, but rather discourses we represent and enact, and for which we are 'carriers'» [Gee 2001: 18]. Властные отношения выполняют организующую и стабилизирующую функции в обществе [Подкопаева], а политический дискурс является неотъемлемой частью информационных и психологических операций [Жуков 1992].

В данной статье нами будут рассмотрены политические неологизмы массмедийного характера на материале электронных словарей неологизмов, как, например, «Wordspy», «Macmillan Buzzword Dictionary», «Urban Dictionary», «Cambridge Dictionaries Online Blog».

Первая группа рассматриваемых нами неологизмов раскрывает приверженность тем или иным политическим взглядам, разделить которые призывает политический деятель или группа (партия). Несложно отметить и существующую тенденцию именовать определенную идеологию в честь придерживающихся ее политических представителей (обычно при добавлении суффикса *-ism*).

Считается, что исследования особенностей употребления имен собственных в

структуре того или иного социума позволяют утверждать, что единицы указанного типа, являясь культурными доминантами, помогают выявить особенности, характерные черты той или иной нации, того или иного типа языковой личности [Катермина 1998].

Говоря об имени как национальном и социальном знаке, следует иметь в виду наличие полей в ономастике — определенной сферы соотношенности имени. В речи эта граница определяется при помощи экстралингвистических знаний, которые являются необходимыми для правильного употребления и понимания имен. В состав экстралингвистического аспекта значения имени входят и особые условия существования имени в обществе, и культурно-исторические ассоциации, и степень известности объекта и его имени.

Национальное поле имени способствует более точному восприятию имен, более четкой их соотношенности с определенной языковой подсистемой.

По этому принципу были образованы неологизм *blairism* (*the political ideology of the former leader of the Labour Party and Prime Minister Tony Blair* — политическая идеология бывшего лидера Лейбористской партии и премьер-министра Тони Блэра), отражающий приверженность кого-либо его центристской, по словам экспертов, политике. По нашему мнению, данный неологизм не обладает какой-либо устойчивой коннотацией, что означает безусловное присутствие архисемы «приверженности определенным политическим взглядам», а также дифференциальной семы «приверженность политике Тони Блэра».

Еще одним примером может служить неологизм *trumpism* (*the views and cultural and political statements of Donald Trump* — взгляды и культурные и политические заявления Дональда Трампа):

It's the causes that are already being lost that are able to generate the sort of anxiety and fear that's the heartbeat of the culture wars. <...> And we see that today obviously with Trumpism... [WNYC: Leonard Lopate Show (US culture and current affairs) 13 January 2016].

В отличие от этих неологизмов, лексема *putinism*, помимо официальной формулировки *the political ideology of Vladimir Putin* (политическая идеология Владимира Путина), обладает и более конкретными определениями. К примеру, американский экономист Ричард Ванн определяет *putinism* как *a Russian nationalistic authoritarian form of government that pretends to be a free market democracy* [цит. по: Страмной 2007: 18] (русская националистическая авторитарная форма

правления, которая выглядит как демократия при свободных рыночных отношениях), выражая тем самым свое негативное отношение к политике российского президента эмоционально и оценочно (компоненты значения *authoritarian, nationalistic, pretends*). Мы не ставим целью оценивать каким-либо образом справедливость данного высказывания, но нами было замечено, что похожего мнения придерживаются многие западные представители. А неологизм *bushism*, образованный по тому же принципу, не несет такого значения. Его денотативным значением является *funny or absurd words, phrases, pronunciations, and semantic or linguistic errors that occur in the public speaking of former President of the United States* (слова, фразы, варианты произношения, семантические и лингвистические ошибки бывшего президента США Джорджа Буша при выступлениях на публике). Нами было отмечено, что, в связи с неоднократными нелепыми высказываниями президента, он стал предметом шуток как жителей своей страны, так и за ее пределами. Помимо значительно более узкого характера данного неологизма, по сравнению с *blairism* и *putinism*, *bushism* еще и обладает значительным комическим (ироническим, а чаще саркастическим) характером. Таким образом, мы приходим к выводу, что в данной группе неологизмов играет роль сама политическая фигура и отношение к ней общества, так как соответствующая коннотация будет переноситься на новообразованное слово.

Интересным, с нашей точки зрения, является тот факт, что среди многочисленных неологизмов с именем американского президента Барака Обамы — *Obamaphoria, Obamanation, Obamarama, Obamanos, Obamatopia, Obamalujah, Obamatrons, Obamascope, Obamanator, Obamalicious, Obamaloha, Oh-bama, Vamelot, Obamerika, Barackstar* — нет ни одной единицы, отражающей приверженность тем или иным политическим взглядам, поддерживаемым политическим деятелем или политической партией.

К данной группе нами было отнесено еще два неологизма, не включающих в свой состав имя собственное: *pluto-populism* — *a political movement in which a wealthy individual offers ideas and policies that appeal to the common person* (политическое движение, в котором богатые люди предлагают политические идеи обыкновенным, простым людям) и *securitarianism* — *a political philosophy or ideology that sets national security as its highest principle and chief objective* (политическая философия или идеология, которая устанавливает государственную безопас-

ность в качестве самого главного принципа и цели).

Еще одна группа политических неологизмов называет типы правления. К ним мы отнесли следующие единицы:

- *narcissocracy — government by the excessively self-centered (сверхэгоистичное правительство);*
- *kludgeocracy — government that is over-complex and ineffective (сверхсложное и неэффективное правительство): Sprawling scale becomes unmanageable; internal complexity culminates in kludgeocracy (to use Steven Teles's term); our electoral processes seem to produce little real accountability; and interest-group-driven sclerosis chokes off the possibility of reform [National Affairs. 2014. 9.11];*
- *ineptocracy — a system of government whose main characteristic is incompetence in all areas (система правления, основной характеристикой которой является некомпетентность во всех областях);*
- *idiocracy — rule, government or control exercised by foolish people (правление или правительство глупых людей).*

Наблюдения свидетельствуют, что все единицы данной группы образованы при помощи слияния или телескопии. Ученые считают, что в современном английском языке все большую силу набирает способ словообразования, называемый термином «телескопия»: «...с помощью данного способа образование новых лексических единиц происходит с впечатляющим динамизмом, но соответствующие изменения вносятся в словари с опозданием и известной осторожностью» [Мурзаков 2013: 1—2].

Следует также отметить отрицательную оценку лексем, составляющих значение данных новых слов:

- *narcissism — an extreme interest in your own life and problems that prevents you from caring about other people;*
- *kludge — a clumsy or inelegant solution to a problem;*
- *ineptness — the quality of having the wrong properties for a specific purpose;*
- *idiocy — very stupid ideas or behavior.*

Исследование понятия языковой оценки дает возможность предположить, что познавательно-классифицирующая деятельность человека находит отражение в языковых единицах, в частности, в словах, закрепляющих наряду с результатами познавательной деятельности человека и отношение познающего субъекта к познанной действительности; таким образом, оценочный компонент выступает как обязательный семантический компонент значения слова.

В первом случае отрицательная оценка достигается при помощи прецедентного имени *Narcissus — via Latin from Greek Early 19th century: via Latin from the Greek name Narkissos (narkissos, perhaps from narkē 'numbness', with reference to its narcotic effects).*

Известно, что проблема прецедентных феноменов была поставлена немногим более двадцати лет назад, однако имеются уже десятки, если не сотни публикаций на эту тему. Прецедентные феномены (ситуации, выражения, имена, тексты) понимаются как ядро когнитивной базы носителей культуры, «сгустки» культурной информации.

Прецедентные имена — это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб [Нахимова 2007].

Интерес лингвистов к явлению прецедентного имени обусловлен, с одной стороны, повышенным вниманием к проблемам развития языковых контактов, вопросам взаимодействия языков и культур — процесс межкультурной коммуникации, представляющий общение языковых личностей, принадлежащих различным лингвокультурным сообществам, эффективен в условиях преодоления не только языкового барьера, но и барьера культурного; с другой стороны, для эволюционного процесса становления человека в качестве *homo sapiens* важнейшим рубежом стало возникновение имени как закрепление формирования человеческой личности, развития личностного самосознания.

В трех остальных случаях выражение оценки достигается следующими словами, содержащими в своем значении эмоционально-оценочный компонент: *clumsy — expressed without enough skill or thought, and often in a way that is likely to upset people (представленный без достаточного умения или мысли и часто в такой форме, которая огорчает людей), inelegant — not attractive, graceful, or polite (непривлекательный, неграциозный, невежливый), wrong — not accurate or correct (неточный или некорректный), stupid — not intelligent, or not able to consider or judge things carefully (неумный или неспособный оценить положение вещей правильно).*

Оценочный компонент, на наш взгляд, является основным в коннотативном значении единицы в силу его социолингвистической природы. «В разных цивилизациях и в

разные эпохи понятия добра и зла, отрицательного и положительного мыслятся неодинаково. Члены одного общества расценивают одно и то же явление индивидуально, хотя существует общепринятая точка зрения, в связи с которой положительная или отрицательная оценка входит в структуру значения единиц» [Соколова 1981: 60]. Субъективно-оценочный элемент значения может быть объяснен дифференцированной реакцией людей на положительные и отрицательные явления и выступает как интегральный в семантической структуре единицы номинации.

В следующую группу можно объединить новые слова, номинирующие человека определенных политических взглядов или политического статуса. Архисемой в данном случае является «человек», «представитель определенной политической группы». Ярким примером может служить неологизм *Eurocrat* (*European + bureaucrat*), имеющий значение *the leader of the EU who makes bureaucratic laws that affect people mostly not in favour of the European Union* (лидер Европейского союза, издающий законы бюрократического характера, которые обычно оказываются не в пользу граждан Европейского союза). Данное определение, во-первых, позволяет нам проследить использование архисемы *представитель определенной политической группы*, во-вторых, демонстрирует, вследствие использования компонентов *not in favour* и *bureaucratic*, коннотативный элемент, выражающий критику населением таких лидеров, их методов и результатов работы.

Часть неологизмов посвящена выходу Великобритании из Европейского союза.

Ключевое слово *brexit* образовано путем слияния двух основ — *Britain* и *exit* — по аналогии со словом *grexit* — *the (as yet hypothetical) Greek exit from the Eurozone* (гипотетический выход Греции из Европейского союза).

Сразу же появилось и слово *to brexit*, образованное при помощи конверсии, — *used as a verb to refer to the United Kingdom leaving the European Union* (выходить (о Великобритании) из Европейского союза).

Несомненным является тот факт, что общество разделилось на сторонников и противников данного процесса, что очень ярко и образно отразилось в языке при помощи неологических единиц *regrexit* — *someone who regrets the vote to leave the EU* (человек, сожалеющий о выходе из Европейского союза) и *brexiter/brexit* — *one who favours Brexit* (человек, приветствующий выход из Европейского союза): *The Brexit debate is more nuanced, but the*

Brexit’s dream of unshackling the UK Europe, the ‘In’ camp will argue, is equally emotional and incoherent. [Foster 2016].

Интересно отметить, что в первом случае структура *сложное слово-слиток + суффикс* содержит в своем составе сему *сожаление*: именно так оно и было образовано, в то время как лексема, обозначающая сторонников данного процесса, образована прямым прибавлением суффиксов *-er* или *-eer*, в связи с чем можно сделать предположение, что данное слово, являясь базовым, свидетельствует о более положительном восприятии данного процесса британцами.

Также отметим и неологизм *brexistence* — *the fact or state of living or continued survival of Britain (UK) or the British after the BREXIT event* (факт или положение вещей или последующее выживание Британии (Соединенного Королевства) после Брекзита).

Продолжая тему Великобритании, стоит выделить и новые лексические единицы, связанные с парламентскими выборами 2015 г.:

- *shy Tory* — *a person who secretly voted Conservative in the 2015 UK elections, especially one who claimed to the pollsters to be voting a different way: How ‘shy Tories’ confounded the polls and gave David Cameron victory* [Elgot 2015];
- *Milifan* — *during the UK general election, a (young) fan of UK Labour leader, Ed Milliband: Hooray for the Milifans. They can change the world for the better* [Cosslett 2015].

Один из неологизмов представлен прилагательным *shy* (*nervous or not confident* — *нервный или неуверенный*) и названием партии. Данное прилагательное употреблено в ироничном контексте, что подтверждается наличием лексем *secretly* — *not openly* (*не открыто*) и *to claim* — *to say that something is true, even though there is no definite proof* (*сказать, что что-то правдиво, хотя не существует точного подтверждения*) в словарной дефиниции.

Другой неологизм — *Milifan* — образован слиянием части фамилии лидера Лейбористской партии Эда Милибэнда и слова *fan* (*фанат*).

В целом можно сделать вывод, что политическая сфера вызывает активное образование неологизмов, и вследствие ее постоянного развития и актуального характера продуктивность новообразований подобного рода будет расти.

С помощью массовой коммуникации люди структурируют и обосновывают собственные убеждения и опыт. Массмедиа не только обеспечивают информационную осведом-

ленность, но также формируют повседневную жизнь и картину мира. Массовой коммуникацией может считаться пространство, в котором люди создают и разделяют жизненные ориентиры, ценности и знания.

Анализ материала позволяет говорить об изменении информационной парадигмы в XXI в.: адресат более не является пассивным участником коммуникации, наоборот, он привносит свою интерпретацию рассматриваемого события, тем самым обогащая знания о мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е. В. Адъективные новообразования в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2011.
2. Антюфеева Ю. Н. Английские новообразования в развитии: потенциальное слово, окказионализм, неологизм : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2004.
3. Дубских А. И. Масс-медиаальный дискурс: определение, характеристики, признаки // Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Лингвистика. 2014. №1. С. 131—136.
4. Жуков И. В. Война в дискурсе современной прессы. 2001. URL: <http://www.faq.at/rusjaz> (дата обращения: 19.09.2007).
5. Катермина В. В. Личное имя собственное: национально-культурные особенности функционирования (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар : КубГУ, 1998. 297 с.
6. Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация (общие вопросы). — М. : Наука, 1977. С. 99—146.
7. Мурзаков А. А. Функционально-прагматические аспекты слияния в английском языке : автореф. канд. ... филол. наук. — СПб., 2013.
8. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. — М. : УРСС, 2000. 240 с.

V. V. Katermina
Krasnodar, Russia

POLITICAL NEONOMINATION IN MASS MEDIA DISCOURSE

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of political neologisms in the English language in the discourse of mass-media. The language functions in the society, which develops and evolves as a system, so it constantly needs support in the language and the reflections in the changes, and which in its turn stimulates linguistic processes. The significant peculiarity of vocabulary is its inherent direction to the phenomena of reality, that's why it is the vocabulary that reflects all the changes happening in the public life, which inevitably leads to the formation of new nominations. New vocabulary in mass-media is of peculiar interest to scholars as a word in this sphere of life should possess expressiveness, draw the attention of the audience for which in some cases lexical units capable of fulfilling a certain communicative task are formed. And it is the mass-media that spread these new words and are the means of their popularization. It is noted in the article that the reflection of a language personality in a lexico-semantic system takes place by means of verbal evaluations. The evaluation in itself is a category of a person, it concerns a person and everything which is somehow connected with them, it affects the physical, mental and social entity of a person. The evaluation represents a person as an aim to which the whole world is turned. The most frequent means of creating an evaluation are proper names, precedent names and a derogatory component of connotation of the words related to politics. The article underlines that the analysis of new political words in English contributes to the understanding of typical and specific peculiarities of a people by a language personality, and conceptual values of the people based on their mentality and typical traits of the ethnos are singled out as a result of cultural interpretation of the analyzed units.*

KEYWORDS: *neologism; political nomination; mass-media discourse; evaluation; proper name; precedent name.*

ABOUT THE AUTHOR: *Katermina Veronika Viktorovna, Doctor of Philology, Professor of Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.*

REFERENCES

1. Alekseeva E. V. Ad'ektivnye novoobrazovaniya v sovremennom russkom yazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2011.
2. Antyufeeva Yu. N. Angliyskie novoobrazovaniya v razvitiit: potentsial'noe slovo, okkazyonalizm, neologizm : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Belgorod, 2004.
3. Dubskikh A. I. Mass-medial'nyy diskurs: opredelenie, kharakteristiki, priznaki // Vestn. YuUrGU. Ser.: Lingvistika. 2014. №1. S. 131—136.

9. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. — Екатеринбург : УрГПУ, 2007. 207 с.

10. Подкопаева Е. П. Властные отношения: моделирование посредством концепции риторической коммуникации. URL: <http://www.ehu.by/smschool/docs/podkopayeva.doc> (дата обращения: 02.08.2007).

11. Соколова Г. Г. Составляющие коннотативного значения фразеологических единиц // Лингвистические проблемы перевода. — М. : Изд-во МГУ, 1981. С. 54—62.

12. Страмной А. В. Газетный текст как источник неологизмов (на материале русской и французской прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2007.

13. A blog from Cambridge dictionary. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms>.

14. Conboy M. The Language of Newspapers: Socio-Historical Perspectives. — London : Continuum, 2010. 184 p.

15. Cosslett R. L. Hooray for the Milifans. They can change the world for the better // The Guardian. 2015. 22 Apr. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/apr/22/hooray-milifans-teenage-girls-milifandom-twitter-miliband>.

16. Elgot J. How 'shy Tories' confounded the polls and gave David Cameron victory // The Guardian. 2015. 8 May. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2015/may/08/election-2015-how-shy-tories-confounded-polls-cameron-victory>.

17. Foster P. Donald Trump and Boris Johnson could be leading the English-speaking world by Christmas // The Telegraph. 2016. 22 Feb. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/newstoppers/eureferendum/12168728/Donald-Trump-and-Boris-Johnson-could-be-leading-the-English-speaking-world-by-Christmas.html>.

18. Gee P. J. An Introduction to Discourse Analysis. Theory and Method. — New York : Taylor & Francis e-Library, 2001. 176 p.

19. Lorimer R., Scannell P. Mass communications: a comparative introduction. — Manchester : Manchester Univ. Pr., 1994. 318 p.

20. Macmillan dictionary. URL: <http://www.macmillan.com/>.

21. National Affairs. URL: <http://www.nationalaffairs.com/>.

22. Urban dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/>.

23. WNYC: Leonard Lopate Show (US culture and current affairs). 2016. 13 Jan.

24. Word Spy. URL: <http://www.wordspy.com/>.

7. Murzakov A. A. Funktsional'no-pragmaticheskie aspekty sliyaniya v angliyskom yazyke : avtoref. kand. ... filol. nauk. — SPb., 2013.
8. Nazarov M. M. Massovaya kommunikatsiya v sovremennom mire: metodologiya analiza i praktika issledovaniy. — M. : URSS, 2000. 240 s.
9. Nakhimova E. A. Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii. — Ekaterinburg : UrGPU, 2007. 207 s.
10. Podkopaeva E. P. Vlastnye otnosheniya: modelirovanie posredstvom kontseptsii ritoricheskoy kommunikatsii. URL: <http://www.ehu.by/smschool/docs/podkopayeva.doc> (data obrashcheniya: 02.08.2007).
11. Sokolova G. G. Sostavlyayushchie konnotativnogo znacheniya frazeologicheskikh edinits // Lingvisticheskie problemy perevoda. — M. : Izd-vo MGU, 1981. S. 54—62.
12. Stramnoy A. V. Gazetnyy tekst kak istochnik neologizmov (na materiale russkoy i frantsuzskoy pressy) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2007.
13. A blog from Cambridge dictionary. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms>.
14. Conboy M. The Language of Newspapers: Socio-Historical Perspectives. — London : Continuum, 2010. 184 p.
15. Cosslett R. L. Hooray for the Milifans. They can change the world for the better // The Guardian. 2015. 22 Apr. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/apr/22/hooray-milifans-teenage-girls-milifandom-twitter-miliband>.
16. Elgot J. How 'shy Tories' confounded the polls and gave David Cameron victory // The Guardian. 2015. 8 May. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2015/may/08/election-2015-how-shy-tories-confounded-polls-cameron-victory>.
17. Foster P. Donald Trump and Boris Johnson could be leading the English-speaking world by Christmas // The Telegraph. 2016. 22 Feb. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/newstopics/eureferendum/12168728/Donald-Trump-and-Boris-Johnson-could-be-leading-the-English-speaking-world-by-Christmas.html>.
18. Gee P. J. An Introduction to Discourse Analysis. Theory and Method. — New York : Taylor & Francis e-Library, 2001. 176 p.
19. Lorimer R., Scannell P. Mass communications: a comparative introduction. — Manchester : Manchester Univ. Pr., 1994. 318 p.
20. Macmillian dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/>.
21. National Affairs. URL: <http://www.nationalaffairs.com/>.
22. Urban dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/>.
23. WNYC: Leonard Lopate Show (US culture and current affairs). 2016. 13 Jan.
24. Word Spy. URL: <http://www.wordspy.com/>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Т. М. Грушевская.

О. Н. Кондратьева, К. А. Ковалева
Кемерово, Россия

**ДИНАМИКА МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ Ю. ТИМОШЕНКО)**

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена обоснованию нового направления диахронической политической метафорологии, заключающегося в изучении метафорической динамики в идиостиле отдельных политиков. Анализ метафор, доминирующих на каждом этапе карьеры политика, выявление причин, которые привели к изменению в его метафорическом инструментарии, позволит установить взаимосвязь между событиями в политической жизни персонажа и языковыми средствами, используемыми для их описания, т. е. даст возможность эксплицировать когнитивные стратегии политика.*

Для верификации данной гипотезы выполнен анализ динамики метафорических моделей в выступлениях одной из наиболее ярких фигур современной политики — Юлии Тимошенко. Сделан вывод, что для каждого периода ее политической деятельности характерно преобладание определенных типов метафор: во время первого участия в президентских выборах в выступлениях Юлии Тимошенко доминировали милитарные и отчасти спортивные метафоры, демонстрирующие стремление к победе, в период судебного процесса — театральные метафоры, актуализирующие фальшивость происходящего, постановочный характер процесса, его нелегитимность, в период баллотирования в президенты в 2014 г. активизируются криминальные метафоры, демонстрирующие несовершенство политической деятельности оппонентов и тревожную ситуацию в стране, с 2015 года снова наблюдается всплеск милитарной метафоры, являющийся отражением военного и политического конфликта в стране.

Таким образом, смена господствующей метафорической модели напрямую обусловлена политической ситуацией и идеологическими установками, которыми политик руководствуется в своей деятельности, целями, которых он стремится достичь в конкретный период своей карьеры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая коммуникация; диахроническая метафорология; метафорическая динамика; дискурс; концептуализация; концептуальная метафора; Юлия Тимошенко.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Кондратьева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Кемеровский государственный университет; адрес: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6309; e-mail: Kondr25@rambler.ru.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ковалева Кристина Андреевна, магистр по направлению «Филология», Кемеровский государственный университет; 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, корп. 6, к. 6309; e-mail: verle.kristina@yandex.ru.*

Политическая лингвистика для достижения своих целей активно использует достижения современной когнитивно-дискурсивной парадигмы, в том числе из области анализа метафорических моделей в политической коммуникации. Использование предложенного Е. С. Кубряковой когнитивно-дискурсивного подхода предполагает изучение метафоры как основного средства постижения и рубрикации действительности, при этом исследования должны выполняться с неизменным учетом многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, культурой и коммуникацией, а также с обязательным учетом связей между спецификой разных типов дискурса и состоянием общества на определенном этапе развития.

Очевидно, что метафорические модели, подобно эпохам, сменяют друг друга, высвечивая значимые для определенного периода ассоциации и связи и оставляя в тени менее существенные [Стоянова 2013: 61]. Изменение политической ситуации в стране, изменения в культуре, в образе жизни и образе мыслей приводят к смене господствующих метафорических моделей, задействованных в осмыслении политической действительности. Соответственно все более широкое распространение получает новое научное направление — диахроническая политиче-

ская метафорология, наиболее активно разрабатываемая в рамках уральской лингвистической школы [см., напр.: Аникин, Будаев, Чудинов 2015а, 2015б; Никифорова, Чудинов 2016 и др.].

В работах представителей школы представлен анализ зарубежных и отечественных методик изучения истории политических метафор, намечены перспективы диахронических исследований политической метафоры. Также в результате сопоставительного анализа работ, посвященных описанию метафоры различных периодов Российского государства, стал возможным вывод об изменении доминантных метафорических моделей в XX столетии. В частности, в советскую тоталитарную эпоху доминировали милитарные метафоры, в эпоху застоя — метафоры родства, в период перестройки — архитектурные метафоры, а конец столетия ознаменовался доминированием театральных, сексуальных и криминальных метафор [Баранов 1991, Будаев 2011; Каслова 2003; Чудинов 2001]. Таким образом, вполне очевидно, что в разные исторические периоды существуют разные концепции политики, что находит свое выражение и в доминирующих метафорических стратегиях, которые в значительной степени определяются господствующей идеологией и духом эпохи.

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-04-00311, название проекта: «Лингвокогнитивный анализ конфликтов в сфере обыденной политической коммуникации».

© Кондратьева О. Н., Ковалева К. А., 2016

Совершенно же не разработанной в лингвистике областью является изучение метафорической динамики в идиостиле отдельных политиков. Между тем нам представляется значимым не только рассмотрение основных языковых особенностей (в том числе и метафорических) конкретного политического деятеля, но и анализ его языковой эволюции, анализ метафор, доминирующих на каждом этапе его политической карьеры, выявление причин, которые привели к изменению в метафорическом инструментарии политического деятеля.

Подобный ракурс изучения позволит установить взаимосвязь между событиями в политической жизни персонажа и языковыми средствами, используемыми для их описания, а также для описания политической ситуации в стране и воздействия на избирателей в каждый конкретный период, т. е. даст возможность эксплицировать когнитивные стратегии политика.

Для верификации данной гипотезы был выполнен анализ динамики метафорических моделей в выступлениях одной из наиболее ярких фигур современной политики — Юлии Тимошенко. Выбор для изучения данной политической фигуры обусловлен двумя факторами. Во-первых, это острая и нестабильная политическая ситуация на Украине, поскольку смена метафоры «особенно заметна в период общественно-политических преобразований» [Будаев 2011: 151]. В этом отношении страна, пережившая «оранжевую революцию», Евромайдан, разрушение территориальной целостности, вооруженный конфликт, представляется перспективной в плане материала для исследования. Во-вторых, именно Юлия Тимошенко является активным участником политических процессов на всех этапах современной истории Украины и ее выступления отличаются высокой степенью метафоричности и эмоциональности.

Цель настоящей статьи — обоснование методологических принципов описания динамики метафорических моделей в идиостиле политических деятелей и описание динамики метафорических моделей в идиостиле Юлии Тимошенко.

Методика анализа метафорической динамики идиостиля политика включает следующие процедуры: 1) определение временного отрезка, который будет подвергнут анализу; 2) выбор типа фрагментации политического дискурса; 3) выделение этапов политического пути изучаемого персонажа и их характеристика; 4) выявление доминирующих в каждый период метафорических моделей; 5) описание их фреймово-слото-

вой структуры; 6) установление причин доминирования выявленных моделей; 7) выстраивание корреляций между политическими событиями в изучаемый период и предположаемыми метафорическими моделями; 8) выявление когнитивных стратегий самопрезентации политика и осмысления политической ситуации в стране.

В предлагаемом исследовании представлено описание метафорической динамики в выступлениях Юлии Тимошенко за период 2010—2016 гг. Данный временной отрезок максимально насыщен событиями как в политической жизни Украины, так и в политической судьбе Юлии Тимошенко.

Диахроническое изучение материала «всегда связано с сопоставлением по крайней мере двух последовательных стадий (синхронных срезов) в системе языка» [Кубрякова 1998: 136], поэтому исследование динамики метафорических моделей традиционно начинается с вычленения периодов (сегментов, фрагментов), которые будут подвергнуты анализу и сопоставлению.

Различные способы вычленения периодов (фрагментации) применительно к политическому дискурсу сформулированы Э. В. Будаевым. В частности, введены понятия *равномерной* и *фокусной* фрагментации: при равномерной фрагментации «временной отрезок делится на равные части, называемые шагами фрагментации», при фокусной фрагментации «разбиение временного периода связано с определенными политическими событиями, а шаг фрагментации не привязан к хронологии в астрономическом понимании» [Будаев 2011: 142—143].

Более продуктивной для нашего исследования нам представляется фокусная фрагментация, позволяющая показать взаимосвязь политических событий и описывающей их метафоры. При этом в качестве критерия фокусной фрагментации могут избираться как политические события, значимые не только для конкретного политика, но и для всей страны (например, президентские выборы и последующий период президентского правления, выборы в Думу и работа избранного органа власти и т. д.), так и события, непосредственно определяющие политическую карьеру определенного политического персонажа.

Первый подход позволяет выделить равновеликие отрезки, например, от выборов до выборов (как правило, 4—5 лет), при втором подходе размеры периодов могут колебаться, так как в политической деятельности персонажа чередуются периоды взлетов и падений, периоды активной деятельности и временного ухода с политической

арены, и, как следствие, наблюдаются «метафорические бури и затишья».

Кроме того, в рамках первого подхода акцент делается на взаимосвязи судьбы страны, карьеры политика и его метафорического лексикона, второй подход сосредоточен на непосредственной взаимосвязи этапов политической карьеры и метафорического инструментария политического персонажа, т. е. представляет собой более персонализированный вариант анализа. В настоящем исследовании нами избран второй подход.

В статье, как уже было отмечено, избран для анализа период 2010—2016 гг., характеризующийся наиболее яркими политическими событиями в жизни Ю. Тимошенко. В его составе методом фокусной фрагментации выделены следующие периоды: 1) 2010 г. — президентские выборы, проигрыш Виктору Януковичу, отставка правительства Ю. Тимошенко; 2) 2011 г. — судебный процесс над Ю. Тимошенко; 3) 2011—2014 гг. — пребывание в заключении; 4) 2014 г. — освобождение, юридическая реабилитация, президентские выборы, парламентские выборы; 5) 2015—2016 гг. — парламентская деятельность.

Метафорический инструментарий Юлии Тимошенко на всех этапах ее пути отличается яркостью и разнообразием; регулярно используются милитарная, криминальная, театральная, спортивно-игровая, морбиальная, религиозная, строительная, компьютерная метафорические модели [см.: Кондратьева 2010; Кондратьева, Ковалева 2015; Ковалева 2015 и др.], тем не менее контент-анализ и прием количественного подсчета позволили выявить достаточно четкое доминирование в каждом из изученных периодов одной из перечисленных метафорических моделей, наиболее активно применяемой для характеристики политических процессов и для самопрезентации.

2010 г.

Главные политические события в этот период — президентские выборы, проигрыш Виктору Януковичу, требование признать выборы сфальсифицированными, недоверие правительству Юлии Тимошенко и последующая отставка кабинета министров, формирование коалицией кабинета министров Н. Азарова, расцененное БЮТ (Блок Юлии Тимошенко) и партией «Наша Украина — Народная самооборона» как «антиконституционный переворот в парламенте и правительстве».

Перечисленные события объединены максимальным стремлением добиться поставленной цели (победить на выборах, устранить политических соперников, сохранить

политическое господство) и характеризуются значительным эмоциональным накалом. Эти причины и определили господство в названный период милитарной метафорической модели с ее концептуальными векторами агрессивности и тревожности.

Милитарная метафорическая модель в данный период является не только самой частотной, но и наиболее структурированной. В ее состав входят фреймы «Война и ее разновидности», «Организация военной службы», «Военные противники», «Военные действия и вооружение», «Начало войны и ее итоги».

1. Фрейм «Война и ее разновидности»

В метафорической картине мира Юлии Тимошенко избирательная кампания представляется как непрекращающаяся война. Это война за достойное место в политике, война внутри политических партий, война между партиями, война за будущее Украины. Данный фрейм в выступлениях Ю. Тимошенко представлен чаще всего номинациями *война, газовая война, внутривидовая война, фронт, реванш*.

Главные баталии разворачиваются в рамках страны — это война против украинского государства и его интересов: *Виктор Ющенко сдал Украину Януковичу, и сегодня они ведут совместную войну против государства* (14.01.2010). Политические персонажи, утратившие власть в 2004 г., настойчиво стремятся к реваншу: *Только вместе, единые мы можем противопоставить свою цель реваншу, который навигается на наше государство в лице тех сил, которые хотят завоевать власть, которая не досталась им в 2004 году* (22.01.2010).

Для достижения своих целей Тимошенко призывает прекратить войну между демократическими силами, которую она называет «внутривидовой», и объединиться против общего противника: *Давно пришло время закрывать все внутренние фронты в демлагере. Вернее, мудро было бы их никогда не открывать. Пример такой внутривидовой войны — технология „против всех“, оплаченная окружением Януковича, и проведенная в жизнь политическими аутсайдерами* (УБОП. Убойный политотдел).

2. Фрейм «Организация военной службы»

Слот 2.1. «Иерархические отношения военнослужащих». Политические деятели характеризуются посредством сопоставления с различными армейскими чинами, среди которых есть как рядовые воины, так и представители командного состава. Члены политических партий и избиратели воспринимаются как рядовые бойцы: *Сегодня я*

предлагаю начать по Украине движение специальной идентификации **всех наших бойцов и борцов**, всех людей, которые исповедуют наши ценности и идеалы (24.08.2010), себе же Юлия Тимошенко отводит роль полководца. Так, на вопрос журналиста, не возникает ли у нее желания бросить все и уехать из страны, был дан следующий ответ: **Ни один настоящий полководец не бросал поле боя** (Коореспондент.net.).

Слот 2.2. «Воинские подразделения». Объединения для совместной политической деятельности представляются Юлией Тимошенко как *армия, заградотряд, орда, банда, пятая колонна: Каждый сам выбирает, куда и как ему идти. Возможно, нужно выставить заградотряды, как это обычно практикуют в Партии регионов?* (Зеркало недели).

Деятельность «пятой колонны» подрывает силы патриотического лагеря: *К сожалению, в демократическом секторе уже давно работают троянские кони, уже давно работает пятая колонна, которая открывает с тыла ворота и запускает врага в самое сердце борьбы. Это, к сожалению, было и во время парламентских выборов последних, и во время президентских* (07.05.2010).

3. Фрейм «Военные противники»

В сознании политиков депутаты от другой партии — это не партнеры, которые предлагают другой путь развития государства, а враги, которых необходимо победить любой ценой: *По словам Юлии Тимошенко, задачи, стоящие перед „Батьківщиной“, приходится решать в сложной ситуации, «когда власть определила нас как главных врагов и оппонентов»* (28.09.2010). Тимошенко постоянно подчеркивает, что главный враг у Украины на данном этапе один — это Виктор Янукович, поэтому необходимо бороться не между собой, а совместными усилиями с ним: *Ведь настоящий враг — это не партнеры по оппозиции. Реальный враг государственности, всего украинского, сегодняшнего и будущего Украины — это Янукович. ... Это очевидно* (УБОП. Убойный политотдел).

4. Фрейм «Военные действия и вооружение»

Слот 4.1. «Военные действия». Действия политических сил, особенно, как отмечает А. П. Чудинов, «производимые интенсивно, целеустремленно, решительно» [Чудинов 2001: 108], часто описываются метафорами тактики ведения боевых действий. В высказываниях Ю. Тимошенко частотны такие лексемы, как *боевые действия, дать бой, политические бои, зачистка, блокада,*

атаковать, отступить, отходить, бить по своим, наносить удары и др.

Политические взаимоотношения представлены как постоянные военные действия, сотрясающие страну: *Я понимаю, что вы устали от жестоких политических боев, и я вместе с вами также хочу стабильности и спокойствия в нашем государстве* (13.02.2010). Битва идет не только между разными политическими партиями, но и внутри них: *А если лидер оппозиционной партии бьет по своим, это лучшая лакмусовая бумажка, это критерий того, чтобы определиться, что это ненастоящая оппозиция* (01.05.2010).

Оппозиция живет и работает в экстремальных «боевых условиях», при политической блокаде и «зачистке» территории: *То, что предлагает Янукович — это полная дезинтеграция. Я бы сказала, это зачистка партий как таковых, которые могут сопротивляться диктатуре* (11.10.2010).

Тем не менее Юлия Тимошенко уверена, что ВО «Батьківщина» преодолет все препятствия и продолжит сражение: *Большая Украина, но отступить некуда, оккупантов надо гнать* (28.09.2010). Команда оппозиции, очистив свои ряды, даст решительный бой: *Мы будем готовы дать бой за Украину* (Зеркало недели).

Слот 4.2. «Пленные и заложники». В процессе схватки субъекты политической деятельности попадают в плен, становятся заложниками, соратники ведут борьбу за их освобождение: *В стране, по сути, идет полномасштабная война между ветвями власти, берут „пленных и заложников“ в ранге министров* (Фокус); *Мы начинаем борьбу за освобождение Украины* (25.04.2010).

Слот 4.3. «Виды вооружения и военных сооружений». Сражение, в том числе и политическое, невозможно без применения оружия. Политики ревностно наблюдают друг за другом, определяя, какие средства есть в арсенале их противников: *Эти люди хотят сегодня прорваться к власти, неся риски потери европейского пути независимости, и мы должны знать, каким оружием они воюют* (22.01.2010).

Участники политических боев используют для достижения своих целей самые разнообразные виды оружия, чаще всего современные, например, *пушки и артиллерию: Самой большой политической ошибкой его президентства было использование против меня „тяжелой артиллерии“* (РосИнвест); *Уважаемые оппозиционеры, поверните ваши пушки на настоящих оппонентов* (Коореспондент.net.).

Основным оружием в политических баталиях выступают бюллетени и голоса избирателей: *У народа есть оружие, но его немного, и одно из таких оружий надежных — это бюллетень, голос и возможность сказать свое слово всей власти и всем политикам* (24.08.2010); *Сегодня, когда мы уже находимся за неделю до выборов, то одно из мощнейших оружий, которые находятся в руках у людей — голос, их право выбора* (11.01.2010).

Помимо оружия в битве активно используются и оборонные сооружения — блиндажи, баррикады: *Демократические силы, все силы, которые любят и защищают Украину, должны быть сегодня по одну сторону баррикад...* (29.01.2010); *...это поможет гражданскому обществу в Украине, которое сегодня осталось последней баррикадой демократии* (03.06.2010).

5. Фрейм «Начало войны и ее итоги»

Слот 4.1. «Начало военных действий». Изменения в политических реалиях, резкое обострение политических отношений традиционно описываются в таких метафорических выражениях, как *напасть, развязать войну, объявить войну, бросить вызов, вызвать на бой*. Юлия Тимошенко активно использует в своих обращениях к соперникам метафоры дуэли и рыцарского поединка, восходящие к европейской традиции. Так, баллотирываясь в президенты, она настойчиво приглашала Януковича принять участие в политических дебатах: *Сейчас я хочу еще раз бросить ему (Януковичу. — О. К., К. К.) перчатку и 15 января пригласить на прямые дебаты* (14.01.2010).

Слот 4.2. «Защита». Традиционно говорят о двух основных стратегиях битвы — нападении и защите (обороне). В дискурсе Юлии Тимошенко господствуют метафоры защиты. Постоянно говорится о необходимости защиты демократии и свободы: *одни политики защищают демократию в Украине, а вторые просто кладут ее под каток и, по сути, уничтожают на корню* (04.02.2010). Именно защита Украины видится главным в политических баталиях: *Сегодня я прошу: защитите Украину, защитите ту стратегию, которую мы сейчас наметили. Не допустите отката назад* (24.01.2010).

Слот 4.3. «Завершение военных действий». Результаты противостояния субъектов политической деятельности могут быть метафорически представлены как *победа, поражение, оккупация, пленение*.

Счастливым исход битвы — это, конечно же, победа: *У меня сейчас есть ощущение и складывается уверенное впечатление, что*

победа именно такой Украины, которую мы хотим видеть — она будет, и будет достойной без всякой возни и суеты (10.01.2010); *Если вся Украина завоеует победу, то у меня хватит сил завоевать то, что является делом моей жизни — укрепление независимости Украины* (02.02.2010).

Лоббирование исключительно своих интересов в ущерб государству расценивается как поражение и «сдача» государства: *Виктор Ющенко сдал Украину Януковичу, и сегодня они ведут совместную войну против государства* (14.01.2010), а заключение экономически невыгодных сделок — как проигрыш и выплата контрибуции: *Создается впечатление, что как будто Украина проиграла войну Януковичу, и „победители обложили всех нас контрибуциями и репарациями“* (09.09.2010).

Таким образом, президентские выборы 2010 г. концептуализируются Юлией Тимошенко как активные боевые действия. В правительстве окопались враги, которых необходимо победить любой ценой. Прагматический потенциал милитарной метафоры характеризуется векторами агрессивности, опасности, тревожности. В то же время в подобных метафорах просматривается обеспокоенность судьбой страны, стремление бороться за нее изо всех сил ради лучшего будущего.

2011 г.

Центральным событием данного периода является длительный судебный процесс над Юлией Тимошенко, завершившийся ее осуждением. Следствие предъявило Тимошенко окончательное обвинение по трем статьям Уголовного кодекса — превышение служебных полномочий, злоупотребление служебным положением, повлекшее тяжкие последствия и нарушения бюджетного законодательства. Премьер-министр Украины Н. Я. Азаров заявил, что действия правительства Тимошенко нанесли ущерб государству в 100 млрд гривен. Печерский районный суд Киева 11 октября 2011 г. приговорил Юлию Тимошенко к семи годам лишения свободы за превышение полномочий при подписании газовых контрактов между «Нафтогазом Украины» и «Газпромом» в 2009 г.

Судебные заседания в многочисленных комментариях Юлии Тимошенко по данному поводу регулярно описывались как некое зрелище, представление различных видов и жанров; тем самым создавался образ заказного, постановочного процесса, разворачивающегося по уже заранее известному сценарию. Проведенный анализ показал, что метафорическая модель «Судебный про-

цесс — это театральное представление», активно функционирующая в выступлениях Юлии Тимошенко 2011 г., представлена пятью фреймами: «Вид зрелища и жанр представления», «Элементы представления», «Театральные декорации и реквизит», «Работники театра», «Публика», — каждый из которых включает в свой состав конкретные слоты и организует значительное количество метафорических переносов.

1. Фрейм «Вид зрелища и жанр представления». В своих выступлениях Юлия Тимошенко регулярно интерпретирует инспирированный над нею судебный процесс как заказное политическое зрелище, имеющее весьма сомнительный характер: *Зато действующая власть предлагает сомнительные политические зрелища, показательные судилища, перебивание грязного белья, инспирированные идеологические конфликты* (24.08.2011), детально характеризует это представление в жанрово-видовом отношении.

Слот 1.1. «Вид зрелища». Судебный процесс над Ю. Тимошенко охарактеризован как различные виды представлений — *спектакль, цирк, шоу: Прокуроры... не реагируют ни на какие незаконные действия судьи. Это говорит о том, что все это — спектакль* (24.06.2011); *Не превращайте суд в цирк. Вас семеро с одной стороны. Я — одна и не могу защищаться* (27.07.2011); *Несмотря на отсутствие состава преступления, он продолжает это судебное шоу* (27.07.2011.).

Слот 1.2. «Жанр представления». Основной жанр судебной театральной постановки над Юлией Тимошенко — это фарс: *Я требую сейчас, чтобы суд, который будет меня судить, вместо фарса превратился в настоящий суд* (24.06.2011); *Как мы и ожидали, этот суд превратили в фарс* (11.05.2011). Посредством подобных метафор актуализируется идея профанации, имитации судебного процесса. По мере развития судебного процесса *театр фарса* постепенно превращается в *театр абсурда*: *Они будут говорить, что это опять „виновата невестка“ потому, что она подписала „не такие газовые соглашения“.* *Это театр политического абсурда* (11.04.2011). Метафоры видов и жанров политического представления актуализируют идею заказного, постановочного характера процесса, его алогичности и абсурдности, что позволяет сделать вывод об искусственности и наигранности судебного процесса.

2. Фрейм «Элементы представления». Течение театрализованного действия проходит по определенной схеме, судебный

спектакль также состоит из эпизодов, актов, в качестве которых предстают отдельные судебные заседания: *Это — фарс, в последнем акте которого должны заключить Юлию Тимошенко* (3.08.2011). При заинтересованности зрителя спектакль могут повторить «на бис»: *Суд начал повторно читать фальшивое обвинительное заключение с трансляцией в Межгорье. Повторяют шоу „на бис“ для одного зрителя — Януковича* (22.06.2011).

3. Фрейм «Театральные декорации и реквизит». В театральном действе существенное значение имеет и его оформление, зачастую несущее мощную смысловую нагрузку. Метафоры бутафории позволяют продемонстрировать фальшивость, показной характер политического процесса: *В частности, сейчас МВД планирует все же устроить бутафорский новый судебный процесс над Юлией Тимошенко* (05.06.2012).

Слот 3.1 «Декорации». Лексемы *кулисы, занавес, ширма* чаще всего метафорические используются в лексиконе Ю. Тимошенко для обозначения скрытости истинных причин и механизмов происходящего, указывают на завуалированных истинных организаторов происходящего: *Я думаю, что причина заменить представителей гражданского истца заключается в том, что прокуратуру и тех, кто руководит из-за кулис всем этим процессом, не устраивают люди, у которых есть совесть, профессионализм, порядочность* (2.09.2011).

Слот 3.2. «Реквизит». Метафоры реквизита традиционно указывают на вторичность, искусственность, позволяют представить сопоставимые с ними реалии как объекты разного рода манипуляций истинных авторов происходящего. Участники судебного процесса охарактеризованы Ю. Тимошенко не как самостоятельные персонажи, а как часть реквизита, умело используемого администрацией президента, это марионетки, которых ловко дергают за ниточки: *У меня есть отвод судьи. ...Я заявляю вам отвод, потому что считаю вас марионеткой администрации президента* (24.06.2011); *Марионетка Киреев выполнил заранее спланированную провокацию и отстранил от участия в деле Сергея Власенко* (18.07.2011). Названные марионетки — послушные исполнители чужой воли, лишённые собственного мнения, соответственно, в интерпретации Юлии Тимошенко, они не имеют никакого права вершить над ней суд.

4. Фрейм «Работники театра». Участники судебного процесса предстают в высказываниях Юлии Тимошенко как актеры, разыгры-

вающие свои роли: *К большому сожалению, там те же актеры — это господин Ключев, господин Ющенко, они публично подписали капитуляцию Украины и сдачу ее национальных интересов* (03.02.2011).

Судью, возглавляющего «газовый» судебный процесс, Тимошенко регулярно именуется ряженым, тем самым подчеркивая, что это не настоящий судья, а всего лишь его подобие: *Киреев, вы не рассматриваете дело, вы ее фальсифицируете. Вы — не судья. Киреев, вы преступник в мантии, вам надо снять мантию, все признаки государства и уйти из зала. Вы ряженный, который выполняет заказы на политические репрессии* (5.09.2011); *Жаль Киреева и других ряженных* (18.07.2011). Актеры играют предложенные им правительством роли, так Тимошенко ставит под сомнение право данных персонажей вершить над ней суд.

5. Фрейм «Публика». Поставленный спектакль имеет своих зрителей. В данном судебном процессе, по мнению Юлии Тимошенко, только один заинтересованный зритель — президент Украины В. Янукович, выступающий сразу в двух ипостасях — и как заказчик спектакля, и как его зритель: *Я знаю, что у уголовного дела есть один заказчик, один судья, один зритель, один человек, который получает от этого удовольствие* (26.08.2011). *Суд начал повторно читать фальшивое обвинительное заключение с трансляцией в Межигорье. Повторяют шоу „на бис“ для одного зрителя — Януковича* (22.06.2011).

Таким образом, в выступлениях Юлии Тимошенко театральная метафора является основным средством репрезентации судебного процесса 2011 г. Целью использования подобных метафор является акцентирование внимания народа на несамостоятельности судебных органов, их зависимости от администрации президента. Подобным способом подчеркивается постановочность судебного процесса, его заказной характер, ставится под сомнение его легитимность.

2011—2014 гг.

Период пребывания в заключении. 30 декабря 2011 г. Юлию Тимошенко перевели из Киевского СИЗО в Качановскую исправительную колонию № 54, в Харьков, затем, в мае 2012 г., в связи с ухудшением состояния здоровья она была перевезена в центральную клиническую больницу № 5 в Харькове, где и находилась в условиях усиленного тюремного режима до момента освобождения. Находясь за решеткой, Юлия Тимошенко неоднократно обращалась к народу с просьбой бороться за свою свободу путем свержения правительства и президента.

В высказываниях Юлии Тимошенко начиная с 2011 г. отчетливо звучат религиозные нотки. Это как разного рода прямые номинации, упоминания о Боге, вере, жертвенности, так и сакральная метафорика, что ранее было не характерно для ее идиостиля. Появление подобных метафор, на наш взгляд, обусловлено произошедшими в судьбе Юлии Тимошенко изменениями, стремлением показать незаслуженность судебного приговора, представить себя в качестве невинной жертвы режима, стоически переносящей выпавшие на ее долю испытания. В 2012—2014 гг. сакральная метафорика представлена следующими фреймами: «Святость и греховность», «Божья благодать и наказание за грехи», «Религиозные действия и ритуалы», «Святыни и предметы культа», «Религиозные войны», «Чудеса веры».

1. Фрейм «Святость и греховность». Лексемы *святость*, *святой* получают метафорическое переосмысление при характеристике разнообразных реалий политической действительности Украины. Подобное употребление обладает ярко выраженным позитивным прагматическим потенциалом, актуализирует смыслы особой значимости, чистоты, непорочности, истинности. Метафорические эпитеты подобного типа характеризуют Украину в целом и политическую деятельность Юлии Тимошенко и ее сторонников (но никогда, что вполне закономерно, не относятся к ее оппонентам): *Чем больше честных и уверенных в своей правоте людей, таких как вы, мои родные, восстанет против несправедливости, тем быстрее мы будем праздновать становление и возрождение нашей новой жизни и святой Украины* (27.10.2012); *Мне больно, что я не могу физически быть вместе с вами, что не могу сейчас вместе с вами дышать святым воздухом единства, свободы и борьбы, который всегда был на нашем Майдане* (25.11.2013); *Наше национальное достоинство — право быть суверенными. Это святое право* (26.04.2014). Соответственно политические концепции идеологических противников Юлии Тимошенко предстают как изначально порочные, греховные по своей сути.

2. Фрейм «Божья благодать и наказание за грехи». Во многих религиозных концепциях предполагается вознаграждение или возмездие за определенные поступки. Это награда за угодное Божеству поведение (божья благодать) и соответственно наказание за неугодное, т. е. за греховность (отлучение от церкви).

Слот 2.1. «Божья благодать». Выход студентов на Майдан в метафорической

трактовке Юлии Тимошенко предстает в ореоле Божьего благословения: *Сегодня вы сделали Евромайдан креативным, жизнерадостным, красивым, совершенно мирным. Такое впечатление, что вы своим особым языком просили Божьего Благословения, и оно вошло над Украиной и вдохновило весь мир на нашу поддержку* (29.11.2013).

Слот 2.2. «Наказание за грехи». Дистанцирование Украины от Европы описывается метафорами отлучения от церкви: *Я прошу вас поднять невиданную по своему масштабу лавину нашей воли и силы до такого уровня, чтобы авторитарная мафия Януковича не смогла помешать нашему историческому, святому воссоединению с нашей настоящей цивилизационной семьей, от которой мы были отлучены сотни лет* (25.11.2013).

3. Фрейм «Святыни и предметы культа». В религиозной жизни есть особые артефакты — иконы, мощи святых, гробницы и т. п., которым поклоняются верующие, а также культовые строения, необходимые для богослужения (храм, собор, капелла и т. д.). Главными ценностями и соответственно главными святынями в выступлениях Юлии Тимошенко становятся свобода и независимость Украины.

В период тюремного заключения Юлия Тимошенко неоднократно, в том числе и ее дочерью, именуется новой иконой свободы: *Моя мама стала иконой свободы во всем мире* (19.02.2012). Сама Юлия Тимошенко схожим образом характеризует Маргарет Тэтчер, на которую стремится во многом быть похожей: *Железная Леди стала светской иконой* (17.04.2013).

Участники политического конфликта, погибшие во время противостояния, метафорически уподобляются наиболее значимым объектам христианства, обладающим к тому же и несомненной культурной ценностью, а именно фрескам и капелле: *В Ватикане на стене Сикстинской капеллы находится одна из известных и величественных фресок христианской культуры. Называется „Последний суд“ Микеланджело. У нас теперь есть своя фреска и своя капелла — это наша Небесная сотня* (29.03.2014). Таким образом, Юлия Тимошенко и ее единомышленники представляются как объект особого поклонения, некий эталон для всех прочих.

4. Фрейм «Религиозные действия и ритуалы». С древних времен люди проводили ритуалы, чтобы умилостивить богов, успокоить стихии, получить хороший урожай, победить врага.

Слот 4.1. «Религиозные действия». Вера в Божество является необходимым условием любой религии. В политическом дискурсе Юлии Тимошенко объектом веры становится не Бог, а конституция: *Поэтому наша задача, если мы вносим изменения в Конституцию, вернуть к этой Конституции веру в обществе, веру в сердце каждого человека* (29.04.2014).

Актуальным для политического дискурса Тимошенко в период тюремного заключения становится и концепт «покаяние». Но если традиционно при покаянии просят прощения у Бога за совершенные прегрешения, то в данном случае речь идет о признании политических ошибок (искреннем или мнимом) перед лицом электората: *Я, как один из политиков, каюсь. Я хочу извиниться перед вами за всех политиков. Неважно, в каких они партиях. Неважно, какие они занимают должности. Политики до сегодняшнего дня были вас недостойны ... Я хочу сделать все, чтобы вы простили других политиков, других должностных лиц, других чиновников* (22.02.2014).

Слот 4.2. «Религиозные ритуалы». К числу основных религиозных ритуалов можно отнести освящение, крещение, жертвоприношение. Жертвоприношение — обряд установления связи с богами или другими сверхъестественными существами путем принесения им в дар предметов, обладающих реальной или символической ценностью для жертвователя. В высказываниях Юлии Тимошенко все ценности приносятся на политический алтарь во имя будущего страны: *Нет такой мирной и моральной жертвы, которую мы не принесли бы ради нашего европейского будущего* (26.11.2013).

Жизненный путь Тимошенко и ее единомышленников предстает в подобной интерпретации как жертвенное служение главному божеству — Украине: *Мы с вами сильны нашей верой в Господа, любовью к людям, способностью прощать, жертвенным служением своей родной земле, своей великой стране* (27.11.2012); *Я хочу верить, что главное в нашей жизни — это жертвенное служение людям, своей стране, а не мелочные амбиции и интриги* (20.12.2012).

5. Фрейм «Религиозные войны». Столкновения между представителями разных конфессий становятся базой для описания напряженной политической борьбы, борьбы с коррупцией: *Это явление настолько поглощило Украину, что сегодня борьба с коррупцией может стать практически крестовым походом. А этот закон позволяет каждому человеку быть солдатом*

этого крестового похода против коррупции (28.03. 2014).

6. Фрейм «Чудеса веры». Основное чудо христианства — Воскресение Христа. С помощью метафор подобного плана транслируются идеи возрождения, обретения утраченных ценностей: *Украина непременно победит и создаст для всех нас такое общество, которого все мы достойны! Христос Воскрес! Воскреснет и Украина!* (20.04. 2014); *Благодаря вам* (студентам. — О. К., К. К.) *сейчас в Украине происходит настоящее чудо. Вы вдохнули в украинское общество жизнь* (29.11. 2013).

Таким образом, метафоры с исходной сферой «религия» становятся в период тюремного заключения характерной чертой политического языка Юлии Тимошенко. Посредством использования сакральной метафоры, обладающей позитивным прагматическим потенциалом, экс-премьер стремится создать особое отношение к своей деятельности как к освященному Божьим промыслом процессу, а также сформировать в народном восприятии свой образ как некоей мученицы за идею, жертвы, пострадавшей от несправедливых гонений, но по-прежнему готовой претерпеть страдания и муки за Украину и за украинский народ, т. е. позиционирует себя как святую нового времени, как новую икону свободы.

2014 г.

Основные события в данный период — освобождение, юридическая реабилитация, президентские и парламентские выборы. После вооруженных столкновений между сторонниками оппозиции и силами правопорядка в феврале 2014 г. в Киеве В. Янукович был отстранен от власти. 22 февраля Верховная рада на основании решения Европейского суда по правам человека и Комитета министров Совета Европы приняла постановление «О выполнении международных обязательств Украины по освобождению Тимошенко Ю. В.». На основании этого постановления Тимошенко в тот же день смогла покинуть больницу в Харькове, после чего начала активную политическую деятельность, в том числе включилась в президентскую избирательную кампанию.

Ключевыми тезисами избирательной кампании Юлии Тимошенко в 2014 г. были искоренение коррупции, борьба с олигархами, европейский путь развития Украины (в частности, подписание Соглашения об ассоциации с ЕС), противодействие российской агрессии и восстановление территориальной целостности Украины.

Для усиления эффекта при воздействии на электорат в выступлениях Юлии Тимо-

шенко начинают активно использоваться криминальные метафоры, имеющие целью показать, насколько прогнила действующая политическая система за время ее отсутствия, подчеркнуть необходимость немедленных преобразований, имеющих целью спасение Украины. Поэтому в выступлениях Юлии Тимошенко данного периода украинское политическое сообщество регулярно предстает как мир преступности, а сама Украина показывается глубоко погруженной в криминальную действительность: *Я обращаюсь к властной мафии, силой захватившей Украину и погрузившей ее в свою темную уголовную действительность!* (20.01.2014); *Зря об этом напоминать, поскольку правовой аферизм уже стал маркером украинской власти* (30.05.2013).

Криминальная метафорическая модель включает в свой состав фреймы «Преступники и их специализация», «Преступные сообщества и их структура», «Профессиональная деятельность и быт преступников», «Милиция и охрана».

1. Фрейм «Преступники и их специализация». Участники политических процессов метафорически представлены как преступники, угрожающие спокойной жизни государства: *аферисты, шулеры, воры, клептоманы, коррупционеры, костоломы, убийцы, наперсточники*.

С точки зрения Юлии Тимошенко, украинские политики просто одержимы идеей воровства, она перерастает у них в манию, практически профессиональную болезнь — клептоманию: *Он боится, что Украина после выборов уже не будет его частной собственностью, боится, что будет отвечать за все свое беззаконие, за насилие, за клептоманию, за развал внешней и внутренней стратегий Украины* (22.01.2013).

Главный политический противник Юлии Тимошенко — Виктор Янукович — предстает в ее восприятии как опытный наперсточник. Экс-премьер-министр отметила, что ее оппонент хорошо знает, что без фальсификации результатов голосования он не одержит победу, поэтому ему придется использовать мошеннические технологии: *А если Януковичу придет в голову сломать демократические выборы Президента Украины, устроить очередную игру в наперстки и провести следующие выборы в один тур, от оппозиции будет единый кандидат, и он уже определен* (29.05.2013).

Последние политические события на Украине повышают градус криминальных метафор: если в прошлые годы среди криминальных метафор доминировали метафоры мошенничества и воровства, то в 2013—

2014 г. начинают появляться метафоры особо тяжких преступлений, метафоры лишения жизни. Виктор Янукович начинает характеризоваться как убийца правосудия, убийца благополучия Украины: ...**он** (Янукович. — О. К., К. К.) **перестал быть президентом Украины и стал убийцей. После этого он больше ни на минуту не имеет права занимать президентский пост!** (22.01.2014).

2. Фрейм «Преступные сообщества и их структура». В украинской политической жизни трудно выжить в одиночку. Для более эффективной деятельности преступники объединяются в **группировки, банды, кланы, мафиозные семьи**, члены которых оказывают посильную помощь друг другу и вместе борются с конкурентами на политической сцене: **Я счастлива, что сотни тысяч украинцев вышли на Евромайданы в Украине и по всему миру. Вышли, чтобы не позволить правящей мафии убить наш европейский выбор, сломать нашу жизнь** (25.11.2013); **Вы, мафия при власти, довели людей до предела, вы вырвали из их рук спасительный билет в Европу** (20.01.2014).

Соучастниками политических преступлений, невольными сообщниками высокопоставленных преступников могут оказаться все, кто будет иметь с ними дело: **Политическими сообщниками могут стать те, кто вступит с Януковичем в переговоры: Я требую от оппозиции больше никогда не садиться с Януковичем за стол переговоров. Каждый из нас, кто нарушит это табу, будет сообщником Януковича в убийствах невинных людей** (20.02.2014).

3. Фрейм «Профессиональная деятельность и быт преступников».

Слот 3.1. «Профессиональная деятельность». Политики, приходя во власть, становятся неподконтрольными, и их разрушительная для государства деятельность метафорически представляется с помощью единиц **грабить, насилловать, убивать, держать за горло, кража, грабеж, рэкет, террор, афера**.

Среди видов деятельности украинских политиков доминируют кражи и насилие. Криминальные группировки приносят убытки Украине, прежде всего страна разворовывается теми людьми, которые должны работать для ее развития и процветания. Навязывание своих правил игры, своей воли другим субъектам политических процессов концептуализируется как насилие: **Такие вопиющие случаи пренебрежения законом и справедливостью становятся нормой жизни для нашего изнасилованного общест-**

ва, и почти никто не реагирует и по-настоящему не противостоит этому (07.03.2013); **Вы, мафия при власти, загнали мирных и оптимистичных украинцев в тупик. А теперь, когда они не выдержали этого откровенного надругательства и пришли к вам, пока только на улицу Грушевского, вы имеете наглость этих отчаявшихся людей называть преступниками, угрожать им арестами и травить на них ваших натренированных убийц в форме „Беркута“?** (20.01.2014).

Политическому насилию подвергаются не только отдельные субъекты, но и вся страна в целом: **Гарант Конституции унижает и попирает ее с особым вдохновением. Конституционный суд — именем Украины — освящает своими решениями самое грубое и циничное надругательство над ней** (28.06.2013).

В то же время Ю. Тимошенко не только отмечает аморальность и незаконность политического насилия, но и указывает на бесперспективность подобных методов: **Это нужно в первую очередь вам лично, потому что Украина имеет такую историческую анатомию — брать ее силой бесперспективно. И не такие, как вы, простите, пробовали. И где они? Украина может быть со своим Лидером только по любви, по мудрости, по справедливости** (05.04.2013).

С 2013 г. в политическом дискурсе Тимошенко начинают встречаться метафоры «физического устранения». Так, нарушение правил выборов, нарушение прав украинцев предстает как убийство: **Я счастлива, что сотни тысяч украинцев вышли на Евромайданы в Украине и по всему миру. Вышли, чтобы не позволить правящей мафии убить наш европейский выбор, сломать нашу жизнь** (25.11.2013). Действия В. Януковича приравниваются к расстрелу ни в чем не повинных людей: **Кровь этих Героев Украины на руках Януковича. Он лично стрелял в них вплотную в то время, когда зачитывал поздравление народа с Днем Соборности** (22.01.2014).

Слот 3.2. «Быт и жильё преступников». Метафорические словоупотребления, относящиеся к данному слоту, формируют у адресата представление о проникновении криминальных отношений во все сферы жизни современного украинского общества, даже такие политические структуры, как парламент и Рада, предстают в качестве мест обитания преступников — **малины, притона** и др.: **Если мы оставим этот олигархический клановый коррумпированный парламент, особенно с мажоритарной**

системой выборов, полностью контролируемой теневыми деньгами, и „насадим“ на такой парламент Конституцию 2004 года, то лучше пусть остается президентом Янукович. Ибо в таком унижительном формате парламент Украины будет больше похож на „воровскую малину“, чем на политический центр европейских реформ (15.02.2014).

4. Фрейм «Милиция и охрана». Так как в политическом мире действуют преступные силы, то должны быть и люди, ведущие с ними борьбу и оберегающие покой населения. Данную роль Юлия Тимошенко отводит себе и представителям своего политического блока: *Я знаю, что вы возлагаете на меня надежды, ожидаете, что я смогу с вами освободить Украину от уголовной оккупации, вернуть ее к жизни* (22.01.2013).

Таким образом, с 2013 г. постепенно нарастает использование криминальных метафор, которое значительно увеличивается в 2014 г. Данная тенденция обусловлена резким усложнением политической ситуации на Украине в этот период, стремлением продемонстрировать недостатки деятельности В. Януковича и его окружения, необходимостью оправдать собственные политические маневры. Также наблюдается значительное усиление негативного прагматического потенциала криминальных метафор. Если в 2010—2012 гг. среди криминальной метафорыки доминировали метафоры с ассоциативными семами обмана и наживы, то в 2013—2014 гг. возрастает продуктивность метафор, актуализирующих семы опасности, угрозы, вреда для жизни.

Кроме того, для данного периода характерны многочисленные случаи пересечения криминальной и милитарной метафор, например: *К власти в Украине пришла хорошо вооруженная деньгами и силовыми возможностями мафия* (21.01.2013); *Я знаю, что вы возлагаете на меня надежды, ожидаете, что я смогу с вами освободить Украину от уголовной оккупации, вернуть ее к жизни* (22.01.2013), что также способствует усилению эмоционального впечатления, производимого подобными метафорами.

2015—2016 гг.

Период активной парламентской деятельности и продолжение военного конфликта на территории Украины. Крайне нестабильная политическая ситуация, политические конфликты (внешние и внутренние), разрушающий страну военный конфликт, рост преступности, — все это вызывает новый виток развития милитарной метафоры в выступлениях Юлии Тимошенко, т. е. сфера-источник «война», актуальная для данного

периода украинской истории, становится базой для метафорического представления бедственного положения в стране, данная метафора пронизывает все сферы политической коммуникации, репрезентирует самые разнообразные сферы политической жизни Украины (в отличие от 2010 г., когда ее основной областью-мишенью выступали преимущественно президентские выборы).

В этом отношении показательно, что в выступлении, приуроченном к Дню независимости Украины, Юлия Тимошенко создает новый образ страны — образ женщины-воина в каске и бронежилете: *С Днем рождения тебя, дорогая Страна моя! Двадцать три тебе уже... Ты уже взрослая! Ты уже совершеннолетняя. Ты уже военно-обязанная... Мы хотим, чтобы ты была такой, как положено: в красивой вышиванке и в веночке из полевых цветов, в подсолнухах и спелых пшеничных полях... И пусть сегодня ты в каске и в бронежилете... Пусть сегодня ты на войне! Но очень скоро придет время и ты оденешь лучшую свою вышиванку!* (24.08.2014).

Для репрезентации политического конфликта на Украине Юлия Тимошенко использует традиционные фреймы, которые наполняются новым содержанием, отвечающим современной ситуации в стране. Так, например, в пределах фрейма **«Война и ее разновидности»** речь идет уже не о политических сражениях внутри страны, войне между политическими партиями, а о войне за будущее Украины с ее противниками, в частности, с Россией. При этом, по мнению экс-премьер-министра, Россия объявила войну не только Украине, но и всему мировому сообществу: *Ведь война сегодня идет не в Украине, война сегодня — в Европе, в мире, и объявил ее Путин* (05.02.2015).

Отмечены и изменения и в рамках фрейма **«Организация воинской службы»**. В частности, ранее в виде политических воинов представляли украинские политики, теперь же речь идет о всеобщей «политической мобилизации», воином становится каждый житель Украины: *Главная ценность нашей страны — это вы — непокоренные бойцы, бесстрашные воины!* (08.01.2015).

В рамках фрейма **«Военные действия и вооружение»** по-прежнему подчеркивается оборонительный характер военных действий сторонников Юлии Тимошенко, в качестве агрессора предстает только Россия: *Сегодня именно руководство России, Владимир Путин рвет страну на куски и стреляет в упор. Нужно собрать все необходимые доказательства* (09.02.2015).

По мнению Юлии Тимошенко, руководство России в лице президента воюет не только с Украиной, но и с собственной страной, с ее народом, который не принимает действующий режим: *Я хочу сказать, что это **практически стреляли во всех тех, кто вышел на марш. Это не в Бориса Немцова стреляли. Это стреляли во всю Россию, настоящую Россию, которая хочет свободы, демократии, изменений, открытой жизни. Так я воспринимаю эти выстрелы*** (01.03.2015).

Оружием, с помощью которого можно победить противника, в данный временной период становится не только голос избирателя, но и украинская речь: *Почему первое условие, которое поставил Кремль как ультиматум, когда начали войну — это отмена единого государственного украинского языка? Почему сегодня, когда попадают в плен наши украиноязычные герои, наши бойцы, их пытаются гораздо сильнее? Почему те, кто говорят на украинском языке на оккупированных территориях, попадают в расстрельные списки? Потому что **украинский язык — это не только наше вдохновение, это не только наша защита, а это и наше тайное, но непобедимое оружие*** (26.05.2015).

Таким образом, политический конфликт на Украине репрезентируется Юлией Тимошенко как сражение за будущее Украины. Это объясняется, во-первых, реальными военными конфликтами на территории страны, во-вторых, тем, что в правительстве и в мире много идеологических врагов, которых необходимо победить любой ценой, так как борьба идет за будущее государства. Посредством метафорического моделирования Юлия Тимошенко не только создает негативный образ политических противников, но и стремится сформировать в народном восприятии свой образ как бескомпромиссного, решительного, смелого, мужественного политика, готового бороться за будущее страны.

Выводы

Исследование показало, что при существенном метафорическом разнообразии идиостиля Юлии Тимошенко в каждый период ее политической карьеры доминирует определенная метафорическая модель, что напрямую вытекает из политической ситуации и тех идеологических установок, которыми политик руководствуется в своей деятельности, из тех целей, которых он стремится достичь.

В частности, во время первого участия в президентских выборах в выступлениях Юлии Тимошенко доминировали милитар-

ные и отчасти спортивные метафоры, демонстрирующие стремление к победе, в период судебного процесса — театральные метафоры, актуализирующие фальшивость происходящего, постановочный характер процесса, его нелегитимность, в период баллотирования в президенты в 2014 г. активизируются криминальные метафоры, демонстрирующие несовершенство политической деятельности оппонентов и тревожную ситуацию в стране, с 2015 г. снова наблюдается всплеск военной метафоры, являющийся отражением военного и политического конфликта в стране.

Обращает на себя внимание тот факт, что выявленные доминирующие метафорические модели коррелируют с прозвищами Юлии Тимошенко, активно используемыми в соответствующие этапы ее карьеры. Например, «газовая принцесса», «леди Ю» и монархическая метафора середины 90-х (данный материал не вошел в предлагаемую статью), «единственный мужчина в российской политике» и милитарная метафора (2004—2005 гг.), «икона свободы», «славянская мадонна» (в западных СМИ) и религиозная метафорика в период тюремного заключения и т. д., что косвенно подтверждает успешность избранных политиком метафорических стратегий, позволивших сформировать в глазах общественности соответствующий образ.

Выполненный анализ демонстрирует, что изучение динамики метафорических моделей является областью, требующей исследовательского внимания. Комплексное исследование эволюции метафорических моделей в политическом дискурсе, в том числе и в речи отдельных политических персонажей, выполненное в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, станет важным шагом в развитии диахронической метафорологии и будет способствовать выявлению особенностей миромоделирования русской нации на разных этапах ее развития.

Изучение динамики политической метафоры устанавливает исторические закономерности возникновения и развития метафорических моделей, анализирует происходящие в процессе эволюции изменения в их структуре и особенностях языкового воплощения, определяет доминантные и факультативные модели для каждого периода.

Дальнейший анализ динамики метафорических моделей, задействованных для осмысления политической ситуации в разные периоды, позволит выявить основные тенденции в осмыслении происходящих событий, проследить корреляции между политикой, мышлением, языком и культурой.

ИСТОЧНИКИ

1. Официальный сайт Юлии Тимошенко (архивная версия). URL: <http://www.tymoshenko.com.ua/ru/>.
2. Официальный сайт Юлии Тимошенко. URL: <http://www2.tymoshenko.ua/ru/>.
3. Великая отечественная ВОНА. Интервью с Юлией Тимошенко // Фокус. 2010. № 52. 6.01. URL: <http://www.focus.ua/politics/89782>.
4. Воскрешение Тимошенко: интервью с Юлией Тимошенко // Коореспондент.net. 2010. 6.04. URL: <http://exclusive.korrespondent.net/interview/ipolitics/1069176-voskreshenie-tymoshenko-intervyu-s-yuliej-tymoshenko>.
5. Тимошенко: «Если честно, страшно. В первый раз, с момента прихода в политику, страшно» // УБОП. Убойный политотдел. 2010. 19.05. URL: <http://ubop.net.ua/chtivo/intervyu-s-yuliej-tymoshenko.html>.
6. Тимошенко: Рассчитываем, что новой власти в Украине придется вернуться к внесению изменений в Конституцию исключительно путем голосования в Верховной Раде // Зеркало недели. 2010. № 37 (817). 9—15.10. URL: <http://www.zn.ua/1000/1550/70560/>.

ЛИТЕРАТУРА

7. Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 26—32.
8. Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Архетипы и инновации в диахронической динамике метафорических систем в политической коммуникации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 5—11.

9. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора : материалы к словарю. — М. : Просвещение, 1991. 184 с.
10. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. — Нижний Тагил : НТГСПА, 2011. 330 с.
11. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. — Екатеринбург, 2003. 208 с.
12. Ковалева К. А. Метафорическая репрезентация политического конфликта на Украине в выступлениях Юлии Тимошенко // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы междунар. науч. конф. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2015. С. 129—134.
13. Кондратьева О. Н. Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 101—112.
14. Кондратьева О. Н., Ковалева К. А. Судебный процесс над Юлией Тимошенко в зеркале театральной метафоры (по материалам официального сайта) // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 115—119.
15. Кубрякова Е. С. Диахрония // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. — М. : Большая российская энциклопедия, 1998. С. 136.
16. Никифорова М. В., Чудинов А. П. Варианты и средства репрезентации концептуальной оппозиции «свои — чужие» в дискурсе мэра Екатеринбурга Евгений Ройзмана // Политическая лингвистика. 2016. № 4.
17. Стоянова Е. Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации. — Шумен : УИ «Епископ Константин Преславски», 2013. 276 с.
18. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

О. N. Kondrat'eva, K. A. Kovaleva
Kemerovo, Russia

DYNAMICS OF METAPHORICAL MODELS IN POLITICAL COMMUNICATION
(ON THE EXAMPLE OF ADDRESSES BY J. TIMOSHENKO)

ABSTRACT. *The article is devoted to the explanation of a new direction in diachronic political metaphorology, consisting in the study of metaphorical dynamics in the speech of a certain politician. The analysis of the metaphors dominating at each stage of the politician's career and revealing of the reasons which have led to the change in their metaphorical toolkit will allow to establish interrelation between the events in a political life of the character and the language means used for their description, i.e. will enable to detect conceptual strategy of the politician.*

Dynamics of metaphorical models in the speeches of one of the prominent figures of modern politics — Julia Timoshenko is analyzed for verification of the given hypothesis. A conclusion is drawn, that for each period of her political activity certain types of metaphors dominate: during the first participation in presidential election Julia Timoshenko's speeches were full of military and sport metaphors showing her aspiration to victory; during litigation there were a lot of theatrical metaphors underlining falsity of the situation, factitious character of the process, illegitimacy of the event; being a candidate for President in 2014 criminal metaphors were used showing imperfection of political activity of the opponents and disturbing situation in the country; since 2015 military metaphors are popular again, being a reflection of the military and political conflict in the country.

Thus, the change of dominating metaphorical model is caused by the political situation and ideology, which the politician follows in his or her activity, and the objectives which he/she aspires to reach during the specific period of the career.

KEYWORDS: *political communication; diachronic metaphorology; metaphorical dynamics; discourse; conceptualization; conceptual metaphor; Julia Timoshenko.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kondrat'eva Ol'ga Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kovaleva Kristina Andreevna, Master's Degree in Philology Student, Kemerovo State University.*

REFERENCES

1. Ofitsial'nyy sayt Yulii Timoshenko (arkhivnaya versiya). URL: <http://www.tymoshenko.com.ua/ru/>.
2. Ofitsial'nyy sayt Yulii Timoshenko. URL: <http://www2.tymoshenko.ua/ru/>.
3. Velikaya otechestvennaya VONA. Interv'yu s Yuliej Timoshenko // Fokus. 2010. № 52. 6.01. URL: <http://www.focus.ua/politics/89782>.
4. Voskreshenie Timoshenko: interv'yu s Yuliej Timoshenko // Koorepondent.net. 2010. 6.04. URL: <http://exclusive.korrespondent.net/interview/ipolitics/1069176-voskreshenie-tymoshenko-intervyu-s-yuliej-tymoshenko>.

5. Timoshenko: «Esli chestno, strashno. V pervyy raz, s momenta prikhoda v politiku, strashno» // UBOP. Uboynyy politotdel. 2010. 19.05. URL: <http://ubop.net.ua/chtivo/intervyu-s-yuliej-tymoshenko.html>.
6. Timoshenko: Rasschityvaem, chto novoy vlasti v Ukraine pridetsya vernut'sya k vneseniyu izmeneniy v Konstitutsiyu iskluychitel'no putem golosovaniya v Verkhovnoy Rade // Zerkalo nedeli. 2010. № 37 (817). 9—15.10. URL: <http://www.zn.ua/1000/1550/70560/>.
7. Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3 (44). С. 26—32.

8. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Arkhetipy i innovatsii v diakhronicheskoy dinamike metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikatsii // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2015. № 1. S. 5—11.
9. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Russkaya politicheskaya metafora : materialy k slovaryu. — M. : Prosveshchenie, 1991. 184 s.
10. Budaev E. V. Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya. — Nizhnyy Tagil : NTGSPA, 2011. 330 s.
11. Kaslova A. A. Metaforicheskoe modelirovanie prezident-skikh vyborov v Rossii i SShA (2000 g.) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20. — Ekaterinburg, 2003. 208 s.
12. Kovaleva K. A. Metaforicheskaya reprezentatsiya politicheskogo konflikta na Ukraine v vystupleniyakh Yulii Timoshenko // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya : materialy mezhdunar. nauch. konf. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2015. S. 129—134.
13. Kondrat'eva O. N. Metaforicheskaya reprezentatsiya politicheskoy zhizni Ukrainy v idiosstile Yulii Timoshenko // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 4 (34). S. 101—112.
14. Kondrat'eva O. N., Kovaleva K. A. Sudebnyy protsess nad Yuliyey Timoshenko v zerkale teatral'noy metafory (po materialam ofitsial'nogo sayta) // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1 (51). S. 115—119.
15. Kubryakova E. S. Diakhroniya // Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. : Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya, 1998. S. 136.
16. Nikiforova M. V., Chudinov A. P. Varianty i sredstva reprezentatsii kontseptual'noy oppozitsii «svoi — chuzhie» v diskurse mera Ekaterinburga Evgeniy Royzmana // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 4.
17. Stoyanova E. Metafora skvoz' prizmu lingvokul'turnoy situatsii. — Shumen : UI «Episkop Konstantin Preslavski», 2013. 276 s.
18. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) : monogr. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2001. 238 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким.

Н. Н. Кошкарлова
Челябинск, Россия
Н. Б. Руженцева
Екатеринбург, Россия

РЕТРОПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРОШЛОГО?

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу ретропрогноза как жанра политической коммуникации. Определяется место ретропрогноза в ряду других методов альтернативного моделирования прошлого: клиометрика, альтернативная история, контрфактическая история. Описываются отличия ретропрогноза от нормативного прогноза, изучаемого в рамках нового направления в исследовании политического дискурса — лингвополитической прогностики. Лингвополитическая прогностика предполагает не только моделирование будущего, но и анализ условных контрфактических сценариев прошлого с применением междисциплинарного подхода как на теоретическом, так и эмпирическом уровне. На основе изучения речевого материала доказывается, что именно в ретропрогнозе аксиологические установки и приоритеты автора определяют возможный контрфактический сценарий развития событий. Другим отличием ретропрогноза от нормативного прогноза является его инвариантная модель построения. Исследуется жанровое пространство ретропрогноза, которое детерминировано современными социально-политическими процессами. Ретропрогноз в рамках политического дискурса может быть представлен следующими новыми жанровыми формами: вымышленное интервью, вымышленная история, а в зависимости от формы бытования ретропрогноза можно выделить печатный формат и формат видеозаписи. Авторы приходят к выводу, что ретропрогноз с полным основанием можно рассматривать как инструмент проектирования прошлого.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ретропрогноз; жанр; альтернативное моделирование прошлого; лингвополитическая прогностика; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Института лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет; 454000, г. Челябинск, главпочтамт, до востребования; e-mail: nkoshka@rambler.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail: verbalis@mail.ru.

ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

Вопросительный знак в заголовке настоящего исследования не случаен: ретропрогноз как жанр политической коммуникации не получил еще широкого признания политологов, лингвистов, историков. Причины недостаточной изученности ретропрогноза видятся в следующем: «...рассуждения на тему „что было бы, если бы...“ (если бы Александр Македонский прожил еще несколько лет, если бы восстание декабристов увенчалось победой, если бы НЭП не сменился «великим переломом» и т. д.) для профессиональных историков неприличны: история-де не знает сослагательного наклонения» [Ретропрогнозирование (контрфактическая история)...]. Одним из ведущих направлений ретропрогнозирования является клиометрика, когда «в качестве эксперимента в историческом исследовании может выступать только некая альтернативная модель прошлого, отражающая иной возможный вариант развития тех или иных тенденций, иные стороны известных явлений, иную содержательную картину состоявшихся когда-то событий» [Берсенев, Горст 2007: 34].

Если клиометрика — это метод ретропрогнозирования, используемый в рамках историко-экономического дискурса, то в рамках художественного дискурса активно развивается такой жанр, как альтернативная история. Теория альтернативной истории

тесно связана с синергетической парадигмой. Вариантом ретропрогнозирования на эмпирическом уровне, также активно развивающимся в рамках художественной литературы, является контрфактическая история. По мнению В. А. Нехамкина, «контрфактические исследования не могут проводиться (без серьезных противоречий гносеологического характера) в рамках исторической науки (опирающейся на фактическое знание прошлого), они переносятся некоторыми учеными вообще за пределы научного знания: в художественную литературу (поэзию), философию истории» [Нехамкин 2007: 137].

Как указывают И. М. Савельева и А. В. Полетаев, мотивы для создания и анализа контрфактических моделей различны: имитация альтернативной исторической ситуации, стремление к парадоксальным результатам [Савельева, Полетаев 1997: 650]. Контрфактическая история является вариантом экспериментальной истории, которая позволяет «создать историю альтернатив, т. е. существовавших в каждый момент реальности вариантов, которые прошлое стремится скрыть, превращая конкретно свершившееся в необходимое, а несвершившееся — в невероятное или, по меньшей мере, в маловероятное» [Мило 1994: 197]. Как видно из лапидарного обзора методов альтернативного исторического развития, в их основе лежит фактор не хроноло-

гии, а времени. По мнению И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, опыт моделирования образа прошлого еще дальше уводит нас от хронологического подхода по аналогии с моделированием будущего [Савельева, Полетаев 1997: 650].

Процесс моделирования будущего является объектом изучения лингвополитической прогностики — нового направления в исследовании политического дискурса, «возникшего на стыке прогностики, когнитивной лингвистики и лингвополитологии» [Солопова 2016: 126]. В случае прогнозирования возможного развития событий и моделирования будущего нельзя не учитывать историю вопроса и нынешнее положение дел, так как прогнозирование — это «определение тенденций и перспектив развития тех или иных процессов на основе анализа **данных об их прошлом и нынешнем состоянии**» (выделено нами. — Н. К., Н. Р.) [Тертычный 2014: 32]. На сегодняшнем этапе развития жанрового корпуса политической лингвистики вполне справедливо говорить о прогнозе не как о разновидности аналитической статьи, а как о самостоятельном жанре с присущими ему типологическими особенностями.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕТРОПРОГНОЗА

Если нормативный прогноз представляет собой «определение путей и сроков достижения возможных состояний, явлений, принимаемых в качестве цели» [Бестужев-Лада 2002: 15], то ретропрогноз является «моделированием неосуществленных процессов» [Ретропрогнозирование: фантастика или наука?]. Таким образом, ретропрогноз можно квалифицировать как контрфактическое или альтернативное моделирование, которое определяется не только «сознательными действиями людей, организаций или социальных групп, но и чисто случайными обстоятельствами» [Там же]. Одновременно с этим ретропрогноз может стать основой потенциальной переоценки ценностей, когда «оценки степени благотворности событий будет варьироваться в зависимости от идеологических предпочтений исследователя» [Губбьева 2005: 73].

Так, одной из самых обсуждаемых тем последнего времени является присоединение Крыма к Российской Федерации и возможные сценарии развития событий в случае сохранения прежнего статуса полуострова, а также альтернативное моделирование российско-украинских отношений. В случае экстраполяции своих размышлений на указанные выше темы в прошлое авторы ретропрогнозов руководствуются собствен-

ными аксиологическими установками и приоритетами, которые в конечном свете детерминируют развитие возможного контрфактического сценария событий по тому или иному пути. Не вызывает сомнения тот факт, что автор ретропрогноза, живущий на Украине, реконструирует историю в таком ключе, который выгоден для страны, а реальное развитие событий оценивается им как негативное. Приведем пример. Заместитель директора украинского Института мировой политики Сергей Солодкий в интервью новостному portalу украинского города Мелитополь утверждает: *Украина фактически подарила Крым России под мировые призывы „не поддаваться на провокации“. Украина не поддалась на провокации — и что? Если бы Киев действовал по тем же лекалам и в случае другого плана Путина — „Новороссии“, то к России уже отошло бы полстраны* [Сергей Солодкий...].

Враждебная риторика по отношению к России контекстуально поддержана в таком типе прогноза лексическими единицами с отрицательной коннотацией: *И ЕС, и США понимают, что Украину нельзя оставлять наедине с агрессивной Россией. Не только с точки зрения обязательств, которые Вашингтон, Париж, Лондон давали более двадцати лет назад, но и с точки зрения потенциальных угроз как прямого, так и непрямого характера* [Там же].

Речевой материал показывает, что главным отличием ретропрогноза от нормативного прогноза является его инвариантная модель построения. Если нормативный прогноз состоит из прогностического фона (описание тех событий, которые являются основой построения конструкта будущего), то ретропрогноз строится по принципу «перевернутой пирамиды»: в начале автор предлагает виртуальный сценарий, затем констатирует современное положение дел и, возможно, в конце дает прогнозы реального развития событий. Так, в анализируемом интервью автор следующим образом описывает современное состояние дел на Украине: *Есть общее понимание, что Россия — агрессор; что Украине придется ему противостоять длительное время без серьезной поддержки извне; что проблема сепаратизма в Украине, Грузии, Республике Молдова будет решена, как только в России к власти придут более ответственные политики. При этом есть такое же общее понимание, что страна нуждается в срочных преобразованиях, в быстрых результатах реформирования* [Там же]. Как видно из приведенного фрагмента, стратегия негативной оценки действий России ши-

роко используется как при описании текущей ситуации, так и в случае построения модели будущего. Так, в сильной текстовой позиции (конце интервью) автор прибегает к стратегии негативного прогнозирования: *Все зависит в целом от трех факторов: первый — единство политических элит, консолидация общества; второе — поддержка Запада; третье — масштаб активности России по дестабилизации ситуации в Украине. Самый худший сценарий: если политики, выступающие за демократическое развитие Украины, перессорятся, если в обществе будет расти апатия, если Запад перефокусирует внимание, если Россия перейдет к открытым военным действиям...* [Там же].

Итак, мы рассмотрели вариант ретропрогноза, совмещенного с нормативным прогнозом, который детерминирован идеологическими предпочтениями автора. В случае построения возможного сценария развития событий независимым исследователем альтернативное моделирование исторических событий будет лишено конфликтного прагматического потенциала. Так, по мнению французского депутата Тьерри Мариани, если бы Крым не был частью России, то сейчас в Крыму шли бы такие же боевые действия, что в Донбассе, здесь открылся бы третий фронт [Мариани...].

ЖАНРЫ РЕТРОПРОГНОЗА

Ретропрогноз, как и нормативный прогноз, может иметь различные формы жанрового воплощения. В предыдущих работах [Кошкарлова 2015] мы уже указывали на то, что основными жанровыми разновидностями нормативного прогноза являются статья-прогноз и интервью-прогноз. Сказанное будет справедливо и в отношении ретропрогноза. Однако жанровое пространство современного политического дискурса не является застывшей структурой, а меняется в соответствии с требованиями эпохи и находится под влиянием актуальных общественных процессов. Так, анализ материала показывает, что ретропрогноз в рамках политического дискурса может быть представлен следующими новыми жанровыми формами: вымышленное интервью, вымышленная история, а в зависимости от формы бытования ретропрогноза можно выделить печатный формат и формат видеозаписи.

Предложим характеристику каждого из указанных видов ретропрогноза. Так, 25 ноября 2014 г. на сайте украинского новостного портала «Новое время» был опубликован материал под заголовком «Если бы Майдан проиграл. Вымышленное интервью НВ с

„легитимным“ президентом Виктором Януковичем». Маркеры ирреальности и контрфактичности как самого жанра, так и содержательной стороны текста содержатся уже в самом заголовке интервью: сослагательное наклонение (*если бы...*), лексема со значением выдуманности, нереальности событий (*вымышленный*), использование кавычек для указания на ироничное употребление слова («легитимный»).

Жанровую интенцию вымышленного интервью как разновидности ретропрогноза можно определить как альтернативное историческое моделирование, когда интервьюер посредством своих вопросов экстраполирует свои размышления в реальное прошлое: *Виктор Федорович, простите мою фантазию. Но предположим, если бы вам не удалось 22 января 2014 года разогнать с помощью автоматчиков Майдан... <...> Ну предположим. А в феврале вас отправляют в отставку. <...> Это только моя фантазия. Вы бросаете свое поместье в Межигорье. Забываете самолет деньгами и улетаете, предположим, в Ростов-на-Дону. <...> А Путин вводит тайно войска в Крым и через подставных, полукриминальных политиков, ваших соратников, аннексирует полуостров, а затем начинает войну на востоке Украины, превращая регион в пепел [Если бы Майдан проиграл. Вымышленное интервью...].*

Вымышленная история также представляет собой альтернативное или контрфактическое моделирование, однако события в ней описываются как вполне реальные, без использования маркеров условности и предположительности. Такой вид ретропрогноза требует от адресата определенных интеллектуальных умений, фоновых знаний для корректной интерпретации полученной информации с целью разграничения достоверной информации и размышлений автора на тему «а что если бы...». Так, например, материал, представляющий собой альтернативное моделирование украинской истории, если бы там по-прежнему правил Виктор Янукович, содержит данные, не соответствующие реальному положению дел: 21 ноября 2014 г., в годовщину первых антипрезидентских протестов на Майдане, в аэропорту Борисполь к журналисту Украинской правды (УП) Сергею Лещенко на паспортном контроле подошли двое в штатском. Они предъявили удостоверения сотрудников СБУ, взяли Лещенко под руки и увезли в СИЗО. Оттуда журналист смог дозвониться до адвоката, а затем в течение получаса, пока не села батарея его мобильного, общался с коллегами в социаль-

ной сети Facebook. На вопрос НВ о причинах своего ареста Лещенко написал коротко: „Мстят за материалы о президентской резиденции Межигорье“... [Если бы Майдан проиграл. Фантастическая история ...] (Лещенко Сергей Анатольевич — украинский журналист, политик, известен своими журналистскими расследованиями).

Для создания ретропрогноза используются и современные мультимедийные технологии: 9 июня 2016 г. телеканал «Russia Today» выпустил ролик под названием «Если #Крымнаш. Альтернативная история про Крым от РТ». Авторы следующим образом моделируют альтернативную историю: в 2014 г. в Крым были бы введены украинские войска, в Крыму шли бы жестокие столкновения между активистами Антимайдана и сторонниками Киева, в июне 2015 г. Грузия и Украина начали бы войну против Абхазии и Южной Осетии, а крымчан отправляли бы воевать против России, при этом несогласных сажали бы в тюрьму за дезертирство. На контрфактичность такого прогноза указывает и вариант окказиональной лексемы *Крымнаш* (*Крымнаш*), которая по мере своего существования в языке прошла несколько этапов идеологического и дискурсивного переосмысления и активно входит в словообразовательную парадигму русского языка.

ВЫВОДЫ

Таким образом, вопрос, вынесенный в заголовок настоящего исследования, имеет утвердительный ответ: ретропрогноз как жанр политической коммуникации вполне правомерно можно рассматривать как инструмент моделирования возможной (ирреальной, контрфактической) действительности. Ретроспективный взгляд интересен и важен с точки зрения не только исправления ошибок прошлого, но и планирования своих действия на будущее: в истории возвраща-

ется не только то, что было, но и то, чему не суждено было произойти.

ИСТОЧНИКИ

1. Если бы Майдан проиграл. Вымышленное интервью НВ с «легитимным» президентом Виктором Януковичем. URL: <http://nv.ua/publications/nv-pooobshchalos-s-prezidentom-ukrainy-viktorom-yanukovichem-posle-chego-podverglis-doprosu-fsb-22029.html> (дата обращения: 29.07.2016).
2. Если бы Майдан проиграл. Фантастическая история о стране, в которой остался Янукович. URL: <http://nv.ua/publications/esli-by-maydan-proigral-fantasticheskaya-istoriya-ostrane-v-kotoroy-ostalsya-yanukovich-22017.html> (дата обращения: 29.07.2016).
3. Мариани: если бы Крым остался украинским, там шла бы война URL: <http://pronedra.ru/globalpolitics/2016/07/30/krym-rossiya-ukraina/> (дата обращения: 29.07.2016).
4. Сергей Солодкий: Если бы Украина не сопротивлялась, к России уже отошло бы полстраны URL: <http://www.kp.ru/daily/26235.7/3117226/> (дата обращения: 29.07.2016).

ЛИТЕРАТУРА

5. Берсенева В. Л., Горст А. П. Опыт ретроальтернативного прогнозирования развития социально-экономических систем (на примере сельского хозяйства Свердловской области в 1990-е годы) // Экономика региона. 2007. № 2. С. 33—43.
6. Бестужев-Лада И. В. Социальное прогнозирование : курс лекций. — М. : Педагогическое обозрение России, 2002.
7. Губышева З. О. Альтернативное моделирование и современная теория исторического процесса // Вестн. АГТУ. 2005. № 5 (28). С. 66—74.
8. Кошкарлова Н. Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве : дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 2015.
9. Латов Ю. В. Ретропрогнозирование: фантастика или наука? URL: <http://institutional.narod.ru/history/latov.htm> (дата обращения: 01.04.2015).
10. Латов Ю. В. Ретропрогнозирование (контрфактическая история) как разновидность Path Dependence и Qwerty-эффектов. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text> (дата обращения: 19.06.2016).
11. Мило Даниель. За экспериментальную, или веселую, историю // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 185—205.
12. Нехамкин В. А. Контрфактические исторические исследования в системе научного познания // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 131—140.
13. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. — М. : Языки русской культуры, 1997.
14. Солопова О. А. Значимый «другой»: Россия и Америка (лингвополитический прогностический анализ на материале американского политического дискурса XIX века) // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 126—135.
15. Тертыйный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов. — М. : Аспект Пресс, 2014.

N. N. Koshkarova
Chelyabinsk, Russia
N. B. Ruzhentseva
Ekaterinburg, Russia

RETROPROGNOSIS AS PAST MODELLING INSTRUMENT?

ABSTRACT. *The paper is devoted to the analysis of the retroprognosis as political communication genre. The role of the retroprognosis among other methods of the alternative past modelling is determined: cliometrics, alternative history, counterfactual history. The differences between the retroprognosis and the normative prognosis are described the latter being studied in the framework of the new political discourse study direction — linguistic political prognostics. Linguistics political prognostics presupposes not only the modelling of the future but also the analysis of the conventional counterfactual scenarios both on the theoretical and evidence-based level. It is in the genre of the retroprognosis that the axiological priorities of the author specify the possible counterfactual scenario of the events. The retroprognosis differs from the normative prognosis as far as the construction model goes. The genre space of the retroprognosis is studied. The retroprognosis in the framework of the political discourse is represented by the following genre forms: fictional interview, fictional story and depending on the form of the existence it can have a printed format and the video recording format. The author comes to the conclusion that the genres of the political communication are determined by the modern social and political processes and that the retroprognosis may be viewed as the past modelling instrument.*

KEYWORDS: *retroprognosis; genre; alternative modeling of the past; linguistic political prognostics; political discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Koshkarova Natalya Nikolayevna, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of International Relations and Foreign Regional Studies, South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Esli by Maydan proigral. Vymyshlennoe interv'yu NV s «legitimnym» prezidentom Viktorom Yanukovichem. URL: <http://nv.ua/publications/nv-pooobshchalos-s-prezidentom-ukrainy-viktorom-yanukovichem-posle-chego-podverglos-doprosu-fsb-22029.html> (data obrashcheniya: 29.07.2016).
2. Esli by Maydan proigral. Fantasticheskaya istoriya o strane, v kotoroy ostalsya Yanukovich. URL: <http://nv.ua/publication/esli-by-maydan-proigral-fantasticheskaya-istoriya-o-strane-v-kotoroy-ostalsya-yanukovich-22017.html> (data obrashcheniya: 29.07.2016).
3. Mariani: esli by Krym ostalsya ukrainskim, tam shla by voyna URL: <http://pronedra.ru/globalpolitics/2016/07/30/krym-rossiya-ukraina/> (data obrashcheniya: 29.07.2016).
4. Sergey Solodkiy: Esli by Ukraina ne soprotivlyalas', k Rossii uzhe otoshlo by polstrany URL: <http://www.kp.ru/daily/26235.7/3117226/> (data obrashcheniya: 29.07.2016).
5. Bersenev V. L., Gorst A. P. Opyt retroal'ternativnogo prognozirovaniya razvitiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem (na primere sel'skogo khozyaystva Sverdlovskoy oblasti v 1990-e gody) // *Ekonomika regiona*. 2007. № 2. S. 33—43.
6. Bestuzhev-Lada I. V. Sotsial'noe prognozirovanie : kurs lektsiy. — M. : Pedagogicheskoe obozrenie Rossii, 2002.
7. Gubbyeva Z. O. Al'ternativnoe modelirovanie i sovremennaya teoriya istoricheskogo protsessa // *Vestnik AGTU*. 2005. № 5 (28). S. 66—74.
8. Koshkarova N. N. Konfliktnyy i kooperativnyy tipy russkoyazychnogo diskursa v mezhkul'turnom politicheskom prostranstve : dis. ... d-ra filol. nauk. — Ekaterinburg, 2015.
9. Latov Yu. V. Retroprognozirovanie: fantastika ili nauka? URL: <http://institutional.narod.ru/history/latov.htm> (data obrashcheniya: 01.04.2015).
10. Latov Yu. V. Retropognozirovanie (kontrfakticheskaya istoriya) kak raznovidnost' Path Dependence i Qwerty-effektov. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text> (data obrashcheniya: 19.06.2016).
11. Milo Daniel'. Za eksperimental'nyuyu, ili veseluyu, istoriyu // *THESIS*. 1994. Vyp. 5. S. 185—205.
12. Nekhamkin V. A. Kontrfakticheskie istoricheskie issledovaniya v sisteme nauchnogo poznaniya // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2007. № 5. S. 131—140.
13. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. *Istoriya i vremya. V poiskakh utrachenogo*. — M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1997.
14. Solopova O. A. Znachimyy «drugoy»: Rossiya i Amerika (lingvopoliticheskiy prognosticheskiy analiz na materiale amerikanskogo politicheskogo diskursa XIX veka) // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 1 (55). S. 126—135.
15. Tertychnyy A. A. *Zhanry periodicheskoy pechati : ucheb. posobie dlya studentov vuzov*. — M. : Aspekt Press, 2014.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

О. В. Красовская

Луганск, Луганская Народная Республика

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена коммуникативно-прагматическому осмыслению феномена информационной войны на материале разнообразных текстов, составляющих дискурс геополитического информационного противоборства между Россией и Украиной. Описывается коммуникативная структура информационной войны: ее участники (ведущие политические деятели, средства массовой информации, по-разному освещающие происходящие события в связи с необходимостью ориентироваться на ожидания аудитории, общественные деятели — представители какой-либо неполитической сферы, обладающие узнаваемостью и авторитетом, рядовые граждане, чья политическая активность принимает несколько форм: политические заявления, распространяемые на видеороликах, выступления на митингах), пространство, специфика речевого взаимодействия между оппонентами и невербальный компонент (так, украинские политики большое значение уделяют рукопожатию с оппонентом, обнаруживают нежелание стоять рядом с оппонентом во время протокольной фотосессии, прибегают к демонстративному выходу из зала во время выступления оппонента на международном форуме). Делается вывод, что речевое взаимодействие в рамках геополитического информационного противостояния, которое во многом является дискурсом конструирования идентичности, представляет собой высокоинтенсивную коммуникацию, к участию в которой приобщаются самые разные слои населения, которая стремится к расширению своего пространства, преодолению монолога, использованию невербального компонента для усиления вербального.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационная война; коммуникативная структура; «иллокутивное вынуждение»; дискурс идентичности.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Красовская Оксана Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры социальных коммуникаций, Луганский государственный университет им. Т. Шевченко; 91000, ЛНР, г. Луганск, ул. Оборонная, 2, 1-й корп., ауд. 1-317; e-mail: rusistika@rambler.ru.

Информационная война (ИВ) — это междисциплинарный объект (см., например, небольшой библиографический обзор в работе: [Сковородников, Копнина 2016: 42]), который не может не вызывать интереса у лингвистов.

Дискурс ИВ диалогичен в своей основе, продуцируемые в его рамках речи «иллокутивно вынуждаются» [Баранов, Крейдлин 1992] речами оппонентов.

Признавая важность и продуктивность изучения ИВ как речевой технологии [Вирен 2016; Сковородников, Королькова 2015; Сковородников, Копнина 2016; Тагильцев 2014], мы посвящаем свою работу коммуникативно-прагматическому осмыслению феномена ИВ.

Исследование основано на материале текстов, составляющих дискурс геополитического информационного противоборства между Россией (и солидаризирующимися с ней ДНР и ЛНР) и Украиной, которое длится примерно с ноября 2013 г. — начала Евромайдана в Киеве — по настоящее время.

Как известно, российско-украинские отношения с момента распада СССР характеризуются постоянной конфликтностью. В их истории наблюдались газовые войны, «сырно-мясное» и «конфетное» противостояние. Но ни один из этих конфликтов не отличался такой остротой, которую мы наблюдаем после смены власти на Украине, начала боевых действий в Донбассе и вхождения Крыма в состав России.

Определения ИВ. Существуют разные трактовки ИВ. Выделим из них те, которые актуальны для целей нашего исследования.

В классическом, инвариантном определении ИВ акцент делается на информацион-

ном воздействии на массовое сознание для изменения поведения людей. Под информационным воздействием («информационным вторжением» у Г. Г. Почепцова, «информационной агрессией» у С. П. Расторгуева) понимается производство и распространение по самым разным каналам разрушительной (компрометирующей, дестабилизирующей) для противника информации.

Образная формулировка цели ИВ — «война за головы», т. е. контроль над сознанием людей, «промывка мозгов», т. е. изменение восприятия людьми окружающего мира.

Некоторыми исследователями ИВ рассматривается прежде всего как «манипуляция информацией» [Данилова 2012: 230], «максимальное выражение медиаманипулирования» [Соловей http]. Видя в ней в первую очередь «лжеинформирование» [Данилова 2012: 230], ученые подчеркивают, что это не просто «искажение информации и представление реальных фактов в искаженном виде», а «производство „альтернативной реальности“» [Илларионов http], «„трансформационный перевод“ одной картины мира в другую» [Почепцов 2001: 25—26].

Антагонизм (в других терминах: конфронтативная агональность [Шейгал 2009: 147]) «военно-информационного» дискурса проявляется в демонизации оппонента: «...в современном мире создается впечатление, что война способна быть популярной лишь в том случае, если враг есть *воплощение зла* (выделено мною. — О. К.), а союзники — почти что совершенство» [Данилова 2012: 231].

Приведенные здесь и многие другие конкретизации инвариантного определения ИВ

фиксируют не ее глобальную цель, а тактические задачи и инструменты осуществления, которые неизбежно наблюдаются в информационно-геополитическом противоборстве.

Рассмотрим его коммуникативную структуру (описание ее отдельных компонентов — из-за ограниченного объема статьи — осуществляется неравномерно).

Участники геополитической ИВ.

1. Ее главными участниками являются политики, прежде всего ведущие лица политического процесса, которые констатируют и квалифицируют возникшие противоречия между государствами, а также разъясняют занимаемые в конфликте позиции.

Так, в выступлениях В. Путина наблюдается стремление к обстоятельному анализу украинского кризиса, готовность «фактически в ежедневном режиме разъяснять позицию России» (пресс-секретарь В. Путина Д. Песков в передаче «Воскресный вечер» В. Соловьева, 07.03.2014). Такое стремление специалисты объясняют необходимостью «создать целостную картину мира, где становятся оправданными многие действия и поступки, которые никогда бы не были понятны и оправданны вне этой картины» [Соловей [http](http://)].

Именно в рамках институционального политического дискурса каждая из противоборствующих сторон формирует свой собственный политический код (о «политической диглоссии» современных ИВ см. более подробно в нашей работе: [Красовская 2015]), который задает и поддерживает отстаиваемую в конфликте позицию:

– (из ответов В. Путина на пресс-конференции в рамках Петербургского международного экономического форума 23.05.2014; в соответствии с методикой, используемой представителями Московской школы функциональной социолингвистики (работы Е. А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розановой), в письменной передаче устной речи знак / используется для обозначения интонационной незавершенности высказывания, знак // является сигналом завершения высказывания, произнесенного с утвердительной интонацией) *Что последовало за этим [решением В. Януковича подписать договор об ассоциации с Евросоюзом]? Государственный переворот // Ну как бы там ни называть / революция не революция / это госпереворот с использованием силы / боевиков //;* (из выступления В. Путина на медиафоруме в Петербурге 24.04.2014) *Если / сегодняшние власти в Киеве это [применили армию против собственного народа] сделали / то это конечно хунта уже / клика какая-то просто //;*

– (из выступления П. Порошенко на общих дебатах заседания Генассамблеи ООН 29.09.2015) *В феврале 2014 года / Россия провела / открытую и ничем не спровоцированную агрессию против моей страны / оккупировала Крым / глубоко / грубо и жестоко / поправ / международное право и / шокировала все международное сообщество // Я глубоко признателен / делегациям большинства / государств-членов нашей организации / которые в прошлом году поддержали резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН озаглавленную / „Территориальная целостность Украины“ / в которой / была осуждена / незаконная аннексия / Россией Крыма //.*

Значимым фактом ввода в политический оборот какого-либо термина или ярлыка делают средства массовой информации: *Порошенко сравнил аншлюс Австрии нацистами и аннексию Крыма* (podrobnosti.ua, 10.04.2015); *К атаке на блок-посты Славянска киевскую хунту (этот термин вчера ввел в официальный оборот Владимир Путин) подтолкнул вице-президент США Джон Байден* (novorossia.su, 27.04.2014).

2. Информационные войны немислимы без СМИ: занимаясь информационным сопровождением политических конфликтов, медиа превращаются в «спецназ информационных войск» (А. Илларионов).

Популярные сегодня рассуждения об особой миссии медийного текста, направленной на формирование «научно-объективной картины мира с помощью конкретной злободневной информации» [Хорольский 2013: 83], как правило, игнорируются в современной журналистской практике. В дискурсе информационных войн СМИ заметно обнаруживают свои интерпретационные свойства как канал, который построен «на идеологических, эмоциональных и даже подсознательных ожиданиях аудитории (выделено мною. — О. К.)», «не просто средство для передачи информации», а «целая среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды» [Кириллова 2006: 22] (цит. по: [Шаронов 2008: 235]). Ср. также рассуждения Т. Г. Добросклонской: «Журналист, являясь продуктом своей культурно-идеологической среды, неизбежно освещает события сквозь информационные фильтры, свойственные данной среде и во многом обусловленные существующими стереотипами в отношении представителей других стран, культур и прочих лингвокультурных и политических сообществ... Таким образом, выбор событий и их последующая интерпретация тесно связаны с информационными предпочтениями и интересами це-

левой аудитории...» [Добросклонская 2015: 21—22].

Эта особенность создает в журналистском дискурсе так называемый «диапазон интерпретаций», т. е. «весь спектр различий», которые имеют место при освещении одного и того же события [Там же: 19—20].

Ср., например, какие акценты были представлены в заголовках разных интернет-изданий к материалу о конфликте поэта И. Резника и певицы Лолиты в связи с его обвинением российских артистов, приехавших на юрмальский фестиваль к Лайме Вайкуле в июле 2016 г.: 1) информационный портал «Алтайпост» выделяет из письма поэта эмоциональную аполитичную — во всяком случае, вне контекста — фразу: *Резник ответил Лолите: „Прекратите истерить!“* (altaipost.ru, 07.07.2016); 2) сайт «Политикус» привлекла внимание фраза, содержащая политическую оценку современной Латвии: *Резник ответил Лолите: „Хорошего вам праздника в стране, где идут марши нацистов“* (politikus.su, 07.07.2016); 3) для информационного ресурса «Русская весна», который позиционирует себя как «орудие правды» в информационной борьбе Украины и ее сторонников против России, Донецкой и Луганской народных республик, привлекательной стала метафорическая фраза, содержащая имплицитную оценку украинского государства: *„Украина для меня умерла“, — Резник ответил Лолите* (rusvesna.su, 07.07.2016).

В дискурсе ИВ «диапазон интерпретационных колебаний» при превращении «жизненного» события в «медийное» составляют полярные оценки актуальных фактов, их участников и т. д. Ср. следующий заголовок: *Украинская летчица Надежда Савченко: героиня или преступница?* (dw.de, 23.10.2014).

3. Участниками ИВ «по собственному призыванию» становятся общественные деятели — представители какой-либо неполитической сферы, обладающие узнаваемостью и авторитетом.

В феврале 2014 г. украинский телеканал «1+1» инициировал проект «Україна єдина. Страна одна» (рус. «Украина единая. Страна одна»), в рамках которого известные люди Украины, певцы и актеры, телеведущие и спортсмены, записывали обращения, призывавшие к единству Украины и миру (04.03.2014 г. начал свою работу сайт <http://ukraine.1plus1.ua/>, где собирались все ролики акции «Единая Украина»). Это были обращения к дончанам, крымчанам, россиянам, В. Путину.

4. Политическая нестабильность, констатируют политологи, повышает политическую активность населения. Поэтому в информа-

ционно-политическое противостояние активно включаются рядовые граждане.

Отметим некоторые жанровые формы их непосредственного участия в информационном противостоянии:

а) политические заявления. В частности, инициативу украинского телеканала «1+1» записывать обращения с призывами к единству Украины и миру активно подхватили обычные люди. Некоторая часть таких роликов размещена на уже упоминавшемся выше сайте. Среди них — обращения *«Молодежь Днепропетровска за мир и единство Украины»*, *«Украина єдина! Запорожье»*, *«Правда о Львове от студентов ЛНУ»*, *«Крым против войны»*, индивидуальные обращения.

Следует сказать, что такие обращения с призывом прекратить войну записываются и выкладываются в социальных сетях и в настоящее время. Это, как правило, подготовленные тексты, часть из которых имеет разных авторов и ораторов;

б) выступления на «народных», протестных митингах. Здесь мы обнаруживаем спонтанные речи людей, не имеющих навыков публичного говорения и преодолевающих через такие речи отчуждение от политики. Так, например, во время «бессрочного» митинга в Луганске (апрель — май 2014 г.) у здания СБУ, с которого началась история Луганской Народной Республики, у «микрофона для народа» его представители:

– анализировали политическую ситуацию на Украине: / *Ребята / вы / послушайте / послушайте меня внимательно // Када / пришли / к власти / нелегальные э-э... власть эта / как говорится / нацисты э-э... экстремисты / они* (выкрики из толпы: «Фашисты!») / *да / да / к тому / же самому они фашисты // Они пришли к этой власти нелегально // <...> Но смотрите / к чему привело это // Это привело к эскалации конфликта //*;

– опровергали информацию, распространяемую в украинских СМИ: *Мы не сепаратисты / а знаете кто сепаратисты? Сепаратисты это Кравчук / Шухевич и Ельцин которые развалили Советский Союз и разделили братские народы / а мы идем назад // Мы соединяемся а не разъединяемся / это не сепаратизм //*;

– напоминали мотивы участия в митинге: *Мы / не боимся никого // Мы / мирные люди // Но у нас (повышая голос) есть свои требования / и (переходя на крик) требование это одно / ре-фе-рен-дум // (скандирование: «Ре-фе-рен-дум!») Если / эти паны / и дальше нас будут не слушать / мы оставляем за собой конституционное право /*

обратиться / за помощью в братский народ / в Россию // (возгласы одобрения) Рос-си-я!;

– заявляли о своей идентичности: *И не забываем мы с вами / мы русские / и наша братская страна / это Рос-си-я //* (толпа скандирует: «Рос-си-я!»);

– мобилизовывали своих земляков: *Люди / вставайте! Луганск / вставай! <...> Это наше общее дело //*;

– высказывали солидарность с происходящим: *Мы шахтеры города Артемовска (крики из толпы «Ура!» и аплодисменты) Луганской области (крик из толпы: «Шахтерам слава!») / приехали поддержать так же само как и все / как Донецк и Харьков / а особенно Луганск //* (крик из толпы: «Молодцы!»).

Все выступления складывались в унисонный полилог «своих».

Коммуникативное пространство геополитической ИВ. Геополитическое информационное противостояние воплощается не только в текстах, имеющих традиционную среду бытования: печатные и интернет-издания, плакаты, митинги. Коммуникативное пространство ИВ также составляют:

1) стелы при въезде в населенные пункты и транспортные остановки:

– так, в начале протестного движения на Луганщине в 2014 г. можно было наблюдать многократное перекрашивание названий населенных пунктов в цвета государственных флагов стран-оппонентов (ср.: *...стелу покрасили в цвета российского флага. Заметив это, неравнодушные жители города решили исправить ситуацию и преобразить надпись в голубой и желтый цвета* [gazetavv.com, 05.06.2014]);

– после возвращения ЛНР к мирной жизни многие остановки здесь расписали уже в цвета флагов ЛНР или Новороссии, в качестве подложки для топонимов во многих случаях также используется георгиевская лента;

– кроме того, в одном из районов ЛНР на остановках запечатлены города-герои, проявившие мужество в Великой Отечественной войне, память о которой в молодых республиках активно используется как ресурс конструирования идентичности ее жителей;

2) названия городских объектов и городские вывески в целом:

– ср., например, переименование находящегося в центре Луганска кинотеатра с «Украины» на «Русь»; использование советизмов: название сети открытых после войны супермаркетов «Универсам»; комиссионный магазин «СССР»; закусочная «Пельмени СССР» (вывеска, кроме названия, включает в себя деформированный советский лозунг: *Пельмени всех стран, объединяйтесь!*);

– использование при оформлении городских вывесок цветов флага ЛНР, которые могут сочетаться как с «идеологическим» (*Полиция, Ленинский городской суд*), так и «неидеологическим» лексическим материалом (*Аптека, магазин продуктов «МАГ», супермаркет бытовой техники «Стройцентр», Алчевский городской рынок*);

3) наименования товаров: выражающее отношение ЛНР к американскому президенту название туалетной бумаги «*Барак Обама*» (была в продаже в сети супермаркетов «Народный» в 2015 г.); являющееся репликой в дискуссии о судьбе Новороссии название хлеба «*Новоросский*» (появился в продаже в ЛНР в июле 2016 г.); ср. также показательный заголовок: *Была „Московская“ — стала „Бандеровская“: на Украине декоммунизировали колбасу* (rusvesna.su, 07.07.2016);

4) настенные надписи — провокативные по своей стратегии политические граффити, которые маркируют принадлежность территории той или иной идеологии (*Луганск — это Россия; Донецк — украинский город*), позволяя наблюдать следующие примеры столкновения идеологических интересов луганчан:

– нанесение на уже выполненное изображение текста, вступающего в оппозитивные отношения с изобразительным компонентом — например, надпись на украинском флаге: *Украины нет* — или текст на пунктирно закрашенном украинском флаге: *Нет бандерам*;

– нанесение на вербальный текст идеологического противника оппозитивных изображения и/или текста — например, флагов России и Новороссии и надписей *Идем домой и Наш дом Россия* (приводится с сохранением оригинальной пунктуации) на лозунги об украинском единстве.

Форма «военно-информационной» коммуникации. Тексты, которыми обмениваются ее участники, удовлетворяя «дефицит интерпретаций происходящих ситуаций», порождают резонансную коммуникацию [Почепцов 2001: 130]. В нашем материале «резонанс в аудитории» [Там же: 122] представлен симметричными ответами одной стороны на заявления другой. Так, например, за заявлением и. о. президента Украины А. Турчинова о начале «широкомасштабной антитеррористической операции с привлечением Вооруженных сил Украины» (yablog.ru, 13.04.2014) последовало заявление российского МИД, осуждающее «преступный приказ Турчинова использовать армию для подавления протестов» (archive. mid.ru, 13.04.2014).

Примеры неинституционального обмена мнениями в нашем материале: *Крымские студенты ответили на обращение украинских студентов — о референдуме, Май-*

дане, гражданской войне... [Крымские студенты ответили украинцам 2015]; **Украинцы записали ответ на песню Стаса Пьехи о российских гумконвоях** [Licemer 2015].

ИВ, таким образом, протекает в форме опосредованного диалога, в котором реактивные реплики являются отсроченными. (Это не значит, что коммуникация между участниками информационно-политического конфликта не может протекать как непосредственное речевое взаимодействие — например, коммуникация во время парламентских заседаний или дебатов в Совете Безопасности ООН. Однако в первом случае выступление оппозиционных депутатов подавляется спикером и/или коллегами, во втором — не предполагает активной мены коммуникативных ролей.) Ср.: ...Климкин вступил в негласную перепалку с Лавровым из-за „оголтелой украинской диаспоры“. Приведем полемичные реплики из дипломатического дискурса. Фрагмент выступления С. Лаврова: *Нас удивило полное отсутствие какого-либо прагматизма в тех импульсивных действиях, которые предыдущее правительство предпринимало, абсолютно взяв курс на слепое следование требованиям оголтелых представителей украинской диаспоры в Канаде и просто игнорируя свои национальные интересы* [Шарий 2016в]. Реакция министра иностранных дел Украины П. Климкина: *Благодарю каждого представителя „оголтелой украинской диаспоры“ (это настоящий комплимент С. Лаврова) в Канаде и всем мире! Наше единство работает!* [Шарий 2016а].

Самые распространенные виды ответных речевых реакций в нашем материале:

1) опровержение, которое нередко включает в себя «метаязыковую полемику» — ср., например, показательные заголовки к соответствующим статьям-реакциям на политический код идеологических противников: *Небольшая демифологизация, или Почему в Украине нет хунты* (glavnoe.ua, 25.05.2014); *Who is хунта? Кто нынче правит Украиной* (obozrevatel.com, 29.04.2014). (Наиболее резонансные выступления оппонентов опровергаются многократно. Ср. реакции донецких и луганских политиков и журналистов на высказывание П. Порошенко о том, что дети Донбасса, в отличие от детей Украины, будут сидеть в подвалах: *Дети Новороссии не сидят в подвалах!* (analitik24.ru, 03.12.2014); *ДНР. Дети Донецка не будут сидеть в подвалах и встретят Новый год счастливо* (news-front.info, 29.12.2014); *Наши дети ездят на отдых в РФ и получают российские дипломы, а не сидят в подвалах — Плотницкий* (dpr-news.com, 22.07.2015) и мн. др.);

2) отрицание — ср., например, нанесенную на слово *до свидания* антонимичную лексему *привет* в следующем тексте луганского граффити, напоминающего о бушевавших здесь идеологических страстях (сейчас в городе такого конфликтного материала, в котором бы через одно изображение просвечивало другое или на слово сверху была бы нанесена антонимичная лексема, почти нет. Это, как правило, выцветшие от времени реликты — памятники исторического для Луганска момента): *Россия, давай! До свидания!*;

3) оценка: *В МИД РФ назвали „верхом цинизма“ заявления Турчинова о гумконвоях* (заголовки; Liuza27 2014).

Эти и некоторые другие иллюстративные цели могут реализовываться в одном обстоятельном ответном тексте.

Невербальный компонент «военно-информационной» коммуникации. Несмотря на утверждения лингвистов о том, что публичная коммуникация имеет меньше возможностей для использования в ней жестовых и мимических средств [Земская 2004: 262], изучаемый нами дискурс позволяет наблюдать стремление выразить конфликтные отношения и в неязыковой системе.

Так, украинские политики большое значение уделяют рукопожатиям с оппонентом: *Гриценко посоветовал Порошенко не подавать руки Путину: „И еще один важный совет — не надо в этот раз президенту Порошенко пожимать руку Путину. Путин — агрессор. Путин — враг. По его приказу убивают наших людей“* (zn.ua, 15.10.2014). П. Порошенко не последовал совету украинского политика, однако выразил свое отношение к российскому президенту с помощью мимики: *Порошенко подал руку Путину, однако заметно изменился в лице; До этого глава украинского государства улыбался как Кэтрин Эштон, так и другим присутствующим на церемонии, но при повороте к Путину с лица Порошенко улыбка резко исчезла* (ura-inform.com, 26.08.2014).

Также резонансным стал факт нежелания украинского министра стать во время протокольной фотосъемки рядом с российским коллегой в Париже. Обе стороны конфликта используют демонстративный выход из зала во время выступления оппонента на международных форумах.

Выводы. Речевое взаимодействие в рамках геополитического информационного противостояния, которое во многом является дискурсом конструирования идентичности, представляет собой высокоинтенсивную коммуникацию, к участию в которой привлекаются самые разные слои населения, которая стремится к расширению своего про-

странства, преодолению монологизма, использованию невербального компонента для усиления вербального.

Перечисленные особенности «военно-информационной» коммуникации оказывают значительное влияние на функционирование языка при порождении актуальных для нее текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2.
2. Вирен Г. Современные медиа: приемы информационных войн. — М., 2016.
3. Данилова М. И. Информационная война как реальность // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3.
4. Добросклонская Т. Г. Прикладные аспекты медиалингвистических исследований // Медиалингвистика / под ред. Л. Р. Дускаевой ; отв. ред. Н. С. Цветова. — СПб., 2015. Вып. 4 : Профессиональная и речевая коммуникация в массмедиа.
5. Земская Е. А. Разновидности городской устной речи и задачи их изучения // Е. А. Земская. Язык как деятельность: морфема. Слово. Речь. — М., 2004.
6. Илларионов А. Вызовы информационной войны для свободного общества и возможная контрстратегия : выступление на XIX Форуме Открытого общества Эстонии (Таллинн, 18 сентября, 2014 г.). URL: <http://red-ptoer.livejournal.com/1672224.html>.
7. Красовская О. В. О «политической диглоссии» современных информационных войн // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27.11.2015) / гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2015.
8. Крымские студенты ответили украинцам. 2015. 6 фев. URL: <http://www.politonline.ru/media/22880347.html>.
9. Почепцов Г. Г. Информационные войны. — М., 2001.

O. V. Krasovskaya
Luhansk, Luhansk People's Republic

INFORMATION WARFARE AS A COMMUNICATIVE PHENOMENON

ABSTRACT. *The article is devoted to the communicative-pragmatic study of the phenomenon of information warfare on the basis of different texts that constitute the discourse of geo-political information warfare between Russian and Ukraine. The communicative structure of information warfare is described: its participants (political leaders, mass media that show the events from different angles to meet the expectations of the audience, political activists – representatives of non-political sphere who are famous and popular, ordinary people, whose political activity has several manifestations: political appeals in videos, speeches in political gatherings, etc.), space, the specificity of verbal cooperation between the opponents and non-verbal component (for example, the Ukrainian politicians pay much attention to shaking hands with the opponent, they do not want to stand next to their political opponents in photo session, during the international forum they may leave the room when their opponent is speaking). The conclusion is that verbal cooperation in the frameworks of geo-political information warfare, which is to a great extent a discursive construction of identity, is an intensive communication, which involves representatives of different social layers and aims at widening its sphere, overcoming monologues and the use of the non-verbal component to reinforce the verbal one.*

KEYWORDS: *information warfare; communicative structure; "illocutionary forcing"; discourse of identity.*

ABOUT THE AUTHOR: *Krasovskaya Oksana Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Social Communication Department, Luhansk Taras Shevchenko State University, Luhansk, Luhansk People's Republic.*

REFERENCES

1. Baranov A. N., Kreydlin G. E. Illokutivnoe vyzhuzhdenie v strukture dialoga // Voprosy yazykoznavaniya. 1992. № 2.
2. Viren G. Sovremennyye media: priemy informatsionnykh voyn. — M., 2016.
3. Danilova M. I. Informatsionnaya voyna kak real'nost' // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2012. № 3.
4. Dobrosklonskaya T. G. Prikladnye aspekty medialingvisticheskikh issledovaniy // Medialingvistika / pod red. L. R. Duskaevoy ; otv. red. N. S. Tsvetova. — SPb., 2015. Vyp. 4 : Professional'naya i rechevaya kommunikatsiya v massmedia.

10. Расторгуев С. П. Основы информационной безопасности. — М., 2007.

11. Сковородников А. Н., Копнина А. Г. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55).

12. Сковородников А. Н., Королькова Э. А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53).

13. Соловей В. Как ведутся и на чем строятся информационные войны, о методах манипулирования. URL: http://ig.io.ua/s948471/kak_vedutsya_i_na_chem_stroyatsya_informatsionny_e_voynu_o_metodah_mediamanipulirovaniya.

14. Тагильцева Ю. Р. «Хто не скаже, той москаль»: информационная агрессия как компонент информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48).

15. Хорольский В. В. Медийность в текстах СМИ и понятие медийного модуля // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2013. № 4.

16. Шарий А. Климкин поблагодарил «оголтелую украинскую диаспору» // Анатолий Шарий: медиаэксперт. 2016а. 26 янв. URL: <http://sharij.net/44557>.

17. Шарий А. Климкин не захотел фотографироваться рядом с Лавровым // Анатолий Шарий: медиаэксперт. 2016б. 4 марта. URL: <http://sharij.net/47984>.

18. Шарий А. Лавров назвал «оголтелыми» представителей украинской диаспоры в Канаде // Анатолий Шарий: медиаэксперт. 2016в. 26 янв. URL: <http://sharij.net/44553>.

19. Шаронов Д. И. О коммуникативном смысле медиатизации // Вестн. ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. 2008. № 2.

20. Шейгал Е. И. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 34.

21. Lisemer. Украинцы записали ответ на Песню Стаса Пьехи о российских гумконвоях // Newzz.in.ua: актуальные новости из сети. 2015. 31 дек. URL: <http://newzz.in.ua/ob/1148921-630-ukraincy-zapisali-otvet-na-pesnyu-stasa-pehi-o-rossiyskih-gumkonvoyah.html>.

22. Liuz27. В МИД РФ назвали «верхом цинизма» заявления Турчино о гумпоши РФ. 2014. 19 авг. URL: <http://kak2z.ru/index.php?topic=120479.0>.

8. Krymskie studenty otvetili ukrainsam. 2015. 6 fevr. URL: <http://www.politonline.ru/media/22880347.html>.
9. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. — M., 2001.
10. Rastorguev S. P. Osnovy informatsionnoy bezopasnosti. — M., 2007.
11. Skovorodnikov A. N., Kopnina A. G. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55).
12. Skovorodnikov A. N., Korol'kova E. A. Rechevye taktiki i yazykovye sredstva politicheskoy informatsionno-psikhologicheskoy voyny v Rossii: etiko-pragmaticheskiy aspekt (na materiale «Novoy gazety») // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53).
13. Solovey V. Kak vedutsya i na chem stroyatsya informatsionny voyny, o metodakh manipulirovaniya. URL: http://ig.io.ua/s948471/kak_vedutsya_i_na_chem_stroyatsya_informatsionnye_voyny_o_metodah_mediamanipulirovaniya.
14. Tagil'tseva Yu. R. «Khto ne skache, toy moskal'»: informatsionnaya agressiya kak komponent informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 2 (48).
15. Khorol'skiy V. V. Mediynost' v tekstakh SMI i ponyatie mediynogo modulya // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 10, Zhurnalistika. 2013. № 4.
16. Shariy A. Klimkin poblagodaryl «ogolteluyu ukrainskuyu diasporu» // Anatoliy Shariy: mediaekspert. 2016a. 26 yanv. URL: <http://sharij.net/44557>.
17. Shariy A. Klimkin ne zakhotel fotografirovat'sya ryadom s Lavrovym // Anatoliy Shariy: mediaekspert. 2016b. 4 marta. URL: <http://sharij.net/47984>.
18. Shariy A. Lavrov nazval «ogoltelymi» predstaviteley ukrainskoy diaspory v Kanade // Anatoliy Shariy: mediaekspert. 2016v. 26 yanv. URL: <http://sharij.net/44553>.
19. Sharonov D. I. O kommunikativnom smysle mediatizatsii // Vestn. VGU. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika. 2008. № 2.
20. Sheygal E. I. Agonal'nost' v kommunikatsii: struktura ponyatiya // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2009. № 34.
21. Licemer. Ukrainsy zapisali otvet na Pesnyu Stasa P'ekhi o rossiyskikh gumkonvoyakh // Newzz.in.ua: aktual'nye novosti iz seti. 2015. 31 dek. URL: <http://newzz.in.ua/ob/1148921630-ukraincy-zapisali-otvet-na-pesnyu-stasa-pehi-o-rossiyskih-gumkonvoyah.html>.
22. Liuza27. V MID RF nazvali «verkhom tsinizma» zayavleniya Turchino o gumposhchi RF. 2014. 19 avg. URL: <http://kak2z.ru/index.php?topic=120479.0>.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Лу Тинтин
Пекин, Китай

**СТРАТЕГИЯ УКЛОНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ:
НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ**

АННОТАЦИЯ. На материале корпуса, состоящего из 15 русскоязычных и 15 китайских политических интервью, автор выделяет наиболее популярные тактики уклонения от ответа на вопрос, раскрывает специфику лингвистических реализаций стратегии уклонения от ответа в политическом и культурном контексте России и Китая. Уклонение от ответа — одна из важнейших стратегий в политическом дискурсе. Под уклонением от ответа понимается реакция, которая сводится к избеганию прямого ответа на поставленный вопрос, к отказу публично комментировать явления и факты, к сокрытию собственного мнения по какой-либо проблеме. Уклонение от ответа на вопрос в политическом интервью является реакцией на стимул — реплику журналиста, причем такой, при которой отвечающий игнорирует иллокутивное принуждение задающего вопрос. С позиций коммуникативного подхода разграничиваются имплицитное и эксплицитное уклонение от ответа на вопрос. При эксплицитном уклонении говорящий явным образом, в более или менее жесткой форме заявляет о своем отказе от сотрудничества. Проанализированные данные позволили установить, что политики обеих стран предпочитают имплицитные тактики рассматриваемой стратегии, причем российские политики чаще прибегают к уклонению от ответа на вопрос. Отмечено использование таких тактик, как несоответствие ответа вопросу, игнорирование ряда вопросов, выражение несогласия с журналистом (при постановке провокационных вопросов), уклонение под каким-либо предлогом, прямой отказ отвечать на заданный вопрос.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политическое интервью; стратегия уклонения от ответов; успешность уклонения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лу Тинтин, кандидат филологических наук, Хэйлунцзянский университет, Второй пекинский университет иностранных языков; 100024, Китай, г. Пекин, район Чаоян, Динфучжуан Наньли № 1; e-mail: lutingting0809@mail.ru.

Введение. Широко известно, что политики обычно не отвечают на все вопросы, которые им задают. В соответствии с данными исследования Чэнь Лицзяна, на правительственных пресс-конференциях в Китае среди всех реплик политиков такие, в которых они уклоняются от ответа, составляют 19 %. Уклонение — одна из важнейших стратегий в политическом дискурсе [Чэнь Лицзян 2007: 134]. Как утверждает Д. Уилсон, «журналист приобретает известность вопросами, которые он задал, а политик — тем, насколько удачно уклоняется от ответов» [Wilson 1990: 131]. Материалом статьи послужили 15 русских и 15 китайских политических интервью, анализ которых позволяет сделать выводы о стратегии уклонения в политическом и культурном контексте России и Китая.

Понятие уклонения от ответа на вопрос. Под уклонением М. П. Чуриков понимает реакцию политика, которая сводится к избеганию прямого ответа на поставленный вопрос, к отказу публично комментировать явления и факты, к сокрытию собственного мнения по какой-либо проблеме [Чуриков 2005]. Как полагают китайские исследователи Пан Цзяньжун и Чжоу Люси, в политической риторике при уклонении от ответа наблюдается несоответствие ответа вопросу в семантическом плане, в то время как в прагматическом плане между ними существует определенная связь [Пан Цзяньжун, Чжоу

Люси 2005: 119—123]. Чэнь Лицзян в связи с этим предпочитает говорить о «псевдосвязности» в политическом дискурсе [Чэнь Лицзян 2007: 129—134].

Опираясь на теорию иллокутивной структуры диалога [Баранов 1990], мы считаем, что уклонение в политическом интервью — речевой акт, при котором политик намеренно не обращает внимания на иллокутивное принуждение, заключенное в предыдущей реплике журналиста, целенаправленно не сообщает полную информацию, что, если использовать терминологию Г. Грайса, не соответствует максимам «количества» и «способа» [Грайс 1985]. Соответственно уклонение от ответа на вопрос в политическом интервью является реакцией на стимул — реплику журналиста, причем такой, при которой отвечающий игнорирует иллокутивное принуждение задающего вопрос.

Подходы к изучению уклонения от ответа на вопрос. Наиболее обобщенно выделяется два подхода: коммуникативный подход и структурно-семантический. Представителями первого являются, например, П. Булл и К. Майер, которые, рассмотрев политические интервью руководителей трех политических партий в период предвыборной кампании в Великобритании 1992 г., выделили следующие типы «неответов» (non-replies) [Bull, Mayer 1993]:

1. Политический деятель игнорирует вопрос.

本文为中国博士后科学基金第55批面上资助项目“政治语言学：理论与方法” (2014M551283) 的成果。

Статья подготовлена при поддержке Китайского постдокторского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта 2014M551283 «Политическая лингвистика: теория и методология».

The research is financially supported by the China Postdoctoral Science Foundation, project No.2014M551283, “Political Linguistics: theories and methods”.

2. Политик признает важность затронутой проблемы, но не отвечает на вопрос.

3. Политик доказывает неуместность вопроса по следующим причинам:

- вопрос не затрагивает суть проблемы;
  - вопрос основан на ложной предпосылке.
4. Политик отказывается от ответа по причине:
- неспособности дать его;
  - невозможности говорить за кого-то другого;
  - несвоевременности вопроса (ответ откладывается на более поздний срок);
  - незнания законов в соответствующей сфере или других подробностей.

5. Политик фокусирует внимание на собственно политической деятельности:

- представляет политику;
- оправдывает политику;
- осуществляет политический анализ;
- занимается самооправданием.

6. Ответ политика оказывается неполным, например, частичным, освещающим лишь некоторые аспекты проблемы.

7. Политик повторяет ответ на предыдущий вопрос.

8. Политический деятель заявляет, что интервьюер неправильно понял предыдущий ответ.

На материале английского языка коммуникативный подход к изучению уклонения от ответа применяет Л. Б. Головаш [Головаш 2008]. В работе этого исследователя перечисляются следующие тактики уклонения от ответов на вопросы:

- 1) повторов и переспросов;
- 2) задержки ответа;
- 3) смягчения категоричности ответа;
- 4) обобщения;
- 5) поддакивания;
- 6) собственно имплицитного отказа;
- 7) игнорирования;
- 8) иронизации;
- 9) намека;
- 10) выдвигания условия.

М. П. Чуриков [Чуриков 2005] включает в стратегию уклонения следующие тактики:

- 1) признания в некомпетентности;
- 2) избегания комментирования;
- 3) уклонения через апелляцию к фактору времени;
- 4) уклонения через апелляцию к фактору сложности;
- 5) уклонения через апелляцию к более компетентному источнику;
- 6) игнорирования вопроса интервьюера;
- 7) постановки встречного вопроса.

Д. Галасинский, сторонник структурно-семантического подхода, выделил три способа уклонения от ответа на вопрос: изменение контекста вопроса; изменение ядра

вопроса; одновременное изменение контекста и ядра вопроса [Galasinski 2000]. Именно на этой классификации основывалась Чэнь Лицзянь, проводя исследование правительственных пресс-конференций в Китае.

В данной работе уклонение от ответа на вопрос анализируется с позиций коммуникативного подхода. Такой вариант анализа позволил разграничить **эксплицитное** и **имплицитное уклонение** от ответа на вопрос. При эксплицитном уклонении говорящий явным образом, в более или менее жесткой форме заявляет о своем отказе от сотрудничества. В случае имплицитного уклонения отказ от сотрудничества не декларируется: стараясь скрыть свое нежелание давать четкий ответ на вопрос, выступающий, как правило, говорит достаточно долго, что создает впечатление соблюдения принципа кооперации (по Грайсу). Однако, как отмечает Е. И. Шейгал, политики умеют сказать много и при этом не сказать ничего [Шейгал 2004: 77].

Уклонение от ответа в русском языке (на материале политического интервью). В российском политическом интервью стабильно употребляются 5 тактик уклонения: первые два относятся к имплицитным, а оставшиеся три — к эксплицитным.

1. Не соответствующий вопросу ответ, смещение фокуса внимания. Такое несоответствие может проявляться в несовпадении грамматической категории времени реплики-стимула и реплики-реакции. В приведенном ниже примере в реплике журналиста используется прошедшее глагольное время, а политик в своем пространном ответе употребляет настоящее время, не подтверждая и не отрицая сообщенные собеседником факты.

Журналист: А. Дорохов. Гость: Д. Зеленин.

Дорохов: *Напомню нашим слушателям, что сегодня в гостях радио „Говорит Москва“ губернатор Тверской области Дмитрий Зеленин. А вот это общение с премьером, общение касалось проблем, связанных с засухой, с пожарной ситуацией, которые тушили в Тверской области. По-моему, с самого начала круглосуточно встречаются волонтеры, вот это было в прессе. Вы с ними справились, с вот этой проблемой, уже в принципе позади?*

Зеленин: *Ну а летом, тем более таким теплым летом, не говоря уже там уникальная ситуация этого года... Всегда есть лесные пожары, огромные территории Тверской области, это 8000 квадратных метров, это самый большой регион в центре России. Это больше, чем даже Красноярский край.*

Дорохов: *Там и торфяник, и тополь.*

Зеленин: *И торфяник, да, самые большие запасы в центре России по торфяникам. Там можно сравнить с Тверской областью. И, конечно, готовность к таким лесным пожарам, лесным пожарам достаточно высокая, служба пожарная, служба МЧС — это нам помогает, поэтому...*

Дорохов: **Значит, вы были в принципе готовы, в отличие от других мест?**

Зеленин: *У нас в целом готовность высокая, если готовиться абсолютно ко всем нюансам — очень трудно. Но, вообще говоря, группировка МЧС за последние годы, и федеральные, и нашей Тверской области, серьезно усилилась. А вот постоянное такое напряжение каждый год. Это помогает держать доносы, те управления, которые ответственны за это. И, конечно, пожары не обошли. На Тверской области все-таки первое, единственное или там самое теплое, теплое, теплое лето за последние 150 лет; жара, конечно, пожаров много, в обычные дни это 15—17 пожаров возникающих каждый день, в эти дни — 30 пожаров. А вот сейчас, конечно, все-таки точно хорошо. Но все равно 3—4 пожара возникающих. И важно не дать огню выйти на большую площадь, потому что то место, которое прошло, то место, которое прошло огонь, это постоянно очаг полочной, полочной, так сказать, суха. Но все подготовлено. Потому что еще бы чу-чуть — и опять, опять пошел огонь. Поэтому постоянный контроль и локализация. Хочу отметить, что вот такое быстрое реагирование, я считаю, что удалось Тверской области. Кроме этого, у нас есть служба оповещения, это не только муниципалитеты, это не только граждане, но и камер слежения на выставках мобильной связи. Вот недавно показали репортаж: в Германии есть, нет, у нас в России есть. Я могу завести свой компьютер и управлять этой камерой и могу делать 30 градусов в этой камере, увидеть все пространство, причем это же на высоте... (Радио «Говорит Москва». 2010. 18 авг.).*

2. Игнорирование части заданных вопросов. Если журналист задает сразу несколько вопросов, политик иногда отвечает только на самый простой вопрос, избегая трудных. К примеру, внимание всего мира привлекают взаимоотношения В. В. Путина и Д. А. Медведева. Д. А. Медведев в процитированном ниже интервью ответил только на вопрос о том, «изменились ли их отношения», и не стал рассказывать, «как они общаются на работе и вне ее».

Журналисты: К. Эрнст, О. Добродеев, В. Кулистикова. Гость: Д. Медведев.

Эрнст: *Дмитрий Анатольевич, у Вас в допрезидентский период всегда были свои особые отношения с Владимиром Владимировичем Путиным. Они сейчас как-то изменились? Как Вы общаетесь на работе и вне ее?*

Медведев: *У нас и сейчас особые отношения, это товарищеские, дружеские отношения, они не изменились. Я уверен, что они не изменятся* (НТВ, Первый канал, «Россия». 2009. 24 дек.).

3. Выражение несогласия с журналистом. В политическом интервью политик иногда указывает на неточность или неправильность мнения, высказанного журналистом в форме вопроса. В следующем отрывке из интервью С. М. Миронова политик аргументированно объясняет, что журналист неверно оценивает роль Совета Федерации и возглавляемой С. М. Мироновым партии.

Журналисты: Л. Телень, Ф. Лавуа, Е. Квитко. Гости: С. М. Миронов.

Квитко: *Сергей Михайлович, у меня вопрос про чувства. Вы тоскуете по тем временам, когда парламент что-то значил в жизни страны? Ведь вы возглавляете Совет Федерации, который (не обижайтесь) не несет, а особенно теперь, смысловой нагрузки в стране, вы возглавляете партию, которая ни на что абсолютно не влияет. Что вы об этом думаете?*

Миронов: **Евгения, я думаю, что вы не правы.** Начнем с Совета Федерации. Да, у нас не все получается, и, может быть, кому-то кажется, что слишком мало законов мы отклоняем, но зато это ключевые законы. И в Совете Федерации, несмотря на то, что у нас в составе из 166 членом примерно 123 человек — это члены «Единой России», зато у нас нет фракций. У нас запрецедена партийная работа в Совете Федерации, мы это сделали осознанно еще в 2002 году. И когда мы отклоняли такие законы, как закон «О Знамени Победы», когда мы не дали надругаться над Знаменем Победы. А Госдума преодолевала вето, и только президент уже расставил точки над «и», взяв нашу сторону. Когда мы отклонили закон «О связи», когда усилиями некоторых депутатов «Единой России» протащили норму, позволяющую любым лицам собирать деньги с нас как плательщиков за мобильную связь, со всеми вытекающими последствиями. Появились бы «Рога и копыта», киоск бы поставили на Тверской, люди бы платили туда деньги, а они через месяц с деньгами бы исчезли. Опять же, кстати, был спор, опять Госдума преодолевала вето, и только президент опять занял нашу позицию. И такие приме-

ры есть. И с точки зрения интересов регионов... Я реалист, действительно, не все получается, что хотелось бы. Но если бы не было нашей палаты, совершенно другая была бы палатра и политическая, и экономическая в нашей стране. Поэтому Совет Федерации, безусловно, нужен.

О партии. Здесь тоже... Знаете, что у нас есть своя миссия. Да, самая малочисленная фракция в Государственной думе, нас 38 человек, зато самая работоспособная и самая дееспособная — больше всего законопроектов. Да, из более чем 200 законопроектов только 38 стали законами. Ну, например, мелочь, и, может быть, кому-то кажется, что это незначительная социальная победа, но когда мы получили право второй пенсии для жителей блокадного Ленинграда — это наша победа. Когда мы дали возможность женщинам, женам военнослужащих, которые находятся в гарнизонах с мужьями многие годы, и там нет просто физической работы, им это время не засчитывалось в трудовой стаж, а теперь засчитывается — это наша победа. И когда мы говорим, что мы заставляем леветь (в хорошем смысле слова) с точки зрения социал-демократии и „Единую Россию“, и правительство, когда многие наши инициативы, которые мы вносим, сначала объявляются популистскими, неразумными, а потом „Единая Россия“ сама же их вносит от своего имени, и мои коллеги обижаются, я говорю: „Да Бог с ним! Главное, чтобы закон продвигался“. Если хотите, это наша миссия. Мы заставляем думать и помнить о людях, мы заставляем власть помнить о благе людей, а не наоборот. Сегодня это наша миссия такова, потому что реально мы не можем выдвигать, предлагать свои кандидатуры на пост губернаторов.

Мы не можем, допустим, остановить 83-й закон о реформировании бюджетных учреждений, где только „Единая Россия“ единогласно проголосовала, а мы в Совете Федерации, я пробовал остановить этот закон. Кстати, нужно сказать добрые слова о моих коллегах, в том числе членах „Единой России“ в Совете Федерации. Ведь закон 83-й прошел с перевесом только в один голос. Я не только голосовал „против“, я выступил с трибуны. Я объяснял коллегам, что до тех пор, пока правительство не издаст подзаконный акт и мы не увидим сам будущий государственный заказ, те самые стандарты в образовании, здравоохранении, нельзя принимать этот закон. Потому что может оказаться, что действительно с 1 июля 2012 года во мно-

гих муниципальных образованиях родители будут платить за обучение детей в школе за те или иные предметы. Это может стать реальностью. Но пока мы не видим этих подзаконных актов. Кстати, сейчас „Справедливая Россия“ собирает по всей стране подписи с требованием приостановить действие закона до принятия правительством вот этих норм.

Поэтому я не согласен, что мы ни на что повлиять не можем. Мы на многое влияем, и я вас уверяю, с каждым днем влияние нашей партии все больше и больше. Потому что мы больше и больше получаем самый главный политический ресурс — доверие избирателей. Это наша работа, это наша функция, если хотите, это наша миссия (Радио «Свобода», программа «Лицом к лицу». 2010. 8 окт.).

4. Уклонение под каким-либо предлогом. В следующем примере Д. А. Медведев заявил, что не в состоянии дать удовлетворительный ответ на вопрос, поскольку некомпетентен в данной сфере, что позволило сменить тему обсуждения.

Журналисты: К. Эрнст, О. Добродеев, В. Кулиستиков. Гость: Д. Медведев.

Эрнст: Дмитрий Анатольевич, на прошлой неделе Вы были в Копенгагене, где весь мир обсуждал климатические перспективы. А вот если честно, **Вы сами как считаете, Земля остывает или нагревается?**

Медведев: **Для того чтобы сказать, остывает она или нагревается, ответить на Ваш вопрос, я должен быть специалистом в этой сфере.** Если говорить прямо, на мой взгляд, даже не это главное, как это ни странно, остывает она или нагревается, потому что есть циклические теории, есть, действительно, разные точки зрения. Главное — как мы на это реагируем (НТВ, Первый канал, «Россия». 2009. 24 дек.).

5. Прямой отказ отвечать на вопрос. Иногда политик эксплицирует нежелание изложить свою точку зрения, прямо отказывается от ответа на поставленный вопрос, нарушая принцип вежливости [Leech 1983]. В следующем примере журналист хотел заранее узнать о содержании указа, а Д. Медведев в достаточно мягкой форме отказался дать ответ.

Журналисты: К. Эрнст, О. Добродеев, В. Кулистиков. Гость: Д. Медведев.

Эрнст: Дмитрий Анатольевич, а вот Вы сказали об указе, который сегодня подпишете. Это и есть начало реформирования системы МВД?

Кулистиков: И контуры указа какие-то можно сейчас обозначить?

Медведев: *Значит. Давайте всё-таки дождёмся выхода указа. Я, конечно, понимаю, что вам интересно...* (НТВ, Первый канал, «Россия». 2009. 24 дек.).

Уклонение от ответа на вопрос в китайском политическом интервью. По сравнению с коллегами из России китайские политики от ответа на вопрос в политическом интервью уклоняются реже. Самыми частотными являются следующие три тактики.

1. Несоответствующий вопросу ответ, смещение фокуса внимания.

Журналист: *Сегодня вы на нашем форуме ответили на много вопросов, как вы считаете, трудные ли вопросы задавали пользователи Интернета?*

Ван Ган: (1) *Я принимаю вопросы пользователей Интернета близко к сердцу, они мне помогают, и поэтому надеюсь получить еще больше вопросов. (2) Здесь я займусь самокритикой. С начала текущего года я был очень занят, иногда несвоевременно отвечал на вопросы. Я только что расспрашивал про это наше «Письмо министру», так как, честно говоря, на адресованные мне вопросы отвечал не только я, мне помогали коллеги. Действительно, в последнее время я очень занят... Мы стараемся по мере сил как можно чаще отвечать на вопросы. (3) Судя по прошлому опыту, на некоторые вопросы мы можем сразу дать ответ, но иногда требуется одна-две недели, чтобы разобраться. Некоторые вопросы мы воспринимаем как советы для совершенствования нашей работы. (4) По-моему, сейчас пользователи Интернета проявляют большое внимание к науке и технике. Причина заключается в том, что они оказывают большое влияние на нашу жизнь. С этой точки зрения наша цель едина. Некоторые пользователи Интернета просто ненавидят академическую коррупцию, и я тоже. Но нам надо постепенно принимать меры, чтобы решить эти проблемы (Форум «Чянго» на интернет-сайте «Жэньминь жибао». 2009. 13 марта).*

На вопрос журналиста «Как вы считаете, трудные ли вопросы задавали пользователи Интернета?» политик не дал ни утвердительного, ни отрицательного ответа. Его реплика состоит из 4 частей: первая — общая оценка вопросов интернет-пользователей, вторая — самокритика, третья — подробности того, как технически организуется общение с интернет-пользователями, последняя — впечатление от общения с ними. Хотя реплика достаточно велика по объему, на самом деле в ней не содержится ответа на заданный вопрос.

2. Игнорирование части заданных вопросов. В нижеприведенном примере политик в ходе интервью ответил только на первый вопрос, а второй проигнорировал.

Журналист: *Какой процент среди членов Революционного комитета Гоминьдана составляют те, чьи родственники были связаны с партией Гоминьдан? Некоторые задают вопросы о вступлении в партию: обязательно ли быть потомственным гоминьдановцем?*

Чжоу Тенун: *С целью сохранения Народной революции и специфики нашей партии, когда мы принимаем новых членов, обращаем достаточно большое внимание на их связь с бывшими членами Гоминьдана, с тайваньскими и иностранными деятелями. Но кроме таких лиц, мы еще принимаем других, отвечающих требованиям нашей партии. Те, кто признают Устав нашей партии и руководство нашей организации, принимают участие в различных мероприятиях, смогут стать членами нашей партии (Форум «Чянго» на интернет-сайте «Жэньминь жибао». 2009. 1 янв.).*

3. Уклонение от ответа под каким-либо предлогом.

Журналист: *Хорошо. Давайте посмотрим следующий вопрос. Вопросы многих пользователей Интернета связаны с ценой на квартиры. Сейчас конец старого года и близится начало следующего, к тому же в следующем году будет открыта Всемирная выставка. Всех очень интересует вопрос о том, будут ли расти цены на квартиры в следующем году. Директор Лю, вы подскажете?*

Лю Хайшэн: *Что касается цен на квартиры, хотелось бы вам сказать, моя должность не позволяет мне прогнозировать цены на следующий год. Но я могу сказать вам, о чем думает правительство, о том, какие меры уже приняты, какие еще подготавливаются...* (интернет-сайт «Восток». 2010. 18 янв.).

В этом фрагменте интервью был задан очень чувствительный вопрос о тенденции изменения цен на квартиры, а политик, сославшись на свою должность, уклонился от ответа и сменил тему разговора, начав говорить, «о чем думает правительство».

В Китае при интервьюировании политиков очень редко встречаются тактики выражения несогласия с журналистом и прямого отказа отвечать на вопрос: в 15 проанализированных нами политических интервью указанные тактики встретились соответственно 3 и 2 раза.

Успешное и неуспешное уклонение от ответа на вопрос. В ходе исследования мы

обнаружили, что иногда журналист проявляет некоторую лояльность к политике и позволяет ему сменить тему, а иногда «не дает пощады» и задает тот же вопрос в иной формулировке. Это демонстрирует следующий пример: журналист перебил Б. Немцова и снова спросил о кадрах. В зависимости от того, повторяет журналист свой вопрос или нет, мы различаем неуспешное и успешное уклонение от ответа на вопрос.

Журналист: Е. Альбац. Гость: Б. Немцов.

Альбац: *...А один вот вопрос, который мне хочется целую серию вопросов задать — потому что мне нравится сама постановка вопроса: „Скажите, дорогой Борис Ефимович, вот например, вы выбраны, вас россияне выбрали президентом, и вы поселились в Кремле, что потом, кто будет управлять регионами и городами, кто будет командовать в местных УФСБ и УВД, где вы собираетесь брать кадры для управления страной? Если вы серьезный политик, который занимается не только популяризацией своей персоны, но и реально желающий что-то изменить в РФ в лучшую сторону, опубликуйте список вашего резерва“.*

Немцов: *Значит, первое, что я бы сделал — я бы отменил цензуру. Второе: я бы провел расследование коррупционной деятельности Путина и его окружения, в том числе „Транснефти“, „Газпрома“, госкорпораций. Я бы провел расследование, как его дружки из кооператива „Озеро“, которые имели там дачные домики и по 6 соток земли, практически все оказались долларовыми миллиардерами.*

Кроме того, я бы вернул в страну выборы, в том числе выборы губернатора — я сам был выбран губернатором и знаю, чем отличается избранный губернатор от назначенного. Я бы вернул в Россию местное самоуправление, естественно, закре-

пил бы за регионами финансовую базу для того, чтобы они могли решать проблемы, в том числе борьбу с пожарами, в том числе борьбу с ледяным дождем. Это же позорщина, когда у нас сплошные катастрофы в стране ровно из-за того, что г-н Путин, уничтожив собственное местное самоуправление и выборность губернаторов, тем самым полностью парализовал управление страной.

Альбац: **Вас спрашивают, где вы кадры возьмете.**

Немцов: *Я сейчас говорю. А кадры — вы знаете, если я говорю про выборы, — я не такой высокомерный, чтобы говорить, кого люди должны избрать. Когда я говорю, что губернатора надо избирать и мэра Москвы тоже надо избирать, это означает, что народ должен решить, кто будет мэром. А я буду согласен с выбором народа (радиостанция «Эхо Москвы». 2011. 16 янв.).*

Статистика и выводы. В таблице приведено процентное соотношение тактик, реализующих стратегию уклонения от ответа на вопрос, в рассмотренных интервью.

Обобщенные в таблице данные позволили выявить характерные особенности российских и китайских политических интервью.

- В своих интервью российские политики в общей сложности использовали стратегию уклонения от ответа 82 раза. Самой частотной стала тактика несоответствующего ответа (46 случаев). Заметно чаще (59 случаев) использовалось имплицитное уклонение, чем эксплицитное (23 раза). Успешным уклонением от ответа стало в 82,93 % случаев, причем процентный показатель успешности эксплицитного уклонения (82,60 %) немного ниже, чем у имплицитного уклонения (83,05 %). Можно предположить, что стратегия уклонения относится к эффективным стратегиям, используемым российскими политиками.

Таблица

Соотношение тактик стратегии уклонения от ответа в российских и китайских политических интервью

	Уклонение										итого
	имплицитное				эксплицитное						
	несоответствующий ответ		игнорирование ряда вопросов		Выражение несогласия с журналистом		уклонение под каким-либо предлогом		прямой отказ		
	УУ	НУУ	УУ	НУУ	УУ	НУУ	УУ	НУУ	УУ	НУУ	
РПИ	37	9	12	1	12	4	3	0	4	0	82
КПИ	14	3	11	2	3	0	5	0	2	0	40

Обозначения: РПИ — российское политическое интервью; КПИ — китайское политическое интервью; УУ — успешное уклонение; НУУ — неуспешное уклонение.

- В китайских политических интервью в общей сложности стратегия уклонения от ответа использовалась 40 раз. Одной из наиболее частотных является тактика несоответствующего ответа (17 примеров). Заметно, что имплицитное уклонение от ответа встречалось чаще (59 раз), чем эксплицитное (23 случая). Успешным уклонение от ответа на вопрос было в 87,5 % случаев, причем успешность эксплицитного уклонения (83,3 %) заметно ниже успешности имплицитного (100 %). Можно утверждать, что стратегия уклонения от ответа на вопрос относится к эффективным стратегиям, применяемым китайскими политиками.

- Проведенный анализ позволил выявить общие для российских и китайских политических интервью черты: 1) стратегия уклонения от ответа является эффективной и популярной у политиков обеих стран; 2) предпочитают имплицитные тактики уклонения, среди которых самыми частотными являются тактика несоответствующего ответа и смещения фокуса внимания; 3) успешность эксплицитного уклонения в российских и китайских политических интервью (соответственно 83,05 % и 83,3 %) практически одинакова. Можно сделать вывод о том, что данные черты отражают общие характеристики политического интервью как жанра политического дискурса. Поскольку главная функция политической коммуникации — борьба за политическую власть [Чудинов 2007: 5], столкнувшийся с трудными и острыми вопросами интервьюера политик стремится избежать риска для себя и своего политического блока.

- Ряд признаков позволяет разграничить российские и китайские политические интервью в рассматриваемом аспекте: 1) российские политики намного чаще (82 примера в нашем материале) прибегают к стратегии уклонения от вопроса, чем их китайские коллеги (40 раз в проанализированных интервью); 2) степень успешности уклонения в российском политическом интервью (82,93 %) ниже, чем в китайском (87,5 %); 3) эксплицитное уклонение в российском политическом интервью оказывается менее успешным (82,60 % случаев), чем в китайском политическом интервью (100 %). Это обусловлено различиями в социально-политической культуре российского и китайского обществ. В результате российские и китайские журналисты проявляют разную степень политической активности, а российские и китайские политики неодинаково оценивают функции общественных институтов (в частности, средств массовой информации и политических институтов), преследуют разные коммуникативные цели при интервью [Лу Тинтин 2014].

Стратегия уклонения от ответа в свете теории адаптации. Бельгийский лингвист Й. Версхурен разработал теорию адаптации, в соответствии с которой процесс употребления языка есть процесс постоянного выбора языковых средств. Обусловленный внутренней структурой языка и экстралингвистическими факторами, такой выбор может быть сознательным и бессознательным. В зависимости от психологии индивидуума адаптация языка осуществляется с учетом таких аспектов, как контекст и языковая структура. Контекст представлен коммуникативным (экстралингвистическим) и собственно лингвистическим контекстами. Адаптация языка с учетом коммуникативного и лингвистического контекстов обеспечивает удачную коммуникацию и достижение коммуникативной цели [Verschueren 2000]. Реализацию стратегии уклонения от ответа на вопрос в ходе политического интервью мы рассматриваем как результат адаптации употребления языка с учетом контекста.

Во-первых, уклонение от ответа продиктовано необходимостью для политика учитывать собственный имидж и интересы своего политического блока. Принимая участие в политическом интервью, политик знакомит массового реципиента со своими политическими позициями и мнениями в связи с какими-либо событиями, что служит созданию или поддержанию политического имиджа и увеличению поддержки населения. В то же время журналист, как посредник, который знакомит широкую аудиторию с политическим миром, иногда задает политикам трудные и даже провокационные вопросы. В таких случаях политик часто тщательно отбирает языковые средства для соблюдения своих политических интересов.

Во-вторых, стратегия уклонения от ответа является средством адаптации к властным отношениям. В ходе политического интервью, определяя выступающего и тему разговора, журналист реализует властную функцию, а политик находится в пассивном статусе. Однако, как показали Э. Дональд и Ф. Ребекка [Donald, Rebecca 1974], в отличие от устойчивых властных отношений в традиционном смысле, коммуникативные властные отношения динамичны и неопределенны. Таким образом, при взаимодействии участников политического интервью лидирующая роль журналиста не абсолютна. Стремясь избежать абсолютного контроля со стороны журналиста, политик использует тактику смещения фокуса внимания и игнорирования части вопросов для уравновешивания влияния собеседников в сфере коммуникативных властных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1990.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : Прогресс, 1985. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 217—237.
3. Головаш Л. Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2008.
4. Лу Тинтин. Сопоставительное исследование политического и культурного контекста русскоязычного и китайскоязычного политического интервью // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 148—152.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.
6. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2007.
7. Чуриков М. П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения: на материале текстов немецких политических интервью : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2005.
8. Юрина М. В. Коммуникативные стратегии партнеров в политическом интервью: на материале современной прессы ФРГ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2006.
9. Dillon J. T. The Practice of Questioning. — London : Routledge, 1990.
10. Donald E. A., Rebecca F. G. Conversation Analysis: The Sociology of Talk. — The Hague : Mouton, 1974.
11. Galasinski D. The Language of Deception: A Discourse Analytical Study. — California : Sage Publ., 2000.
12. Harris S. Evasive Action: How Politicians Respond to Questions in Political Interviews // Broadcast Talk / P. Scannell (ed.). — London : Routledge, 1991. P. 76—99.
13. Leech G. N. Principles of Pragmatics. — London : Longman, 1983.
14. Ng S. H., Bradac J. J. Power in Language. — Newbury Park, CA : Sage, 1993.
15. Orr C. J., Burkins K. E. The Endorsement of Evasive Leaders: An Exploratory Study // Central States Speech Journ. 1976. № 62. P. 230—239.
16. Verschueren J. Understanding Pragmatics. — Beijing : 外语教学与研究出版社, 2000.
17. Wilson J. Politically Speaking: The Pragmatic Analysis of Political Language. — Oxford : Basil Blackwell, 1990.
18. Чэнь Лицзян = 陈丽江. 《文化语境与政治话语——政府新闻发布会的话语研究》[M], 北京, 中国广播电视出版社, 2007年.
19. Пан Цзяньжун, Чжоу Люси = 庞建荣、周流溪. 政治修辞中的闪避回答[J], 《外语教学与研究》, 2005年第2期, 119-123页.

Lu Tingting
Beijing, China

STRATEGY OF EVASION IN POLITICAL INTERVIEWS: BASED ON THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

ABSTRACT. *Based on the corpus of 15 Russian and 15 Chinese political interviews, the author of the article singles out the most popular tactics of evasion and describes the specific features of the use of the strategy of evasion in political and cultural contexts of Russia and China. Evasion in answering the question is one of the leading strategies in political discourse. Evasion is understood as avoidance of the direct answer to the question, refusal to comment the events and facts and concealing of one's own opinion on the problem. Evasion in political interview is a reaction on the journalist's utterance, when the respondent ignores illocutive persuasion of the addresser. Implicit and explicit evasion are singled out from the point of view of communicative approach. In explicit evasion the speaker manifests his rejection of cooperation clearly. The analyzed texts revealed the fact that the politicians in both countries prefer implicit tactics of evasion, besides the Russian politicians use evasion more often. Such tactics as inadequacy of the answer, ignoring of a number of questions, disagreement with the journalist (in provocative questions), evasion on any pretext and direct refusal to answer the question are found in the analyzed interviews.*

KEYWORDS: *political discourse; political interviews; strategy of evasion; successful evasion.*

ABOUT THE AUTHOR: *Lu Tingting, Candidate of Philology, Heilongjiang University, Beijing Foreign Studies University, Beijing, China.*

REFERENCES

1. Baranov A. N. Lingvisticheskaya teoriya argumentatsii (kognitivnyy podkhod) : dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 1990.
2. Grays G. P. Logika i rechevoe obshchenie // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — M. : Progress, 1985. Vyp. 16 : Lingvisticheskaya pragmatika. S. 217—237.
3. Golovash L. B. Kommunikativnye sredstva vyrazheniya strategii ukloeniy ot pryamogo otveta : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kemerovo, 2008.
4. Lu Tintin. Sopostavitel'noe issledovanie politicheskogo i kul'turnogo konteksta russkoyazychnogo i kitayskoyazychnogo politicheskogo interv'yu // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4. S. 148—152.
5. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M. : Gnozis, 2004.
6. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. 2-e izd., ispr. — M. : Flinta : Nauka, 2007.
7. Churikov M. P. Soglasie, nesoglasie i ukloenie v aspekte rechevogo obshchenie: na materiale tekstov nemetskikh politicheskikh interv'yu : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Pyatigorsk, 2005.
8. Yurina M. V. Kommunikativnye strategii partnerov v politicheskoy interv'yu: na materiale sovremennoy pressy FRG : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Samara, 2006.
9. Dillon J. T. The Practice of Questioning. — London : Routledge, 1990.
10. Donald E. A., Rebecca F. G. Conversation Analysis: The Sociology of Talk. — The Hague : Mouton, 1974.
11. Galasinski D. The Language of Deception: A Discourse Analytical Study. — California : Sage Publ., 2000.
12. Harris S. Evasive Action: How Politicians Respond to Questions in Political Interviews // Broadcast Talk / P. Scannell (ed.). — London : Routledge, 1991. P. 76—99.
13. Leech G. N. Principles of Pragmatics. — London : Longman, 1983.
14. Ng S. H., Bradac J. J. Power in Language. — Newbury Park, CA : Sage, 1993.
15. Orr C. J., Burkins K. E. The Endorsement of Evasive Leaders: An Exploratory Study // Central States Speech Journ. 1976. № 62. P. 230—239.
16. Verschueren J. Understanding Pragmatics. — Beijing : waiyu jiaoxue yu yanjiu chubanshe, 2000.
17. Wilson J. Politically Speaking: The Pragmatic Analysis of Political Language. — Oxford : Basil Blackwell, 1990.
18. Chen Lijiang. Wenhua yujing yu zhengzhi huayu — zhengfu xinwenfabuhui de huayu yanjiu. — M. ; Beijing : Zhongguo guangbo dianshi chubanshe, 2007.
19. Pang Jianrong, Zhou Liuxi. Zhengzhi xiuci zhong de shanbi hui da. — J. : Waiyu jiaoxue yu yan jiu, 2005, Feb. P. 119—123.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. У Айхуа.

З. К. Темиргазина
Павлодар, Казахстан

«СНЫ РАЗУМА» В КАЗАХСТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается политическая коммуникация как речевая деятельность, изначально преследующая цель воздействия на адресата, его убеждения и побуждения к действиям, а не просто объективного изложения фактов и информирования масс. Анализируются языковые способы и средства создания саркастического смысла и иронии в казахстанском русскоязычном политическом медиадискурсе. Особое внимание уделяется художественно-стилистическим фигурам, основанным на нарушении логических связей: алогизму, антифразису, «доведению до абсурда», катахрезе, апофазии, остранению. Благодаря эффективному использованию этих художественных средств журналисты воссоздают перед глазами читателей сатирическую картину казахстанской политической реальности, для которой абсурдность и алогичность являются не продуктом субъективного восприятия и вымысла отдельного автора, а неотъемлемым сущностным свойством бытия. В статье описывается также индивидуально-авторское переосмысление и применение некоторых стилистических фигур. Автор использует структуру алогизма, которая состоит из двух противоречащих, несовместимых друг с другом по смыслу частей, но противоречие по смыслу на самом деле отсутствует — оба явления сходны или тождественны. Так создается авторская стилистическая фигура «псевдо-алогизма» или «квазиалогизма». Перечисленные приемы воссоздают современную казахстанскую политическую картину мира, характеризующуюся абсурдностью, алогичностью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: казахстанский политический медиадискурс; стилистическая фигура; сарказм; ирония; алогизм; антифразис; «доведение до абсурда»; катахреза; апофазия; остранение; «псевдоалогизм»; аллюзия; перифраза.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы, Павлодарский государственный педагогический институт (Казахстан); 140002, Казахстан, г. Павлодар, ул. Мира, 60; e-mail: zifakakbaevna@mail.ru.

Роль дискурса СМИ в формировании дискурсивной реальности сегодня многократно возросла в связи с информационной революцией. И тем более заметной в нем становится тенденция к усилению манипулятивного воздействия на массовое сознание. Несомненно, что это затрагивает прежде всего область политического медиадискурса, выполняющего, по мнению В. Клемперера, посредническую функцию и являющегося практически единственным каналом общения между политиками и населением [Клемперер 1998]. Н. Хомский, подчеркивая особую семиотичность политического медиадискурса, назвал его «символической политикой, иначе говоря, политикой неявной, неочевидной для масс» [Chomsky 2004: 5]. Политический медиадискурс является частью политической коммуникации, которая определяется А. П. Чудиновым как «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения» [Чудинов 2006: 6]. Политическая коммуникация изначально преследует цель воздействия на адресата, убеждения и побуждения его к действиям, а не просто объективного изложения фактов, информирования масс.

В связи с этим большой исследовательский интерес представляют способы подачи информации и приемы языкового манипулирования, применяемые в политическом медиадискурсе для активного воздействия на массовое сознание, т. е. «язык как инстру-

мент социальной власти», по выражению Р. Блакара [Блакар 1987]. Вопросы речевого воздействия в социальном и политическом контексте изучаются в науке сегодня достаточно интенсивно [Карасик 1992; Доценко 1997; Кара-Мурза 1999; Стернин 2001; Чернявская 2006; Чудинов 2006 и др.].

Политический медийный дискурс практически всегда основывается на целенаправленном применении разнообразных и многочисленных способов воздействия на сознание широких масс, важнейшими из них являются языковые средства и приемы, формирующие скрытый контекст, иногда не один. Создаваемая смысловая многоплановость политических текстов СМИ расширяет их интерпретационный потенциал, позволяя читателю увидеть не только эксплицитные, но и имплицитные смыслы высказываний, т. е. те «параллельные миры», которые сконструированы автором. Задачей нашей статьи является исследование языковых средств и приемов саркастического характера, выступающих в качестве способа создания событийно-содержательной многоплановости текста и воздействия его на массовое сознание в казахстанском политическом медиадискурсе. Материалом для анализа послужили статьи известного казахстанского политического журналиста Сапы Мекебаева, опубликованные на веб-сайте «Ratel.kz» [Мекебаев].

Влияние на сознание читателя осуществляется за счет закодированной в тексте субъективной авторской позиции, которая, в свою очередь, обуславливает оценочность и эмоционально-аффективный характер политических текстов. Наблюдающийся в наше время кризис нравственных и социальных

ценностей повлек за собой рост тенденции к критическому переосмыслению действительности в обществе, а это, в свою очередь, становится причиной обострения в нем информационного противоборства. Наличие прямой или скрытой критической оценки событий действительности — характерная черта современной прессы. Борьба за умы читателя, идущая сегодня в политическом медиадискурсе Казахстана, требует от журналистов использования все более широкого круга нетривиальных вербальных способов воздействия, особенно сатирической направленности.

К одному из видов сатирического обличения действительности относят сарказм (греч. *sarkasmos* от *sarkazo*, букв. «рву мясо»), который отличается беспощадностью, резкостью, язвительностью по отношению к изобличаемому [Алешина 2012]. Несмотря на острую критическую направленность, сарказм строится на осмеянии, насмешке (см., например, пословицу: *Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву*), т. е. является частью смеховой культуры народа. Сарказм сближается с сатирой в своей конечной цели — борьбе с негативными враждебными явлениями действительности через их осмеяние. Приведем одно из мнений о месте смеха в современном обществе: «Смеховая культура как бы накладывается отдельным пластом на „серьезную“. Юмор, сатира, прикол, хохма, ирония, гротеск — эти смеховые формы проглядывают сквозь почти все культурные явления. Почти каждая статья о политике, или экономике, или обществе — непременно имеет в себе смешной намек или иронию. В порой самом серьезном фильме — обязательно есть приколы. Банальный деловой разговор — не мыслим без хоть каких-то смешных вещей. Мы за последние десятилетия настолько привыкли к смеховой составляющей, что без нее те или иные вещи нам кажутся пресными и неинтересными» [Kondratio 2012].

Сравнивая сарказм и иронию, можно отметить, что они сходны в том, что строятся на усиленном контрасте подразумеваемого и выражаемого, но сарказм требует немедленного намеренного обнажения подразумеваемого смысла и поэтому всегда включает в свою структуру элемент экспликации подразумеваемого. «Вопрос о том, является ли сарказм лишь одной из форм реализации иронии или он в значительной степени отличается от нее характером выражаемой им оценки, остается до сих пор открытым. Большинство исследователей сходятся во мнении, что сарказм — это подвид иронии, крайняя ее точка», — пишет А. С. Костыгова

[Костыгова 2013: 102]. Она также полагает, что к семантико-прагматическим параметрам сарказма, отличающим его от иронии, можно отнести объект саркастической оценки. Если ирония может быть направлена на ситуацию, стечение обстоятельств, то объектом саркастической насмешки всегда является сфера человека, так как сарказм обусловлен прагматическими и социальными факторами, которые релевантны лишь тогда, когда речь идет о человеке [Костыгова 2013: 102].

К различиям сарказма и иронии можно отнести и эмоциональный посыл автора: если автор саркастического высказывания руководствуется высшей степенью негодования, причем открытого, то в ироническом высказывании говорящий не проявляет негативных эмоций подобной интенсивности и не стремится к их явному обнажению, скорее он их маскирует под внешне благообразной формой.

Благодаря своей открытой обличительной направленности сарказм широко используется в условиях современной острой политической борьбы. Рассмотрим некоторые распространенные в казахстанской политической журналистике языковые средства создания сарказма, анализируя статьи известного оппозиционного журналиста Сапы Мекебаева [Мекебаев 2016]. В качестве основной приметы его индивидуально-авторского стиля, отличающегося богатством и разнообразием художественно-стилистических приемов сатирическо-саркастической направленности, отметим предпочтение, которое журналист отдает специфическим стилистическим фигурам, основанным на нарушении логических связей: антифразису, алогизмам, катахрезе, апофазии, остраннению и т. п. Благодаря эффективному использованию перечисленных художественных средств, журналист воссоздает перед читателями сатирическую картину казахстанской политической реальности, для которой абсурдность и алогичность являются не продуктом субъективного восприятия и вымысла отдельного автора, а неотъемлемым сущностным свойством бытия. Автор только помогает читателю увидеть это в отдельных разрозненных фактах, выстраивая целостную картину и опираясь на его фоновые знания, образное мышление, языковую интуицию. Для этого в распоряжении журналиста находится целый арсенал художественно-стилистических фигур и средств, построенных на подчеркивании алогичности, абсурдности явлений окружающей действительности.

Как известно, логические связи нарушаются в ходе сближения контрастивных поня-

тий, либо изменения привычного взгляда на вещи, явления, события, либо представления абсолютно совместимых понятий как чего-то противоречивого, несовместимого, странного, либо противопоставления смысла высказывания и интонации. «В основу саркастически-иронического употребления заложен принцип семантической двуплановости, который формируется за счет узуальных и окказиональных, прямых и переносных значений. Между узуальными и окказиональными значениями, в результате иронической трансформации семантики слова, возникают отношения несоответствия, противоречия, которые и служат основой возникновения импликации определенного содержания, выступающей в виде авторской субъективной оценки предметов и явлений действительности, что как раз и является механизмом создания иронии» [Цепордей 2016].

В **алогизме**, типичном для журналиста стилистическом приеме, логические связи нарушаются с целью умышленного подчеркивания существующего противоречия. В саркастическом ироническом оценочном высказывании используются языковые средства, сами по себе нейтральные, приобретающие негативно-оценочный смысл лишь в комплексе и в проекции на общий контекст коммуникативной ситуации. Например:

1) *Я лично **безоговорочно верю** в рекордные надои Досмухамбетова, поскольку **своими глазами не видел**, как он ежедневно выжимает по 7 ведер молока из отдельно взятого коровьего вымени* [Мекебаев 2016е];

2) *Им что министра похвалить, что проститутку поругать — **всё без страха дается*** [Мекебаев 2016е];

3) *Как нам стало известно из надежных источников, не вызывающих доверия, аким Восточно-Казахстанской области Даниал Ахметов будет привлечен к строгой ответственности за превышение мер необходимой самообороны от критики и покушение на свободу слова в группе лиц по предварительному сговору* [Мекебаев 2016в].

4) *Детям взрослым, говорит, помочь не могу — „возможность ограничена“. Уже март наступил, а он, как сам признается, еще с осени до сих пор **в одной и той же куртке ходит**, потому что „нет другой“. Карагандинские пенсионеры, успевшие за зиму **сменить по несколько дубленок и норковых шуб**, очень сочувствуют бедному акиму* [Мекебаев 2016а].

Рассматриваемые алогизмы саркастического характера порождают многочисленные смысловые приращения, позволяющие чи-

тателям расшифровывать обличительную направленность высказываний, в которых высмеиваются глупость и лицемерие высокопоставленных чиновников и политических деятелей.

Нами обнаружено очень своеобразное, чисто авторское — «мекебаевское» — преобразование этой стилистической фигуры, которое мы терминизировали бы как «псевдоалогизм» или «квазиалогизм». Автор воссоздает структуру алогизма, которая состоит из двух противоречащих, несовместимых друг с другом по смыслу частей, подчеркивая противопоставление употреблением противительного союза «но». А противоречие по смыслу на самом деле отсутствует — оба явления сходны или тождественны, что подтверждается лексическими повторами или однокоренными номинациями якобы противопоставляемых понятий: *Когда твоя фамилия засветилась в списках скандального „панамского дела“, надо как-то объяснить это, а не хамить — журналисты **не злопамятные, но злые, и память у них хорошая*** [Мекебаев 2016д].

Еще одним характерным для сатиры С. Мекебаева стилистическим средством выступает **апагогия — доведение до абсурда**. Абсурд (от лат. *absurdus* — не звонкий) в обычном значении — бессмысленный, нелогичный, престаупающий границы дискурсивного рассудка. Так, «сведение к абсурду» означает выявление скрытой бессмыслицы утверждения через последовательное выведение следствий из мысли, лежащей в предпосылках. «Сводить что-либо к абсурду значит следовать за оппонентом с целью его опровержения, вернее даже, идти за ним до самого конца, пока он сам себя не опровергнет. Логически состоятельное, философской ценности подобное доказательство не представляет. И следствия, и абсурдность чего-либо всегда могут служить предметом спора», — пишет Андре Конт-Спонвиль [Конт-Спонвиль 2012: 21]. Приведем примеры «доведения до абсурда»:

1) *Прежде чем беспокоить премьера и генпрокурора, надо было продумать, как на практике будут приводиться в исполнение вердикты о телесных наказаниях. Скажем, публичные порки, разумеется, надо назначать на выходные дни и проводить их на центральных площадях городов при большом стечении народа. Для битья провинившегося по ягодицам, бедрам или спине рекомендуется использовать розги, ремни, плети, кнуты, батоги, ротанговые трости и шпичрутены. Особо злых нарушителей ПДД следует доставлять в парламент в дни совместных заседаний палат*

и пропускать их через строй депутатов, чтобы каждый мажилисмен и сенатор мог шлепнуть их по попкам своим мандатом, а Бектас Бекназаров шел бы следом и считал шлепки [Мекебаев 2016г];

2) Председатель сената Касым-Жомарт Токаев оставил такую запись в Twitter: „Теракт в Актобе в канун святого Ораза (экономист Ораз Жандосов вздрогнул и перекрестился. — С. М.) — проявление крайнего цинизма и жестокости бандитов. Принимаются самые жесткие меры для их наказания“.

При всем уважении к выдающейся со всех сторон личности нашего сенатского спикера, его критерий оценки нравственных качеств бандитов вызывает вопросы.

По его логике, если теракт совершается накануне священного поста — это, значит, крайний цинизм и жестокость.

А если террористы станут злоумышлять в обычные будни, это что — проявление крайней сентиментальности и милосердия?

Можно ли, например, какие-нибудь мелкие профессиональные праздники также относить к скоромным датам, когда можно что-нибудь взорвать с гуманистическими целями? [Мекебаев 2016ж];

3) Он пообещал убрать машины со всех обочин дорог и из дворов жилых домов. Где будут стоять более полумиллиона автомобилей, только официально зарегистрированных в южной столице, аким не сказал. Это уже не его дело. Надо бы ему еще запретить плевать против ветра после 11 вечера — примерно такая же степень эффективности решения будет [Мекебаев 2016д].

Своим излюбленным приемом журналист показывает, как высказывания политических деятелей, казалось бы, вполне соответствующие здравому смыслу, но последовательно доведенные до логического завершения, проявляют свою скрытую бессмыслицу и абсурдность, изобличая несостоятельность и ограниченность людей, их произносящих.

Антифразис, который базируется на контрасте видимого и скрытого смысла выражения, в приведенных ниже примерах передает тонкую насмешку автора, прикрытую внешней учтивостью:

1) Впрочем, на свежие идеи Байбек и без нас богат.

„Сегодня 86 сотрудников акимата пересядут на велосипеды, — **пофантазировал** он. — Я сам планирую сесть на велосипед. Если мы не покажем пример, кто его покажет?“ **Вероятно, для акима наймут**

велорикшу — кто-то же должен крутить педали [Мекебаев 2016а];

2) Молодой аким Алматы Бауыржан Байбек, **сам порой не осознавая собственной мудрости**, временами **выдает фразы**, имеющие куда более глубокий контекст, нежели он мог предполагать. Например, в числе главных достоинств нового фонтана, который будет разбит в честь тысячелетнего юбилея города, он назвал возможность „бегать между его струйками“ [Мекебаев 2016д].

В антифразисе слова употребляются в привычном значении, но иногда рядом с ними появляется лексема, дающая возможность нового прочтения семантики выражения, изменяющее его значение на противоположное, как в примере 1 лексема *пофантазировал* позволяет читателю интерпретировать все сказанное акимом как не вызывающее доверия, нереалистичное, невыполнимое. Эта импликация закрепляется в последующем ироническом высказывании о том, что для акима наймут велорикшу, потому что ведь надо кому-то крутить педали.

Для интерпретации скрытой негативной оценочности иронических и саркастических высказываний автор подает читателям своеобразные сигналы, в роли которых выступают языковые средства, мешающие буквальному восприятию сказанного и вызывающие диссонанс на пропозициональном уровне. В примере 1 таким сигналом выступило слово *пофантазировал*. В примере 2 подобную «провоцирующую» функцию выполняет слово *выдает (фразы)*, которое добавляет в смысловое поле текста ассоциации с несерьезным, легкомысленным отношением и поведением, см. идиомы русского языка: *выдает номера, выдал очередной опус, выдает остроты*.

Катахреза строится на сочетании неконтрастных по природе понятий, ситуаций для создания большей художественной выразительности. Хотя понятия неконтрастны, но в тексте они вступают в противоречие, поддерживаемое отдаленными ассоциациями, заданными автором, поэтому они алогичны, непредсказуемы и создают оригинальные образы давно знакомых предметов, явлений.

Сергей Кулагин, два года назад **верховой милостью рукоположенный в акимы Акмолинской области** и чей святой лик однажды замироточил на фреске кафедрального собора города Рудного, на очередном мирском заседании грозит директору озеленительной конторы: „Дерева если засохнут, я тебе грабли оторву!“ **Паства хохочет**, униженный директор прячет свои грабли за спину и тоже

смеется хамской выходке **областного архиерея** [Мекебаев 2016д].

Сарказм автора в описываемой ситуации основывается на пересекающемся совмещении религиозных и административных понятий, в принципе не находящихся в непримиримом противоречии: *аким — архиерей, архиерей — директор озеленительной конторы, святой лик замироточил — хамская выходка, грозит*. Катахреза выражается в таких словосочетаниях, как *верховой милостью рукоположенный в акимы Акмолинской области, областной архиерей, паства хохочет, очередное мирское заседание* и т. п., а также в контрастном использовании высокого и разговорно-просторечного стилей изложения: *верховой милостью рукоположенный, святой лик замироточил — грабли оторву, хохочет*.

Здесь на первый план выходят язвительная насмешка, автор критикует хамское поведение руководителя области, унижающего подчиненных, создавая типичный образ чиновника, осознающего свою полную безнаказанность.

Остраннение (или «очуждение») построено на представлении привычного предмета, явления не в обычном контексте, а как бы вырванным из него, что делает его непохожим, неузнаваемым. Автор использует эффект «свежего взгляда» на привычное, что меняет наши представления о нем и создает новый образ:

А транспортный апокалипсис будущего Алматы, наверно, будет выглядеть так.

На Восточной объездной дороге из-за гололеда столкнулись несколько велосипедистов, не успевших переобуться в зимнюю резину, — образовался многокилометровый затор. На проспекте Абая двое водителей навороченных самокатов, отпрысков высокопоставленных чиновников, устроили гонку на выделенной полосе, парализовав движение экологически чистого гужевого транспорта. Полиция перекрыла центр города — Байбек на байке (электрическом) в сопровождении чиновников на трехколесных великах объезжает объекты Универсиады.

Бисмарку приписывают слова, что никогда столько не лгут, как во время войны, после охоты и до выборов. А у нас как раз война за мир, выборы и всем охота [Мекебаев 2016а].

Сапа Мекебаев с помощью приема остраннения создает сюрреалистическую и одновременно юмористическую (*движение экологически чистого гужевого транспорта; из-за гололеда столкнулись несколько велосипедистов, не успевших переобуться*

в зимнюю резину; чиновники на трехколесных великах; Байбек на электрическом байке) картину транспортного апокалипсиса мегаполиса, которая в то же время разбавлена чрезвычайно реалистическими и узнаваемыми казахстанцами реалиями и деталями (*отпрыски высокопоставленных чиновников, устроили гонку на выделенной полосе, полиция перекрыла центр города, на Восточной объездной дороге*).

Автор с издевкой изобличает власть, далекую от подлинных нужд народа, жестко критикуя стиль руководства высокопоставленных чиновников, ответственных за благополучие огромного города.

При **апофазии** в конце строфы, абзаца или целого произведения высказывается мысль, противоречащая сказанному в начале, т. е. автор как бы противоречит самому себе. Например: *В Алматы изгоняют бесов капитализма и давят бульдозером идеологическую ересь, которую несут видеокассеты и диски с продукцией западной киноиндустрии. Главным инквизитором назначен руководитель предвыборного штаба КНПК Айкын Конуров. При этом ни итальянские костюмы, ни швейцарские часы, ни американские айфоны коммунистов не пострадали* [Мекебаев 2016а].

Особое место в творчестве Сапы Мекебаева, создающего сатирический образ современной казахстанской политической действительности, занимают **аллюзии**. Широко известные литературные образы, произведения, кинофильмы, фрагменты пословиц естественным образом вкрапляются в текст, отсылая читателя к своему источнику и вызывая у него устойчивые ассоциации. Например:

1) *Пока депутаты видят сны разума, они безопасны. Ради политической стабильности и межгражданского согласия нельзя им думать, говорить и, тем более, что-то делать. Стоит кому-то из них временно выйти из анабиоза, как вся страна лишится покоя* [Мекебаев 2016г];

2) *Еще ни одна корова не мычала против, когда ей говорили, что она дает 72 литра молока* [Мекебаев 2016е];

3) *Конечно, дать отлуп проституткам — тоже позиция. Только конкретной пользы для общества от этого мало* [Мекебаев 2016е].

В примере 1 использование выражения *сны разума* порождает ассоциацию с названием известного офорта испанского художника Франсиско Гойи «Сон разума рождает чудовищ». Пример 2 отсылает читателя к разговорному идиоматическому выражению «чья бы корова мычала», которое ис-

пользуется в значении «лучше помолчал бы, сам не без греха». В 3-м примере аллюзия построена на отсылке к роману Михаила Шолохова «Поднятая целина», в котором юмористический персонаж дед Щукарь на собрании «дает отлуп» кандидату вместо того, чтобы «дать отвод».

Аллюзии используются и в заголовках статей «*Темирхан Досмухамбетов — дояр авторитетный*», «*Благочестивый Токаев*». В первом случае словосочетание *дояр авторитетный* ассоциируется с репликой героя фильма «Джентльмены удачи»: «Ты, конечно, Доцент, вор авторитетный»; во втором случае возникает ассоциация с названием фильма «Благочестивая Марта» по пьесе де Молина.

Но особенность индивидуального стиля Сапы Мекебаева проявляется в том, что он использует аллюзию не просто как отдельный стилистический прием в тексте, а строит на ней весь текст целиком, закладывая в основу построения сюжета, описания поведения героев, характеристику персонажей. Ассоциативный феномен аллюзии как бы выстраивает параллельный сатирический план текста и дает читателям стереоскопическую объемную картину события, в которой беспощадно, со всей возможной остротой высвечивается абсурдность происходящего. Целиком построена на аллюзии его статья «Донна Гульжана нарушила омерту», в которой описание обычного парламентского заседания ассоциативно перекликается с сюжетом известного романа Марию Пьюзо «Крестный отец» и фильмом, снятым по нему. Выстраивается ряд ассоциаций: государственные деятели — главари мафии, депутат Карагузова — донна Гульжана, государственные органы — мафиозные кланы; с сарказмом и иронией используется специфическая лексика: *закон омерты, консье́ри, донна, объявить вендетту, местные кланы* — и фразы-аппликации: «*предложение, от которого нельзя отказаться*», «*В общем, ничего личного — только бизнес, как говорят в некоторых сицилийских семьях*» [Мекебаев 2016б].

Мастерство политической сатиры журналиста проявляется и в тонком, стилистически оправданном использовании перифразы, когда одно и то же явление именуется целым рядом номинаций, отличающихся друг от друга саркастически-ироническими смысловыми приращениями. Например: *проститутки — путаны — самоотверженные труженицы сексуального фронта — работницы коммерческого секса* [Мекебаев 2016е]; *депутат Карагузова — „донна Гульжана“ — заслуженный ветеран депу-*

татского корпуса — человек запредельной честности и отваги [Мекебаев 2016б].

Как известно, сарказм позволяет говорящему достигать максимального эффекта в том случае, когда адресат в процессе интерпретации саркастического смысла опирается на контекст и предыдущий коммуникативный опыт, т. е. успешно оперирует как лингвистическими, так и экстралингвистическими знаниями.

Ряд исследователей говорят о незначительности юмористической и позитивной составляющей в сарказме или даже полном отсутствии ее. Но современная казахстанская политическая сатира, активно эксплуатирующая средства и приемы саркастической направленности, беспощадно и остро обличая недостатки и уродства окружающей действительности, остается позитивной, доброй, вызывающей смех как катарсис, смех сквозь слезы, который М. М. Бахтин определил как «очищающий смех». Что стоит только пожелание в конце каждой статьи Сапы Мекебаева «Берегите себя!».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина Е. Ю. Сарказм и ирония в тексте англоязычного политического анекдота и шутки // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. Белинского. 2012. № 27. С. 170—175.
2. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987.
3. Доценко Е. П. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: ЧеРо, 1997. 344 с.
4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М., 1999.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. 330 с.
6. Клемперер В. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. — М.: Прогресс-Традиция, 1998. 381 с.
7. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е. В. Головиной. — М., 2012.
8. Костыгова А. Ф. Лингвопрагматические и стилистические особенности высказываний с саркастическим смыслом // Изв. РГПУ им. Герцена. 2013. № 160. С. 101—107.
9. Мекебаев С. Ratel.kz. URL: <http://ratel.kz/asiope> (дата обращения: 18.07.2016).
10. Мекебаев С. Байбек на байке // Ratel.kz : аналитический интернет-портал. 2016а. 1 марта. URL: http://www.ratel.kz/asiope/baybek_na_bayke.
11. Мекебаев С. Донна Гульжана нарушила омерту // Ratel.kz : аналитический интернет-портал. 2016б. 6 апр. URL: http://www.ratel.kz/asiope/donna_guljana_narushila_omertu.
12. Мекебаев С. Как зачищают сайты // Ratel.kz : аналитический интернет-портал. 2016в. 20 апр. URL: http://ratel.kz/asiope/kak_zachischatyut_saytyi.
13. Мекебаев С. Публичная порка чепухи // Ratel.kz : аналитический интернет-портал. 2016г. 22 апр. URL: http://ratel.kz/asiope/publichnaya_porka_chepuhi.
14. Мекебаев С. Уринотерапия зрения // Ratel.kz : аналитический интернет-портал. 2016д. 12 мая. URL: http://ratel.kz/asiope/urinoterapiya_zreniya.
15. Мекебаев С. Темирхан Досмухамбетов — дояр авторитетный // Ratel.kz : аналитический интернет-портал. 2016е. 19 мая. URL: http://ratel.kz/asiope/temirhan_dosmuhambetov_doyar_avtoritetnyiy.
16. Мекебаев С. Благочестивый Токаев // Ratel.kz : аналитический интернет-портал. 2016ж. 6 июня. URL: http://ratel.kz/asiope/blagochestiviy_tokaev.
17. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. — Воронеж, 2001.

18. Цепордей О. В. Ирония как категория художественного текста (на материале языка романов Е. М. Ремарка и их переводов на русский язык). URL: <http://www.em-remarque.ru/library/ironiya-kak-kategoriya-hudozhestvennogo-teksta.html> (дата обращения: 26.07.2016).

19. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. — М.: Флинта, 2006. 136 с.

20. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта, 2006. 256 с.

21. Chomsky N. Language and Politics / ed. by Carlos P. Otero. — Edinburgh, 2004. 802 p.

22. Kondratio. Смеховая культура в современном информационном обществе // Livejournal. 2012. 15 авг. URL: <http://kondratio.livejournal.com/114345.html> (дата обращения: 22.07.2016).

Z. K. Temirgazina
Pavlodar, Kazakhstan

“DREAMS OF REASON” IN KAZAKHSTAN POLITICAL MEDIA DISCOURSE

ABSTRACT. *The article deals with political communication as not merely an objective presentation of the facts and information to the masses but as a speech activity originally designed to make an impact on the recipient, his or her beliefs and motivation for actions. The linguistic methods and tools for creating the sarcastic sense of irony in Kazakhstan Russian-speaking political media discourse are analyzed. Particular attention is paid to the stylistic figures, based on the violation of logical connections: alogism, antiphrasis, "reductio ad absurdum", catachresis, estrangement. Through the effective use of these means of expression, the journalists recreate a satirical picture of Kazakhstan political reality. In this reality the absurdity and incoherence are not the product of the subjective perception and fiction of the individual author, but they are an integral part of the essential feature of existence. The article also describes the author's individual rethinking and the use of certain stylistic figures. The author uses the structure of alogism that consists of two contradictory parts which are mutually incompatible. In reality the contradiction is actually missing — both phenomena are similar or identical. This is the way how the author's stylistic figure "pseudo illogic" or "quasi-illogic" is created. These techniques recreate a modern Kazakh political picture of the world, characterized by absurdity, and illogicality.*

KEYWORDS: *Kazakhstan political media discourse; stylistic figures; sarcasm; irony; illogic; antiphrasis; "reductio ad absurdum"; catachresis; estrangement; "pseudo illogic"; an allusion; periphrasis.*

ABOUT THE AUTHOR: *Temirgazina Zifa Kakbaevna, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language and Literature, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan.*

REFERENCES

1. Aleshina E. Yu. Sarkazm i ironiya v tekste angloyazychnogo politicheskogo anekdota i shutki // *Izv. Penz. gos. ped. un-ta im. Belinskogo*. 2012. № 27. S. 170—175.

2. Blakar R. Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti // *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya*. — М., 1987.

3. Dotsenko E. P. Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. — М.: ЧеРо, 1997. 344 с.

4. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem. — М., 1999.

5. Karasik V. I. Yazyk sotsial'nogo statusa. — М.: In-t yazykoznanija RAN, 1992. 330 s.

6. Klemperer V. Yazyk Tret'ego reykh. Zapisnaya knizhka filologa. — М.: Progress-Traditsiya, 1998. 381 s.

7. Kont-Sponvil' A. Filosofskiy slovar' / per. s fr. E. V. Golovinoy. — М., 2012.

8. Kostygova A. F. Lingvopragmaticheskie i stilisticheskie osobennosti vyskazyvaniy s sarkasticheskim smyslom // *Izv. RGPU im. Gertsena*. 2013. № 160. S. 101—107.

9. Mekebaev S. Ratel.kz. URL: <http://ratel.kz/asiopie> (data obrashcheniya: 18.07.2016).

10. Mekebaev S. Baybek na bayke // Ratel.kz : analiticheskiy internet-portal. 2016a. 1 marta. URL: http://www.ratel.kz/asiopie/baybek_na_bayke.

11. Mekebaev S. Donna Gul'zhana narushila omertu // Ratel.kz : analiticheskiy internet-portal. 2016b. 6 apr. URL: http://www.ratel.kz/asiopie/donna_guljhana_narushila_omertu.

12. Mekebaev S. Kak zachishchayut sayty // Ratel.kz : analiticheskiy internet-portal. 2016v. 20 apr. URL: http://ratel.kz/asiopie/kak_zachishchayut_sayty.

13. Mekebaev S. Publichnaya porka chepuki // Ratel.kz : analiticheskiy internet-portal. 2016g. 22 apr. URL: http://ratel.kz/asiopie/publichnaya_porka_chepuhi.

14. Mekebaev S. Urinoterapiya zreniya // Ratel.kz : analiticheskiy internet-portal. 2016d. 12 maya. URL: http://ratel.kz/asiopie/urinoterapiya_zreniya.

15. Mekebaev S. Temirkhan Dosmukhambetov — doyar avtoritetnyy // Ratel.kz : analiticheskiy internet-portal. 2016e. 19 maya. URL: http://ratel.kz/asiopie/temirhan_dosmuhambetov_doyar_avtoritetnyy.

16. Mekebaev S. Blagochestivyy Tokaev // Ratel.kz : analiticheskiy internet-portal. 2016zh. 6 iyunya. URL: http://ratel.kz/asiopie/blagochestivyy_tokaev.

17. Sternin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdeystvie. — Voronezh, 2001.

18. Tseporday O. V. Ironiya kak kategoriya khudozhestvennogo teksta (na materiale yazyka romanov E. M. Remarka i ikh perevodov na russkiy yazyk). URL: <http://www.em-remarque.ru/library/ironiya-kak-kategoriya-hudozhestvennogo-teksta.html> (data obrashcheniya: 26.07.2016).

19. Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa. — М.: Flinta, 2006. 136 с.

20. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — М.: Flinta, 2006. 256 с.

21. Chomsky N. Language and Politics / ed. by Carlos P. Otero. — Edinburgh, 2004. 802 p.

22. Kondratio. Smekhovaya kul'tura v sovremennom informatsionnom obschestve // Livejournal. 2012. 15 avg. URL: <http://kondratio.livejournal.com/114345.html> (data obrashcheniya: 22.07.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

Е. В. Шустрова
Екатеринбург, Россия

ГАСТРОМЕТАФОРА В АМЕРИКАНСКОЙ КАРИКАТУРЕ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО СПАДА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ ментальных моделей, формирующих основу гастрономических графических метафор, появившихся в американской карикатуре в течение периода, начавшегося после биржевого краха на Уолл-стрит в «черный вторник» 29 октября 1929 г. Этот период совпал со временем вступления в должность президента-республиканца Г. Гувера. В 1932 г. его сменил Ф. Д. Рузвельт, который повел страну по пути радикального «Нового курса».

В результате работы с архивными данными нами были описаны основные переносные значения и культурно обусловленные смыслы, участвующие в создании образов американской карикатуры двух периодов.

Во второй части мы сопоставили эти результаты с американской политической карикатурой 2008—2016 гг. Одна из сторон описания связана с представлением в карикатуре двух президентов США — Ф. Д. Рузвельта и Б. Х. Обамы.

В качестве области переноса значения выступали образы рядовых граждан США; биржевых игроков, двух президентов и их администраций; государственных проектов; американской экономики. В качестве наиболее популярных продуктов описаны супы, яблоки, кондитерские изделия, фастфуд, алкоголь.

В исследовании использована методология, применявшаяся в работах по метафорическому моделированию, мультимодальной метафоре и доработанная нами с целью более точного анализа языковых данных.

Результаты работы вносят вклад в разработку проблем политической метафорологии. Отдельные итоги будут полезны ученым, занимающимся проблемами лингвокультурологического характера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: графическая метафора; политический дискурс; политическая карикатура; гастрономическая метафора; Великая депрессия, Ф. Д. Рузвельт; Б. Обама.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Шустрова Елизавета Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, методики и переводоведения, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов 26, к. 459; e-mail: shustrovaev@mail.ru.

Наша статья продолжает серию публикаций, посвященных анализу ключевых образов, доминировавших в американской карикатуре периода Великой депрессии. Помимо описания в синхронии, одной из наших задач стало сопоставление карикатуры прежних лет с современной политической графикой. Основное отличие карикатуры 1920—1930-х гг. от современной графики — это способ распространения информации. До вхождения электронных средств и сети Интернет в нашу повседневную жизнь карикатура в США создавалась по заказу определенного издательства и в 99 % случаев подписывалась автором, что не могло не налагать ответственности. Сейчас интернет-пространство наводнено графикой без авторства, а саму карикатуру может создать любой желающий, даже не имея специальных навыков. Этим объясняется значительный рост числа карикатур в целом и в том числе рисунков с гораздо более высокой долей агрессии и цинизма. Анонимность и безнаказанность провоцируют все более частое обращение к ранее табуизированным темам и образам, нередко несправедливую, предвзятую критику любых предпринимаемых правительством мер. То, что, напротив, отчасти роднит карикатуры этих двух периодов, обусловлено экономическим фоном. Начавшийся экономический кризис 2008 г. нередко сравнивали с периодом Великой депрессии, сегодня мировая экономика тоже нестабильна. Мы предположили, что основные образы

карикатуры США периода Великой депрессии могут совпадать с изображением кризиса в современной американской карикатуре. Забегая вперед, скажем, что предположение оказалось верным, но, безусловно, есть и отличия. Об этом и пойдет речь далее. В данной статье мы опишем образы, связанные с едой.

Что касается карикатуры периода Великой депрессии, то чаще всего это либо обобщенное изображение полного подноса как графическая метафора изобилия, либо яблоки. Очереди за хлебом или в благотворительную столовую тоже часть таких карикатур, но там акцент сделан на изображение людей, еда как таковая не показывается, в отличие от фоторепортажей. Полный поднос — это неразумные траты, неправильные вложения, ничем не обеспеченные акции, фактически метафора неизбежной гибели из-за неумеренной, безрассудной алчности. Одна из таких карикатур (рис. 1) называлась «Someone must save him from himself» — «Кто-то должен спасти его от него самого». Она появилась в «Los Angeles Times» 8 февраля 1929 г., когда падение биржи еще не было очевидным. Напомним, что крах был объявлен 28 октября 1929 г. Это рисунок появился как иллюстрация заявления, сделанного 6 февраля 1929 г. Советом управляющих Федеральной резервной системой США — независимым надзорным органом, состоящим из семи членов и отвечающим за денежно-кредитную политику, регулирование банков-

Статья подготовлена в рамках государственного задания МинОиН № 2014/392 (проект № 1900 «Политическая лингвистика: метафоричность, прецедентность и креолистичность»).

ской системы и исполнение законов о банковской и кредитной деятельности [ABBYU Lingvo]. Совет выражал большую обеспокоенность тем, что банки выдают слишком много кредитов мелким покупателям акций, а брокеры продают слишком много акций в долг, под разного рода поручительства, что вело к спекуляциям на бирже. Вскоре после этого заявления Федеральный резервный банк Нью-Йорка ограничил выдачу кредитов брокерам для предотвращения дальнейших спекулятивных сделок. На рисунке Федеральная резервная система изображена в образе разъяренного официанта, отбирающего поднос с акциями у готового лопнуть Дяди Сэма. Дядя Сэм здесь носит имя «*The Speculation Crazy Public*» — «Общество, помешанное на спекуляциях». Поведение официанта ближе к поведению врача — вряд ли бы официант стал так заботиться о клиенте и грубо кричать ему: «Разве ты не знаешь, когда с тебя уже довольно? Разве ты не знаешь свою меру?»

После падения биржи Дядя Сэм в карикатуре значительно похудел, приобретя почти истощенный вид. Тем не менее ограничения в «еде» уверенно изображались как именно то, что сейчас нужно. Рис. 2 появился 6 декабря 1929 г. под названием «*Just What He Wanted*» — «Именно то, что он и хотел». Желания заключались в сбалансированном рынке, который и приносит Санта-Клаус в облике официанта. Неумеренный аппетит карикатурных персонажей, склонность к обжорству в годы Депрессии неизменно связывались с жадностью биржевых маклеров, перенасыщенностью рынка. Эту черту подавали как болезнь, которую можно лечить только строжайшей диетой. Такая трактовка позволяла показать гражданам страны, что США выздоравливают, стране, а значит, и ее гражданам, будет только лучше, если сейчас потерпеть. Проблема в том, что многие начинали чувствовать, что «муки аппетита» приняли затяжной характер. Поэтому, как только появились признаки улучшения экономики, начали публиковаться карикатуры («*Newark Evening News*», 1933), где изможденный больной радостно набрасывается на снова полный поднос, где в качестве

еды (очень стилизованной выпечки) молодая, красивая, улыбающаяся сиделка по имени Вера (*Confidence*) предлагает «рост доходов промышленности», «рост доходов сельского хозяйства», «рост производства» и т. д. Кстати, *Confidence* — вера, в первую очередь в себя — это ключевое слово американской графики и риторики 1930-х. Нездоровье и переизбыток стали в эти годы одной темой, начали восприниматься в карикатуре как синонимы. Это означало, что тот, кто воздерживается от еды (неважно, по каким причинам), ведет здоровый образ жизни, голодание оздоровит организм. В образе готовых лопнуть обжор иногда представляли состоятельные слои населения. Обычно это пожилая супружеская пара, которая сознается, что снова съела лишнего, в то время как у них за спиной в окне виднеется унылая очередь за бесплатным хлебом, или же разговор сводится к тому, что они просто обязаны пойти и что-нибудь «потребить». Лексема «*consume*» в данном случае позволяет соотносить два значения: «тратить, расточать (деньги); расходовать, тратить», т. е. то, к чему призывало правительство, и «съесть, поглощать (о еде)», причем едят в этом случае достаточно много и жадно. Но таких рисунков очень немного. Одна из примет времени — отказ от изображений каких-либо конкретных блюд, это просто стилизованные подносы, где виднеются горы тарелок с чем-то неидентифицируемым или с мотками лент биржевого аппарата, так называемого тиккера, на которых печатались котировки. Такие тематические ограничения были продиктованы интересами читателей: вряд ли недоедающим американцам хотелось бы видеть изображения гастрономических соблазнов. В качестве рекомендованного напитка появляется настойка Дяди Сэма, который становится Доктором Благоразумие (рис. 3). В данном случае кулинария снова сливается с областью медицины. Волшебная настойка, прописанная американскому бизнесу, называется «*Courage and Energy*» — «Мужество и энергичность». Позднее этот эликсир превратится в бульон для выздоравливающих Ф. Д. Рузвельта.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

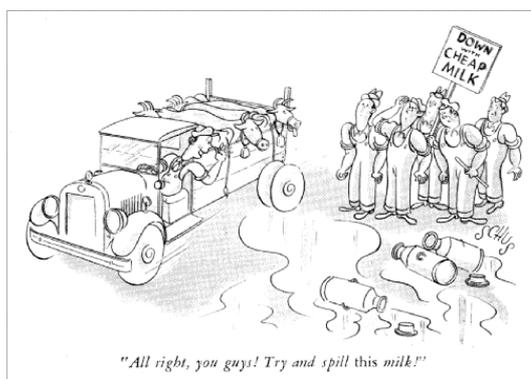

Рис. 4

Рис. 5

Одним из реальных продуктов, изображаемых в карикатуре, было молоко. Обычно оно создавало ассоциацию с нечестными, жадными фермерами, которые предпочитают уничтожить продукт, но не продавать его по низким ценам. На рис. 4 появляется фермер, решивший противопоставить себя всем остальным и спасти горожан, привезя молоко, которое невозможно разлить, потому что оно еще в коровах. Это своего рода пропаганда того, как должен действовать фермер-патриот. На практике большинство предпочитало все-таки уничтожить продукт, но держать цену. Город и село во время Великой депрессии не испытывали друг к другу никакого сострадания. Фермеры считали, что это жадные горожане обрушили биржу, город подозревал алчных фермеров в сокрытии продукции. Этот рисунок еще слабо

отражает существовавшие недружественные настроения.

Другим точно идентифицируемым продуктом стали яблоки. С одной стороны, они стали своеобразной приметой времени, когда для многих безработных превратились в своеобразный способ просить подаяние. Пример такой «помощи» изображен на рис. 5, когда покупатель воспринял все слишком буквально. На эту тему было немало игривых карикатур с изображением безработных и женщин легкого поведения, где обыгрывались переносные значения слова «apple» — «деньги» и «женская грудь». С другой стороны, яблоки как символ былого плодородия появлялись в карикатурах, критикующих новую экономическую политику Ф. Д. Рузвельта, которая якобы загубила прежнюю экономическую систему (рис. 6).

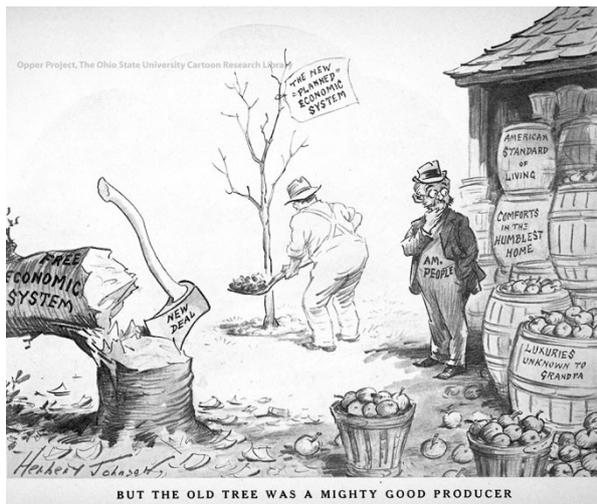

Рис. 6

В качестве иных блюд иногда присутствовали схематичные изображения сладостей, как недоступная роскошь, которой нет места в повседневной жизни. Один из таких примеров приведен на рис. 7, где мальчик, стоя у витрины кондитерской, озабоченно интересуется у опешившего отца о том, какова «сегодняшняя экономическая ситуация».

Если кондитерские изделия занимают весьма скромное место в графике, то изображений мяса и дичи в карикатуре самых тяжелых лет нет вообще. Индюшка как традиционный символ Дня благодарения появилась в карикатуре только когда реформы дали результат. Нужно вспомнить, что для американцев это не просто блюдо, а фактически ритуальная дичь, символизирующая преодоление трудностей, страшных испытаний, голода и болезней, Божью благодать, чудесное спасение и счастливое сытое завтра. Один из таких примеров (рис. 8) изображает двух типичных обитателей «Гувервилля» (т. е. лачуг, построенных из картона, остатков досок, мусора и появившихся в период президентства Г. Гувера), ранее обычных американцев, превратившихся в бом-

Рис. 7

жей. На ободранной стене портрет улыбающегося Ф. Д. Рузвельта, на коробке, в которой принесли индюшку, стоят две надписи «Handle with care» — «Обращаться деликатно» и «Use No Hooks». Лексема *hook* имеет прямое значение «крюк, крючок», в том числе и для подвешивания дичи над огнем. Переносные значения дадут перевод «Не прикасаться руками», «Обмана нет», «Это не подвох», «Это не рекламный трюк». Это если учитывать, что часть «No Hooks» стоит под глаголом «Use» и кажется отдельным элементом. Если переводить вместе с глаголом, то помимо прямого кулинарного значения «готовить не подвешивая, готовить деликатно» получится смысл «Не обманывай!», хорошо сочетающийся с эмблемой Синего Орла на правом углу коробки, ставшего символом политики нового экономического курса и соблюдения «кодексов честной конкуренции» (*codes of fair competition*). Умиленные лица, молитвенно сложенные руки, благоговейные позы на фоне светлого, но пока разбитого окна и разрухи во дворе и освещенного подобно иконе лика президента дополняют прославление правительственных мер.

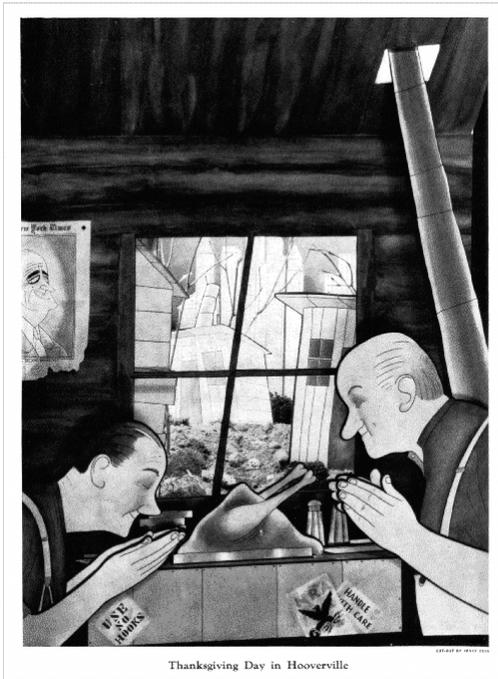

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Большую популярность в это время приобрели изображения Ф. Д. Рузвельта в образах персонажей Л. Кэрролла. Один из них — это повариха Герцогини (рис. 9). Президент весело готовит антикризисное пойло, в руках у Ф. Д. Рузвельта микрофон — намек на его регулярные радиообращения, содержавшие успокоительные рецепты для нации. На переднем плане администрация президента пеленает зашедшегося в крике младенца по имени «Ошибки администрации». Если вспомнить сюжет «Приключений Алисы в Стране чудес», то нянчиться с этим капризным созданием в конце концов пришлось Алисе, а потом дитяtko превратилось

в поросенка, о чем Алисе весело сообщил Чеширский Кот. Судя по карикатуре, то же самое произойдет и на этот раз. Пока Алиса безмятежно радуется, что это не ее дитя, совершенно не предполагая, что будет дальше. Эти образы обыгрывают такое явление, как *kitchen cabinet* — «кухонный кабинет». Начиная с президентства Э. Джексона (1767—1845), в это неофициальное образование входили политические и экономические советники главы Белого дома. Изначально помощники Э. Джексона действительно собирались на кухне Белого дома. Во время президентства Ф. Д. Рузвельта политику «Нового курса» разрабатывал так назы-

ваемый «мозговой трест», в который вошли ученые Колумбийского университета. Именно часть этого треста изображена на карикатуре. Очевидно, что сам президент выполняет только обязанности прислуги.

Другой образ Ф. Д. Рузвельта-повара представлен на рис. 10. Президент готовит бульон от демократов для выздоровления нации. Лицо президента очень озабоченное, щеки ввалились, под глазами круги, рукава решительно закатаны. Весь облик напоминает врача, хотя колпак не оставляет сомнений в том, что основой был образ повара. В большом котле Ф. Д. Рузвельт смешивает разные ингредиенты, на бутылочках значатся имена членов «мозгового треста», или «кухонного кабинета». Сзади исхудавший потребитель-больной озабоченно интересуется, уверен ли президент, что эта смесь не взорвется. Нужно отметить, что это карикатуры, появившиеся на страницах консервативных изданий.

Перейдем к современности. Нужно сказать, что зависимость любого президента США — это неотъемлемая часть американской политической карикатуры, но только в отношении Б. Обамы эта несвобода в своих решениях принимает унижительные черты ниггеризма. Если сопоставлять Ф. Д. Рузвельта и Б. Обаму в карикатуре времен экономических кризисов, то станет очевидно,

что до стадии отчаяния Великой депрессии современной Америке далеко — слишком много изображений избытков фастфуда. Но изображения президента-афроамериканца практически всегда включают расовые стереотипы, в том числе и гастрономические.

В соответствии с традицией американской карикатуры и анекдота афроамериканец ленив, любит развлечения, драку, склонен к обжорству и криминалу, распущен в половом плане (рис. 11, 12, 13, 14, 15).

Справедливости ради отметим, что некоторые из этих стереотипных черт нередко становились объектом осмеяния и в афроамериканских шутках [см., напр.: Dance 1978]. Так, есть шутки, построенные на высмеивании лени, сексуальных наклонностей, страстей в еде. Но афроамериканская шутка чаще вводит образ ловчака, умело пользующегося даром слова и смекалкой. Что касается излюбленных блюд, то в «белой» смеховой культуре афроамериканец без ума от курятины и арбуза. В афроамериканской традиции это немного не так. Там упор делается на ямс, свиные рубцы, горох, бобы и разнообразную выпечку. Ямс и рубцы очень часто ассоциируются с ниггеризмом, провинциальной жизнью и вкусами. В афроамериканской литературе это часто символы или аллегории той части жизни, от которой нужно отойти, изжить в себе. В то же время

Рис. 11

Рис. 12

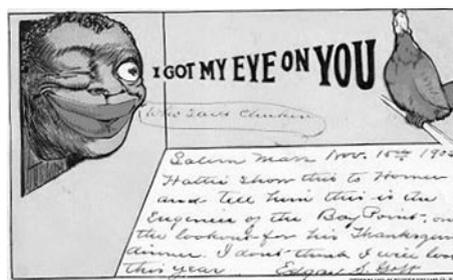

Рис. 13

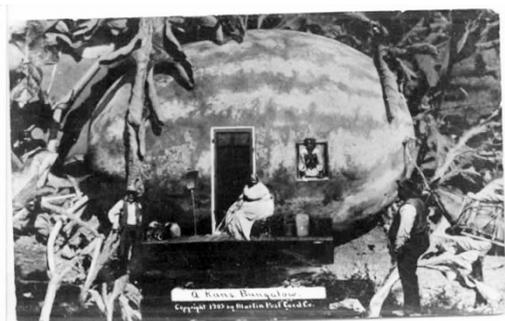

Рис. 14

Рис. 15

ямс может передавать и суть жизни, исконные ценности, которые несовместимы с реалиями города Севера США. Выпечка — это, как правило, разнообразные торты (наиболее популярны шоколадный, кокосовый и лимонный), которые в афроамериканской литературной традиции связаны с красотой женщины, детством, защищенностью, ухоженным домом, минутами беззаботной радости. В афроамериканских анекдотах выпечка почти не появляется. Повторим, что чаще из пищи фигурируют либо ямс, либо свинина разных типов, либо вообще очистки, корки и самые разнообразные животные вроде скунсов, енотов, белок, драных собак и тощих кошек. Арбуз — это слишком значимый символ для диаспоры, чтобы стать объектом осмеяния. Арбуз часто ассоциируется с миром, процессом его создания, вселенной, мужской силой.

Обратимся к карикатурам на Б. Обаму и рассмотрим их в свете представлений, хорошо известных в американском обществе. На первом рисунке (рис. 16) изображена супружеская пара — Мишель и Барак Обама — за семейным ужином. Мишель сообщает мужу, что она усилила свои попытки установления контроля над гастрономическими привычками американцев. По ее инициативе рестораны должны будут уменьшить порции и снизить калорийность блюд. При этом сама она с аппетитом поглощает гору гамбургеров. Обама, жуящий жалкий стручок гороха или бобов, возражает, что это может плохо сказаться на его рейтинге. Супруга гневно предлагает ему заткнуться и передать ей бекон. Мишель Обама на карикатуре выглядит гораздо полнее и неухоженнее, чем в действительности. Характерен и тот продукт, который она просит ей передать. Не менее интересен и ужин самого Обамы. Это намек на так называемый *black eyed peas* — сорт гороха, традиционно

ассоциирующийся с афроамериканской повседневностью. Только вот диета эта не слишком питательна, зато рейтинг Обамы в афроамериканской диаспоре должен подняться.

На втором коллаже (рис. 17) Обама изображен с полным афроамериканским гастрономическим набором с точки зрения белого: куриные окорочка и огромный арбуз. Следующий рисунок (рис. 18) изображает инициативы и политику президента как «вафли Обамы» — «перемены, которые вы можете вкусить». Рядом для сравнения размещена фотография президента, которая дает возможность оценить степень утрирования негроидных черт в карикатуре. Здесь обыгрываются и традиционные блинчики тети Джемимы — один из излюбленных американских завтраков, и переносное значение слов «*waffle*» — «чушь, брехня, демагогия» и «*butter*» — «мулат», и предвыборный лозунг Обамы. Слово «*waffle*» использовано здесь дважды — как существительное и как глагол. Если воспринимать его как глагол, то получатся две фразы: «*Obama waffles*» — «Обама брешет» и «*Waffling the world over*» — «Вешая лапшу на уши всему миру». Последнее выражение намекает на клише «*Winning the world over*» — «Покоряя мир». Понятно, что мир так не покорить.

Тема дикаря, неоправданно претендующего на американское гражданство и американские культурные ценности, четко проявляется в следующем рисунке. Маленький Обама расхаживает с бананом под пальмой и палящим солнцем Африки и уверяет, что он родился в США. Якобы, если вы не верите, то можете спросить его маму. Сам он даже понятия не имеет, где находится Африка (рис. 19). Кстати, президент, вкушающий банан, — одна из типичных тенденций в изображении Обамы.

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

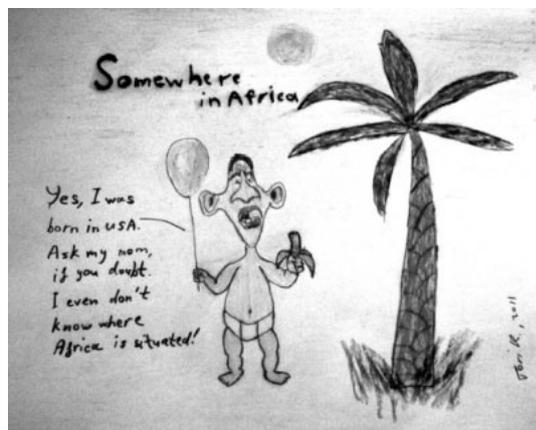

Рис. 19

А теперь сопоставьте эту карикатуру с рисунком XIX в. (рис. 20), где изображен маленький объевшийся очень довольный африканец с тем же стандартным набором: пальмы, бананы и полное светило (на целом ряде карикатур трудно сказать точно, полуденное ли это солнце или полная луна). Влияние стереотипов и мифов налицо.

Изображение маленьких негрятят рядом с животными, считающимися нечистоплотными, одно из стереотипных направлений американской графики. Это же легко обнаружить применительно к президенту-афроамериканцу. На рис. 21 малыш Обама не просто изображен рядом с поросенком — он стал с ним единым целым. Его ликующий визг «sooie» напоминает *soon* — «скоро». А скоро — это «Mak'in Bacon with My Demboys». В этой фразе оскорбительно все, начиная с орфографии и заканчивая смыслом. Это пример утрированного разговорного афроамериканского английского, где действительно есть ряд особенностей самого разного характера. Здесь используется своеобразное произнесение суффикса *-ing* и звука /d/, сложное слово *demboys* со значением «мои ребята», образованное по аналогии с *mamadem*, *mamathem* — «мама и ее приятельницы». Однако можно прочесть и иначе, если вспомнить, что слово *democrat* — «демократ» часто сокращается как *dem*. Тогда получим «мои ребята-демократы». Все бы ничего, если бы такие конструкции не были отличительной чертой жаргона криминальных группировок, а не просто показателем определенной неграмотности и сниженности речи. То есть в данном случае по значению ближе русское слово «братки». Свое-

Рис. 20

образна и семантика слова *bacon*. В прямом значении это «бекон, копченая свиная грудинка». Но есть еще и переносное «выигрыш; прибыль». Следует учесть и то, насколько желанными в афроамериканской диаспоре считаются блюда из свинины, а слово *bacon* фиксируется в словарях афроамериканского английского со значениями «хорошая жизнь» и «символ процветания» [см., напр.: Major 1994: 15]. Есть и афроамериканский фразеологизм *to live high on the hog*, включающий слово *hog* — «1) бороз; 2) свинья (американизм)»: «хорошо жить, хорошо питаться, хорошо зарабатывать», т. е. буквально «жить на спине свиньи». Обратим внимание и на эмблему серпа и молота. Если свести теперь все воедино, то смысл этой фразы будет примерно такой: «Скоро мы с бротками-димохрютами разжиреем за ваш счет».

В отличие от Обамы Ф. Д. Рузвельт (впрочем, по нашим наблюдениям, и все другие президенты США) никогда не изображался в пьяном, «обкуренном» виде, тем более под воздействием более сильных наркотиков, кроме сигарет с марихуаной. Для Обамы это нередкость, и здесь тоже дают о себе знать расовые стереотипы, помимо действительно имевшего место в юности Обамы курения марихуаны. На рисунках (например, 22, 23) Обама предстает как подросток-калека, попрошайничающий в грязном гетто, или как нищенка-вампир. Судя по карикатуре, пьет Обама дешевый крепкий алкоголь типа портвейна. Можно даже прочесть название: «MD 20/20». На американских сайтах этот продукт описывается как «дешевое вино плохого каче-

ства», «дешевое вино, популярное из-за высокого процента алкоголя и низкой цены», «вино времен Великой депрессии». В неформальном американском интернет-рейтинге «вин бомжей» «MD 20/20» занимает третье место. Тот, кто его дегустировал, пишет, что по вкусу оно сходно с таблетками «Halls», растворенными в медицинской растирке на спирту и смешанными с содой. Содержание алкоголя может варьироваться от 13 до 50 %. Аббревиатура MD официально расшифровывается как «*Modern David*», но гораздо популярнее неофициальная трактовка «*Mad Dog*» — «бешеный пес». То есть президент не только изображается бомжом, а еще подспудно сравнивается с бешеной собакой, которую, как известно, можно только пристрелить. Во время конфликта в Ливии Обама на карикатурах пил водку с таким же названием (рис. 24). Обратим внимание на нехарактерную для классической водки темную бутылку: даже виски обычно в такую тару не наливают. В таких бутылках темного стекла обычно продают так называемый *moonshine* — по сути это самогон, как правило, плохого качества, распространяемый нелегально. Последствия его употребления гораздо серьезнее, чем после водки, даже

плохого качества. Этот напиток устойчиво ассоциируется с бедными районами, гетто, отчаянием, безработицей. То есть вмешательство во внутренние дела другого государства произошло под влиянием тяжелого алкогольного опьянения, и последствия этого приведут к отчаянному положению самого американского президента. Кстати, это хорошо согласуется с той значительной долей протестных настроений, которые демонстрируют американцы, в частности в соцсетях, по отношению к официальной внешней политике Белого дома.

Во время второй президентской кампании Обама на карикатуре пил преимущественно кофе, причем здесь снова возникали реалии фастфуда, в частности характерной посуды. Американский кофе — это отдельная, крайне неаппетитная история, но карикатуристы делали акцент на количестве поглощаемого напитка. На рис. 25 вербальный компонент предполагает, что ключевым словом риторики Б. Обамы должна стать лексема *malarkey* — «чушь, чепуха». Она часто употребляется в клишированных фразах «*Don't give me that malarkey*» — «Хватит мне мозги пудрить»; «*That's just plain malar-*

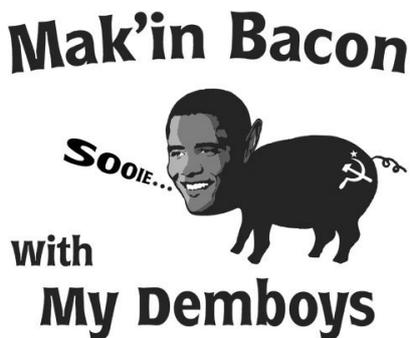

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

key» — «Это настоящая мура». Намек достаточно двусмысленный. С одной стороны, это показатель того, как обычно выстраивал свою предвыборную риторику действующий президент, высмеивая невежество своих оппонентов. С другой стороны, особенно в совокупности с образом фонетиста, призванного избавить Б. Обаму от его афроамериканских фонетических элементов, карикатура высмеивает и самого президента, нередко несущего настоящую чепуху. Вывод: чепуху можно нести и дальше, но с правильным, стандартным произношением. Проблема только в одном — слишком много черного кофе. Не секрет, что гастрономическая метафора часто связывается с определенной национальностью. Этот факт ложится в основу многочисленных шуток; одна из подобных ситуаций приводится в монографии Ж. Смитерман. Действие происходит в вымышленной политической кофейне накануне выборов 2008 г. Белая посетительница-избиратель, заказывая очередной «коктейль политика», говорит бармену: *I'd like to order a "Black man" please, with lots of cream, some chocolate and plenty of milk, oh, and with as little detectable "Negro dialect" as possible.* — Я бы хотела заказать „Черного“, добавьте побольше сливок, немного шоколада, много молока, ах да, и как можно меньше негритянского акцента [Alim, Smitherman 2012: 36]. Смысл шутки станет понятен, если вспомнить, что молочные продукты ассоциируются в американской культуре с белым населением, шоколад, какао и кофе — с афроамериканцами, а лексема *black* входит в словосочетание *black coffee* — черный кофе; последний часто используется в коктейлях. В 2012 г. Обама, поглощая литры черного кофе, уже должен был убеждать и себя и избирателей, что цвет его кожи и особенности менталитета не имеют никакого значения для его второго успеха на выборах.

На рис. 26 Б. Обама уже в роли кондитера, подающего огромную порцию мороженого Консервативной партии. Это свидетельство того, что бюджет составляется с учетом практически всех требований консерваторов. На рисунке Б. Обама, сгорбившись, оправдывается, что в этот раз карамельной посыпки, т. е. мелких дополнительных расходов, не будет — бюджет этого уже не выдерживает. Если сравнить это изображение с временами Великой депрессии, то здесь в качестве ненасытного толстяка выступает только определенная политическая партия, кондитер Обама, в отличие от здравомыслящего официанта 1930-х гг., только оправдывается, подавая неумеренную порцию.

«Кулинарную» тему продолжает рис. 27, где Б. Обама в качестве радушного хозяина приветствует премьер-министра Японии Ёсихико Ходу. При этом гостю предлагается подкинуть денюжат хозяину Белого дома, чтобы он мог расплатиться за все это великолепие. Не секрет, что США активно вмешиваются в политику Японии, нередко просто откровенно шантажируя своего союзника.

Накрывать американцам на стол Б. Обама мог и вместе с М. Ромни. На рис. 28 показаны кулинарные «шедевры» двух кандидатов. Б. Обама с гордостью демонстрирует голову террориста № 1, т. е. символ своей успешной борьбы за безопасность США. М. Ромни подает голову Большой Птицы — одного из главных персонажей детской программы «Sesame Street». Эта пушистая желтая птица напоминает страуса. Главная причина возникновения этого образа в связи с М. Ромни — его заявления, что «он любит Большую Птицу, но все равно сократит расходы на общественное вещание». Такое вещание существует в основном благодаря средствам телезрителей и включает образовательные передачи, которые идут без рекламы. Второй компонент — это слово *ostrich* — «страус», на которого похожа Большая Птица. Переносные значения этого слова включают следующие: «человек, избегающий неприятностей, занимающийся самообманом» и, в сочетании *ostrich policy*, — «страусовая политика» (основанная на самообмане). Эта птица немного напоминает и индюшку. Если проанализировать семантику слова *turkey*, то помимо прямого значения «индюк, индейка» у нас получатся «неудачная инвестиция», «неудача, провал», «тупица, ничтожество; медлительный человек, тюфяк». Учитывая то, что жаренная и фаршированная индейка — традиционное у американцев блюдо в День благодарения, то можно вывести потенциальную сему «следование традициям», что считают приоритетным консерваторы. Для *turkey* в значении «совсем дурачок» словарь сленга предлагает синоним *twit*. Эта лексема применялась по отношению к М. Ромни. Наконец, имя Big Bird должно напомнить о фразеологизмах *big bug* и *big shot* — важная персона, «шишка». Если *big shot* перевести покомпонентно, то получится «замечательный выстрел», «крупная дичь», «меткое попадание», «счастливый шанс», «большой счет (в ресторане)». Судя по карикатуре, каждый из соперников несет Америке свою «крупную дичь»: один избавляет от опасности, другой предпочитает обезглавить недалководных, наивно полагающих, что их будут поддерживать финансово. Каждый из них выставит Америке свой счет.

Рис. 26

Рис. 27

Рис. 28

Поведем итоги сопоставления. Первое, что вполне очевидно, — это серьезные изменения в еде. Если в 1930-е предпочтение отдавалось супам, похлебкам, хлебу и сложно определяемому второму блюду (главным критерием становилась большая плоская тарелка), то на современном этапе сложно представить американскую графику без калорийного фастфуда. Супы исчезли, так же как и домашняя еда. Сейчас в карикатуре лидируют рестораны. Появилось довольно много изображений мяса, алкоголя и сладкого, умеренность стола и желаний сегодня не в цене, что было совершенно нехарактерно для времен Депрессии. Оговоримся, что мы рассматривали политическую карикатуру, направленную на высмеивание в том числе и алчности. Это не значит, что изображения демонстрируют повсеместные американские реалии. Тем не менее определенные выводы по поводу ежедневного стола и рациона сделать можно. Если гастрономические пристрастия Ф. Д. Рузвельта никак не были представлены, то при изображении Б. Обамы они становятся одной из важных позиций для введения негативных компонентов и носят стереотипные черты, воплощая представления белого об афроамериканце. На карикатуре Ф. Д. Рузвельт мог только заниматься приготовлением пищи, сам он не прикасался к еде, тем более алкоголю, даже не снимал пробу. Б. Обама изображается за собственной трапезой и обильными возлияниями. Метафорические модели ЕДА — ЭТО ПОЛИТИКА, ЕДА — ЭТО ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ, ПОЛИТИК — ЭТО ПОВАР, хотя и уступают другим моделям, в частности зооморфной, тем не менее демонстрируют стабильную устойчивость в американском политическом креолизованном тексте.

ИСТОЧНИКИ

1. Funny caricature: Politic caricature, Obama Caricature, Celebrity caricature : Blog. URL: <http://www.allfunnycaricature.blogspot.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
2. Hire an illustrator. URL: <http://www.hireanillustrator.com/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).

3. Humor in America. URL: <http://humorinamerica.wordpress.com/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
4. Jokes.conservativepapers. URL: <http://www.jokes.conservativepapers.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
5. Kalltoons = KAL : the official site of Kevin Kallaughter. URL: <http://www.kalltoons.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
6. Los Angeles Times. URL: <http://www.latimes.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
7. New York Post. URL: <http://www.nypost.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
8. Ohio state University Billy Ireland collection of Cartoons. URL: <http://cartoons.osu.edu/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
9. Political Graffiti. Independent Political cartoons. — URL: <http://www.politicalgraffiti.wordpress.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
10. Political Irony. URL: <http://www.politicalirony.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
11. Shutterstock images. URL: <http://www.shutterstock.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
12. The Authentic History Center. URL: <http://www.authentichistory.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
13. The Cagle Post Cartoons & Commentary. URL: <http://www.cagle.com/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
14. The Economist. URL: <http://www.theeconomist.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
15. The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
16. The Huffington Post. URL: <http://www.huffingtonpost.com/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
17. The Library of Congress. URL: <http://www.loc.gov/pictures>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
18. The New York Public Library. URL: <http://digitalgallery.nypl.org>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
19. The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
20. The Onion. URL: <http://www.theonion.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
21. The Political Carnival. URL: <http://thepoliticalcarnival.net/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
22. The Washington Times. URL: <http://p.washingtontimes.com/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
23. The Week. URL: <http://www.theweek.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
24. U.S. News & World Report. URL: <http://www.usnews.com/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).

ЛИТЕРАТУРА

25. ABBYY Lingvo : электр. программа.
26. Alim H. S., Smitherman G. Articulate White Black: Barack Obama, Language and race in the U.S. — New York : Oxford Univ. Pr., 2012.
27. Dance D. C. Shuckin' and Jivin': folklore from contemporary Black Americans. — Bloomington : Indiana Univ. Pr., 1978.
28. Major C. Juba to Jive. A Dictionary of African American Slang. — New York : Penguin Books, 1994.

E. V. Shustrova
Ekaterinburg, Russia

METAPHOR OF FOOD IN AMERICAN POLITICAL CARTOON OF THE GREAT DEPRESSION TIMES AND TODAY

ABSTRACT. *The paper investigates mental models which form a basis for graphic (multimodal) metaphors that were connected with the representation of food in American editions in the time that is traditionally called the Great Depression. This period began when the Stock Market crashed on October 29, 1929. As is known, that was the time of Herbert Hoover's (Republican) unfortunate presidency. In 1932, Franklin Delano Roosevelt was elected, who immediately started "The New Deal" program.*

As a result we've described transferred meanings, pun, decomposition of set-expressions and analyzed images that are deeply rooted in culture. All these form the basis for satire and irony in political cartoons of the given period.

After that we have compared the results with images typical for American political cartoon in 2008—2016. One of the aspects is formed by the images of two presidents — F. D. Roosevelt and B. Obama.

Americans of different social strata, brokers, H. Hoover, F. D. Roosevelt, the Congress, the Administration, state programs, and US economy formed the target metaphoric sphere. The causes of the Depression as seen by the American cartoonists of that period are compared with what is happening today in US cartoon as far as economic reduction is concerned. Among the most favored foodstuffs we find soup, apples, sweets, fast-food, alcoholic beverages.

The methods of investigation are formed on the basis of conceptual metaphor theory, multimodal metaphor approach. These methods of study have been further changed in the process of our own research so that linguistic data could be analyzed in a more detailed way.

The results of the research in question contribute to the investigations of political metaphors. Some results may also be of interest for scholars whose professional sphere is linked to cross-cultural and linguo-cultural studies.

KEYWORDS: *graphic metaphor; political discourse; political cartoon; foodstuff metaphoric images; the Great Depression, F. D. Roosevelt; B. Obama.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shustrova Elizaveta Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of the English Language, Language Teaching Methods and Translation Theory, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Funny caricature: Politic caricature, Obama Caricature, Celebrity caricature : Blog. URL: <http://www.allfunnycaricatur.blogspot.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
2. Hire an illustrator. URL: <http://www.hireanillustrator.com/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
3. Humor in America. URL: <http://humorinamerica.wordpress.com/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
4. Jokes.conservativepapers. URL: <http://www.jokes.conservativepapers.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
5. Kaltoons = KAL : the official site of Kevin Kallaughter. URL: <http://www.kaltoons.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
6. Los Angeles Times. URL: <http://www.latimes.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
7. New York Post. URL: <http://www.nypost.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
8. Ohio state University Billy Ireland collection of Cartoons. URL: <http://cartoons.osu.edu/> — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
9. Political Graffiti. Independent Political cartoons. — URL: <http://www.politicalgraffiti.wordpress.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
10. Political Irony. URL: <http://www.politicalirony.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
11. Shutterstock images. URL: <http://www.shutterstock.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
12. The Authentic History Center. URL: <http://www.authentichistory.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
13. The Cagle Post Cartoons & Commentary. URL: <http://www.cagle.com/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
14. The Economist. URL: <http://www.theeconomist.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
15. The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
16. The Huffington Post. URL: <http://www.huffingtonpost.com/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
17. The Library of Congress. URL: <http://www.loc.gov/pictures>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
18. The New York Public Library. URL: <http://digitalgallery.nypl.org>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
19. The New York Times. URL: <http://www.nytimes.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
20. The Onion. URL: <http://www.theonion.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
21. The Political Carnival. URL: <http://thepoliticalcarnival.net/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
22. The Washington Times. URL: <http://p.washingtontimes.com/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
23. The Week. URL: <http://www.theweek.com>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
29. U.S. News & World Report. URL: <http://www.usnews.com/>. — Title from the screen. (date of access: 15.08.16).
30. ABBYY Lingvo : elektr. programma.
31. Alim H. S., Smitherman G. *Articulate While Black: Barack Obama, Language and race in the U.S.* — New York : Oxford Univ. Pr., 2012.
32. Dance D. C. *Shuckin' and Jivin': folklore from contemporary Black Americans.* — Bloomington : Indiana Univ. Pr., 1978.
33. Major C. *Juba to Jive. A Dictionary of African American Slang.* — New York : Penguin Books, 1994.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111'42
ББК ШП43.21-51

ГСНТИ 16.21.33; 16.21.27

Код ВАК 10.02.04

Е. Ю. Алёшина
Пенза, Россия

РЕГИСТРЫ ПУБЛИЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ФАКТОРЫ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена описанию регистровых характеристик публичного политического дискурса. При этом принадлежность к регистру речи определяется критерием официальности — неофициальности речи, являющимся одним из показателей стилизации диктемы текста. На основе классического учения о стилях речи выделены три регистра — нейтральный, формальный, неформальный. Внутри формального и неформального регистров существует противопоставление (интенсивно-формальный — неинтенсивно-формальный; интенсивно-неформальный — неинтенсивно-неформальный), обусловленное степенью интенсивности формальности коммуникации. Факторы формирования регистров публичного политического дискурса рассмотрены в терминах теории факторов регуляции речевого общения М. Я. Блоха. Ключевую роль в формировании регистров речи играют второй, третий и четвертый факторы: личностный статус говорящего, личностный статус слушающего, присутствие или наличие посторонних лиц, которые слышат речь говорящего, но не являются участниками общения. Теоретические положения проиллюстрированы образцами англо-американской политической риторики XX века. Сделан вывод о возможности отнесения публичной политической речи к формальному и неформальному регистрам, что обусловлено самим характером институциональной политической коммуникации. Принадлежность регистру речи может быть соотнесена с жанром дискурса, в основе которого лежит принцип целеполагания высказывания.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс; публичная политическая речь; диктета; регистр; стиль; жанр.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Алёшина Екатерина Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Иностранные языки и методика преподавания иностранных языков» Педагогического института им. В. Г. Белинского Пензенского государственного университета; 440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37, корп. 11, к. 489а; e-mail: alcatherine@yandex.ru.*

В современной парадигме гуманитарных научных исследований проблема изучения природы, функций и особенностей политического дискурса продолжает занимать особое место в связи с возросшей ролью в жизни человека политической коммуникации, транслируемой и тиражируемой СМИ. Политика определяет настроения в обществе, межгосударственные отношения, приоритеты в межгосударственном общении. Приведенные факторы обуславливают актуальность изучения политической коммуникации.

Мы предлагаем понимать под политическим дискурсом текст, определенный тематикой утверждения и выражения интересов субъектов политики в процессе их деятельности, борьбы за политическую власть и рассмотренный в ситуации соответствующего общения. В данном определении мы исходим из понимания дискурса, данного М. Я. Блохом, как тематически определенного текста, задуманного и предполагаемого как целый и завершённый, но рассмотренного в ситуации общения, в которой он развивается [Блох 2013а: 9]. При этом основополагающими характеристиками политического дискурса будем считать его определенность темой, связанной с реалиями политической сферы (тематизацию текста); утверждение интересов субъектов политики (в том числе, в процессе борьбы за политическую власть), с которыми соотносятся интенции политического дискурса; наличие речевой ситуации (ситуации общения), пре-

имущественно в институциональном контексте, в которой проявляются особенности жанра политического дискурса [Алёшина 2015: 28].

Понятие жанра зачастую рассматривается в соотношении с понятием стиля. М. М. Бахтин утверждает связь стиля с жанром, считая, что «всякий стиль неразрывно связан с высказыванием и с типическими формами высказываний, то есть с речевыми жанрами» [Бахтин 1997: 163]. Связь стиля и жанра раскрывается в сущности проблемы языковых, или функциональных стилей. Стиль в качестве элемента входит в жанровое единство высказывания. Изучение стилей будет продуктивным лишь с учетом жанровой природы стиля и на основе разновидностей языковых жанров. Г. Я. Солганик утверждает, что общая функция стиля, его установки и задачи реализуются в жанрах. Жанры сохраняют общие черты стиля, но имеют свою структуру и особенности употребления языка [Солганик 2005: 177]. Т. В. Дубровская считает, что положения «у каждого стиля свой репертуар жанров» и «жанр может переходить из стиля в стиль, то есть не реализуется в каком-то одном стиле» следует понимать не как взаимоисключающие и противоположные, а как взаимодополняющие [Дубровская 2014: 39].

М. Я. Блох обосновывает, что стиль — выразительная характеристика текста, отражающая воздействие на адресата, жанр — целеполагающая характеристика текста [Блох, Великая 2011: 5]. Стиль не содержит-

ся в системе языка в конкретном виде, в язык включены лишь средства стилизации высказываний, формирующие выразительность текста. Элементарной единицей стилизации текста служит диктема [Блох 2000] как стилизованное (снабженное стилистическими характеристиками) микротематическое высказывание. Стилизация представляет сумму стилистических показателей, которые реализуются в каждой диктеме и отображают стиль текста в целом. К стилистическим показателям относятся степень подготовленности — неподготовленности; форма речи: устная — письменная речь; речь официальная — неофициальная; речь фактуальная — образная; речь экспрессивная по степени воздействия — неэкспрессивная; речь эмоциональная — неэмоциональная; содержание речи: экспликативное — имплекативное. «Лишь совместное выделение указанных черт реализует диктему как основную единицу текста и минимальную единицу тематизации текста и целый текст (то есть совокупность диктем) как продукт отражательно-мыслительной деятельности человека в различных формах языкового общения. Диктема как основная единица текста имеет собственное содержательное, структурное и коммуникативное устройство, характеризуется смысловой законченностью. Основной принцип выделения — единство темы и характерное композиционное устройство» [Блох, Великая 2011: 12].

Понятие регистра вошло в обиход в западной лингвистике в 1960-х гг. (К. Пайк, Дж. Фирт). Дж. Фирт под регистром понимает «ограниченный язык» со своей грамматикой и словарем в определенной ситуации или поле деятельности [Firth 1957]. М. Халлидей определяет регистр как конфигурацию семантических ресурсов, которую носитель культуры ассоциирует с определенной ситуацией [Halliday 1978]. При этом выбор регистра зависит от статуса, сферы деятельности и спектра выразительных средств, доступных для использования. В отечественной лингвистике концепция коммуникативного регистра была разработана Г. А. Золотовой на материале русского языка. Регистры речи тождественны коммуникативным типам речи и определены как «понятие, абстрагированное от множества предикативных единиц или их объединений, употребленных в однородных текстах, сопоставленных по их общественно-коммуникативным функциям и противопоставленных по способу отражения действительности, что получает выражение в совокупности их лингвистических признаков» [Золотова 1982: 349]. Использование стилей речи ассоциируется с соответствующими

стилями регистрами (изобразительным, информативным, изобразительно-повествовательным, изобразительно-описательным и др.). Например, языку делового стиля не свойственен изобразительный регистр. Л. С. Бархударов определяет стилистический регистр слова как определенные условия или ситуацию общения, обуславливающие выбор тех или иных языковых средств, в том числе лексических единиц. Регистр речи также связан с условиями, в которых протекает процесс речевой коммуникации [Бархударов 1975]. Н. Б. Боева определяет регистр как систему отбора языковых средств в зависимости от социальной ситуации [Боева 2014].

В нашем представлении понятие регистра связано со степенью формальности ситуации, в которой происходит коммуникация. При этом считаем необходимым обратиться к истокам стилистической системы русского языка — учению о трех стилях, разработанному М. В. Ломоносовым, основой для которого послужили учения о стилях речи в древнегреческой, древнеримской риторике, средневековой и новоевропейской литературе [Гаспаров 1972: 24]. Согласно учению М. В. Ломоносова, в языке «по пристойности материй» (предмету изложения) следует различать три стиля. Высоким стилем должны быть написаны оды, ораторские речи, героические поэмы. Средним стилем — стихотворные дружеские письма, сатиры, элегии, театральные сочинения. Низким стилем пишутся комедии, увеселительные эпиграммы, песни, басни [Ломоносов 1952: 589].

В соответствии с вышесказанным, выделим три основных регистра дискурса — формальный, нейтральный, неформальный. Внутри формального и неформального регистров существует противопоставление. При этом в качестве критерия противопоставления может выступать интенсивность как более высокая степень выраженности формальности/неформальности.

Система регистров речи может быть представлена следующим образом:

- нейтральный регистр;
- формальный регистр (интенсивно-формальный, неинтенсивно-формальный);
- неформальный (интенсивно-неформальный, неинтенсивно-неформальный).

Из приведенной классификации очевидно, что ключевым критерием выделения регистров выступает критерий официальности — неофициальности речи, являющийся одним из показателей стилизации диктемы текста. Данный показатель определяется ситуацией общения (коммуникативной ситуацией), в которой рассматривается текст-дискурс. Вместе с тем следует остановиться на фак-

торах, обуславливающих формирование регистров дискурса. Для этого обратимся к теории факторов регуляции речевого общения, выдвинутой М. Я. Блохом. Согласно этой теории, следует выделять семь ведущих факторов регуляции речевого общения. Первый фактор — целевое содержание речи (высказывания); второй фактор — личностный статус говорящего; третий фактор — личностный статус слушающего; четвертый фактор — присутствие или наличие посторонних лиц, которые слышат речь говорящего, но не являются участниками общения; пятый фактор — свойства канала связи; шестой фактор — предположение говорящего о личности слушающего и фонде его релевантных знаний, пресуппозиция; седьмой фактор — предположение слушающего о личности говорящего и подлинном смысле его речи (постсуппозиция) [Блох 2013б: 8—9].

В то время как первый фактор, целевое содержание высказывания, является, на наш взгляд, скорее жанрообразующим, особую роль в формировании регистров можно отвести второму, третьему и четвертому факторам. Личностный статус говорящего включает в себя характеристики, формирующие его «языковую личность» (в нашем случае, «языковую личность политика»). Среди них — темперамент, поведенческие особенности (например, стратегия поведения в политическом конфликте), общественное положение, род занятий, уровень образования и др. При этом определяющее значение в институциональной, в частности в политической, коммуникации имеют общественное положение и должность говорящего. Подобные характеристики имеет и личностный статус слушающего. В то же время схожие особенности реализуют разные регулятивные следствия в коммуникативных позициях говорящего и слушающего, что можно четко проиллюстрировать на примере публичного политического выступления. На протяжении всего выступления, как правило, оратор и слушатели занимают коммуникативные позиции говорящего и слушающего, однако в ситуации обсуждения или дискуссии, следующей за выступлением, могут поменять свои позиции. Четвертый фактор регуляции общения — присутствие или наличие посторонних лиц, которые слышат речь говорящего, но не являются участниками общения — имеет значение при выделении регистров публичной политической речи. Как правило, политические выступления по международным вопросам, инаугурационные речи, которые носят формальный характер, транслируются на широкие аудитории по всему миру, в то время как послания конгрессу, парламенту,

речи на митингах и съездах могут характеризоваться отклонениями от строго формального регистра в сторону нестрого формального и даже неформального.

Рассмотрим подробнее особенности регистров публичного политического дискурса на примере англоязычной политической риторики XX в. Выступления данного периода представляют интерес как в плане изучения глобальных проблем современности, так в плане исследования роли и возможностей языка как средства воздействия на сознание человека.

Формальный регистр подразумевает подготовленность публичного выступления, его фактуальный характер, экспликативность, неэмоциональность. Говорящий и слушающий находятся на четко определенных коммуникативных позициях, их личностные статусы в данной ситуации политического общения четко определены. Формальный регистр имеет две разновидности — интенсивно-формальный и неинтенсивно-формальный. К интенсивно-формальному регистру можно отнести выступления, регламентируемые официальной ситуацией политического общения. Строго формальный характер, как правило, носят публичные политические выступления информационного жанра [Алешина 2015]. Например, речь королевы Елизаветы II на открытии парламента в 2015 г., содержащая программу действий британского правительства в политике, экономике, социальной сфере, достаточно информативна. Стилистически нейтральная лексика и лексика официально-делового стиля используется в активных и пассивных конструкциях в простом будущем времени.

My government will continue with its long-term plan to provide economic stability and security at every stage of life. They will continue the work of bringing the public finances under control and reducing the deficit, so Britain lives within its means. Measures will be introduced to raise the productive potential of the economy and increase living standards.

Legislation will be brought forward to help achieve full employment and provide more people with the security of a job. New duties will require my ministers to report annually on job creation and apprenticeships. Measures will also be introduced to reduce regulation on small businesses so they can create jobs.

Неинтенсивно-формальный регистр может быть представлен выступлением всех жанров публичного политического дискурса: информационным, убеждающим, призывным, жанром-оправданием (покаянием) [Алешина 2015]. Выступление не строго формального регистра, при всей формальности ситуации,

в которой она произнесено, допускает отступления в сторону неформального регистра. К примеру, предвыборное выступление кандидата, относящееся к убеждающему жанру, в англо-американской политической традиции обычно строится с намеренными отступлениями от формального дискурса. Главную роль при этом играет намерение говорящего убедить слушающего в правильности избранной стратегии в данной ситуации, сопровождаемое стремлением информировать его о сложившейся политической ситуации, о своей позиции и призвать его встать на свою сторону. Прагматика убеждения проявляется в диктемах-обвинениях, разоблачениях, вердиктах, осмеяниях (в диктемах оценочного, фактуально-оценочного типов), в которых реализуются соответствующие речевые акты. Приведем пример из известного публичного обращения Дж. Ф. Кеннеди к американскому народу от 22 октября 1962 г. Данное выступление можно отнести к смешанному информационно-убеждающему типу. Интенции текста определяются намерением говорящего информировать аудиторию о конфликтной ситуации с СССР, определить и аргументировать позицию США в конфликте, убедить аудиторию в правильности американской политики, сформировать соответствующее отношение к СССР. На фоне официально-деловой и нейтральной лексики эффект экспрессивности текста достигается употреблением книжной лексики в функции эпитетов, а также гипербол и цитирования.

This Government, as promised, has maintained the closest surveillance of the Soviet military buildup on the island of Cuba. Within the past week, unmistakable evidence has established the fact that a series of offensive missile sites is now in preparation on that imprisoned island. The purpose of these bases can be none other than to provide a nuclear strike capability against the Western Hemisphere...

Only last Thursday, as evidence of this rapid offensive buildup was already in my hand, Soviet Foreign Minister Gromyko told me in my office that he was instructed to make it clear once again, as he said his government had already done, that Soviet assistance to Cuba, and I quote, "pursued solely the purpose of contributing to the defense capabilities of Cuba," that, and I quote him, "training by Soviet specialists of Cuban nationals in handling defensive armaments was by no means offensive, and if it were otherwise," Mr. Gromyko went on, "the Soviet Government would never become involved in rendering such assistance."

That statement also was false.

Публичное политическое выступление неформального регистра может существо-

вать в виде интенсивно-неформального и неинтенсивно-неформального. Неформальный характер выступления, как и степень интенсивности неформальности, может быть результатом намеренной стилизации текста в целях придания речи выразительности, убедительности и эмоциональности. Неинтенсивно-неформальное выступление можно проиллюстрировать речью убеждающего жанра — выступлением сенатора Дж. Маккарти, направленным на изобличение журналиста Э. Марроу, развернувшего против него кампанию в СМИ. Выступление эмоционально, отличается стилистически смешанным лексическим составом с выраженным разговорным компонентом, структурами, свойственными разговорной речи, многочисленными обращениями к аудитории:

You get the picture of that my friends? Stevenson says, "I was the man who formulated the policy." Truman says, yes he did. And the head of the Central Intelligence Agency says the policy then was "to connive to put communists into the Italian government" — connive, and to bring [Togliatti], the communist leader, back from Moscow, which they did. Keep in mind that Bedall Smith had nothing to do with this program; he was just testifying as to what it was.

Степень интенсивности неформальности, выраженной в тексте публичного выступления, может быть выше. Отступая от официальных канонов формального дискурса, политик стремится приблизиться к «языку народа», завоевать доверие аудитории. Иллюстрацией данного регистра может служить речь эпатажного американского политика, бывшего губернатора Аляски и кандидата в вице-президенты США С. Пэйлин в поддержку Д. Трампа в президентской гонке 2016 г. Приведенные диктемы из речи убеждающе-призывного жанра содержат экспрессивную разговорную и сниженную лексику, грамматические формы, свойственные разговорной речи. Убеждение и призыв реализуются в прямых неформальных обращениях к аудитории:

"No more pussy footin' around! Our troops deserve the best, you deserve the best!.."

Trump's candidacy, it has exposed not just that tragic ramifications of that betrayal of the transformation of our country, but too, he has exposed the complicity on both sides of the aisle that has enabled it, okay? Well, Trump, what he's been able to do, which is really ticking people off, which I'm glad about, he's going rogue left and right, man, that's why he's doing so well. He's been able to tear the veil off this idea of the system. The way that the system really works, and please hear me on this, I want you guys to understand more and more how the

system, the establishment, works, and has gotten us into the troubles that we are in America... It's why we see these lousy trade deals that gut our industry for special interests elsewhere. We need someone new, who has the power, and is in the position to bust up that establishment to make things great again. It's part of the problem.

Рассмотренные материалы позволяют сделать выводы о возможности описания публичного политического дискурса в терминах двух регистров — формального и неформального. Публичное политическое выступление как институциональный дискурс не может носить нейтральный характер, по своей природе обладая свойствами формальности — неформальности. При этом принадлежность текста к определенному регистру определяется стилизацией диктемы текста, составляемой рядом показателей, среди которых критерии официальности — неофициальности, экспрессивности — неэкспрессивности речи занимают существенное место. Кроме того, при рассмотрении регистра следует учитывать факторы, регулирующие коммуникацию в конкретной ситуации политического общения — прежде всего речь идет о личностных статусах говорящего и слушающего. Публичный политический дискурс, являющийся ярким образцом институциональной политической коммуникации, может быть либо формальным, либо неформальным с вариациями согласно интенсивности формальности. При этом принадлежность регистру речи может быть соотнесена с жанром дискурса, в основе которого лежит принцип целеполагания высказывания.

ИСТОЧНИКИ

1. Her Majesty's speech to both Houses of Parliament at the State Opening of Parliament 2015 // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/queens-speech-2015> (date of access: 08.08.2016).

E. Y. Aleshina
Penza, Russia

REGISTERS OF PUBLIC POLITICAL DISCOURSE AND FACTORS OF THEIR FORMATION (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

ABSTRACT. *The article describes register characteristics of public political discourse which are determined by their being official or non-official. This feature is one of the markers of text dicteme stylization. Based on the classical concept of speech styles, three main registers are defined — neutral, formal and informal. Within both formal and informal registers there is an opposition (intensely formal — unintensely formal: intensely informal — unintensely informal). The opposition is determined by the degree of intensity of communication formality. The factors of formation of public political discourse registers were considered in terms of the theory of factors of speech regulation by M.Y. Blokh. The key role in register formation is played by the second, third and fourth factors: the speaker's personal status, the listener's personal status, presence or absence of the outmen who hear the speaker but do not participate in communication. The theoretical statements are illustrated by the samples of Anglo-American political rhetoric of the XX century. Conclusions are made about the possibility of referring a public political speech either to formal or informal registers which is stipulated by the institutional character of political communication. Register characteristics can correspond to the discourse genre which is based on the goal-setting of the utterance.*

KEYWORDS: *political discourse; public political speech; dicteme; register; style; genre.*

ABOUT THE AUTHOR: *Aleshina Ekaterina Yuryevna, Candidate of History, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages and Foreign Language Teaching Methods, V. G. Belinsky Pedagogical Institute, Penza State University, Penza, Russia.*

www.gov.uk/government/speeches/queens-speech-2015 (date of access: 08.08.2016).

2. Kennedy J. F. Cuban Missile Address to the Nation on October 22, 1962 // American Rhetoric. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/jfkubanmissilecrisis.html> (date of access: 03.11.2015).

3. McCarthy J. R. Address on Communism and the Candidacy of Adlai Stevenson delivered 27 October 1952 // American Rhetoric. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/joemccarthyaagainststevenson.htm>.

4. Palin S. Trump Speech // Buzz Feed News. URL: https://www.buzzfeed.com/kyleblaine/so-uh-heres-the-full-text-of-sarah-palins-bizarre-trump-speech?utm_term=.chw416pVR#.yq1Q1k9Xx (date of access: 12.08.2016).

ЛИТЕРАТУРА

5. Алёшина Е. Ю. Публичный политический дискурс конфликтной ситуации. — М. : Прометей, 2015.

6. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). — М. : Международные отношения, 1975.

7. Бахтин М. М. Собр. соч. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х гг. — М. : Русские словари, 1997.

8. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56—67.

9. Блох М. Я. Дискурс и системное языкознание // Язык. Культура. Речевое общение. 2013а. № 1. С. 5—11.

10. Блох М. Я. Язык, культура и проблема регуляции речевого общения // Язык. Культура. Речевое общение. 2013б. № 2. С. 8—9

11. Блох М. Я., Великая Е. В. Просодия в стилизации текста. — М. : Прометей МПГУ, 2011.

12. Боева Н. Б. Краткий толковый словарь социолингвистических терминов. — М. : Готика, 2004.

13. Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М. Л. Гаспарова. — М. : Наука, 1972.

14. Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014.

15. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М. : Наука, 1982.

16. Солганик Г. Я. Стилистика текста. — М. : Флинта : Наука, 2005.

17. Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Полн. собр. соч. / М. В. Ломоносов — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7.

18. Halliday M. Language as a Social Semiotic. — London ; Arnold, 1978.

19. Firth J.R. Papers in Linguistics 1934—1951. — London ; Oxford, 1957.

REFERENCES

1. Her Majesty's speech to both Houses of Parliament at the State Opening of Parliament 2015 // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/queens-speech-2015> (date of access: 08.08.2016).
2. Kennedy J. F. Cuban Missile Address to the Nation on October 22, 1962 // American Rhetoric. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/jfkucubanmissilecrisis.html> (date of access: 03.11.2015).
3. McCarthy J. R. Address on Communism and the Candidacy of Adlai Stevenson delivered 27 October 1952 // American Rhetoric. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/joemccarthyagainststevenson.htm>.
4. Palin S. Trump Speech // Buzz Feed News. URL: https://www.buzzfeed.com/kyleblaine/so-uh-heres-the-full-text-of-sarah-palins-bizarre-trump-speech?utm_term=.chw416pVR#.yq1Q1k9Xx (date of access: 12.08.2016).
5. Aleshina E. Yu. Publichnyy politicheskiy diskurs konfliktnoy situatsii. — M. : Prometey, 2015.
6. Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod (voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda). — M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975.
7. Bakhtin M. M. Sobr. soch. T. 5. Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh gg. — M. : Russkie slovari, 1997.
8. Blokh M. Ya. Diktima v urovnevoy strukture yazyka // Voprosy yazykoznaniiya. 2000. № 4. S. 56—67.
9. Blokh M. Ya. Diskurs i sistemnoe yazykoznanie // Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie. 2013a. № 1. S. 5—11.
10. Blokh M. Ya. Yazyk, kul'tura i problema regulyatsii rechevogo obshcheniya // Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie. 2013b. № 2. S. 8—9.
11. Blokh M. Ya., Velikaya E. V. Prosodiya v stilizatsii ^{teksta}. — M. : Prometey MPGU, 2011.
12. Boeva N. B. Kratkiy tolkovyy slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov. — M. : Gotika, 2004.
13. Gasparov M. L. Tsitseron i antichnaya ritorika // Mark Tulliy Tsitseron. Tri traktata ob oratorskom iskusstve / pod red. M. L. Gasparova. — M. : Nauka, 1972.
14. Dubrovskaya T. V. Rechevye zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh. — Penza : Izd-vo PGU, 2014.
15. Zolotova G. A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa. — M. : Nauka, 1982.
16. Solganik G. Ya. Stilistika teksta. — M. : Flinta : Nauka, 2005.
17. Lomonosov M. V. Predislovie o pol'ze knig tserkovnykh v rossiyskom yazyke // Poln. sobr. soch. / M. V. Lomonosov — M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1952. T. 7.
18. Halliday M. Language as a Social Semiotic. — London ; Arnold, 1978.
19. Firth J.R. Papers in Linguistics 1934—1951. — London ; Oxford, 1957.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Э. В. Будаев, В. В. Курейко
Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КРИЗИСА НА УКРАИНЕ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ КОММЕНТАРИЯХ НОВОСТНЫХ ПОРТАЛОВ

АННОТАЦИЯ. Периоды политических кризисов характеризуются высокой метафоричностью дискурса. В настоящей статье рассматриваются метафоры, актуализированные в комментариях новостных порталов при концептуализации кризиса на Украине в период 2013—2015 гг. Лингвисты традиционно в качестве материала исследования выбирают речи политических деятелей или материалы средств массовой информации, а в данной статье анализируются комментарии новостных порталов, позволяющие проследить реакцию реципиентов дискурса на происходящие события. Несмотря на то что медиа и политические дискурсы влияют на картину мира рядовых граждан, реципиенты могут обладать когнитивным «иммунитетом», что означает несовпадение их картины мира с картиной мира, конструируемой политиками и журналистами. Анализ показал, что основным средством репрезентации кризиса на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов являются антропоморфная, театральная, зооморфная, игровая, морбиальная метафора, а также метафора родства. В меньшей степени востребованы образы из сфер-источников «Движение», «Строение», «Механизм» и «Мир растений». При этом все метафорические модели привносят в категоризацию украинского кризиса преимущественно негативные смыслы. Метафорика комментариев сочетается с паронимической аттракцией и концептуализацией Украины с помощью образа-схемы ОБЪЕКТ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафорические модели; политический кризис; Украина; комментарии новостных порталов; когнитивная метафора.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Российский государственный профессионально-педагогический университет; 620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11; e-mail: aedw@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Курейко Вячеслав Владимирович, административный секретарь Генерального консульства Республики Кипр в г. Екатеринбург; 620075, г. Екатеринбург, ул. Гоголя, д. 15 «Ж»; e-mail: slavakureiko@gmail.com.

Современная политическая метафорология представляет собой методологический конгломерат, в котором ведущее место отводится эвристикам когнитивной лингвистики и дискурс-анализа. Внимание исследователей привлекают самые различные временные периоды в политической коммуникации, но наиболее рельефно дискурсивная специфика когнитивных метафор проявляется в периоды политических кризисов. Как отмечает А. П. Чудинов, в периоды конфликтных, кризисных ситуаций возникают метафорические «бури», которые являются предвестниками столкновений, переворотов и войн; влияние подобных «бурь» несомненно отражается на метафорической картине мира [Чудинов 2013: 108].

Классическим исследованием корреляции политических метафор и кризисов стала работа Х. Де Ландтсхеер [De Landtsheer 1991]. В этой публикации на примере голландского политического дискурса было доказано, что в периоды политических и экономических кризисов значительно возрастает количество политических метафор. Дальнейшие изыскания Х. Де Ландтсхеер и ее единомышленников подтвердили эти выводы и дополнили их новыми данными. Так, сопоставляя метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, авторы обнаружили, что показатель метафорического индекса увеличивается в предвыборный период, при этом данная зависимость проявлялась и в «желтой», и в «серь-

езной» прессе [Vertessen, De Landtsheer 2008]. Подобные факты подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе.

Еще одна отправная точка данного направления связана с работами основателя теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа, который в 90-х гг. XX в. обратился к анализу метафорического представления военных конфликтов. Широкую известность получила публикация Дж. Лакоффа о метафорическом оправдании первой войны в Персидском заливе [Lakoff 1991]. Впоследствии было обнаружено, что набор концептуальных метафор, выявленных в американском политическом дискурсе (персонификация, бизнес, спорт, игра, сказка о справедливой войне), воспроизводится в политическом дискурсе других государств для оправдания новых военных операций НАТО в Югославии и Ираке [Halverson 2003; Kennedy 2000; Kuusisto 1998; Lakoff 2001; Lakoff 2003].

На российском материале корреляция между метафорикой и кризисной коммуникацией была проанализирована в работах А. Н. Баранова [Баранов 2000] и А. П. Чудинова [Чудинов 2013]. Не остался без внимания исследователей метафорический нарратив Украинского кризиса [Егорова 2014; Ковалева 2015; Кропотухина, Тихонов 2015].

Вместе с тем указанные работы выполнены на материале речи политиков или текстов средств массовой информации. С одной сто-

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

© Будаев Э. В., Курейко В. В., 2016

роны, политики и журналисты стремятся к отражению «чаяний народа», с другой — рядовые граждане нередко ретранслирует картину мира, навязываемую политическим и медиадискурсами. Однако между картиной мира, представленной в СМИ или политическом дискурсе, и картиной мира адресата дискурса не всегда стоит знак равенства. По этой причине анализ метафор в комментариях новостных порталов является актуальной задачей политической метафорологии.

Цель данной статьи — дать характеристику основным метафорическим моделям, репрезентирующим кризис на Украине в период 2013—2015 гг. в русскоязычных комментариях новостных порталов.

События на Украине, начавшиеся в ноябре 2013 г., имели для многих неожиданное развитие. «Евромайдан» (протест против отказа правительства Украины от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС) длился несколько месяцев и перерос в столкновения между протестующими и властями, что привело к государственному перевороту, в ходе которого погибли около сотни митингующих и десятки силовиков. Дальнейшие события привели к референдуму в Крыму 16 марта 2014 г., на котором жители полуострова проголосовали за воссоединение с Россией, за чем последовали антироссийские санкции стран Запада.

Многие граждане России следили за происходящими в «братской» стране событиями и делились своими переживаниями и соображениями в комментариях к новостям на порталах. Анализ этих откликов позволил выделить основные метафорические модели, актуализированные в русскоязычных комментариях.

В ходе исследования были выявлены 634 метафорические единицы (МЕ) в комментариях 32 русскоязычных новостных порталов по тематике «Украинский кризис». Выделенные МЕ позволили выявить 10 метафорических моделей: «Украинский кризис — человеческий организм» (224 МЕ, 35,3 %), «Украинский кризис — театр/цирк» (93 МЕ, 14,7 %), «Украинский кризис — мир животных» (88 МЕ, 13,9 %), «Украинский кризис — спорт и игра» (67 МЕ, 10,6 %), «Украинский кризис — болезнь» (62 МЕ, 9,8 %), «Украинский кризис — родственные отношения» (52 МЕ, 8,2 %), «Украинский кризис — движение» (13 МЕ, 2 %), «Украинский кризис — строение» (16 МЕ, 3,3 %), «Украинский кризис — механизм» (10 МЕ, 1,6 %) и «Украинский кризис — мир растений» (9 МЕ, 1,4 %).

В русскоязычных комментариях новостных порталов ведущим способом образного представления кризиса на Украине стало

метафорическое изображения кризисной ситуации как человеческого организма. Культуры многих народов тесно связаны с человеческим телом, а каждая часть тела имеет свою метафорическую функцию в языке.

Вполне естественным является метафорическое представление головы как органа управления организмом, но в то же время пейоративный оттенок проявляется при актуализации метафор головы со смыслом «влияние на чье-либо сознание». Ср.:

Я тоже не мог поверить, что то, что подают на этом сайте можно воспринимать всерьез, но это так. Этой пропагандой целой стране голову свихнули [Президент РФ назвал кризис...].

В русскоязычных комментариях органы чувств и восприятия (*глаза, нос, уши*) являются средством сбора и оценки информации, а метафора *лицо* используется для описания представительской функции. Ср.:

... пусть только попробуют из своего бола вылолзти, задавим! Ваш майдан на многое нам открыл глаза, а предупрежден — значит, вооружен! [Гомзикова 2014б].

Киев плюет в лицо Кремлю почти каждый день... [Киев назвал \$3 млрд...].

Тяжелое экономическое положение на Украине обусловила популярность метафорического выражения *протянуть ноги*, в том числе производных развернутых метафор. Ср.:

У них сейчас главный вопрос, как бы с голодухи ноги, руки и другие органы не протянуть. А они в мечтах, видимо с горилкой переборщил, замахнулись на пучину морскую [Гомзикова 2014б].

Значимое место среди антропоморфных метафор, репрезентирующих кризис на Украине, занимают образы *рождения и смерти*. Данные метафоры традиционно отражают появление и исчезновение какого-либо явления с различными коннотациями. В анализируемых примерах данные метафоры несли в себе исключительно негативную коннотацию. Наиболее частотна апелляция к метафорам смерти. Ср.:

Крым можно вернуть Украине-США только убив экономику России и поставив допустим Каспарова президентом... [Бойко 2016].

Подобно тому как человеческому организму необходимо питание, так и кризис на Украине и его субъекты вынуждены «питаться пищей» — пропагандой. Ср.:

Наелась конфеток Рошеновских с отравой? Теперь пусть молятся что живыми остаться... [Скандалная украинская поэтесса...].

Изменение своего мнения нередко представляется как пробуждение, а оппозиционная автору позиция как глубокий сон. Характерным примером служит нашумевшая история с Анастасией Дмитрук, «прославившейся» благодаря своему стихотворному обращению к россиянам под названием «Никогда мы не будем братьями». Через некоторое время на Украине появилось ее новое стихотворение со словами: «Маски сорваны — верить некому. Разбиваются птицы об лед. Поспешили к новому, светлому — оборвался беспечный полет. Кто у власти — все куплены — проданы, наши сотни ложатся в ряд. Вместо аистов — в небе вороны. Души светлые не горят» [Маски сорваны — верить некому 2015]. Характерна реакция комментаторов, актуализировавших метафоры пробуждения. Ср.:

ПРОСНУЛАСЬ НАКОНЕЦ-ТО... ЛИЦЕМЕРКА!!! [Скандалная украинская поэтесса...].

Вторую позицию по частотности в комментариях занимают образы «Театра/цирка». Комментаторы представляют кризис на Украине как театральное представление, а главных действующих лиц как актеров, кукловодов и самих кукол. Типичные образы связывают неестественность происходящих процессов с зарубежными кукловодами и их марионетками на Украине. Ср.:

Майданутые кричали о борьбе с коррупцией, о свержении продажных марионеток, которые под руководством кукловодов из США творили то, что у адекватных людей, тех же крымчан, вызывает омерзение... [Бойко 2016].

Помимо театральных образов, востребованы метафоры циркового представления, усиливающего смыслы искусственности происходящих событий. Ср.:

Это после блокады Крыма? Самих себя не уважать, участвовать в этом цирке [Бойко 2016].

Третья позиция по критерию частотности в комментариях к русскоязычным новостным порталам принадлежит зооморфным образам. Актуализованы образы как домашних, так и диких животных. Наиболее популярны образы *овцы* (отображает невинность и в то же время бесполезность), *свиньи* (отражает пренебрежительное отношение), *кота* (актуализирует смысл контроля), *мыши* (репрезентирует пейоративные смыслы «пакостного» поведения). Среди образов диких животных выделяются *волк* (агрессия) и *шакал* (подлость, трусость). Ср.:

...простите нас за миллионы скачущих животных — НЕБЕСНЫХ БАРАНОВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ НА СТРИЖКУ И УБОЙ!!! [Ополченки ЛНР...].

Олигархи делят Украину между собой. А сейчас у них появится сильный соперник. Посмотрим, как шакалы подождут хвосты перед американскими боссами [Хривнюк 2014].

Привлекает внимание востребованность образа собаки не как «лучшего друга человека», а как животного, символизирующего слабость, трусость, беспомощность (*шавка*). Ср.:

Полагаю, что западные шавки будут долго ещё глумиться по вопросу присоединения Крыма к России. [Седова 2015].

Отмечается сочетание зооморфных метафор с прецедентными именами. Ср.:

Чтобы Жандаровы, Полиграфы, и прочие Таббаки, с их Януковичами, Путинами, и прочими Шерханами, ушли в политическое небытие [Мусафирова 2013].

Каждая десятая метафора в русскоязычных комментариях новостных порталов репрезентирует кризис на Украине как игру. Значимое место отводится образам шахматной игры, позволяющей актуализировать разнообразные смыслы геополитического противостояния. Ср.:

Европе уготована пешечная участь быть пожертвованной в этой игре, а не стать „королевой“... [Гомзикова 2014а].

Метафоры азартных игр носят негативный характер, апелляция к метафорам «ставок» и «раздаче карт» дает возможность понять, что комментаторы представляют лидеров стран в качестве игроков, а не ответственных политических деятелей. Зачастую пристрастие к азартным играм порицается, поскольку необдуманное действие приводит к проигрышу, если только подобные игры не являются «договорными». Стоит отметить, что русскоязычные комментаторы нередко используют метафору «проигрыша», связывая это с разрушением государственного строя Украины. Метафоры «победы» также используются, но и они не связываются с улучшением ситуации.

Кто бы и когда бы там в Донбассе ни побеждал, всё равно от каждой такой „победы“, в проигрыше остаётся русский народ, включая украинцев. Вот вам и вся „книга точности“... [Тукмаков 2015].

Вполне закономерно, что получили распространение метафоры болезни. Происходящие события на Украине кажутся русскоязычным комментаторам неким заболеванием, помутнением сознания и даже психическим расстройством на генном уровне. Морбиальные метафоры, репрезентирующие кризис на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов, обладают самой ярко выраженной эмотивностью. Русскоязычные комментаторы выражают свое недопонимание действий как властей, так и

народа. «Чума», распространяемая той или иной стороной конфликта, характеризует пропагандистическую деятельность. «Желтуха», «понос», «прыщи», «перхоть» являются представлением проблем, возникающих в кризисной ситуации. Потеря Крыма связывается с «фантомными болями», а политическая деятельность представляется «шизофренией» с проявлением «агрессии» и «параноидального состояния». Ср.:

Есть такая болезнь — Америкофилия. Иницируется она Даунской палочкой. Передаётся болезнь исключительно половым путем от Американцев к их наложникам и наложницам. Симптомы заболевания — Тупость, Лживость, Острая Наглость, переходящая в хроническое Оборzenie На ранних стадиях болезни, лечением может служить удар по морде или пинок между ногами. В пятидесяти процентах случаев это помогает. В дальнейшем, болезнь лечится только хирургическим путем (Ампутация всего организма). Примечание: Инфицированных палочкой в Америке не пускают. В редких случаях бывают исключения (Саакашвили) и то ненадолго, при первой же возможности их отправляют в качестве Разнощиков инфекции (эрзацАмериканцев) в не зараженные места (за пределами США) Минздрав предупреждает — Думайте головой и берегите задницы [Царев 2015].

Укропов можно вылечить от шизофрении, только поместив их на необитаемый остров без ТВ и интернета. Дать им книжки со сказками. Через месяц они успокоятся и начнут (я надеюсь) думать и рассуждать логически. Пока же они все — параноидальные шизофреники [Ваньков 2015].

После распада СССР популярная метафора «семьи народов» стала сходиться на нет. Однако по отношению Украине в сознании российского народа метафоры семьи до сих пор занимают значимое место, потому что основание для метафоризации основывается не только на политических, но и на исторических, культурных и лингвистических факторах. Важное значение имеет и большое количество отнюдь не метафорических родственных связей.

Вместе с тем кризисная ситуация притягивает именно негативные сценарии семейных отношений. В русскоязычных комментариях новостных порталов Россия и Украина описываются как несчастливые в браке супруги, а иногда их поведение сравнивается с поведением несмышленных детей. Ср.:

Украина ведет себя, как брошенная жена-стервоза — хочет вернуть, бро-

сившего ее мужа, путем выбивания стекла и насыпания соли в колодезь. Но при этом на всех углах верещит какая она хорошая хозяйка, а муж — гад, алкаш и импотент. О результате даже не задумывается, по причине своей стержовности и полного отсутствия ума [Бойко 2016].

Закономерна частотность метафор, отнесенных к слоту «Сестры и братья». В основном используется метафора «брат» по отношению к стране, народу России или Украины. Встречается метафора «сестра», применяемая к Украине, что гипотетически связано с категорией рода (Украина — женского рода в русском языке). Ср.:

...то что украинцы и россияне братские народы не вызывает сомнений... но вот то что один из братьев воткнул другому в спину нож и продолжает орать о братстве вот тут какая то амнезия просматривается, а то и шизофрения ... [В России назвали исторической амнезией... 2015].

Метафора родства в русскоязычных комментариях новостных порталов выделяет межнациональный конфликт двух «родственных» народов, который отражается в концептах: «супружество», «братские отношения» и «дети». С одной стороны, Россия — плохой родственник, муж-алкаш, а с другой — Украина — непослушное дитя России, жена-стерва. В третьем случае либо полностью отрицается «братская» связь стран, либо выражается необходимость помощи «сестре/брату».

В русскоязычных комментариях новостных порталов также прослеживается апелляция к образам «Движения», «Строения», «Механизма» и «Мира растений», но эти образы менее востребованы. Эти метафорические образы объединяет фактор поставленной цели описываемых субъектов, т. е. «двигаюсь» к поставленной цели, субъекты находятся «у руля некоего механизма», и на этом пути они «строят» либо «выращивают» планы осуществления поставленной цели. Закономерно, что на второй план ушла милитарная метафора, учитывая неметафорические военные действия на территории Украины.

Отдельно отметим востребованность паронимической аттракции по отношению к Украине (*Урина, Руина, Укропия*), а также к главным действующим лицам конфликта (*Попрошенко, Парашенко, Потрошенко, Яйценюх, Трупчинов*). Метафоричность, возникающая в данных случаях, обусловлена не только, а зачастую не столько схожестью концептов сферы-источника и сферы-мишени, сколько намерением привнести пейоративные коннотации на основе игры слов по созвучию (фонетическая метафора).

В русскоязычных комментариях новостных сообщений можно отметить двух главных действующих субъектов кризиса на Украине: Россию и США, а Украине отводится второстепенная, марионеточная роль. Биполярность мнений комментаторов позволяет сделать вывод, что Украина — марионетка, но нельзя точно выделить чья: США или России. Таким образом, независимость Украины, по мнению комментаторов, лишь презумпция, а вкрапление саркастически употребленных заимствований «незалежна» (независимая) и «незалежність» (независимость) подчеркивают пренебрежительное отношение к идее суверенитета страны.

Таким образом, основным средством репрезентации кризиса на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов являются антропоморфная, театральная, зооморфная, игровая, морбиальная метафора, а также метафора родства. При этом все метафорические модели привносят в категоризацию украинского кризиса преимущественно негативные смыслы. Это касается как традиционно пейоративных метафорических моделей, так и моделей с меньшей пейоративной нагрузкой (в последнем случае наблюдается особое внимание комментаторов именно к негативным сценариям).

ИСТОЧНИКИ

1. Бойко А. Министр финансов Украины заявила, что начинают процесс по возвращению Крыма // Комсомольская правда. 2016. 21 янв. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26483/352675/> (дата обращения: 25.01.2016).
2. Ваньков В. Полуостров надежды // Свободная пресса. 2015. 18 марта. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/115999/> (дата обращения: 19.03.2015).
3. В России назвали исторической амнезией слова Порошенко о братстве народов // Корреспондент. 2015. 21 авг. URL: <http://korrespondent.net/world/russia/3553892-v-rossyyu-nazvaly-ystorycheskoi-amnezeyi-slova-poroshenko-o-bratstvenarodov> (дата обращения: 21.08.2015).
4. Гомзикова С. Польско-российская битва за Украину // Свободная пресса. 2014а. 9 июня. URL: <http://svpressa.ru/society/article/89566/> (дата обращения: 30.06.14).
5. Гомзикова С. Одессу отдадут США // Свободная пресса. 2014б. 3 дек. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/106051/> (дата обращения: 05.12.2014).
6. Киев назвал \$3 млрд от РФ взяткой, но «оскорбленно бросать в лицо» не торопится // BFM.ru. 2015. 15 июня. URL: <http://www.bfm.ru/news/295476> (дата обращения: 16.06.2015).
7. Маски сорваны — верить некому (Стихи Анастасии Дмитрук) // Youtube. 2015. 18 июля. URL: https://youtu.be/8z4k_lauq4U (дата обращения: 28.08.2016).
8. Мусафирова О. За ночь милиция очистила от баррикад правительственный квартал // Новая газета. 2013. 10 дек. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/203069.html> (дата обращения 09.12.2013).
9. Ополченки ЛНР: Стыдно за желто-голубой флаг в паспорте // Life. 2015. 8 марта. URL: <https://life.ru/150939> (дата обращения: 09.03.2015).

10. Президент РФ назвал кризис на Украине результатом непрофессионализма США // Ридус. URL: <http://www.ridus.ru/news/187603> (дата обращения: 06.06.2015).

11. Седова А. Запад вспомнил о Крыме // Свободная пресса. 2015. 6 марта. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/114870> (дата обращения: 08.03.2015).

12. Тукмаков Д. Что сварилось в Дебальцевском котле // Труд : общественно-полит. газ. 2015. № 11, 20 февр. URL: http://www.trud.ru/article/20-02-2015/1322425_что_svarilos_v_debaltsevskom_kotle.html.

13. Скандальная украинская поэтесса разочаровалась в Майдане // НТВ. 2015. 27 июл. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1450756>.

14. Хревнек Д. За Киевом стоит группа Буша-старшего // Pravda.ru. 2014. 4 июля. URL: <http://www.pravda.ru/world/north-america/usacanada/04-07-2014/1214812-usa-0/> (дата обращения: 22.08.2014).

15. Царев О. Хватит кормить хунту // Свободная пресса. 2015. 28 авг. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/130592/> (дата обращения: 26.08.2015).

ЛИТЕРАТУРА

16. Баранов А. Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации / А. Н. Баранов // Linguistic Change in Europe 1990-2000 / ed. by L. Zybatow. Wien, 2000. — С. 35—42.
17. Егорова Е. В. Украинский кризис: образ России в англоязычных электронных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — Вып. № 11-1 (41). — С. 60-65.
18. Ковалева А. К. Метафорическая репрезентация политического конфликта на Украине в выступлениях Юлии Тимошенко // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 27.11.2015) Екатеринбург, 2015. — С. 129-134.
19. Кропотухина П. В. Метафоры и "контрметафоры" санкционного дискурса / П. В. Кропотухина, В. В. Тихонов // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4 (54). — С. 97-100.
20. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. — 176 с.
21. De Landtsheer, Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach / Ch. De Landtsheer // Communication and Cognition. — 1991. — Vol. 24(3/4). — P. 299—342.
22. Halverson, C. M. Lifting the Dark Threat: The Impact of Metaphor in the War Against Terror / C. M. Halverson // Journal of Undergraduate Research. — 2003. — Vol. 6. — P. 1—6.
23. Kennedy, V. Intended tropes and unintended metaphors in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy // Metaphor and Symbol. — 2000. — Vol. 15. — № 4. — P. 252—265.
24. Kuusisto, R. Framing the Wars in the Gulf and in Bosnia: The Rhetorical Definitions of the Western Power Leaders in Action / R. Kuusisto // Journal of Peace Research. — 1998. — Vol. 35. — № 5. — P. 603—620.
25. Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters / G. Lakoff. — 2001. — Режим доступа: www.frameworksinstitute.org/products/metaphorical-thought.pdf.
26. Lakoff, G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf / G. Lakoff. — 1991. — Режим доступа: metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm.
27. Lakoff, G. Metaphor and War, Again / G. Lakoff. — 2003. — Режим доступа: www.alternet.org/story.html?StoryID=15414.
28. Vertessen, D. A Metaphorical Election Style: Use of Metaphor at Election Time / D. Vertessen, Ch. De Landtsheer // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / ed. by T. Carver, J. Pikalo. — London : Routledge, 2008. — P. 271—285.

E. V. Budaev, V. V. Kureyko
Ekaterinburg, Russia

**METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE CRISIS IN THE UKRAINE
IN RUSSIAN COMMENTS TO THE NEWS PORTALS**

ABSTRACT. *Political crises show high correlation with quantity of metaphors in a discourse. The article deals with the metaphors that were used in the news portals comments as far as the conceptualization of the Ukrainian crisis of the period of 2013-2015 is concerned. Traditionally linguists analyze political speeches or mass media texts, in this article the authors study the comments to the news portals that allow to find out the reaction of people to the events of the crisis. Despite the fact that media and political discourses influence the recipients' picture of the world, audience may have the cognitive "immunity" to the picture of the represented by politicians and journalists. The analysis has shown that the main images of representation of the Ukrainian crisis in Russian comments to the news portals come from source domains organism, theatre, animals, game, illness, family. Metaphors from source-domains movement, construction, mechanism and plants are less frequent. All the metaphorical models describe the Ukrainian crisis mostly in a negative way. Metaphors of the comments are combined with paronymic attraction and conceptualization of Ukraine with the image-schema OBJECT.*

KEYWORDS: *metaphorical models, political crisis, the Ukraine, comments to the news portals, cognitive metaphor.*

ABOUT THE AUTHOR: *Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Foreign Languages Department, Russian State Vocational Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kureyko Viacheslav, Administrative officer of the Consulate General of the Republic of Cyprus in Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Boyko A. Ministr finansov Ukrainy zayavila, chto nachinayut protsess po vozvrashcheniyu Kryma // Komsomol'skaya pravda. 2016. 21 yanv. URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26483/3352675/> (data obrashcheniya: 25.01.16).
2. Van'kov V. Poluostrov nadezhdy // Svobodnaya pressa. 2015. 18 marta. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/115999/> (data obrashcheniya: 19.03.2015).
3. V Rossii nazvali istoricheskoy amneziei slova Poroshenko o bratstve narodov // Korrespondent. 2015. 21 avg. URL: <http://korrespondent.net/world/russia/3553892-v-rossyy-nazvaly-ystoricheskoi-amneziei-slova-poroshenko-o-bratstve-narodov> (data obrashcheniya: 21.08.2015).
4. Gomzikova S. Pol'sko-rossiyskaya bitva za Ukrainu // Svobodnaya pressa. 2014a. 9 iyunya. URL: <http://svpressa.ru/society/article/89566/> (data obrashcheniya: 30.06.14).
5. Gomzikova S. Odessu otdayut SShA // Svobodnaya pressa. 2014b. 3 dek. URL: <http://svpressa.ru/war21/article/106051/> (data obrashcheniya: 05.12.2014).
6. Kiev nazval \$3 mlrd ot RF vzyatkoj, no «oskorblenno brosat' v litso» ne toropitsya // BFM.ru. 2015. 15. iyunya. URL: <http://www.bfm.ru/news/295476> (data obrashcheniya: 16.06.2015).
7. Maski sorvany — verit' nekomu (Stikhi Anastasii Dmitruk) // Youtube. 2015. 18 iyulya. URL: https://youtu.be/8z4k_lau4U (data obrashcheniya: 28.08.2016).
8. Musafirova O. Za noch' militsiya ochistila ot barrikad pravitel'stvennyy kvartal // Novaya gazeta. 2013. 10 dek. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/203069.html> (data obrashcheniya 09.12.2013).
9. Opolchenki LNR: Stydno za zhelto-goluboy flag v pasporte // Life. 2015. 8 marta. URL: <https://life.ru/150939> (data obrashcheniya: 09.03.2015).
10. Prezident RF nazval krizis na Ukraine rezul'tatom neprofessionalizma SShA // Ridus. URL: <http://www.ridus.ru/news/187603> (data obrashcheniya: 06.06.2015).
11. Sedova A. Zapad vspomnil o Kryme // Svobodnaya pressa. 2015. 6 marta. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/114870> (data obrashcheniya: 08.03.2015).
12. Tukmakov D. Chto svarilos' v Debal'tsevskom kotle // Trud : obshchestvenno-polit. gaz. 2015. № 11, 20 fevr. URL: http://www.trud.ru/article/20-02-2015/1322425_chno_svarilos_v_debaltsevskom_kotle.html.
13. Skandal'naya ukrainskaya poetessa razocharovalas' v Maydane // NTV. 2015. 27 iyul. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1450756>.
14. Khrevnek D. Za Kievom stoit gruppa Busha-starshego // Pravda.ru. 2014. 4 iyulya. URL: <http://www.pravda.ru/world/northamerica/usacanada/04-07-2014/1214812-usa-0/> (data obrashcheniya: 22.08.2014).
15. Tsarev O. Khvatit kormit' khuntu // Svobodnaya pressa. 2015. 28 avg. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/130592/> (data obrashcheniya: 26.08.2015).
16. Baranov A. N. Metafory v politicheskom diskurse: yazykovye markery krizisnosti politicheskoy situatsii / A. N. Baranov // Linguistic Change in Europe 1990-2000 / ed. by L. Zybatow. Wien, 2000. — S. 35—42.
17. Egorova E. V. Ukrainskiy krizis: obraz Rossii v anglo-yazychnykh elektronnykh SMI // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — 2014. — Vyp. № 11-1 (41). — S. 60-65.
18. Kovaleva A. K. Metaforicheskaya reprezentatsiya politicheskogo konflikta na Ukraine v vystupleniyakh Yulii Timoshenko // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 27.11.2015) Ekaterinburg, 2015. — S. 129-134.
19. Kropotukhina P. V. Metafory i "kontrmetafory" sanktsionnogo diskursa / P. V. Kropotukhina, V. V. Tikhonov // Politicheskaya lingvistika. — 2015. — № 4 (54). — S. 97-100.
20. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metafologii: Monografiya / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. — 176 s.
21. De Landtsheer, Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach / Ch. De Landtsheer // Communication and Cognition. — 1991. — Vol. 24(3/4). — P. 299—342.
22. Halverson, C. M. Lifting the Dark Threat: The Impact of Metaphor in the War Against Terror / C. M. Halverson // Journal of Undergraduate Research. — 2003. — Vol. 6. — P. 1—6.
23. Kennedy, V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy // Metaphor and Symbol. — 2000. — Vol. 15. — № 4. — P. 252—265.
24. Kuusisto, R. Framing the Wars in the Gulf and in Bosnia: The Rhetorical Definitions of the Western Power Leaders in Action / R. Kuusisto // Journal of Peace Research. — 1998. — Vol. 35. — № 5. — P. 603—620.
25. Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters / G. Lakoff. — 2001. — Режим доступа: www.frameworksinstitute.org/products/metaphoralthought.pdf.
26. Lakoff, G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf / G. Lakoff. — 1991. — Режим доступа: metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm.
27. Lakoff, G. Metaphor and War, Again / G. Lakoff. — 2003. — Режим доступа: www.alternet.org/story.html?StoryID=15414.
28. Vertessen, D. A Metaphorical Election Style: Use of Metaphor at Election Time / D. Vertessen, Ch. De Landtsheer // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / ed. by T. Carver, J. Pikalo. — London : Routledge, 2008. — P. 271—285.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

С. А. Зуева
Москва, Россия

**ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ГАЗЕТЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ГАЗЕТ «ТАЙМС» И «ГАРДИАН»)**

АННОТАЦИЯ. Цель исследования, в рамках которого подготовлена настоящая публикация, — описать организацию политического словаря в газете. Актуальность исследования обусловлена тематической спецификой печатных СМИ: газеты остаются важнейшей средой, где циркулируют политические тексты — не только отражения политических событий, но часто и инструменты политики. Исследовательский подход определяется исходным корпусом текстов и преимущественно опирается на количественные процедуры. Эмпирической основой исследования послужили подборки газеты «Таймс» за 1995 г. и «Гардиан» (2000, 2005, 2010, 2013, 2015 гг.). Для каждого из годовых комплектов был составлен частотный словарь и сформирован политический подкорпус, состоящий из рубрик, непосредственно относящихся к политике, учитывались и функциональные пометы при именах авторов. Выводится формула определения ключевых слов газетного дискурса определенного периода. Наиболее устойчивые единицы из политического словаря газеты (частотные во всех годовых подборках) относятся к ядру политического словаря газеты. Семантически и грамматически от группы ключевых слов, которые составляют ядро политического словаря, не отличаются слова, встретившиеся в четырех и пяти подкорпусах, которые включаются в центр политического лексикона. Остальная часть подмножества ключевых слов относится к периферии политического языка. Приводится тематическая группировка ключевых слов политического языка газеты (связанные с правительством, идеологические абстракции, касающиеся выборов и процедуры голосования, относящиеся к социальной политике, элементы словаря экономической политики).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; политический текст; дискурс СМИ; политическая лексика; корпус текстов; ключевое слово; периферия политического словаря.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зуева Светлана Александровна, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, Институт лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет; 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6; e-mail: gzueva@gmail.com.

Во всех сферах деятельности циркулируют тексты различных типов, поэтому во многих случаях тот или иной тематический словарь ассоциируется с тем или иным типом текстов. В медицинской практике, например, появляются такие специфические документы, как истории болезни. В прецедентном праве наряду с основополагающими текстами законов важную роль играют конкретные решения судов. В технике важными документами становятся технические проекты, а с другой стороны — тексты патентов.

Газеты давно стали и до сих пор остаются важнейшей средой, где циркулируют политические тексты — не только отражения политических событий, но часто и инструменты политики. Большая протяженность таких текстов — важное преимущество газеты по сравнению с радио и телевидением, не говоря уже о новостных лентах. Можно полагать, что в разных типах текстов и сама политическая лексика будет организована по-разному. Картина, открывающаяся в серьезной газете, будет отличаться от того, что мы обнаружим в таблоиде или на телевидении. По-иному будет устроена политическая лексика в историческом сочинении.

Описать организацию политического словаря в газете — цель исследования, открывающегося настоящей публикацией. Наш подход будет определяться исходным корпусом текстов (*corpus-driven research*) и преимущественно опираться на количественные процедуры.

В качестве эмпирической основы для исследования была использована подборка

газеты «Таймс» (CD-ROM «The Times Interactive» с комплектом выпусков «Таймс» за 1995 г., выпущен «News Multimedia Ltd.») за 1995 г. (35 млн словоупотреблений) и подборки газеты «Гардиан» (для получения комплекта газет «Гардиан» за 2013 г. в формате *txt* был использован сайт *theguardian.co.uk.*) за 2000 г. (23 млн словоупотреблений), 2005 г. (40 млн словоупотреблений), 2010 г. (50 млн словоупотреблений), 2013 г. (59 млн словоупотреблений) и 2015 г. (66 млн словоупотреблений). Для каждого из годовых комплектов был составлен частотный словарь («Таймс» — 462 000 разных слов, «Гардиан-2000» — 250 000 разных слов, «Гардиан-2005» — 328 000 разных слов, «Гардиан-2010» — 357 000 разных слов, «Гардиан-2013» — 420 000 разных слов, «Гардиан-2015» — 404 000 разных слов).

В рамках дальнейшей работы для каждого года был сформирован политический подкорпус, состоящий из рубрик, непосредственно относящихся к политике (*Politics and Government, In Parliament, Political Sketch* и т. п.), учитывались и функциональные пометы при именах авторов (*Political Editor, Political Reporter, Diplomatic Editor, Diplomatic Correspondent, Defence Correspondent, Whitehall Correspondent* и т. п.). Объем политического подкорпуса газеты «Таймс» составил 3 млн словоупотреблений (8,4 % годового комплекта), в политических подкорпусах газеты «Гардиан» за 2000, 2005, 2010, 2013 и 2015 гг. содержится от 2,2 до 4,8 млн словоупотреблений (4—12 % от годового комплекта).

Существуют различные методы определения специфичной лексики для подкорпуса текстов, который входит в больший корпус текстов. Все эти способы опираются на расхождение двух величин в подкорпусе: f — наблюдаемой частоты и m — математического ожидания частоты при осуществлении нулевой гипотезы (как правило, предположения о том, что вероятности в подкорпусе не отличаются от вероятностей в большом корпусе). Мы будем пользоваться следующей формулой определения ключевых слов (специфической лексики) подкорпуса [Shaikovich 2001]¹:

$$S = \frac{f-m-1}{\sqrt{m}} \quad (1)$$

Слова со значениями $S \geq 3$ следует считать неслучайными и полезными для будущего анализа корпуса или подкорпуса текстов. Вместе с увеличением данного коэффициента убеждение в специфичности данного типа лексики для определенного подкорпуса текстов только укрепляется.

Рассмотрим пример на основе политического корпуса газеты «Таймс». Газета «Таймс» за 1995 г. содержит около 35 млн словоупорблений, а политический корпус газеты «Таймс» — приблизительно 3 млн словоупотреблений, что составляет 8,4 % от всего комплекта ($p = 0,084$). Слово TORY употребляется (наблюдаемая частота) во всем комплекте газеты «Таймс» 7929 раз: $F(\text{TORY}) = 7929$. Определим математическое ожидание по формуле (2):

$$m = F * p \quad (2)$$

В нашем случае $m = 7929 \times 0,084 = 668$. Иными словами, мы ожидаем, что слово TORY встретится 668 раз в политическом подкорпусе. Реальная частота (f) слова TORY в политическом корпусе — 5267. Применяя формулу (1), мы получаем:

$$S = \frac{(5267 - 668,8667 - 1)}{\sqrt{668,8667}} \approx 177$$

¹ Это модификация способа, основанная на распределении Пуассона. Минус 1 в числителе исключает слово, которое один раз появилось в тексте и потому не может считаться ключевым.

Слово TORY демонстрирует необычайно высокое значение коэффициента S , что позволяет с уверенностью говорить о важности данного слова для политического подкорпуса.

Рассмотрим менее очевидный пример. Для слова TABLED $F = 172$, $f = 58$, таким образом, его математическое ожидание, вычисляемое по формуле (2), составит:

$$m = F * p = 172 * 0,084 \approx 14$$

Применяя формулу (1), получаем:

$$S = \frac{(58 - 14 - 1)}{\sqrt{14}} \approx 11$$

И действительно, данное слово в значении «предлагать, выносить на обсуждение» [Шайкевич 1990] является типичным для словаря политической лексики. Например:

1. Several Tories **tabled** Commons motions calling on Tony Blair, the Labour leader, to conduct public inquiries into alleged malpractice in his party's town halls.

2. On a single currency, Mr Redwood rejected Mr Major's policy of deferring a decision until a firm proposal was **tabled**.

3. The news emerged yesterday as John Bruton, the Irish Prime Minister, **tabled** fresh proposals for breaking the deadlock over IRA weapons.

В дальнейшем значение величины S будет являться для нас основанием считать слово ключевым для подкорпуса текстов, входящих в больший корпус текстов. Список ключевых слов политического подкорпуса «Таймс» приближается к 8 тысячам разных слов, для «Гардиан» 2000, 2005, 2013 и 2015 гг. длина соответствующего списка составляет от 4,1 до 6,6 тысяч слов (меньшие значения S в «Гардиан» объясняются тем, что в этой газете доля политических текстов выше, чем в «Таймс», а значит, выше значения m , что ведет к уменьшению S . Это же объясняет и меньший объем списка ключевых слов в «Гардиан»).

В таблице представлены ключевые слова, которые входят в верхушку списка (верхушка списка, упорядоченная по убыванию величины S , включает в себя первые 50 ключевых слов каждого подкорпуса текстов) всех подкорпусов текстов с их значениями S .

Таблица

Слово	«Таймс»	«Гардиан» 2000	«Гардиан» 2005	«Гардиан» 2010	«Гардиан» 2013	«Гардиан» 2015
Blair	S=161	S=136	S=206	S=124	S=93	S=127
cabinet	S=106	S=81	S=82	S=136	S=98	S=117
commons	S=91	S=88	S=87	S=90	S=83	S=128
conservative	S=83	S=81	S=113	S=129	S=115	S=167
election	S=128	S=116	S=154	S=201	S=140	S=250
government	S=141	S=93	S=107	S=125	S=81	S=130
Labor	S=207	S=214	S=234	S=320	S=262	S=513
leader	S=111	S=83	S=108	S=149	S=105	S=232
minister	S=139	S=99	S=122	S=139	S=143	S=147
MPs	S=145	S=106	S=132	S=158	S=130	S=173
party	S=186	S=156	S=191	S=255	S=252	S=412
political	S=113	S=92	S=116	S=114	S=122	S=127
prime	S=111	S=93	S=115	S=133	S=143	S=137

Окончание таблицы

Слово	«Таймс»	«Гардиан» 2000	«Гардиан» 2005	«Гардиан» 2010	«Гардиан» 2013	«Гардиан» 2015
secretary	S=77	S=60	S=90	S=124	S=110	S=127
Tories	S=134	S=118	S=146	S=185	S=170	S=222
Tory	S=177	S=128	S=164	S=189	S=184	S=207
vote	S=96	S=75	S=122	S=108	S=106	S=190

Ясно, что для построения политического словаря газеты, наряду с отдельными ключевыми словами, в политический словарь должны быть включены и словосочетания. Среди ключевых слов мы встречаем *prime*, *tony*, *house* и пр. С определенной долей уверенности можно полагать, что *prime* является частью коллокации *Prime Minister*, *house* относится к *White House*, *State House*, *Chatham House*, а *Tony* — частью антропонима *Tony Blair*. Очевидно, что все подобные бинарные сочетания являются семантически целостными единицами. Применяя формулу (1), можно определить степень устойчивости бинарных сочетаний в политическом корпусе. Рассчитаем значение *S* для выражения PRIME MINISTER из политического корпуса «Гардиан». Политический корпус газеты «Гардиан» за 2010 г. составляет 3 046 189 словоупотреблений. Частота выражения (*f*) PRIME MINISTER в политическом корпусе — 3221, частота слова PRIME (*f*₁) — 3387, и частота слова MINISTER (*f*₂) — 7093. Рассчитаем вероятность (*p*₁) появления слова PRIME в политическом корпусе:

$$p_1 = 3387 \div 3046189 \approx 0,001111$$

Рассчитаем математическое ожидание появления выражения PRIME MINISTER в политическом словаре газеты:

$$m = F_2 * p_1 = 7093 * 0,001111 \approx 7,88$$

Применяя формулу (1), мы получаем:

$$S = \frac{(3221 - 7,88 - 1)}{\sqrt{7,88}} \approx 1144$$

Вероятности отдельных слов малы, математические ожидания сочетаний слов ничтожно малы, поэтому значения *S* сильно увеличиваются. Для удобства анализа бинарных сочетаний мы логарифмируем получившиеся значения *S*:

$$\ln(S) = 7,04$$

Таблица содержит слова, которые ожидаемо являются единицами политического словаря газеты, но среди ключевых слов встречаются нетипичные, на первый взгляд, для политики слова, например: *bedroom*, *windfall*, *downing*, то, используя описанный выше метод, мы можем легко определить, частью каких выражений являются подобные слова: *bedroom tax*, *windfall tax* и *Downing Street*. *Bedroom tax*, или «налог на спальню», был введен 1 апреля 2013 г. с целью обеспечить более эффективное использование социального жилья, после того, как был проведен расчет минимального необходимого

количества спальных комнат в зависимости от числа членов семьи, пола и возраста детей. *Windfall tax* (налог на сверхприбыль, буквально налог на «доходы, принесенные ветром») — дополнительный налог на прибыль, взимаемый в случае увеличения прибыли в результате непредвиденного благоприятного стечения обстоятельств.

В ключевые бинарные коллокации включены, например, географические названия (*Buenos Aires*, *Hong Kong*, *Los Angeles*, *Northern Ireland*), коллокации (*White House*, *army officer*, *Interior Ministry*, *middle class*, *shuttle diplomacy*, *Foreign Office*, *civil servant*, *Defence Secretary*, *Defence Minister*), антропонимы (*Helmut Kohl*, *Nicholas Watt*).

Среди ключевых бинарных коллокаций также встречаются такие сочетания: *house of*, *deputy prime*, *senior political*, *ministry of*, *shadow foreign*. Можно предположить, частью каких значений являются эти бинарные сочетания, но лучше обратиться к частотному словарю тернарных сочетаний, чтобы дополнить выражения наиболее используемыми недостающими продолжениями. Для этой цели были составлены частотные словари тернарных сочетаний политических корпусов исследуемых газет. Полученные трехсловные фразы также являются устойчивыми сочетаниями и должны рассматриваться как целостные единицы: *House of Representatives*, *House of Parliament*, *House of Lords*, *House of Commons*, *Mayor of London*, *Secretary of State*, *Bank of England*, *Department of Trade*, *Ministry of Defence*, *Ministry of Justice*, *Chief of Staff*, *Winter of Discontent* («Зима недовольства» — зима 1978—1979 гг., когда происходили множественные забастовки профсоюзов государственного сектора в ответ на политику Лейбористской партии, которая ограничила рост заработных плат (установила предел роста), чтобы контролировать инфляцию. Всеобщее недовольство заставило правительство провести всеобщие выборы, на которых победила Консервативная партия во главе с М. Тэтчер).

Не вызывает сомнений, что частоты слов подвержены изменениям, что, в свою очередь, влияет на то, какие слова становятся ключевыми. Разнообразные экстралингвистические факторы: политические, экономические, социальные преобразования страны и мира — находят свое отражение в языке и

вливают на стабильность политического словаря газеты. Само появление ключевых слов может сигнализировать об изменениях на политической арене: например, в «Таймс» события, связанные с Тони Блэром, лидером Лейбористской партии Великобритании в 1995 г., с его партией, а также с правящей партией тори, являются важной темой, можно отметить также, что острыми являются темы, описывающие ситуацию в России (ключевые слова: *Russia, Yeltsin*). В то же время в 2013 г. лидируют ключевые слова, связанные с премьер-министром Великобритании и его консервативной партией (*Conservative, Tory, Cameron*). Очевидно, что некоторые ключевые слова двух газет совпадут и будут иметь разные значения S, в зависимости от степени актуальности той или иной тематики. Таким образом, политический словарь представляет собой размытое множество, в котором, согласно нашей гипотезе, мы сможем провести примерную границу между сравнительно компактным центром и обширной периферией, зачастую ведущей к другим тематическим сферам. В связи с этим наша основная задача — попытаться сформировать устойчивый центр политического словаря газеты относительно определенного периода времени. Для того чтобы определить, относится ли слово к центру или периферии, найдем пересечение множеств ключевых слов всех газет. Так, если слово стабильно является ключевым для каждого из исследуемых годов, будем считать, что его появление не является результатом случайного новостного всплеска. Данное пересечение станет прообразом центра политического словаря газеты.

Логическое пересечение шести списков насчитывает порядка 700 слов (867 словоформ), например: *address, abandon, backbench, crossbench, commitment, condemn, delegate, deputy, frontbench, independence, interview, keynote, meeting, member, minority, outcome, poll, pollster, press, principle, priority, proposal, propose, radical, referendum, resign*.

Все полученные ключевые слова могут быть сведены в тематические группы, что позволяет лучше раскрыть тематические и стилистические особенности центра политического словаря газеты.

Большинство ключевых слов связано с правительством: *government, Whitehall, minister, chancellor, statesman, council, councillor*; парламентом: *Westminster, backbench, frontbench, crossbench, Commons, Lords, cabinet, lobby, backbencher, frontbencher, parliament, parliamentarian, parliamentary, MP, benches, chamber*; парламентскими процедурами: *amend, amendment, all-party, cross-party, ta-*

bled (выносить на обсуждение), *Hansard* (официальный отчет о заседаниях британского парламента); партийным аппаратом: *grassroots* (рядовые члены партии, организации), *party, Tory, Labour, liberal, lib, lib-lab, dem*. Ряд ключевых слов описывает важную функцию парламента — формирование бюджета: *fiscal, budget, tax, taxation, taxpayer, cut*.

Важнейшей частью политического словаря газеты являются идеологические абстракции: *socialism, Toryism, liberalism, conservatism, Thatcherism, radicalism*, а также базовые политические понятия: *constitutional, democracy, national, mandate, populist, democrat, democratic, populism, conservative*.

Особое значение имеет тема выборов, процедуры голосования: *elect, electioneering, elections, electoral, electorate, poll, pollster, referendum, vote, voter, unelectable, unelected, pre-election, ballot, abstain, abstaining, canvassing, constituency, constituent, campaign, candidate, election, by-election, first-past-the-post* (отдающий победу кандидату, набравшему простое большинство голосов), *turnout*.

Выделяется тема социальной политики: *immigration, families, house, housing, job, unemployed, employment, health, education, housing, benefit, families, NHS (National Health Service), welfare, earner*.

Политический словарь газеты не может обойтись без некоторых элементов словаря экономической политики: *economic, economically, economy, billion, trade*.

Функция передачи, распространения информации является основной для языка газеты и важной для языка политики. Различные заметки, репортажи, отчеты, интервью выводят глаголы говорения в ранг ключевых для политического словаря газеты. К ключевым словам относятся глаголы говорения: *ask, answer, declare, announce, say, talk, speak, reply, respond, question, tell*. Такие слова являются элементом техники политического дискурса и помогают понять специфику языка газеты. Следующие примеры проиллюстрируют данное положение:

1. *As a result, he **says** he will not renew the UN mandate, which expires at the end of the month.*

2. *"We will have a real people-power revolution!" Mr Letwin **declared**.*

3. *Clegg used his speech to **respond** to critics of plans to make it harder for MPs to force out the government if it were defeated on a vote of confidence.*

К вышеперечисленным глаголам примыкают другие глаголы для выражения согласия и несогласия, передачи утверждения, возражения, которые используются для описания аргументации, спора, диспута и пр.:

admit, agree, argue, debate, promise, discuss, suggest, assert, insist. В целом в словаре газеты находит отражение противоборствующая природа политического дискурса, т. е. наличие конфликта интересов, состязания, соперников, победителей, побежденных и, что очень важно именно для политики, поиск компромисса, возможность уступки, прослеживается тема поддержки и критики: *accept, accuse, accusation, criticise, criticisms, support, supporter, oppose, opposition, fail, compromise, concessions, alliance, coalition.*

Несмотря на то что герои на политической сцене периодически сменяют друг друга, вопреки ожиданиям, при пересечении множеств ключевых слов мы все-таки встречаем большое количество совпавших имен собственных. Некоторые имена попадают в данную группу как знаковые для истории: *Thatcher* (и производные *Thatcherism, Thatcherite*), *Churchill, Reagan*, — другие являются именами опытных политических деятелей, которые годами не покидают новостные ленты: *Tony Blair* (Тони Блэр — бывший лидер Лейбористской партии Великобритании, 73-й премьер-министр Великобритании (с 1997 по 2007 г.)), *Gordon Brown* (Гордон Браун — британский политик, лейборист, 74-й премьер-министр Великобритании, с 2007 по 2010 г.), *David Miliband* (Дэвид Милибэнд — британский государственный деятель; с 2001 г. член палаты общин от графства Тайн и Уир; с 2007 по 2010 г. министр иностранных дел Соединенного Королевства в правительстве Гордона Брауна. Один из лидеров Лейбористской партии), *Ed Miliband* (Эдвард Милибэнд — британский политик, министр по делам энергетики и изменения климата в 2008—2010 гг., с 2010 по 2015 г. — лидер Лейбористской партии и парламентской оппозиции), *Norman Lamont* (Норман Ламонт — британский государственный деятель. Канцлер казначейства в 1990—1993 гг. С 1972 по 1997 г. представлял партию консерваторов в палате общин. В 1998 г. стал членом палаты лордов. Работал на различных постах в кабинете Маргарет Тэтчер, в 1990—1993 гг. был министром финансов в правительстве Джона Мейджора), *Nicholas Watt* (старший политический корреспондент газеты «Гардиан»).

Другая важная особенность политического языка — проекция в будущее (служебные слово **will**, **would** являются ключевыми). Ключевое слово **would** используется чаще всего для выражения будущего при цитировании. Таким образом, условные предложения, предполагающие вариативность результата в зависимости от выбранного решения, также являются одним из элементов политической речи (**whether, if**). Чаще всего в политическом дискурсе используются условные предложения нулевого, первого и смешанного типа. В этом проявляется стремление политиков говорить о том, что напрямую влияет на аудиторию здесь и сейчас, а в том случае, если они используют условные предложения, говоря о будущем, такие предложения чаще всего обретают форму обещаний или анализа последствий текущих действий [Adnan 2014: 131]. Естественно, размышление о будущем, прогнозирование последствий того или иного действия, а также цитирование являются типичными чертами политической речи в целом и газетного жанра в частности, ср.:

1. *There are many reasons why I would be disappointed if the government does scrap standardised packaging.*

2. *Then, whether the Tories or Labour win, any British government would be in a stronger position to negotiate.*

3. *The Serbs would probably take to the mountains in a guerrilla war if necessary, if their leaders accept any peace deal.*

4. *Asked whether he would press charges against the publisher and LBC presenter, Holmes said "it is up to the police to do their job."*

5. *The UK believes the biggest problems with this approach are the risk of arms falling into the wrong hands and the question of whether such a move would be legal.*

Введенное требование, чтобы слово являлось ключевым в каждом из исследуемых годов, позволило рассмотреть, какие слова из политического словаря газеты оказываются наиболее устойчивыми. Как видно, строгому условию соответствует небольшая группа слов — назовем ее **ядром** политического словаря газеты. Количественное соотношение остальных групп показано на рисунке.

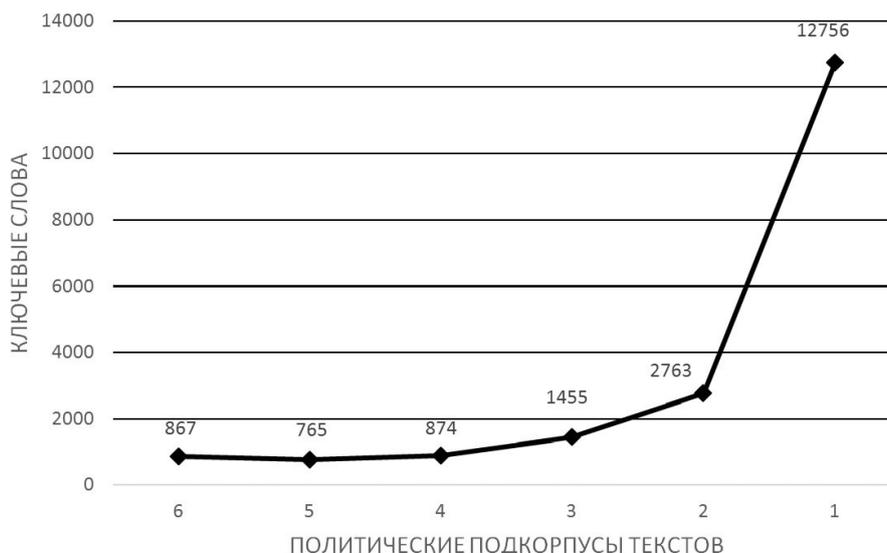

Рис.

Семантически и грамматически от группы ключевых слов, которые составляют ядро политического словаря, не отличаются слова, встретившиеся в четырех и пяти подкорпусах: *abide, aftermath, UKIP (United Kingdom Independence Party), Ulster* (разг. Ольстер, Северная Ирландия), *working-class, impropriety, incompetence, humanitarian, holocaust, highlight, election-winning, eliminate, embargo, emollient, federalism, feuding, free-market, heckle, internationalism, Islamist, Labour-supporting, lobbyist, low-paid, opt-out, absurd, acknowledge, admit, define, disarmament, frontrunner, integrationist, one-member, Unionist* (юнионист — сторонник того, чтобы Северная Ирландия оставалась в составе Соединенного Королевства), *unacceptable*. В эту группу попадает и Тереза Мэй (лидер Консервативной партии с 11 июля 2016 г. Занимала пост министра по делам женщин и равноправия и министра внутренних дел. Член палаты общин), которая является действующим, 76-м премьер-министром Соединенного королевства. Рассмотренные примеры позволяют говорить о том, что данные ключевые слова также относятся к центру политического словаря газеты:

1. *The latest police investigation into Labour and political funding will centre on why Peter Hain failed to **abide** by the key principle of the law governing political donations: transparency.*

2. *Like all successful leaders, Tony Blair's skill has been to build and sustain **election-winning** coalitions.*

3. *When interviewing Howard Dean, then the Democratic presidential **frontrunner**, Russert asks how many active-duty troops are in the US military.*

Ясно, что **центр** политического словаря с математической точки зрения представля-

ет собой размытое подмножество, где можно выделить **ядро**. Оставшуюся часть множества ключевых слов назовем **периферией** политического словаря газеты.

Только 2,7 тыс. ключевых слов являются общими для двух подкорпусов текстов, и 1,4 тыс. — для трех: *volunteer, uk-china, uk-eu, lawful, government-in-waiting, fruitcakes* (*fruitcake* (разг.) — псих, человек, который ведет себя очень странно, ср.: *Yet the Tories and the rest have learned that, the cranks apart, Ukip supporters cannot be written off any longer, as the prime minister once famously did, as a bunch of "fruitcakes, loonies and closet racists"*), *foolish, fightback, possibility, politicos* (*politico* (разг.) — политикан; политический деятель, ср.: *You occasionally hear politicos saying they don't pay attention to polls*), *photocall, nationalised, nationals, labour-lib, labour-led, lab-lib, Kurdish, justification, jeopardise, Islam, high-speed*.

Более 12 тыс. слов, что составляет 66 % от общего числа ключевых слов, являются ключевыми только для одного подкорпуса текстов. В данную группу включены названия стран, имена, сложносоставные слова (*anti-business, anti-capitalist, anti-catholic, anti-coalition, anti-common, self-employed, self-employment, self-evident, self-hating, self-important, self-interested, self-justification, self-preservation*), а также ключевые слов неопределенной тематической направленности: *reunite, inhabitants, induction, consciously, publicise, soviet-style, trans-national, well-aligned, well-armed, well-funded, well-governed*. Встречаются и неожиданные имена собственные, например, *Bambi*, которое используется для описания неуверенности, неопытности, наивности:

1. *Mr Blair has been Labour leader for less than a year but his record already refutes the fresh-faced, innocent "Bambi" Blair of Tory tabloid wishful thinking.*

2. *Last week, George Osborne was Bambi in Beijing — wide-eyed and innocent to the threats of the Chinese forest in which he was so ignorantly wandering.*

Проведенный анализ показал, что критерий появления ключевого слова во всех шести подкорпусах является необоснованно жестким, так как ключевые слова, которые встречаются в пяти или четырех подкорпусах, также представляют большой интерес и могут обогатить итоговый словарь политического корпуса.

Если обратиться к периферии политического словаря, чтобы разобраться в причинах появления единичных ключевых слов, или ключевых слов с периодическим появлением в подкорпусах, то можно заметить, что тематические всплески выводят отдельные слова в статус ключевых по отдельному подкорпусу. Проанализируем события 1995 г., чтобы понять, как они отразились на периферии политического словаря газеты. Рассмотрим некоторые примеры значительных новостных событий, описанных в газете «Таймс», которые дополнили список ключевых слов, встретившихся только в 1 из подкорпусов.

Республиканцы завоевали большинство в сенате конгресса США: *Republican-controlled, Republican-dominated.*

1995 год был богат на военные конфликты различного характера, что сильно расширило военную ключевую лексику политического корпуса газеты «Таймс»: *war-fighting, war-related, war-weariness, weaponry, kill, killed, killing, paratroop, paratrooper, paratroopers, paratroops, troop-carrying, troop-contributing, airforce, air-launched, airbase, airpower, guerrilla.*

Происходит теракт в Оклахома-Сити, террорист *Томоти Маквей* был обвинен и приговорен к смертной казни: *Oklahoma, bomb-making, bombardment, bomber, sentenced, McVeigh.*

Заключено временное соглашение между Организацией освобождения Палестины и Израилем: *anti-Arab, Arab, Arab-American, Israeli-PLO, Israeli-Syrian.*

Многие ключевые слова тематически привязаны к географической области военного конфликта. Продолжается Курдская гражданская война в Ираке между Демократической партией Курдистана и Патриотическим союзом Курдистана. Также в 1995 г. опубликованы данные о поставке Велико-

британией оружия в Ирак. Все эти события обеспечивают мощный всплеск соответствующей ключевой лексики: *Kurd, Iran-contra, Iran-Iraq, Iranian-backed, Iranian-style, Arms-to-Iran.*

Продолжается Первая чеченская война, а также гражданская война в Афганистане: *Chechen, Chechen-held, Chechenia, Chechnya.*

Война в Боснии завершается. 14 декабря 1995 г. был подписан мирный договор между Сербией, Хорватией и Боснией и Герцеговиной: *Dayton, Bosnia-Herzegovina, Bosnia-wide, Bosniak, Bosnian, Bosnian-Croat, Sarajevans, Sarajevo, Sarajevo's, Croat, Croat-held, Croat-Muslim, Croat-Serb, Croatia, Croatia's, Croatian, Croatians, Croats, Srpska, Herzegovina, Yugoslav, Yugoslavia.*

Итак, из представленных примеров видно, что, если информационный повод достаточно значимый, продолжительный по времени и его освещение в новостных лентах проходит активно (это касается, например, периодических сводок с мест военных действий), тогда слова, определяющие тему новости, будут обязательно маркированы как ключевые. Такие информационные волны особенно актуальны для нестабильного языка политики.

Начиная работу, мы надеялись, что сможем определить центр политического словаря газеты исключительно математическими методами. Во многом эти надежды оправдались. Как и предполагалось, в множестве ключевых слов политического подкорпуса можно выделить компактный устойчивый центр и обширную периферию.

Введенное требование, чтобы слово являлось ключевым в каждом из исследуемых годов, позволило рассмотреть, какие слова из политического словаря газеты наиболее устойчивы в употреблении. Строгому условию соответствует небольшая группа ключевых слов — **ядро** политического словаря газеты. Семантически и грамматически от группы ключевых слов, которые составляют ядро политического словаря, не отличаются слова, встретившиеся в четырех и пяти подкорпусах. Таким образом, **центр** политического словаря газеты представляет собой размытое подмножество, внутри которого можно выделить **ядро**, к которому примыкает группа ключевых слов, употребляемых в четырех и пяти годовых подкорпусах (1,6 тыс. ключевых слов). Остальную часть множества ключевых слов назовем **периферией** политического словаря (16 тыс. ключевых слов). Описанные в статье критерии определения центра политического словаря газеты кажутся эффективными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шайкевич А. Я., Андрищенко В. М., Ребецкая Н. А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850—1870-х гг. Т. 1. — М.: ЯСК, 2013.
2. Шайкевич А. Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976.
3. Шайкевич А. Я. Количественные методы // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
4. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004. 325 с
5. Adnan B. Conditionals in political texts. Doctoral dissertation / Josip Juraj Strossmayer Univ. Faculty of Humanities and Social Sciences. — Osijek, Croatia, 2014
6. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. — Cambridge Univ. Pr., 2008.
7. Gries S.Th. Dispersions and adjusted frequencies in corpora // International Journal of Corpus Linguistics. 2008. № 13, 4. P. 403—437.
8. Historical Events in 1995. URL: <http://www.historyorb.com/events/date/1995>.
9. Historical Events in 2013. URL: <http://www.historyorb.com/events/date/2013>.
10. Kilgarriff A. Simple maths for keywords / Lexical Computing Ltd. — Liverpool, July 2009.
11. Kilgarriff A. Language is never ever ever random // Corpus Linguistics and Linguistic Theory. 2005. № 1 (2). P. 263—276.
12. Kilgarriff A. Putting frequencies in the dictionary // International Journ. of Lexicography. 1997. № 10 (2). P. 135—155.
13. Leech G., Rayson P., Wilson A. Word Frequencies in Written and Spoken English: based on the British National Corpus. — London: Longman, 2001.
14. Shaikevich A. Contrastive and comparable corpora: quantitative aspects // International Journ. of Corpus Linguistics. 2001. Vol. 6 (2). P. 229—255.
15. The Guardian and Observer online archive. URL: <http://pqasb.pqarchiver.com/guardian/advancedsearch.html>.
16. The Times archive <http://www.thetimes.co.uk/tto/archive>.

S. A. Zueva
Moscow, Russia

THE CENTRE AND THE PERIPHERY OF THE POLITICAL VOCABULARY OF A NEWSPAPER
(BASED ON THE BRITISH NEWSPAPERS “THE TIMES” AND “THE GUARDIAN”)

ABSTRACT. *The purpose of this research is to describe the political vocabulary of a newspaper. The topicality of the research is determined by the specificity of the print mass media: the newspapers remain the most important environment where political texts circulate, which are not only the reflection of political events but the tools of politics as well. The scientific approach applied in this research is determined by the corpus of texts and is based primarily on the quantitative procedures. The newspapers “The Times” published in 1995 and “The Guardian” (2000, 2005, 2010, 2013, 2015) are the empirical basis of the research. The frequency vocabulary and the political sub-corpus were made, which contained the headings connected with politics, functional marks of the authors’ names were taken into account as well. The formula of determining the keywords of the newspaper discourse of the certain period is offered. The most stable units of the political vocabulary of a newspaper (frequent in all the newspapers) refer to the nucleus of the political vocabulary of a newspaper. The words used in four or five sub-corpora, included in the centre of political lexicon, do not differ semantically or grammatically from the keywords from the nucleus of the political vocabulary. The rest of the keywords refer to the periphery of the political vocabulary of a newspaper. The keywords of the political vocabulary of a newspaper are divided into several groups (connected with the government, ideological abstracts, connected with the elections and votes, concerned with the social politics, elements of the economic policy).*

KEYWORDS: *political discourse; political text; mass media discourse; political vocabulary, text corpus; keyword; periphery of the political vocabulary.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zueva Svetlana Alexandrovna, Competitor for Scientific Degree of Candidate of Philology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Shaykevich A. Ya., Andryushchenko V. M., Rebetskaya N. A. Distributivno-statisticheskiy analiz yazyka russkoy prozy 1850—1870-kh gg. T. 1. M.: YaSK, 2013
2. Shaykevich A. Ya. Distributivno-statisticheskiy analiz v semantike // Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy. M., 1976.
3. Shaykevich A. Ya. Kolichestvennye metody // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M., 1990.
4. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.: Gnozis. 2004. 325 s
5. Adnan B. Conditionals in political texts. Doctoral dissertation. Josip Juraj Strossmayer University. Faculty of Humanities and Social Sciences. Osijek, Croatia, 2014
6. Cambridge Advanced Learner's Dictionary, Cambridge University Press, 2008
7. Gries S.Th. (2008) Dispersions and adjusted frequencies in corpora // International Journal of Corpus Linguistics 13, 4. P. 403—437.
8. Historical Events in 1995 <http://www.historyorb.com/events/date/1995>
9. Historical Events in 2013 <http://www.historyorb.com/events/date/2013>
10. Kilgarriff A. Simple maths for keywords. Lexical Computing Ltd. Liverpool, July 2009
11. Kilgarriff, A. 2005. Language is never ever ever random. Corpus Linguistics and Linguistic Theory 1 (2): 263-276.
12. Kilgarriff A. (1997) Putting frequencies in the dictionary // International Journal of Lexicography, 10(2). P. 135—155.
13. Leech G., Rayson P., Wilson A. Word Frequencies in Written and Spoken English: based on the British National Corpus. Longman, London, 2001
14. Shaikevich A. Contrastive and comparable corpora: quantitative aspects, International Journal of Corpus Linguistics, vol. 6(2), 2001, p. 229—255.
15. The Guardian and Observer online archive <http://pqasb.pqarchiver.com/guardian/advancedsearch.html>.
16. The Times archive <http://www.thetimes.co.uk/tto/archive>

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

И. А. Зюбина, А. А. Иванова, Н. А. Кумпан
Ростов-на-Дону, Россия

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО ПАРЛАМЕНТСКОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ. *Междисциплинарность сегодня — это одна из актуальных тенденций развития научного знания. Не претендуя на всеобъемлющий характер и отмену сложившейся дисциплинарной специализации науки, она занимает важнейшую нишу — заполнение свободного пространства, объективно существующего между научными дисциплинами. И данная статья отражает исследовательский интерес к современному парламентскому дискурсу Великобритании и Европарламента именно как к объекту междисциплинарного изучения. Помимо теоретической лингвистики с исследованием дискурса связаны различные науки и исследовательские направления. Каждая из этих дисциплин подходит к изучению дискурса по-своему, однако некоторые из них оказали существенное влияние на лингвистический дискурсивный анализ, особенно анализ проблем, связанных с речевым манипулированием. Актуальность темы определяется значимостью политической коммуникации для современного общества. Материалом исследования явились выступления в дебатах британского парламента и в Европарламенте на актуальную тему выхода Великобритании из Европейского союза. Цель исследования — показать взаимосвязь парламентского дискурса и целого ряда наук. Первой задачей исследования является выделение наиболее часто встречающихся и наиболее очевидных приемов манипуляции. Ими оказались следующие четыре приема: «принцип первоочередности», «лидер мнений», «эмоциональное заражение» и «очевидцы событий». Вторая задача работы — анализ актуализации модели «Золотое кольцо» в парламентском дискурсе в речи президента Европарламента Мартина Шульца и выявление способов воздействия с помощью данной модели. Анализ политического дискурса показал, что все перечисленные способы манипуляции тесно связаны с рядом наук, таких как лингвистика, психология, политология и физиология человека.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парламент; дискурс; речевое воздействие; тактика; манипуляция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Зюбина Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344072, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, к. 415; e-mail: irinazyubina@gmail.com.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Иванова Анастасия Андреевна, студентка 3 курса Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344072, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33; e-mail: nastassia.ivanova@mail.ru.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Кумпан Наталья Александровна, студентка 3 курса Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344072, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33; e-mail: kumpannatali@yandex.ru.*

Современный парламентский дискурс является объектом междисциплинарного изучения. Под термином «дискурс» в настоящее время ученые понимают сам язык в его «многомерном пространстве», «погруженный в жизнь» как контекст или ситуацию общения; язык, который организован соответственно структурам, присущим высказываниям в разных сферах социальной жизни [Кубрякова 2005; Караулов 1989; Серю 1999; Филлипс, Йоргенсен 2004].

Понятие «дискурс» широко используется в современной лингвистике. Различные подходы к изучению дискурса предлагаются в работах В. З. Демьянкова, В. И. Карасика, М. Л. Макарова, Ю. С. Степанова, В. Е. Чернявской [Демьянков 2005; Карасик 2004; Кубрякова 2000; Макаров 2003; Степанов 1995; Чернявская 2001]. Г. Н. Манаенко суммирует различные понимания термина «дискурс» и определяет его как «общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов» [Манаенко 2003: 37].

Человек всегда стремился и стремится произвести определенное впечатление на

партнеров по общению, в этом состоит суть важнейшей коммуникативной функции — функции взаимного воздействия участников коммуникации. Вместе с тем в любом моменте общения человек невольно сообщает о себе значимую информацию. Это касается важнейших статусных характеристик личности — принадлежность к данной либо иной лингвокультуре, гендер, возраст, образовательный ценз, групповая идентичность, а также ситуативных характеристик — степень взволнованности, серьезности, искренности и т. д. [Карасик 2007: 356].

Помимо теоретической лингвистики, с исследованием дискурса связаны различные науки и исследовательские направления. Каждая из этих дисциплин подходит к изучению дискурса по-своему, однако некоторые из них оказали существенное влияние на лингвистический дискурсивный анализ, особенно анализ проблем, связанных с речевым манипулированием.

Цель нашего исследования — выявить средства манипуляции в политическом дискурсе и проследить их использование во взаимосвязи не только с политологией, но и с психологией, а затем и с физиологией человека.

Статья написана при поддержке РГНФ: конкурс № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент)».

© Зюбина И. А., Иванова А. А., Кумпан Н. А., 2016

Первым материалом исследования явились выступления во время дебатов британского парламента на актуальную тему выхода Великобритании из Европейского союза (ЕС). В английском парламенте велись жаркие диспуты по поводу референдума о пребывании Великобритании в ЕС. Мнения членов парламента разделились: одни выступали за выход Великобритании из ЕС, пытались сохранить суверенитет своей страны, другие были категорически против этой идеи и утверждали, что решение покинуть ЕС может оказаться губительным для экономики и других сфер жизни страны.

Рассмотрим речи членов британского парламента на предмет использования ими средств манипуляции массами, взяв за основу классификацию С. А. Зелинского [Зелинский 2008]. Но сначала поясним, что же понимается под термином «манипуляция». Е. И. Доценко предлагает ряд определений для данного понятия, но наиболее известное звучит следующим образом: «Манипуляция — это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желанием» [Доценко 1997]. Необходимость же в манипуляции появляется в тех случаях, когда невозможно открытое давление, поскольку оно отталкивает слушателя тем, что навязывает ему решение. Свобода, в том числе свобода принятия решения, — одна из основных человеческих ценностей, поэтому задача манипулятора состоит в том, чтобы у слушающего создалось впечатление, что решение принял он сам, добровольно [Зюбина 2013: 173].

Материал исследования показал, что наиболее часто используемый прием — это **принцип первоочередности**. Суть данного метода заключена исключительно в специфике нашей психики, которая устроена таким образом, что нам свойственно принимать на веру информацию, поступившую в обработку нашим сознанием первой. Приведем примеры:

1. Lord Lawson of Blaby (Con): *My Lords, in well over 40 years as a Member of one House or another of this Parliament of ours, I have never before known such a blatant campaigning document—not least one that is so economical with the truth—masquerade as a Government White Paper* [Daily Hansard 2016]. / *Милорды, за более чем 40 лет в качестве члена той или иной палаты нашего Парламента я никогда раньше не слышал о таком вопиющем агитационном документе — по крайней мере, о документе, в котором экономят на правде — о таком маскараде, как*

Белая книга (здесь и далее перевод авторов статьи).

2. Lord Hain (Lab): *My Lords, contrary to the protestations of the noble Lord, Lord Lawson, Britain has benefited from lower prices, more jobs, more trade and more investment by trading with the rest of the 27 European Union countries with whom we form the biggest, richest market in the world, amounting to more than 500 million people* [Daily Hansard 2016]. / *Милорды, вопреки возражениям лорда Лоусона Британия извлекла выгоду из снижения цен, увеличения количества рабочих мест, повышения уровня торговли и инвестиций, торгуя с остальными 27 странами Европейского союза, в единстве с которыми мы образуем самый большой и богатый рынок в мире, составляющий более чем 500 миллионов человек.*

Для наглядности мы взяли два отрывка из речей членов британского парламента, которые выражают абсолютно разные позиции. В обоих случаях мы видим, что ораторы сразу представляют слушателю свое мнение о данной проблеме, дают оценку ситуации.

В первом примере мы наблюдаем употребление негативных коннотаций (*blatant campaigning document*), метафор (*masquerade*). Но здесь задействованы не только лингвистические средства. В этом же отрывке, на наш взгляд, прослеживается скрытое использование такого приема, как **«лидер мнений»**, который позволяет манипулировать массовым сознанием, исходя из распространенного убеждения между манипуляторами, что при совершении каких-либо действий подражательного характера индивиды ориентируются на так называемых лидеров мнений. В качестве лидеров мнений могут выступать различные фигуры, ставшие культовыми или достаточно авторитетными для определенной категории населения.

В качестве лидера мнений может выступать и сам говорящий:

3. *...in well over 40 years as a Member of one House or another of this Parliament* [Daily Hansard 2016]. / *...за более чем 40 лет в качестве члена той или иной палаты нашего парламента.*

В примере 3 лорд Лосан (Lord Lawson) обращает внимание на значимость своей персоны, на свой сорокалетний стаж в качестве члена парламента. К тому же здесь происходит и своего рода самопрезентация.

Если мы снова обратимся к речи лорда Хейна (Lord Hain), то он также использует прием «лидер мнений» в следующей фразе:

4. *Our membership has been a considerable economic success, according to a new paper, The Growth Effects of EU Membership for the*

UK: A Review of the Evidence, by respected economic historian Professor Nick Crafts of Warwick University, in which he says: "Membership has raised UK income levels appreciably and by much more than 1970s proponents of EU entry predicted ... Joining the EU raised the level of real GDP per person in the UK compared with the alternative of staying in EFTA" [Daily Hansard 2016]. / Наше членство было значительным экономическим успехом, по данным новой работы „Рост влияния членства Великобритании в ЕС: обзор доказательств“, в которой уважаемый профессор истории экономики Ник Крафтс из Уорикского университета говорит: „Членство Великобритании заметно подняло уровень доходов и гораздо больше, чем предсказывали сторонники ЕС в 1970-х годах. Вступление в ЕС повысило уровень реального ВВП на душу населения, если сравнить с альтернативой остаться в ЕАСТ“.

В качестве лидера мнений лорд Хейн упоминает «уважаемого» профессора-историка Ника Крафтса, который, в свою очередь, высказывается в поддержку пребывания Великобритании в ЕС.

Речь баронессы Янг (Baroness Young of Old Scone) примечательна тем, что оратор, в отличие от других выступающая, стремится уйти от предыдущих тем, пытаясь затронуть совершенно иную проблему — проблему экологии:

5. These are the environmental reasons why remaining in the EU is fundamental. If you care about clean water and air, safe beaches, thriving wildlife and an effective approach to climate change—if you care about human health as a result of a chemicals—you can only support remaining in the EU [Daily Hansard 2016]. / Основополагающими причинами нахождения Великобритании в ЕС являются экологические. Если Вы заботитесь о чистой воде и воздухе, о безопасных пляжах, о дикой природе и эффективном подходе к изменению климата, если вы заботитесь о человеческом здоровье как о результате химических продуктов, вы можете просто поддержать членство в ЕС.

Необходимо также заметить, что агитация данного члена парламента наиболее экспрессивна и очевидна. На наш взгляд, в речи данного участника дебатов можно наблюдать некое давление и эмоциональное заряжение. Она затрагивает первостепенные проблемы, которые, несомненно, волнуют каждого: загрязнение окружающей среды и дикой природы, забота о здоровье всего человечества.

Но при этом она сводит все к тому, что только членство в ЕС способно предотвра-

тить экологические катаклизмы. В данном случае используется прием «**эмоциональное заряжение**». Это манипулятивное воздействие, которое направленно на чувства, т. е. уже на то, что находится больше в ведении подсознания. В данном случае после «зарядки» нужной информации необходимыми эмоциями (эмоциональной составляющей получаемой информации) становится возможным преодолеть барьер разума и вызвать в индивиде взрыв страстей, заставив его переживать по поводу какого-то момента из услышанного.

Этот же прием «эмоционального заряжения» использует лорд Ли (Lord Lee of Trafford):

6. Today we face a range of global problems — tragically, so many refugees, terrorism, human trafficking, drugs and third-world poverty. It is manifestly obvious that these are best tackled internationally and in co-operation with others. To pull up the drawbridge, to retreat behind national walls, swathing ourselves in the union jack and droning on about sovereignty, would be a disaster for this country and for Europe. In short, we would be taking the “Great” out of Great Britain [Daily Hansard 2016]. / Сегодня перед нами стоит целый ряд глобальных проблем: наплыв беженцев, терроризм, торговля людьми, наркотики, нищета стран третьего мира. Совершенно очевидно, что лучше решать эти проблемы на международном уровне и в сотрудничестве с другими. Поднять мост, укрыться за государственными стенами, обернуться в британский флаг и болтать о суверенитете — это было бы бедствием для этой страны и Европы в целом. Вкратце, мы бы убрали „Велико-“ из Великобритании.

Он также выступает в поддержку членства Великобритании в Европейском союзе. И чтобы эмоционально зарядить свою речь, он перечисляет масштабные проблемы (терроризм, проблема беженцев, наркотики и т. д.), с которыми Европа и Великобритания не смогут справиться, будучи врозь. И здесь психологические приемы в речи политика переплетаются с использованием стилистических средств (например, эпитетов, метафор), что еще раз подтверждает положение о том, что современный политический дискурс — это объект междисциплинарного изучения.

Также в речах членов британского парламента наблюдается использование приема «**очевидцы событий**». Это довольно распространенная манипуляция, применяемая с целью воздействия на аудиторию в нужных манипуляторам целях, когда якобы находятся очевидцы событий, которые с необходимой искренностью сообщают информацию, забла-

современно переданную им манипуляторами, выдавая ее за свою собственную:

7. Lord Foulkes of Cumnock: *We have heard Norway mentioned. On Monday, I had the pleasure of being at a seminar with a Member of the Norwegian Parliament, who urged me against trying to follow them because, as others have said, Norway has to take the decisions of the European Union without the power to change them* [Daily Hansard 2016]. / Мы уже слышали о Норвегии. В понедельник я имел удовольствие присутствовать на семинаре с членом Норвежского парламента, который настоятельно советовал не следовать по тому же пути, потому что, как говорили другие, Норвегия вынуждена принимать решения Европейского союза без возможности повлиять на них.

В данной речи в качестве очевидца событий выступает член Норвежского парламента, который советует сделать выбор в пользу суверенитета Великобритании, исходя из опыта своей страны, которая пребывает в составе ЕС. Он утверждает, что Норвегия не имеет права выбора и полностью зависима от Европейского союза. И представитель палаты лордов дает понять, что он не хочет для своей страны подобной участи, и агитирует за ее выход из ЕС.

Итак, в речи членов британского парламента выделяются четыре наиболее часто встречающихся и наиболее очевидных приема манипуляции: «принцип первоочередности», «лидер мнений», «эмоциональное заряджение» и «очевидцы событий». Анализ политического дискурса показал, что все перечисленные способы манипуляции тесно связаны с рядом наук, таких как лингвистика, психология, политология и других.

Поэтому повторимся, что в современной науке анализ парламентского дискурса представляет собой междисциплинарное направление исследований, связанное с лингвистикой, семиотикой, риторикой, психологией, политологией, социологией и даже физиологией человека.

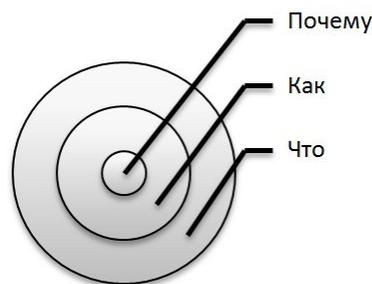
Особенно важен междисциплинарный подход при исследовании манипулятивной составляющей парламентского дискурса. Отличительными чертами манипуляции считается отсутствие учета интересов адресатов и доминирование. Парламент — вершина политической коммуникации, так как ведет к принятию окончательного вердикта, закона. Однако для соблюдения видимости демократии необходимо, чтобы народ разделял эту когнитивную программу. Поэтому, помимо эксплицитных аргументов и приводимых фактов, парламентские политики

прибегают к имплицитным стратегиям воздействия [Зюбина 2014: 162].

Здесь следует отметить, что, сравнивая вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и западноевропейской коммуникативных культурах, не следует забывать, что для европейской культуры не характерен речевой акт призыва, поскольку здесь не распространена ситуация модификации поведения большой группы людей, как и речевой акт замечания в ситуации коррекции человека, поскольку это может расцениваться как нарушение суверенитета личности.

Поэтому для действенного воздействия на массы лидеру не стоит ограничиваться только фактами и перечнем способов решения той или иной проблемы. Как он достигнет до тех, кто готов принять его идею еще до момента понимания, и как убедить тех, кто еще не понял? Здесь уже нужен другой подход. И в этой связи мы хотели бы проанализировать использование манипулятивной модели «Золотое кольцо». В задачи работы входит анализ актуализации данной модели в парламентском дискурсе в речи президента Европарламента Мартина Шульца и выявление способов воздействия с помощью данной модели.

По мнению автора данной модели Саймона Сенеки [Sinek 2016], следует воспроизводить информацию определенным способом. Этот мотивационный оратор предлагает модель «Золотое кольцо», которую можно изобразить следующим образом:

Объясняя, почему некоторые организаторы и лидеры способны вдохновлять, а другие — нет, исследователь поясняет, что существует несколько категорий людей. Это люди, которые:

- 1) знают, что они делают,
- 2) знают, как они делают,
- 3) знают, зачем они делают.

Причем под третьим пунктом понимается не результат (прибыль, голоса на выборах и т. п.), а причина, т. е. почему нужно поступать именно так, во что верит этот человек. Подавляющее большинство людей движется от периферии внутрь, т. е. сначала опи-

сывается «что/кто?» (например: «Я представитель партии Х. Я хочу улучшить качество образования»), затем «как?» («Необходимо ввести государственные экзамены по иностранному языку и литературе»), и в заключении (правда, не всегда) идет речь о том, для чего это делается. По мнению Сенеки, было бы гораздо продуктивнее, если бы речь начиналась с целей и причин. Например: «Я верю, что нужно улучшить качество образования, и мы можем это сделать! Несомненно, оно стало ниже, чем в последние несколько лет. Особое снижение наблюдается в грамотности. Люди перестают читать. Поэтому необходимо ввести экзамен, способствующий развитию данной области. Не менее важным считаю, тот факт, что отношения с зарубежными странами становятся все более тесными, а английский язык становится связующим звеном. Любой специалист должен знать не менее одного иностранного языка, поэтому необходимо готовить учеников к серьезной работе».

Объясняется принцип «Золотое кольцо» биологическими причинами. Поэтому было бы нелишним объяснить, что происходит с точки зрения физиологии. Если посмотреть на пересечение мозга человека в проекции сверху вниз, то вы заметите, что человеческий мозг разделен на три компонента, как и в данной модели. Новые области коры головного мозга ответственны за язык, рациональное и аналитическое мышление (уровень «что»). Лимбический мозг состоит из двух средних частей, которые отвечают за наши чувства. Иначе говоря, когда коммуникация происходит извне внутрь, человек способен запомнить большое количество информации: цифры, даты и т. д., но эта речь никак не повлияет на действия, на поведение. Прямо противоположна ситуация, когда процесс коммуникации происходит изнутри наружу, зарождаются интуитивные решения. То есть основная задача — объяснить *зачем*: зачем вы так поступаете, во что вы верите.

Эта модель также предполагает закон распространения инновации. Отмечается, что 2,5 % населения — это инноваторы, 13,5 % — ранние последователи и оставшиеся 34 % — это раннее и позднее большинство и запоздалые последователи. Самое важное место занимают здесь инноваторы, т. е. те, благодаря которым движение зарождается. Именно эти люди, инноваторы и ранние последователи, чувствуют себя комфортно, принимая такие интуитивные решения, поскольку они движимы тем, во что сами верят, а не просто голыми фактами. Но чтобы они были готовы пойти за вами, необходимо объяснить, во что вы вери-

те. Послушайте современных политиков с их всеобъемлющими 12-тезисными планами. Они практически никого не вдохновляют, поскольку являются формальными лидерами, не способными вести нас за собой, хоть и могут занимать высокие посты во власти. Но люди, которые могут вести нас, в первую очередь и вдохновляют нас. Это могут быть отдельные личности или организации. Мы следуем за теми, кто нас ведет, не потому что мы должны, но потому что мы сами этого хотим. Мы следуем за ними не ради них, но ради себя самих. Именно те, кто начинают с «зачем», обладают способностью вдохновлять окружающих или находить других, кто вдохновляет их. Если внимательно послушать современных политиков и руководителей, то можно понять, почему их речь зачастую вдохновляет так мало людей. Несмотря на статус, есть не только те, кто действительно могут повести за собой, но и те, кто лишь произносят красивые речи. А желание пойти за лидером появляется только тогда, когда мы верим в одно и то же.

Рассмотрим актуализацию данной модели в парламентском дискурсе. Для исследования возьмем речи Мартина Шульца, председателя Европарламента, и составим планы его выступлений.

1. *What do we have to do now.* — Что мы вынуждены сейчас делать? (ЧТО);

2. *First, externally, we have to do more to diversify our oil and gas suppliers and act united when dealing with third parties.* — Прежде всего, во внешней политике необходимо диверсифицировать поставщиков нефти и газа и действовать едино, имея дело с третьей стороной (КАК);

3. *The European Parliament believes in the objectives of the Energy Union, but will assess very carefully the required legislative proposals and the way the Parliament will be involved in the governance of this project that touches upon the key interests of the European Union and its citizens. I understand that some of you are considering following the model of the European Semester for the governance of the Energy Union.* — Европейский парламент верит в цели Энергетического союза (Energy Union), но будет оценивать очень внимательно необходимые законодательные предложения и то, каким образом Парламент будет вовлечен в управление этим проектом, затрагивающим ключевые интересы Европейского союза и его граждан. Я понимаю, что некоторые из вас рассматривают модель европейского семестра для управления Energy Union (ЗАЧЕМ / ПОЧЕМУ) [Schulz 2015].

Говорящий описывает цели своей речи (почему/зачем), но в то же время структура

данного выступления не совсем удачная. Как объясняет мотивационный оратор Саймон Сенек, речь должна быть построена по принципу из центра наружу «Золотого кольца». Здесь же мы наблюдаем движение внутрь.

Рассмотрим еще один пример.

1. *The second track of our crisis management must be that of enhancing support for Ukraine.* — Второй наш путь регулирования кризиса должен состоять в усилении поддержки Украины (ЧТО).

2. *One area where Kyiv could do with more support is energy security.* — Одно из направлений, в котором Киев может рассчитывать на большую поддержку — это энергетическая безопасность (КАК).

3. *The European Parliament believes that our Eastern Partnership policy must live up to the challenges and therefore needs to become more focused, more effective, more differentiated, and more targeted on concrete deliverables and results.* — Европейский парламент считает, что стратегия Восточного партнерства должна осуществляться согласно этим проблемам, следовательно, должна стать более целенаправленной, более эффективной, более дифференцированной и более нацеленной на конкретные конечные результаты (ЗАЧЕМ) [Schulz 2015].

Структура схожая. Речь Мартина Шульца действительно построена так, чтобы повлиять на сознание слушающего, но в соответствии с рассмотренной теорией, возможно, было бы лучше, если бы сектор «почему/зачем» был на первом месте, и, может быть, это сделало бы речь более убедительной.

Подводя итог, можно сделать вывод, что с помощью осуществления данной модели можно сделать следующий шаг в сторону решения одной из основных проблем, волнующих многих ораторов, в том числе политиков-парламентариев, способности вдохновлять и тем самым воздействовать на слушателя. И для этого нам обязательно следует учитывать междисциплинарный характер современного парламентского дискурса.

Таким образом, выявив средства манипуляции в парламентском дискурсе, мы видим, что прослеживается их использование во взаимосвязи с методами, интересующими не только политологию, но и психологию и физиологию человека, что безусловно свидетельствует о междисциплинарности рассмотренного явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков В. З. *Текст и дискурс* как термины и как слова обывательского языка // *Язык. Личность*. Текст: сб. к 70-летию Т. М. Николаевой. — М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34—55.

2. Доценко Е. Л. *Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита*. — М.: ЧеРо, 1997. 344 с.

3. Зелинский С. А. *Манипуляции массами и психоанализ. Манипулирование массовыми психическими процессами посредством психоаналитических методик*. — СПб.: Скифия, 2008. 248 с.

4. Зюбина И. А. Отражение личных потребностей в убеждающей коммуникации (на примере Британского парламента) // *Вестн. Пятигор. гос. лингвистич. ун-та*. 2014. № 4. С. 162—164.

5. Зюбина И. А. Причины манипуляции при обвинительном выступлении в суде // *Сборники конференций НИЦ Социосфера. Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований*. — Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». 2013. № 17. С. 173—17.

6. Зюбина И. А. Стереотипное речевое поведение британских парламентариев // *Личность, речь и юридическая практика*: сб. науч. тр. междунар. науч.-метод. конф. — Ростов н/Д: ДЮИ, 2014. Вып. 17. С. 44—47.

7. Зюбина И. А. Фрагмент прагмалингвистического анализа речевого поведения парламентариев Великобритании // *Политика и политики: политический дискурс как объект лингвистического анализа: материалы VIII Конвента РАМИ*, апр. 2014 г.: науч. изд. / под ред. Д. А. Крячкова, Д. Н. Новикова. — М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2015. С. 125—131.

8. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г., Лесняк М. В. Коммуникативные стратегии манипулирования в парламентском дискурсе // *Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та*. 2015. № 4. С. 187—192.

9. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г., Лесняк М. В. Манипулятивно-смысловые усложнения синтаксиса высказывания на материале парламентских выступлений Великобритании // *Изв. ЮФУ. Филол. науки*. 2015. № 4. С. 107—114.

10. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. — М.: Гнозис, 2004. 390 с.

11. Карасик В. И. *Языковые ключи*. — Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.

12. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // *Язык. Познание. Коммуникация* / Т. А. ван Дейк. — М., 1989. С. 5—11.

13. Кубрякова Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // *Язык. Личность*. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. — М., 2005. С. 23—33.

14. Макаров М. Л. *Основы теории дискурса*. — М.: Гнозис, 2003. 280 с.

15. Серно П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализации // *Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса* / пер. с фр. и португ. — М., 1999. С. 337—383.

16. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // *Язык и наука конца 20 века*: сб. ст. — М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 35—73.

17. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. *Дискурс-анализ: теория и метод*: пер. с англ. — Харьков: Гуманитарный Центр, 2004. 336 с.

18. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // *Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса*: сб. науч. ст. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. С. 11—22.

19. Daily Hansard. UK Parliament Website. 02.03.2016. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201516/ldhansrd/text/160302-0002.htm> (date of access: 20.05.2016).

20. Sinek S. How great leaders inspire action. URL: http://www.ted.com/talks/simon_sinek_how_great_leaders_inspire_action (date of access: 15.06.2016).

21. Schulz M. Speech to the European Council By Martin Schulz President of the European Parliament 19th of March 2015. URL: http://www.europarl.europa.eu/the-president/en/press/press_release_speeches/speeches/speeches-2015/speeches-2015-marc-h/html/speech-to-the-european-council-by-martin-schulz-president-of-the-european-parliament-19th-of-march-2015;jsessionid=http://news.bbc.co.uk/2/hi/2276621.stm.id=27838E0258D238D5AEC8C0CA0D68156A (date of access: 15.06.2016).

I. A. Zyubina, A. A. Ivanova, N. A. Kumpan
Rostov-on-Don, Russia

INTERDISCIPLINARY NATURE OF MODERN PARLIAMENTARY DISCOURSE

ABSTRACT. *Interdisciplinarity today is one of the important trends in the development of scientific knowledge. Without claiming to be comprehensive and without abolition of the existing disciplinary specialization of science it occupies an important niche filling the space which objectively exists among scientific disciplines. This article reflects an interest in contemporary British and European parliamentary discourse as an object of interdisciplinary study. Apart from theoretical Linguistics different areas of science and research are associated with the study of discourse. Each of these disciplines studies discourse in its own way, but some of them have had a significant impact on the linguistic discourse analysis, especially the analysis of the problems associated with verbal manipulation. The relevance of the topic is determined by the importance of modern society political communication. The material of the research consists of the speeches in the debates of the British Parliament and the European Parliament on the current topic of the UK exit from the European Union. The purpose of the study is to show the relationship between parliamentary discourse and a number of sciences. The first objective of the study is to identify the most common and the most obvious manipulation techniques. They are the following ones: the "principle of priority", "opinion leader", "emotional charge" and "eyewitnesses of the events". The second task of the work is the analysis of the model "Golden Ring" actualization in parliamentary discourse in the speech of the European Parliament President Martin Schulz and the identification of ways of influence with the help of this model. Political discourse analysis has shown that all these methods of manipulation are closely linked with a number of sciences, such as Linguistics, Psychology, Political Science and Human Physiology.*

KEYWORDS: *parliament; discourse; verbal influence; tactics; manipulation.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zyubina Irina Anatol'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ivanova Anastasiya Andreevna, 3d Year Student of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kumpan Natal'ya Alexandrovna, 3d Year Student of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

REFERENCES

- Dem'yankov V. Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydenogo yazyka // *Yazyk. Lichnost'*. Tekst: sb. k 70-letiyu T. M. Nikolaevoy. — M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005. S. 34—55.
- Dotsenko E. L. Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. — M.: CheRo, 1997. 344 s.
- Zelinskiy S. A. Manipulyatsii massami i psikhoanaliz. Manipulirovanie massovymi psikhicheskimi protsessami posredstvom psikhoanaliticheskikh metodik. — SPb.: Skifiya, 2008. 248 s.
- Zyubina I. A. Otrazhenie lichnykh potrebnostey v ubezhdayushchey kommunikatsii (na primere Britanskogo parlamenta) // *Vestn. Pyatigor. gos. lingvistich. un-ta*. 2014. № 4. S. 162—164.
- Zyubina I. A. Prichiny manipulyatsii pri obvinitel'nom vystuplenii v sude // *Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera. Aktual'nye voprosy teorii i praktiki filologicheskikh issledovaniy*. — Praga: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». 2013. № 17. S. 173—17.
- Zyubina I. A. Stereotipnoe rechevoe povedenie britanskikh parlamentariev // *Lichnost', rech' i yuridicheskaya praktika*: sb. nauch. tr. mezhdunar. nauch.-metod. konf. — Rostov n/D: DYU, 2014. Vyp. 17. S. 44—47.
- Zyubina I. A. Fragment pragmalingvisticheskogo analiza rechevogo povedeniya parlamentariev Velikobritanii // *Politika i politiki: politicheskii diskurs kak ob'ekt lingvisticheskogo analiza*: materialy VIII Konventa RAMI, apr. 2014 g.: nauch. izd. / pod red. D. A. Kryachkova, D. N. Novikova. — M.: Izd-vo «MGIMO-Universitet», 2015. S. 125—131.
- Zyubina I. A., Matveeva G. G., Lesnyak M. V. Kommunikativnye strategii manipulirovaniya v parlamentskom diskurse // *Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta*. 2015. № 4. S. 187—192.
- Zyubina I. A., Matveeva G. G., Lesnyak M. V. Manipulyativno-smyslovye uslozneniya sintaksisa vyskazyvaniya na materiale parlamentskikh vystupleniy Velikobritanii // *Izv. YuFU. Filol. nauki*. 2015. № 4. S. 107—114.
- Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs*. — M.: Gnozis, 2004. 390 s.
- Karasik V. I. *Yazykovye klyuchi*. — Volgograd: Paradigma, 2007. 520 s.
- Karaulov Yu. N., Petrov V. V. *Ot grammatiki teksta k kognitivnoy teorii diskursa* // *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* / T. A. van Deyk. — M., 1989. S. 5—11.
- Kubryakova E. S. *O termine «diskurs» i stoyashchey za nim strukture znaniya* // *Yazyk. Lichnost'*. Tekst: sb. st. k 70-letiyu T. M. Nikolaevoy. — M., 2005. S. 23—33.
- Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa*. — M.: Gnozis, 2003. 280 s.
- Serio P. *Russkiy yazyk i analiz sovet'skogo politicheskogo diskursa: analiz nominalizatsii* // *Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa* / per. s fr. i portug. — M., 1999. S. 337—383.
- Stepanov Yu. S. *Alternativnyy mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti* // *Yazyk i nauka kontsa 20 veka*: sb. st. — M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 1995. S. 35—73.
- Fillips L., Yorgensen M. V. *Diskurs-analiz: teoriya i metod*: per. s angl. — Khar'kov: Gumanitarnyy Tsentr, 2004. 336 s.
- Chernyavskaya V. E. *Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy* // *Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa*: sb. nauch. st. — SPb.: Izd-vo SPbGUEF, 2001. S. 11—22.
- Daily Hansard. UK Parliament Website. 02.03.2016. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201516/ldhansrd/text/160302-0002.htm> (date of access: 20.05.2016).
- Sinek S. *How great leaders inspire action*. URL: http://www.ted.com/talks/simon_sinek_how_great_leaders_inspire_action (date of access: 15.06.2016).
- Schulz M. *Speech to the European Council By Martin Schulz President of the European Parliament 19th of March 2015*. URL: http://www.europarl.europa.eu/the-president/en/press/press_release_speeches/speeches/speeches-2015/speeches-2015-march/html/speech-to-the-european-council-by-martin-schulz-president-of-the-european-parliament-19th-of-march-2015.jsessionid=27838E0258D238D5AEC8C0CA0D68156A (date of access: 15.06.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

И. В. Култышева, О. С. Журавская
Нижний Тагил, Россия

**КАТЕГОРИЯ КОМИЧЕСКОГО В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВРАГА
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЫ)**

АННОТАЦИЯ. *Негативная информация о новой украинской власти, исходящая из официальных СМИ, способствует формированию в общественном сознании образа врага. В статье рассматривается то, каким образом поддержание и распространение подобного образа происходит через его репрезентации через категории комического в политической карикатуре. Образ врага является инвариантным компонентом духовной сферы общества во время любого военного конфликта. Он помогает вызывать чувство ненависти к противнику, оправдывать собственные агрессивные действия. Образ врага в немилитаризованном обществе используется главным образом в предвыборных технологиях, но в некоторых случаях миф о враге может служить для повышения уровня поддержки действующего правительства и доверия ему.*

По тематике политические карикатуры, высмеивающие киевскую власть, разделяются на следующие группы: рисунки, указывающие на сходство действий новой украинской власти с действиями нацистских лидеров, на «антинародную» деятельность политической власти в Украине, подчеркивающие формальное/мнимое перемирие на Юго-Востоке Украины, высмеивающие строительство стены на границе Украины и России, отсутствие отопление в украинских домах и прочие бытовые неудобства, возникшие из-за разрыва отношений с Россией. Политические лидеры Украины в этом жанре представлены как достаточно ограниченные, жадные и агрессивные люди, что формирует негативный образ страны в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «образ врага»; категория комического; политическая карикатура.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Култышева Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования и массовых коммуникаций; Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия (филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета в г. Нижний Тагил); 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57; e-mail: chur-irina@yandex.ru.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Журавская Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования и массовых коммуникаций; Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия (филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета в г. Нижний Тагил); 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57; e-mail: olgaprepod@mail.ru*

В связи с последними событиями на мировой политической арене в СМИ активно распространяется информация негативного характера, формирующая у людей определенный образ врага, который становится инструментом для достижения различных целей. Создание образа врага позволяет властям получить дополнительную поддержку и отвлечь население от многочисленных внутренних проблем, которые власть не может или не хочет решать. Наличие внешнего противника позволяет сплотить патриотически настроенное население вокруг власти. Образ врага, создаваемый политиками, поддерживается, тиражируется и внедряется в общественное сознание средствами массовой информации.

Нередко в репрезентации образа врага используют смеховую культуру, например, такие формы комического, как карикатура или анекдот. Такая форма репрезентации врага способствует снижению авторитета определенных политиков или политического строя в целом. Смеховая культура, являясь элементом художественно-эстетической деятельности, оказывает влияние на все сферы и уровни общественного сознания. Ее можно представить как культурный феномен, в котором выражается способность человека к комической оценке действительности.

Популярная художественная энциклопедия определяет карикатуру как «способ ху-

дожественной типизации, использование средств шаржа и гротеска для критически целенаправленного, тенденциозного преувеличения и подчеркивания отрицательных сторон жизненных явлений или лиц; сатирическое или юмористическое изображение, дающее критическую оценку каким-либо общественно-политическим и бытовым явлениям или конкретным лицам и событиям. В карикатуре, составляющей специфическую область проявления комического в изобразительном искусстве, сатира и юмор служат для критики, разоблачения, осмеяния каких-либо социальных, общественно-политических, бытовых явлений» [Популярная художественная энциклопедия].

М. Б. Ворошилова называет карикатуру своеобразным «зеркалом современности», правдиво отражающим изменения общественной и политической жизни. Большинство политических карикатур посвящены актуальным событиям в стране и мире, таким как избирательные кампании, политические реформы, коррупция, бюрократия, международные и внутренние конфликты, финансовый кризис, и отличаются критическим характером [Ворошилова 2007: 74].

А. В. Дмитриев отмечает многофункциональность карикатуры, которая, являясь формой невербального общения, служит одновременно политическим оружием и средством выражения политических требований [Дмитриев 1996: 115].

Сатирическая функция политической карикатуры заключается в ее способности создавать комический эффект посредством развенчания, разоблачения и осмеяния значимых для представителей определенной культуры общественно-политических явлений. Сатирический эффект, в частности, зависит от успешного комбинирования вербальных и паралингвистических средств. Текст подписи под карикатурой сведен к минимуму для того, чтобы воздействие было главным образом визуальным. Размещается лишь несколько слов, которые используются для доведения до сознания основной идеи, а визуальный канал является доминирующим. С одной стороны, в основу политической карикатуры ложится авторский замысел, отражающий личное мнение о текущих событиях и явлениях в политической среде, с другой — карикатура несет на себе отпечаток национального коллективного сознания, поэтому изучение политической карикатуры является ценным источником информации об общественном сознании и значимых для него оценках политических взаимодействий. Специфика политической карикатуры заключается в ее метафорической основе, когда автор в рамках единого визуального образа представляет реальное политическое лицо, собирательный образ народа, страну и оценивает их деятельность.

Карикатурист, избавляясь от относительно неважных деталей, представляет тему в простейшем виде, понятном любому читателю.

Политический шарж характеризуется многочисленным использованием разных стилистических средств: цитации, квазицитации, аллюзии, фразеологического оборота, каламбура, метафоры, иронии и антитезы. Изобразительный компонент политической карикатуры включает в себя такие стилистические приемы, как квазиаллюзия, аллюзия, синекдоха, метафора, метонимия, синекдоха, ирония, антитеза, анимализация, персонификация [Артемова 2002: 112].

В ходе исследования мы рассматривали использование категории комического в репрезентации образа политического врага на примере сообщений, представленных в русскоязычном сегменте Интернета и посвященных политической ситуации в Украине и ее новой власти.

Обострение кризиса на Украине активизировало общественность, которая эмоционально включилась в обсуждение сложившейся политической ситуации, креативная (творческая) часть общества незамедлительно откликнулась на события, представив их собственную оценку, в том числе в ироничной, юмористической и саркастической форме.

Источниками для отбора материалов стали группы в социальных сетях, специализированные развлекательные сайты, а также новостные сайты: [Каталог российской карикатуры], [Политота] (юмористический сайт с шутками политической тематики), [Карикатуры] (раздел «Карикатуры» на сайте РИА «Новости»).

В ходе исследования было собрано и проанализировано 33 карикатуры. Рассматриваемый период — 2014 г. Представленные в источниках рисунки были сведены в 5 групп в зависимости от изображаемого объекта насмешки. Такими объектами в исследуемом материале стали:

- формальное/мнимое перемирие на юго-востоке Украины — 25 %;
- строительство стены на границе Украины и России — 21 %;
- отсутствие отопления в украинских домах из-за разрыва договоров с Россией — 21 %;
- «антинародная» деятельность политической власти в Украине — 18 %;
- сходство действий новой украинской власти с действиями нацистских лидеров — 15 %.

1 группа. Объект насмешки — формальное перемирие на юго-востоке Украины.

Наиболее популярная тема политических карикатур, выявленная в ходе нашего исследования, — гражданская война на юго-востоке Украины, где идет вооруженное столкновение украинской армии и ополченцев Донецкой и Луганской народных республик.

Пётр Порошенко, прикрываясь формальным перемирием, на самом деле готовит вооруженные наступления на юго-восток страны (рис. 1). Со стороны России в народные республики летят булки хлеба, а Порошенко, размахивая окровавленной поварешкой над кастрюлей, в которой готовятся ракеты, утверждает, что агрессия идет с российской границы (рис. 2).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Кроме того, представленные карикатуры высмеивают тщетные попытки президента Украины скрыть свое участие в эскалации конфликта и поддержке боевых действий на территориях народных республик. Еще одним направлением оценки создавшейся ситуации является указание на экономическую составляющую содержания войсковых соединений и ведения боевых действий. Карикатуры указывают на утекающие в военный поход из карманов народа денежные средства, страна же представлена в образе дойной коровы, доведенной до истощения (рис. 3, 4).

Президент Украины и другие представители власти показаны как алчные злодеи, которые хотят выкачать последнее из народа. Военные действия, по мнению авторов изображения, оплачиваются средствами жителей Украины.

2 группа. Объект насмешки — строительство стены на границе Украины и России.

Объектом для насмешки в карикатурах также выступает строительство стены на границе России и Украины. Решение о по-

стройке стены украинское правительство приняло еще в начале сентября 2014 г., но из-за кризиса в экономике средств на выполнение этого проекта нет, поэтому сроки сдачи так и не были определены. Этот факт сразу же нашел отображение в карикатурах: так, можно увидеть небольшой кусок стены, над которым возвышается план проекта с перечеркнутой несколько раз датой сдачи (рис. 5). Явная аллюзия к творчеству «Pink Floyd» (культовый альбом и фильм «The Wall» — рус. «Стена») в этом изображении сопровождается приемом антитезы: герой «Pink Floyd» пытается вырваться из комплексов своего детства и разрушить стену между собой и миром, герой шаржа, взрослый человек, играющий в песочнице, — создать её. Кроме подчеркнутого несоответствия глобальности замысла и наличия средств для его осуществления, карикатура также содержит аллюзии к крылатым словам, получившим распространение в СМИ в связи с этим конфликтом: «Чемодан, вокзал, Россия». Поэтому на заднем плане рисунка изображен улетающий чемодан с флагом ДНР.

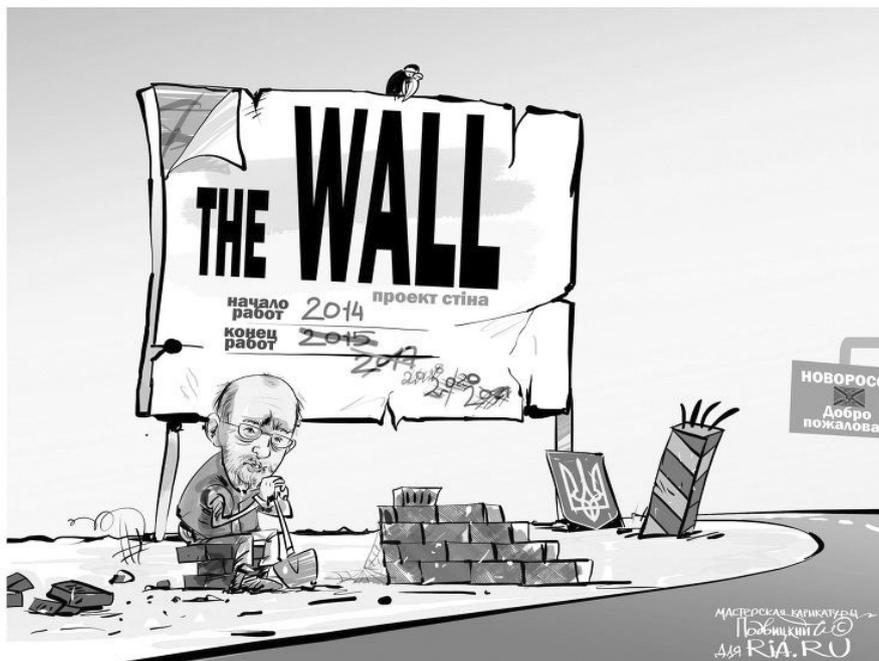

Рис. 5

Рис. 6

Есть и такие карикатуры, на которых изображена уже готовая стена, обладающая всеми атрибутами тюремной (колючая проволока, прожекторы), как на рис. 6. Юмористический эффект создается за счет переосмысления назначения стены (например, того, кого и от чего она должна охранять). Написанные с российской стороны предостережения указывают на свободу российских

«вежливых людей» и добровольное заточение украинцев.

Практически все авторы подчеркивают детскость, незрелость и необдуманность реакции на конфликт народов России и Украины, выбирая для основы изображений узнаваемых персонажей мультфильмов и аллюзию к детским играм — ср. рис. 7 (ранее была песочница, здесь — кораблик).

Рис. 7

Украинец показан как человек, строящий стену между Украиной и Крымом, в это же время представитель флота России строит мост к полуострову. Таким образом обыгрывается то, как Украина своими действиями (риторикой в СМИ и экономической блокадой) способствовала присоединению Крыма к России.

3 группа. Объект насмешки — отсутствие отопления в украинских домах.

Частым сюжетом для карикатур является изображение замерзших украинцев, в част-

ности, представителей власти. Подобные иллюстрации связаны в первую очередь с нежеланием правительства Украины вести конструктивный диалог с Россией в сфере газовой отрасли. Украинская власть отказывается выплачивать долги за уже поставленное топливо, и из-за этого российская сторона вынуждена приостанавливать подачу газа в Украину, поэтому многие жители страны в холодное время года остались без отопления и горячей воды.

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Авторы карикатур гиперболизированно демонстрируют бытовые неудобства, с которыми столкнулись жители Украины в результате непродуманной политики властей, и подчеркивают нежелание политических лидеров исправлять свои ошибки при полном осознании провальности собственных действий (рис. 8—10).

4 группа. Объект насмешки — «антинародная» деятельность политической власти в Украине.

Популярны и политические карикатуры на всю украинскую власть, бездействие или действия политических лидеров, направленные против собственного народа. Например, представители власти демонстрируются в образах Дон Кихота (борца с ветряными мельницами) и Санчо Пансы (оруженосца, который реальной смотрит на жизнь, но никогда не забывает о наживе) (рис. 11).

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Комическое в изображениях данной группы возникает в результате использования эффекта обманутого ожидания: вербальная составляющая противоречит невербальной части креализованного текста из-за расширения смысла фразеологизмов (так, для фразеологизма «зубы точит» исходным образом является волк, на карикатуре Яценюк точит резцы зайца — рис. 14; фразеологизм «не узнаете меня/кого-либо» используется для указания на серьезные перемены к лучшему, шарж же представляет пожары и разрушения, после которых, действительно, трудно узнать когда-то прекрасный город — рис. 13). Карикатуры, таким образом, подчеркивают постоянное диаметрально противоположное расхождение между словами и делами правительства при видимом сохранении буквы закона. В подобных шаржах с по-

мощью метафорических образов высмеиваются сами политики, их действия, принимаемые ими решения и созданные политические ситуации.

5 группа. Объект насмешки — сходство действий новой украинской власти с действиями нацистских лидеров.

Наименее частотной группой политических карикатур стало изображение новой украинской власти с нацистской символикой. Сравнение современных лидеров Украины с фашистами является прямой отсылкой к временам Великой Отечественной войны. На карикатурах можно увидеть свастику и так называемый «волчий крюк», *Wolfangel* — один из символов нацизма в подразделениях СС и вермахта. «Волчий крюк» в зеркальном виде изображен в реальной эмблеме полка МВД Украины «Азов».

Рис. 15

Рис. 16

На карикатуре (рис. 15) можно увидеть, как человек в форме, держа в руках флаг в цветах «Правого сектора» (организации, запрещенной в РФ. — ред.) и эмблему полка «Азов», движется вокруг памятника В. И. Ленину, разрушая территорию страны. На другом изображении призраки Гитлера и Риббентропа (рис. 16), указывая на Порошенко, саркастически замечают, что тот превзошел их в своих действиях.

Во всех карикатурах происходит осмеяние украинских политических лидеров, их решений и действий, а также последствий, к которым они привели. Политики чаще всего выглядят глупыми и алчными, неспособными выполнить свои обещания. Граждане Украины, поддерживающие новую власть, представлены как виновники кризиса, хотя и не признающие этого.

Карикатура оказывает более сильное влияние на восприятие каких-либо событий, чем анекдот: воздействие идет с помощью вербальной части (подпись) и визуальной (изображение), благодаря такому сочетанию и достигается комический эффект.

Нестабильность на мировой политической арене способствует разжиганию конфликтов между странами. Так, украинский политический кризис и попытки помочь в его устранении со стороны России были восприняты Западом как угроза миру. Введение санкций, вооруженные действия на границе России и Украины, угроза войны активно обсуждаются в официальных СМИ. Негативная информация о действиях новой украинской власти формирует в глазах жителей России образ врага, который в силу своей бедности и недалекости не может спровоцировать серьезное противостояние, но тем не менее является противником в идеологии и непредсказуемым и вероломным соседом.

ИСТОЧНИКИ

1. Каталог российской карикатуры. URL: <http://caricatura.ru>.
2. Карикатуры // РИА «Новости»: сайт. URL: <http://ria.ru/caricature/>.
3. Политота. Отборная политическая ржакка. URL: <http://www.politota.org/ru>.

ЛИТЕРАТУРА

4. Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2002. 175 с.
5. Белоусова Ю. В. Создание образа врага на страницах российских СМИ // Вестн. ВГУ. 2011. № 1. С. 112—113.

I. V. Kultysheva, O. S. Zhuravskaya
Nizhny Tagil, Russia

THE CATEGORY OF COMIC IN REPRESENTATION OF THE IMAGE OF POLITICAL OPPONENT (ON THE BASIS OF POLITICAL CARICATURE)

ABSTRACT. *Negative information from the official media of the new Ukrainian government contributes to the formation of the image of an enemy in the public consciousness. The article discusses how popularization and distribution of such images is done with the help of political caricature. The image of an enemy is an invariable component of the spiritual sphere of the society during any military conflict. It helps bring a feeling of hatred for the opponent and to justify one's own aggressive actions. The image of an enemy in a democratic society is mainly used in pre-election campaigns, but sometimes the myth of the enemy may serve to increase the level of support and confidence in the current government.*

Political caricatures ridiculing the Kiev authorities are divided into the following groups: caricatures portraying similarity of the actions of the new Ukrainian government and that of the Nazi leaders, "anti-national" activities of political power in Ukraine, formal cease-fire in the south-east of Ukraine, construction of a wall on the border between Ukraine and Russia, the lack of heating in the Ukrainian homes because of the break in relations with Russia. The political leaders of Ukraine are presented as rather narrow-minded people, which creates a negative image of the country as a whole.

KEYWORDS: «the image of an enemy»; the category of comic; political caricature.

ABOUT THE AUTHOR: Kultysheva Irina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology and Mass Communication, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy (branch of the Russian State Vocational Pedagogical University in Nizhny Tagil).

ABOUT THE AUTHOR: Zhuravskaya Olga Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology and Mass Communication, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy (branch of the Russian State Vocational Pedagogical University in Nizhny Tagil).

REFERENCES

1. Katalog rossiyskoy karikatury. URL: <http://caricatura.ru>.
2. Karikatury // RIA «Novosti»: sayt. URL: <http://ria.ru/caricature/>.
3. Politota. Otbornaya politicheskaya rzhaka. URL: <http://www.politota.org/ru>.
4. Artemova E. A. Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk. — Volgograd, 2002. 175 s.

6. Брусницин Н. А. Информационная война и безопасность. — М.: Вита-Пресс, 2001. 192 с.

7. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 73—78.

8. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 1996.

9. Дмитриев А. В. Социология юмора: очерки. — М.: РАН, 1996. 214 с.

10. Дукельский В. К истории образа врага в новой России // Вестник Европы. 2006. № 17. С. 37—38.

11. Енина Л. В., Зубова Л. В. Политические фигуры на поле комического в массмедиа: смешные и серьезные // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 77—81.

12. Ильясова С. В. Крымец Украине, или Политическое словотворчество // Политическая лингвистика. 2016. № 3. С. 27—30.

13. Популярная художественная энциклопедия. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=656486> (дата обращения: 15.05.2016).

14. Руженцева Н. Б., Шустрова Е. В., Ворошилова М. Б. Юмор и ирония в политическом дискурсе: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2015. 253 с.

15. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 42—50.

16. Сковородников А. П., Королькова Э. А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты») // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 160—172.

17. Тагильцева Ю. Р. «Брат ты мне или не брат?», или Информационно-психологическая война в контексте российско-белорусских отношений // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 180—186.

18. Шустрова Е. В. Холодное лето 2014-го: Барак Обама в американской карикатуре // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 85—95.

5. Белоусова Ю. В. Создание образа врага на страницах российских СМИ // Вестн. ВГУ. 2011. № 1. С. 112—113.

6. Brusnitsin N. A. Informatsionnaya vojna i bezopasnost'. — М.: Вита-Пресс, 2001. 192 с.

7. Voroshilova M. B. Kreolizovannyi tekst v politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2007. № 3 (23). С. 73—78.

8. Gridina T. A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo: mono-gr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 1996.

9. Dmitriev A. V. Sotsiologiya yumora: ocherki. — M. : RAN, 1996. 214 s.
10. Dukel'skiy V. K istorii obraza vraga v novoy Rossii // Vestnik Evropy. 2006. № 17. S. 37—38.
11. Enina L. V., Zubova L. V. Politicheskie figury na pole komicheskogo v massmedia: smeshnye i ser'eznye // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 77—81.
12. Il'yasova S. V. Krymets Ukraine, ili Politicheskoe slovotvorchestvo // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 3. S. 27—30.
13. Populyarnaya khudozhestvennaya entsiklopediya. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=656486> (data obrashcheniya: 15.05.2016).
14. Ruzhentseva N. B., Shustrova E. V., Voroshilova M. B. Yumor i ironiya v politicheskom diskurse : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2015. 253 s.
15. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). S. 42—50.
16. Skovorodnikov A. P., Korol'kova E. A. Rechevye taktiki i yazykovye sredstva politicheskoy informatsionno-psikhologicheskoy voyny v Rossii: etiko-pragmaticheskiy aspekt (na materiale «Novoy gazety») // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3 (53). S. 160—172.
17. Tagil'tseva Yu. R. «Brat ty mne ili ne brat?», ili Informatsionno-psikhologicheskaya voyna v kontekste rossiysko-belorusskikh otnosheniy // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 180—186.
18. Shustrova E. V. Kholodnoe leto 2014-go: Barak Obama v amerikanskoj karikature // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 85—95.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

С. А. Маник, Е. А. Косолюкина
Иваново, Россия

**ОСОБЕННОСТИ НОВОСТНОЙ СТАТЬИ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-МЕДИАДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАТЕКСТОВ ПО ТЕМЕ «ТЕРРОРИЗМ»)**

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются лингвистические особенности новостных статей, посвященных терроризму. Дается определение жанра информационной статьи на фоне других жанров распространяемых в Интернете медиатекстов: заметка призвана оперативно, кратко и выразительно сообщить о новости, поэтому она, как правило, фиксирует конкретный и самый главный факт, «безущая» (телеграфная) строчка — одна из разновидностей заметки, предоставление данных осуществляется и в форме информационного интервью, отчета, репортажа, корреспонденции. Новостная статья интегрирует черты всех этих жанров, является более широким жанром новостной, или информационной журналистики. Основным требованием к новостной статье является оперативность информации, позволяющая ориентироваться читателю в общественно-политической жизни. В работе ставится задача провести лингвистический анализ медиатекстов, в том числе структурный, предложенный Т. ван Дейком, лексико-фразеологический с использованием категории риторических стратегий и морфосинтаксический для выделения единиц, применяемых в новостных англоязычных статьях в онлайн-СМИ по теме «терроризм» за 2016 год. Особое внимание обращается на форму и методы составления современного англоязычного медиатекста, а также на риторические стратегии, применяемые авторами данных текстов. Выделены следующие особенности медиатекстов, которые отличают их от текстов других жанров: стандартная форма представления информации (наличие большого количества языковых клише); употребление эвфемизмов вместо слов, имеющих негативную коннотацию; прямое или косвенное цитирование с ссылкой на источник; изобилие различного рода лексико-фразеологических и грамматических речевых стратегий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиалингвистика; медиакскурс; медиатекст; СМИ; терроризм; риторические стратегии.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Маник Светлана Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, факультет романо-германской филологии, Ивановский государственный университет; 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39, оф. 274; e-mail: samanik76@gmail.com.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Косолюкина Елизавета Алексеевна, магистр 2 курса, кафедра английской филологии, факультета романо-германской филологии, Ивановский государственный университет; 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39, оф. 274; e-mail: elizavetakosolyukina@gmail.com.

В связи со сложившейся на данный момент на международной арене ситуацией терроризм стал одной из самых обсуждаемых в СМИ тем, так как публикации, в которых говорится о террористических актах (*terror attacks/acts, terrorist attacks*), привлекают внимание читателей и обеспечивают значительный рост рейтингов медиаиздательств и каналов.

Любая террористическая атака — это прежде всего акт насилия, всеобщая трагедия, которая сопровождается значительным количеством жертв, кровью и шокирующими деталями, создающими пугающую «картинку» новости, с одной стороны, и чудесными историями о спасении/избежании смерти и героях, проявивших себя в данных историях, а также действиях правительственных структур по обезвреживанию террориста, о поиске сообщников и иных противодействующих мерах, с другой стороны. Это, как справедливо отмечает Дж. Лакофф, повторяет классический сценарий повествования (нарратива — *narrative*): *Злодей* (Villain), *Жертва* (Victim), *Герой* (Hero) и его *помощник(и)* (Helper(s)) [Lakoff 2009: 37]. Именно это и привлекает простого читателя, воспринимающего данную ситуацию со стороны (смотрит выпуск новостей, читает газету). В его сознании манипулятивно создают необходимый образ, так что человек начинает оперировать созданным образом и реагиро-

вать на него нужным образом. Поэтому для лингвиста самый главный вопрос не в том, зачем и почему СМИ говорят и пишут о терроризме, создавая определенный пугающий и устрашающий ментальный образ, некую концептосферу «терроризма», а в том, как они это делают. В этой связи настоящая статья, посвященная рассмотрению лингвистических особенностей новостных статей по теме «терроризм», представляется актуальной.

Массмедиа играют ключевую роль в том, как будет воспринята информация о террористических актах и какой эффект произведет на своего потребителя. Для этого авторы онлайн-публикаций и сценаристы телевизионных программ прибегают к помощи различных языковых средств и стилистических приемов. Целью настоящего исследования является рассмотрение специфики современных новостных статей в сети Интернет и анализ лингвистических средств, используемых в новостных англоязычных статьях в онлайн-СМИ по теме «Терроризм» за 2016 год.

Формирование единого информационного пространства привело к появлению новых средств коммуникации. Одной из основных единиц медиапотока конца XX — начала XXI в. является «медиатекст». Медиатексты, как справедливо отмечает Л. И. Гришаева, создаются для того, чтобы привлечь внимание

читателя к обсуждаемой тематике, заинтересовать читателя предлагаемой информацией, при помощи разнообразных средств воздействовать на восприятие реципиентом сообщаемой информации, акцентировать внимание реципиента на отдельных аспектах описываемой проблемы или на трактовке события, создавать/поддерживать определенный образ единичного и/или коллективного субъекта, о котором сообщается в публикации, а также поддерживать устойчивое внимание реципиента к изданию [Гришаева 2014: 39].

Таким образом, для достижения необходимого эффекта и решения поставленной цели медиатекст должен:

- иметь специфическую текстовую модальность, характеризоваться уникальным типом речевого контакта адресанта и адресата, особым типом автора;
- представлять собой неразрывную связь вербальных и медиахарактеристик;
- обладать рядом поэтических, риторических и стилистических особенностей [Сальникова 2010: 159];
- охватывать широкую аудиторию;
- отличаться однонаправленностью процесса, безличным, анонимным общением с читателем;
- оказывать влияние на аудиторию, иметь манипулятивный характер;
- стремиться к стандартизации формы написания [McQuail's Mass Communication Theory 2010].

Стандартизация формы и метода составления современного медиатекста являются одним из наиболее актуальных вопросов. Так, имея некий эффективный в реализации план построения статьи, автор текста может довольно быстро и легко подобрать необходимый новостной материал и расположить его так, чтобы привлечь внимание читателя, а также сделать данную информацию максимально запоминающейся.

Представляется возможным обратиться к классическим жанрам в СМИ и определить место новостной статьи. Самым популярным жанром в Интернете является заметка, которая призвана оперативно, кратко и выразительно сообщить о новости, поэтому она, как правило, фиксирует конкретный и самый главный факт. Бегущая (телеграфная) строчка — это одна из разновидностей заметки. Информационное интервью, отчет, репортаж, корреспонденция также считаются традиционными жанрами массмедийных текстов, цель которых заключается в предоставлении данных, освещении событий. Поэтому жанр новостной статьи можно назвать неким обобщающим и более широким жан-

ром новостной или информационной журналистики. В качестве основного требования выдвигается оперативность информации, что обеспечивает читателю возможность ориентироваться в общественно-политической жизни.

Классический медиатекст основывается на принципе «перевернутой пирамиды», когда описывается какой-либо интригующий факт, а затем все разворачивается вокруг него. В данном ключе заголовок, с одной стороны, выполняет функцию информационного маркетинга, а с другой — позволяет оптимизировать поиск информации. Именно первый абзац призван привлечь внимание читателя, дает возможность сориентироваться в потоке новостей, т. е. служит важным элементом навигации.

Частое применение определенной модели написания новостной статьи привело к созданию нового вида лингвистического анализа медиатекстов, автором которого стал нидерландский ученый Тен ван Дейк, назвавший его структурным [van Dijk 2000]. Ученый предлагает сменить акцент анализа с терминов/слов, употребленных в данных статьях, на изучение самой сути процесса массовой коммуникации. Анализ не ограничивается лингвистическим описанием фонологических, морфологических, синтаксических или семантических структур, так как тексты характеризуются и более сложными, относящимися к более высокому уровню свойствами: отношениями связности между предложениями, общей тематической структурой, схематической организацией и различными стилистическими и риторическими параметрами [van Dijk 2000: 113].

Таким образом, предметом структурного анализа является макроструктура новостного текста. В данном контексте ван Дейком был введен особый термин *семантическая макроструктура*, который обобщает в себе топики и темы текста, а также объясняет, как газетчики собирают в одну статью большое количество текстов-источников, которые лежат в основе производства каждого газетного сообщения [van Dijk 2000].

Вместе с тем представленная ван Дейком теория макроструктур дает возможность исследовать особые характеристики заголовков и вводов, в которых автором субъективно обобщается основная часть сообщения. И наконец, выведение макроструктур в новостной статье позволяет объяснить, почему в памяти читателей удерживаются только основные топики [van Dijk 2000: 128—130].

Каждая новостная статья, как и любое сообщение, для достижения максимального эффекта воздействия должна иметь четкую

форму (*суперструктуру*), которая представляет собой набор характерных категорий и правил или стратегий, определяющих порядок следования этих категорий. Имея четкую суперструктуру как основной шаблон, журналисты стараются искать информацию, которая соответствовала бы категориям данной суперструктуры, что в значительной степени облегчает сам процесс производства текстов. Некоторые категории являются обязательными (например, категория краткого содержания), остальные — опциональными, что определяется принципом релевантности.

Таким образом, самая распространенная нарративная суперструктура новостного медиатекста, представленная ван Дейком, включает следующие категории:

- краткое содержание (заголовок и вводка; расположены в самом начале статьи; содержат самую важную информацию);
- обстановку (дает характеристику места, времени, обстоятельств и главных действующих лиц);
- направленность (общая установка на реализацию определенного результата посредством данного текста);
- осложнение (включает характеристику основных «катастрофических» событий);
- развязку (включает описание действий, предпринятых для преодоления препятствий, возникающих в результате описываемых событий);
- оценку (выражается на различных стадиях развития повествования; передает мнение рассказчика о событиях и тех чувствах, которые они вызывают);
- коду (связывает взаимозависимые события прошлого с реальным контекстом истории; осуществляется путем формулирования выводов; выражает намерения относительно будущих действий или рекомендации слушателям) [van Dijk 2000: 130—132].

Представляется возможным использовать данные категории нарративной суперструктуры для структурного анализа одной из статей («Brussels terror cell were plotting second France attack but changed target after Salah Abdeslam arrest»), написанной Рори Мулхоландом, автором новостных статей издательства «The Telegraph», которая была опубликована на официальном сайте данной компании 10 апреля 2016 г. [Mulholland 2016].

Краткое содержание

Данная категория, в соответствии с положениями теории ван Дейка, в рассматриваемом тексте представлена заголовком и вводкой.

В заголовке указаны основные действующие лица (*Brussels terror cell*), основные события (*were plotting second France attack*

but changed target), место (*second France attack*) и причина, лежавшая в основе описываемой ситуации (*after Salah Abdeslam arrest*).

Вводка дополнительно дублирует данную информацию, но с добавлением некоторых подробностей, а именно:

- более подробная информация об участниках данного события (*The Islamist terrorist gang that killed 32 people in suicide attacks in Brussels last month*), которая помогает читателю связать данные события с произошедшими ранее. Вместе с тем можно заметить, что появляется временной ориентир, который также служит для связи основных событий по данной тематике;

- новая для читателя информация, которой не было в заголовке, о месте последнего теракта, совершенного данной группировкой (*but instead targeted the Belgian capital; the airport and metro station attacks on Brussels*);

- добавление цитаты со ссылкой на источник для подтверждения вышенаписанного (*The terrorists were “surprised by the speed of the progress in the ongoing investigation” the Belgian federal prosecutor’s office said*).

Проанализировав информацию, представленную в заголовке и вводке статьи, об участниках, месте, времени, причинах и результатах, можно сделать вывод, что в категории «Краткое содержание» представлены все пункты, которые обычно являются ключевым наполнением категории «Обстановка».

Таким образом, можно утверждать, что в данном медиатексте основная цель этих двух категорий реализуется при помощи заголовка и вводки, а значит, две категории сливаются в одну. Данный ход автора статьи представляется логичным, так как при реализации двух категорий по отдельности он был бы вынужден представлять одну и ту же информацию дважды, а излишнее дублирование привело бы к потере динамики текста и интереса к данной статье у читателя.

Осложнение

Основная задача категории «Осложнение» заключается в предоставлении наиболее подробной характеристики происходящих событий. Так, в описании действующих лиц появляются имена и следом за ними события, в которых данное лицо было непосредственным участником (*the arrest on Friday of Mohamed Abrini; Abrini, a 31-year-old Belgian of Moroccan origin, left a bag packed with explosives; Belgian police arrested the key Paris attacks suspect Salah Abdeslam*).

В статье подробно рассказывается, по каким причинам каждый из названных террористов был арестован (*His fingerprints and DNA were found in a Renault Clio... as well as*

inside an apartment in Brussels), так как основная тема данной статьи — поимка террористов, причастных к терактам во Франции и Бельгии, после прорыва в расследовании по данному делу.

Именно категория «Осложнение» в основном корпусе текста позволяет автору публикации изложить все подробности и детали происходящих событий после введения читателя в курс дела. Люди, заинтересованные в получении дополнительных данных, прочтут данный отрывок полностью, те же читатели, которые предпочитают лишь краткие описания, чтобы быть в курсе событий, происходящих в мире, данный пункт пропускают и переходят к следующему параграфу.

Развязка

Развязка является описанием реального результата, к которому данные события привели. В данном случае она представлена в виде цитаты со ссылкой на источник. В ней подтверждается выведенный ранее тезис о связи успехов в расследовании дела о террористах, причастных к взрывам во Франции, которые привели к аресту некоторых из них, и последовавшем после данных арестов теракте в Бельгии.

Кода

Данная категория для некоторых читателей является наиболее важной, так как она содержит информацию о последующих событиях, а также выводы, предположения и рекомендации.

Так, после сообщения об аресте одного из террористов автор располагает интервью с отцом данного молодого человека, которое показывает, что отец ничего не знал и что он опечален происходящим, а также надеется на то, что сын ответит по справедливости. Указание именно этой информации, на наш взгляд, служит для поддержания общей **направленности** текста.

Для того чтобы представить какие-либо выводы о происходящем или предположения о будущих событиях, автор приводит большое количество ссылок на высказывания и публикации других издательств. Основной посыл данного раздела заключается в заверении читателя в следующем:

- следователи по данному делу имеют много сведений о местонахождении других участников данной террористической группировки;
- есть возможность предотвратить следующий теракт, так как доступна информация о возможной цели нападения.

В тексте статьи нет каких-либо личных авторских оценочных суждений или ссылок на иные утверждения специалистов, поэтому

можно утверждать, что автор текста таким образом избегает категории «**Оценки**», оставаясь максимально объективным. Данное явление характерно для британских изданий, особенно в случае медиатекстов, освещающих терроризм.

Общая **направленность**, или общая цель написания, данной статьи заключается в попытке убедить читателя в следующем:

- бельгийской полицией ведется активное расследование по делу теракта во Франции;
- данное расследование идет настолько хорошо и быстро, что это испугало террористов;
- в ходе рейда, который был следствием прорыва в расследовании, было арестовано несколько опасных террористов;
- террористом является не каждый человек, придерживающийся определенной ветви религии, даже родственники данных лиц опечалены происходящими событиями и не одобряют их действий;
- существует опасность еще одного теракта, но так как следователи успешны в своем расследовании, есть шанс его предотвратить, потому что уже определена возможная цель.

Проанализировав данную статью с точки зрения ее структуры, можно сделать вывод, что этот медиатекст написан согласно современным стандартам и правилам построения данного вида текстов, с опущением лишь одной категории — оценки, что также представляется типичным для изданий Великобритании. Соблюдение такого новостного шаблона удобно как для аудитории, имеющей определенные привычки и предпочтения в поиске и ознакомлении с информацией, так и для журналистов, которым удастся своевременно опубликовать актуальные статьи.

Далее представляется возможным обратиться к лексико-фразеологической составляющей новостных медиатекстов по теме «Терроризм».

Для повышения эффективности дискурса и коммуникации на лексико-фразеологическом уровне авторы онлайн-статей часто используют различного рода *риторические стратегии* (например, фигуры речи). Основная цель данных стратегий — привлечь внимание читателя к основным понятиям, способствовать приемлемым интерпретациям написанного, придать элементам статьи структурную организованность, которая облегчила бы поиск необходимого в корпусе новостного текста [van Dijk, Kientsch 1983].

Так, в своей работе, посвященной медиалингвистике, Т. Г. Добросклонская на материале анализа статей на лексико-фразеоло-

логическом уровне выделила пять основных категорий риторических стратегий (категория коннотативности — неконнотативности; категория клишированности; категория идиоматичности; категория концептуальной полноценности; категория социолингвистической обусловленности), применяемых в данном типе текстов [Добросклонская 2008]. Для каждой из категорий также были выведены определенные параметры, необходимые для проведения анализа. Такой подход представляется интересным, поэтому он лег в основу дальнейшего лексико-фразеологического анализа медиатекстов по теме «Терроризм» как позволяющий сместить акцент с терминов на полноценные словосочетания и на связь слов внутри них.

Очевидно, что для настоящего исследования особый интерес будут представлять первые три категории, так как, во-первых, предметом исследования выступают статьи, описывающие реальную ситуацию на международной арене, сложившуюся в данный момент вокруг такого явления современного мира, как терроризм. Во-вторых, объектом анализа являются особенности написания новостных текстов, т. е. языковые особенности находятся в центре внимания.

Категория коннотативности — неконнотативности

В соответствии с этой категорией все словосочетания разделяются на два типа: маркированные и немаркированные. Маркированные словосочетания реализуют функцию воздействия, немаркированные — сообщения информации. На основе данного разделения Т. Г. Добросклонская относит маркированные словосочетания к коннотативной категории, немаркированные — к неконнотативной [Добросклонская 2008].

Тема терроризма является одной из наиболее «неудобных» тем, поскольку в рамках данной темы авторам новостных статей трудно оставаться объективными и не придавать какой-либо коннотации выбранным ими словам (особенно негативной по отношению к одной из участвовавших в событиях сторон). В данном случае актуально будет рассмотреть роль эвфемизмов как слов-«смягчителей», к которым журналисты прибегают для того, чтобы избежать употребления маркированных какой-либо коннотацией единиц.

Эвфемизм, как пишет британский журналист Пол Джонсон, это «истинно человеческое средство для скрытия ужасов современной реальности» [Johnson Paul Quotes]. Таким образом, можно сказать, что эвфемизмы — это приятные для слуха и глаз слова, которые скрывают правду и поддерживают гармонию в обществе. Проанализировав не-

сколько различных толкований слова «эвфемизм», предложенных в работах зарубежных [Salman 2016; NODE 2003; Trask, Stockwell 2007] и отечественных [Арапова 1990; Кацев 1988; Кузнецов 2008; Потапова 2007] ученых, мы выявили основные характеристики слова, как правило, заменяемого эвфемизмом: «грубое», «слишком прямое», «резкое», «неудобное», «нежелательное», «табуированное, по причине традиционного неприменения или грубости, невежливости». Общий контекст, в котором обнаруживается подобное слово — это статья, в которой идет речь «о чем-то неприятном или смущающем».

Перечисленные качества в полной мере описывают терминологию «терроризма», употребления которой старательно избегают журналисты. В руководстве по написанию информационных статей для журналистов «Style Book», составленном Британской широковещательной корпорацией (англ. British Broadcasting Corporation, сокр. BBC), подробно описывается, каким образом должна быть заменена данная терминология в медиатекстах. Необходимость в создании данного руководства сами создатели объясняют так: «...журналистам необходимо писать на едином языке, для того чтобы обеспечить точность, оперативность, ясность и читаемость создаваемых ими статей» [BBC News style guide].

В данном сборнике представлены статьи, в которых указано каждое, по мнению составителей, «неудобное слово», то, по какой причине желательно его избегать, и способы его замены тем или иным эвфемизмом [BBC News style guide].

В статье на слово «terrorist» отмечено, что данное слово не является запрещенным, но его следует избегать, поскольку журналисты должны лишь сообщать о случившемся, оставаясь при этом полностью объективными и не вешая определенных ярлыков на различные группировки. Данное слово может использоваться лишь в случае неспецифического контекста или же при прямом цитировании [BBC News style guide]. В руководстве предложены следующие варианты замены: «bomber», «jihadist», «attacker», «gunman», «kidnapper», «insurgent» и «militant».

Вместе с тем журналисты по-разному используют данные рекомендации. Например, в рассматриваемой статье [Mulholland 2016] термин «terrorist» используется 8 раз, а эвфемизмы зафиксированы лишь 2 раза (*bombers; Islamists*). Как можно заметить, автор разбираемой статьи не стремится избегать слова «террорист», что можно объяснить направленностью материала: сообщить, что группа террористов (одна из уча-

ствующих в событиях сторона) была захвачена, а также рассказать о «катастрофических» ситуациях, указать на их противоправный характер и на главных виновных (*terrorist attack; terrorist gang; terrorist cell; terrorist network; terrorist group*).

Категория клишированности

Данная категория основана на «противопоставлении регулярно воспроизводимых единиц (в данном случае маркированный член) и тех словосочетаний, которые явно создаются в процессе речи (немаркированный член)» [Добросклонская 2008].

Автор рассматриваемого новостного текста прибегает к помощи речевых клише, чтобы ввести цитату со ссылкой на источник, например: *The prosecutor's statement on Sunday; Prosecutors gave no information; French intelligence last month confirmed*.

Категория идиоматичности

Основой для данной категории служит разделение словосочетаний на фразеологические единицы, которые будут являться маркированными членами, и словосочетания, в которых реализуются номинативные значения составляющих его единиц (немаркированные члены).

Основной параметр категории — «идиоматическая глобальность», т. е. невозможность выведения значения целого из значения отдельных его составляющих [Добросклонская 2008].

Идиоматичность в тексте анализируемой статьи в большинстве случаев проявляется в виде метафор, которые призваны привлечь внимание читателя. В корпусе статьи было выявлено лишь небольшое количество словосочетаний данного типа, что может свидетельствовать об их серьезной и строго информационной направленности. Так, можно выделить следующие метафоры, использованные в статье: *to rush attacks; investigation had a breakthrough; the elusive "man in hat"; the devastated departure hall; push terrorists into action; scouting for possible targets; the alleged ringleader*. Как можно заметить, ядром каждой метафоры являются важные для данного дела элементы: место, участники и их действия. Именно на эти элементы читателю стоит обратить внимание, и именно эти элементы останутся впоследствии у него в памяти, так как автор постарался выделить их на фоне основного содержания за счет приведенных метафор.

Также важным и часто употребляемым как вообще в современных медиатекстах, так и в данной статье приемом является цитирование, как прямое, так и косвенное, поскольку основной целью новостных текстов является информирование. Следовательно, в них

должно быть представлено большое количество информации о реальной обстановке в контексте описываемой ситуации. Сведения авторы текстов не придумывают, а собирают из различных источников, на которые они обязаны дать ссылку посредством прямого или косвенного цитирования, например: *The terrorists were "surprised by the speed of the progress in the ongoing investigation" the Belgian federal prosecutor's office said*.

Немаловажным приемом для текстов подобного типа являются различного рода предположения, которые заключают в себе некоторые выводы и прогнозы на будущее, необходимые читателю, чтобы иметь полное представление о происходящем. Автор анализируемого новостного текста не делает субъективных предположений, а лишь цитирует предположения, высказанные другими издательствами или политическими организациями. Они являются прогнозами на будущее и предупреждают о возможном теракте в Англии, но упоминают о высокой вероятности его предотвращения.

Грамматический анализ новостных текстов в медиадискурсе

Еще одним средством привлечения внимания читателя к наиболее важной информации в новостных текстах могут выступать различные стратегии, применяемые автором на морфосинтаксическом уровне.

На основе собственных исследований Т. ван Дейк смог выявить несколько особенностей, присущих медиатексту, на уровне синтаксиса предложения. Продолжив исследование в данном направлении, с опорой на результаты, полученные в ходе анализа новостных текстов, Т. Г. Добросклонская вывела ряд черт, характерных для стиля написания медиатекстов. На основе указанных работ мы составили более полный список морфосинтаксических особенностей медиатекстов. Найденные нами в ходе анализа медиатекстов на морфосинтаксическом уровне примеры, приведенные ниже, подтвердили правильность полученного списка.

Длинные, сложные предложения

Автор выбранного для данного исследования текста представляет информацию при помощи сложных предложений, в которых старается рассказать и об участниках, и об их действиях, и о последствиях. Подобные предложения иногда представляют собой целый абзац, например:

The investigation into the Brussels-based terrorist cell, which was directly involved in the November attacks on Paris, which killed 130 people, had a major breakthrough this week with the arrest on Friday of Mohamed Abrini.

Выдвижение важной информации на первое место в синтаксисе

Примером употребления данного приема в проанализированных статьях может служить любое предложение, в котором идет цитата, а затем ссылка на источник, так как в данном случае информационно важным может быть либо само высказывание, либо автор данного утверждения:

– *“He will be judged. If a person does something then he has to pay,” he told Europe 1 radio station.*

– *Paris prosecutor Francois Molins said that “while no specific target has been identified, nonetheless everything leads us to believe that the discovery of this cache (of weapons) has allowed us to prevent an action of extreme violence by a terrorist network.”*

Использование «понижающих» синтаксических структур

Различного рода «понижающие» синтаксические структуры, как правило, в тексте используются для затушевывания отрицательных ролей. Однако в рассмотренной статье можно наблюдать обратное явление — употребление активного залога с именами террористов на месте подлежащего, — что способствует акцентированию внимания на действиях и на людях, которые стоят за данными действиями. Например:

– *The Islamist terrorist gang that killed 32 people in suicide attacks in Brussels last month had initially planned to strike France again;*

– *Abdelhamid Abaaoud, the alleged ring-leader of the Paris attacks who was shot dead by police in a raid*

Большое количество глагольных словосочетаний

Глагольные словосочетания служат для усиления динамики текста. Данный новостной текст изобилует глагольными словосочетаниями, так как основная цель анализируемой статьи — максимально эффективно и кратко проинформировать читателя по освещаемому делу, а глагольные словосочетания во многом помогают достичь данной цели, например: *changed target; admitted to investigators; left a bag; walk away from departure hall; arrested the key suspect; pushed the terrorists into action.*

Широкая распространенность пассивных форм и конструкций, а также безличной конструкции «there is»

Спецификой темы выбранной для исследования статьи можно объяснить наличие в ней большого количества пассивных форм и конструкций, которые служат для сохранения объективности в различного рода высказыва-

ниях, что является важным фактором для статей данного типа. Приведем примеры: *which was directly involved; he has been charged; Abdeslam has also been charged; who was shot dead by police; is also thought.*

Большее количество лексических соединений или сложных слов нестойкого типа

Употребление единиц данной морфосинтаксической категории главным образом нацелено на введение различных участников или лиц, причастных к данному событию, с добавлением максимально возможных подробностей о данном лице. Соответствующие словосочетания также могут являться названием какой-либо организации или группы людей, для которых характерны названия, состоящие из нескольких номинаций. Примеры: *the Islamist terror gang; a 31-years-old Belgian; the March 22 Brussels attack; the key Paris attacks suspect.*

Ограничивающие, а не описывающие прилагательные

Прилагательные употреблялись довольно редко, так как они несут в себе ненужную информацию, при этом увеличивают количество необходимого к прочтению текста. При анализе статьи описывающих прилагательных найдено не было, лишь некоторое количество ограничивающих: *terrorist murders; devastated departure hall; terror group; specific target; possible target; terror investigation.*

Наречия на -ly

Наречия в большинстве случаев также избегаются авторами новостных текстов, так как они увеличивают объем статьи. К их помощи прибегают, когда автор хочет особенно выделить какое-либо действие, чтобы читатель обратил на определенный пункт особое внимание, а также чтобы конкретное словосочетание запомнилось после прочтения. Например: *calmly walking away; reportedly took pictures; allegedly scouting.*

Широкое употребление словосочетаний в формах continuous

Длительное время в новостных статьях используется для описания событий, происходящих непосредственно в данный период времени. Однако в тексте, выбранном для анализа, каждое из описываемых событий уже произошло и относится к прошлому времени. Тем не менее в статье несколько раз употребляется длительное прошедшее время, чтобы подчеркнуть длительность того или иного процесса: *Brussels terror cell were plotting second France attack; police were closing in on them.*

К сожалению, все, что связано с терроризмом, особенно актуально для современного общества, в связи с чем тема терроризма является сегодня одной из основных в СМИ. Информация на данную тему чаще всего негативна и малопривлекательна для аудитории, поэтому авторы медиатекстов прибегают к употреблению большого количества стратегий, чтобы сделать тексты интересными для читателя. В результате проведенного исследования были выделены следующие особенности медиатекстов, которые отличают их от текстов других жанров: стандартная форма представления информации, проявлением чего является наличие большого количества языковых клише; употребление эвфемизмов вместо слов, имеющих негативные коннотации; прямое или косвенное цитирование с ссылкой на источник; различного рода лексико-фразеологические и грамматические речевые стратегии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапова Н. С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
2. Гришаева Л. И. Парадоксы медиалингвистики. — Воронеж : НАУКА — ЮНИПРЕСС, 2014. 295 с.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. — М. : Едиториал УРСС, 2008. 203 с.
4. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия : учеб. пособие к спецкурсу. — Л. : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. 80 с.
5. Кузнецов С. А. Новейший большой толковый словарь русского языка. — СПб. ; М. : Рипол — Норинт, 2008.
6. Лукина М. М., Фомичева И. Д. СМИ в пространстве Интернета / МГУ им. М. В. Ломоносова. 2005 URL: http://evartist.narod.ru/text19/034.htm#_ftn14 (дата обращения: 19.06.2016).
7. Потапова Н. М. Особенности семантики эвфемизмов в языке делового общения // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М. : МАКС Пресс, 2007. Вып. 35.
8. Сальникова Ю. А. Социопрагматика оценки в дискурсе качественной прессы США: на материале современных информационно-аналитических газетных статей. — Хабаровск : Дальневост. гос. гуманитар. ун-т., 2010. 203 с.
9. BBC News style guide. URL: <http://www.bbc.co.uk/academy/journalism/news-style-guide> (дата обращения: 19.06.2016).
10. Johnson Paul Quotes. URL: <http://www.brainyquote.com/quotes/quotes/p/pauljohnso549966.html> (дата обращения: 19.06.2016).
11. Lakoff G. The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics. — 2009.
12. McQuail's Mass Communication Theory. URL: <http://www.gbv.de/dms/ilmenau/toc/613068874.PDF> (дата обращения: 19.06.2016).
13. Mulholland R. Brussels terror cell were plotting second France attack but changed target after Salah Abdeslam arrest // The Telegraph. 2016. 10 Apr. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/04/10/brussels-attackers-planned-fresh-attack-in-france/>.
14. The New Oxford Dictionary of English = NODE. — Oxford Univ. Pr., 2003.
15. Trask R., Stockwell R. Language and Linguistics: The key concepts. — New York : Routledge, 2007.
16. Van Dijk T. A. Language, Knowledge, Communication. URL: http://platonanet.org.ua/load/knigi_po_filosofii/kognitivn_ye_nauki/jazyk_poznanie_kommunikacija/17-1-0-1547(дата обращения: 19.06.2016).
17. Van Dijk T., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. — New York : Academic Press, 1983.

S. A. Manik, E. A. Kosolyukina
Ivanovo, Russia

PECULIARITIES OF NEWS ARTICLE IN ENGLISH INTERNET MEDIA DISCOURSE (AS EXEMPLIFIED BY MEDIA TEXTS ON TERRORISM)

ABSTRACT. *The linguistic features of the news articles devoted to terrorism are discussed. The definition of the genre of the news article is given as compared to the other genres of media texts published in the Internet: news story, which tells the news in short and expressive way, it usually focuses on the main fact; ticker tape message – one of the types of a news story, where the information is presented in the form of an information interview, news report or news story. The news article combines the features of these genres, it is a larger news genre, or the genre of news journalism. The main requirement to the news article is promptness of information provision, which helps the reader get acquainted with the social and political life. The goal of this article is to carry out linguistic analysis of media texts, including structural analysis introduced by T. van Dijk, lexico-phraseological analysis including the category of rhetoric strategies and morphemic-syntactical analysis to find out the units used in the news articles in English devoted to the topic "terrorism" published in 2016. Special attention is paid to the forms and methods of writing a modern media text in English and to the rhetorical strategies used by the authors of these texts. The following features of media texts that differentiate them from the texts of the other genres are singled out, they are: standard form of information presentation (a great number of clichés); the use of euphemisms instead of the words with negative connotation; direct or indirect quotation with reference to the source; and an abundance of different lexical and phraseological and grammatical speech strategies.*

KEYWORDS: *medialinguistics; media discourse; media text; mass media; terrorism; rhetoric strategies.*

ABOUT THE AUTHOR: *Manik Svetlana Andreevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of English Philology, Faculty of Romano-Germanic Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kosolyukina Elizaveta Alexeevna, Master's Degree Student, Department of English Philology, Faculty of Romano-Germanic Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, R.*

REFERENCES

1. Arapova N. S. Evfemizmy // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M., 1990.
2. Grishaeva L. I. Paradoxy medialingvistiki. — Voronezh : NAUKA — YUNIPRESS, 2014. 295 s.
3. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI. — M. : Editorial URSS, 2008. 203 s.
4. Katsev A. M. Yazykovoe tabu i evfemiya : ucheb. posobie k spetskursu. — L. : LGPI im. A. I. Gertsena, 1988. 80 s.
5. Kuznetsov S. A. Noveyshiyy bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — SPb. ; M. : Ripol — Norint, 2008.
6. Lukina M. M., Fomicheva I. D. SMI v prostranstve Interneta / MGU im. M. V. Lomonosova. 2005 URL: http://evartist.narod.ru/text19/034.htm#_ftn14 (data obrashcheniya: 19.06.2016).
7. Potapova N. M. Osobennosti semantiki evfemizmov v yazyke delovogo obshcheniya // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya : sb. st. / otv. red. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. — M. : MAKS Press, 2007. Vyp. 35.
8. Sal'nikova Yu. A. Sotsiopragmatika otsenki v diskurse kachestvennoy pressy SShA: na materiale sovremennykh informatsionno-analiticheskikh gazetnykh statey. — Khabarovsk : Dal'nevost. gos. gumanitar. un-t., 2010. 203 s.
9. BBC News style guide. URL: <http://www.bbc.co.uk/academy/journalism/news-style-guide> (data obrashcheniya: 19.06.2016).
10. Johnson Paul Quotes. URL: <http://www.brainyquote.com/quotes/quotes/p/pauljohnso549966.html> (data obrashcheniya: 19.06.2016).
11. Lakoff G. The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics. — 2009.
12. McQuail's Mass Communication Theory. URL: <http://www.gbv.de/dms/ilmenau/toc/613068874.PDF> (data obrashcheniya: 19.06.2016).
13. Mulholland R. Brussels terror cell were plotting second France attack but changed target after Salah Abdeslam arrest // The Telegraph. 2016. 10 Apr. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/04/10/brussels-attackers-planned-fresh-attack-in-france/>.
14. The New Oxford Dictionary of English = NODE. — Oxford Univ. Pr., 2003.
15. Trask R., Stockwell R. Language and Linguistics: The key concepts. — New York : Routledge, 2007.
16. Van Dijk T. A. Language, Knowledge, Communication. URL: http://platonanet.org.ua/load/knigi_po_filosofii/kognitivnye_nauki/jazyk_poznanie_kommunikacija/17-1-0-1547(data obrashcheniya: 19.06.2016).
17. Van Dijk T., Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. — New York : Academic Press, 1983.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Г. Г. Матвеева, И. А. Зюбина, М. В. Лесняк
Ростов-на-Дону, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЫ ПАРЛАМЕНТСКОГО ДИСКУРСА

АННОТАЦИЯ. Изучение особенностей жанровой системы парламентского дискурса относится к актуальным проблемам лингвистики, поскольку отражает социальную значимость использования языка в политических целях. Как дискурс и институты, так и жанры и институты являются взаимно конститутивными и приобретают легитимность в пределах речевого сообщества. Несмотря на свою неоднозначность, понятие «жанр» включает важную информацию о характере, масштабах и функциях парламентского дискурса. Дискурсивное взаимодействие парламентариев определяется их институциональными ролевыми обязательствами, диалогической формой институционального противостояния и осознанием действия перед и от имени многоуровневой аудитории. Например, парламентские дебаты предназначены для достижения ряда конкретных институциональных целей, а именно: утверждения позиции, убеждения, ведения переговоров, установления повестки дня, выработки мнения, как правило, по идеологической или партийной принадлежности. В статье предпринимается попытка выявить поджанры в дискурсивном поле британского и немецкого парламентов и описать их основные сходства и различия. В центр исследовательского внимания попадают разнообразные формы дискурсивного взаимодействия, разработанные для осуществления контроля парламента над правительством, такие как интерpellация, устные и письменные вопросы, время вопросов и опрос правительства. Анализ показывает, что набор поджанров, входящих в состав парламентского дискурса, не является универсальным и зависит от типа парламентского устройства. Так, поджанр «Время вопросов» отличается от дебатов тем, что политики имеют больше возможностей проявить свою речевую личность в силу спонтанности речи, при этом полемическая составляющая уравновешивается стратегиями вежливости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парламентский дискурс; бундестаг; палата общин; поджанр; депутат; правительство.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Матвеева Галина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой филологии, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33, к. 409; e-mail: gegemat2337633@rambler.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Зюбина Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344072, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, к. 415; e-mail: irinazyubina@gmail.com.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Лесняк Марина Валерьевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теории и практики немецкого языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет; 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93, к. 21; e-mail: mvlesnyak@sfsedu.ru.

Понятия «дискурс» и «жанр», хотя и являются нечеткими и спорными, играют центральную роль в изучении практики взаимодействия в таких институтах, как, например, парламент. Современные дискурсивно-аналитические подходы рассматривают дискурс как использование языка в отношении к социальным, политическим и культурным образованиям, т. е. как язык, не только отражающий социальный порядок, но и формирующий его с помощью регулирования взаимодействия индивидов с обществом [Jaworski, Coupland 1999: 3]. Это определение, безусловно, может применяться и к парламентскому дискурсу.

Как дискурс и институты, так и жанры и институты являются взаимно конститутивными и приобретают легитимность в пределах речевого сообщества. Несмотря на свою неоднозначность, понятие «жанр» включает важную информацию о характере, масштабах и функциях парламентского дискурса. С прагмалингвистической точки зрения парламентский дискурс относится к жанру политического дискурса. Как таковой он отображает определенные институционализированные дискурсивные особенности и ритуализированные стратегии взаимодействия при со-

блюдении и/или обходе ряда конкретных правил и ограничений. Дискурсивное взаимодействие парламентариев определяется их институциональными ролевыми обязательствами, диалогической формой институционального противостояния и осознанием действия перед многоуровневой аудиторией и от ее имени. Например, парламентские дебаты предназначены для достижения ряда конкретных институциональных целей, а именно: утверждения позиции, убеждения, ведения переговоров, установления повестки дня, выработки мнения, как правило, по идеологической или партийной принадлежности.

С точки зрения риторики парламентский дискурс принадлежит к совещательному жанру политической риторики и определяется как ораторский дискурс, ориентирующийся на аудиторию, которой требуется принять решение, оценив преимущества и недостатки будущего курса действий. Также присутствуют элементы, характерные для судебных и эпидейктических жанров, хотя и в меньшей степени. Это подтверждает мнение о том, что жанры, определенные Бахтиным, являются гетерогенными, т. е. неоднородными [Бахтин 1996 http]. Одна из важных

Статья написана при поддержке РФНФ: конкурс № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент)».

© Матвеева Г. Г., Зюбина И. А., Лесняк М. В., 2016

функций, выполняемая членами парламента, — это содействие в решении задач, связанных с юридическими и политическими вопросами, а также процессами принятия решений. Основным стимулом для активного участия парламентариев в дебатах является постоянная необходимость продвигать свой собственный имидж в конкурентном и ориентированном на результат институциональном взаимодействии. Дискурс членов парламента призван поставить под сомнение идеалы оппонентов, речь идет о политическом доверии и моральном профиле, при одновременном повышении своего собственного имиджа в попытке установления баланса между логической и эмоциональной составляющими.

Жанр парламентского дискурса представлен несколькими поджанрами, такими как заявления министра, выступления, дебаты, малые и большие информационные запросы (интерпелляции), устные/письменные вопросы, время вопросов и опрос правительства. Данный набор не является универсальным и может варьироваться в зависимости от типа парламентского устройства. Рассмотрим основные поджанры на примере британского и немецкого парламента. При этом подробному исследованию будут подвергнуты те поджанры, которые связаны с информационным взаимодействием между депутатами и правительством и которые были разработаны в качестве инструментов парламентского контроля (интерпелляции, устные/письменные вопросы, время вопросов и опрос правительства).

Устные **заявления министра** характерны для британского парламента и делаются в палате общин после обсуждения актуальных вопросов и перед повседневной повесткой. Их цель состоит в том, чтобы объявить новую политику или предоставить конкретную информацию о текущих или срочных политических вопросах. Министр выступает от имени правительства (поэтому такие заявления называются также правительственными заявлениями — *ministerial statement*), и он представляет на рассмотрение парламента официальные взгляды. Заявления могут быть по любому вопросу, начиная от нового объявления политики до важного национального или международного события или кризиса.

Парламентское **выступление** является традиционной формой как британского, так и немецкого политического дискурса. В палате общин все выступления адресованы председателю или вице-спикеру палаты, который выступает в качестве председателя, в бундестаге — председателю (президенту) бун-

дестага. **Вступительное слово** — это первое выступление в прениях. Парламентские выступления зачастую носят конфронтационный характер с требованием соблюдения этических норм [Косовцева 2012: 84—85]. Так как выступление заранее согласуется с руководителем/председателем фракции, то оно имеет аргументативно-аналитическую структуру [Константинова 2013: 10] и направлено на самопрезентацию и презентацию политиков.

Парламентские **дебаты** в общих чертах описываются как официальное обсуждение по конкретной теме, которое строго контролируется институциональным набором правил. Стиль дебатов в парламенте традиционно основывается на таком понятии, как «cut-and-thrust», т. е. «пикировка, оживленный спор»: требуется слушать выступления других членов парламента и спонтанно вмешиваться в высказывания противников. Поджанр парламентских дебатов является одним из наиболее изучаемых лингвистами, так как актуальные исследования европейского парламентского дискурса сосредоточены на весьма злободневных вопросах, обсуждаемых в национальных парламентах. Повторяющейся темой дебатов являются вопросы иммиграции, например, вопросы легитимации высылки нелегальных иммигрантов в испанском парламенте [Martín Rojo, van Dijk 1997; Martín Rojo 2000], или аргументация и контраргументация в итальянских парламентских дебатах (по вопросам иммиграции) [ter Wal 2000], или споры об иммиграции и национальности во французском парламенте [Vander Valk 2000b], или споры о нелегальных иммигрантах, предоставлении убежища и интеграции в голландском парламенте [Vander Valk 2002], или дебаты об условиях размещения и проживания мигрантов в немецком парламенте [Белова 2014]. Ряд актуальных исследований посвящен теме «украинского кризиса» в британском парламенте [Зюбина, Матвеева, Лесняк 2015а; Зюбина, Матвеева, Лесняк 2015б] и в немецком парламенте [Алферов, Белова, Кустова 2014; Алферов, Журавлева 2014]. Также были исследованы тесно связанные темы: отличительные черты парламентских дискурсов по национальным проблемам в шести европейских государствах [Wodak and Van Dijk 2000], региональный парламентский дискурс в Северной Ирландии по поводу использования ольстер-шотландского и ирландского языков наряду с английским в официальных процедурах [Wilson, Stapleton 2003].

Особое место в жанровой системе парламентского дискурса занимают поджанры, связанные с парламентским контролем дей-

ствующего правительства. Обратимся к **малым и большим информационным запросам**, являющимся одной из наиболее часто применяемых в бундестаге парламентских процедур, иначе называемым **интерпелляцией**. Все запросы направляются федеральному президенту Германии, который в свою очередь перенаправляет их правительству. Малые запросы подлежат исключительно письменному ответу, который также публикуется на официальном сайте парламента, в то время как большие запросы выносятся на обсуждение в парламентских дебатах, поскольку они, как правило, касаются важных и злободневных политических тем. Интерпелляцию также называют «короткие дебаты». С их помощью оппозиционная партия (или эквивалентное ей количество депутатов парламента) может вызвать дискуссию по актуальной проблеме или поставить вопрос, отражающий общественное беспокойство.

Так как ответы на вопросы становятся достоянием общественности, то цель интерпелляции состоит также в привлечении внимания к действиям правящего правительства и в выражении доверия/недоверия определенной фракции к ним (для подачи интерпелляции требуется как минимум пять процентов депутатов или фракция). Так, например, одна из оппозиционных действующему немецкому правительству фракция «левых» часто подает запросы по теме беженцев, обостряя тем самым обсуждение данной темы, подвергая сомнению линию правительства в сфере миграционной политики. Если поджанр дебатов характеризуется редуцированной спонтанностью и допускает нарушения регламента [Матвеева, Лесняк, Зюбина 2015: 163], то основное отличие интерпелляции состоит в отсутствии спонтанности речи, обусловленной более жесткой регламентированностью коммуникативных процессов в рамках данной типизированной ситуации общения.

Поджанр **устные и письменные вопросы** является общим для немецкого и британского парламента. В его рамках свое право контроля правительства могут реализовывать отдельные политические персоны. Так, в немецком парламенте каждый депутат может задать до четырех вопросов в месяц письменно. В отличие от стратегий допроса во время суда, которые предназначены для выявления конкретных ожидаемых ответов и исключения неподходящих ответов, стратегии парламентских вопросов не предназначены для выявления конкретных ответов, а, скорее, нужны для того, чтобы смутить ответчика и/или бросить ему вызов. Исчерпы-

вающий набор правил, касающихся формы, содержания и сферы охвата поджанра «устные и письменные вопросы», изложен Э. Мэйем [May 1997]. Одно из этих правил гласит, что ни вопросы, ни ответы не должны поддерживаться рассуждениями, которые могут привести к возникновению противоречий. Существуют правила, которые относятся к нормам парламентских вопросов, в то же время другие правила определяют темы, по которым можно задавать вопросы.

По мнению Франклина и Нортон [Франклин, Нортон 1993: 112], устные вопросы задают в первую очередь тогда, когда публичность является желательной для члена парламента, в то время как письменные вопросы задаются, когда основная цель состоит в том, чтобы получить информацию. Вопрос, как правило, является поводом для нападения или похвалы правительства и включает в себя информацию, которая уже известна.

Похвала может звучать и в адрес третьих лиц. Так, например, парламентарий Эндрю Стивенсон задает Терезе Мэй единственный вопрос, являющийся, скорее, просьбой поздравить британские компании, которые участвовали в аэрошоу [House of Commons Hansard. 20.07.2016]. Цели получить какую-либо новую информацию в данном случае нет:

Andrew Stephenson: *Aerospace is important not just to Pendle, however, but to the whole UK economy, so will the Prime Minister congratulate all the companies that attended the Farnborough airshow last week on the deals they signed, and does she agree that the nearly £100 billion of trade deals already done this year demonstrates that Britain is very much still open for business?*

Как видно, Тереза Мэй абсолютно согласна с предыдущим вопросом-заявлением и лишь подтверждает заслуги аэропромышленности Великобритании:

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *My hon. Friend is absolutely right that Britain is open for business, and I know what an important role the aerospace industry plays in his constituency, as he pointed out with his reference to Rolls-Royce, and in constituencies across the country. I also know of the importance of the Farnborough airshow. My hon. Friend the Member for Aldershot (Sir Gerald Howarth) was telling me last night what a great airshow it was.*

Интенцию нападения в поджанре устных вопросов проиллюстрируем на примере немецкого парламента. Так, депутат оппозиционной правительству Партии левых Ютта Крелльманн задает вопрос о цели встречи,

проведенной федеральным министром Андреа Налес совместно с парламентским статс-секретарем Габриэль Лёзекруг-Мёллер и 15 приглашенными гражданами 30 июня 2016 года [Plenarprotokolle 18/182, S. 17923]. Из развернувшейся дискуссии вполне очевидно, что парламентарии хорошо известны, и что это была за встреча, и какие дополнительные вопросы там рассматривались:

Jutta Krellmann (DIE LINKE): *Vielen Dank, Frau Staatssekretärin. — Meine Nachfrage lautet: Warum haben Sie die Betroffenen erst zwei Tage nach dem Kabinettschluss eingeladen? Im Grunde liegt doch die Vermutung nahe, dass mögliche Erkenntnisse, die Sie in dem Gespräch gewonnen haben, gar keine Berücksichtigung mehr finden konnten.*

Jutta Krellmann (DIE LINKE): *Vielen Dank. — Für mich bleibt trotzdem der Eindruck, dass das eine Art Showveranstaltung gewesen ist. Die Frage ist: Nach welchen Kriterien wurden denn die Teilnehmer dafür ausgewählt?*

Katrin Werner (DIE LINKE): *Ich möchte mich noch einmal auf den 30. Juni beziehen. Ich finde es zwar gut, wenn die Ministerin die Gespräche fortsetzt. Aber so, wie Sie es dargestellt haben, hörte es sich an, als ob das Teil eines langen Konzeptes und eines Marketingplans wäre. Das provoziert mich zu der Frage, ob Sie mir recht geben könnten, dass das Gespräch, das am 30. Juni stattfand, vielmehr die Antwort auf Demos oder Mahnwachen war, die drei Wochen lang vor dem Ministerium stattgefunden haben.*

Реплики отражают критику политической линии, проводимой в отношении людей с ограниченными возможностями, что подчеркивается следующими лексемами: *keine Berücksichtigung, eine Art Showveranstaltung, das Teil eines langen Konzeptes und eines Marketingplans*. Таким образом, вопрос был задан не с целью получения информации, а с целью скомпрометировать представителей правительства. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что основной целью данного поджанра является продвижение персонального политического имиджа, что обусловливается основным отличием данного поджанра от интерпелляции — индивидуальным адресантом.

Одной из прототипических форм парламентского дискурса в различных европейских парламентах является **«время вопросов»**: «Question Time» в британском парламенте, «Question Period» в канадском парламенте, «Frågestund» в шведском риксдаге, «Questions au Gouvernement» во французском парламенте, «Heure des questions» в бельгийском парламенте, «Fragestunde» в немецком бундестаге. Данная процедура

была введена в Европейском парламенте в 1973 г. «Время вопросов» является специфической сессией, во время которой члены парламента задают вопросы руководящим представителям правительства (премьер-министру и/или министрам) от имени своих коллег. Ответы на вопросы даются в устной форме, при этом могут быть заданы дополнительные вопросы как инициатором, так и другими присутствующими.

Рассмотрим первое для Терезы Мэй в новой должности премьер-министра Великобритании «Время вопросов» в британском парламенте от 20 июля 2016 г. [House of Commons Hansard. 20.07.2016], где участвовали 18 представителей палаты общин, из которых 17 парламентариев задали по одному вопросу, и лишь Джереми Корбин, лидер официальной оппозиции Ее Величеству и лидер Лейбористской партии, выступил шесть раз.

Отличительной чертой всех рассматриваемых вопросов является обращение к Терезе Мэй как представителю правительства в третьем лице:

Imran Hussain: *In her first statement from the steps of Downing Street, the Prime Minister stated that she would lead a Government who would work for everyone. Since she became Prime Minister, I have tried unsuccessfully to get assurances on the continuation of the northern schools strategy and the £80 million set aside for it. Will she give me that commitment today so that children in Bradford and the north can have the same chances as those in London and the south?*

Похожий процесс происходит и тогда, когда Тереза Мэй говорит о своей собственной стране:

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *This country will make a success of Brexit, because we will be out there in the world as an outward-looking, expansive country, with opportunities around the globe.*

Члены правительства несут ответственность за свои политические намерения, высказывания и действия перед другими депутатами парламента. Порядок, в котором задаются вопросы, предварительно устанавливается в результате случайного выбора. Спикер вызывает членов парламента, желающих задать вопросы:

Mr Speaker: *Finally, I call Mr Tim Farron.*

Первый вопрос об обязанностях премьер-министра всегда предсказуем. Например, так начинается заседание:

John Glen: *I warmly welcome the Prime Minister to her place. Given her unwavering commitment to delivering economic stability and national security in our United Kingdom's inter-*

est, does she welcome Monday's emphatic vote in this House for the Trident Successor programme, and will she ensure that economic stability and national security remain the guiding principles of her premiership?

В поджанре «Время вопросов» реализуется со стороны членов оппозиции агональность как имманентная характеристика парламентского дискурса. Этот поджанр даже называют «a face-threatening genre» («жанр угрозы в лицо») [Pérezde Ayala 2001: 147]. Фиксируются даже эксплицитные обвинения в адрес оппозиционной партии от лица парламентария, задающего вопрос:

Stuart Andrew: ... *Does my right hon. Friend agree that it is the Government's job to fight for such opportunities for the people of Britain, because the Labour party are too busy fighting each other?*

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *My hon. Friend puts it very well —*

и от лица премьер-министра, отвечающей на вопрос:

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *The right hon. Gentleman referred to the remarks I made. It is correct that if you are black, you will be treated more harshly in the criminal justice system. That is exactly why, as Home Secretary, I dealt with the issue of stop and search. I was concerned to make sure that nobody should be stopped and searched on the streets of this country because of the colour of their skin. I did that as a Conservative; in 13 years, Labour did nothing on it.*

Подобные примеры обнаруживаются и в стенограммах заседаний бундестага [Plenarprotokolle 18/182, S. 17915]:

Niema Movassat (DIE LINKE): ... *Deshalb frage ich Sie, ob Deutschland nur sozusagen passiver Teilnehmer war oder ob Deutschland, also die Bundesregierung, in den Gremien der EU eine treibende Kraft war und dieses Vorhaben — Entwicklungsgelder für Militärisches auszugeben — politisch unterstützt.*

Однако частое использование таких актов уравновешивается широким спектром стратегий вежливости. Например:

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *Perhaps I could put the right hon. Gentleman straight.*

Вежливая форма обращения постепенно стала традиционной. Приведем подобные примеры обращений из ответов Терезы Мэй: *I thank my hon. Friend for his kind remarks. I thank the right hon. Gentleman for the welcome he has given me. I thank the hon. Lady for her welcome.*

Стратегия вежливости, применяемая в данном поджанре, также обнаруживаются в немецком парламентском дискурсе: *Wie wür-*

den Sie das heute sehen? (Uwe Kekeritz); Darauf antworte ich gerne, Vielen Dank für die Frage, Frau Abgeordnete Werner (Gabriele Lösekrug-Möller).

Поджанр «Время вопросов» отличается спонтанностью речи, обуславливающей проявление языковой/речевой личности политика, в отличие от подготовленных выступлений, которые в основном пишутся спичрайтерами. В этой связи следует отметить, что в поджанре «Время вопросов» Терезу Мэй отличает некоторая резкость и выпячивание собственного «я». Так, в ответ на мягкое дружелюбное высказывание-воспоминание Тима Фэрона она несколько резко превозносит свои собственные достижения:

Tim Farron: *You are all very, very kind. May I, genuinely, warmly welcome the Prime Minister to her position? She has come a long way since we were on the hustings together in North West Durham, and she is no doubt reflecting on the fact that she is receiving more support in the Chamber than either of us received in Consett working men's club. ...*

The Prime Minister (Mrs Theresa May): ... *Little did the voters of North West Durham know that the two unsuccessful candidates in that election would become leaders of two of the country's political parties, although I would point out to the hon. Gentleman that my party is a little bit bigger than his.*

О личностной ориентированности, или «я»-центрированности, речевого поведения Терезы Мэй можно судить и по высокой частотности личного местоимения *I* (79 примеров), его производных *me*, *my* (11 примеров) и инклюзивного личного местоимения *we* (и его форм *us*, *our*) (71 пример):

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *I am sure that the whole House will wish to join me in welcoming today's employment figures, which show employment at another record high, the lowest unemployment rate in over a decade and wages rising. This morning I had meetings with ministerial colleagues and others, and in addition to my duties in this House I shall have further such meetings later today. This afternoon, I will travel to Berlin to meet Chancellor Merkel to discuss how we implement the decision that the British people took in the referendum, and I expect we will also cover a number of other pressing international issues. Tomorrow, I will visit Paris for similar discussions with President Hollande.*

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *I thank my hon. Friend for his kind remarks. I join him in enthusiastically welcoming the vote taken in this House on Monday evening to renew our nuclear deterrent. I think that vote showed the commitment of this House: it sho-*

wed that we have not only committed to our own national security, but considered the security of European and NATO allies. We can now get on with the essential job of renewing our nuclear deterrent. May I thank the 140 Labour Members of Parliament who put the national interest first and voted to renew the nuclear deterrent?

Об импульсивности нового премьер-министра Великобритании говорит и некоторое нарушение протокола. Так, не дожидаясь нового вопроса, после довольно резкого ответа Тереза Мэй сама переходит в нападение, инициируя последующий вопрос:

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *Finally, I say to the right hon. Gentleman that the Labour party may be about to spend several months fighting and tearing itself apart; the Conservative party will be spending those months bringing this country back together.*

Hon. Members

More!

Mr Speaker: *There will be more. I call Sir Edward Leigh.*

Об уверенности Терезы Мэй в процессе коммуникации говорит и использование эмфатического *do* и его производных:

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *I did discuss arrangements in relation to the negotiations for the United Kingdom leaving the EU with the First Minister, and I was very pleased that my first trip was a trip to Scotland and that I was able to do that so early in my premiership.*

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *She is absolutely right: extremism does take many forms.*

The Prime Minister (Mrs Theresa May): *I thank the hon. Gentleman, and I do indeed remember the conversation in which he said that I would, as he put it, "trounce the men".*

Как видно, поджанр «Время вопросов» отличается от дебатов тем, что политики имеют больше возможностей проявить свою речевую личность в силу спонтанности речи, при этом полемическая составляющая уравновешивается стратегиями вежливости.

В немецком парламенте выделяется еще один поджанр «Актуальный час», который, как правило, продолжает «Время вопросов» в том случае, если депутаты не удовлетворились ответами членов правительства. Однако «Актуальный час» может быть назначен и независимо от «Времени вопросов», чтобы выразить мнение на актуальную тему. При этом время доклада ограничено пятью минутами, количество докладчиков также строго регламентируется. Тем самым снижается уровень спонтанности и конфронтационности по сравнению с «Временем вопросов».

Наиболее компактной формой информирования членов немецкого парламента является «опрос правительства», еженедельно проходящий на пленарном заседании после кабинетного совещания правительства. Он длится около 30 минут и служит для первоначального информирования депутатов.

Таким образом, жанровая система парламентского дискурса с ее поджанровым многообразием является специфичной для конкретного парламентского устройства.

ИСТОЧНИКИ

1. Drucksache 18/9338. 18. Wahlperiode. Aktuelle asylpolitische Fragen in Bezug auf Ungarn. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/093/1809338.pdf> (date of access: 12.08.2016).
2. Drucksache 18/9302. 18. Wahlperiode. Zahlen in der Bundesrepublik Deutschland lebender Flüchtlinge zum Stand 30. Juni 2016. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/093/1809302.pdf> (date of access: 1.08.2016).
3. Drucksache 18/9324. 18. Wahlperiode. Proteste gegen und Übergriffe auf Flüchtlingsunterkünfte im zweiten Quartal 2016. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/093/1809324.pdf> (date of access: 10.08.2016).
4. House of Commons Hansard. 20.07.2016. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2016-07-20/debates/1607202500019/Engagements> (date of access: 31.07.2016).
5. Plenarprotokoll 18/182. Deutscher Bundestag. 182. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 6. Juli 2016. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18182.pdf> (date of access: 01.08.2016).

ЛИТЕРАТУРА

6. Алферов А. В., Белова В. Ф., Кустова Е. Ю. Агональность парламентской коммуникации (на материале дебатов в немецком парламенте) // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 21—26.
7. Алферов А. В., Журавлева Т. П. Аксиологические поля как отражение изотопии парламентского дискурса // Вестник ПГЛУ. 2014. № 3, ч. 1. С. 78—81.
8. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. / М. М. Бахтин. — М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159—206. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата обращения: 04.05.2016).
9. Белова В. Ф. Лингвопрагматические черты немецкого парламентского дискурса (на материале запроса-заявления партии и дебатов в Бундестаге) // Вестн. ПГЛУ. 2014. № 2. С. 63—67.
10. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г., Лесняк М. В. Коммуникативные стратегии манипулирования в парламентском дискурсе // Вестн. Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. 2015а. № 4. С. 187—192.
11. Зюбина И. А., Матвеева Г. Г., Лесняк М. В. Манипулятивно-смысловые усложнения синтаксиса высказывания на материале парламентских выступлений Великобритании // Изв. ЮФУ. Филологические науки. 2015б. № 4. С. 107—114.
12. Константинова А. С. Публичная парламентская речь в современной Германии и России: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Константинова Анна Сергеевна. — Пятигорск, 2013. 31 с.
13. Косовцева А. В. Дискурс британских парламентских дебатов, его системообразующие признаки // Lingua mobilis. 2012. № 4. С. 82—88.
14. Матвеева Г. Г., Лесняк М. В., Зюбина И. А. Парламентаризм в Германии и прагмалингвистические особенности изучения немецкой парламентской коммуникации // Вестн. ПГЛУ. 2015. № 3, ч. 1. С. 161—165.
15. Franklin M., Norton P. Parliamentary questions. — Oxford: Oxford Univ. Pr., 1993.
16. Jaworski A., Coupland N. The discourse reader. — London; New York: Routledge, 1999. 576 p.
17. Martín Rojo L. Spain, outer wall of the European fortress: Analysis of parliamentary debates on immigration policy in Spain // Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states / R. Wodak and T. Van Dijk (eds.). — Klagenfurt, Austria: Drava Verl., 2000. 391 p. (Ch. 6).

18. Martín Rojo L., van Dijk T. 'There was a problem and it was solved': Legitimizing the expulsion of illegal immigrants in Spanish Parliament // *Discourse & Society*. 1997. № 8(4). P. 523—566.

19. May T. E. *Erskine May's Treatise on The Law, Privileges, Proceedings and Usage of Parliament*. 22nd ed. / ed. by Sir D. Limon and W.R. McKay. — London : Butterworths, 1997. 496 p.

20. Wal, ter J. Italy: sicurezza e solidarietà // *Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states* / R. Wodak and T. Van Dijk (eds.). — Klagenfurt, Austria : Drava Verlag, 2000. 391 p. (Ch. 10).

21. Valk, van der J. Interruptions in French debates on immigration // *The semiotics of racism* / R. Wodak and M. Reisigl (eds.). — Vienna : Passagenverlag, 2002.

22. Valk, van der J. Parliamentary discourse on illegal immigrants, asylum and integration: The case of Holland // *Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states* / R. Wodak and T. Van Dijk (eds.). — Klagenfurt, Austria : Drava Verlag, 2000. 391 p. (Ch. 8).

23. Wilson J., Stapleton K. Nation-state, devolution and the parliamentary discourse of minority languages // *Journ. of Language and Politics*. 2003. № 2 (1). P. 5—30.

24. Wodak R., van Dijk T. Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states. — Klagenfurt, Austria : Drava Verlag, 2000. 391 p.

25. Pérez de Ayala, Soledad. FTAs and Erskine May: Conflicting needs? — *Politeness in Question Time* // *Journ. of Pragmatics*. 2001. № 33. P. 143—169.

G. G. Matveeva, I. A. Zyubina, M. V. Lesnyak
Rostov-on-Don, Russia

PECULIARITIES OF PARLIAMENTARY DISCOURSE GENRE SYSTEM

ABSTRACT. *The study of the genre system of parliamentary discourse refers to the current problems of Linguistics, as it reflects social significance of the use of language for political purposes. Like discourse and institutions, genres and institutions are mutually constitutive and acquire legitimacy within a speech community. In spite of its controversy, the notion of 'genre' can offer important insights into the nature, scope and functions of parliamentary discourse. Discursive interaction of parliamentarians is determined by their institutional role obligations, dialogical form of institutional confrontation and awareness of their actions before and on behalf of a multi-level audience. For example, parliamentary debates are focused on achieving a number of specific institutional goals, namely the approval of somebody's point of view, persuasion, negotiation, setting the agenda, developing an opinion, as a rule, for ideological or party affiliation. The article attempts to identify subgenres in the discursive field of the British and German parliaments and to describe their main similarities and differences. In the research center there are various forms of discursive interaction, developed for parliamentary control over the government, such as interpellation, oral and written questions, Question Time and questions for the government. The analysis shows that a set of subgenres making up the parliamentary discourse is not universal and depends on the type of the parliament. Thus, the subgenre "Question Time" is different from the debates by the fact that politicians have more opportunities to express their speech personality because of speech spontaneity. While polemical elements are balanced with the help of politeness strategies.*

KEYWORDS: *parliamentary discourse; the Bundestag; the House of Commons; subgenre; MP; Government.*

ABOUT THE AUTHOR: *Matveeva Galina Grigor'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of German Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zyubina Irina Anatol'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Linguistics and Professional Communication, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Lesnyak Marina Valerjevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Theory and Practice of the German Language, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.*

REFERENCES

1. Drucksache 18/9338. 18. Wahlperiode. Aktuelle asylpolitische Fragen in Bezug auf Ungarn. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/093/1809338.pdf> (date of access: 12.08. 2016).

2. Drucksache 18/9302. 18. Wahlperiode. Zahlen in der Bundesrepublik Deutschland lebender Flüchtlinge zum Stand 30. Juni 2016. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/093/1809302.pdf> (date of access: 1.08. 2016).

3. Drucksache 18/9324. 18. Wahlperiode. Proteste gegen und Übergriffe auf Flüchtlingsunterkünfte im zweiten Quartal 2016. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/093/1809324.pdf> (date of access: 10.08. 2016).

4. House of Commons Hansard. 20.07.2016. URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2016-07-20/debates/16072025000019/Engagements> (date of access: 31.07.2016).

5. Plenarprotokoll 18/182. Deutscher Bundestag. 182. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 6. Juli 2016. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18182.pdf> (date of access: 01.08. 2016).

6. Alferov A. V., Belova V. F., Kustova E. Yu. Agonal'nost' parlamentskoy kommunikatsii (na materiale debatov v nemetskom parlamente) // *Politicheskaya lingvistika*. 2014. № 4. S. 21—26.

7. Alferov A. V., Zhuravleva T. P. Aksiologicheskie polya kak otrazhenie izotopii parlamentskogo diskursa // *Vestnik PGLU*. 2014. № 3, ch. 1. S. 78—81.

8. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov // *Sobr. soch. / M. M. Bakhtin. — M. : Russkie slovari*, 1996. T. 5. S. 159—206. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (data obrashcheniya: 04.05. 2016).

9. Belova V. F. Lingvopragmaticheskie cherty nemetskogo parlamentskogo diskursa (na materiale zaprosa-zayavleniya partii i debatov v Bundestage) // *Vestn. PGLU*. 2014. № 2. S. 63—67.

10. Zyubina I. A., Matveeva G. G., Lesnyak M. V. Kommunikativnye strategii manipulirovaniya v parlamentskom diskurse // *Vestn. Pyatigorsk. gos. lingvist. un-ta*. 2015a. № 4. S. 187—192.

11. Zyubina I. A., Matveeva G. G., Lesnyak M. V. Manipulyativno-smyslovye uslozhneniya sintaksisa vyskazyvaniya na materiale parlamentskikh vystupleniy Velikobritanii // *Izv. YuFU. Filologicheskie nauki*. 2015b. №4. S. 107—114.

12. Konstantinova A. S. Publchnaya parlamentskaya rech' v sovremennoy Germanii i Rossii : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.20 / Konstantinova Anna Sergeevna. — Pyatigorsk, 2013. 31 s.

13. Kosovtseva A. V. Diskurs britanskikh parlamentskikh debatov, ego sistemoobrazuyushchie priznaki // *Lingua mobilis*. 2012. № 4. S. 82—88.

14. Matveeva G. G., Lesnyak M. V., Zyubina I. A. Parlamentarizm v Germanii i pragmalingvisticheskie osobennosti izucheniya nemetskoy parlamentskoy kommunikatsii // *Vestn. PGLU*. 2015. № 3, ch. 1. S. 161—165.

15. Franklin M., Norton P. *Parliamentary questions*. — Oxford : Oxford Univ. Pr., 1993.

16. Jaworski A., Coupland N. *The discourse reader*. — London ; New York : Routledge, 1999. 576 p.

17. Martín Rojo L. Spain, outer wall of the European fortress: Analysis of parliamentary debates on immigration policy in Spain // *Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states* / R. Wodak and T. Van Dijk (eds.). — Klagenfurt, Austria : Drava Verl., 2000. 391 p. (Ch. 6).

18. Martín Rojo L., van Dijk T. 'There was a problem and it was solved': Legitimizing the expulsion of illegal immigrants in Spanish Parliament // *Discourse & Society*. 1997. № 8(4). P. 523—566.

19. May T. E. *Erskine May's Treatise on The Law, Privileges, Proceedings and Usage of Parliament*. 22nd ed. /ed. by Sir D. Limon and W.R. McKay. — London : Butterworths, 1997. 496 p.

20. Wal, ter J. Italy: sicurezza e solidarietà // *Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states* / R. Wodak and T. Van Dijk (eds.). — Klagenfurt, Austria : Drava Verlag, 2000. 391 p. (Ch. 10).

21. Valk, van der J. Interruptions in French debates on immigration // *The semiotics of racism* / R. Wodak and M. Reisigl (eds.). — Vienna : Passagenverlag, 2002.

22. Valk, van der J. Parliamentary discourse on illegal immigrants, asylum and integration: The case of Holland // *Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states* / R. Wodak and T. Van Dijk (eds.). — Klagenfurt, Austria : Drava Verlag, 2000. 391 p. (Ch. 8).

23. Wilson J., Stapleton K. Nation-state, devolution and the parliamentary discourse of minority languages // *Journ. of Language and Politics*. 2003. № 2 (1). P. 5—30.

24. Wodak R., van Dijk T. *Racism at the top. Parliamentary discourses on ethnic issues in six European states*. — Klagenfurt, Austria : Drava Verlag, 2000. 391 p.

25. Pérez de Ayala, Soledad. FTAs and Erskine May: Conflicting needs? — *Politeness in Question Time* // *Journ. of Pragmatics*. 2001. № 33. P. 143—169.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. В. Алферов.

М. Ю. Миронова
Санкт-Петербург, Россия

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ТЕРМИНОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРМИНА LAME DUCK)

АННОТАЦИЯ. В работе анализируется один из наиболее интересных способов мыслительной деятельности — метафоризация. Интеграция лингвистических и психологических данных заставляет по-новому взглянуть на метафору и рассматривать ее как универсальный когнитивный механизм, позволяющий осуществлять концептуализацию нового онтологического явления по аналогии с уже сложившейся системой понятий. Метафоризация в данном исследовании рассматривается как творческий способ познания концептуальных абстракций и оформления новых мыслей. Если ранее метафора выступала только феноменом художественной литературы, а терминам приписывали функцию однозначности, то сегодня понятие «метафоричного термина» широко употребляется в когнитивной науке. Современные исследователи опровергают утверждения о стилистической нейтральности термина и приходят к выводу, что терминам всех терминосистем присущи коннотативные значения. В работе анализируются происхождение и функционирование политического термина «lame duck», исследуются словарные дефиниции и выявляются признаки, на основании которых произошел метафорический перенос значения. Когнитивный подход к данному научному исследованию предполагает то, что вся роль в образовании языковых значений принадлежит человеку как участнику коммуникации, наблюдателю, носителю знаний и определенного опыта. Исследование проводится на материале корпусных данных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафора; метафоризация; корпусные данные; семантические компоненты; содержательное ядро.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Миронова Марина Юрьевна, старший преподаватель кафедры английского языка № 2, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; 191023, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21, к. 67; e-mail: mkpr@yandex.ru.

Сегодня многие лингвисты сосредоточили свое внимание на метафоре. Это связано с тем, что метафора перестала быть сугубо литературоведческим: с точки зрения лингвистики она используется с целью эмоционального воздействия на адресата в текстах многих языковых жанров, являясь неотъемлемым атрибутом языка в целом. Значительная часть человеческих понятий структурирована с помощью метафор. Метафора выступает когнитивным феноменом, влияющим на мышление человека и обеспечивающим понимание [Лакофф, Джонсон 2004].

Современная когнитивистика рассматривает метафору как одну из ключевых ментальных операций, как способ познания, описания и структурирования мира. «Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира» [Чудинов 2013: 4]. Таким образом, метафоричность больше не рассматривается только как способ украшения речи, а выступает естественным атрибутом творческого мышления. В настоящее время в науке утвердилась когнитивная парадигма, сформировавшая взгляд на метафору как на важнейший механизм мышления: «В основе когнитивной теории метафоры лежит идея о том, что метафора — это феномен не лингвистический, а ментальный: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы» [Будаев 2010: 16].

Появление языковой метафоры связано с тем, что лексический знак включает не только денотативное, но и коннотативное

значение, которое отражает ассоциации, понятия и добавочные смыслы, закрепленные за этим знаком и отсылающие к экспрессивным, эмотивным и оценочным ассоциациям, укрепившимся в языковом сознании коллектива и репрезентирующим его знания о предмете. «Чувство аналогии заставляет человека отыскивать сходство между самыми отдаленными сущностями: не только между предметами чувственно воспринимаемого мира, но и между конкретными предметами и отвлеченными понятиями» [Скляревская 1993].

Более того, сегодня «метафора является одним из способов образования терминов, наполняя словарный состав языка продуктивными моделями. Факт образования новых терминов при помощи метафоры лишний раз свидетельствует о тесной взаимосвязи лексических единиц общеупотребительного языка и языка специальных целей и о возможности взаимобмена лексическими единицами между ними» [Киселева, Миронова 2015: 487]. Метафоризация выступает творческим способом познания концептуальных абстракций, осуществляемым в эвристических целях, а также для оформления потока новых мыслей [Киселева, Панкратова 2013].

Метафора является и способом закрепления реалий окружающего мира, и орудием создания новых смыслов. Как пишет Н. Д. Арутюнова, «метафора не нужна практической речи, но она ей в то же время необходима, не нужна как идеология, но необходима как техника» [Арутюнова 1990: 9]. Это утверждение доказывает тот факт, что метафора реализует одну из наиболее важных функций — когнитивную. Согласно теории Дж. Лакоффа, «метафора позволяет нам понимать

довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Lakoff 2008: 18—19].

В результате упрощения работы с корпусными данными появилась возможность верифицировать наблюдения над функционированием метафорических единиц. Исследование процесса метафоризации через когнитивные реалии позволяет выявить базовые метафорические модели.

Однако не всегда признак, лежащий в основе метафорического переноса значения, релевантен для семантической структуры переосмысливаемого слова, не всегда легко вычленяется и эксплицитно привязывает метафорическое значение к исходному. Порой зависимость метафорического значения от исходного определяется не повторением существенных для номинации элементов, а отражением ассоциативных и репрезентативных признаков, связанных с представлениями о явлениях и предметах. Таким образом, сопоставляя толкования основных и переносных значений, можно не выявить и намек на те качества, на основании которых перешел перенос значения [Скляревская 1993].

В современных лингвистических исследованиях выявлено и экспериментально доказано несовпадение, а в ряде случаев даже противоречие между лексическим значением слова и его психологически реальным значением. Нередкой является ситуация, когда признак, который формирует метафору, не только не является значимым для исходного значения, а может вообще не входить в смысловую характеристику этого значения. В отдельных случаях он даже противоречит тем массовым ассоциациям, которые вызывает слово в сознании людей [Стернин 1979].

В настоящем исследовании общим для двух значений считается такой семантический элемент, который входит в денотативное ядро и фиксируется в словарных дефинициях как в метафорическом, так и в исходных значениях.

По словам Г. Н. Скляревской, символом метафоры выступает «элемент семантики, состоящий либо из одной семы, либо из совокупности сем, который в исходном номинативном значении относится к сфере коннотации, а в метафорическом значении входит в денотативное содержание в качестве ядерных (дифференциальных) сем и служит основанием смысловых преобразований в процессе метафоризации» [Скляревская 1993: 45].

Присоединяясь к мнению И. А. Стернина, под семой понимаем минимальный компо-

нент значения, отражающий отличительный признак денотата слова и способный различать значения слов. Семы извлекаются из словарных дефиниций толковых словарей. Однако разные словари выделяют разные семы даже в рамках одного языка. Зачастую имеющиеся в словарях описания неполны, неточны и не совпадают в разных словарях. Семное описание значений одноязычными толковыми словарями проделано лишь частично, описаны лишь некоторые, наиболее яркие семы, и лингвисту довольно часто приходится самому проводить дополнительное семное описание единиц исходного языка и языка сравнения, чтобы получить более полную картину структуры значений сравниваемых слов [Стернин 1979].

Несмотря на то, что ядерные семы составляют денотативный компонент значения, очень яркими и заметными в значении лексической единицы могут оказаться коннотативные семы — эмоция и оценка, а также некоторые стилистические и другие функциональные семы. В таком случае они могут войти в ядро значения или в его ближнюю периферию, так как яркость семантического признака для языкового сознания выступает самым важным критерием, который позволяет отнести тот или иной семантический компонент к ядру значения. Именно ядерные компоненты значения в основном отражены в толковых словарях и могут быть выделены при помощи семного анализа словарных дефиниций. Особую же трудность приобретает выявление периферийных компонентов значения, которые, как показывают исследования, наиболее часто оказываются обусловлены национальной спецификой.

Вследствие определенных культурно-исторических причин некоторые предметы и явления в жизни определенного народа приобретают символический смысл, что отражается в семантике и употреблении лексических единиц. Символизация слова может быть связана с народными традициями, фольклором, религией, суевериями, обрядами и т. д. Эти компоненты обычно являются периферийными для денотативного компонента значения, но, являясь весьма яркими, они часто ложатся в основу переносных значений.

В фокусе нашего исследования находится политическая метафора *lame duck*. В качестве источника языкового материала использован корпус COCA (Corpus of Contemporary American English), который насчитывает 450 млн слов, что является достаточным для доказательства релевантности, тематичности и наличия в необходимом количестве исследуемой лексической единицы.

С целью изучения образования метафоры *lame duck* был проведен дефиниционный, компонентный и статистический анализ. Ниже представлены словарные дефиниции, примеры контекстуального употребления и выводы.

Рассмотрим дефиниции метафоры *lame duck*, которые приводят словари специальной лексики:

1) «„хромая утка“: 1) компания в тяжелом финансовом положении, нуждающаяся в поддержке государства; 2) джоббер, не способный выполнить обязательства по заключенным сделкам (Великобритания); 3) президент, премьер или губернатор, проигравший выборы» [Федоров 2011: 9];

2) «полит. жарг. политический деятель, еще занимающий пост, но не переизбранный на следующий срок» [Англо-русский политический словарь];

3) «1) неудачник, невезучий человек; бедолага, несчастный; 2) банкрот; особ. разорившийся биржевой маклер; 3) провалившийся кандидат (*на выборах*); 4) амер. полит. деятель, завершающий своё пребывание на данном посту (*в период до передачи его преемнику*); член конгресса, не избранный на новый срок, но заседающий в конгрессе до конца сессии; президент, завершающий второй, последний срок на своём посту; 5) воен. шутл. подбитая машина (*танк, самолет*)» [Новый большой англо-русский словарь];

4) «должностное лицо, утратившее свое прежнее влияние» [Англо-русский дипломатический словарь];

5) «a company which is in financial difficulties. *The government has refused to help lame duck companies*» [Collin 2003: 198];

6) «an ineffective trader who is in or near bankruptcy due to a series of bad trades, often over a long period of time. A lame duck has suffered heavy losses, not from a bear market or something similar, but simply due to his/her ineptitude. This is a slightly pejorative term that is most common in Europe» [Oxford Dictionaries];

7) «a company or administration which is in difficulties and which needs support *The government has promised a rescue package for lame duck companies*» [Collin 2004: 134].

Результаты исследования текстов показали, что, хотя в некоторых словарных дефинициях метафоры *lame duck* присутствует компонент «компания», данная идиома практически не употребляется в этом значении — был найден только один соответствующий пример: «Current argument is that Yahoo is a great example of a lame duck company. The management has not executed the plans they provided» [Answers Corporation].

Однако идиома *lame duck* активно применяется в речи, когда говорят о политических деятелях и руководителях организаций, чья работа оказалась неэффективной (365 примеров употреблений в этом значении): *lame duck president, lame duck senator, lame duck Democrats*. Например:

1) *He's a lame duck, so his term's ending* [Corpus of Contemporary American English];

2) *By the time he and Prime Minister Ehud Olmert drew close to agreement in 2008, corruption charges made the Israeli leader a lame duck* [Corpus of Contemporary American English];

3) *Speaking in an interview with the Wall Street Journal, Ballmer said he wanted to avoid being seen as the "lame duck" on the company's board, admitting that he had been much quieter in meetings since his change of position within the company* [International Business Times].

Более того, анализ корпусных данных выявил частое применение идиомы *lame duck* в отношении не только политиков, но и других лиц, видов деятельности, мероприятий и организаций, чья работа не увенчалась успехом. После исследования корпуса были найдены следующие сочетания: *lame duck session, lame duck congress, lame duck period, lame duck agenda, lame duck votes, lame duck time, lame duck mentality, lame duck presidency*. Например:

1) *So, the question, is this going to light a fire under Congress to come up with a grand bargain before the lame duck session to avoid these painful cuts that could have a dramatic impact on people's livelihood right before the election?* [Corpus of Contemporary American English];

2) *But just how did the lame duck administration of Barack Obama become a lame duck presence in the South China Sea?* [Daily Internet Publication American Thinker];

3) *So whoever wins control of the presidency, whichever party gains control of the — of the Congress is going to have to wait until they're sworn in, and watch this lame duck Congress and potentially lame duck president deal with things, like the expiration of the Bush tax cuts...* [Corpus of Contemporary American English];

4) *With inflation about to hit 3pc and money-printing distorting markets, more QE is a lame-duck policy — regardless of whether Sir Mervyn is a lame-duck Governor* [The Telegraph];

5) *So, freed from election concerns, what will Washington do to address those problems during the lame duck session in the weeks before the start of a new Congress? A quick survey of congressional insiders offers this answer: Very little* [The Huffington Post].

Таким образом, анализ корпусных данных показал, что идиома *lame duck* сегодня наиболее популярна в американской политической журналистике для уничижительного и пренебрежительного обозначения непопулярного политика, который точно не будет переизбран на занимаемый пост. Согласно некоторым контекстам, хотя президент все еще обладает всем спектром властных полномочий, он все равно воспринимается как «доживающий» свой срок и имеет меньше политического влияния, нежели раньше. Однако «хромая утка» находится в особенном положении, а именно имеет возможность принимать непопулярные решения и делать назначения, за которые не придется нести ответственность, как если бы политик был переизбран на следующий срок. В качестве примера можно привести исторический факт, когда не переизбранный президент Джон Адамс произвел назначения своих сторонников на судебные посты.

В качестве еще одного примера принятия подобных решений можно назвать ситуацию, когда 20 января 2001 г., за несколько часов до окончания своего президентского срока, Билл Клинтон помиловал более 100 человек, осужденных за различные преступления, в том числе своего брата Роджера, что вызвало неоднозначную реакцию в обществе.

В 1933 г. период *Lame Duck* был существенно сокращен 20-й поправкой к Конституции США: с этого времени срок действия президентских полномочий заканчивается 20 января, а не 4 марта, как ранее устанавливалось 12-й поправкой. Это уменьшило, хотя и не исключило полностью, вероятность коллизий между уходящим с поста и вновь избранным президентами США [Wikipedia].

С целью проведения компонентного анализа были рассмотрены словарные дефиниции лексических единиц *lame* и *duck*:

1) *lame* — «1. unable to walk properly because your leg or foot is injured or weak. 2. A lame explanation or excuse is weak or difficult to believe» [Dictionary of contemporary English];

2) *lame* — «1. having an injured leg or foot that makes walking difficult or painful; 2. not strong, good, or effective; 3. not smart or impressive» [Dictionary and Thesaurus Merriam-Webster].

3) *lame* — «1. (of a person or animal) unable to walk without difficulty as the result of an injury or illness affecting the leg or foot; 2. (of a leg or foot) affected by injury or illness» [Oxford Dictionaries].

Значение лексической единицы *lame* определяется через следующие семантические компоненты: *unable, injured, weak, difficult*.

1) *Duck* — n. «a very common water bird with short legs and a wide beak, used for its meat,

eggs, and soft feathers»; v. «1. to lower your head or body very quickly, especially to avoid being seen or hit; 2. to avoid something, especially a difficult or unpleasant duty; 3. to duck out of something: to avoid doing something that you have to do or have promised to do» [Dictionary of contemporary English].

2) *duck* — n. «any of various swimming birds (family Anatidae, the duck family) in which the neck and legs are short, the feet typically webbed, the bill often broad and flat, and the sexes usually different from each other in plumage»; v. «1. to lower your head or body suddenly to avoid being seen or hit; 2. to lower (your head) suddenly; 3. to avoid (something, such as a punch) by lowering your head or body suddenly» [Dictionary and Thesaurus Merriam-Webster].

3) *duck* — n. «a waterbird with a broad blunt bill, short legs, webbed feet, and a waddling gait»; v. «1. lower the head or the body quickly to avoid a blow or missile or so as not to be seen; 2. avoid (a blow or missile) by moving quickly; 3. *informal* evade or avoid (an unwelcome duty or undertaking)» [Oxford Dictionaries].

Анализ значения лексической единицы *duck* в роли существительного не дает в целом ясного ответа на вопрос, почему же именно это слово вошло в состав идиомы «*a lame duck*». В то же время из определения слова *duck* в функции глагола можно вычлени такие семы, как *to lower, to avoid, difficult, unpleasant/unwelcome, not to be seen*. Так, при помощи идиомы *lame duck* можно охарактеризовать все, что претерпевает трудности, нуждается в помощи, не способно эффективно функционировать и выполнить обещания.

И все же остается вопрос, на который не удастся в полной мере ответить, произведя дефиниционный и компонентный анализ: почему языковым сообществом была выбрана именно идиома «*a lame duck*», а не, например, «*a wingless duck*» или «*a sinking duck*»? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к истории возникновения идиомы «*a lame duck*». Происхождение этой идиомы не имело ничего общего с политикой. Первые употребления датируются 60—70-ми гг. XVIII в. Идиома «*a lame duck*» применялась на Лондонской фондовой бирже и обозначала обанкротившегося игрока или инвестора, который, подобно подстреленной утке, не может больше угнаться за стаей. В 1860-х гг. выражение «*a lame duck*» стали применять в отношении должностных лиц и чиновников [The American Heritage Dictionary of Idioms...].

Таким образом, при метафоризации происходит поэтапная квалификация: преж-

де чем назвать человека хромой уткой, нужно связать эти качества с животным. Поэтому в первую очередь необходимо четко квалифицировать каждое животное, тем самым создать базовый образ, который в дальнейшем может дополняться добавочными образами и смыслами, связываемыми ассоциативным мышлением в единую «метафорическую цепь». Как полагает Н. Н. Болдырев, многие концепты первоначально возникают на предметно-образной, чувственной основе, как определенный эмпирический образ предмета или явления, и лишь затем первоначальное содержание концепта усложняется за счет знаний, полученных в результате других видов познавательной деятельности [Болдырев 2000].

По всей видимости, в случае метафоры «a lame duck» перенос значения произошел на основании сходства по ассоциации. Ассоциация выступает основной формой взаимосвязи не только между ощущениями, но и между восприятиями, представлениями, мыслями, чувствами и поступками человека. Таким образом, метафора — это когнитивно-семиотическая модель, по которой сознание человека, основываясь на имеющемся содержании знака, формирует новое представление. Метафора наделяет слово способностью выразить новое содержание и выполнить функцию вторичной номинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский дипломатический словарь. URL: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-polit-term-20864.htm>.
2. Англо-русский политический словарь. URL: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-polit-term-20864.htm>.
3. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. С. 5—33.
4. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. — Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2000.
5. Болдырев Н. Н. Когнитивные исследования языка. — М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. П. Державина, 2015. Вып. 21. С. 487—491.
6. Будаев Э. В. Междисциплинарные истоки политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 2 (32). С. 15—25.

7. Киселева С. В., Миронова М. Ю. Метафорические процессы образования банковских терминов английского языка // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. — М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. П. Державина, 2015. Вып. 21.

8. Киселева С. В., Панкратова С. А. И снова о метафоре: когнитивно-семантический анализ: моногр. — СПб.: Астерион, 2013.

9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Редактура УРСС, 2004.

10. Новый большой англо-русский словарь / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. URL: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apresyan.htm>.

11. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. — СПб.: Наука, 1993.

12. Словари он-лайн // Classes.ru: сайт. URL: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-polit-term>.

13. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. — М.: Восток-Запад, 2006.

14. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. — Воронеж, 1979.

15. Федоров Б. Г. Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь. В 2 т. Т. 2 (L—Z). — СПб.: Лимбус Пресс: Изд-во К. Тублина, 2011.

16. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. — Екатеринбург, 2013.

17. Answers Corporation. URL: <http://answers.com>.

18. Collin P. H. Dictionary of Politics and Government. Third edition. — Bloomsbury Publishing Plc, 2004.

19. Collin P. H. Dictionary of Banking and Finance. Third edition. — London, 2003.

20. Corpus of contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>.

21. Daily Internet Publication American Thinker. URL: <http://www.americanthinker.com>.

22. Dictionary and Thesaurus Merriam-Webster. URL: <http://www.merriam-webster.com>.

23. Dictionary of contemporary English. New edition. Pearson Education Limited. — Longman, 2009.

24. International Business Times. URL: <http://www.ibtimes.co.uk>.

25. Lakoff J. The Neural Theory of Metaphor // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / ed. By Raymond W. Gibbs, Jr. University of California, Santa Cruz. — New York: Cambridge Univ. Pr., 2008. P. 17—38.

26. Oxford Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com>.

27. The American Heritage Dictionary of Idioms / by Christine Ammer. — Boston, 1997.

28. The Huffington Post. American online news aggregator and blog. URL: <http://www.huffingtonpost.com>.

29. The Telegraph. The daily British newspaper. URL: <http://www.telegraph.co.uk>.

30. The Washington Post. An American daily newspaper. URL: <https://www.washingtonpost.com>.

31. TheFreeDictionary. URL: <http://financial-dictionary.thefreedictionary.com>

32. Wikipedia — Free encyclopedia. URL: <http://wikipedia.org>.

M. Y. Mironova
Saint-Petersburg, Russia

METAPHORIZATION OF THE ENGLISH LANGUAGE TERMS (BY THE EXAMPLE OF A POLITICAL TERM LAME DUCK)

ABSTRACT. *The article analyzes one of the most interesting ways of cognitive activity — metaphorization. Integration of linguistic and psychological data makes us look at a metaphor in a new way and consider it as a universal cognitive mechanism, which allows carrying out conceptualization of a new ontological phenomenon by analogy with an existing system of notions. Metaphorization is viewed in this research as a creative method of perceiving conceptual abstractions and shaping new thoughts. Despite the fact that earlier a metaphor was only a phenomenon of fiction and terms were supposed to have a single meaning, today a notion «a metaphorical term» is widely used in cognitive science. Modern researchers deny the statements about stylistic neutrality of terms and come to a conclusion that the terms of all term systems have connotative meanings. The article analyzes the origin and functioning of a political term «a lame duck», investigates vocabulary definitions and identifies the features, which were the basis for the metaphorical transfer of meaning. A cognitive approach to this scientific research assumes that the role of creating meanings belongs to an individual as a participant of communication, an observer, a carrier of knowledge and particular experience. The research is made using corpora data.*

KEYWORDS: *metaphor; metaphorization; corpora data; semantic components; invariant.*

ABOUT THE AUTHOR: *Mironova Marina Yurjevna, Senior Lecturer of the English Language Department № 2, Saint-Petersburg State Economic University, Saint-Petersburg, Russia.*

REFERENCES

1. Anglo-russkiy diplomaticheskiy slovar'. URL: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-polit-term-20864.htm>.
2. Anglo-russkiy politicheskiy slovar'. URL: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-polit-term-20864.htm>.
3. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs // *Teoriya metafory*. — M.: Progress, 1990. S. 5—33.
4. Boldyrev N. N. Kognitivnaya semantika : kurs lektsiy po angliyskoy filologii. — Tambov : Izd-vo Tambov. un-ta, 2000.
5. Boldyrev N. N. Kognitivnye issledovaniya yazyka. — M. : In-t yazykoznaniiya RAN ; Tambov : Izdat. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2015. Vyp. 21. S. 487—491.
6. Budaev E. V. Mezhdistsiplinarnye istoki politicheskoy metaforologii // *Politicheskaya lingvistika*. 2010. Vyp. 2 (32). S. 15—25.
7. Kiseleva S. V., Mironova M. Yu. Metaforicheskie protsessy obrazovaniya bankovskikh terminov angliyskogo yazyka // *Kognitivnye issledovaniya yazyka / gl. red. serii N. N. Boldyrev*. — M. : In-t yazykoznaniiya RAN ; Tambov : Izdat. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2015. Vyp. 21.
8. Kiseleva S. V., Pankratova S. A. I snova o metafore: kognitivno-semanticheskiy analiz : monogr. — SPb. : Asterion, 2013.
9. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem : per. s angl. / pod red. i s predisl. A. N. Baranova. — M. : Editorial URSS, 2004.
10. Novyy bol'shoy anglo-russkiy slovar' / pod obshch. ruk. akad. Yu. D. Apresyana. URL: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apresyan.htm>.
11. Sklyarevskaya G. N. Metafora v sisteme yazyka. — SPb. : Nauka, 1993.
12. Slovare on-layn // *Classes.ru* : sayt. URL: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-polit-term>.
13. Stermin I. A. Kontrastivnaya lingvistika. — M. : Vostok-Zapad, 2006.
14. Stermin I. A. Problemy analiza struktury znacheniya slova. — Voronezh, 1979.
15. Fedorov B. G. Novyy anglo-russkiy bankovskiy i investitsionnyy entsiklopedicheskiy slovar'. V 2 t. T. 2 (L—Z). — SPb. : Limbus Press : Izd-vo K. Tublina, 2011.
16. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii. — Ekaterinburg, 2013.
17. Answers Corporation. URL: <http://answers.com>.
18. Collin P. H. Dictionary of Politics and Government. Third edition. — Bloomsbury Publishing Plc, 2004.
19. Collin P. H. Dictionary of Banking and Finance. Third edition. — London, 2003.
20. Corpus of contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>.
21. Daily Internet Publication American Thinker. URL: <http://www.americanthinker.com>.
22. Dictionary and Thesaurus Merriam-Webster. URL: <http://www.merriam-webster.com>.
23. Dictionary of contemporary English. New edition. Pearson Education Limited. — Longman, 2009.
24. International Business Times. URL: <http://www.ibtimes.co.uk>.
25. Lakoff J. The Neural Theory of Metaphor // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / ed. By Raymond W. Gibbs, Jr. University of California, Santa Cruz*. — New York : Cambridge Univ. Pr., 2008. P. 17—38.
26. Oxford Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com>.
27. The American Heritage Dictionary of Idioms / by Christine Ammer. — Boston, 1997.
28. The Huffington Post. American online news aggregator and blog. URL: <http://www.huffingtonpost.com>.
29. The Telegraph. The daily British newspaper. URL: <http://www.telegraph.co.uk>.
30. The Washington Post. An American daily newspaper. URL: <https://www.washingtonpost.com>.
31. TheFreeDictionary. URL: <http://financial-dictionary.thefreedictionary.com>.
32. Wikipedia — Free encyclopedia. URL: <http://wikipedia.org>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. В. Киселева.

Е. П. Мурашова
Москва, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СПОТ КАК ЖАНР ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье предпринимается попытка построить коммуникативную модель жанра политического спота как разновидности политической рекламы. Политический спот — рекламный видеоролик продолжительностью от 15 сек. до 5 мин., цель которого — побудить зрителя к тому или иному типу политического поведения, например, убедить его проголосовать за того или иного политического кандидата. Материалом исследования послужили 500 англоязычных политических спотов 2007—2016 гг. Политический спот несомненно является примером креолизованного текста, поскольку формируется путем взаимодействия лингвистической и неллингвистической семиотических систем. Выявляются типологические характеристики политического спота как специфического типа медиатекста. Так, политический спот является коллегиальным текстом, поскольку в его разработке и создании участвует, как правило, команда специалистов: политтехнолог, копирайтер, продюсер, режиссер, художник, редактор монтажа; является одновременно устным и письменным текстом по форме создания и по форме воспроизведения; семиотическая гетерогенность политического спота обусловлена основными каналами распространения, к которым относятся прежде всего телевидение и Интернет. Нарративная структура политического спота представлена несколькими типами нарратива (голосами): авторский нарратив (голос рекламодателя), нарратив СМИ (голос журналистов) и нарратив «героев» ролика (голос избирателей, членов семьи рекламируемого политика, знаменитостей, политического конкурента и т. п.). Эти и другие особенности позволяют обоснованно утверждать, что политический спот представляет собой отдельный жанр политической рекламы, обладающий специфическим набором жанрообразующих признаков. Перспективным направлением исследования является изучение лингвистической и неллингвистической семиотических систем текста политического спота.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая реклама; политический спот; речевой жанр; модель речевого жанра; медиатекст; нарративная структура.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мурашова Екатерина Павловна, преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области зарубежного регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет; г. Москва, 119992, ул. Остоженка, 38; e-mail: catrin-skr-77@mail.ru.

В настоящей статье предпринимается попытка построить коммуникативную модель политического спота как жанра политической рекламы. Сразу же поясним, что политический спот в нашем понимании представляет собой рекламный видеоролик продолжительностью от 15 с до 5 мин, цель которого — побудить зрителя к тому или иному типу политического поведения, например, убедить его проголосовать за того или иного политического кандидата. Актуальность исследования обусловлена возросшей ролью политической рекламы в тех обществах, где реализуется конкурентная внутренняя политика и, как следствие, необходимостью изучения жанрового своеобразия текстов политической рекламы и их коммуникативной сущности. Обращение к политическому споту в данной статье обусловлено прежде всего тем, что он является важным инструментом влияния на общественное мнение в условиях политической конкуренции. Отметим, что на данный момент комплексное описание жанрообразующих признаков политического спота в лингвистике отсутствует.

В качестве материала исследования выступают тексты более 500 англоязычных (британских, американских, австралийских, канадских и новозеландских) политических спотов, опубликованных на Youtube-каналах или официальных сайтах политических деятелей/организаций/движений в период 2007—2016 гг.

общей продолжительностью 5 ч 25 мин 20 с. Расшифровку материала мы проводили самостоятельно.

Традиционно под политическим спотом понимается прежде всего телевизионный рекламный видеоролик. Так, одно из самых ранних определений политического спота, предложенное Э. Даймондом и С. Бейтсом, звучит следующим образом: политический спот — это «короткий (30- или 60-секундный) политический рекламный ролик, *транслируемый по телевидению* (курсив наш. — Е. М.), иначе — полиспот» (перевод наш. — Е. М.) [Diamond & Bates: X]. В настоящее время ввиду интенсивного проникновения в политику web-технологий политический спот перестал быть исключительно телевизионным жанром: в качестве канала его распространения в последние десятилетия активно используется Интернет. Именно поэтому к политическим спотам мы относим не только телевизионные, но и web-ролики.

Поскольку политический спот транслируется главным образом через каналы СМИ и ориентирован на широкие общественные массы, мы считаем возможным рассматривать его как дискретную единицу медиатекста, или медиатекст. Одним из основных формальных признаков медиатекста является его креолизованный характер. Текст в массовой коммуникации представляет собой сочетание вербального и иконического (в смысле У. Эко) семиотических кодов, взаи-

модействующих с целью осуществления определенного прагматического эффекта [см.: Анисимова 1992; Слышкин, Ефремова 2004]. Политический спот несомненно является примером креолизованного текста, поскольку формируется путем взаимодействия лингвистической и нелингвистической семиотических систем.

Т. Г. Добросклонская подчеркивает, что медиатекст представляет собой объемное многоуровневое явление, которое дополняется устойчивой системой параметров, позволяющих наиболее точно описать тот или иной медиатекст. Эта система включает следующие существенные параметры: «1) способ производства текста (авторский — коллегиальный); 2) форма создания (устная — письменная); 3) форма воспроизведения (устная — письменная); 4) канал распространения (средство массовой информации — носитель: печать, радио, телевидение, Интернет); 5) функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, публицистика (features), реклама); 6) тематическая доминанта или принадлежность к тому или иному устойчивому медиатипу» [Добросклонская 2008: 55].

Полагая, что политический спот является особой разновидностью медиатекста, мы считаем возможным описать его по вышеизложенным параметрам с тем, чтобы выявить его специфику как текста массовой информации. По способу производства политический спот является коллегиальным текстом, поскольку в его разработке и создании участвует, как правило, команда специалистов: политтехнолог, копирайтер, продюсер, режиссер, художник, редактор монтажа и т. д. С точки зрения типологической дихотомии «текст устный — текст письменный», политический спот является одновременно устным и письменным текстом по форме создания и по форме воспроизведения. В качестве канала распространения политического спота выступают СМИ, прежде всего телевидение и Интернет, что обуславливает его семиотическую гетерогенность. С точки зрения функционально-жанровой принадлежности политический спот может быть отнесен к рекламным текстам, причем принципиальное отличие политического спота от коммерческой рекламы заключается, в первом приближении, в специфике рекламируемого объекта: в политическом споте рекламируются не товары и услуги, а политик, политическое явление или политическое событие. Тематическая доминанта политического спота (политика) и его цель (побудить адресата к определенному типу политического поведения) определяют специфику политического спота как медиатекста: поскольку политиче-

ский спот функционирует прежде всего в рамках политического дискурса, он является жанром политической, а не массмедийной коммуникации. Таким образом, текст политического спота — это **политический медиатекст**.

Современное жанроведение исходит главным образом из понимания речевого жанра как модели построения высказывания, что в значительной степени соответствует идее М. М. Бахтина о том, что жанры представляют собой «определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин 1996: 164]. Понимание жанра как типовой модели лежит в основе двух актуальных направлений исследования в жанроведении: построения моделей описания речевого жанра и изучения их реализации в конкретных ситуациях общения.

Одной из наиболее распространенных моделей построения речевого жанра является коммуникативная модель, предложенная в свое время Т. В. Шмелевой. В ее концепции для характеристики модели речевого жанра важны семь конститутивных (жанрообразующих) признаков: 1) коммуникативная цель; 2) образ автора; 3) образ адресата; 4) образ прошлого; 5) образ будущего; 6) диктумное (событийное) содержание; 7) языковое воплощение [Шмелева 1997]. Далее мы предпримем попытку представить модель политического спота как речевого жанра, обращаясь к языковому воплощению каждого конститутивного признака.

Основная **коммуникативная цель** политического спота — убедить и побудить зрителя к определенному типу политического поведения, желательного для адресанта. Для осуществления убеждающего воздействия на зрителя адресанту политического спота необходимо реализовать два типа коммуникативных интенций: 1) организовать общение; 2) сформировать положительный образ рекламируемого объекта. Вышеизложенным коммуникативным интенциям, на наш взгляд, в наибольшей степени соответствуют стратегии коммуникативного воздействия в рекламе, выделенные исследователем рекламной коммуникации Ю. К. Пироговой. Она предлагает различать в рекламном сообщении коммуникативные стратегии двух типов: «позиционирующие стратегии, то есть стратегии, формирующие определенное восприятие рекламируемого объекта» и «оптимизирующие стратегии, то есть стратегии, направленные на оптимизацию воздействия рекламного сообщения, на преодоление неблагоприятных условий коммуникации» [Пирогова 2001 http].

Будучи ограниченными рамками статьи, мы рассмотрим только позиционирующую

стратегию, поскольку, по нашему мнению, именно эта стратегия в наибольшей степени реализует прагматическую установку политического спота на убеждение. Позиционирующая стратегия, на наш взгляд, представлена тремя основными тактиками: тактикой положительной самопрезентации, тактикой дискредитации и тактикой дифференциации.

ТАКТИКА ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ. Данная тактика направлена на создание положительного образа рекламируемого объекта. Основным инструментом ее вербализации является положительно-оценочная лексика, например: *Mike's* (Mike Huckabee, бывший губернатор Арканзаса, участник президентской кампании 2008 г. в США. — *E. M.*) **a principled, authentic Conservative** — «Майк — истинный, принципиальный консерватор». Для обозначения положительных изменений, которые были внесены в политическую ситуацию кандидатом или ожидаются после его избрания, часто используются положительно-оценочные прилагательные и наречия в сравнительной степени: **More for families, better services, a stronger economy and better government** — «Больше семьям, более качественные услуги, более крепкая экономика и лучшее правительство».

ТАКТИКА ДИСКРЕДИТАЦИИ. Данная тактика используется в политических спотах гораздо чаще, чем тактика положительной самопрезентации, что связано с общеизвестной тенденцией к негативизации политической рекламы. Тактика дискредитации направлена на создание негативного образа политического конкурента. Основным языковым средством реализации данной тактики является отрицательно-оценочная лексика: *His* (Cory Gardner, кандидат на выборах члена сената США от штата Колорадо в 2014 г. — *E. M.*) **record is beyond troubling. It's wrong** (здесь и далее в расшифрованном тексте политического спота письменный компонент маркирован квадратными скобками. Размер шрифта заключенного в квадратные скобки текста повторяет размер шрифта письменного текста, представленного в ролике) — «Его действия вызывают чрезвычайное беспокойство. Они неправильны». Прилагательные и наречия в сравнительной степени в сочетании с лексикой, несущей негативную коннотацию, вербализуют негативные изменения, которые конкурент привнес в политическую ситуацию или привнесет после своего избрания: **Higher taxes. [MORE FOREIGN OIL] More foreign oil. That's the real Obama** — «Более высокие налоги. [БОЛЬШЕ ИНОСТРАННОЙ НЕФТИ] Больше иностранной нефти. Вот настоящий Обама».

ТАКТИКА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ. В условиях конкурентной борьбы за власть политик

стремится акцентировать свои положительные стороны за счет контрастного противопоставления своей кандидатуры кандидатуре конкурента. Основным средством вербализации рассматриваемой тактики является логическое противопоставление. Так, логическое противопоставление лежит в основе политического спота «What's the choice in this election?» Лейбористской партии Великобритании, направленного против Консервативной партии, например: *I* (Martin Freeman, популярный английский актер. — *E. M.*) **could tell you it seems like the Tories don't believe in the NHS** (National Health Service — Национальная служба здравоохранения. — *E. M.*) **while Labour is passionate about protecting it <...>** — «Я мог бы сказать вам, что, кажется, тори не верят в Национальную службу здравоохранения, в то время как лейбористы с рвением ее защищают <...>».

Примечательно, что в споте могут сравниваться не только две политические фигуры или партии, но также политическая личность и знаменитость/персонаж из сферы массовой культуры. Так, например, в основе ролика «Mike Ross: Empty Promises We Can't Afford», критикующего кандидата в губернаторы штата Арканзас (2014 г.) Майка Росса, лежит сравнение «Майк Росс — Санта-Клаус»: **Meet Mike Ross. Meet Santa Claus. Like Santa Claus, Mike Ross promises free stuff, such as pre-K for 4-year-olds. But unlike Santa, we foot the bill** — «Знакомьтесь. Это — Майк Росс. А это — Санта-Клаус. Как и Санта-Клаус, Майк Росс обещает бесплатные вещи, такие как дошкольная образовательная программа для четырехлетних детей. Но, в отличие от Санты, Майк требует, чтобы за подарки платили мы». Выбор Санта-Клауса в качестве персонажа для сравнения не случаен. Санта-Клаус — популярный в США сказочный герой, с детства известный каждому американцу, что позволяет создателям ролика осуществить адресное воздействие на широкие слои американского общества. Нередко политик уподобляется объекту живой или неживой природы, для чего часто используется метафора или каламбур. Так, в политическом споте «Baggage» используется каламбур, основанный на сходстве в звучании фамилии кандидата в сенат США от Аляски (2014 г.) Марка Бегиджа (Mark Begich) и английского слова *baggage* — «багаж». Фраза *It's all just too much baggage for Alaska. [IT'S TOO MUCH BEGICH FOR ALASKA]* — «Этот багаж (Бегидж) неподъемен для Аляски» в конце спота имплицитно призывает «сбросить лишний багаж» (балласт) в виде М. Бегиджа.

Мы полагаем, что вышеуказанные тактики могут лечь в основу классификации поли-

тических спотов по цели воздействия. В наибольшей степени полученным нами результатам отвечает типология политической рекламы, предложенная К. Х. Джеймисон. Автор отказывается от традиционной дихотомической классификации «положительная/негативная реклама» и предлагает выделять «адвокативную» (положительную), «атакующую» (негативную) и «контрастную» политическую рекламу [Jamieson 2000]. Как следует из названий представленных выше типов, в адвокативной рекламе превалирует тактика положительной самопрезентации, в атакующей рекламе — тактика дискредитации, в контрастной — тактика дифференциации.

Главными субъектами медиакommunikации являются автор и адресат — журналист и зритель/читатель. Отметим, что следует различать реальных автора и адресата как реальных участников медиакommunikации и их образы, конструируемые в тексте языковыми средствами. Применительно к политическому споту реальным автором является коллектив создателей рекламного сообщения, а реальным адресатом — зритель. При этом в тексте политического спота заложена информация о том, что автором сообщения является рекламодатель — кандидат на выборную должность, политическая партия, заинтересованная группа или общественная организация. Таким образом, реальный автор и образ автора в политическом споте не совпадают.

Н. И. Клушина подчеркивает, что современный медиатекст «имеет особую *нарративную структуру*» [Клушина 2015б: 136], представленную «сплавом» нарративов, где под нарративом понимается «рассказ, история с определенным сюжетом, с конкретными персонажами» [Клушина 2015а: 58]. Медиатекст в трактовке Н. И. Клушиной включает в себя следующие типы нарратива: авторский нарратив (интерпретация событий журналистом), нарратив очевидцев событий («свидетельства обычных людей о происходящем вокруг них»), нарратив экспертов (специалистов, оценивающих ситуацию) и нарратив «героев» («действующих лиц, персонажей, о которых идет речь в сюжете») [Там же]. Большинство исследователей подчеркивают полифоничность медиатекста, имея в виду наличие в нем нескольких типов нарратива. Н. И. Клушина отмечает, однако, что вышеуказанные типы нарратива не равнозначны по своей роли в осуществлении коммуникации: авторский нарратив подчиняет себе остальные авторские начала, задает общее направление для всех остальных типов нарратива. При этом, по мнению Т. В. Шмелевой, «чем больше чужих голосов включа-

ется в текст, тем меньшее значение имеет его непосредственный автор», что приводит к так называемой «имитации автора» [Шмелева [http](http://)].

Анализ материала исследования показывает, что нарративная структура политического спота представлена несколькими типами нарратива (голосами). К таким типам мы относим **авторский нарратив** (голос рекламодателя), **нарратив СМИ** (голос журналистов) и **нарратив «героев»** ролика (голос избирателей, членов семьи рекламируемого политика, знаменитостей, политического конкурента и т. п.). Хотя формально политический спот характеризуется полифоничностью, все голоса в политическом споте подчинены авторскому замыслу. Примечательно, что количество голосов не влияет на восприятие источника сообщения: в силу своей функционально-жанровой принадлежности политический спот безошибочно идентифицируется как произведение с установкой на побуждение к определенному типу политического поведения. В этой связи мы полагаем, что для политического спота характерна **имитация полифоничности**.

Образ автора в политическом споте обычно представлен эксплицитно и вербализуется с помощью так называемой «строки одобрения» — стандартной речевой формулы, содержащей информацию об источнике сообщения, например: *APPROVED BY BARACK OBAMA. PAID FOR BY OBAMA FOR AMERICA* (см.: [Fowler et al: 45]) — «Одобрено Бараком Обамой. Оплачено “OBAMA FOR AMERICA”». Нередко образ автора дополнительно вербализован в начале спота с помощью устной речевой формулы вида *I'm Fred Thompson and I approve this message* — «Я — Фред Томпсон, и я одобряю это сообщение», надписи с именем и фамилией кандидата и/или устной речевой формулой приветствия и/или знакомства, например: *I'm Stewart Mills [STEWART MILLS]* — «Я — Стюарт Миллс [СТЮАРТ МИЛЛС]». Стремясь установить контакт со зрителем, источник политического спота, как правило, отождествляет себя с народом, что реализуется в языке посредством использования местоимения первого лица множественного числа: *And we've grown as a nation because we believe in having a go* — «И мы выросли как единая нация, поскольку мы верим, что нет ничего невозможного, стоит лишь попытаться».

Дискурс массмедиа выступает в политическом споте в качестве авторитетного источника фактуальной информации. Как правило, каждое утверждение в политическом споте подкрепляется данными СМИ с обяза-

тельным указанием источника сообщения и даты публикации, что создает впечатление максимально объективного и достоверного изложения. Нарратив СМИ чаще всего бывает представлен либо только в письменном виде, либо и в устном, и в письменном виде и вводится в текст посредством парафразы и/или цитации. Так, в ролике «American Crossroads: „Next“» нарратив СМИ маркируется цитатой, извлеченной из популярной американской газеты «The Washington Post»: *Bill Schams, business in family since 1949: There's a reason there aren't more jobs. Obama has made a lot of bad decisions. He treats us like we are his enemy [...MILLIONS OF SMALL BUSINESSES COULD BE FORCED TO CUT JOBS AND WAGES...]* THE WASHINGTON POST 7.17.12] — «Билл Скемз, в семейном бизнесе с 1949: Рабочих мест не хватает вот по какой причине. Обама принял много неверных решений. Он относится к нам как к врагам [„МИЛЛИОНЫ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ МОГУТ БЫТЬ ВЫНУЖДЕНЫ СОКРАТИТЬ КОЛИЧЕСТВО РАБОЧИХ МЕСТ И УМЕНЬШИТЬ ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ...“ — THE WASHINGTON POST, 7.17.12]». Цитата подкрепляет субъективное мнение опытного предпринимателя, недовольного политикой Барака Обамы в отношении малого бизнеса, и придает утверждениям героя дополнительный вес.

С целью добиться объективности изложения создатели ролика нередко вкладывают рекламное сообщение в уста определенного «героя»: избирателя, члена семьи рекламируемого политика, знаменитости, персонажа массовой культуры, политического конкурента и т. п. Нарратив героя в большинстве случаев маркируется надписью, сообщающей его имя, фамилию и занятие/должность. В некоторых роликах надпись дополняется устной речевой формулой знакомства, например: *[Derek Brunin U.S. Marine] I'm Derek Brunin. I'm a Kansan and a Marine* «[Дерек Брунин, американский морпех]. — «Я — Дерек Брунин. Я — канзасец и морпех». Как правило, речь героя стилизована в соответствии с его демографическими и социальными характеристиками. Стилизации подвергается прежде всего используемая героем лексика. Так, в ролике «Dad» характеристику рекламируемому политику (Чету Калверу) дают его дети, что накладывает отпечаток на используемую в ролике лексику — в устной речи героев превалирует эмотивная, неформальная лексика, например: *He's pretty cool as a dad.* — «Он — очень даже клевый папа».

Выбор героя ролика в некоторой степени конструирует **образ адресата** сообщения.

Создатели ролика выбирают героя, в максимальной степени отвечающего их представлению о среднестатистическом представителе целевой аудитории. Речевой портрет героя является важным признаком, позволяющим идентифицировать конструируемого в ролике адресата. Так, героиня политического спота «No Legged Dog» Барбара Пол из г. Лайонз, Джорджия (южный штат США) в своем отзыве о рекламируемом кандидате использует идиоматическое выражение, характерное для южного диалекта: *Anybody who says John Barrow isn't getting things done is lying like a no-legged dog!* — «Те, кто говорят, что Джон Барроу не справляется со своей работой, бессовестно врут!». С помощью диалектизма в ролике подчеркивается, что в качестве адресата сообщения выступают южане.

Одним из распространенных способов вербализации образа адресата является прямое обращение. Поскольку, как правило, рекламное сообщение апеллирует к народу страны в целом, в политическом споте в качестве обращений наиболее часто используются номинации, обозначающие принадлежность к той или иной нации, например: *Do your own taste test, America* — «Выбери кандидата себе по вкусу, Америка». Примечательно, что, хотя основным адресатом сообщения в политическом споте выступает избиратель, в негативной рекламе нередко случаи обращения к конкуренту, что превращает политический спот в дополнительную площадку для диалога между политическими силами. В случае, если источник сообщения обращается к конкуренту напрямую, без посредничества героев, в качестве обращения в ролике часто используется имя адресата, что придает «политическому диалогу» характер неформального, дружеского общения, например: *Uh uh! Not so fast, Jack!* (Jack Layton, лидер Новой демократической партии Канады. — *E. M.*) — «Стоп-стоп! Не так быстро, Джек!». В нарративе героев обращение к конкуренту представлено в формальном виде (титул и имя или только титул), что указывает на желание героя дистанцироваться от политика и имплицитно выражает неодобрительное отношение к последнему: *You may know a few things about money-trading, Mr. Key* (John Key, лидер Национальной партии Новой Зеландии. — *E. M.*), *but when it comes to my family's future, I just can't trust you.* — «Может быть, Вы и знаете, как торговать деньгами, мистер Ки, но, что касается будущего моей семьи, я просто не могу доверять Вам».

Под «**образом прошлого**» и «**образом будущего**» в модели Т. В. Шмелевой пони-

маются два симметричных признака, позволяющих определить место речевого жанра в сценарии общения. По параметру «образ прошлого» автор предлагает различать инициальные жанры, т. е. жанры, начинающие общение, и «реактивные» жанры, т. е. жанры, представляющие собой реакцию на другие жанры [Шмелева 1997]. Образ будущего позволяет прогнозировать дальнейший ход общения, а именно появление других речевых жанров. По параметру «образ прошлого» политический спот в зависимости от коммуникативной цели может быть отнесен как к инициальным, так и к «реактивным» жанрам. «Реактивный» политический спот, как правило, разрабатывается в ответ на нападки конкурентов и потому содержит явную или скрытую отсылку к негативному политическому споту или отдельным высказываниям, выступившим в роли «стимула». Так, в ролике «„Shameful“ — Michelle Nunn for U.S. Senate» отсылка к «ролику-стимулу» представлена эксплицитно в виде косвенной речи кандидата: *David Perdue is running ads saying that while I led President Bush's Points of Light Foundation, we funneled money to terrorists. That's a terrible lie <...>* — «В своих рекламных роликах Дэвид Пердью утверждает, что, когда я возглавляла организацию „Points of Light Foundation“ президента Буша, мы спонсировали террористов. Это — ужасная ложь <...>». В силу своего монологического характера жанр политического спота не предполагает появления ответной речевой реакции. Поскольку основной прагматической установкой политического спота является побуждение к действиям, для рекламодателя не желательна полемика вокруг его сообщения.

Диктумное (событийное) содержание представляет собой пропозицию речевого жанра. По мнению Т. В. Шмелевой, для описания диктумного содержания необходимо учитывать такие факторы, как характер актантов диктумного события, отношения актантов и участников речи, временная перспектива диктума, оценка диктумного события [Там же]. Характеризуя временные рамки политического спота как речевого события, следует отметить, что, хотя политический спот в значительной степени ассоциируется с периодом предвыборной гонки, его трансляция может осуществляться в любой момент времени. Такое положение дел связано прежде всего с тем, что политическая реклама «имеет постоянный, регулярный характер» [Морозова 2012: 44] и потому принципиально несводима к предвыборной рекламе. Участниками коммуникативного акта «политический спот» являются рекла-

модатель и зритель, причем в качестве зрителя выступает массовая, недифференцированная аудитория. Поскольку политический спот направлен на массового адресата и транслируется с помощью средств массовой коммуникации, коммуникативный вклад рекламодателя значительно объемнее коммуникативного вклада зрителя, а значит, можно говорить об асимметричности общения [см.: Карасик 2010: 47].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что политический спот представляет собой отдельный жанр политической рекламы, обладающий специфическим набором жанрообразующих признаков. Перспективным направлением исследования, на наш взгляд, является изучение лингвистической и нелингвистической семиотических систем текста политического спота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. — М. : Наука, 1992. № 1. С. 71—78.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. — М. : Русские словари, 1996. 731 с.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2008. 264 с.
4. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. — М. : Гнозис, 2010. 351 с.
5. Клушина Н. И. Медиастилистика: как устроен современный медиастиль // Русская речь. 2015а. № 3 (май — июнь). С. 55—60.
6. Клушина Н. И. Нарративная организация современного медиа-текста // Русский язык сегодня / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН ; отв. ред. А. В. Занадворова. — М. : Флинта : Наука, 2015б. Вып. 6 : Речевые жанры современного общения : сб. докладов. С. 134—146.
7. Морозова О. Н. Политический рекламный дискурс в интернет-пространстве Великобритании : дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2012. 348 с.
8. Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации // Труды междунар. семинара «Диалог'2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. — М., 2001. Т. 1 : Теоретические проблемы. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/pirogova> (дата обращения: 22.07.2016).
9. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). — М. : Водoley Publishers, 2004. 153 с.
10. Шмелева Т. В. Автор в медиатексте. URL: http://www.novsu.ru/npe/files/um/1588617/portrait/Data/avtor_v_mediatekste.html (дата обращения: 22.07.2016).
11. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. — Саратов : Колледж, 1997. Вып. 1. С. 88—98. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhany-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1> (дата обращения: 22.07.2016).
12. Diamond Edwin, Bates Stephen. The Spot: The Rise of Political Advertising on Television. 3rd ed. — Cambridge, MA : MIT Press, 1992. 418 p.
13. Fowler E. F., Franz M. M., Ridout T. N. Political Advertising in the United States. — Boulder, CO : Westview Press, 2016. 216 p.
14. Jamieson K. H. Everything You Think You Know about Politics — And Why You're Wrong. — New York : Basic Books, 2000. 287 p.
15. YouTube. URL: <http://www.youtube.com> (дата обращения: 01.09.2013 — 22.07.2016).

Y. P. Murashova
Moscow, Russia

**POLITICAL SPOT AS A GENRE OF POLITICAL ADVERTISING
(AN ANALYSIS OF ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL SPOTS)**

ABSTRACT. *This article is an attempt to make a communicative model of political spot genre as a type of political advertising. Political spot is an advertising video that lasts from 15 seconds to 5 minutes, the purpose of which is to stimulate the listener to this or that political behavior, for example, to make them vote for this or that candidate. The basis of the research is 500 political spots in English dating 2007–2016. Political spot is a good example of creolized text, because it is formed by means of correlation of linguistic and non-linguistic semiotic systems. Typological characteristics of political spot as a specific type of media text are analyzed. Thus, political spot is a collective text, because it is written by a group of specialists: political strategist, copywriter, producer, director, artist, editing director; it is at the same time oral and written in the form of creation and in the form of presentation; semiotic heterogeneity of a political spot is caused by the distribution channels, which are TV and the Internet. Narrative structure of a political spot consists of several types of narrative (voices): he author's narrative (the voice of advertiser), narrative of mass media (the voice of journalists) and the narrative of the characters of the video (the voice of voters, family members of the advertised politician, stars, political opponent etc.). These and the other peculiarities make it possible to treat political spot as a genre of political advertising, which has specific features. The study of linguistic and non-linguistic semiotic systems of a political spot is a promising field of research.*

KEYWORDS: *political advertising; political spot; speech genre; model of a speech genre; mediatext; narrative structure.*

ABOUT THE AUTHOR: *Murashova Yekaterina Pavlovna, Lecturer of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Foreign Region Studies, Institute of International Relations and Social-political Studies, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Anisimova E. E. Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannykh i gibridnykh tekstov) // *Voprosy yazykoznanija*. — M.: Nauka, 1992. № 1. S. 71—78.
1. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov // *Sobr. soch.*
5. Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov. — M.: Russkie slovari, 1996. 731 s.
2. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech': ucheb. posobie. — M.: Flinta : Nauka, 2008. 264 s.
3. Karasik V. I. Yazykovaya kristallizatsiya smysla. — M.: Gnozis, 2010. 351 s.
4. Klushina N. I. Mediastilistika: kak ustroen sovremennyy mediastil' // *Russkaya rech'*. 2015a. № 3 (may — iyun'). S. 55—60.
5. Klushina N. I. Narrativnaya organizatsiya sovremennogo media-teksta // *Russkiy yazyk segodnya / In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*; otv. red. A. V. Zavadzova. — M.: Flinta : Nauka, 2015b. Vyp. 6 : Rechevye zhanry sovremennogo obscheniya : sb. dokladov. S. 134—146.
6. Morozova O. N. Politicheskiy reklamnyy diskurs v internet-prostranstve Velikobritanii : dis. ... d-ra filol. nauk. — SPb., 2012. 348 s.
7. Pirogova Yu. K. Strategii kommunikativnogo vozdeystviya v reklame: opyt tipologizatsii // *Trudy mezhdunar. seminar* «Dialog2001» po komp'yuternoy lingvistike i ee prilozheniyam. — M., 2001. T. 1 : Teoreticheskie problemy. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/pirogova> (data obrashcheniya: 22.07.2016).
8. Slyshkin G. G., Efremova M. A. Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza). — M.: Vodoley Publishers, 2004. 153 s.
9. Shmeleva T. V. Avtor v mediatekste. URL: http://www.novsu.ru/npe/files/um/1588617/portrait/Data/avtor_v_mediatekste.html (data obrashcheniya: 22.07.2016).
10. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra // *Zhanry rechi*. — Saratov : Kolledzh, 1997. Vyp. 1. C. 88—98. URL: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1> (data obrashcheniya: 22.07.2016).
11. Diamond Edwin, Bates Stephen. The Spot: The Rise of Political Advertising on Television. 3rd ed. — Cambridge, MA : MIT Press, 1992. 418 p.
12. Fowler E. F., Franz M. M., Ridout T. N. Political Advertising in the United States. — Boulder, CO : Westview Press, 2016. 216 p.
13. Jamieson K. H. Everything You Think You Know about Politics — And Why You're Wrong. — New York : Basic Books, 2000. 287 p.
14. YouTube. URL: <http://www.youtube.com> (data obrashcheniya: 01.09.2013 — 22.07.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева.

М. В. Никифорова, А. П. Чудинов
Екатеринбург, Россия

ВАРИАНТЫ И СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОИ — ЧУЖИЕ» В ДИСКУРСЕ МЭРА ЕКАТЕРИНБУРГА ЕВГЕНИЯ РОЙЗМАНА

АННОТАЦИЯ. Сопоставлены варианты и средства репрезентации концептуальной оппозиции «свои — чужие» в дискурсе Евгения Ройзмана в двух политических ситуациях: в первой Е. Ройзман выступал в роли кандидата на должность мэра Екатеринбурга, а во второй — в роли действующего мэра Екатеринбурга. Материалом для анализа послужили тексты интервью политика за период с июля 2013 по декабрь 2015 г. Цель статьи — выявить доминантные для указанного периода в целом и двух его этапов (избирательная кампания — деятельность мэра) варианты названной оппозиции и средства ее вербализации в диалогической коммуникации Е. Ройзмана.

Методы исследования: дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, обобщение и интерпретация языкового материала, приемы дефиниционного анализа. Описываются равноуровневые языковые средства экспликации концептуальной дихотомии «свои — чужие», характеризуется поле оценочности и прагматический компонент данной дихотомии в речи Е. Ройзмана.

Сделан вывод о том, что основополагающим критерием размежевания на «своих» и «чужих» в индивидуальном дискурсе рассматриваемого регионального политика является территориальный признак, основанный на социокультурной идентичности / инородности. В дискурсе Е. Ройзмана базовая оппозиция «свои — чужие» регулярно трансформируется в частную оппозицию «жители Екатеринбурга — прибывшие (присланные) из Тюмени (Тюменской области) чиновники». Использование указанной оппозиции позволяет Е. Ройзману представить своих политических противников (и прежде всего губернатора Евгения Куйвашева) в качестве «чужих» для жителей Екатеринбурга и — шире — Свердловской области. Отмечены значительные различия при отнесении политических субъектов к числу «своих» и «чужих», с одной стороны, в период избирательной кампании, а с другой — в период работы по посту мэра.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении специфики политической коммуникации, в том числе вариантов концептуальной оппозиции «свои — чужие» в дискурсе конкретных субъектов политической деятельности, а также при исследовании речевых портретов политиков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептуальная оппозиция; политическая коммуникация; средства репрезентации; концептуальная метафора; «свои — чужие»; варианты речевого портрета.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Никифорова Марина Владимировна, аспирант, преподаватель, Российский государственный профессионально-педагогический университет, институт инженерно-педагогического образования; 620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11, к. 0-111; e-mail: armada29@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 286; e-mail: ritmk@uspu.ru.

Давно известно, что политическая риторика (речевой портрет) кандидата на выборную должность существенно отличается от того, как и что говорит этот кандидат, победив на выборах и вступив в желаемую должность. В нашем исследовании указанные различия будут рассмотрены с точки зрения концептуальной оппозиции «свои — чужие», лежащей в основе сущностных представлений о бинарной организации мира. Это противопоставление «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 1997: 127]. В сфере политической коммуникации дихотомия «свои — чужие» играет ядерную, дискурсообразующую роль. Связанные с ней концептуальные векторы интеграции / сплоченности — разъединения / отчуждения «наделяет данную дихотомию идеолого-манипулятивным смыслом» [Кишина 2011: 177], что позволяет политикам воздействовать на широкие массы и внедрять в их сознание желаемые образы, ценности и стереотипы.

В литературе, посвященной исследованию политической коммуникации, пред-

ставлены многочисленные попытки систематизировать средства вербализации дихотомии «свои — чужие» на основании различных критериев: по языковому ярусу [Михалева 2004], по соотношению общеязыковых и специализированных знаков [Шейгал 2000], по сферам-источникам метафорической экспансии [Красильникова 2005; Чудинов 2001], по задействованным когнитивным механизмам формирования смысла [Нехорошева 2012]. В большинстве исследований описание данных средств осуществляется либо на совокупном материале текстов, принадлежащих разным политическим субъектам, либо на материале индивидуального дискурса политиков общегосударственного масштаба. Между тем, очевидно, что дискурсивные варианты и средства репрезентации дихотомии «свои — чужие» имеют определенную специфику в речи региональных политиков, в сфере деятельности которых преобладают региональные (в том числе муниципальные) проблемы. Не менее значимы в рассматриваемом контексте и особенности индивидуального стиля политического лидера, его жизненный и политический опыт.

В настоящей статье анализируются варианты и способы экспликации оппозиции «свои — чужие» в индивидуальном дискурсе широко известного на Урале политика, мэра г. Екатеринбурга Е. Ройзмана. Материалом для статьи послужили тексты интервью политика различным средствам массовой информации за период с июля 2013 по декабрь 2015 гг.

Темпоральное ограничение материалов исследования связано с тем, что на разных этапах своей общественно-политической деятельности Е. Ройзман выступал в разных амплуа. Широкая общественность узнала о Е. Ройзмানে в 1999 г. как об одном из основателей фонда «Город без наркотиков», непримиримом борце с наркоторговлей и спасителе наркозависимых. Начало политической карьеры Е. Ройзмана пришлось на середину 2000-х годов, когда он был избран депутатом Государственной Думы РФ (2004 — 2007 гг.). После исключения из регионального предвыборного списка «Справедливой России» в 2007 г. Е. Ройзман вышел из партии и на несколько лет покинул большую политику, посвятив себя реставрационно-художественной и антинаркотической деятельности. Новый поворот политической карьеры Е. Ройзмана был связан с именем бизнесмена М. Прохорова, которого он поддержал на выборах президента страны в 2012 году. Е. Ройзман состоял в двух партиях, созданных по инициативе М. Прохорова, — сначала в партии «Правое дело», а затем в «Гражданской платформе». В сентябре 2013 года Е. Ройзман был избран на должность Главы Екатеринбурга — Председателя Екатеринбургской городской Думы. На посту мэра Е. Ройзман выступает как ярый защитник интересов жителей Екатеринбурга и оппонент нынешнего губернатора Свердловской области, «присланного Москвой» и тюменца по происхождению Е. Куйвашева.

Специальный анализ позволяет сделать вывод о динамическом характере противопоставления «свои — чужие» в индивидуальном дискурсе Е. Ройзмана: в зависимости от политической ситуации изменялись варианты названной концептуальной оппозиции («наркоторговцы — борцы с наркотиками», «честные люди — коррупционеры», «бюрократы — простые люди», «свердловчане — приезжие») и формы ее лексической репрезентации.

Лейтмотивом всех выступлений политика в период предвыборной борьбы за пост мэра становится фраза «Это мой город. Я здесь родился и вырос». По словам Е. Ройзмана, основной причиной выдвижения его кандидатуры на пост мэра г. Екатеринбурга,

стали непрекращающиеся конфликты с приезжими представителями региональной власти и правоохранительных органов в связи с деятельностью общественной организации «Город без наркотиков». В своих выступлениях Е. Ройзман последовательно использует оппозицию «свои — чужие», где «свои» — это местные жители, а «чужие» — приезжие чиновники и руководители силовых структур. К полю «чужих» политик также относит московских журналистов, освещавших предвыборные кампании кандидатов на пост Главы Екатеринбурга.

В период работы на посту мэра Е. Ройзман значительно расширяет круг «своих», включая в него не только население Екатеринбурга, но и сотрудников городской Администрации, депутатов городской Думы, а во многих случаях и всех жителей Свердловской области. Поле «чужих» в этот период, напротив, приобретает более очерченные границы: к «чужим» в речи Е. Ройзмана относятся «приезжие» чиновники, возглавляющие органы власти Свердловской области, и в некоторых случаях руководство области в целом. Таким образом, наиболее устойчивым и идеологически значимым параметром, по которому мэр Екатеринбурга дифференцирует социально-политическое пространство региона на «своих» и «чужих», становится территориальный признак, основанный на социокультурной идентичности / инородности [Власть ... 2004: 369], где круг «своих» носит исключительно гетерогенный характер и охватывает максимальное количество потенциальных сторонников, а круг «чужих», напротив, четко обозначен и включает в себя ограниченное число представителей региональной власти, которые, как правило, приехали (были присланы) из Тюменской области. В итоге базовая оппозиция «свои — чужие» конкретизируется и приобретает вид частной оппозиции: «жители Екатеринбурга — тюменские (по происхождению) чиновники (тюменский клан)». Показательна асимметрия этой оппозиции: руководителям Свердловской области противостоят не руководители, а «жители Екатеринбурга», причем при таком подходе Екатеринбург оказывается как бы вне границ Свердловской области.

Языковые средства, с помощью которых Е. Ройзман эксплицирует концептуальную оппозицию «свои — чужие», в основном представлены лексическими единицами, содержащими признак территориальной отнесенности. Так, номинативное поле «своих» в речи Е. Ройзмана составляют слова и словосочетания, в семантике которых актуализируется смысл «принадлежность Екатеринбург».

1. Обозначения органов муниципальной власти: *Горадминистрация, Гордума, Администрация Екатеринбурга, Глава города Екатеринбурга, муниципалитет, сити-менеджер, заместитель Главы города* и др.

2. Антропонимы — фамилии руководителей Екатеринбурга и депутатов городской Думы: *А. Якоб, Е. Липович, М. Вяткин* и др.

3. Лексические единицы, в семантике которых в том или ином виде содержатся смыслы «житель Екатеринбурга», — *свердловчане, екатеринбуржцы, горожане, местные жители* а также их метонимические обозначения — *город, Екатеринбург, городская Дума*.

4. Ведущий репрезентант для «своих» — соответствующее местоимение (*свой*), которое, как правило, используется в сочетании с конкретизатором *город*, реже — *область*.

5. Важную роль играет личное местоимение *мы* и его варианты — *наш, нам, у нас*, реализующие когнитивный признак «сплоченности, единства».

Закономерно, что *мы* в речи Е. Ройзмана представляет разные референтные группы, то есть реализует разные значения: *мы* коллегиальное (фонд «Город без наркотиков» и предвыборный штаб Е. Ройзмана, а позднее сотрудники городской Администрации) и *мы* метонимическое (город Екатеринбург). В период предвыборной борьбы идеологически значимым становится значение *мы*, предполагающее стирание различий между политиком и избирателем и позволяющее ему отождествлять себя с жителями Екатеринбурга. Ср.: *Мы тут родились и выросли* [РС «Эхо Москвы». «Интервью». 08.09.2013]; *Они же принимают решения кулуарно // Они же у нас / жителей города / не спросили* // [РС «КП — Урал», «Политика: в России». 19.07.2013]. В должности мэра Е. Ройзман также регулярно употребляет *мы* и его падежные варианты в значении «жители Екатеринбурга», подчеркивая общность проблем и интересов мэра и населения города. Ср.: *У нас город привлекательный* [РС «КП — Урал». «Гость в студии». 11.06.2014]; *Это наш город, мы все здесь родились и выросли и поэтому можем себе позволить относиться друг к другу так, как мы этого заслуживаем* [РС «Эхо Москвы». «Интервью». 02.10.2014]; *У нас Екатеринбург — лучший город страны, и мы это понимаем* [rsn.ru. 15.07.2015].

В период работы на посту мэра особое значение в речи Е. Ройзмана приобретает *мы*, позволяющее ему идентифицировать себя как члена городской Администрации, часть городской команды управленцев. Ср.: *И нам совершенно понятно, чего хотят*

горожане. Мы стараемся, потому что тоже тут живем [siapress.ru. 16.12.2014]; *Мы все точно также в этом городе родились и выросли / и нам всем здесь жить / и нашим детям жить / и мы точно также считаем / думаем / ищем /приводим аргументы / то есть мы точно такие же / как все остальные жители* // [РС «Эхо Москвы. Екатеринбург». «Интервью». 13.07.2015]. *Регулярное использование мы в указанном значении свидетельствует о расширении круга «своих», о положительной динамике в отношении Е. Ройзмана к городской власти. Ср.: Я стал с большим уважением относиться к тем / которые были до меня // Я мог критиковать / мог какие-то резкие себе выражения позволить / я с ними воевал // А потом я зашел / ну смотрю / начинаю работать со статистикой / ну смотрю / город лучший по этим показателям / по этим // (...) И конечно / это вызывает уважение / я вынужден признать / что команда работала* // [gazeta.ru. «Главная тема». 14.04.2014].

Номинативное поле «чужих» также включает несколько групп лексических единиц, как нейтральных в аксиологическом отношении, так и содержащих пространственно-оценочные коннотации.

1. Обозначения органов власти и субъектов власти, — *губернатор, правительство области, Областное заксобрание, Администрация губернатора, региональные власти* и др.

2. Значительно реже используются антропонимы — фамилии руководителей Свердловской области (чаще всего Куйвашев и Силин).

3. Ведущий репрезентант для *чужих* — местоимение *чужой* и его семантические эквиваленты, реализующие в своем значении когнитивный признак *чуждости* — *приезжие, чужаки, пришельцы*, а также описательные обороты — *эти люди, чужие люди, странный человек, человек со стороны, командировочный* и др.

4. Топонимы и оттопонимные образования, реализующие значение «житель (уроженец) Тюмени (Тюменской области), прибывший, присланный из Тюмени (Тюменской области)», — *тюменцы, тюменские, родом из Тюмени, тюменский клан* и др.

5. Местоименные репрезентанты для «чужих» — *он, они, те, их* — реализующие когнитивный признак «отстраненности, удаленности».

Рассматриваемая оппозиция носит аксиологический характер, связанный с полем оценочности, которое, в свою очередь, включает разнообразные языковые средства

выражения отношения говорящего к объекту речи. Так, «свои» в речи Е. Ройзмана закономерно маркируются положительно-оценочной лексикой и пропозициями конструктивного действия, в то время как для указания на «чужих» активно используются отрицательно-окрашенные лексические единицы и пропозиции с отрицательной модальностью. Ср.: ...**Команда сильная, зарекомендовала себя. Все, кто здесь работает, родились здесь и выросли, дети здесь живут. Все учились в одних вузах, все друга друга знают. Хорошая команда, сильная. Понятно, что есть свои издержки, но плюсов значительно больше** [siapress.ru. 16.12.2014]; ... **я вынужден признавать, что команда здесь очень сильная, что здесь умеют работать** [Е1.ru. 25.12.2013]; **Эти деньги / которые жители города заработали // И то что у нас их забирают / я считаю / что это неразумная / неконструктивная политика области / ну и в общем-то скажем прямо / плохое хозяйствование** // [ТК «41 — Домашний». «Открытая студия. Екатеринбург». 21.09.2015]; **В области не заложено денег вообще на детские сады / в этом году // Мало того / в области заложены деньги только на одну школу // ... Мы сейчас школы тянем все на свои деньги // ... То есть денег из области ни копейки нет на это** [ТК «41 — Домашний». «Открытая студия. Екатеринбург». 07.12.2015].

Анализ языкового материала позволил выявить два типа контекстуального окружения «чужих», содержащих оценочный компонент. **Первый связан с демонстрацией деструктивного характера деятельности областных властей в отношении Екатеринбурга и всей Свердловской области.** Ср.: **У нас города-миллионники постепенно поддушивают / Ну а нас поддушивают еще сильнее** // [ТК «РБК-ТВ». «Открытый вопрос». 28.11.2014]; **Принятый в первом чтении проект областного бюджета ставит Екатеринбург на грань выживания** [Пресс-конференция Е. Ройзмана. 26.11.14]; **Когда губернатор пытается город научить, у него спрашивают: «Зачем?» Он: «Я вас научу работать!» Так отъезжай 20 километров от города и областью займись. У тебя Ирбит разрушается на глазах, Белоярка замерзает, Сухой Лог без воды сидит в морозы. Дегтярск вообще исчезает. Займись, есть чем заняться** [siapress.ru. 16.12.2014]; **Бюджет очень скромный // Постараемся выживать // Уменьшается у нас потихонечку доходная часть / то есть отняли у нас еще два процента подоходного налога // Об-**

ласть отняла // Плюс у нас распоряжение неразграниченными землями ушло в область / плюс градостроительные полномочия / плюс полномочия по рекламе // [ТК «41 — Домашний». «Открытая студия. Екатеринбург». 07.12.2015]. В ряде фрагментов Е. Ройзман акцентирует проблему разобщенности региональной власти и жителей Екатеринбурга. Ср.: **Они же принимают решения кулуарно // Они же у нас / жителей города / не спросили** // [РС «КП — Урал». «Политика: в России». 19.07.2013]; **Видимо, у некоторых людей, которые попадают на такую высокую должность, происходит некоторое смещение. Он не понимает, что деньги, которые он дает, — не из его кармана** [siapress.ru. 16.12.2014].

Вторая разновидность контекстуальной оценки «чужих» связана с критерием профессионализма. Ср.: **Наша проблема — это именно губернатор-назначенец, который своим уровнем не соответствует уровню города** [РС «Радио Свобода». «Лицом к событию». 13.08.2013]; **Я стараюсь лишний раз не упоминать губернатора, но если доходит до этого, то да, я считаю основной проблемой несоответствие личного уровня уровню Екатеринбурга** [rsn.ru. 15.07.2015]; **Я вижу большую разницу между городской командой и губернаторской командой // То есть городская команда просто выше классом** // [66.ru. 26.01.2015]. Во многих фрагментах признак непрофессионализма «чужих» вербализуется при помощи статистических данных, косвенно указывающих на качество работы областной Администрации. Ср.: **У бюджета дефицит порядка 20 млрд // Долг сейчас Свердловской области порядка 32 млрд // и Госдолг / предполагаемый / вырастет до 84 и семи десятых млрд ... // Никогда в жизни у Свердловской области не было таких долгов** // [ТК «РБК-ТВ». «Открытый вопрос». 28.11.2014].

Размежевание на «своих» и «чужих» по территориальному признаку как проявление «регионального негативизма» [Шейгал 2000: 169] в речи мэра Екатеринбурга приводит к идеологизации изначально нейтральных в аксиологическом отношении лексических единиц. Так, обращает на себя внимание приписывание оценочных смыслов топонимам **Екатеринбург** и **Тюмень**. Родной город в речи Е. Ройзмана характеризуется исключительно положительно-оценочной лексикой и употребляется в контексте слов с яркой патриотической семантикой. Ср.: **Город Екатеринбург / самый сильный из всех миллионников** [ТК «РБК-ТВ». «Открытый

вопрос». 28.11.2014]; *Не забудьте своим детям сказать / что Екатеринбурге / это самый лучший город / нам здесь есть чем гордиться / и что беречь / и надо чтобы наши дети любили наш город* // [РС «КП — Урал». «Гость в студии». 27.02.2014].

Топоним Тюмень как город «чужих», напротив, маркируется отрицательно-окрашенными лексическими единицами и оскорбительно-саркастической тональностью. Ср.: *Представляете / приезжает человек из Тюмени и говорит / я у вас заберу // Зачем забирать-то? Ты лучше что-нибудь отдай!* [ТК «ЕТВ». «Сумма мнений». 29.09.2015]; *Никто не спросил мнение жителей города // Я считаю что это неуважение к жителям города // И в Екатеринбурге так нельзя // И каждый / кто приехал там из Тюмени / он должен понимать / здесь надо разговаривать с горожанами / с уважением* [ТК «41 — Домашний». «Открытая студия. Екатеринбург». 17.11.2014]. Топонимическая пара «Екатеринбург — Тюмень» становится, таким образом, идеологической оппозицией, в которой приписывание оценочного знака связано с качественными показателями уровня города, его статусом. Ср.: *У нас говорят: «Тюмень — столица деревень». Там свой уровень, здесь свой уровень* [РС «Радио Свобода». «Лицом к событию». 13.08.2013]; *Екатеринбург — это третий город страны* [ТК «Дождь». «Говорите с Ю. Таратутой». 14.04.2014]; *Замечательный / хороший город // Он действительно один из лучших городов в стране* // [РС «КП — Урал». «Гость в студии». 11.06.2014].

Оттопонимические номинации *тюменцы* и *тюменские* регулярно используются Е. Ройзманом как аксиологически маркированные знаки. Многократное упоминание данных лексических единиц в экспрессивно-оценочном контекстуальном окружении способствует «окачествлению» стабильного признака — нейтрализации языковой семантики «пространственной принадлежности» и, напротив, гиперболизации прагматического значения «низкого уровня профессионализма». Ср.: *Пока что приезжие тюменцы находят только один вариант / два варианта (...) Первое / брать кредиты // А второе / доить Екатеринбург // Ну это слишком простой / я бы сказал / примитивный способ хозяйствования* // [РС «Эхо Москвы. Екатеринбург». «Интервью». 05.10.2015]. В одном из интервью Е. Ройзман, говоря о тюменских чиновниках в руководстве Свердловской областью, использует метафору родства, акцентируя не толь-

ко признак социокультурной инородности «чужих», но и их непрофессиональные методы политической деятельности, в частности, принцип формирования политического окружения, основанный на общности пространственной принадлежности. Ср.: *У нас у власти сейчас находится тюменский клан // Губернатор приезжий у нас // Он собрал вокруг себя тюменцев* // [ТК «41 — Домашний». «Послесловие к новостям». 14.10.2015].

Таким образом, дифференциация социально-политического пространства региона на «своих» и «чужих» по признаку социокультурной идентичности / инородности приобретает в индивидуальном дискурсе мэра Екатеринбурга Е. Ройзмана идеолого-манипулятивное значение. Е. Ройзман приписывает стабильному признаку, каковым является пространственная принадлежность политического субъекта, качественные характеристики, создавая принципиально неравнозначное, но прагматически эффективное противопоставление: «свои», то есть жители Екатеринбурга — хорошие, «чужие», то есть тюменские чиновники — плохие.

Активно для номинации «чужих» Е. Ройзман также применяет лексемы назначенец и приезжий. Первоначально стилистически нейтральные (назначенец: *лицо, назначенное кем-нибудь на какую-нибудь ответственную административную должность, а также тот, кто назначен администрацией для выполнения какого-нибудь дела, поручения* [<http://www.ozhegov.org/words/17074.shtml>]; приезжий: *приехавший откуда-нибудь, не здешний* [<http://www.ozhegov.org/words/26788.shtml>]), в контексте употребления данные лексические единицы приобретают манипулятивно-прагматическое значение, становясь идеологическими ярлыками. По замечанию Р. Бахема, «важным лингвистическим фактором, способствующим превращению нейтрального слова в инвективный ярлык, является его многократное упоминание в негативном контексте, благодаря чему оно буквально «включивается в сознание», конденсируя в себе привнесенные контекстом негативные ассоциации» [цит. по Шейгал 2000: 174]. Помещая указанные существительные в негативный контекст, Е. Ройзман придает им устойчивый неодобрительный оттенок. Ср.: *Мелкие назначенцы решают все свои проблемы за счет федеральной власти. И федеральная власть несет огромные имиджевые убытки именно за счет бестолковых назначенцев* [РС «Радио Свобода». «Лицом к событию». 13.08.2013]; *Представляете / ситуация какая // Губернатор / назначенец /*

приезжий // Начальник полиции / приезжий / назначенец // Начальник городской милиции / приезжий // Министр культуры / приезжий // Министр здравоохранения / приезжий // Министр финансов / приезжий // И сейчас еще Куйвашев хочет своего сити-менеджера / поставить управлять городом // [РС «КП — Урал». «Политика: в России». 19.07.2013].

Акцентируя тему губернаторов-назначенцев и регулярно подчеркивая собственный статус избранного Главы города, Е. Ройзман вводит дополнительный параметр определения *свойственности / чуждости* — противопоставление по признаку *избранный / назначенный*, который, с одной стороны, усиливает признак чуждости политических оппонентов, а с другой стороны, становится средством формирования образа народного мэра, политика из народа и для народа, который, будучи избранным должностным лицом, в отличие от чиновников-назначенцев из областного правительства, в своих действиях ориентируется исключительно на интересы жителей Екатеринбурга. Ср.: *Меня избрали / и срок моей работы пять лет // Я честно отношусь к своей работе / и я буду работать до конца // Уже просто потому что доверили / такой аванс от людей // [ТК «ЕТВ». «Сумма мнений». 29.09. 2015].*

Специфическим в речи Е. Ройзмана представляется также использование многообразных обозначений «чужих»: это местоимение *чужой* и его контекстуальные синонимы — *приезжие, чужаки, пришельцы, эти люди, чужие люди, приезжие люди, странные люди, человек со стороны, командировочный* и др. Употребление указанных слов нередко придает речи Е. Ройзмана оскорбительную и иронично-саркастическую тональность. Ср.: *Если эти деньги (два процента НДФЛ — прим.авт.) отнимут / это просто показывает отношение чужаков / пришельцев к Екатеринбургу // [ТК «41 — Домашний». «Открытая студия. Екатеринбург». 21.09.2015]; Противостояние между городом и областью существует уже 200 лет. <...> Но очень сложно совместить идеологию коренного жителя с мировосприятием командировочного [Пресс-конференция Е. Ройзмана. 24.12.2014]; Когда приезжие люди начинают в чужом городе / заниматься вот этими вещами (об изъятии у Екатеринбурга градостроительных полномочий — прим.авт.) это потом нашим потомкам предстоит расхлебывать // [РС «Эхо Москвы. Екатеринбург». «Интервью». 05.10.2015]. Высмеивание, являющееся распространенным приемом понижения статуса оппонента в политической коммуникации, также направлено в*

высказываниях Е. Ройзмана на демонстрацию непрофессионализма «чужих» и низкого уровня их мотивации в развитии столицы региона.

На текстовом уровне проявлением дихотомии «свои — чужие» становится дейктическая оппозиция «мы — они» и ее варианты. Прием апелляции к пространственной принадлежности в этом случае приобретает два вектора реализации: самоидентификации с жителями города и одновременного указания на социокультурную инородность «чужих». Е. Ройзману, таким образом, удается, с одной стороны, идентифицировать себя как члена одной с горожанами референтной группы и, с другой стороны, отмежеваться от властного регионального центра. Ср.: *Эти люди приехали и уехали / а нам-то здесь жить / мы отсюда уезжать не собираемся // [РС «КП — Урал». «Политика: в России». 19.07.2013]; И когда города-миллионники хотят отдать приезжим назначенцам / чтобы они решали / не те люди / которые здесь родились и выросли / у которых дети здесь живут / и которые не уезжают отсюда / а людям / которые сегодня пришли / завтра ушли / наделали долгов / исчезли / это же все нам остается / это же нам надо платить // [РС «Эхо Москвы Екатеринбург». «Интервью». 09.06.2014]. В ряде интервью политик применяет тактику поляризации [Руженцева 2004: 86]: параллельное противопоставление *мы* и *они* реализует прием «игры на повышение» — создание положительного образа «своих» на фоне намеренного понижения политического статуса оппонентов. Ср.: *Бюджет очень сложный. Но, к нашей чести будет сказано, у нас нет долгов. Это очень большое достижение. У области уже сейчас долг 32 млрд рублей, и в следующем году его могут догнать до 90 млрд. И когда все это произойдет, нам придется подставить области плечо. Если мы не планируем уезжать из этого города и здесь останутся жить наши дети, то платить эти долги будем мы, которые здесь родились и выросли, а не те несколько тюменцев, которые их занимали и которые рано или поздно уедут [Пресс-конференция Е. Ройзмана. 26.11.14]; У городов очень большие претензии к областным властям // (...) Совсем бы не хотелось / чтобы они так хозяйствовали / чтобы потом нашим детям за них пришлось платить // Поэтому мы за собой хотя бы очень внимательно смотрим / и их пытаемся контролировать [ТК «41 — Домашний». «Открытая студия». 07.12.2015].**

Параллельное противопоставление «своих» и «чужих» реализуется также в метафорических репрезентациях дихотомии. Анализ текстового материала демонстрирует высокую частотность и значительный прагматический потенциал военной и криминальной метафор. С помощью метафоры войны Е. Ройзман характеризует «своих» и «чужих» как военных соперников, при этом областное руководство выступает в роли врага, агрессора, а обороняющейся стороной является город и городская Администрация. Ср.: *Ситуация очень накалена / ситуация очень политизирована // Понятно / что существует противостояние города и области // [РС «КП — Урал». «Гость в студии». 11.06.2014]; Город находится в обороне, сопротивляется, потому что губернаторы меняются, как перчатки, а городу скоро 300 лет. И каждый из губернаторов считает своим долгом город как-то подчинить [siapress.ru. 16.12.2014]; Как только я уйду / я открываю дорогу тюменцам // Так получилось / что вся юридическая конфигурация управления Екатеринбургом / она замкнута на меня // Понятно / что уже по этой причине / я просто в мишень превращаюсь // Поэтому я понял / что вот я только отойду / я просто открою ворота / ну в такой / осажденной крепости // [Пресс-конференция Е. Ройзмана. 24.12.2015].*

С помощью криминальных метафор Е. Ройзман постоянно характеризует нечестные, преступные методы и инструменты политической борьбы, характерные для его политических противников. Оппозиция «свои — чужие» метафорически переосмысливается в оппозиции «жертвы — преступники». Ср.: *Никто не понял / что произошло // Но все поняли одну вещь / что мы имеем дело с наперсточниками // [РС «Эхо Москвы». «Интервью». 15.07.2015]; Это наша страна, мы ее хорошо знаем. Мы сейчас будем сто вариантов просчитывать — произойдет сто первый. Даже в последний момент из рукава достанут [РС «Эхо Москвы». «Интервью». 25.07.2015]; Вся реформа местного самоуправления / затевалась только / ради двух вещей / я считаю // Первое / это отмена прямых выборов мэров // Ну а второе / это дать возможность / через губернаторов-назначенцев / разным финансово-промышленным группам / добраться до последних неразграбленных активов / которые остались от Советской власти / это активы городов-миллионников // [РС «КП — Урал». «Интервью». 22.01.2015]. Метафоры становятся в речи мэра Екатеринбурга способом экспликации и экспансии оценки: с их по-*

мощью Е. Ройзман производит четкую поляризацию политического пространства региона на «своих» и «чужих», демонстрируя, с одной стороны, силу и независимость Екатеринбурга и, с другой стороны, губительный для города характер действий приезжих чиновников, возглавляющих областное правительство.

В целом анализ речевого материала позволяет обобщить основные свойства концептуальной оппозиции «свои — чужие», репрезентированной в индивидуальном дискурсе мэра Екатеринбурга Е. Ройзмана за период с июля 2013 по декабрь 2015 гг.

1. Варианты оппозиции «свои — чужие» в речи Е. Ройзмана во многом определяются политической ситуацией: к числу «своих» и противостоящим им «чужих» в период, с одной стороны, избирательной кампании, а с другой стороны — деятельности Е. Ройзмана на посту мэра, причислялись различные политические субъекты.

2. Доминантным смысловым вариантом оппозиции «свои — чужие» в предвыборных выступлениях Е. Ройзмана становится противопоставление по территориальному признаку, который организует социокультурную идентичность. В результате базовая оппозиция приобретает вид частной оппозиции «жители Екатеринбурга — «прибывшие из Тюмени чиновники», которым помогают приехавшие из Москвы руководители силовых структур и продажные журналисты.

3. Доминантным смысловым вариантом оппозиции «свои — чужие» в выступлениях мэра Екатеринбурга Е. Ройзмана остается противопоставление по территориальному признаку, однако в круг «своих» все чаще включаются руководители Екатеринбурга, а также жители всей Свердловской области. Одновременно приобретает более узкие границы круг «чужих», к числу которых относятся преимущественно тюменские «чиновники», возглавляющие органы власти Свердловской области, а также в некоторых случаях руководство области в целом.

4. Прагматический эффект рассматриваемой оппозиции усиливается за счет асимметрии: руководителям (которые обозначены как «чиновники») Свердловской области противостоят не руководители Екатеринбурга (или городские чиновники), а «жители Екатеринбурга», причем при таком подходе Екатеринбург оказывается как бы вне границ Свердловской области. Создается принципиально неравнозначное, но прагматически эффективное противопоставление: свои (жители Екатеринбурга) — хорошие, чужие (тюменские чиновники) — плохие.

5. Размежевание на «своих» и «чужих» по территориальному признаку приводит к

идеологизации стилистически нейтральных лексических единиц; так, идеолого-манипулятивное значение в речи мэра Екатеринбурга приобретают топонимы *Екатеринбург*, *Тюмень*, оттопонимические номинации *тюменцы*, *тюменские*, а также лексемы *назначенец*, *приезжий*, *командированный*, *избранный*.

6. Обращает на себя внимание стабильность способов языковой репрезентации концептуальной оппозиции «свои — чужие» и динамичность содержательного наполнения поля «своих» и поля «чужих». В дискурсе Ройзмана «свои» обозначаются как «мы», «екатеринбуржцы», «свердловчане», «местные», «наши». Соответственно «чужие» номинируются как «тюменские», «они», «приезжие», «пришельцы», «командировочные». Два названных периода объединяют и доминантные концептуальные метафоры, среди которых наиболее активны милитарные и криминальные образы. Такая стабильность в определенной степени делает менее заметным отмеченное выше существенное изменение круга политических субъектов, относимых соответственно к числу «своих» и «чужих».

7. Прагматический мобилизующий потенциал различных по своей природе языковых средств репрезентации концептуальной дихотомии «свои — чужие» в политической коммуникации заключается в их способности оказывать формирующее влияние на мнение массового адресата. В индивидуальном дискурсе Е. Ройзмана апелляция к территориальному признаку способствует, с одной стороны, интеграции мэра Екатеринбурга с жителями Екатеринбурга и — шире Свердловской области, а с другой — понижению политического статуса политических оппонентов за счет отнесения их к полю «чужих».

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахова О. И. Динамика оппозиции «свой — чужой» в речевом портрете Н. Ю. Белых // Современная политическая

лингвистика: тезисы междунар. науч. конф. — Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2011. — С. 25 — 27.

2. Балашова Л. В. Реализация концептов «свой — чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 40 — 50.

3. Власть в русской языковой и этнической картине мира: монография / Ермаков С. В., Ким И. Е., Михайлова Т. В. и др. — М.: Знак: Языки славянской культуры, 2004 г. — 408 с.

4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с.

5. Кишина Е. В. Семантическая оппозиция «свой — чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник КемГУ. №4 (48) 2011. С. 174 — 179.

6. Кобец Е. В. Коммуникативно-прагматическая специфика политического дискурса (на материале речей А. И. Лебедея): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01.- Абакан, 2012. — 26 с.

7. Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ — ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. — Екатеринбург, 2005. — 208 с.

8. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2004. — 25 с.

9. Нехорошева А. М. Механизмы формирования когнитивной матрицы «свой — чужой» в немецком политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 140 — 144.

10. Осетрова Е. В. Речевой портрет политика: содержательная и коммуникативная составляющие // Лингвистический ежегодник Сибири. 1999. № 1. С. 58 — 66.

11. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01. — Саратов, 2005. — 325 с.

12. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2004. — 294 с.

13. Синельникова Л. Н. Политический дискурс Украины: территория раздора // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. — Волгоград: Перемена, 2009. С. 207 — 223.

14. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. — М., 1997. — 482 с.

15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): монография. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. — 238 с.

16. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва: Флинта: Наука, 2006. — 256 с.

17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; 10.02.19. — Волгоград, 2000. — 440 с.

M. V. Nikofova, A. P. Chudinov
Ekaterinburg, Russia

VARIANTS AND REPRESENTATION MEANS OF 'FRIEND OR FOE' CONCEPTUAL OPPOSITION IN THE INDIVIDUAL DISCOURSE OF EU. ROIZMAN, MAYOR OF YEKATERINBURG

ABSTRACT. The paper compares variants of 'friend or foe' conceptual dichotomy in the individual discourse of Eu. Roizman in two political situations: in the first one Eu. Roizman was a candidate for the position of Mayor of Yekaterinburg, and in the second one — the present Mayor of the city. The analysis has been carried out on the interviews given by the politician over the period from July 2013 to January 2015. The purpose of the article is to identify dominant variants and linguistic means of representation of 'friend or foe' dichotomy in Eu. Roizman's dialogic communication for the considered period on the whole and its two stages in particular (the pre-election campaign and the mayor activity).

There have been used the following methods of study: discourse analysis, contextual analysis, generalization and linguistic material interpretation, definition analysis. The authors describe various means of 'friend or foe' dichotomy explication; characterize its evaluation field, and its pragmatic component, expressed in Eu. Roizman's speech.

It has been concluded that in the politician's discourse the basic parametre differentiating the political space of the region into friends or foes becomes the territory criterion that is based on socio-cultural identity / heterogeneity. The basic opposition 'friend or foe' is regularly transformed into a particular opposition 'residents of Yekaterinburg — officials, sent from Tumen (Tumen region)'. Using the considered opposition allows Eu. Roizman to represent his political opponents (first of all the Governor of Sverdlovsk region Eu. Kuivashev) as 'foes' to the residents of Yekaterinburg and even broader — of Sverdlovsk region. There have been found out essential differences in 'friends' and 'foes' fields formation during the pre-election campaign, on the one hand, and in the period of Eu. Roizman's mayor activity, on the other hand.

The results of the analysis can be used for further investigation of political communication, including the study of variants of 'friend or foe' conceptual opposition in the discourse of specific political figures, as well as for describing politicians' speech portrait variants.

KEYWORDS: *conceptual opposition; friend or foe; political communication; means of representation; conceptual metaphor; speech portrait variants.*

ABOUT THE AUTHOR: *Nikiforova Marina Vladimirovna, Post-graduate Student, Lecturer, Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Chudinov Anatoly Prokopyevich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Astashova O.I. Dinamika oppozitsii 'svoy' — 'chuzhoy' v rechevom portrete N.Yu.Belych // *Sovremennaya politicheskaya lingvistika: tezisy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* — Yekaterinburg, 2011. S. 25 — 27.
2. Balashova L.V. Realizatsiya kontseptov 'svoy' — 'chuzhoy' v rossiyskom politicheskom diskurse nachala XXI veka // *Politicheskaya lingvistika.* 2014. № 1 (47). S. 40 — 50.
3. Vlast' v russkoy yazykovoy i etnicheskoy kartine mira / Ermakov S.V., Kim I.Ye., Mikhailova T.V. i dr. — M.: Znak: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. — 408 s.
4. Issers O.N. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. — M.: izdatel'stvo LKI, 2008. — 288 s.
5. Kishina Ye.V. Semanticheskaya oppozitsiya 'svoy' — 'chuzhoy' kak realizatsiya ideologo-manipulyativnogo potentsiala politicheskikh diskursov // *Vestnik Kemer.gos.univ-ta.* №4 (48) 2011. S.174 — 179.
6. Kobets Ye.V. Kommunikativno-pragmaticheskaya spetsifika politicheskogo diskursa (na materiale rechey A.I. Lebedya): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. — Abakan, 2012. — 26 s.
7. Krasilnikova N.A. Metaforicheskaya representatsiya lingvokulturologicheskoi kategorii 'svoi' — 'chuzhiye' v ekologicheskom diskurse SShA, Rossii i Anglii: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. — Yekaterinburg, 2005. — 208 s.
8. Michaleva O.L. Politicheskii diskurs kak sfera realizatsii manipulyativnogo vozdeistviya: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. — Irkutsk, 2004. — 25 s.
9. Nechorosheva A.M. Mechanismy formirovaniya kognitivnoi matritsy 'svoy' — 'chuzhoy' v nemetskom politicheskom diskurse (na primere vystuplenii A.Merkel') // *Politicheskaya lingvistika.* 2012. № 2 (40). C. 140 — 144.
10. Osetrova E.A. Rechevoy portret politika: sodержatel'naya i kommunikativnaya sostovlyayuschiye // *Linguistic annual of Siberia.* 1999. № 1. S. 58 — 66.
11. Parshina, O. N. Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii: diss.... dokt. filol.nauk: 10.02.01. — Saratov, 2005. — 325 s.
12. Ruzhentseva N.B. Diskreditiruyuschiye taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse . — Yekaterinburg: Ural.gos.ped.univ-et, 2004. — 294 s.
13. Sinelnikova L.N. Politicheskii diskurs Ukrainy: territoriya razdora // *Sovremennaya politicheskaya lingvistika: problemy, kontsepcii, perspektivy: sbornik nauchnykh trudov.* — Volgograd, 2009. S.207 — 223.
14. Stepanov Yu.S. Konstanty: slovar' russkoi kultury. M., 1997. — 482 s.
15. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991-2000). — Yekaterinburg: Ural.gos.ped.univ-et, 2001. — 238 s.
16. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2006. — 256 s.
17. Sheygal, E. I. Semiotika politicheskogo diskursa: diss.... dokt. filol.nauk: 10.02.01, 10.02.01. Volgograd, 2000. — 440 s.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Е. В. Дзюба.

Ю. В. Богоявленская
Екатеринбург, Россия

РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КОРПУСА: МЕТОД ВЕРИФИКАЦИИ ДОСТОВЕРНОСТИ ПОЛУЧЕННЫХ ДАННЫХ

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья обращена к актуальной проблеме оценки репрезентативности специализированного лингвистического корпуса, предполагающее включение в него необходимо-достаточного количества текстов, обеспечивающих решение исследовательских задач. Анализируется методика достижения репрезентативности корпуса, предложенная А. Н. Барановым. В основе данной методики лежит идея накопления и коррекции относительной частоты феномена, достигаемой в процессе сплошного отбора контекстов его употребления. Метод применим к специализированному корпусу, сформированному исследователем самостоятельно, путем сплошного отбора данных, содержащих исследуемый феномен. Предлагается метод верификации достоверности полученных при индексации корпуса данных, разработанный автором статьи. Метод опирается на закон текстового блока, в соответствии с которым лингвистические единицы (слова, буквы, синтаксические функции, конструкции и т. д.) демонстрируют определенное распределение частоты в одинаково больших текстовых блоках, на принципы итеративности и пропорциональности, а также на принцип вычисления ценного индекса (статистический индекс многошагового расчета, характеризующий изменение показателя по отношению к каждому предыдущему шагу — итерации). На первом этапе рассчитывается индекс достоверности по отдельным параметрам, затем средний индекс достоверности по итерации. На следующем этапе, после новой итерации, средние индексы сопоставляются. Предлагаемый метод обладает такими преимуществами, как обеспечение достижения репрезентативности корпуса, возможность регулировать его объем, а также простота в использовании.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: корпус; корпусная лингвистика; репрезентативность; метод верификации достоверности полученных данных.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Богоявленская Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 465; e-mail : jvbog@yandex.ru.

В корпусной лингвистике репрезентативность понимается как необходимо-достаточное и пропорциональное представление в корпусе текстов различных периодов, жанров, стилей, авторов и т. п. [Рыков 2002], а корпус рассматривается как некоторый объект, служащий моделью некоторой внешней по отношению к нему реальности. Именно репрезентативность корпуса определяет **достоверность полученных на его материале результатов**. Таким образом, репрезентативность можно рассматривать как проблему адекватного отражения, адаптации или интеграции больших массивов текстов или некоторых иных фрагментов речевой деятельности в существенно меньший по объему корпус текстов [Захаров, Богданова 2011].

Современная корпусная индустрия, стремясь к обеспечению репрезентативности, идет по пути наращивания объема корпусов, исходя из убеждения, что именно **объем** и является ключевым моментом для ее достижения. По современным требованиям универсальный (стандартный) корпус должен включать тексты общим объемом не менее 100 млн слов. Утверждается, что достаточно большой (репрезентативный) объем корпуса гарантирует типичность данных и обеспечивает полноту представления всего спектра языковых явлений [Захаров 2005]. Результаты, полученные на материале универсальных корпусов, легко экстраполируются исследователями на весь язык. Однако

достаточно ли оснований для подобной экстраполяции?

Собственный опыт корпусного исследования и тщательный анализ научной литературы по данному вопросу убеждает, что в этом вопросе есть слабые места, которые уже начинают осознаваться и акцентироваться в работах, посвященных данной проблеме. Целый ряд исследователей отмечают, что на данный момент *апробированных способов обеспечения репрезентативности корпусов не предложено* [Беликов, др. 2013; McEnergy, Hardie 2011; Hunston 2008; Arbach, Ali 2014]. В некоторых работах подчеркивается, что применительно к общезыковому (универсальному) корпусу это понятие невозможно рассчитать и описать строго математически [Захаров, Богданова 2011]. К тому же языковая личность составителя корпуса оказывает непосредственное влияние на его репрезентативность [Мордовин 2009: 34], что мешает корпусу объективно отражать речевую действительность.

Шаткость категорических заявлений о достигнутой репрезентативности проявляется, в частности, в следующем утверждении авторов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), размещенном на официальном сайте: «Национальный корпус имеет две важные особенности. Во-первых, он характеризуется представительностью, или сбалансированным составом текстов. Это означает, что корпус содержит *по возможности все типы* письменных и устных текстов,

представленные в данном языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т. п.), и что все эти тексты входят в корпус *по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода*».

К сожалению, заявленные критерии сбалансированности и репрезентативности не обеспечиваются доказательствами (характеристики *по возможности все и по возможности пропорционально их доле в языке* вряд ли могут считаться убедительными); на сайте корпуса не представлено ни принципов формирования корпуса, ни методик расчета пропорциональности и т. д. Мы обнаружили только одну работу, в которой анализируется лексическая сбалансированность НКРЯ [Ляшевская, Шаров 2009]. Авторы, создатели частотного словаря на материале данного корпусного ресурса, провели его сегментирование, подсчитали частоты с учетом равномерности распределения по сегментам и пришли к выводу о том, что относительные частоты в ядре языка устроены в НКРЯ близко к тому, что показывает Интернет.

Подобная ситуация наблюдается и в других универсальных корпусах: британском, венгерском, болгарском и т. д. (см. об этом: [Беликов, др. 2013]).

В области **специализированных корпусов**, тексты которых относятся к определенному стилю, сфере коммуникации, дискурсу, автору и т. д., ситуация несколько иная. Требование репрезентативности здесь звучит как *необходимо-достаточное количество текстов, обеспечивающих решение исследовательских задач*. Но как определить, что отобранный исследователем материал действительно достиг этого показателя?

Интересную **методику достижения репрезентативности корпуса** предлагает А. Н. Баранов. Под репрезентативностью лингвист понимает «такой тип отображения проблемной области в корпусе данных, при котором последний отражает все свойства проблемной области, релевантные для данного типа лингвистического исследования, в определенной пропорции, определяемой частотой изучаемого явления в проблемной области. Другими словами, относительная частота явления в корпусе должна быть близка его относительной частоте в проблемной области» [Баранов 2001]. Свою стратегию организации корпуса данных он предлагает назвать пропорциональной. Она может применяться к специализированному корпусу, сформированному исследователем самостоятельно, путем сплошного отбора

данных, содержащих исследуемый феномен. В основе методики оценки репрезентативности корпуса лежит идея накопления и коррекции относительной частоты феномена, достигаемая в процессе сплошного отбора контекстов его употребления. Автор пишет: «Предположим, что метафорическая модель M в проблемной области имеет относительную частоту F_m . Пусть в некоторой выборке примеров A_1 эта модель получает частоту F_1 , которая, разумеется, отличается от частоты F_m , но тогда следует ожидать, что при тех же принципах отбора примеров при дальнейшем накоплении материала, равном выборке примеров A_2 , в результирующей выборке $A_1 + A_2$ относительная частота F_2 будет в большей степени приближаться к F_m . Конечно, это не обязательно произойдет сразу на втором замере в выборке $A_1 + A_2$. В общем случае это может произойти на n -м замере в выборке $A_1 + A_2 + \dots + A_n$. С какого-то момента, когда относительная частота метафорической модели начинает приближаться к относительной частоте этой модели в проблемной области, то есть с замера n , различие между относительными частотами F_n, F_{n+1}, F_{n+2} и т. д. будет все больше уменьшаться. Иными словами, разница между числами последовательности $Q_n (= F_n - F_{n-1}), Q_{n+1} (= F_{n+1} - F_n), Q_{n+2} (= F_{n+2} - F_{n+1})$, характеризующими различия в относительной частоте между замерами, начиная с замера n , будет становиться все меньше и меньше. Графически это должно отражаться движением кривой к некоторому пределу (относительной частоте модели M в проблемной области — F_m)» [Баранов 2001]. Осуществлять замеры и производить расчеты параметров предлагается на материале нескольких метафорических моделей, отобранных из корпуса произвольно (в статье анализируется 5 моделей).

Поставленный А. Н. Барановым эксперимент подтвердил обоснованность подобного подхода. Его недостатком может считаться, на наш взгляд, большая трудоемкость, связанная с ручными расчетами показателей по каждому замеру относительной частоты F , параметров отклонения Q и с исчислениями по разработанным формулам. Однако подход имеет доказанную эффективность, что позволяет использовать его в качестве опоры.

Для проверки достоверности статических данных и оценки репрезентативности корпуса мы предлагаем использовать разработанный нами специальный метод верификации достоверности полученных данных (мы выражаем искреннюю благодарность за консультацию по вопросу разработки мето-

дики зав. кафедрой теоретической механики и математического моделирования УрФУ, кандидату физико-математических наук Михаилу Геннадьевичу Близорукову).

Метод опирается:

1) на закон текстового блока, в соответствии с которым лингвистические единицы (слова, буквы, синтаксические функции, конструкции и т. д.) демонстрируют определенное распределение частоты в одинаково больших текстовых блоках;

2) принципы итеративности (повторяемости, цикличности) и пропорциональности;

3) принцип вычисления *цепного индекса*, широко применяемого в математической, экономической и других статистиках [Гусаров, Кузнецова 2008]. Под цепным индексом понимается *статистический индекс многошагового расчета*, характеризующий изменение показателя по отношению к каждому предыдущему шагу (итерации). Таким образом, базой для сравнения является индекс, полученный в предыдущей итерации.

Мы рассчитываем значение **индекса достоверности по параметру**, используя относительные показатели — индексы параметров, представляющие собой отношение количества употреблений исследуемого феномена, индексированного по данным параметрам, к общему количеству его употреблений.

С целью обеспечения объективности рекомендуется отобрать восемь-десять разноформатных параметров, по которым проводится индексация в корпусе.

После исчисления значения индекса достоверности по каждому параметру в итерации высчитывается **средний индекс достоверности**: сумма индексов по параметрам делится на их количество. После каждой итерации высчитывается значение индекса, его значение сопоставляется с предыдущим до тех пор, пока значение индекса не приблизится к 1.

Размер итерации определяется индивидуально: это может быть от 100 до 500 (возможно, больше) проиндексированных единиц исследования.

После каждой итерации «снимаются статистические показания», фиксируются в программе «Excel» и высчитывается индекс достоверности каждого параметра по следующей формуле:

$$i_1 = \frac{P_1}{P_0}, i_2 = \frac{P_2}{P_1}, i_3 = \frac{P_3}{P_2}, \dots, i_n = \frac{P_n}{P_{n-1}}$$

где

i_1 — значение индекса, получаемое делением относительной частоты параметра, зафиксированной после второй итерации P_1 (P — значение выбранного для исчисления индекса достоверности параметра) на относительную частоту, зафиксированную после первой итерации P_0 ;

i_2 — значение индекса, получаемое делением относительной частоты параметра, зафиксированной после третьей итерации P_2 на относительную частоту, зафиксированную после второй итерации P_1 , и т. д.

Метод был апробирован на специализированном массмедийном сопоставительном корпусе, созданном при помощи программы «Linguistica» (свидетельство о государственной регистрации № 2014660349 от 06.10.2014). Данное специализированное программное обеспечение предназначено для строительства лингвистических корпусов и позволяет исследователю самостоятельно выстраивать деревья зависимостей (параметрические деревья) и снабжать разметкой как интересующие фрагменты, так и тексты. Программа снабжена системой поиска, статистической обработки результатов; имеется возможность получения конкорданса — генерируемого программой списка фрагментов по заданным параметрам с доступом к источнику. Программа сама просчитывает относительную частотность, поэтому исследователю достаточно сохранить эти показатели в виде таблицы при нескольких итерациях для последующего сопоставления данных.

Для расчетов можно использовать и другие аналогичные программы или воспользоваться программой «Excel».

Применение индекса достоверности позволяет отслеживать текущие изменения статистического процесса. Достоверность может считаться достигнутой при $i_n = 1$, однако такой показатель считается идеальным и практически недостижимым, поэтому мы принимаем допустимыми колебания в определенном промежутке. Данное значение устанавливается индивидуально, но для достижения достоверности важно, чтобы четко была обозначена тенденция приближения к 1.

Преимуществами предлагаемого метода является обеспечение достижения репрезентативности корпуса, возможность регулировать его объем и простота в использовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Проблема репрезентативности корпуса данных (на примере политической метафорки) // Труды Междунар. семинара «Диалог 2001». — М.: Наука, 2001. URL: http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume2/2_5.htm.

2. Беликов В. И., Копылов Н. Ю., Пилперски А. Ч., Селегей В. П., Шаров С. А. Корпус как язык: от масштабируемости к дифференциальной полноте // Компьютерная лингвистика и

интеллектуальные технологии. 2013. Вып. 12 (19). Т. 1. С. 84—95.

3. Гусаров В. М., Кузнецова Е. И. Статистика. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 479 с.

4. Захаров В. П. Корпусная лингвистика. — СПб., 2005. 48с.

5. Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика. — Иркутск : ИГЛУ, 2011.

6. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка. — М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/53.htm>.

7. Мордовин А. Ю. К вопросу о понятии о репрезентативности корпуса текстов // Вестн. ИГЛУ. Сер.: Филология. 2009. № 1. С. 31—37.

8. Рыков В. В. Корпус текстов как реализация объектно-ориентированной парадигмы // Труды Междунар. семинара «Диалог 2002». — М.: Наука, 2002.

9. Arbach N., Ali S. Aspects théoriques et méthodologiques de la représentativité des corpus CORELA // Statut et utilisation des corpus en linguistique. 2014. URL: <http://corela.revues.org/3029?lang=en>.

10. McEnery T., Hardy A. Corpus linguistics. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2011.

Y. V. Bogoyavlenskaya
Ekaterinburg, Russia

REPRESENTATIVENESS OF TEXT CORPUS: METHOD OF VERIFICATION OF DATA RELIABILITY

ABSTRACT. The article addresses the current problem of evaluation of representativeness (reliability) of the specialized linguistic corpus. The requirement to representativeness of a specialized corpus implies the presence of the necessary number of texts that are enough to solve the research problems. The method of representativeness achievement worked out by A.N. Baranov is analyzed. The basis of the method is the idea of accumulation and correction of the relative frequency of the phenomenon achieved by continuous sampling of the contexts it is used in. The method can be applied to a specialized corpus made by the researcher himself by means of continuous sampling of the data with the necessary phenomenon. The method of verification of the received data is offered by the author of this article. The method is based on the law of test block (linguistic units (words, letters, syntactical functions, constructions, etc.) show certain frequency in the equally large text blocks), on the principle of iteration and proportion and on the principle of chain index (statistical index of multi-step calculation that characterizes the change of index compared to the previous step — iteration). On the first stage we calculate the index of reliability on certain parameters, then the index of reliability in iteration. On the next stage, after new iteration, the average indices are compared. The advantages of this method are representativeness of the corpus, the possibility of regulating the amount of data in the corpus and it is easy to work with.

KEYWORDS: corpus; corpus linguistics; representativeness; method of verification of reliability of data.

ABOUT THE AUTHOR: *Bogoyavlenskaya Yulia Valerievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romance Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Baranov A. N. Problema reprezentativnosti korpusa dannykh (na primere politicheskoy metaforiki) // Trudy Mezhdunar. seminar. «Dialog 2001». — М.: Nauka, 2001. URL: http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume2/2_5.htm.

2. Belikov V. I., Kopylov N. Yu., Piperski A. Ch., Selegey V. P., Sharov S. A. Korpus kak yazyk: ot masshtabiruemosti k differentsial'noy polnote // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. 2013. Vyp. 12 (19). Т. 1. С. 84—95.

3. Gusearov V. M., Kuznetsova E. I. Statistika. 2-e izd., pererab. i dop. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 479 с.

4. Zakharov V. P. Korpusnaya lingvistika. — SPb., 2005. 48с.

5. Zakharov V. P., Bogdanova S. Yu. Korpusnaya lingvistika. — Irkutsk : IGLU, 2011.

6. Lyashevskaya O. N., Sharov S. A. Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. — М.: Azbukovnik, 2009. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/53.htm>.

7. Mordovin A. Yu. K voprosu o ponyatii o reprezentativnosti korpusa tekstov // Vestn. IGLU. Ser.: Filologiya. 2009. № 1. С. 31—37.

8. Rykov V. V. Korpus tekстов kak realizatsiya ob"ektно-orientirovannoy paradigmy // Trudy Mezhdunar. seminar. «Dialog 2002». — М.: Nauka, 2002.

9. Arbach N., Ali S. Aspects théoriques et méthodologiques de la représentativité des corpus CORELA // Statut et utilisation des corpus en linguistique. 2014. URL: <http://corela.revues.org/3029?lang=en>.

10. McEnery T., Hardy A. Corpus linguistics. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2011.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

О. О. Борискина, О. В. Донина
Воронеж, Россия

КОРПУСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ: «ТЕРРОР» И «ТЕРРОРИЗМ» ПО ДАННЫМ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

АННОТАЦИЯ. В работе, основанной на данных электронных корпусов, рассматривается, как в современном английском языке категоризируются и метафоризируются такие явления, как террор и терроризм, а также прослеживается динамика употребления слов «terror» и «terrorism». Англоязычный материал охватывает период с 1800 по 2008 год, причем частота употреблений понятия «терроризм» в книгах резко возрастает с 1997 года. Языковая категоризация данного понятия описывается по авторской методике изучения метафоронимов (непредметных имен, употребляемых метафорически и категоризируемых в языке по аналогии с эталонами скрытых именных классов — криптоклассов) в двадцати национальных вариантах английского языка. Характеризуются основные метафоры, например: у терроризма есть рукоять, его можно взять в руку, чтобы манипулировать, он воспринимается и как нечто жидкое, способное затопить города, и как тонкий предмет определенной формы, которым можно проколоть мягкую среду, такую как мусульманская вера или ислам. Определено, что криптоклассный портрет имени «terror» практически идентичен портрету слова «terrorism». Указывается на связь частоты употребления метафоронима «терроризм» в новостном дискурсе с индексом эмоционального благополучия: чем больше в стране говорят о терроризме, тем ниже уровень эмоционального благополучия и тем чаще люди испытывают страх и упоминают о нем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: электронные ресурсы; корпусные данные; метафорология; метафороним; языковая категоризация; криптокласс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Борискина Ольга Олеговна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный университет; 394036, г. Воронеж, пл. Ленина 10, ауд. 110; e-mail: olboriskina@gmail.com.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Донина Ольга Валерьевна, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Воронежский государственный университет; 394036, г. Воронеж, пл. Ленина 10; e-mail: olga-donina@mail.ru.

Введение

Распространение корпусных технологий в гуманитарных науках и в целом дигитализация и компьютеризация гуманитарного знания проявляется как в теоретических исследованиях, так и в практических разработках. К последним, в частности, относится проект «Metaphor», запущенный разведкой США для возможности «автоматического извлечения культурных данных из анализа метафор» в том числе и на английском языке, что должно облегчить контроль за гражданами англоговорящих государств [Будаев 2015]. Очевидно, знание, полученное из электронных ресурсов разного функционального назначения, может в дальнейшем использоваться для манипулирования общественным сознанием, равно как и в других политических целях. С этой точки зрения интересно посмотреть, как в современном английском языке категоризируются и метафоризируются такие явления, как террор и терроризм, а также проследить динамику употребления слов *terror* и *terrorism*. Актуальность исследования разных ипостасей терроризма, включая его языковую категоризацию, вряд ли нуждается в объяснении. По данным, представленным на страницах журнала «Политическая лингвистика» (№ 1 (51) за 2015 г.), слово *терроризм*, вошедшее в топ-5 акции «Слово года — 2015», названо актуальным словом момента. Да и в 2016-м ситуация явно не изменилась в лучшую сторону.

Электронные ресурсы

Воспользовавшись ресурсом «Google Books Ngram Viewer» [Google Books Ngram Viewer], мы проследили динамику употребления слова *terrorism* в книгах на английском языке в период с 1800 по 2008 г. Показательно, что частота употреблений данного понятия в книгах резко возрастает с 1997 г.

Согласно «Global Terrorism Database» (GTD) [Global Terrorism Database], в 2015 г. наибольшее количество терактов произошло в Пакистане, Афганистане, Ираке, Индии и на Филиппинах, соответственно наибольшее количество погибших в результате терактов в 2015 г. засвидетельствовано в Ираке, Афганистане, Нигерии, Сирии, Йемене.

В инфографике ресурса «Google's Unfiltered News» [Google's Unfiltered News], который отражает проблематику, обсуждаемую СМИ в разных странах, видно, что тема терроризма является актуальной для большинства стран по всему миру, при этом наибольшее количество публикаций в 2016 г. приходится на 23 марта после терактов в Брюсселе; последний пик связан с терактом в Ницце (Франция) 14 июля 2016 г.

Резкое увеличение употребления слова *terrorism* в 2016 г. можно наблюдать и в корпусе М. Дэвиса NOW (Newspapers on the Web) [Davis], который содержит около трех миллиардов словоупотреблений в двадцати государственных вариантах английского языка (напр., канадский, новозеландский английский) и пополняется на 4 миллиона слов ежедневно.

По материалам X Международной научной конференции «Политическая коммуникация» (26—30 сентября 2016 г., Екатеринбург).

© Борискина О. О., Донина О. В., 2016

Корпус NOW также позволяет сравнивать статистику употребления имени *terrorism* по странам: любопытно, что «лидирует» по частотности словоупотребления новостной дискурс Пакистана, что коррелирует с данными вышеуказанного отчета «Global Terrorism Database», далее по мере убывания частоты словоупотребления расположились национальные варианты английского языка в Шри-Ланке, Бангладеш, Индии (4 место по количеству терактов (882) в 2015 г.), Малайзии (хотя это государство находится на 28 месте в глобальном индексе терроризма по данным на 2015 г., этот индекс резко вырос с 2011 г., что, по-видимому, связано с крупномасштабной террористической деятельностью ИГИЛ на территории Малайзии и Индонезии). Интересно, что в новостном дискурсе Сингапура засвидетельствовано достаточно частое употребление имени *terrorism*, хотя индекс терроризма в Сингапуре в 2015 г. равен 0. Согласно проведенному в мае 2016 г. опросу, более 75 % населения Сингапура полагают, что теракт на их территории — «дело времени» [3 in 4 Singaporeans believe terror...], а правительство Сингапура в начале 2016 г. объявило о введении в стране новой национальной программы безопасности SG Secure [Jacob 2016].

Анализ современного положения дел будет неполным без исторической перспективы.

По данным этимологического словаря английского языка [Online Etymology Dictionary], первое употребление термина *terrorism* в текстах на английском языке зафиксировано в конце XVIII в. (*terrorism* ← *terrorisme* French ← *terrere* Latin — *запугивать*, в значении государственной политики запугивания во время эпохи Террора во Франции (05.09.1793 — 27.07.1794).

По словам одного из политических деятелей Великой французской революции М. Робеспьера, «террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость; следовательно, он является проявлением добродетели, он — не столько особый принцип, сколько вывод из общего принципа демократии, применяемого отечеством в крайней нужде» [Манфред 1965]. Значение 'систематическое использование устрашения в качестве политического курса' впервые было зафиксировано в английском в 1798 г. (по отношению к подавлению Ирландского восстания). Понимание терроризма как 'убийства невинных людей в политических целях' приписывают С. Нечаеву, создателю революционной организации «Народная расправа» (1869 г.), который называл себя «террористом» [Crenshaw 1995: 77]. В современном понимании терроризм имеет

мало общего с политикой государства. Восприятие же действий террористов как проявления народного недовольства политикой государства имеет право на существование, по оценкам ряда политологов.

Что нового в восприятие и понимание истоков, в оценку масштабов, причин и последствий терроризма может принести исследование метафоричности данного языкового явления и можно ли выявить зависимости между словоупотреблением и количественными оценками террористической деятельности?

Языковая категоризация терроризма

По авторской методике изучения *метафоронимов* (непредметных имен, употребляемых метафорически и категоризируемых в языке по аналогии с эталонами скрытых именных классов — *криптоклассов*) [Борискина 2000, 2009, 2010, 2011] была исследована языковая категоризация понятия «терроризм» в двадцати национальных вариантах английского языка (на базе материала корпуса М. Дэвиса NOW и электронного ресурса COEL [COEL]. Для облегчения автоматизации работы с корпусом и для количественной обработки данных корпусных запросов используются статистические коэффициенты, введенные О. В. Дониной для определения меры межъязыковой эквивалентности [Донина 2013, 2015a].

Имя *terrorism* входит в шесть на настоящий момент описанных именных криптоклассов английского языка в качестве *метафоронима*.

Результаты количественной обработки данных корпуса NOW показали, что в первую очередь *terrorism* воспринимается как нечто, обладающее рукоятью, то, что можно взять в руку, чем можно *манипулировать*, стараться удержать в руке (т. е. является метафоронимом именованного криптокласса «Res Parvae»; см. примеры под номером 1).

1) Res Parvae.

– *We take the terrorism and the rape and the school segregation and the political corruption.*

– *If we take terrorism then this is a global issue — mainly focused in areas of the Middle East.*

Во вторую очередь он воспринимается как нечто жидкое, перемещаемое в виде потоков, способное затоплять города (примеры 2), а также как длинно-тонкий предмет стабильной формы (метафороним криптокласса Res Longae Penetrantes), которым можно проколоть мягкую среду, такую как мусульманская вера или ислам (примеры 3).

2) Res Liquidae.

– *In nearby Ethiopia, 700,000 refugees have not unleashed a flood of terrorism and insecurity.*

– One of the biggest misconceptions about the subcontinent is that **terrorism flows** only one way, i.e. from Pakistan to India.

– This funding **stream of terrorism** requires the close attention of governments.

3) *Res Longae Penetrantes.*

– **Terrorism has penetrated** the roots of Islam.

– With the confidence of the West already **punctured by global terrorism** and military failures.

– If extremism and **terrorism has penetrated into** Muslim societies more than other beliefs...

По данным корпуса NOW, терроризм категоризуется и как предмет округлой формы, который можно катать *roll* (пример 4), и как нитевидный предмет, способный переплетаться с другими нитями (криптокласс «Res Filiformes»; пример 5).

4) *Res Rotundae.*

Once these countries succeed in **rolling back terrorism**, then tourism flow will improve...

5) *Res Filiformes.*

Mass migration and terrorism have become intertwined.

Языковая категоризация террора

По данным словарей [Macmillan Dictionary; Merriam-Webster Dictionary; Collins Dictionary; Oxford Dictionary], значение имени *terror* — «violence that is committed by a person, group, or government in order to frighten people and achieve a political goal». Согласно статистике корпуса NOW, употребление имени *terror* в целом совпадает с именем *terrorism*, оно также количественно резко выросло в 2015—2016, при этом наиболее высокий показатель словоупотребления наблюдается в Пакистане, далее идут Индия, Бангладеш, Шри-Ланка и Сингапур.

Наше исследование показало, что криптоклассный портрет имени *terror* практически идентичен портрету слова *terrorism*. Корреляция между рассматриваемыми словами, рассчитанная по коэффициенту Пирсона, составила 96 %. Такая же сильная корреляция (96 %) была обнаружена между именем *terror* и коллокацией *terrorist attack* (*теракт*), частота употреблений которой также увеличилась за последнее время.

Другими словами, наблюдается общая метафорика и единая последовательность криптоклассных предпочтений имен, выявленные для политики запугивания, устрашения и насилия (*terror*, примеры 6—10), для явлений, объединенных номинацией *terrorism*, и для его отдельных проявлений — терактов (*terrorist attack*).

6) *Res Parvae.*

– The Isis is **casting terror** by mass execution and beheading like the early Muslim fighters used to,

– ...he **grasped the stunning terror** of the moment.

– ...the training of children to fight the West, and **throw terror** into the hearts of opponents of the state.

7) *Res Liquidae.*

– It is portrayed in print media and in talk shows as a place **where terror floods** the streets.

– There were more than 300 attempted murders, and **terror spilled into** the public...

– Pakistan must control its border with Afghanistan very strictly to stop **the flow of terror** from Afghanistan into Pakistan.

8) *Res Longae Penetrantes.*

– A professor of history make clear how **terror and corruption have penetrated** Mexican society...

– A **spear of terror** took aim and pierced through her faith.

9) *Res Filiformes.*

Jegede **weaves the terror** into a ruthlessly direct symphony of self-assessment.

10) *Res Rotundae.*

The most public of places available at a given time by a little **ball of terror** and overtiredness.

11) Quran (8:12) states, “I **will cast terror** into the hearts of those who disbelieve. Therefore strike off their heads...”

– Quran (3:151): “Soon shall We **cast terror** into the hearts of the Unbelievers, for that they joined companions with Allah...”

Интересны примеры из Корана, обнаруженные в корпусе и отражающие манипулятивную составляющую политики запугивания, устрашения (террора): мусульмане призваны бросать (*cast*), сеять страх и ужас (*terror*) в сердца неверных (примеры 11).

Заключение

Вслед за В. Соловьевым [Solovev 2016] мы высчитали индекс эмоционального благополучия (index of satisfaction with life), опираясь на данные корпуса NOW. Эмоциональное благополучие рассчитывалось по следующей формуле: положительные базовые эмоции (*joy*) — отрицательные базовые эмоции (*anger, disgust, fear, sadness*). Интересно отметить, что об отвращении говорят меньше всего, о грусти — в 2 раза чаще, о радости и злости примерно одинаково (и в 4,5 раза чаще, чем о грусти), и наивысший показатель среди всех базовых эмоций у страха: о нем по-английски говорят в 4 раза чаще, чем о радости, и почти в 40 раз чаще,

чем об отвращении. Полученные данные коррелируют с данными экспериментальной группы под руководством В. Соловьева [Solovev 2016]. В этом можно увидеть зависимость между ростом терроризма в мире и повышением частоты употребления слова *fear* (страх).

Данное предположение находит дальнейшее подтверждение при сопоставлении индекса эмоционального благополучия, частоты употребления имен *terrorism* и *terror* (т. е. по сути уровня безопасности) и базовой эмоции страха. Среди стран, новостной дискурс которых пропитан разговорами о терроре, терроризме и терактах, лидирует Пакистан, вместе с тем это государство также на первом месте по использованию в текстах упоминаний базовой эмоции страха и на последнем месте по уровню эмоционального благополучия. Таким образом, на примере национального варианта английского языка Пакистана можно наблюдать следующую зависимость: чем больше в стране говорят о терроризме, тем ниже уровень эмоционального благополучия и тем чаще люди испытывают страх и упоминают о нем. Подобная ситуация повторяется и в Шри-Ланке, Малайзии и Сингапуре, которые вошли в пятерку стран, наиболее часто говорящих о страхе, и в пятерку стран с наименьшим показателем эмоционального благополучия. Исключением являются Индия и Бангладеш, где о страхе говорят реже, а уровень эмоционального благополучия достаточно высок. Возможно, это можно объяснить социальными особенностями региона (кастовая система) и религиозными установками индусов (вера в реинкарнацию души). Бангладеш, что также любопытно, имеет высокий показатель не только по рассчитываемому здесь индексу, но и по Международному индексу счастья 2016 г. [<http://happyplanetindex.org/>], занимая восьмое место в мире, что является самым высоким показателем среди рассматриваемых нами 20 стран. В рамках этого индекса измеряется субъективная удовлетворенность жизнью, средняя продолжительность жизни, равенство людей и «экологический след».

ЛИТЕРАТУРА

1. Борискина О. О. Криптоклассы первостихий как элемент онтогностического описания языка // Проблемы лингвистической прогностики : сб. науч. трудов / под ред. А. А. Кретьова. — Воронеж, 2000. С. 121—126.
2. Борискина О. О. Классифицирующие структуры в криптоклассном исследовании // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 28—33.
3. Борискина О. О. Об остроте непредметных сущностей. Еще один подход к изучению метафоры политического дискурса // Политическая лингвистика. 2010. № 1. С. 153—158.
4. Борискина О. О. Криптоклассы английского языка / О. О. Борискина. — Воронеж : Истоки, 2011а.
5. Борискина О. О. Метафоронимы: в поисках толкования // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011b. № 1. С. 63—68.
6. Борискина О. О. Теория и практика политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2011c. № 1. С. 254—256.
7. Борискина О. О. Криптоклассные метафоронимы и политическая метафорология / О. О. Борискина // Современная политическая лингвистика : тез. Междунар. науч. конф. (Екатеринбург 29.9—6.10) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2011d. С. 34—36.
8. Борискина О. О. Криптоклассные проекции мира непредметных сущностей: опыт криптоклассного анализа словосочетаемости // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 32—37.
9. Борискина О. О., Шилихина К. М., Доница О. В. Ареальная вариативность английского языка как когнитивный континуум : 7-я Междунар. конф. по когнитивной науке (Светлогорск) : тез. докл. / отв. ред. Ю. И. Александров, К. В. Анохин. — М. : Ин-т психологии РАН, 2016. С. 168—169.
10. Будаев Э. В. Концептуальная метафора на службе у разведки США // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 12—16.
11. Доница О. В. Межъязыковая эквивалентность слов в аспекте криптоклассного анализа (на примере лексемы «выгода») // Проблемы лексико-семантической типологии : сб. науч. тр. / под ред. А. А. Кретьова. — Воронеж, 2013. С. 99—112.
12. Доница О. В. Криптоклассные данные для определения меры межъязыковой эквивалентности // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015a. № 1. С. 108—110.
13. Доница О. В. Способы визуализации результатов криптоклассного исследования // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015b. № 3. С. 105—112.
14. Манфред А. З. Максимилиан Робеспьер. «О принципах политической морали». Речь в Национальном конвенте от имени Комитета общественного спасения 5 февраля 1794 г. // Избр. произведения. — М. : Наука, 1965.
15. Collins Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com>.
16. Crenshaw M. Terrorism in Context. — Penn State Univ. Pr., 1995 (Jan. 1). 652 p.
17. Cryptotypes of the English Language = COEL. URL: <http://www.rgph.vsu.ru/coel>.
18. Davis M. NOW Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu/now/>.
19. Global Terrorism Database (gtd1993_0616dist.xlsx) / National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism ; Univ. of Maryland. 2016. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd>.
20. Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams>.
21. Google's Unfiltered News. URL: <https://unfiltered.news>.
22. Happy Planet Index. URL: <http://happyplanetindex.org>.
23. Jacob J. Epicenter of future caliphate: Singapore says Isis terror threat at highest level // International Business Times. 2016. 19 March. URL: <http://www.ibtimes.sg/epicenter-future-caliphate-singapore-says-isis-terror-threat-highest-level-641>.
24. Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillan.com/dictionary>.
25. Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com>.
26. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/>.
27. Oxford Dictionary. URL: <http://www.oxforddictionaries.com>.
28. Solovev V. D., Bochkarev V. V., Bayrasheva V. R. Dynamics of emotions in European languages // 7-я Междунар. конф. по когнитивной науке (Светлогорск, 20—24 июня 2016 г.) : тез. докл. / отв. ред. Ю. И. Александров, К. В. Анохин. — М. : Ин-т психологии РАН, 2016. С. 71—72.
29. 3 in 4 Singaporeans believe terror strike here 'only a matter of time' // Straitstimes. 2016. 27 map.

O. O. Boriskina, O. V. Donina
Voronezh, Russia

**CORPUS TECHNOLOGIES IN POLITICAL METAPHOROLOGY: “TERROR” AND “TERRORISM”
ON THE BASIS OF ELECTRONIC RESOURCES**

ABSTRACT. *The paper, based on the data from the electronic corpora, discusses the ways of categorization and metaphorization of such phenomena as terror and terrorism in modern English. The paper is concerned with a corpus-based method of investigating metaphorical mappings of terrorism through cryptotype profiling of the noun in COEL and metaphorical patterns in NOW Corpus. The focus will be on how the data retrieved from linguistic information resources can contribute to our perception and understanding of terrorism. The uses of the words “terror” and “terrorism” are studied. The samples from the English language cover the period of 1800 to 2008, the frequency of the use of the word “terrorism” rises tremendously beginning with 1997. The language categorization of the notion is described on the basis of the author’s method of the study of metaphonyms (non-subject names used metaphorically and categorized in the language on the analogy with the standard of the hidden nominal classes – cryptotypes) in twenty national variants of the English language. The most wide spread metaphors are analyzed: terrorism has a handle, it can be taken in hand to manipulate, it is understood as something fluid that can flood the cities, and as a thin object of a certain shape, which can pierce something soft, like the Muslim faith or Islam. It is obvious that the cryptotype portrait of the name “terror” is almost identical to the portrait of the word “terrorism”. There is an interdependence of the frequency of mentioning terrorism in the news and the index of emotional stability in the society: the more often terrorism is mentioned, the lower is the level of emotional stability, and the more often people feel anxiety and speak about it.*

KEYWORDS: digital humanities; linguistic resources; corpus data; metaphorology; metaphonym; linguistic categorization; cryptotype.

ABOUT THE AUTHOR: Olga Olegovna Boriskina, Doctor of Philology, Professor of the Department of Translation Theory and Intercultural Communication, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Olga Valerievna Donina, Post-graduate Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

REFERENCES

1. Boriskina O. O. Kriptoklassy pervostikhiy kak element ontognosticheskogo opisaniya yazyka // Problemy lingvisticheskoy prognostiki : sb. nauch. trudov / pod red. A. A. Kretova. — Voronezh, 2000. S. 121—126.
2. Boriskina O. O. Klassifitsiruyushchie struktury v kriptoklassnom issledovanii // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2010. № 2. S. 28—33.
3. Boriskina O. O. Ob ostrote nepredmetnykh sushchnostey. Eshche odin podkhod k izucheniyu metaforiki politicheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 1. S. 153—158.
4. Boriskina O. O. Kriptoklassy angliyskogo yazyka / O. O. Boriskina. — Voronezh : Istoki, 2011a.
5. Boriskina O. O. Metaforonimy: v poiskakh tolkovaniya // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2011b. № 1. S. 63—68.
6. Boriskina O. O. Teoriya i praktika politicheskoy metaforologii // Politicheskaya lingvistika. 2011c. № 1. S. 254—256.
7. Boriskina O. O. Kriptoklassnye metaforonimy i politicheskaya metaforologiya / O. O. Boriskina // Sovremennaya politicheskaya lingvistika : tez. Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg 29.9—6.10) / gl. red. A. P. Chudinov ; FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t». — Ekaterinburg, 2011d. S. 34—36.
8. Boriskina O. O. Kriptoklassnye proektsii mira nepredmetnykh sushchnostey: opyt kriptoklassnogo analiza slovosochetaemosti // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2009. № 1. S. 32—37.
9. Boriskina O. O., Shilikhina K. M., Donina O. V. Areal'naya variativnost' angliyskogo yazyka kak kognitivnyy kontinuum : 7-ya Mezhdunar. konf. po kognitivnoy nauke (Svetlogorsk) : tez. dokl. / otv.red. Yu. I. Aleksandrov, K. V. Anokhin. — M. : In-t psikhologii RAN, 2016. S. 168—169.
10. Budaev E. V. Kontseptual'naya metafora na sluzhbe u razvedki SShA // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2. S. 12—16.
11. Donina O. V. Mezh"yazykovaya ekvivalentnost' slov v aspekte kriptoklassnogo analiza (na primere leksemy «vygoda») // Problemy leksiko-semanticheskoy tipologii : sb. nauch. tr. / pod red. A. A. Kretova. — Voronezh, 2013. S. 99—112.
12. Donina O. V. Kriptoklassnye dannye dlya opredeleniya mery mezh"yazykovoy ekvivalentnosti // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2015a. № 1. S. 108—110.
13. Donina O. V. Sposoby vizualizatsii rezul'tatov kriptoklassnogo issledovaniya // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2015b. № 3. S. 105—112.
14. Manfred A. Z. Maksimilian Robesp'er. «O printsipakh politicheskoy morali». Rech' v Natsional'nom konvente ot imeni Komiteta obshchestvennogo spaseniya 5 fevralya 1794 g. // Izbr. proizvedeniya. — M. : Nauka, 1965.
15. Crenshaw M. Terrorism in Context. — Penn State Univ. Pr., 1995 (Jan. 1). 652 p.
16. Davis M. NOW Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu/now/>.
17. Solovov V. D., Bochkarev V. V., Bayrasheva V. R. Dynamics of emotions in European languages // 7-ya Mezhdunar. konf. po kognitivnoy nauke (Svetlogorsk, 20—24 iyunya 2016 g.) : tez. dokl. / otv.red. Yu. I. Aleksandrov, K. V. Anokhin. — M. : In-t psikhologii RAN, 2016. S. 71—72.
18. Collins Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com>.
19. Cryptotypes of the English Language = COEL. URL: <http://www.rgph.vsu.ru/coel>.
20. Global Terrorism Database (gtd1993_0616dist.xlsx) / National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism ; Univ. of Maryland. 2016. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd>.
21. Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams>.
22. Google's Unfiltered News. URL: <https://unfiltered.news>.
23. Happy Planet Index. URL: <http://happyplanetindex.org>.
24. Jacob J. Epicenter of future caliphate: Singapore says Isis terror threat at highest level // International Business Times. 2016. 19 March. URL: <http://www.ibtimes.sg/epicenter-future-caliphate-singapore-says-isis-terror-threat-highest-level-641>.
25. Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com>.
26. Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com>.
27. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/>.
28. Oxford Dictionary. URL: <http://www.oxforddictionaries.com>.
29. 3 in 4 Singaporeans believe terror strike here ‘only a matter of time’ // Straitstimes. 2016. 27 March.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Ю. В. Горшунов
Бирск, Россия

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ И МЕСТНЫЕ ФОРМЫ РИФМОВАННОГО СЛЕНГА
(НА ПРИМЕРЕ ШОТЛАНДСКОГО РИФМОВАННОГО СЛЕНГА)**

АННОТАЦИЯ. Рифмованный сленг неоднократно становился объектом лингвистических исследований. О нем имеется богатая литература, включающая словари, монографии, статьи. Среди проблем, интересующих исследователей, — территориальная и социальная дифференциация РС. Выделено 8 территориальных разновидностей, из которых подробнее других описаны британский и австралийский варианты. Скучны сведения по новозеландскому и южноафриканскому вариантам. В данной статье в фокусе внимания находится шотландский вариант РС, который отличается фонетическими (произносительными) особенностями и специфическим лексическим наполнением: отдельные единицы РС рифмуются со словами из шотландского варианта английского языка. Шотландский вариант РС квалифицируется как один из региональных вариантов и включает местные формы, характерные для Глазго. В картотеке автора статьи более 50 единиц РС, маркированного как РС Глазго. Некоторые из них рассмотрены в статье. Многие выражения РС Глазго отражают реалии этого города, представленные преимущественно топонимами и антропонимами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: рифмованный сленг (РС); территориальная дифференциация; социальная дифференциация; региональные и местные формы РС.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Горшунов Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный университет (Бирский филиал); адрес: 452453, г. Бирск, ул. Интернациональная, 10; e-mail: gorshunov_@rambler.ru.

Исследованию рифмованного сленга (РС) английского языка, его функциональным особенностям в последнее время уделяется достаточно пристальное внимание и посвящено несколько интересных работ (например: [Борисенко 1998; Бродович, Воронин 1986; Вазякова, Горшунов 2009; Горшунов 2001; Горшунов 2003; Горшунов, Горшунова 2012; Горшунова, Горшунов 2013а; Горшунов, Горшунова 2013б; Емельянов 2008; Емельянов 2005; Игнатов, Митчелл 2013; Ленивкин 2006; Нырко 1997; Рюмин, Емельянов 2010]). Исследователей, в частности, интересуют проблемы территориальной и социальной дифференциации РС. Данные лексикографического анализа словарей Дж. Мередита, Дж. Франклина и Дж. Айто [Meredith 1993; Franklyn 1994; Ayto 2002], проведенного А. А. Емельяновым, позволили исследователю выделить следующие основные территориальные разновидности РС:

- **American pacific coast** (piano = apple and banana; hat = ball and bat; hair = Barney fair);
- **Australian** (ram = Amsterdam; leeches = cries and screeches);
- **New Zealand** (butter = Gordon Hutter);
- **Irish** (stew = boy in blue; street = Channel fleet; wide = cowhide);
- **Scottish** (stranger = Glasgow ranger; shilling [shillun] = Barney Dillon);
- **West London** (stranger = Queens Park ranger);
- **East London/Cockney** (concertina = constant screamer);
- **South African** (time = bird lime) [Горшунова, Горшунов 2013а].

Таким образом, рифмованный сленг кокни является только одной из нескольких

форм РС, распространенных как на Британских островах, так и в других регионах мира. На территории Британских островов РС распространен в Англии (Лондон и его окрестности), Шотландии (прежде всего, в Глазго) и Ирландии, а за пределами Британских островов — в США, Австралии, Новой Зеландии и на территории Южной Африки. Эти территориальные разновидности РС мы можем охарактеризовать как региональные. Они, по сути, коррелируют с региональными (национальными) вариантами английского языка. Степень распространенности, употребительности и известности региональных вариантов РС различна. Полнее и глубже других в лингвистической литературе изучены британские и австралийский варианты РС. Научные публикации по другим вариантам малочисленны. Сведения о РС содержатся в основном в лексикографических источниках, фиксирующих наличие РС в том или ином варианте [Green 2003; Green 1998; Ayto 2002; Franklyn 1994; Meredith 1993].

Крайне скудна информация по РС Новой Зеландии, куда РС мог проникнуть напрямую либо через посредничество австралийского варианта. Но если австралийский РС успешно соперничает со своим английским собратом и почти не уступает ему по авторитетности и известности, то новозеландский рифмованный сленг не столь широко распространен, употребляется только в устной речи и почти не отражен в СМИ. Собственно новозеландских единиц РС немного. Примеры единичны: **Allison Durbin = bourbon** (по имени новозеландской и австралийской певицы Элисон Дурбин, пик популярности которой пришелся на 1970-е гг.), **sour grape = rape** (prison slang, NZ) и **slapsie maxie = taxi** (на основе имени американского бок-

сера Макса Эверитта Розенблюма (*Max Everitt Rosenbloom*, 1907—1976), который также снимался в кино), причем выражения *Allison Durbin* и *sour grape* относительно свежие и возникли в конце 1980-х и десятилетием позднее (1999) соответственно, а *slapsie maxie* известно с 1930-х гг. и встречается также в Австралии.

В данной статье мы рассмотрим шотландский РС как разновидность шотландского языка (скотс). Сегодня число активных носителей шотландского английского оценивается в 1,5 миллиона. Деволюция власти в Великобритании, начатая по инициативе новых лейбористов, привела не только к повышению гражданской активности населения Шотландии, но, как ни парадоксально, усилила сепаратистские настроения и движение за признание шотландского в качестве одного из трех основных языков Шотландии (наряду с гэльским и английским). Одним из проявлений национального самосознания можно считать всплеск словотворческой активности и сленговой активности в том числе. В общем потоке рифмованного сленга шотландский сленг, возможно, выглядит небольшой, но звонкой струей со своеобразным звучанием. Не каждый англичанин поймет вопрос и обращение на шотландском рифмованном сленге из-за фонетических особенностей: *Are ye corned beef? I said sit doon on yer chorus and we'll have a wee Salvador. Mine's a Mick Jagger by the way* [Kirsty 2002]. В переводе на нормальный английский язык мы получим высказывания: *Are you deaf? I said sit down on your arse and we'll have a wee drink (swallow). Mine's a lager by the way.* Здесь выражение шотландского РС *corned beef* рифмуется с *deif*, т. е. *deaf*. *Chorus* — редуцированная форма выражения *chorus and verse*, которое рифмуется с *erse*, т. е. *arse*, а *Salvador* — эллиптическая форма выражения *Salvador Dali*, которое рифмуется с *swallie*, т. е. *swallow* в значении а *drink*. *Jagger* — производное от *Mick Jagger*, которое рифмуется с *lager*. Особое произношение отражают как единицы шотландского РС, так и слова, к которым подобраны рифмы: например, *a right collie dug* (т. е. *dog*) = *mug*, *paraffin oil* (произносится как *ile*) — *style*. В лондонском РС *paraffin / paraffin oil* рифмуется с *boil* (например, *I've got a Paraffin on me Isa*, где *Isa* ← *I suppose* = *nose*). Шотландскую специфику и местное произношение ярко передают сленгизмы *Jock Mackay*, *Macnamare*, *honey perrs*, *pan loaf*, *taury rope* и другие. *Jock Mackay* — рифма к а *pie*, esp. а '*Scotch pie*'. это выражение принадлежит к местным формам РС — бытует в сленге Глазго. Шот-

ландское произношение ощущается в рифме *Macnamare* = а *barrow (barrer)*, характерной для Глазго и эксплуатирующей имя американского политика-республиканца, министра обороны США в 1961—1968 гг. (при Джоне Кеннеди и Линдоне Джонсоне), прозванного «архитектором Вьетнамской войны». *Honey perrs (honey pears*, т. е. 'sweet pears') — РС, бытующий в Глазго. Он рифмуется со словом *stairs*. Выражение основано на выкриках уличных торговцев, предлагающих купить сладкие, душистые, «медовые груши». В РС *pan loaf* (a loaf baked in a pan or tin — хлеб, изготовленный в специальных формах для выпечки) рифмуется со словом *toff* в значении *of a superior social status or well-to-do*. Название хлеба ассоциируется, прежде всего, с Шотландией, где оно используется, чтобы отличить данный вид хлеба от *plain loaf*, ломти которого называют *plain breid* (произносится как [plen brid]). Считается, что *toff* — хорошая рифма на шотландском языке. Имеющий хождение в Глазго пример РС *taury rope* (букв. «промоленный канат») рифмуется со словом *the Pope* и соответствует английскому *tarry rope*. *Varicose veins* рифмуется с *weans*: *wean [wein]* — маленький ребенок. Когда кто-либо интересуется: *Huv ye goat varicose veins? Aye, a wee boay an a wee lassie...*, речь идет о маленьких детях, а не о варикозных венах. Грубое *haw maws*, воспроизводящее обращение, предназначенное для того, чтобы привлечь внимание матери (нечто вроде *hey, mum*) рифмуется со сленговым *baws (balls*, т. е. *the testicles*).

Таким образом, мы обнаруживаем, что в шотландском английском существуют такие примеры РС, которые для слушателей, незнакомых с фонетическими особенностями языка, покажутся лишенными рифмы — хотя на самом деле рифма имеется. Более того, многие единицы шотландского РС являются локально маркированными: они выступают как единицы РС, употребление которых ограничено одной местностью (городом), а именно Глазго. Таким образом, у нас есть основания говорить о местных, или локальных формах РС, выделяемых на фоне региональных форм. Как правило, местные формы РС рифмуют (кодируют) реалии, актуальные для жителей данной местности и малоизвестные или ничего не говорящие (мало говорящие) иногородним или людям, проживающим в другой местности. Им присущ соответствующий местный, исторический или иной колорит. Закодированные в РС локально маркированные реалии могут быть топонимами (например, урбанонимами, гидронимами) или иными ономастическими

реалиями (например, прагмонимами) или какими-либо значимыми для массового сознания проживающих в данной местности людей артефактами. Во многих случаях они не входят в разряд общеизвестных и могут быть окружены ореолом социокультурных и психологических ассоциаций, связанных с обозначаемым топосом. В нашей картотеке РС около десятка единиц маркированы как **Manchester Rhyming Slang** (поскольку их употребление ограничено северо-востоком Англии, преимущественно Манчестером) и более 50 как **Glasgow Rhyming Slang**.

Примерами единиц РС, локализованных в Глазго и отражающих реалии этого города, могут служить **Eglington Toll/eglington**, **Hampden Roar**, **Parkheid smiddy** и некоторые другие. **Eglington Toll/eglington** рифмуется со словом **arsehole** (the anus; by extension, the buttocks). РС эксплуатирует название одного из районов Глазго **Eglington Toll**. Особо интересно выражение **Hampden roar**, которое рифмуется со словом **score** и часто встречается в высказывании **You know the Hampden** — «Счет (результат матча) тебе известен». **The Hampden Roar** (букв. «хамденский рёв», т. е. рев, одобрительные крики болельщиков **стадиона Хамден**) обычно употребляется, когда речь идет о шумной реакции футбольных болельщиков во время футбольных матчей на знаменитом стадионе «Хамден парк» (Hampden Park) в Глазго. На стадионе проводятся международные встречи, финал розыгрыша Кубка Футбольной ассоциации Шотландии (Scottish FA Cup) и центральные матчи. Это поле считается самым старым в мире, кроме того, большую часть XX в. оно было самым большим в Европе, поэтому можно предположить, что выражение «хамденский рёв» входит в минимум «культурной грамотности» не только жителей Глазго, но и более широкой аудитории, что вряд ли справедливо в отношении **Parkheid smiddy**. Единица РС **Parkheid smiddy** рифмуется с **diddy** (измененная форма **titty**, «женская грудь») и основано на местном произношении **Parkhead Smithy**. **Parkhead** — район Восточного Глазго, а **Parkhead Smithy** — знаменитая кузница, основанная в 1837 г., превращенная впоследствии в сталелитейный завод, который с 1897 г. вплоть до закрытия производства в 1976 г. выплавлял высококачественную сталь (a famous forge in Glasgow's East End).

Завершая анализ шотландского РС, приведем еще ряд примеров единиц РС, отражающих национально-культурную специфику Шотландии (реалии быта, географические реалии и проч.): **Chamois leather**, **Pansy Potters**, **Whodunnit**, **Cowdenbeath**.

Выражение **Chamois leather** рифмуется с **blether** (болтовня, пустой разговор) и в общении редуцируется до **shammy**: **Let's have a shammy** = **Let's have a chat**. **Pansy Potters** рифмуется с **jotters** (документы, выдаваемые на руки человеку, которого уволили с работы). Единица РС основана на имени персонажа комиксов (a comic strip character). **Whodunnit** рифмуется с **bunnet** (кепка, знакомая нам как «фуражка», популярный в рабочей среде головной убор). **Cowdenbeath** используется в шотландском РС для **teeth**. Бытующее в Глазго рифмованное выражение образовано от названия небольшого шотландского города, расположенного в 18 милях от Эдинбурга, и одноименной футбольной команды.

Итак, стратификация рифмованного сленга характеризуется территориальной вариативностью — она не ограничивается одним вариантом английского языка и включает такие мощные ареалы, как британский, ирландский и австралийский, а также менее авторитетные — американский, новозеландский и южноафриканский. Мы квалифицируем их как территориальные. Есть основания говорить о местных, или локальных, формах РС, выделяемых на фоне региональных форм. Можно констатировать, что РС укрепляет свои позиции в шотландском варианте английского языка, где он локализовался в районе Глазго и отражает местное произношение и местные реалии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенко А. Л. Ошибка профессора Хиггинса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. — М., 1998. № 6. С. 101—108.
2. Бродович О. И., Воронин С. В. Об одном эксцентричном средстве оптимизации коммуникативного процесса: **Cockney rhyming slang** // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы / Ин-т языкознания АН СССР. — М., 1986. С. 65—73.
3. Вязкова Е. В., Горшунов Ю. В. Эволюция рифмованного сленга // Вестн. Бирской гос. соц.-пед. акад. — Бирск, 2009. Вып. 17. С. 60—62.
4. Горшунов Ю. В. Метаморфозы рифмованного сленга : учеб. пособие. — Бирск : Бирский гос. пед. ин-т, 2001. 40 с.
5. Горшунов Ю. В. Социокультурный контекст функционирования рифмованного сленга // Язык и литература в поликультурном пространстве : материалы науч. конф. — Бирск, 2003. С. 147—149.
6. Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Неявные формы равового и этнического оскорбления (на примере этнических ярлыков рифмованного сленга) // Вестн. Башкир. ун-та. 2012. Т. 17, № 1. С. 246—248.
7. Горшунова Е. Ю., Горшунов Ю. В. Рифмованный сленг как средство маскировки алкогольной и наркотической зависимости // Вестн. МГИМО Университета. 2013а. № 1. С. 212—217.
8. Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Рифмованный сленг по отношению к южно-азиатскому населению Великобритании // Коммуникация в современном поликультурном мире: этнопсихолингвистический анализ : сб. науч.-практ. тр. Вып. 1 / отв. ред. Т. А. Барановская. — М., 2013б. С. 279—285.
9. Емельянов А. А. О функциональных особенностях английского рифмованного сленга // Вестн. гуманитарного фак.

Иванов. химико-технологического ун-та. 2008. Вып. 3. С. 188—195.

10. Емельянов А. А. К проблеме территориальной и социальной стратификации английского рифмованного сленга // Билингвизм, интерференция, акцент : Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Г. М. Вишневецкая. — Иваново : ИВГУ, 2005.

11. Игнатов А. А., Митчелл П. Кокни уходящий: положение рифмованного сленга кокни в современном английском обществе // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2013. № 374. С. 68—70.

12. Ленивкин С. Л. Рифмованный сленг «кокни» // Проблемы лингвистики, межкультурной коммуникации и лингводидактики. — М., 2006. Вып. 8. С. 92—96.

13. Нырко А. И. Интерпретация рифмованной субституции в отечественной лингвистике // Актуальные вопросы английской филологии. — Пятигорск, 1997. С. 95—105.

14. Рюмин Р. В., Емельянов А. А. английский рифмованный сленг: теоретические и прикладные аспекты / Иркутск. гос. лингв. ун-т. — Иркутск, 2010. 182 с.

15. Green J. Rhyming Slang // Critical Quarterly. 2003. Vol. 45, № 1, 2. P. 220—226.

16. Green J. Cassell's Dictionary of Slang. — WS Bookwell, 1998. 1326 p.

17. Ayto J. The Oxford Dictionary of Rhyming Slang. — London, 2002. 309 p.

18. Franklyn J. A Dictionary of Rhyming Slang. — London : Routledge, 1994. 202 p.

19. Meredith J. Dinkmn Aussie Slang. A Handbook of Australian Rhyming Slang. — London : Kenthurst, 1993. 62 p.

20. Orsman H. W. (ed.). The Dictionary of New Zealand English. A Dictionary of New Zealandisms on Historical Principles. — Auckland, etc. : Oxford Univ. Pr., 1997. 966 p. ISBN 978-0-19-558380-9.

21. Kirsty Scott. Young Scots breathe new life into auld slang rhymes // The Guardian. 2002. 29 Apr.

Y. V. Gorshunov

Birsk, Russia

REGIONAL AND LOCAL VARIETIES OF RHYMING SLANG: SCOTTISH RHYMING SLANG

ABSTRACT. *Linguists have given rhyming slang (Rh Sl) due attention. There is abundant literature devoted to rhyming slang including dictionaries, monographs, and articles. The problems of interest cover the territorial and social differentiation of rhyming slang. Of the 8 regional varieties distinguished, it is the British and Australian rhyming slang varieties that have been described in detail, while information on the New Zealand and South African varieties is rather poor.*

This article focuses on the Scottish rhyming slang which is characterized by peculiar phonetic (pronouncing) and lexical features. Some Scottish rhyming slang units rhyme with words of the Scottish tongue. The Scottish rhyming slang is defined as a regional variety with a local variety linked with Glasgow. There are more than 50 Glasgow rhyming slang items in the author's card-file. Some of them are associated with Glasgow's realia represented mostly by toponymic and anthroponymic names.

KEYWORDS: *rhyming slang (Rh Sl); territorial differentiation; social differentiation; regional and local forms of the rhyming slang.*

ABOUT THE AUTHOR: *Gorshunov Yuri Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of Bashkir State University (Birsk Branch), Birsk, Russia.*

REFERENCES

1. Borisenko A. L. Oshibka professora Khigginsa // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9, Filologiya. — М., 1998. № 6. С. 101—108.

2. Brodovich O. I., Voronin S. V. Ob odnom ekstsentrichnom sredstve optimizatsii kommunikativnogo protsessa: Cockney rhyming slang // Rechevoe vozdeystvie: psikhologicheskoe i psikholingvistichekoe problemy / In-t yazykoznanija AN SSSR. — М., 1986. С. 65—73.

3. Vazyakova E. V., Gorshunov Yu. V. Evolyutsiya rifmovannogo slenga // Vestn. Birskey gos. sots.-ped. akad. — Birsk, 2009. Vyp. 17. S. 60—62.

4. Gorshunov Yu. V. Metamorfozy rifmovannogo slenga : ucheb. posobie. — Birsk : Birskey gos. ped. in-t, 2001. 40 s.

5. Gorshunov Yu. V. Sotsiokul'turnyy kontekst funktsionirovaniya rifmovannogo slenga // Yazyk i literatura v polikul'turnom prostranstve : materialy nauch. konf. — Birsk, 2003. С. 147—149.

6. Gorshunov Yu. V., Gorshunova E. Yu. Neyavnye formy rasovogo i etnicheskogo oskorbleniya (na primere etnicheskikh yarlykov rifmovannogo slenga) // Vestn. Bashkir. un-ta. 2012. T. 17, № 1. С. 246—248.

7. Gorshunova E. Yu., Gorshunov Yu. V. Rifmovanny sleng kak sredstvo maskirovki algokol'noy i narkoticheskoy zavisimosti // Vestn. MGIMO Universiteta. 2013a. № 1. С. 212—217.

8. Gorshunov Yu. V., Gorshunova E. Yu. Rifmovanny sleng po otnosheniyu k yuzhno-aziatskomu naseleniyu Velikobritanii // Kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom mire: etnopsikholingvistichekyy analiz : sb. nauch.-prakt. tr. Vyp. 1 / отв. ред. Т. А. Барановская. — М., 2013b. С. 279—285.

9. Emel'yanov A. A. O funktsional'nykh osobennostyakh angliyskogo rifmovannogo slenga // Vestn. gumanitarnogo fak. Ivanov. khimiko-tekhnologicheskogo un-ta. 2008. Vyp. 3. P. 188—195.

10. Emel'yanov A. A. K probleme territorial'noy i sotsial'noy stratifikatsii angliyskogo rifmovannogo slenga // Bilingvizm, interferentsiya, aktsent : Mezhvuz. sb. nauch. tr. / отв. ред. Г. М. Вишневецкая. — Иваново : ИВГУ, 2005.

11. Игнатов А. А., Митчелл П. Кокни уходящий: положение рифмованного сленга кокни в современном английском обществе // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2013. № 374. С. 68—70.

12. Ленивкин С. Л. Рифмованный сленг «кокни» // Проблемы лингвистики, межкультурной коммуникации и лингводидактики. — М., 2006. Vyp. 8. С. 92—96.

13. Нырко А. И. Interpretatsiya rifmovannoy substitutsii v otechestvennoy lingvistike // Aktual'nye voprosy angliyskoy filologii. — Pyatigorsk, 1997. С. 95—105.

14. Ryumin R. V., Emel'yanov A. A. Angliyskiy rifmovanny sleng: teoreticheskie i prikladnye aspekty / Irkut. gos. lingv. un-t. — Irkutsk, 2010. 182 s.

15. Green J. Rhyming Slang // Critical Quarterly. 2003. Vol. 45, № 1, 2. P. 220—226.

16. Green J. Cassell's Dictionary of Slang. — WS Bookwell, 1998. 1326 p.

17. Ayto J. The Oxford Dictionary of Rhyming Slang. — London, 2002. 309 p.

18. Franklyn J. A Dictionary of Rhyming Slang. — London : Routledge, 1994. 202 p.

19. Meredith J. Dinkmn Aussie Slang. A Handbook of Australian Rhyming Slang. — London : Kenthurst, 1993. 62 p.

20. Orsman H. W. (ed.). The Dictionary of New Zealand English. A Dictionary of New Zealandisms on Historical Principles. — Auckland, etc. : Oxford Univ. Pr., 1997. 966 p. ISBN 978-0-19-558380-9.

21. Kirsty Scott. Young Scots breathe new life into auld slang rhymes // The Guardian. 2002. 29 Apr.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Т. А. Загидулина
Красноярск, Россия

**«СТАЛИНСКИЕ СОКОЛЫ» — ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В АВИАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ
КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА**

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается генезис фразеологизма «сталинские соколы», его функционирование. Для создания объективной картины бытования данного фразеологизма проанализирован объемный корпус совершенно разнородных текстов, выявлены основные характеристики субъекта, для номинации которого мог применяться означенный фразеологизм. Материал художественной литературы сопоставляется с лексикографическими данными, что позволяет проследить трансформацию фразеологизма, а также определить степень образности и метафоричности номинации «сокол» или «ясный сокол» в сравнении с выражением «сталинский сокол». Особое внимание уделяется произведениям «нового фольклора», которые демонстрируют, как новая мифология выступают в качестве идеологического фундамента нового постапокалиптического мира (советская культура мыслит себя как культура после апокалипсиса); новый мир должен развиваться, видимо, по тем же канонам, что и старый, то есть пройти путь от архаичных литературных форм до более совершенных: от былины (новины) к роману. Соколами в советском фольклоре (фейклоре) назывались Ленин и Сталин. Обозначение связи правителя с небом является еще одним инструментом легитимации власти, на этот раз через ее сакрализацию. Орнитологические метафоры применялись и для обозначения других политических деятелей, а также представителей профессиональной группы летчиков. В 10—20-х гг., когда воздухоплавание было относительно новой сферой деятельности, основной функцией таких метафор была гносеологическая, в 30-х гг. она сменилась моделирующей: в образе «сталинских соколов» сочетаются черты сакрального существа, абсолютная маскулинность, сила, отвага и героизм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: орнитологическая метафора; миф; соцреализм; фольклор; фейклор; семантические функции.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Загидулина Татьяна Андреевна, аспирант кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева; 660049, г Красноярск, ул Ады Лебедевой, 89; e-mail: Zagi9@rambler.ru.

Данная статья посвящена проблеме выявления семантических функций орнитологической метафоры, отраженной во фразеологизме «сталинские соколы». Для глубокого понимания этой политической метафоры необходимо рассмотрение фольклорных и авторских текстов, относящихся к избранной эпохе (30-е — начало 40-х гг.). Целостный анализ функционирования избранного фразеологизма предполагает привлечение культурологического, исторического и литературного контекстов.

Проблеме генезиса фразеологизма «сталинские соколы» посвящено исследование И. Козловой «„Сталинские соколы“: тоталитарная фразеология и „советский фольклор“» [Козлова 2013]. Автор работы производит детальный анализ текстов 1930-х гг., стилизованных под фольклорные произведения. В данных произведениях, а именно в сказе М. Крюковой, фигурирует словосочетание «ясные соколы», что отсылает читателя к русскому фольклору и мифологическому комплексу орнитологической метафоры, которая напрашивается сама собой, когда речь идет об авиации и авиаторах. Впрочем, необходимо рассмотреть мифологический комплекс в целом через призму советской солярной символики и новой мифологии недавно образованного государства, которая формировалась в том числе средствами литературы, публицистики.

В данном случае новая мифология выступает как идеологический фундамент нового постапокалиптического мира (советская культура мыслит себя как культура после

апокалипсиса), а новый мир должен развиваться, видимо, по тем же канонам, что и старый, т. е. пройти путь от архаичных литературных форм до более совершенных: от былины (новины) к роману. Это было именно конструирование: многие тексты являлись авторскими, произведения советского фольклора часто сочинялись самими фольклористами. Фольклоризация культуры повлекла за собой публикацию таких произведений, как «Советские соколы» И. В. Ольховского, «Сказ о полярных летчиках» М. Р. Голубковой, «Былина о героях» В. В. Адамова, «Поколен-борода и ясные соколы» М. С. Крюковой.

Внимание к новому эпосу было еще одним способом легитимации молодой советской власти. В статье Урсулы Юстус [Юстус 2000: 77] употреблен термин «fakelog» («фейклор») для обозначения имитации текстовой практики. Этот термин более уместен, чем стилизация: в данном случае речь идет именно об имитации — тексты выдавались за народные произведения: новый фольклор / фейклор творился из готовых, почерпнутых из традиционного фольклора, речевых формул [Юстус 2000: 77], что, разумеется, генетически связывает старый и новый властные дискурсы, позволяя читателю воспринимать новую власть как власть законную и народную, а свой народ как единую общность с единым фольклором. Исчезновение ментальных границ позволяет говорить о преемственности мифологии: «Но фольклор не только превращает Советский Союз в цветущий сад. Он также погружает

Сталина в мифический и мистический контекст, в котором он превращается в настоящего демиурга и властителя Вселенной» [Юстус 2000: 79]. Позже этот дискурс деконструирует В. Аксёнов в своем романе «Москва-ква-ква» (2006). Итак, само появление нового фольклора и фейклора было санкционировано властными структурами, фольклор обретает функцию инструмента конструирования политического социалистического дискурса (речь идет о фольклоре 30-х годов, действительно регулировавшемся свыше. Об этом подробно рассказано в статье А. С. Архиповой, С. Ю. Неклюдова «Фольклор и власть в закрытом обществе» [Архипова, Неклюдов 2010]. Примечательно, что в данной статье описан опыт регулирования фольклорного текстотворчества представителями академической среды: Ю. М. Соколовым, Н. Д. Комовской. Представлен в данном исследовании и иной путь формирования фольклора: «Существовал, наконец, и другой путь формирования „советского фольклора“. „По заданию ЦК партии композиторы и фольклористы командированы на сбор фольклора в Московской области, — рассказывает В. И. Чичеров (1935). — Вернувшись из колхозов, надо надеяться, композиторы будут работать и в области частушек <...> Следующий этап — помощь композиторов кружкам самодеятельного искусства. Композиторы должны вернуть колхозу колхозные же частушки, но благодаря художественной обработке уже поднятые на более значительную высоту“». Таким образом, авторам статьи становится очевидно, что советский политический фольклор 30-х годов являл собой псевдофольклор, весьма интересующий властные структуры и регулирующий ими; об этом свидетельствуют и попытки пресечения реального фольклорного текстопорождения, хоть немного идеологически не соответствующего линии партии).

Ханс Гюнтер в работе «Архетипы советской культуры» [Гюнтер 2000: 743—784] описывает процесс формирования образа советского героя, особое внимание уделяя образу летчика, авиатора. Звание «Герой Советского Союза» было введено именно после спасения летчиками челюскинцев, первыми носителями этого звания стали летчики. Типизацию образов летчиков-героев можно проследить, изучая их биографии, написанные либо ими самими, либо их товарищами-авиаторами: В. П. Чкалов — «Моя жизнь принадлежит Родине» (1954), М. В. Водопьянов — «Повесть о Валерии Чкалове» (1959), А. В. Беляков — «Валерий Чкалов» (1987). Валерий Чкалов был особой, наиболее значимой фигурой в иерархии героев-летчиков. Он не

участвовал в спасении челюскинцев, однако именно его экипаж совершает первый беспосадочный перелет через Арктику по «Сталинскому маршруту».

Х. Гюнтер классифицирует советских героев, типизирует их. Первая категория — герои социалистического труда (летчики относятся именно к этому типу), вторая — герои-воины, третья — герои — политические деятели, четвертая — герои-жертвы. То есть летчики стоят на вершине героической иерархии [Гюнтер 2000: 756]. Стоящие на вершине иерархии и связанные номинацией с легитимирующим властью фольклором/фейклором и публицистикой, они одновременно являются «сынами» «отца» — Сталина и «матери-Родины», именно так они встраиваются в советский онтологический миф.

Наиболее интересной, однако, представляется номинация «Сталинские соколы».

В египетской мифологии (привлечение египетской мифологии совершенно случайно, оно обусловлено близостью советского мифа и мифов древних) в образе сокола выступает бог Гор, сын верховного бога Ра — он «господин небес, бог горизонта» [Мелетинский 2000]: «Для Древнего Египта характерно обилие птичьих изображений на знаменах, гербах и т. п. (сокол, чибис и др.) и образов богов-птиц. Был широко распространен культ сокола (или ястреба), бывшего формой воплощения Гора и его ипостасей. Сокол с распростертыми крыльями был в Древнем Египте символом неба, воплощением бога Монту и считался священной птицей (в частности, олицетворением фараона)» [Иванов, Топоров 1980: 390]. Сокол, являющийся олицетворением фараона, как нельзя лучше вписывается в советскую мифологию: известна любовь самого Сталина к своим «соколам», а также и то, что сын Сталина был летчиком — воплощение и продолжение Сталина имело небесные культурные коннотации.

Вообще подобная орнитологическая метафора, только с эпитетом «ясный», характерна для традиционного русского фольклора. Основным фольклорным образом, связанным с соколом, можно назвать Финиста. Примечательно, что сюжет советского фильма «Финист — ясный сокол» (1975 г.) принципиально отличен от сюжета традиционной русской сказки, представленной в сборнике «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева под номерами 234 и 235 [Афанасьев 2010]. В обеих сказках Финист, способный к оборотничеству, выступает в роли жениха. В советском фильме приоритеты расставлены иначе: во-первых, Финист и сокол — разные персонажи: Финист — пахарь-богатырь (то есть воин-защитник), а сокол — его по-

мощник, докладывающий об опасности. Название фильма является метафорой, причем сам Финист непосредственно к небу и полетам отношения не имеет, непосредственная смежность утрачивается, и метафора становится эквивалентна словосочетанию «добрый молодец» или другим подобным словосочетаниям.

В русском фольклоре представлены образы богатыря Вольги, который обращается соколом. Частотно также уподобление князей соколам в «Слове о полку Игореве». Здесь соколами называются и сами князья, и дети князей. Сокол символизирует княжескую власть, а также смелость и отвагу. Через образ сокола реализуется мотив оборотничества. Номинация «сталинские соколы», появившаяся в 30-е гг., гораздо более точна в плане смежности, метафоричности.

Известен также сюжет египетской мифологии, описывающий противостояние сокола (Гора) и змея (Сета). Подобный сюжет воплощается в произведении М. Горького «Песня о соколе», впервые опубликованном в 1895 г., где описан идеологический конфликт сокола и ужа: «— Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх ты, бедняга! / — Ну что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!» [Горький 1969]. В «Песне о соколе» счастье становится эквивалентом борьбы, битвы и неба как сакрального пространства, счастье достигается путем приобщения к сакральному пространству неба, которое недоступно и никогда не будет доступно ужу.

Сама сакральность образа летчика реализуется в произведениях 10—20-х гг. — примером может служить «небожитель — герой — человек» у Брюсова. В 1930-е образ летчика, на первый взгляд, десакрализуется, но на смену архаическому примитивному восприятию летчика приходит целый комплекс «восприятий» в контексте дихотомии «человек — машина», а к концу 30-х образ летчика снова претерпевает изменения: летчик воспринимается через призму фэйклорного фразеологизма «сталинский сокол», за счет чего он снова сакрализуется, но уже через образ вождя/властителя/ фараона.

В. Н. Топоров пишет о славянском универсальном символе мира [Иванов, Топоров 1980: 396—398] — мировом древе, на вершине которого находились птицы, в том числе и сокол. Здесь стоит сказать о стихотворении «Два сокола», которое помечено при одной из первых публикаций как «народная украинская песня» [Сборник 1940: 60], хотя

было написано Михаилом Исаковским. Главные герои произведения — Ленин и Сталин, которые представлены в образе соколов, сидящих на «дубу зеленом». Основная тема стихотворения — преемственность. Младший сокол — Сталин прощается со старшим соколом — умирающим Лениным и обещает продолжить его дело: «По-забудь тревоги, / Мы тебе клянемся / не свернем с дороги!» [Сборник 1940: 60]. В данном стихотворении реализуется принцип тройной преемственности: от старшего к младшему и позже к совсем юному: «Первый сокол — Ленин, / Второй сокол — Сталин, / А кругом летали / Соколята стая» [Сборник 1940: 60]. Топос дуба отсылает к мифу о мировом древе. Традиция изображения высшей в иерархии единицы через птицу или животное может отсылать к шаманическим техникам экстаза и даже к тотемизму. Обозначение связи правителя с небом является еще одним инструментом легитимации власти, на этот раз через ее сакрализацию.

В процитированном сборнике за этим стихотворением следует «Песня о горном орле». Данное стихотворение являет собой развернутую орнитологическую метафору: «...И над всею землей / Свежий ветер шумит / От твоих развернувшихся крыл» [Сборник 1940: 61]. Стихотворение написано в форме обращения, орел упомянут лишь в заглавии, но это не просто орел, а орел, охватывающий крылами своими всю землю. Подобное описание отсылает к образу Оранты. Оранта — Богоматерь, изображаемая с раскинутыми в стороны руками, которая является, помимо прочего, воплощением женственности. Постановка абсолютно маскулинного образа орла в ту же позицию свидетельствует о смене мировоззренческих тенденций начала XX в. (с явным пафосом поклонения Вечной женственности), маскулинизации идеала.

Соколами в советском фольклоре/фэйклоре именуются и другие политические деятели, рангом ниже Сталина и Ленина: «На коне сидит да наш ясен сокол, / На имя Клима да Ворошилов-свет» [Крюкова 1939]. В сказе «Но твоим заветом все пополнилось» автор рисует картину рая-утопии: «В небе наши парни-соколы, / Наши девки водят тракторы, / И живем мы домом — полной чашею, / И в руках у нас работа спорится, / И в сердцах у нас любовь горит / За твою борьбу, за подвиги» [Крюкова 1939]. В этом физически воплощенном раю мужчина будто должен парить в небе, подобно соколу, или стать соколом, приобщиться к небесному, и это приобщение невозможно без исполнения заветов Ленина, которые начинают напоминать Священное Писание (или становятся неким

священным текстом новой эпохи). В том же сказе используется развернутая орнитологическая метафора деяний вождей: «по твоим заветам-завещанью / Нас ведет ко счастью Сталин наш. / От орлов орлята нарождаются, / У соколов — полеты соколиные, / Океан да с океаном — братья кровные. / Сталин Ленину да кровный брат / По работе, по размаху по орлиному, / По полету, по простору соколиному» [Крюкова 1939].

Произведения С. Михалкова конца 30-х — начала 40-х гг. также изобилуют орнитологическими метафорами. Стихотворение «Советские бомбардировщики» («Советские бомбовозы») написано в 1941 г., в начале 40-х написаны «Это наше», «Истребитель»: «То Кравченко, сокол отважный, / Как смерч налетел на врагов» [Михалков 2016]; «Стаи грозных эскадрилий / Бомбовозов, „ястребков“» [Михалков 2016] («Это наше»); «Показал в ночном бою / Ловкость, мужество и волю / Соколиную свою» [Михалков 2016] («Истребитель»). Орнитологическая метафора охватывает не только советских летчиков — летчиков немецких С. Михалков именует вóронами: «Это был по счету пятый / Сбитый в схватке боевой / Пятый ворон, черный ворон, / Погоревший под Москвой».

Орнитологическая (летчик — сокол) метафора становится в 30-е гг. функционально значимой, наиболее репрезентативной и частотной. В 10—20-е гг. метафоризация разнонаправленная — от зооморфных до технических метафор. Особое внимание авторов привлекают субъект-объектные взаимоотношения человека и машины, в силу того, что воздухоплавание в тот период является совершенно новой областью научно-технического прогресса. То есть основная функция метафоры в 10—20-е гг. — гносеологическая. В 30-е гг. функции метафоры, тематически связанной с авиацией, меняются: метафора перестает быть инструментом познания неизвестного через известное и становится инструментом пропаганды, т. е. в полном смысле политической метафорой, обладающей прежде всего эмотивной и миромоделирующей функциями.

В классификации А. П. Чудинова это моделирующая функция: «Использование системы взаимосвязанных метафор позволяет создать модель политической реальности при помощи системы концептов, относящейся к совершенно иной понятийной области. В результате этого политическая ситуация, которая требует осознания, представляется как нечто хорошо знакомое, для нее как бы уже существует готовая оценка» [Чудинов 2013: 19]. В случае с описываемой орнитологической метафорой готовая оценка уже

существует в сознании адресанта и адресата: сокол — традиционный фольклорный образ, абсолютно конкретно понимаемый любым русскоговорящим индивидом.

Как видно из фольклорных и авторских текстов, сокол — это, во-первых, жених, во-вторых, защитник, спаситель. То есть в образе сокола воплощается абсолютная маскулинность. Совершенно не случайно для названия советских летчиков выбрана именно эта номинация. Примечательно, что данная номинация становится общеупотребительной именно в 30-е гг.: на тридцатые пришлись наиболее значимые авиационные рекорды, спасение челюскинцев, которое стало контрапунктом советской культуры 30-х гг., именно в тридцатые советская культура обращается к созданию нового фольклора как одного из инструментов легитимации власти. Соколы («сталинские соколы», «красные соколы») находят свое место на вершине новой иерархии. В образе «сталинского сокола» органично сочетаются черты сакрального существа, абсолютная маскулинность, сила, отвага и героизм.

Орнитологическая метафора приобретает моделирующую функцию: новое явление перестает быть новым и требующим объяснения — оно становится обыденным и подвергается метафоризации с целью моделирования нового, хоть и перенимающего модели старого, образа мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова А. С., Неклюдов С. Ю. Фольклор и власть в закрытом обществе // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/ar6.html>.
2. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. — М.: Альфа-книга, 2010. С. 553—562.
3. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения. Т. 2. — М.: Наука, 1969.
4. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 743—784.
5. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Птицы // Мифы народов мира: энцикл. — М., 1980. Т. 1. С. 389—406.
6. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Древо жизни // Мифы народов мира: энцикл. — М., 1980. Т. 1. С. 396—398.
7. Козлова И. В. «Сталинские соколы»: тоталитарная фразеология и «советский фольклор» // Антропологический форум. — СПб., 2010. № 12.
8. Крюкова М. С. Сказание о Ленине // Красная новь. 1937. № 11.
9. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репр. — М.: Восточная литература, РАН, 2000.
10. Михалков С. Истребитель // Стихи о войне. — М., 2016.
11. Михалков С. Советские бомбардировщики // Стихи о войне. — М., 2016.
12. Михалков С. Это — наше! // Стихи о войне. — М., 2016.
13. Сборник стихов для детей дошкольного возраста. — М., 1940.
14. Юмашев А. Источник нашей силы // Встречи с товарищем Сталиным / А. Фадеев. — М.: ОГИЗ, 1939. С. 196.
15. Юстус У. Возвращение в рай: соцреализм и фольклор // Соцреалистический канон: сб. статей / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. С. 70—86.
16. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.

T. A. Zagidulina
Krasnoyarsk, Russia

«STALINS' HAWKS» — ORNITHOLOGICAL METAPHOR IN AVIATION DISCOURSE
AS A TOOL FOR POLITICAL MYTH CONSTRUCTION

ABSTRACT. *The article studies the genesis and functioning of the phraseological unit "Stalin's hawks". A large corpus of different texts was analyzed to make an objective conclusion on the functioning of this phraseological unit; and the main features of the subject, which correlates with this phraseological unit, are revealed. The data from fiction books are compared with the lexicographic materials, which allows to trace transformation of the phraseological unit and to determine the degree of figurativeness and metaphorical character of the words and phrases "hawk" or "yasny sokol (the brave hawk)" as compared to the unit "Stalin's hawk". Special attention is paid to the works of the "new folklore", which show how new mythology become the ideological foundation of the new post-apocalyptic world (the Soviet culture views itself as the culture of post-apocalypses); the new world should be developed on the basis of the same rules as the old one, i.e. to follow the same route from the archaic literary forms to the more modern ones: from epic ballades to the novel. Lenin and Stalin were called the hawks in the Soviet folklore (fakelore). One of the instruments of legitimation of power, its sacralization, is the connection of the ruler with the sky. Ornithological metaphors were used to name the other political leaders, as well as some professional pilots. In the 1910-s, 1920-s, when flying was a rather new activity, the main function of such metaphors was the epistemological one. In the 1930-s it was substituted by the modeling function: the image of "Stalin's hawks" includes the features of the sacred creature, masculine abilities, strength, courage and heroism.*

KEYWORDS: ornithological metaphor; myth; socialistic realism; folklore; fakelore; semantic functions.

ABOUT THE AUTHOR: Zagidulina Tatiana Andreevna, Post-graduate Student, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russia.

REFERENCES

1. Arkhipova A. S., Neklyudov S. Yu. Fol'klor i vlast' v zakrytom obshchestve // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2010. № 101. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/ar6.html>.
2. Afanas'ev A. N. Narodnye russkie skazki. Polnoe izdanie v odnom tome. — M.: Al'fa-kniga, 2010. S. 553—562.
3. Gor'kiy M. Poln. sobr. soch. Khudozhestvennye proizvedeniya. T. 2. — M.: Nauka, 1969.
4. Gyunter Kh. Arkhetipy sovetskoy kul'tury // *Sotsrealisticheskiy kanon*: sb. st. / pod obshch.red. Kh. Gyuntera i E. Dobrenko. — SPb.: Akademicheskii proekt, 2000. — S. 743—784.
5. Ivanov Vyach. Vs., Toporov V. N. Ptitsy // *Mify narodov mira*: entsikl. — M., 1980. T. 1. S. 389—406.
6. Ivanov Vyach. Vs., Toporov V. N. Drevo zhizni // *Mify narodov mira*: entsikl. — M., 1980. T. 1. S. 396—398.
7. Kozlova I. V. «Stalinskie sokoly»: totalitarnaya frazeologiya i «sovetskiy fol'klor» // *Antropologicheskii forum*. — SPb., 2010. № 12.
8. Kryukova M. S. Skazanie o Lenine // *Krasnaya nov'*. 1937. № 11.
9. Meletinskiy E. M. Poetika mifa. 3-e izd., repr. — M.: Vostochnaya literatura, RAN, 2000.
10. Mikhalkov S. Istrebite! // *Stikhi o voyne*. — M., 2016.
11. Mikhalkov S. Sovetskie bombardirovshchiki // *Stikhi o voyne*. — M., 2016.
12. Mikhalkov S. Eto — nashe! // *Stikhi o voyne*. — M., 2016.
13. Sbornik stikhov dlya detey doskol'nogo vozrasta. — M., 1940.
14. Yumashev A. Istochnik nashey sily // *Vstrechi s tovarishchem Stalinym* / A. Fadeev. — M.: OGIZ, 1939. S. 196.
15. Yustus U. Vozvrashchenie v ray: sotsrealizm i fol'klor // *Sotsrealisticheskiy kanon*: sb. statey / pod obshch.red. Kh. Gyuntera i E. Dobrenko. — SPb.: Akademicheskii proekt, 2000. S. 70—86.
16. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii: monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Ковтун.

В. Н. Земцов
Екатеринбург, Россия

РОССИЯ ГЛАЗАМИ НАПОЛЕОНА

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена характеру представлений Наполеона Бонапарта о России и русских. Автор приходит к выводу, что эти представления имели в своей основе суждения французских просветителей XVIII в. о разделении мира на «варварство» и «цивилизацию». Россия в этой схеме находилась на европейской периферии, что позволяло ей развиваться за счет тех импульсов, которые шли от сердца Европы и которые постепенно, но очень медленно, вытесняли из ее естества азиатчину и деспотизм. По мнению Наполеона, к началу XIX в. Европа оказалась перед решением грандиозной задачи обретения своего цивилизационного и политического единства. Однако Россия была не готова принять подобный императив и превратилась тем самым в главное препятствие на пути европейского прогресса. Обладая рядом благоприятных для нее геополитических характеристик, соединенных с полупримитивным уровнем общественной жизни и общественного сознания, Россия смогла не только воспрепятствовать вытеснению ее из мировой политики, но и навязать Европейскому континенту свое доминирующее господство. Подобные взгляды на Россию и на ее место в европейском и мировом пространстве, рожденные еще в XVIII в. и закрепленные гением Наполеона, будут в дальнейшем воспроизводиться на протяжении 200 лет вплоть до сегодняшнего дня.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образ России; Наполеон; эпоха Наполеоновских войн; имагология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 451; профессор кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет; 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru.*

Французский император Наполеон I является единственным персонажем мировой истории, имя которого известно во всех странах на всех континентах. История его жизни, его планов и его деяний описана, казалось бы, исчерпывающим образом. Однако в реальности это не так. Авторы, беллетристы и историки, политики и журналисты склонны, как правило, воспроизводить устоявшиеся суждения и стереотипизированные мифы [см. Постникова 2015; Постникова 2016]. Это относится в том числе и к теме восприятия Наполеоном России и русских. Так, один из ведущих отечественных историков, оставивших немалое количество публикаций, посвященных наполеоновской тематике, уверял, будто Наполеон слабо представлял географию Российской империи, руководствуясь в 1812 г. картами, на которых сразу за Уралом начинался Китай [Сироткин 2000: 16]. По его же мнению, в знаменитой «Энциклопедии наук, искусств и ремесел», ставшей основой представлений о мире для людей поколения молодого Наполеона Бонапарта, не было даже упоминания о России [Сироткин 2000: 17]. В действительности это было далеко не так.

Начнем с того, что во французской «Энциклопедии» была даже специальная статья, написанная Л. де Жокуром и озаглавленная «Россия». Наряду с трудом Вольтера, посвященном Петру Великому, автор использовал по крайней мере еще французские переводы книг английского инженера и путешественника Д. Пери и шведского полковника, взятого в плен под

Полтавой и прожившего в Сибири 13 лет, Ф. Страленберга [см. История: 175—183, 287—289].

К концу XVIII — началу XIX в. в Европе, в том числе во Франции, о России знали уже немало, прежде всего благодаря литературе — от воспоминаний бывшего французского посла в Петербурге Л. Ф. Сегюра (его племянник Ф. П. Сегор станет известным мемуаристом Русского похода) до обширных исторических сочинений на французском языке по истории России, примером чему может служить многотомная работа П. Ле-века «История России», выдержавшая несколько изданий. Образованная французская публика активно знакомилась с географией, государственным строем и устройством России, а также с народами, ее населявшими, через работы немецких ученых. Так, среди множества бумаг, которые были захвачены русскими войсками во время отступления Наполеона из России, оказался массивный рукописный фолиант, называвшийся «Статистический очерк Российской империи». Он был составлен прежде всего на основе работ немецких исследователей И. Г. Хасселя, Г. Шторха и К. Плото, вышедших в XVIII — самом начале XIX в. Наряду с подробными общими сведениями о России, эта книга содержала самые разнообразные данные и об отдельных регионах империи. Приведем в качестве примера материал об Урале. В общем обзоре страны авторы «Очерка» отметили, что «русское правительство расценивает Уральские горы в качестве естественной границы между Евро-

По материалам X Международной научной конференции «Политическая коммуникация» (26—30 сентября 2016 г., Екатеринбург). Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта «Иностранная оккупация как опыт межкультурного контакта: на материале Наполеоновских войн» (проект № 16-18-10041).

© Земцов В. Н., 2016

пой и Азией». Перечислялись отдельно губернии азиатской России: Пермская, Оренбургская, Тобольская, Томская и Иркутская, «которые носят общее название Сибирь». При характеристике Пермской губернии, например, указывалось, что она составляет 5954 квадратных мили, или 16 541 лье, и подразделяется на 12 уездов — Пермский, Кунгурский, Красноуфимский, Осский, Оханский, Соликамский, Чердынский, Екатеринбургский, Камышловский, Шадринский, Ирбитский, Верхотурский. В качестве 13-го уезда к этому списку был по не вполне понятной причине добавлен Киргизанский. Авторы фолианта отдельно останавливались на описании Уральских гор (*les Mounts Oural*), «которые образуют естественную границу Европы и Азии, разрезают Россию по всей ее ширине и протягиваются на более чем 300 миль, или 500 лье». Была приведена даже этимология самого топонима: «Урал, на языке башкир и татар, означает центр земли... Русские также... называют его еще Каменный и Земной Пояс (*Kamennoi et Zemnoi-Poias*)». Далее следовало почти художественное описание Уральских гор: «Основная часть этой огромной цепи, начинающейся между Каспийским морем, Аральским озером, расстилающаяся от Оренбурга до Перми, между Тобольском и Архангельском до Карского (*Karich*) залива, образуя Ледовитое море Павла (?), и разветвляясь разными образами на Восток и на Запад, замечательна». Имелись также многочисленные данные об Урале геологического и гидрографического характера: «Плато сформировано в основном гранитом, на склонах есть... кварцы и разные минералы, свойственные основным горным породам. Основа состоит из гравия, глины и из песка, но этот порядок не обязательно в точности такой. Возвышаются некоторые вершины. Павдинская имеет высоту 6397 футов, или 1060 туазов, над уровнем Каспийского моря. Из всех гор России эти горы Урала наиболее богаты. Они изобилуют прекрасными породами гранита или порфира... красивым кварцем, отборной нефтью, щебнем, точильным камнем, кремнем, халцедоном, большими кристаллами горного хрусталя, топазами, прекрасными аметистами, хризолитами; в земле имеются залежи фарфора, жирной глины, железного шпата, змеевика, слюды, асбеста, изящного мрамора, гипса, плавикового шпата, минеральных масел, каменного угля... Они богаты рудным золотом, серебром, медью, железом, которые прекрасно разрабатываются. В скалах имеются многочисленные пещеры, находящиеся на склонах. Сами горы покрыты лесом. Сверх того замеча-

тельны в этой цепи многочисленные водоемы, полные рыбой, и очень чистые. Главные водоемы и реки, которые там протекают, — Сосьва, Исеть, Уй, Тобол, Эмба, Урал, или Яик, Белая, Чусовая, Кама, Печора, Большая (?! — *la Volchaïa*)». В тексте также содержатся неполные и не во всем точные сведения о Северном Урале, «который занимает территорию от Ледовитого моря до реки Тавды» и к которому авторы отнесли также «цепь Новой Земли». Видимо, с целью придания этнического колорита имеется указание на то, что «Урал — это страна башкир (*Bachire*)». Наконец, отмечая культурное значение Урала, авторы вновь подчеркивали, что «Урал, помимо прочего, сегодня является демаркационной линией между европейской цивилизацией и грубостью дикаря (*l'homme sauvage*)» [Essai].

В целом тот факт, что в работах и сохранившихся письмах юного Наполеона Бонапарта не встречалось упоминания о России [см.: Masson, Biagi 1895; Chuquet 1897—1899; Tomiche 1962; Casanova 2008], вовсе не означал, что он ничего не читал и не имел представления об этой стране. Из последующих работ, писем и высказываний Наполеона очевидно, что его знания о России не только не уступали, но значительно превосходили знания и представления среднего образованного француза эпохи Просвещения. Общеизвестным является и тот факт, что в трудное для себя время, в 1788 г., молодой лейтенант Бонапарт даже пытался поступить на русскую службу.

В дальнейшем, став первым человеком Франции, Наполеон активно консультировался в отношении России со многими лицами, побывавшими и даже жившими в ней. Помимо Ф. П. Сегюра, это были Ж. Б. Б. Лессепс, поверенный в делах Франции в Петербурге в 1802—1812 гг., Л. Ф. Э. Лелорнь д'Идевиль, ставший в 1812 г. секретарем-переводчиком императора, и многие другие. Особенно большая работа по сбору всевозможных сведений о России была проделана накануне похода 1812 г. (в российских и французских архивохранилищах хранится обширная документация о России, аккумулярованная Наполеоном — от маршрутов до статистических сведений и исторических справок). Император сам лично также занимался в этом плане «самообразованием» — в сборнике его «Корреспонденции» помещено письмо библиотекаря Барбье от 19 декабря 1811 г., в котором Наполеон требовал из библиотеки всё, касавшееся кампании Карла XII в Польше и России [Napoléon I. 1868: 95], а затем, в Дрездене, в мае 1812 г. он «позаимствовал» всю литературу о Рос-

сии и Польше из библиотеки саксонского короля.

О том, насколько хорошо представлял Наполеон русскую историю, говорит хотя бы своеобразный монолог, произнесенный им 15 октября 1812 г. в Московском Кремле, за несколько дней до выхода из русской столицы [Villemain 1856: 225—230]. После довольно долгих рассуждений об искусстве театральной трагедии Наполеон обратился к личности Петра Великого. «Какую трагедию, к примеру, талантливый человек... создал бы из Петра Великого, этого гранитного человека, [мощного], как фундамент Кремля, человека, который основал цивилизацию в России и определил вхождение России в Европу и который заставил меня, через век после своей смерти, предпринять эту ужасную экспедицию. Я не могу сдержать своего восхищения, когда я думаю, что именно в этом дворце 20-летний Петр, не имея возможности получить чей бы то ни было совет, почти без образования, перед лицом Регентши-правительницы и старой партии, которая все контролировала, оспаривала и ограничивала возможности его правления, взял власть и, думая сделать Россию победоносной и захватнической, начинает с уничтожения *стрельцов*, этой непослушной милиции, которая представляла собой единственную силу империи. Какой пример нравственной силы! Как было бы хорошо увидеть на сцене этого молодого Принца, который, как считали, был склонен к грубым удовольствиям и который приводит в исполнение 18 брюмера при своем Дворе, отправляет гордую Софью в монастырь, затем закладывает основания мира и, одновременно с военной интервенцией в Польшу и Саксонию, создает Армию, Флот и закладывает новую столицу России. Что касается до собственно гения Петра Великого, то он не был хорошо понят. Не заметили, что он обладал тем, чего в большинстве не достаёт великому человеку, рожденному на троне, — славы быть парвеню и тех испытаний, которых эта слава стоит. Петр Великий добровольно стал лейтенантом артиллерии, кем был и я. Это не была комедия. Он покинул страну с тем, чтобы избавить себя на некоторое время от короны, дабы изучить обыкновенную жизнь и вновь подняться, на этот раз до величайшего уровня. Он сам сделал то, что дала мне судьба: вот то, что выделяет его из ряда государей по рождению! И, между тем, какие испытания выпали на долю этой судьбы и этого гения! Подумайте, как на берегах Прута тот же самый человек, во главе армии, которую он создал, допустил окружить себя, допустил, чтобы его заставили голодать и

едва не взяли в плен турецкой армией? Такие вот необъяснимые затмения случаются с величайшими людьми: это Цезарь, плохо начавший дело и осажденный в Александрии жалкими египтянами. Но Цезарь взял реванш; и человек гения всегда найдется, как после совершенной ошибки, так и после случившегося несчастья».

В целом очевидно, что Наполеон достаточно хорошо представлял как географию, так и историю России. И все же многие реалии, с которыми французскому императору пришлось столкнуться в России, не могли быть адекватно соотнесены с традиционным набором понятий человека эпохи французского Просвещения. Так, во французском языке не было точных эквивалентов для обозначения таких явлений, как «изба», «усадебка» (французы употребляли слово «château», нередко добавляя определение: «русское шато», подчеркивая тем самым разницу), «помещик», «крепостной», «мужик» и т. д. Но главная проблема заключалась в том, что российские реалии оценивались Наполеоном исключительно через призму глобальной геополитической задачи вытеснения России из европейского политического и даже цивилизационного пространства.

Накануне вторжения в Россию министр иностранных дел Франции Г. Маре, герцог Бассано, в обширной записке, помеченной 21 июня 1812 г., сформулировал на основе предложенных ему Наполеоном принципов задачи. Записка Маре начиналась с того, что прослеживала длительные усилия Франции, направленные на установление прочного мира в Европе. После военных поражений России в 1805—1807 гг. и подписания Тильзитского договора появились контуры континентальной системы в форме Европейской федерации. Однако Россия, которая стала к 1807 г. частью этой континентальной системы, последовательно начала отходить от ее принципов по целому ряду направлений, в том числе по отношению к великому герцогству Варшавскому, Пруссии, проблеме Греции, режиму заморской торговли. В конечном итоге Россия оказалась в фарватере английской политики и стала превращаться в главного континентального противника Франции. Записка подробно освещала, неизменно указывая на неконструктивные, а то и злонамеренные действия Санкт-Петербурга, как начиная с середины 1811 г. в негативном ключе происходило развитие францозско-российских отношений. Бассано особо останавливался на миролюбивой позиции Франции, предложившей к апрелю 1812 г. возобновление контактов с Англией. Но и этот демарш остался без ответа со

стороны России. Более того, русский посол потребовал паспорта для выезда из Франции. Подходя к завершению, Бассано отметил, что в настоящее время «победоносные армии Вашего В-ва выполняют миссию возвращения России к миру». Если же, отмечал он, не восстановить «фундаментальные основы Тильзита», Россия пойдет на мир с Англией и начнет беспредельное расширение своей экспансии по миру, прежде всего в направлении Турции, Греции, великого герцогства Варшавского. Все это, считал Маре, вызывает необходимость создания против России барьера в Европе, и приходил к выводу о неизбежности объявления против нее войны [АМАЕ]. В течение 1812 г. Наполеон неоднократно использовал фрагменты этой записки в своих посланиях.

Таким образом, по мнению Наполеона, установление прочного мира в Европе на основе абсолютного доминирования Франции было связано с вытеснением России из большой европейской политики. Документ, обнаруженный русскими войсками в 1813 г. в бумагах поверенного в делах Франции в Берлине г-на Лефедюра, идеи которого подтверждаются другой документацией, ясно определял рамки планируемой Наполеоном новой европейской конфигурации. В документе говорилось, что Наполеон должен был стать главой Европейской континентальной конфедерации, которая, в свою очередь, должна была функционировать на основе признания полной свободы и независимости во всех сферах (административной, военной и коммерческой) оставшихся за ее пределами стран, а именно шведской, датской и турецкой монархий и республиканских США. Предполагалось достижение универсальности для всех стран коммерческих отношений на суше и на море, а также признания всех захватов, сделанных как Францией, так и Великобританией после 1809 г. Для достижения компромисса на этой основе для стран, не входящими в Европейскую конфедерацию, предусматривалась широкая система компенсаций. Реализация этих положений, при военном доминировании Франции, по мысли составителя документа, должна была привести к росту коммерции, процветанию и ликвидации войн. О России в этой системе документ умалчивал [РГАДА]. Главные положения этого документа достаточно четко укладываются в контекст общих настроений Наполеона. Россия должна была быть вытеснена из большой европейской политики и, уже совершенно определенно, конечно, не могла быть включена в наполеоновскую конфедерацию или федерацию. «Всякий мог ясно видеть, что Россия была

слишком сильна, чтобы войти в новую, преобразованную систему Европы, стержнем которой была Франция». «Мне должно было вытеснить Россию из Европы, чтобы она не нарушала единства моей системы, и дать этому новому политическому разделению довольно сильные границы, чтобы противостоять могуществу российской державы», — так позже интерпретировал планы Наполеона в 1812 г. известный военный теоретик А. Жомини [Жомини 1844: 246—247]. Более того, борьба с Россией и русскими мыслилась как важнейший фактор сплочения остальных народов континента. «...Я поведу за собой всю Европу», — сказал Наполеон известному деятелю I империи Ж. Фуше перед походом в Россию [Fouché 1824: 114]. «...Я шел на Россию во главе остальной Европы, — говорил он на острове Св. Елены. — Начало было популярным, дело было европейским. Это было последнее усилие, которое оставалось сделать Франции... Россия была последним ресурсом Англии. Всеобщий мир был в России, и успех предприятия был несомненен» [Las Cases 1823: 472].

В соответствии с установками Наполеона активно работала и пропагандистская машина, последовательно конструируя «образ врага». Образ этот оказался достаточно традиционен: противник агрессивен, опасен, он — варвар, он упорен, но это упорство связано с дикостью, забитостью, воздействием религиозной пропаганды или пьяного угара. «Образ врага» формировался безликим, в виде орды, которой нужно противостоять всем европейцам. Примером использования подобных штампов может служить так называемый «Ответ французского гренадера», написанный самим Наполеоном на русскую прокламацию, попавшую в ходе военных действий в войска Великой армии 18 июля 1812 г. В своем «ответе» Наполеон несколько раз подчеркнул, что солдат Франции — «свободный» и что «он повинуется только чести и закону». Этому противостоит «крепостничество и рабство» России, «скотское существование» русских солдат, основой дисциплины которых является «страх», «но не честь». Призвание солдат Великой армии заключается в том, чтобы уничтожить «рабство в русской империи», «восстановить права ее подданных, когда каждый крестьянин станет субъектом и гражданином государства, станет господином своего труда и своего времени, и он не будет больше собственностью своего господина, подобно быку или лошади» [Chuquet 1912: 35—39].

Нетрудно заметить явное противоречие между пропагандистскими заявлениями, исходившими от Наполеона, предназначавши-

мися для своих же солдат, и теми реальными шагами французского императора, которые могли из этого следовать. Уверенность Наполеона в слабом развитии общественной жизни и сознания русских прямо накладывалась на египетский и испанский опыт императора. И это заставляло его изначально почти полностью исключить социальный аспект из Русской кампании. Если Наполеон и обращался в 1812 г. под давлением обстоятельств к мыслям о возможности каких-либо радикальных мер в отношении крепостничества, то здесь же от них отказывался.

Находясь к концу своей жизни в изгнании на о. Св. Елены, Наполеон многократно обращался к теме России. 6 ноября 1816 г. поверженный император начал свои рассуждения о России с оценки ее географического положения, отметив «ту легкость, с которой эта держава могла завоевать Индию или даже Китай». «Затем император обратился к обсуждению того, что он назвал благоприятным положением России по сравнению с остальной Европой; он также говорил об огромной людской массе, которой Россия располагала для вторжения в Европу. Эту державу, сказал он, расположенную под Северным полюсом, поддерживает вечный ледяной бастион, который, в случае необходимости, сделает ее неприступной. Россию, подчеркнул император, можно атаковать только в течение трех-четырех месяцев в году, в то время как в ее распоряжении круглый год, целых двенадцать месяцев, чтобы напасть на нас. Ее враги сталкиваются с суровым и холодным климатом, обещающим одни лишения, и с бесплодной почвой, в то время как ее войска, хлынувшие на нас, пользуются плодородием и изобилием наших южных районов. К этим географическим обстоятельствам, продолжал император, можно добавить преимущество России в виде огромного населения, храброго, закаленного, преданного своему монарху и послушного, включая те многочисленные дикие орды, для которых лишения и кочевой образ жизни являются естественным состоянием» [Лас-Каз 2010: 445].

Подведем итоги. Представления Наполеона о России имели в своей основе суждения французских просветителей XVIII в. о разделении мира на «варварство» и «цивилизацию». Россия в этой схеме, как хорошо показал в свое время Л. Вульф [Вульф 2003], находилась на европейской периферии, что позволяло ей развиваться за счет тех импульсов, которые шли от сердца Европы и которые постепенно, но очень медленно, вытесняли из ее естества азиатчину и дес-

потизм. К началу XIX в., по мнению Наполеона, Европа оказалась перед решением грандиозной задачи обретения своего цивилизационного и политического единства. Однако Россия была не готова принять подобный императив и превратилась тем самым в главное препятствие на пути европейского прогресса. Обладая рядом благоприятных для нее геополитических характеристик, соединенных с полупримитивным уровнем общественной жизни и общественного сознания, Россия смогла не только воспрепятствовать вытеснению ее из мировой политики, но и навязать Европейскому континенту свое доминирующее господство.

Подобные взгляды на Россию и на ее место в европейском и мировом пространстве, рожденные еще в XVIII в. и закрепленные гением Наполеона, будут в дальнейшем репродуцироваться весь XIX, затем XX в., и найдут своих сторонников и апологетов в веке XXI.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. — М.: НЛЮ, 2003. 560 с.
2. Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. Изд. 3-е. — СПб., 1844. Ч. 2. 300 с.
3. История в энциклопедии Дидро и д'Аламбера. — М.: Наука, 1978. 312 с.
4. Лас-Каз. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне. В 2 кн. Т. 2 / пер. Л. Н. Зайцева. — М.: Захаров, 2010. 560 с.
5. Постникова А. А. Наполеоновская эпоха в искусстве и мультимедийном пространстве Франции // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 221—227.
6. Постникова А. А. Русская кампания 1812 г. в исторической памяти современной Франции // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 2. 2016. Т. 148, № 18(1). С. 135—146.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 30. Д. 268.
8. Сироткин В. Г. Наполеон и Россия. — М.: Олма-пресс, 2000. 380 с.
9. Archives du Ministère des affaires étrangères (AMAÉ). Série «Correspondance politique». Sous-série «Russi». Vol. 154.
10. Casanova A. Napoléon et la pensée de son temps. Une histoire intellectuelle singulière. — Paris; Ajaccio: Albiana-La outique de l'Histoire, 2008. 250 p.
11. Chuquet A. La jeunesse de Napoléon. — Paris: Plon, 1897. Т. 1. 315 p.; т. 2. 338 p.; т. 3. 1899. 332 p.
12. Chuquet A. 1812. Notes et documents. — Paris: Fontemoign et Cie, 1912. Sér. 1. 215 p.
13. Essai de statistique de l'Empire de Russie // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 961. Франция. FIV. № 160.
14. Fouché J. Mémoires. — Paris: Le Rouge, 1824. Т. 2. X, 418 p.
15. Las Cases A.-E.-D.-M. Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal ou se trouve cosigné, jour par jour... — Paris: L'Auteur, 1823. Т. 1. 240 p.
16. Masson F., Biagi G. Napoléon inconnu. Papiers inédits (1786—1793). Paris: Ollendorff, 1895. Т. 1. 515 p.; Т. 2. 537 p.
17. Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. — Paris: H. Pion; J. Dumain, 1868. Т. 23. 369 p.
18. Tomiche N. Napoléon écrivain. — Paris: A. Collin, 1952. 347 p.
19. Villemain A. F. Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature. — Paris: Didier, 1856. Т. 1. 494 p.

V. N. Zemtsov
Ekaterinburg, Russia

RUSSIA THROUGH THE EYES OF NAPOLEON

ABSTRACT. *The article is devoted to the ideas of Napoleon Bonaparte about Russia and the Russians. The author comes to the conclusion that those representations had their bases in the judgment of the French Enlightenment of the XVIII century on the division of the world into "barbarism" and "civilization". Russia in this scheme was on the European periphery, which allowed her to develop at the expense of those impulses which came from the heart of Europe and gradually, but very slowly, forced Asiatic despotism out of her nature. According to Napoleon, Europe was faced with the decision of the daunting tasks of finding its civilization and political unity by the beginning of the XIX century. However, Russia was not ready to take such imperative, and thus transformed into the main obstacle to European progress. With a number of favourable geopolitical characteristics, and in spite of semi-primitive level of public life and public consciousness, Russia was able not only to prevent the push out of the world politics, but it even imposed on the European continent its domination. Such views on Russia and its place in European and world space, were born in the XVIII century and enshrined by the genius of Napoleon, they will continue to be reproduced for 200 years until today.*

KEYWORDS: *image of Russia; Napoleon; Napoleonic wars; imagology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zemtsov Vladimir Nikolaevich, Doctor of History, Head of Department of General History, Ural State Pedagogical University; Professor of Department of Modern and Contemporary History of Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Vul'f L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya. — M. : NLO, 2003. 560 s.
2. Zhomini A. Politicheskaya i voennaya zhizn' Napoleona. Izd. 3-e. — SPb., 1844. Ch. 2. 300 s.
3. Istoriya v entsiklopedii Didro i d'Alamberta. — M. : Nauka, 1978. 312 s.
4. Las-Kaz. Memorial Svyatoy Eleny, ili Vospominaniya ob imperatore Napoleone. V 2 kn. T. 2 / per. L. N. Zaytseva. — M. : Zakharov, 2010. 560 c.
5. Postnikova A. A. Napoleonovskaya epokha v iskusstve i multimediyom prostranstve Frantsii // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2. S. 221—227.
6. Postnikova A. A. Russkaya kompaniya 1812 g. v istoricheskoy pamyati sovremennoy Frantsii // Izv. Ural. fed. un-ta. Ser. 2. 2016. T. 148, № 18(1). S. 135—146.
7. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 30. D. 268.
8. Sirotkin V. G. Napoleon i Rossiya. — M. : Olma-press, 2000. 380 s.
9. Archives du Ministère des affaires étrangères (AMAÉ). Série «Correspondance politique». Sous-série «Russi ». Vol. 154.
10. Casanova A. Napoléon et la pensée de son temps. Une histoire intellectuelle singulière. — Paris ; Ajaccio : Albiana-La outique de l'Histoire, 2008. 250 p.
11. Chuquet A. La jeunesse de Napoléon. — Paris : Plon, 1897. T. 1. 315 p. ; t. 2. 338 p. ; t. 3. 1899. 332 p.
12. Chuquet A. 1812. Notes et documents. — Paris : Fontemoign et Cie, 1912. Sér. 1. 215 p.
13. Essai de statistique de l'Empire de Russie // Rossiyskaya natsional'naya biblioteka. Otdel rukopisey. F. 961. Frantsiya. FIV. № 160.
14. Fouché J. Mémoires. — Paris : Le Rouge, 1824. T. 2. X, 418 p.
15. Las Cases A.-E.-D.-M. Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal ou se trouve cosigné, jour par jour... — Paris : L'Auteur, 1823. T. 1. 240 p.
16. Masson F., Biagi G. Napoléon inconnu. Papiers inédits (1786—1793). Paris : Ollendorff, 1895. T. 1. 515 p. ; T. 2. 537 p.
17. Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. — Paris : H. Pion ; J. Dumain, 1868. T. 23. 369 p.
18. Tomiche N. Napoléon écrivain. — Paris : A. Collin, 1952. 347 p.
19. Villemain A. F. Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature. — Paris : Didier, 1856. T. 1. 494 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.

Е. М. Какзанова

Москва, Россия

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПОЛИТИЗАЦИЮ ЯЗЫКА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена влиянию Великой французской революции на политизацию языка. Влияние политики на язык рассматривается на примере идей Иoaхима Генриха Кампе, почетного гражданина Первой республики, прибывшего в революционный Париж сразу после взятия Бастилии. И. Г. Кампе создает государственно-правовой лексический минимум и придает ему политическую направленность. Тем самым он признает за широкой общественностью право на участие в политическом дискурсе. Особую форму просвещения народа ученый видел в усовершенствовании немецкого языка в направлении легкости и общедоступности. Данная педагогическая и общественно-политическая идея предполагала равные шансы всех участников речевого общения. Лексикографические работы И. Г. Кампе были политически ангажированы, поскольку при составлении словарей ученый придерживался мнения, что только язык может сделать общество образованным. Также в аспекте отражения Великой французской революции рассмотрены художественные произведения Ч. Диккенса, В. Гюго и А. Дюма и взгляды на это событие Ф. М. Достоевского. Внимание исследователя сконцентрировано на когнитивной категории признака, которая объективируется антонимами, выраженными как прилагательными, так и существительными, а также фигурой сравнения. Показана роль иноязычных вкраплений в политизации языка. Делается вывод, что политическая ситуация всегда отражается на языке, который служит описанию событий эпохи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политизация языка; Великая французская революция; категория признака; антонимы; фигура сравнения; иноязычные вкрапления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Какзанова Евгения Михайловна, доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов; 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2; e-mail: kakzanova@post.ru.

Начать мы хотели бы с цитаты:

«— Болгария и Румелия — это одни только цветки. Это что, пустяки, чепуха! А вот ты прочти, что в Греции да в Сербии делается, да какой в Англии разговор идет! Греция и Сербия поднимутся, Турция тоже... Англия вступится за Турцию.

— И Франция не утерпит...» [Чехов 1970: 465].

Знакомая ситуация? Если бы не странное название «Румелия» — вполне можно было бы предположить, что речь идет о событиях 2016 г. На самом деле приведенная цитата взята из рассказа А. П. Чехова «Психопаты», опубликованного в 1885 г. В 1885 году в Румелии произошел переворот, после которого она фактически перешла под контроль княжества Болгарии. Речь идет о Болгарском политическом кризисе 1885—1887 гг., связанном с положением Болгарии на международной арене и соперничеством великих держав за влияние в болгарском государстве. Вследствие присоединения Восточной Румелии к Болгарии в 1885 г. обострились отношения между ними и Грецией. Эти же события привели к краткосрочной войне между Болгарией и Сербией, которая началась в ноябре 1885 г. Турция в 1885 г. полностью потеряла суверенитет, а ее столица фактически была перенесена в Лондон. Англия, несмотря на рост англо-германских противоречий в связи с борьбой за колонии, считала своим главным противником Францию [Ерофеев 1959: 154]. Во Франции в это время был период Третьей республики с выборами в палату депутатов, благоприятными для консерваторов. Первая республика была провозглашена во Фран-

ции в сентябре 1792 г. в результате Великой французской революции, которая привела к уничтожению в стране старого порядка. Началом революции стало взятие Бастилии 14 июля 1789 г.

Во время революции говорили исключительно о политике, потому что политикой было пропитано абсолютно всё. Ее рисовали на дне тарелок, ею покрывали все стены, о ней беспрестанно возвещали на улицах [Дюма].

Среди иностранцев, приветствовавших Французскую революцию, был Иoaхим Генрих Кампе, который прибыл в революционный Париж сразу после взятия Бастилии. Сопровождал его тогда никому не известный молодой человек, его воспитанник, которого впоследствии узнала вся мировая научная общественность — Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835). Парадоксально, что его учитель, Иoaхим Генрих Кампе (1746—1818), известен в нашей стране гораздо меньшему кругу лиц.

Немецкая исследовательница Имке Ланг-Грот называет Иoaхима Генриха Кампе ученым, поэтом и просто образованным человеком, самым читаемым в XVIII в. автором далеко за пределами Священной Римской империи германской нации, педагогом, теологом, воспитателем и филантропом, писателем, издателем, языковедом и лексикографом [Lang-Groth 2012: 145].

Французская революция, которую Иoaхим Генрих Кампе наблюдал собственными глазами, вдохновила его на политизацию языка. Он пишет: «Новые слова должны иметь гражданские права» (*neue Wörter sollen ihr Bürgerrecht erhalten*) [Lang-Groth 2012:

По материалам X Международной научной конференции «Политическая коммуникация» (26—30 сентября 2016 г., Екатеринбург).

© Какзанова Е. М., 2016

149]. Он создает государственно-правовой лексический минимум и придает ему политическую направленность. Тем самым он признает за широкой общественностью право на участие в политическом дискурсе. Достичь этого можно, по мнению ученого, сделав язык (в его случае — немецкий язык) общедоступным и понятным. И. Г. Кампе видит в усовершенствовании немецкого языка особую форму просвещения народа. Эта педагогическая и общественно-политическая идея И. Г. Кампе предполагает равные шансы всех участников речевого общения.

Ученый много занимался лексикографической работой, издал несколько словарей, в том числе шеститомный словарь по объяснению и онемечиванию заимствований. По мнению Имке Ланг-Грот, словарь И. Г. Кампе является политически мотивированным, потому что при его составлении ученый всегда утверждал, что только язык может сделать общество образованным [Lang-Groth 2012: 168].

И. Г. Кампе использует язык как основу общественно-политических преобразований. Его цель (речь идет о конце XVIII — начале XIX в.) — общедоступность немецкого языка для всех слоев населения. Именно в этом ученый видел элементарные предпосылки просвещения и образования народа.

С 1792 г. И. Г. Кампе является почетным гражданином Французской Республики.

Великой французской революции посвящен роман английского писателя Чарльза Диккенса (1812—1870) «*A Tale of Two Cities*» («Два города»). Идея книги родилась, когда Ч. Диккенс вместе со своими детьми и друзьями участвовал в любительской инсценировке романа английского писателя Уильяма Уилки Коллинза (1824—1889) «*The Frozen Deer*». Закончив последние страницы своего романа, Ч. Диккенс писал У. Коллинзу: *It has greatly moved and excited me in the doing, and Heaven knows I have done my best and believed in it* [Woodcock 1980: 10]. По собственному признанию Ч. Диккенса, на его видение Французской революции, ее философскую интерпретацию оказал влияние великий исторический роман Томаса Карлайла (1795—1881) «*The French Revolution: A History*» («Французская революция: история») — писателя, которым Ч. Диккенс восхищался и которого считал своим учителем. Мы уделим внимание не литературным особенностям книги, а исключительно ее языку.

В самом названии романа Ч. Диккенса «*A Tale of Two Cities*» уже заключена дихотомия, которая пронизывает весь роман. Ч. Диккенс описывает изменяющееся общество и меняющихся людей, революционные идеалы и революционные методы. С самых

первых страниц романа писатель характеризует политические события с помощью антонимов в соответствии с когнитивной категорией признака.

Ю. Д. Апресян [Апресян 1972: 330] определяет антоним как слово, противопоставленное другому слову таким образом, что оно отрицает все до единой содержащиеся в нем импликации. Ю. Д. Апресян условно делит антонимы на два вида: парадигматические антонимы и синтагматические. Парадигматические антонимы имеют противоположные или обратные, но не противоречащие значения. Синтагматические антонимы имеют в качестве обязательного признака хотя бы частичное совпадение сочетаемости или, что то же самое, возможность хотя бы частичной взаимозамены в одном и том же контексте (разумеется, с соответствующим семантическим изменением), считает Ю. Д. Апресян.

Более традиционно деление антонимов на контрадикторные и контрарные, а с точки зрения структуры — на лексические и грамматические (разнокорневые и однокорневые). Контрадикторные антонимы — это такие противоположности, которые взаимно дополняют друг друга до целого без переходных звеньев. Контрарные — это антонимы, выражающие полярные противоположности внутри одного явления при наличии переходных звеньев.

По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина [Попова и др. 2007: 127], понятие категоризации относится к центральным, основополагающим понятиям когнитивистики в целом и когнитивной лингвистики в особенности. Е. С. Кубрякова [Кубрякова 1997: 244] определяет категоризацию как главный способ придать восприятию мира упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других. Результатом категоризации как когнитивного процесса является формирование когнитивных классификационных признаков, которые выявляются в группах концептов и обнаруживаются в отдельных концептах. Когнитивные классификационные признаки упорядочивают концепты и их группы в единую концептосферу.

Исходя из определения концепта, данно-го Е. С. Кубряковой, согласно которому концепт — это термин, служащий объяснению единиц ментальных и психических ресурсов нашего сознания [Кубрякова и др. 1997], можно предположить, что антонимы — это тоже концепты, объективированные в словах.

Набор когнитивных классифицирующих признаков специфичен для каждого концеп-

та, для группы концептов и для концептосферы в целом.

З. Д. Попова и И. А. Стернин [Попова и др. 2007: 130] выделяют универсальные суперклассифицирующие признаки, которые могут быть применены к любому предмету или явлению, — временная характеристика, пространственная характеристика, общая оценка, эмоция. Эти категории формируют смысловой каркас языка. Это и есть наиболее абстрактный уровень языковой картины мира, считает В. А. Маслова [Маслова 2007: 257].

Под когнитивной категорией признака понимается свойство, по которому познают предмет или явление; определение, которое отличает одно понятие от другого [Философский энциклопедический словарь].

По мнению В. В. Колесова, признак воспринимается как основная категория в характеристике вещного мира; через признак выявляется каждое новое качество, привлекающее внимание своей неповторимостью [Колесов 2006: 49].

Выделяя онтологический аспект категории признака, Л. В. Лаенко утверждает, что одни явления начинают осмысливаться как темы высказываний, т. е. то, о чем идет речь в суждении, другие же понимаются как признаки обозначенного предмета, приписывающие ему определенные атрибуты, сообщающие о его свойствах, определяющие его место в таксономии мира [Лаенко 2002: 27].

В нашем случае категория признака реализуется как антонимичными атрибутивными словосочетаниями, так и субстантивными. Одно из основных свойств антонимов состоит в том, что они всегда рассматриваются как пары. Ядерный элемент в этих парных словосочетаниях указывает на временной интервал (*эпоха, век, год*), а атрибутивный или субстантивный компонент отражает сам категориальный признак.

Первая глава «The Period» («Время действия») первой части «Recalled to Life» («Возвращение к жизни») романа Ч. Диккенса начинается так:

*It was the best of times,
it was the worst of times,
it was the age of wisdom,
it was the age of foolishness,
it was the epoch of belief,
it was the epoch of incredulity,
it was the season of Light,
it was the season of Darkness,
it was the spring of hope,
it was the winter of despair* [Dickens 1980: 28].

Первая пара представляет собой контрастное атрибутивное словосочетание, в котором прилагательные выражены пре-

восходной степенью. Речь идет о ментальных прилагательных.

Остальные пары представляют собой субстантивные словосочетания. В трех из них ядерный элемент совпадает — *age, epoch, season*, в последней паре антонимичными являются оба элемента — ядерный (*spring/winter*) и признаковый (*hope/despair*). Антонимы, представленные субстантивными словосочетаниями, являются контрадикторными.

Для описания Великой французской революции Ч. Диккенс использует еще одну пару антонимов: *It was a queen with a plain face, on the throne of England; it was a queen with a fair face, on the throne of France* [Dickens 1980: 28].

Во время Французской революции королевой Франции была Мария-Антуанетта (1755—1793), которая царствовала во Франции с 1774 по 1792 г. После начала Французской революции она была объявлена вдохновительницей контрреволюционных заговоров и интервенции, осуждена Конвентом и казнена.

С королевой Англии немного сложнее. Дело в том, что действующим королем с 1760 по 1794 г. был Георг III (1738—1820). Известны приступы помешательства Георга III с 1788 г., тем не менее его супруга София Шарлотта Мекленбург-Стрелицкая (1744—1818) официальной королевой Англии не была. Очевидно, образ супруги Георга III понадобился Ч. Диккенсу исключительно для объективации категории признака. Кстати, именно Шарлотте Мекленбург-Стрелицкой принадлежит рецепт сладкого десерта из яблок, запеченных в тесте, широко известного под названием «шарлотки» [Какзанова 2015: 63].

Было бы странно ожидать, что о Великой французской революции ничего не напишут французские писатели. Виктор Гюго (1802—1885), признавая огромное историческое значение Французской революции, посвятил ей свой роман «Quatrevingt-treize» («Девяносто третий год») [Hugo]. В процессе подготовки произведения писатель изучил «Французскую революцию» историка и журналиста Луи Блана (1811—1882), «Историю жирондистов» французского писателя Альфонса де Ламартина (1790—1869), «Историю Робеспьера» историка Эрнеста Амеля, труды французского историка Жюль Мишле (1798—1874), политического деятеля Доминика Жозефа Гара (1749—1833), писателя Феликса Пиа (1810—1889) и другие источники [Толмачёв 1972: 379]. Однажды В. Гюго сказал: «Поэту надлежит возвышать политические события, если они того заслуживают, до степени событий исторических» [Антокольский 1972: 392].

В первой книге своего романа В. Гюго, как и Ч. Диккенс, использует антонимы. Тридцать гренадеров под командой сержанта встретили в Содрейскому лесу женщину с тремя детьми. Сержант:

— *Quelles sont tes opinions politiques? De quel parti es-tu? Es-tu des bleus? Es-tu des blancs? Avec qui es-tu?* («Каковы твои политические убеждения? Какой партии ты сочувствуешь? Ты синяя? Белая? С кем ты?») [Гюго 1972: 11, 13].

Цветовые, или визуальные антонимы, представляющие собой субстантивированные прилагательные, являются контрарными. Белые — это сторонники старого порядка и монархии, знамя которой было белого цвета. Синие — это сторонники Республики и революции, которая с самого начала признала своими цвета Парижа — синий и красный.

Это не единственная антонимичная пара в романе, объективирующая категорию признака и служащая для описания политических событий. В главе «*Tormentum belli*» В. Гюго описывает пушку, которая сорвалась с цепей на военном судне, идущем полным ходом в открытом море. *Vous ne pouvez pas le tuer, il est mort. Et en même temps, il vit* («Убить ее Вы не можете — она и так мертва; и в то же время она живет») [Гюго 1972: 32]. Строго говоря, слова *mort* («мертва») и *vit* («живет») антонимами не являются, так как относятся к разным частям речи. Но они также выражают противоположные значения, подпадающие под категорию признака.

Один из героев романа, роялист маркиз де Лантенак, считал так: *Il est temps de faire les deux guerres ensemble; la grande et la petite. ... La Vendée est bonne, la Chouannerie est pire* («Пришел час вести разом две войны: войну большую и войну малую. ...Вандейская война — хороша, шуанская — хуже») [Гюго 1972: 67]. Вандейская война получила свое название по главному очагу контрреволюции — департаменту Вандея. В 1793—1795 гг. мятежом была охвачена значительная часть крестьянства, особенно зажиточного, руководимого опиравшимися на поддержку Англии контрреволюционным духовенством и дворянством. После первых успехов вандейцев роялисты хотели бороться за свержение республики и возведение на престол малолетнего сына казненного короля под именем Людовика XVII. Восстание шуанов стало вторым крупным роялистским восстанием после Вандейского. В. Гюго пишет: *Il y a eu deux Vendées: la grande, qui faisait la guerre des forêts, la petite, qui faisait la guerre des buissons* («Было две Вандеи: большая Вандея, которая вела лесную войну, и Ван-

дея малая, которая воевала в кустарнике») [Гюго 1972: 188]. Для характеристики войн используются как антонимичные прилагательные в положительной степени *grande* и *petite* («большая» и «малая»), так и форма в сравнительной степени *pire*, подчеркивающая контрарность оппозиции.

Нищие крестьяне видели причину войн и революций в степени состоятельности людей. Они говорили: *Les pauvres, les riches, c'est une terrible affaire. ... Les pauvres veulent être riches, les riches ne veulent pas être pauvres* («Бедняки, богачи — страшное это дело. ...Бедные хотят стать богатыми, а богачи не хотят стать бедными») [Гюго 1972: 81]. Здесь категорию признака объективируют контрарные антонимичные существительные, используемые для характеристики людей.

Реалии Великой французской революции В. Гюго описывает так: *Près de l'Évêché la Convention était froide et la Commune était tiède* («По сравнению с Епископатом Конвент казался холодным, а Коммуна чуть теплой») [Гюго 1972: 110]. Конвент — это высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики во время Великой французской революции, действовавший с 1792 по 1795 г. Это была первая французская законодательная ассамблея, выбранная на основе всеобщего избирательного права. Коммуна — это муниципальное правление Парижа с 1789 по 1794 г. В это время Коммуна играла значительную роль в политической жизни Франции. Прилагательное *tiède* («чуть теплый, тепловатый») является промежуточным звеном между прилагательными *froid* («холодный») и *chaleureux* («теплый»), поэтому можно говорить о контрарных антонимах.

Говоря о политических деятелях Великой французской революции, В. Гюго характеризует их так: *Sourire de nain pire qu'un rire de colosse* («Улыбка карлика страшнее смеха великана») [Гюго 1972: 123]. Великан — это Жорж Жак Дантон (1759—1794). Он описывается в литературе как человек огромного роста и физической силы, с некрасивым приплюснутым носом, изрытым оспой и открытым шрамами лицом. Карлик — это Жан-Поль Марат (1743—1793). Е. В. Тарле описывает его как человека необыкновенной силы, несмотря на худощавость и малый рост [Тарле 1959: 264].

О парадоксах Великой французской революции В. Гюго рассуждает словами одного из своих героев, революционера Говэна: *Car lorsque les événements, qui sont variables, nous font une question, la justice, qui est immuable, nous somme de répondre. ... En même temps que le combat terrestre, il y avait*

eu un combat céleste. Le combat du bien contre le mal. ... Étant les plus forts, d'être les plus faibles, étant les victorieux, d'être les meurtriers. ... A protection due aux faibles par les forts, le salut dû à ceux qui sont perdus par ceux qui sont sauvés. ... La lutte des passions bonnes et des passions mauvaises faisait en ce moment sur le monde le chaos («Коль скоро события, которые суть величина переменная, ставят перед нами вопрос, то справедливость, величина постоянная, понуждает нас отвечать. ...Пока на земле шла битва, шла битва и на небесах. Битва добра против зла. ...Будучи более сильными — стать более слабыми, будучи победителями — стать убийцами. ...Долг сильного — покровительствовать слабому, долг спасшегося — помочь спастись погибающему. ...Борьба добрых и злых страстей разыгрывалась сейчас над миром, порождая хаос» [Гюго 1972: 333, 334, 337—338, 343, 344]). В первом случае в русском переводе признаковая антонимия выступает на уровне математических терминов: величина переменная / величина постоянная. Во французском языке прилагательное *immuable* термином не является, но рассматривать пару *variables — immuable* как контрадикторные антонимы можно. Вторая пара признаковых антонимов выражена контрарной оппозицией существительных *bien — mal* («добро — зло»). Контрарными являются и антонимичные прилагательные в третьем случае — *plus forts/ plus faibles* («более сильные / более слабые»), а антонимичная пара существительных *victorieux/meurtriers* («победители/убийцы») является контрадикторной.

Очень активно В. Гюго пользуется фигурой сравнения, которая также соотносится с категорией признака. Под фигурой сравнения понимается образное словесное выражение, основанное на сопоставлении двух предметов, понятий, в результате которого путем подчеркивания определенных свойств и сторон усиливается восприятие первого из них [Новиков 2007: 98]. Описывая сорвавшуюся с цепей пушку, которая упоминалась выше, В. Гюго пишет: *Ce bloc forcené a les sauts de la panthère, la lourdeur de l'éléphant, l'agilité de la souris, l'opiniâtreté de la cognée, l'inattendu de la houle, les coups de coude de l'éclair, la surdité du sépulcre* («Эта осатаневшая глыба вдруг приобретает гибкость пантеры; она тяжеловесна, как слон, проворна, как мышь, неумолима, как взмах топора, изменчива, как морская зыбь, неожиданна, как зигзаг молнии, глуха, как могильный склеп» [Гюго 1972: 32]). Объективируя категорию признака, фигура сравнения способствует визуализации отдельных фрагментов текста.

К теме Великой французской революции обращается и А. Дюма в романе «Шевалье де Мезан-Руж». В основе сюжета — безуспешные попытки роялистов-заговорщиков спасти от казни вдову Людовика XVI королеву Марию-Антуанетту, ту самую, которую Ч. Диккенс назвал «королевой с красивым лицом».

В романе А. Дюма политизация языка также представлена антонимами, объективирующими категорию признака. Женщина, которую дважды задержал революционный патруль, обратилась к заступившемуся за нее офицеру: *Monsieur, après m'avoir protégée contre vos ennemis, protégez-moi contre vos amis* («О сударь, после того, как Вы защитили меня от Ваших врагов, защитите меня от Ваших друзей» [Дюма]). Существительные *ennemis* и *amis* («враги» и «друзья») характеризуют человека и подпадают под категорию признака.

В романе встречаются и другие антонимичные существительные, объективирующие категорию признака. Главным герой романа якобинец Морис Ленде попал в ловушку и услышал *voix qui avait déjà frappé son oreille par un mélange de fermeté et de douceur* («голос, который поразил его смесью твердости и мягкости»). Список подобных примеров можно продолжить.

Гораздо менее серьезно относился к Великой французской революции Ф. М. Достоевский (1821—1881). В своих «Зимних заметках о летних впечатлениях» с подзаголовком «Фельетон за всё лето» писатель в сатирической манере утверждает, что идеалы Великой французской революции не осуществились. С насмешкой Ф. М. Достоевский пишет: «Провозгласили свободу, равенство, братство. Что такое свобода? Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать всё что угодно в пределах закона. Когда можно делать всё что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает всё что угодно, а тот, с которым делают всё что угодно. Что ж из этого следует? А следует то, что кроме свободы, есть еще равенство, и именно равенство перед законом. Про это равенство перед законом можно только сказать, что в том виде, в каком оно теперь прилагается, каждый француз может и должен принять его за личную для себя обиду. Что ж остается из формулы? Братство. Ну эта статья самая курьезная и, надо признаться, до сих пор составляет главный камень преткновения на Западе. Западный человек толкует о братстве как о великой движущей силе человечества и не

догадывается, что негде взять братства, коли его нет в действительности. Что делать? Надо сделать братство во что бы ни стало. Но оказывается, что сделать братства нельзя, потому что оно само делается, дается, в природе находится. А в природе французской, да и вообще западной, его в наличности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка, усиленного самосохранения» [Достоевский].

Для большей язвительности писатель воспользовался иноязычными вкраплениями на французском языке. «Свобода, равенство и братство» написаны Ф. М. Достоевским по-французски: *liberte, egalite, fraternite*. Термин «иноязычное вкрапление» был введен А. А. Леонтьевым [Леонтьев 1966: 60] и получил дальнейшую разработку в работе С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе», где они определяют данное явление как «слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда — оттенка комичности или иронии» [Влахов и др. 1980: 15]. Иноязычные вкрапления, введенные не без иронии Ф. М. Достоевским, являются зеркалом эпохи, они отражают ту историческую и политическую ситуацию, которая была характерна для Франции периода Великой французской революции. В рассмотренном публицистическом произведении есть и другие политические иноязычные вкрапления, представляющие собой словосочетания: *gloire militaire* («воинская слава») и *suffrage universel* («всеобщее избирательное право»). Они придают эссе оттенок комичности.

В настоящей статье мы рассмотрели взгляды немецких, английских, французских и русских писателей и ученых на Великую французскую революцию. Политическая ситуация отразилась и на языке, который служил описанию событий той эпохи. Мы подробно остановились на антонимах и фигуре сравнения, объективирующих категорию признака, а также на иноязычных вкраплениях, которые не только отражают реальные политические события, но и подчеркивают ироничное отношение автора к этим событиям.

E. M. Kakzanova
Moscow, Russia

THE IMPACT OF THE GREAT FRENCH REVOLUTION UPON LANGUAGE POLITICIZATION

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the impact of the great French revolution on language politicization. The influence of politics on the language is discussed on the basis of Joachim Heinrich Campe's ideas, Honorary French citizen, who arrived in Paris immediately after the storming of the Bastille. J.H. Campe creates state legal lexical minimum with orientation towards politics. Thus he

ЛИТЕРАТУРА

1. Антокольский П. Виктор Гюго // Собр. соч. : в 10 т. / В. Гюго. — М. : Правда, 1972. Т. 10 : Девяносто третий год. С. 380—397 (Библиотека «Огонёк»).
2. Апресян Ю. Д. Лексические антонимы и преобразования с ними // Проблемы структурной лингвистики. 1972. — М. : Наука, 1973. С. 326—348.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М. : Международные отношения, 1980. 350 с.
4. Гюго В. Собр. соч. В 10 т. Т. 10. Девяносто третий год. — М. : Правда, 1972. 399 с. (Библиотека «Огонёк»).
5. Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях. Фельетон за всё лето. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0040.shtml.
6. Дюма А. Шевалье де Мезон-Пуж. URL: http://royallib.com/read/dyuma_aleksandr/shevale_de_mezon_rug.html#20480.
7. Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии 1815—1917 гг. — М. : Изд-во ИМО, 1959. 262 с.
8. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте : моногр. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2006. 624 с.
9. Казанова Е. М. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов: название и происхождение. От А до Z. — М. : Галлея-Принт, 2015. 307 с.
10. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. — М. : Ин-т языкознания РАН, 1997. 343 с.
11. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
12. Лаенко Л. В. Категория признака в научном сознании современного гуманитарного знания // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 2. С. 26—32.
13. Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. — М. : Наука, 1966. С. 60—68.
14. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. — М. : Гнозис, 2007. 320 с.
15. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. — М. : ЛКИ, 2007. 304 с.
16. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 314 с.
17. Тарле Е. В. Жан-Поль Марат, Друг народа // Соч. / Е. В. Тарле. — М. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 6. С. 263—290.
18. Толмачёв М. Историко-литературная справка // Собр. соч. : в 10 т. / Виктор Гюго. — М. : «Правда», 1972. Т. 10 : Девяносто третий год. С. 379. (Библиотека «Огонёк»).
19. Философский энциклопедический словарь. — М. : ИНФРА-М, 2006. 574 с.
20. Чехов А. П. Психопаты // Собр. соч. : в 8 т. / А. П. Чехов. — М. : Правда, 1970. Т. 2 : Рассказы и повести. С. 465—469 (Библиотека «Огонёк»).
21. Dickens Ch. A Tale of Two Cities. — Middlesex, England : Penguin Books Ltd : Harmondsworth, 1980. 410 p.
22. Dumas A. Le Chevalier de Maison-Rouge. URL: <https://ia902707.us.archive.org/18/items/illuslechevalier00dumauoft/illuslechevalier00dumauoft.pdf>.
23. Hugo V. Quatrevingt-treize. URL: http://www.bibebook.com/files/ebook/libre/V2/hugo_victor_-_quatrevingt-treize.pdf.
24. Lang-Groth I. Joachim Heinrich Campe: Auf dem Weg zu einem Belegwörterbuch // Sprachdenker / Heraus. von Iris Forster, Tobias Heinz/Martin Neef. — Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang GmbH, 2012. S. 145—170.
25. Woodcock G. Introduction to «A Tale of Two Cities». — Middlesex, England : Penguin Books Ltd : Harmondsworth, 1980. P. 9—25.

recognizes the right of ordinary people to take part in political discourse. The other form of enlightenment of people was perfection of the German language focusing on words that common people would understand. This pedagogical and socio-political idea meant that all the participants of verbal communication have equal opportunities. Lexicographic works of J.H. Campe were politically biased, because the scholar was of the opinion that it is the language that can make the society educated. The works of Ch. Dickens, V. Hugo and A. Duma are studied in the frameworks of description of the events of the great French evolution, as well as the ideas of F.M. Dostoyevsky. Our attention is focused on the cognitive category of the sign, which is specified by the antonyms expressed by adjectives, nouns and comparison figures. The role of foreign borrowings in politicizing of the language is revealed. The conclusion is made that the political situation is always reflected in the language, which describes the epoch.

KEYWORDS: language politicization; Great French revolution; category of attribute; antonyms; comparison figure; foreign-language elements.

ABOUT THE AUTHOR: Kakzanova Evgeniya Mikhailovna, Dr. (habil.) of Philology, Professor of Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. Antokol'skiy P. Viktor Gyugo // *Sobr. soch.* : v 10 t. / V. Gyugo. — M. : Pravda, 1972. T. 10 : Devyanosto tretiy god. S. 380—397 (Biblioteka «Ogonek»).
2. Apresyan Yu. D. Leksicheskie antonymy i preobrazovaniya s nimi // *Problemy strukturnoy lingvistiki*. 1972. — M. : Nauka, 1973. S. 326—348.
3. Vlahov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode*. — M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 350 s.
4. Gyugo V. *Sobr. soch.* V 10 t. T. 10. Devyanosto tretiy god. — M. : Pravda, 1972. 399 s. (Biblioteka «Ogonek»).
5. Dostoyevskiy F. M. *Zimnie zametki o letnikh vpechatleniyakh. Fel'eton za vse leto*. URL: http://az.lib.ru/d/dostoyevskij_fm/text_0040.shtml.
6. Dyuma A. Sheval'e de Mezon-Ruzh. URL: http://royallib.com/read/dyuma_aleksandr/shevale_de_mezon_rug.html#20480.
7. Erofeev N. A. *Ocherki po istorii Anglii 1815—1917 gg.* — M. : Izd-vo IMO, 1959. 262 s.
8. Kolesov V. V. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste* : monogr. — SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2006. 624 s.
9. Kakzanova E. M. *Anglo-russko-nemetskiy slovar' internatsional'nykh eponimov: nazvanie i proiskhozhdenie. Ot A do Z*. — M. : Galleya-Print, 2015. 307 s.
10. Kubryakova E. S. *Chasti rechi s kognitivnoy tochkoy zreniya*. — M. : In-t yazykoznanija RAN, 1997. 343 s.
11. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov*. — M. : Filol. fak. MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. 245 s.
12. Laenko L. V. *Kategoriya priznaka v nauchnom soznanii sovremenno gumanitarnogo znaniya* // *Vestn. VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2002. № 2. S. 26—32.
13. Leont'ev A. A. *Inoyazychnye vkrapleniya v russkuyu rech'* // *Voprosy kul'tury rechi*. — M. : Nauka, 1966. S. 60—68.
14. Maslova V. A. *Homo lingualis v kul'ture*. — M. : Gnozis, 2007. 320 s.
15. Novikov L. A. *Khudozhestvennyy tekst i ego analiz*. — M. : LKI, 2007. 304 s.
16. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika*. — M. : AST : Vostok-Zapad, 2007. 314 s.
17. Tarle E. V. *Zhan-Pol' Marat, Drug naroda* // *Soch.* / E. V. Tarle. — M. : Izd-vo AN SSSR, 1959. T. 6. S. 263—290.
18. Tolmachev M. *Istoriko-literaturnaya spravka* // *Sobr. soch.* : v 10 t. / Viktor Gyugo. — M. : «Pravda», 1972. T. 10 : Devyanosto tretiy god. S. 379. (Biblioteka «Ogonek»).
19. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. — M. : INFRA-M, 2006. 574 s.
20. Chekhov A. P. *Psikhopatya* // *Sob. soch.* : v 8 t. / A. P. Chekhov. — M. : Pravda, 1970. T. 2 : *Rasskazy i povesti*. S. 465—469 (Biblioteka «Ogonek»).
21. Dickens Ch. *A Tale of Two Cities*. — Middlesex, England : Penguin Books Ltd : Harmondsworth, 1980. 410 p.
22. Dumas A. *Le Chevalier de Maison-Rouge*. URL: <https://ia902707.us.archive.org/18/items/illuslechevalier00dumauoft/illuslechevalier00dumauoft.pdf>.
23. Hugo V. *Quatrevingt-treize*. URL: http://www.bibebook.com/files/ebook/libre/V2/hugo_victor_-_quatrevingt-treize.pdf.
24. Lang-Groth I. *Joachim Heinrich Campe: Auf dem Weg zu einem Belegwörterbuch* // *Sprachdenker / Heraus. von Iris Forster, Tobias Heinz/Martin Neef*. — Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang GmbH, 2012. S. 145—170.
25. Woodcock G. *Introduction to «A Tale of Two Cities»*. — Middlesex, England : Penguin Books Ltd : Harmondsworth, 1980. P. 9—25.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.

А. В. Колмогорова, А. А. Калинин, Ю. А. Талдыкина
Красноярск, Россия

**ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛЯРИЗОВАННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ОПЫТ ПАРАМЕТРИЗАЦИИ**

АННОТАЦИЯ. В статье описываются результаты работы по созданию компьютерной программы для определения уровня манипулятивности политического медиатекста. Манипуляция рассматривается прежде всего как наложение некоторых ограничений на контекст, направляющее внимание целевой группы — мишени манипуляции по траектории, нужной манипулятору. Наличие контекстуальных ограничений с необходимостью влечет за собой появление в манипулятивном тексте специфических вербальных маркеров. В качестве материала исследования используются тексты американских СМИ, посвященные проблеме «украинского кризиса» и реализующие так называемый поляризованный дискурс. На основе данных, полученных в ходе дискурс-анализа медиатекстов по методике Т. ван Дейка, а также в результате социолингвистического эксперимента обосновывается выбор шести параметров измерения для установления уровня манипулятивности: военная терминология, лексика по тематике нацизма, «советская» лексика, список экспериментально полученных маркеров манипуляции, прецедентные имена, прилагательные с антонимическими приставками «анти-» и «про-». Посредством привлечения контрольного и тренировочного корпусов и последующей оценки их отличий по выделенным параметрам с помощью двухвыборочного коэффициента Стьюдента устанавливается статистическая значимость данных отличий, и тем самым подтверждается валидность гипотезы о значимости выделенных критериев для оценки текста как манипулятивного.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: манипуляция; политический дискурс; компьютерные лингвистические технологии; параметры измерения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск); 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный, 82, стр. 1, каб. 234; e-mail: nastiakol@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Калинин Александр Андреевич, инженер по анализу данных, ООО «Аспирити»; 660037, г. Красноярск, Профсоюз, 3, стр. 3, оф. 11; e-mail: verbalab@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Талдыкина Юлия Андреевна, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск); 660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный, 82, стр. 1, каб. 234; e-mail: yulyatald@ya.ru.

Введение

На сегодняшний день политический кризис стал явлением отнюдь не локальным, но приобретает всё более угрожающие масштабы. В различных точках мира ведутся военные действия, в том числе — и на информационном фронте.

Термин «информационная война» был впервые употреблен в 1967 г. А. Даллесом («Тайная капитуляция») в контексте описания тайных сепаратных переговоров между США и Великобританией, с одной стороны, и рейхсфюрером СС Гиммлером — с другой, в значении «личные, разведывательные, диверсионные действия по подрыву тыла противника» [Панарин 2008]. В дальнейшем терминологическое сочетание превратилось в одно из ключевых слов эпохи холодной войны, став манифестацией концептуальной метафоры в духе Дж. Лакоффа и М. Джонсона, где в качестве области-источника был использован еще живой в опыте поколения образ реальных военных действий, а областью-мишенью стал новый феномен, рожденный в недрах постиндустриального общества, — обеспечение максимального контроля над определенной территорией, группой людей, обществом или его частью, которое достигается планомерным информационным воздействием через манипуляцию общественным сознанием и формирование

«нужного» общественного мнения с помощью широкого спектра специальных средств и методов [Иванов 2015: 22]. Информационная война и война с использованием собственно военных средств идут зачастую параллельно, либо первая может спровоцировать или оправдать вторую. Полем битвы для информационной войны становится дискурсивное пространство массмедийной коммуникации, где «выследить» противника достаточно сложно ввиду огромного объема, например, текстовой продукции, ежедневно «вбрасываемой» в такое пространство. Однако современный уровень компьютерных лингвистических технологий позволяет автоматически обрабатывать значительные объемы текстов. Проблема состоит в том, что компьютер может обрабатывать, оценивать и классифицировать тексты только по тем параметрам, которые заложил в его программу исследователь — возникает вопрос о том, есть ли у манипуляции, несмотря на скрытый характер такого воздействия, например, в политической коммуникации, особые языковые «сигналы», маркеры?

Цель настоящей публикации — представить результаты первого этапа проводимого лабораторией прикладной лингвистики СФУ проекта по созданию компьютерной программы — классификатора политических текстов по уровню их манипулятивности,

По материалам X Международной научной конференции «Политическая коммуникация» (26—30 сентября 2016 г., Екатеринбург).

© Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А., 2016

т. е. программного обеспечения, которое позволяло бы автоматически оценить степень представленности в тексте языковых/речевых средств, сигнализирующих о наличии у его автора интенций по неявному управлению общественным мнением для достижения выгодных автору/заказчику данного текста целей, результатов, бенефициаром которых отнюдь не является объект манипуляции.

Материалом для пилотной части проекта был выбран так называемый «поляризованный» политический дискурс англоязычных американских СМИ за 2014—2015 гг., посвященный проблеме «украинского кризиса». Задачей первого этапа проекта было проверить гипотезу о том, что возможно выявить такие параметры текста, которые в дальнейшем мы стали называть «языковыми маркерами манипуляции», частотность которых в тексте может сигнализировать о степени его «манипулятивности».

Теоретический базис и методология работы

Ключевыми для проводимого исследования являются теоретические понятия политического поляризованного дискурса и манипуляции.

Последний феномен является в настоящее время объектом пристального внимания специалистов различных областей гуманитарного знания: психологи определяют манипуляцию как «вид психологического воздействия, используемый для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определенных действий» [Доценко 2000: 53], «особый метод социально-психологического контроля» [Герасимов 1999: 45], лингвисты — как «отбор и использование таких средств языка, с помощью которых можно воздействовать на адресата речи так, что последний воспринимает оказываемое на него воздействие как составляющую объективной информации» [Быкова 1999: 99].

В рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике можно выделить два магистральных подхода к трактовке манипуляции: подход в рамках методологии критического дискурс-анализа, представленный в работах Т. ван Дейка [Dijk 1999, 2006], и прагматический подход в логике Д. Спербера и Д. Вилсона [Sperber, Wilson 1995; Sperber, Cara, Girotto 1995]. Вкратце основное отличие между данными подходами можно сформулировать следующим образом: если дискурс-аналитики рассматривают манипуляцию как разновидность аргументирующего дискурса, воспроизводящего и укрепляющего власть

определенной политической силы, группы, при этом акцентируется активная роль манипулятора, оказывающего воздействие при помощи манипулятивного дискурса [Dijk 2006], то представители прагматической концепции считают, что манипуляция есть прежде всего искусно выстроенный контекст, в котором некая информация подается так, что, при нескольких возможных пресуппозициях, в сознании реципиента текста актуализируются только те, что выгодны манипулятору, а остальные контекст просто затемняет или блокирует [Maillat 2013]. Таким образом, реципиент текста следует определенным, проложенным манипулятором маршрутом интерпретации и понимания сообщения, но, тем не менее, процесс смыслоформулирования производится самим интерпретатором. В определенной степени здесь применима аналогия с охотой: берберские племена заманивали львов в узкое, удобное для засады, ущелье, привязывая по определенному маршруту диких коз — следуя нужным манипулятору интерпретативным маршрутом, реципиент выбирает последний самостоятельно, привлекаяемый некими эмоционально сильными контекстуальными «зацепками». Значит, можно предположить, что такие «зацепки» обязательно вербализованы и, следовательно, должны быть заметны в тексте и могут быть параметризованы.

Наиболее ярко такие ограничители «маршрутизаторы» должны быть представлены в поляризованном дискурсе, который, согласно Т. ван Дейку, играет ключевую роль в создании, выражении, утверждении и воспроизводстве социального неравенства [Dijk 2008], поскольку имеет своей целью создание групп «своих» и «чужих» посредством представления последних через негативные стереотипы, посредством их очернения через описание совершенных ими негативных поступков, через гиперболизацию их отрицательных черт и характеристик [Elissa 2014]. При этом обязательной блокировке в когнитивном опыте реципиентов такого дискурса должны подвергаться знания и представления о положительных характеристиках «чужих» и об отрицательных качествах «своих». Подобная «блокировка» с необходимостью должна проявляться в тексте посредством неких вербальных маркеров — языковых единиц, с регулярностью коррелирующих с ментальными процессами, регулируемыми продуцированием и интерпретацией текста. Для выявления языковых маркеров манипуляции мы использовали методы критического дискурс-анализа, социолингвистического эксперимента, контекстуального

анализа и коммуникативного анализа. В дальнейшем такие маркеры стали параметрами для автоматической классификации текстов по уровню их манипулятивности.

Задача определения степени манипулятивности текста относится к классу задач по автоматической классификации текстов, в частности к нетематической классификации. В общем виде такая задача относится к построению так называемой в разработках по искусственному интеллекту «системы машинного обучения с учителем (supervised machine learning)», на вход которой подается обучающая выборка, содержащая образцы текста и соответствующее им экспертное заключение о том, относится ли данный образец к категории или нет. Машина, используя различные функции-предикторы, с помощью статистических инструментов считает вероятность отнесения некоего нового текста к тому или иному классу. Однако для определения образцов текстов, по которым машина «будет учиться», необходимо выделить лингвистические критерии для классификации текстов как «в высокой степени манипулятивных», «в средней степени манипулятивных» или «в низкой степени манипулятивных».

Рассмотрим основные этапы проведенной работы.

1. На первом этапе нами была проведена сплошная выборка 120 текстов статей, посвященных отношениям США и России на фоне украинского кризиса, из американских периодических изданий *The New York Times*, *The Washington Post*, *The Daily Mail*, *The Daily Mirror*. После мы проанализировали данные статьи согласно уровневой модели анализа манипулятивного дискурса, предложенной в [Dijk 2006]: на уровне микроструктур — графические, морфологические, синтаксические, лексические и семантические средства; на уровне макроструктур — топикальные цепочки, макропропозиции, риторические приемы. Было установлено, что в 100 текстах налицо реализация макропропозиций «Мы — хорошие, они — плохие» на всех микроструктуральных уровнях. Была выдвинута гипотеза о том, что данные 100 текстов являются манипулятивными.

2. На втором этапе 20 русским респондентам, владеющим английским языком на сертифицированном уровне C1, согласно европейским уровням владения иностранным языком, были предложены несколько статей из выборки, предварительно категоризированной как выборка манипулятивных текстов. Перед прочтением статьи респондентам предлагалось заполнить анкету, содержащую паспортную часть, а также ряд во-

просов, призванных отразить знакомство респондентов с политическими новостями, отношение к политике в целом. После прочтения статьи с испытуемыми проводилось компьютеризированное структурированное интервью, в котором, в частности, предлагалось 1) определить эмоцию, чувство, которые респондент переживал во время прочтения статьи; 2) назвать устно или подчеркнуть в тексте статьи те пассажи, которые запомнились, обратили на себя внимание. Все респонденты отметили негативные эмоции (досаду, гнев, обиду и т. д.) как доминантные чувства при прочтении статьи. Гипотеза состояла в том, что в таком случае в качестве самых запоминающихся пассажей текста респонденты, будучи представителями стороны «плохих» в оппозиции «Мы — хорошие, они — плохие», выделяют наиболее манипулятивно сильные части статей. Анализ выделенных 20 респондентами пассажей позволил выделить первую выборку маркеров манипуляции в дискурсе.

3. Сузив в дальнейшем выборку за счет только тех текстов, в которых присутствуют маркеры, выделенные респондентами, мы обратили внимание на частотность в таких текстах военной терминологии: многие авторы умышленно прибегают к использованию военной терминологии для усиления манипулятивного эффекта, для создания устрашающего образа оппонента, который готов развязать войну. Под военным термином понимается «устойчивая единица синтетической или аналитической номинации, закрепленная за соответствующим понятием в понятийно-функциональной системе определенной сферы военной профессии в значении, регламентированном его дефиницией» [Шевчук 1989: 8], например: *A retired NATO general who recently held talks with the Ukrainian president, Petro Poroshenko, told me that intelligence estimates are of some 45,000 regular Russian troops on the border; tens of thousands of Russian irregulars of various stripes inside Ukraine organized by a smaller number of Russian officers and military personnel; some 450 battle tanks and over 700 pieces of artillery* (NYT. 23.11.2015).

4. Кроме того, было зафиксировано наличие так называемой «лексики фашизма», список которой включил в себя 160 лексических единиц.

5. Помимо использования военной и нацистской терминологии в статьях западных СМИ зачастую встречается упоминание о советском прошлом Российской Федерации — прилагательное *soviet* (советский) или *post-soviet* (постсоветский) в сочетании с существительными: *success, rule, union, territory*,

region, state, mentality, forces, times, troops, era, leader, space, narrative, citizens, greatness, stupor, masters, regime, republic, Russia, Cold War, the Berlin wall.

6. Важной и устойчивой составляющей манипулятивных англоязычных текстов оказались такие прецедентные имена, как Владимир Путин, Барак Обама, Петр Порошенко, Александр Захарченко (ДНР), Игорь Плотницкий (ЛНР).

7. В исследованных нами статьях мы отметили частое использование прилагательных с приставками *anti-* и *pro-*, которые помогают авторам текстов четко разделить «своих» и «чужих». Кроме того, с помощью данных лексических единиц автор статьи может переложить ответственность за какое-либо действие на своего оппонента. Так, в данных заголовках из газеты *The Washington Post* автор перекаладывает ответственность за военный конфликт на Украине на Россию, подчеркивая, что за действиями «повстанцев» стоят власти Российской Федерации: *Ukraine pro-Russia rebels hold elections in the east, fueling conflict* (WP 11.02.2014); *In Ukraine's European core, new weariness over war with pro-Russian rebels* (WP 20.12.2014).

Результаты, их проверка и интерпретация

Таким образом, на текущем этапе работы нами был получен список из 6 параметров или метрик, измеряя количество которых в тексте, как мы полагаем, мы можем классифицировать тексты, принадлежащие поляризованному дискурсу, по уровню их манипулятивности:

- 1) военная терминология (на данный момент представлен список из 960 ЛЕ),
- 2) лексика по тематике нацизма (160 ЛЕ),
- 3) морфема *soviet*,
- 4) лексемы из составленного по итогам эксперимента списка маркеров манипуляции (тематика страха, агрессии, вторжения),
- 5) упоминание прецедентных для данной тематики личностей и феноменов (Владимир Путин, Барак Обама, Петр Порошенко, Александр Захарченко (ДНР), Игорь Плотницкий (ЛНР)),
- 6) наличие прилагательных с антонимическими приставками *anti-* и *pro-*.

Решив статистически проверить валидность гипотезы о данных 6 метриках как маркерах манипулятивности в тексте, мы составили так называемый «тренировочный корпус» текстов, состоящий из 150 манипулятивных текстов (проанализированных по методике Т. ван Дейка экспертом-лингвистом), а также 150 контрольных текстов, слу-

чайно взятых с сайтов тех же американских изданий). Изначально отобранные нами тексты были представлены в виде двух списков URL-ссылок, поэтому для того, чтобы преобразовать их в корпус, был выполнен следующий алгоритм:

- 1) извлечение контента с сайта;
- 2) очистка от лишней разметки;
- 3) нормализация текста (токенизация и создание регистра для всех слов).

Далее мы на обоих корпусах (тренировочном и контрольном) проверили функционирование и значение следующих метрик (применили характеристические функции):

- 1) прилагательные с приставками *pro-* и *anti-*: данная метрика отображает соотношение числа слов, начинающихся с приставок *pro-* и *anti-*, и общего числа слов;
- 2) морфема *soviet*: оценивается соотношение количества слов, содержащих корень “*soviet*”, или словосочетаний с данной лексемой и общего числа слов в тексте;
- 3) военная терминология: соотношение количества слов из списка военной терминологии и общего числа слов в тексте;
- 4) нацистская и фашистская терминология: соотношение количества слов из списка нацистской и фашистской терминологии и общего числа слов в тексте;
- 5) маркеры манипуляции, полученные экспериментально: соотношение количества слов из списка маркеров манипуляции и общего числа слов в тексте.

Затем мы посчитали статическую значимость различия между средними значениями вычисленных характеристических функций. Для этого мы применили метод статистической проверки гипотез. В качестве порога статистической значимости был выбран порог в 5 % (0,05).

Нулевая гипотеза — различия между средними значениями статистически не значимы (P -значение $> 0,05$). Альтернативная гипотеза — различия статистически значимы (P -значение $\leq 0,05$).

В качестве инструмента для сравнения значений функций был использован двухвыборочный t -критерий Стьюдента для независимых выборок. Под t -критерием Стьюдента понимаются методы статистической проверки гипотез, основанных на распределении Стьюдента. Чаще всего t -критерий применяется для проверки равенства средних значений в двух выборках. Принцип заключается в следующем: в числителе случайная величина с нулевым математическим ожиданием, а в знаменателе — выборочное стандартное отклонение этой случайной величины, получаемое как квадратный корень из несмещенной оценки дисперсии [Student 1908].

Таблица 1

Результаты сравнения значений функций в контрольном и тренировочном корпусах текстов

Метрика	t-критерий (различие между средним количеством слов в текстах тренировочного и контрольного корпусов)	p-значение (вероятность одинаковости двух выборок)
“pro-” и “anti-”	2.13633331	0.03522494
“soviet”	3.72056850	0.00039430
Маркеры манипуляции	4.955	0,00000308
Нацистская и фашистская терминология	0.3592	0.7202.
Военная терминология	2.3306	0.0223
Прецедентные имена — Путин (Poutin)	5.8044	0.0000001667

Как мы можем видеть, для метрик “pro-”/“anti-“, “soviet”, маркеров манипуляции, военной терминологии и прецедентного имени «Владимир Путин (Poutin)» p-значение меньше выбранного порога значимости, поэтому мы можем отбросить нулевую гипотезу и принять альтернативную. Таким образом, данные характеристические функции могут быть использованы для дифференциации манипулятивных текстов и неманипулятивных. При этом стоит отметить, что показатели для маркеров манипуляции и прецедентного имени «Poutin» — весьма значительные, что свидетельствует о том, что они имеют большое значение для оценки манипулятивности текстов.

Анализ параметра фашистской и нацистской терминологии показал, что различия по данному признаку не существенны и, скорее всего, не могут быть использованы для разграничения манипулятивных и неманипулятивных текстов. Тем не менее данный параметр все-таки может быть использован в сочетании с другими при анализе манипулятивности текстов.

Таким образом, статистическая проверка количественных показателей выявленных 6 языковых маркеров (метрик) манипулятивности в текстах тренировочного и контрольного корпусов показала, что 5 из 6 метрик являются статистически значимыми для выявления манипулятивных текстов в рамках поляризованного дискурса.

Обсуждение и выводы

Итак, в пилотной части проекта мы подтвердили гипотезу о возможности выявления языковых маркеров манипуляции для последующего их использования в качестве метрик для автоматического анализа текстов. Дальнейшими задачами исследования являются: 1) расширение контрольного корпуса текстов для более глубокой проверки ва-

лидности выявленных метрик; 2) установление количественных показателей метрик для дальнейшей классификации текстов по уровням манипулятивности (высокий, средний, низкий); 3) проверка выявленных 6 метрик (5 основных и 1 вспомогательная) на материале, выходящем за пределы поляризованного дискурса, а также за пределы англоязычного дискурса — возможна апробация на испаноязычном и русскоязычном материале; 4) написание программного кода с использованием языка программирования Python для анализа и классификации текстов по уровню манипулятивности.

В поляризованном дискурсе американских СМИ, трактующих проблемы «украинского кризиса», желание направить реципиентов текста по нужному политическому истеблишменту интерпретативному маршруту приводит продуцентов текста к намеренному конструированию когнитивного контекста таким образом, чтобы актуализировать в когнитивном опыте читателей одни пресуппозиции, затушевав, блокировав другие. Так, активное использование словообразовательных морфем *pro-* и *anti-*, а также прецедентных имен подсознательно ориентирует читателя на обязательное соотнесение себя с одной из двух групп — «свои» или «чужие» (естественно, что, дабы не потерять социальную самоидентификацию, реципиенты локализуют себя среди «своих», принимая тем самым «по умолчанию» все доводы «своих» против «чужих»); корневая морфема *soviet* актуализирует в когнитивном опыте читателей мифы и стереотипы эпохи «холодной войны», имеющие негативные коннотации страха, угрозы; те же коннотации актуализируются и лексическими единицами, относящимися к нацистской и военной терминологии, апеллирующими к эмоционально сильным структурам памяти о Второй мировой войне. Иными словами, упомя-

нутые языковые единицы являются своеобразными «якорями», если вспомнить «anchoring effect» — известный термин в когнитивной психологии, обозначающий склонность когнитивных агентов принимать решения на основе лишь какой-то одной части информации, как правило, либо первой, попавшей в поле внимания, либо наиболее привлекающей внимание в силу своей, например, эмоциональной окрашенности [Wilson and all 1996]. Именно они структурируют и направляют процесс интерпретации текста читателем, реципиентом, уводя «в тень» другие, возможные в данном контексте, предположения (например, упоминание нацизма могло бы актуализировать знания о том, что во Второй мировой войне Советский Союз и США были союзниками).

Представляется, что осуществление начатого проекта может способствовать решению задач обеспечения информационной безопасности общества путем, в частности, мониторинга электронных СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова О. Н. Языковое манипулирование: материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения :

A. V. Kolmogorova, A. A. Kalinin, J. A. Taldykina
Krasnoyarsk, Russia

LINGUISTIC MARKERS OF MANIPULATION IN POLARIZED DISCOURSE: PARAMETRIC STUDY

ABSTRACT. *This article investigates the problem of machine retrieving of highly manipulative texts in terms of political media discourse. We consider manipulation as a context constraint and suppose that there are some verbal markers used for constraining the addressee cognitive context the importance of which grows up in the context of polarized discourse. For the present research, we used articles from the Western media (the Washington Post, the New York Times, etc.). Thus, we detected verbal markers of manipulation and evaluated their weight in text content by, firstly, analyzing randomly chosen articles according to the van Dijk's theory of contextual and textual analysis and, secondly, by making a sociolinguistic experiment. Then, we detected six features which might be employed to design a computer analyzer: soviet lexicon, Nazi lexicon, military terminology, discursive markers of manipulation selected by respondents, prefixes pro-, anti, pre-ident names or personalities and measured value of two of them with the use of corpus processing pipeline. These two features are quite statistically significant and can be used as manipulation metrics. It is expected that such metrics would become a tool for measuring a quantitative degree of manipulation in political articles.*

KEYWORDS: *manipulation; political media discourse; featuring; context constraint; polarized discourse; machine retrieving.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kolmogorova Anastassia Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication; Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Taldykina Julia Andreevna, Post-graduate Student of the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kalinin Alexander Andreevich, Data engineer, OOO "Aspirity", Krasnoyarsk, Russia.*

REFERENCES

1. Bykova O. N. Yazykovoe manipulirovanie: materialy k entsiklopedicheskomu slovaryu «Kul'tura russkoy rechi» // Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya : vestn. Ros. ritorich. assotsiatsii.— Krasnoyarsk, 1999. Vyp. 1 (8). S. 91—103.
2. Gerasimov V. M., Derkach A. A., Kosopkin A. S., Nefedova T. I. Psikhologiya parlamentarizma. — M. : Status-Kvo, 1999.
3. Dotsenko E. L. Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. — M. : Izd-vo MGU, 1997.
4. Ivanov S. A. Osobennosti vedeniya informatsionnykh voyn v rossiyskikh regionakh v 2000-e gg. (na primere regionov yuga Zapadnoy Sibiri) : avtoref. kand. dis. — SPb., 2015.
5. Panarin I. N. Informatsionnaya voyna za budushchee Rossii. — M. : Radio i svyaz', 2008.
6. Shevchuk V. N. Voенно-terminologicheskaya sistema v statistike i dinamike. — M., 1985.
7. Dijk T. A. van. Context models in discourse processing. — New York, 1999.

vestn. Ros. ritorich. assotsiatsii.— Krasnoyarsk, 1999. Vyp. 1 (8). S. 91—103.

2. Герасимов В. М., Деркач А. А., Косопкин А. С., Неведова Т. И. Психология парламентаризма. — М. : Статус-Кво, 1999.

3. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М. : Изд-во МГУ, 1997.

4. Иванов С. А. Особенности ведения информационных войн в российских регионах в 2000-е гг. (на примере регионов юга Западной Сибири) : автореф. канд. дис. — СПб., 2015.

5. Панарин И. Н. Информационная война за будущее России. — М. : Радио и связь, 2008.

6. Шевчук В. Н. Военно-терминологическая система в статистике и динамике. — М., 1985.

7. Dijk T. A. van. Context models in discourse processing. — New York, 1999.

8. Dijk T. A. van. Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. № 17. (2). P. 359—383.

9. Dijk T. A. van. Discourse and Power. — New York, 2008.

10. Eissa M. M. Polarized discourse in the news // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. P. 70—91.

11. Maillat D. Constraining context selection: On the pragmatic inevitability of manipulation // Journal of Pragmatics. 2013. № 59. P. 190—199.

12. Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. — Oxford, 1995.

13. Sperber D., Cara F., Girotto V. Relevance theory explains the selection task // Cognition. 1995. № 57. P. 31—95.

14. Student. The Probable Error of a Mean // Biometrika. 1908. (1). P.1—25.

15. Wilson T. D., Houston C. E., Etling K. M., Brekker N. A new look at anchoring effects: Basic anchoring and its antecedents // Journ. of Experimental Psychology: General 125. 1996. № 4. P. 387—398.

8. Dijk T. A. van. Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. № 17. (2). P. 359—383.

9. Dijk T. A. van. Discourse and Power. — New York, 2008.

10. Eissa M. M. Polarized discourse in the news // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2014. R. 70—91.

11. Maillat D. Constraining context selection: On the pragmatic inevitability of manipulation // Journal of Pragmatics. 2013. № 59. P. 190—199.

12. Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. — Oxford, 1995.

13. Sperber D., Cara F., Girotto V. Relevance theory explains the selection task // Cognition. 1995. № 57. P. 31—95.

14. Student. The Probable Error of a Mean // Biometrika. 1908. (1). P.1—25.

15. Wilson T. D., Houston C. E., Etling K. M., Brekker N. A new look at anchoring effects: Basic anchoring and its antecedents // Journ. of Experimental Psychology: General 125. 1996. № 4. P. 387—398.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

М. В. Плотникова, М. А. Кипина
Екатеринбург, Россия

**СОВЕТСКИЙ ДЖЕЙМС БОНД: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В. В. ПУТИНА
ВО ФРАНЦУЗСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ В СВЕТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается политический портрет президента России Владимира Владимировича Путина, представленный во французских медиатекстах в контексте украинского кризиса. Поскольку Россия рассматривается большинством европейских, в том числе французских изданий как одна из сторон и непосредственных участников конфликта, российский президент является объектом повышенного внимания СМИ. В ходе настоящего исследования были рассмотрены французские печатные издания различной политической направленности, такие как «Le Monde», «Libération», «L'Humanité», «Le Point», «Figaro», «Le nouvel observateur» за период с 2014 по 2016 г., а также интернет-ресурсы, содержащие политические карикатуры. Анализ показал, что образ российского лидера представлен во французских СМИ неоднозначно; зачастую в различных изданиях можно встретить диаметрально противоположные характеристики. Тем не менее можно утверждать, что в абсолютном большинстве источников образ российского президента однозначно ассоциируется с образом страны в целом, является прямым указанием на Россию, что не всегда типично для репрезентации политических лидеров. В целом российский президент представлен сильным и волевым политиком, однако его действия и решения, связанные с украинским вопросом, не всегда встречают одобрение французской прессы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация; политическая метафора; украинский кризис; медиалингвистика; политический портрет; политическая карикатура.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Плотникова Мария Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 464; e-mail: plotnikova_mary@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кипина Мария Андреевна, студентка 4 курса Института иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 464; e-mail: super_star22@mail.ru.

Деятельность России на мировой политической арене всегда представляла большой интерес для других стран. Французская пресса не является исключением. С этой точки зрения в ходе настоящего исследования были рассмотрены французские печатные издания различной политической направленности, такие как «Le Monde», «Libération», «L'Humanité», «Le Point», «Figaro», «Paris match», «Express», «Le nouvel observateur» за период с 2014 по 2016 г., а также интернет-ресурсы, содержащие политические карикатуры, в том числе сайт скандально известного издания «Charlie Hebdo».

Медиалингвистика является одним из активно развивающихся направлений современной лингвистики [Аверина и др. 2012; Таюпова, Бычкова 2014; Богоявленская 2015; Доброклонская, Чжан 2015]. Оценочность, являясь одной из основных функций медиатекстов, занимает важное место в статьях политической направленности. Ее характеризуют неоднозначность суждений, порой провокационные высказывания и несовпадение взглядов на одни и те же действия стран, их представителей, политических деятелей. В этой связи медиатексты зачастую служат источником исследовательского материала для работ, выполненных в русле политической лингвистики. Авторы данной статьи интерпретируют медиатексты, используя методы когнитивной лингвистики, в частности, следуя традициям уральской школы

политической метафорологии А. П. Чудинова [Чудинов 2001, 2003, 2012, 2013].

Интерес к политической карикатуре также является одной из тенденций современных лингвистических исследований [Ворошилова 2012аб, 2013аб; Шустрова 2014аб, 2015]. В контексте данной статьи анализ креолизованных текстов также будет проводиться с позиций лингвокогнитивного направления, где политические карикатуры рассматриваются как визуальные метафоры.

По данным крупнейших российских изданий, политический кризис на Украине был спровоцирован в ноябре 2013 г. заявлением украинских властей об отказе подписания «Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС». Это привело к началу митингов как в столице, так и в других городах Украины. Эта массовая акция протеста получила в СМИ и социальных сетях название «Евромайдан». В качестве базовых причин, обусловивших размах протестов, называют социальную несправедливость, огромную поляризацию доходов и уровня жизни населения Украины и разгул коррупции, пронизывающей исполнительную и судебную власть, правоохранительные органы.

Политика России как стороны украинского конфликта активно подвергается критике, и нередки случаи, когда те или иные действия страны объясняются личными побуждениями главы государства (рис. 1).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Так, например, встречаются высказывания о нелегком жизненном пути В. В. Путина, его жизненной позиции, обоснованной условиями детства и юности. Упоминается, что детство его прошло на беспокойных улицах Ленинграда, где он был вынужден учиться постоять за себя, благодаря чему и занялся дзюдо. Силу воли и твердую жизненную позицию укрепила служба в КГБ, где проявилось его желание «d'être un James Bond soviétique...» («...быть советским Джеймсом Бондом») [Paris Match. 9.05.14]. Политика, которую ведет глава РФ, отвечает всем законам ленинградских улиц: на удар отвечать ударом — «C'est de là que vient son principe de répondre „aux coups par les coups“» (*Вот откуда его принцип отвечать „ударом на удар“*) [Paris Match. 9.05.14]. Его стратегии осторожны, но точны и бесповоротны, как стратегии дзюдоиста, чему посвящены даже некоторые заголовки: «Poutine, la stratégie du judoka» (*Путин, стратегия дзюдо*) [Paris Match. 9.05.14]. Такой подход обусловил выбор одной из ведущих метафор французской прессы, описывающих политику главы российского государства в отношении Украины — спортивной метафоры «Путин играет

мускулами», нашедшей отражение не только в заголовках и текстах статей, но и в креолизованных текстах политических карикатур (рис. 2).

Спортивная метафора используется и в контексте зимней Олимпиады в Сочи. В политических карикатурах В. Путин предстает единственным участником и победителем, завоевавшим всевозможные медали единолично. В одном из текстов иронично упомянута прецедентная ситуация с нераскрывшимся олимпийским кольцом, которое сквозь призму карикатуры неожиданно приобрело очертания Крымского полуострова (рис. 3).

Другая проблема, привлекающая внимание французской прессы, — проблема поставки Россией газа на Украину: «Cet énième épisode du conflit gazier entre Moscou et Kiev intervient en plein regain de tensions lié au sabotage de lignes à haute tension en Ukraine, qui a plongé dans le noir la Crimée, péninsule annexée par la Russie en mars 2014» (*Этот эниэмный эпизод газового конфликта между Москвой и Киевом набирает обороты в связи с саботажем на высоковольтных линиях, который погрузил во тьму Крым, ан-*

нексированный Россией в марте 2014 г.). [Paris Match. 20.04.16]

Газовая война нашла широкое отражение и во французской карикатуре, поскольку газовый вопрос напрямую затрагивает интересы Франции. В частности, одна из карикатур изображает Франсуа Олланда, который греется тем, что сжигает книги, отвечая: «Да» — на вопрос: «Можно ли будет обойтись без российского газа этой зимой?» (рис. 4).

При этом образ президента России в «газовых» карикатурах тяготеет все к тому же супергерою, который вершит судьбы европейских стран с помощью газового крана (рис. 5, 6).

Не остаются без внимания и встречи российского лидера с другими политическими и общественными деятелями по всему миру, а именно некоторые произошедшие казусы. Так, например, отчет о встрече с Папой Римским не обошелся без колких замечаний журналиста в адрес российского президента: «Le président russe est arrivé à 10 heures à l'Elysée. C'est très rare qu'il soit ponctuel. Il est toujours en retard. Il a même fait attendre le Pape, vous vous rendez compte?» (Российский президент прибыл в Елисей-

ский дворец в 10 часов. Он очень редко бывает пунктуален. Он всегда опаздывает. Он даже заставил ждать Папу Римского, вы можете себе это представить?) [Paris Match. 2.10.15].

Что касается креолизованных текстов, чаще всего центром внимания становятся встречи и взаимоотношения В. Путина и Б. Обамы, который, в свою очередь, является популярнейшим героем мировых политических карикатур [Шустрова 2014: 85—95]. В противостоянии «Путин — Обама» симпатии французов чаще всего на стороне российского лидера. Так, на одной из карикатур В. Путину и Б. Обаме предложено ответить на один и тот же вопрос, связанный с ситуацией на Украине: «Свержение власти, избранной на всеобщем голосовании, — это...?» «Революция», — отвечает Барак Обама. «Государственный переворот», — отвечает Владимир Путин (рис. 7).

Политика двойных стандартов по отношению к украинскому вопросу также наглядно представлена на карикатуре, изображающей президента США, устанавливающего американский флаг на карте Украины со словами «Путин должен уважать суверенитет Украины!» (рис. 8).

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

В свете событий, связанных с наложением большого количества санкций на РФ, журналисты используют различные средства для того, что выразить сочувствие и привлечь внимание к этой проблеме. Пресса отмечает, что введенные санкции негативно влияют на экономику страны, давят на нее и имеют буквально «удушающее» действие: «...des sanctions qui pèsent lourdement sur son économie...» (Санкции, которые оказывают значительное давление на экономику...) [Le Figaro. 2.10.15]. В некоторых изданиях выражается абсолютное несогласие с той санкционной политикой, которая ведется сейчас по отношению к России, например, с помощью очень яркой антропоморфной метафоры: «La Russie n'est pas un enfant qu'on peut priver de dessert parce qu'il a dit un gros mot en plein milieu du déjeuner familial du dimanche» (Россия — это не ребенок, которого можно лишить десерта, потому что он сказал плохое слово за воскресным обедом) [Le Figaro. 22.05.15]. Политическая карикатура также показывает обратный негативный эффект санкций для экономики европейских стран, в частности, для сельского хозяйства (рис. 9).

Необходимо отметить и то, что многие издания характеризуют В. В. Путина как человека, принимающего верные, осторожные, обдуманные решения: «Vladimir Poutine s'est d'ailleurs présenté comme un homme de dialogue et de paix...» (Владимир Путин показал себя приверженцем диалога и мира) [Paris Match. 15.08.14]. Его ничто не может сбить с толку, его холодный прагматизм проявляется во всем и происходит из его прошлого в КГБ, что снова вызывает аллюзии на Джеймса Бонда: «Ce pragmatisme sans états d'âme lui est venu de sa formation d'agent secret» (Этот прагматизм и сдержанность являются следствием образования секретного агента) [Paris Match. 18.03.14].

Театральная метафора широко представлена в текстах, описывающих кризис на Украине. В статьях многих журналистов

Рис. 10

можно встретить театральные метафоры, зачастую в сочетании с милитарными: «La Russie continue son jeu de menaces» (Россия продолжает свою игру в угрозы) [Paris Match. 30.05.14], «Élément important de la guerre de désinformation que se joue en Ukraine» (Важный элемент информационной войны разыгрывается на Украине) [Paris Match. 15.05.14], «Poutine va surjouer le rôle de la victime» (Путин переигрывает в роли жертвы) [Libération. 1.04.16]. Информационная война, с точки зрения французской прессы, ведется В. Путиным с помощью полностью подчиненных ему российских СМИ (рис. 10).

Политическое пространство сравнивается со сценой, а различные собрания политиков рассматриваются с разных сторон; журналисты освещают все мелкие детали, даже проникая «за кулисы»: «Dans les coulisses du sommet de Minsk» (За кулисами минского саммита) [Paris Match. 12.02.15]. Происходящие события имеют много общего с драмами, которые разыгрываются на сцене, а также с другими театральными жанрами: «...évoquer une piste russe dans ce drame» (...найти русский след в этой драме) [Le Figaro. 22.03.16].

Еще один распространенный вид метафоры — игровая, которая, аналогично милитарной, употребляется для выражения неодобрения, недовольства и негативно окрашена: «Poutine joue la carte du conservatisme politique en Russie» (Путин разыгрывает карту политического консерватизма в России) [Paris Match. 5.01.16], «Poutine avance ses pions militaires dans l'est de l'Ukraine» (Путин продвигает свои военные пешки на восток Украины) [Le Figaro. 28.09.14], «Vladimir Poutine, a été autorisé à faire intervenir l'armée en Ukraine, ne joue pas la carte de l'apaisement» (Владимир Путин, получивший разрешение на военное вторжение на Украину (от Государственной думы РФ. — М. П., М. К.), не разыгрывает карту перемирия) [Paris Match. 12.02.15]. Образ

президента России в данном контексте приобретает резко негативные черты. Так, на одной из карикатур В. Путин собирается после Крыма «съесть» и всю остальную Украину со словами: «Аппетит приходит во

Рис. 11

В целом, анализируя французское медиаспространство, можно отметить опасения, которые вызывает образ российского президента. Его личностные качества, политическое поведение, ситуация на юго-востоке Украины и аннексия Крыма, которая, по мнению французских СМИ, напрямую инициирована В. Путиным, побуждает французскую прессу призывать к осторожности и осмотрительности в отношении российского лидера. Обаятельный «советский Джеймс Бонд» стал альтернативным героем известнейшей французской рекламы сети магазинов «Галери Лафайет» (Galeries Lafayette), оригинал которой можно найти на обратной стороне практически любой карты Парижа (рис. 12). Рекламный слоган гласит: «Посети Париж, пока этого не сделал он» (рис. 13).

ИСТОЧНИКИ

1. Libération. URL: <http://www.liberation.fr/> (date of access: 13.02.2016).
2. Le Monde. URL: <http://www.lemonde.fr/> (date of access: 18.02.2016).
3. Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/> (date of access: 20.02.2016).
4. Paris Match. URL: <http://www.parismatch.com/> (date of access: 3.03.2016).

ЛИТЕРАТУРА

5. Аверина М. А., Антропова В. В., Броженко С. В., Дороница Е. Г., Свиридова А. В., Точилкина Т. Г., Чепуренко А. А., Шиганова Г. А., Юздова Л. П. Проблемы лингвистики. Современный подход : коллективная моногр. — Челябинск : Цицера, 2012. 267 с.
6. Богоявленская Ю. В. Современные сопоставительные исследования: новые векторы развития // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2015. № 1 (3). С. 72—81.

время еды» (рис. 11). Салфетка цвета российского флага говорит о том, что образ президента напрямую ассоциируется с образом страны, Путин и Россия полностью тождественны.

Рис. 12

Рис. 13

7. Ворошилова М. Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 94—99.

8. Ворошилова М. Б. Креолизованный рекламный текст: аспекты изучения // Уральский филол. вестн. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 2. С. 39—43.

9. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: принцип целостности или принцип заменяемости // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 177—183.

10. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 194 с.

11. Добросклонская Т. Г., Чжан Х. Медиалингвистика в России и за рубежом: достижения и перспективы // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 9—19.

12. Таюпова О. И., Бычковская Н. В. Медиалингвистика как современное научное направление // Российский гуманитарный журн. 2014. № 1, т. 3. С. 38—44.

13. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2005.

14. Чудинов А. П. Постулаты Уральской школы политической метафорологии // Уральский филол. вестн. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 2. С. 85—93.

15. Чудинов А. П. Принципы Уральской школы политической метафорологии // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2013. № 1 (23). С. 66—72.

16. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. 238 с.

17. Шустрова Е. В. Методики анализа графических метафор // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 70—80.

18. Шустрова Е. В. Ориентационные метафоры в американской карикатуре времен Великой депрессии // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 65—73.

19. Шустрова Е. В. Холодное лето 2014-го: Барак Обама в американской карикатуре // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 85—95.

M. V. Plotnikova, M. A. Kipina
Ekaterinburg, Russia

SOVIET JAMES BOND: POLITICAL PORTRAIT OF V. PUTIN IN FRENCH MEDIA TEXTS WITH REFERENCE TO UKRAINIAN CRISIS

ABSTRACT. *The article deals with political portrait of Russian president Vladimir Putin in French media texts with reference to Ukrainian crisis. Since Russia is considered as a participant of the conflict in a majority of European, including French titles, Russia's president draws the interest of mass media. French newspapers of different political orientation such as «Le Monde», «Libération», «L'Humanité», «Le Point», «Figaro», «Le nouvel observateur» over a period from 2014 to 2016 and also different internet sources of political caricatures are analyzed in the context of this article. We found out that the image of Russian leader is not univocal in different French titles. It's possible to reveal completely opposite characteristics. Nevertheless we claim that in the most of the sources the image of the President of the Russian Federation is definitely associated with the country itself and it's not always the case for a political leader. On the whole Russian president is depicted as a forceful and strong-minded politician but his actions and decisions related to the Ukrainian problem are not always approved by French mass media.*

KEYWORDS: *political communication; political metaphor; Ukrainian crisis; media linguistics; political portrait; political caricature.*

ABOUT THE AUTHOR: *Plotnikova Maria Vjacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Romanic Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kipina Maria Andreevna, Student of Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Libération. URL: <http://www.liberation.fr/> (date of access: 13.02.2016).
2. Le Monde. URL: <http://www.lemonde.fr/> (date of access: 18.02.2016).
3. Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/> (date of access: 20.02.2016).
4. Paris Match. URL: <http://www.parismatch.com/> (date of access: 3.03.2016).
5. Averina M. A., Antropova V. V., Brozhenko S. V., Doronina E. G., Sviridova A. V., Tochilkina T. G., Chepurenko A. A., Shiganova G. A., Yuzdova L. P. Problemy lingvistiki. Sovremennyy podkhod : kollektivnaya monogr. — Chelyabinsk : Tsitsero, 2012. 267 s.
6. Bogoyavlenskaya Yu. V. Sovremennye sopostavitel'nye issledovaniya: novye vektory razvitiya // Vestn. Leningr. gos. un-ta im. A. S. Pushkina. 2015. № 1 (3). S. 72—81.
7. Voroshilova M. B. Kreolizovannaya metafora: pervyye zarisovki // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 4 (42). S. 94—99.
8. Voroshilova M. B. Kreolizovannyi reklamnyy tekst: aspekty izucheniya // Ural'skiy filol. vestn. Ser.: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa. 2012. № 2. S. 39—43.
9. Voroshilova M. B. Kreolizovannyi tekst: printsip tselostnosti ili printsip zamenaemosti // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4. S. 177—183.
10. Voroshilova M. B. Politicheskiiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 194 s.
11. Dobrosklonskaya T. G., Chzhan Kh. Medialingvistika v Rossii i za rubezhom: dostizheniya i perspektivy // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 19, Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2015. № 1. S. 9—19.
12. Tayupova O. I., Bychkovskaya N. V. Medialingvistika kak sovremennoe nauchnoe napravlenie // Rossiyskiy gumanitarnyy zhurn. 2014. № 1, t. 3. S. 38—44.
13. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2005.
14. Chudinov A. P. Postulaty Ural'skoy shkoly politicheskoy metaforologii // Ural'skiy filol. vestn. Ser.: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa. 2012. № 2. S. 85—93.
15. Chudinov A. P. Printsipy Ural'skoy shkoly politicheskoy metaforologii // Vestn. Krasnoyar. gos. ped. un-ta im. V. P. Astafeva. 2013. № 1 (23). S. 66—72.
16. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991—2000) / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2001. 238 s.
17. Shustrova E. V. Metodiki analiza graficheskikh metafor // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014. № 6. S. 70—80.
18. Shustrova E. V. Orientatsionnye metafory v amerikanskoj karikature vremen Velikoy depressii // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 3. S. 65—73.
19. Shustrova E. V. Kholodnoe leto 2014-go: Barak Obama v amerikanskoj karikature // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 85—95.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.

И. П. Рябкова, М. В. Варганов
Ижевск, Россия

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: АНАЛИЗ ВЕРБАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ВЫСТУПЛЕНИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПОЛИТИКА

АННОТАЦИЯ. В статье в качестве аудиовизуального политического текста анализируется видеозапись заявлений Х. Клинтон и Д. Трампа об официальном начале кампании по участию в выборах президента США 2016 года, исследуются их вербальный и невербальный компонент. В качестве вербальной составляющей анализируются языковые знаки, предназначенные для восприятия при помощи зрения и (или) слуха. В статье, в частности, представлен анализ значимой письменной информации, появляющейся в кадре, а также частотных ключевых слов произносимой речи. Говоря о невербальном компоненте текста, авторы особое внимание уделяют изучению эмоционального состояния выступающих как важному аспекту коммуникативной ситуации. Для оценки эмоционального состояния в работе используется система кодирования лицевых мышц (FACS), разработанная П. Экманом и У. Фризенем. На данный момент FACS является единственным принятым в мире инструментом, позволяющим описать фрагментарные выражения лица, а также объективно оценить изменения мимической динамики, опираясь на частоту появления прототипических (стандартных базовых выражений эмоций, описанных П. Экманом) мимических выражений эмоций. В качестве одной из возможных перспектив исследования авторы видят выявление соответствия и несоответствия переживаемой эмоции лингвистическому компоненту высказываний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: креолизованный политический текст; аудиовизуальный политический текст; политический дискурс; предвыборный дискурс; политическая коммуникация; эмоциональное состояние; FACS.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Рябкова Ирина Павловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки), Удмуртский государственный университет; 426000, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2, каб. 309; e-mail: irina-ryabkova@bk.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Варганов Михаил Владимирович, доктор медицинских наук, доцент кафедры факультетской хирургии, Ижевская государственная медицинская академия; 426000, г. Ижевск, ул. Коммунаров, 281; e-mail: varganov2004@mail.ru.

В последнее время изучение креолизованных политических текстов с уверенностью можно выделить в качестве отдельного направления исследований в русле политической лингвистики. Наиболее изученными на данный момент являются, по-видимому, такие креолизованные политические тексты, как политические логотипы, иллюстрации, карикатуры, плакаты, сочетающие вербальный компонент с изображением (рисунком или фото) [Ворошилова 2013]. Внимание лингвистов также привлекают медиатексты, под которыми нередко подразумеваются тексты, размещенные в печатных СМИ. В них невербальный компонент, представленный обычно в виде одной или нескольких фотографий, как правило, дублирует или усиливает вербальную составляющую сообщения, а в некоторых случаях добавляет новые смыслы [см. напр.: Слободенюк 2015; Сподарец 2015 и др.].

Вместе с тем малоизученным остается особый вид креолизованных текстов, в которых вербальный компонент сочетается с видеозаписью или является ее неотъемлемой частью. Думается, что такие тексты будут иметь ряд особенностей по сравнению с текстами, имеющими в качестве составляющего компонента статичное изображение (фото или рисунок).

Предлагаем использовать для обозначения подобного вида текстов термин «аудиовизуальный текст» (АВТ), понимая под ним поликодовый текст, рассчитанный на

одновременное слуховое и зрительное восприятие. АВТ по своим характеристикам во многом похож на кинотекст [Ворошилова 2013; Слышкин, Ефремова 2004], однако данный термин в отечественной лингвистике используется применительно к кинопродукции — художественным, нехудожественным (документальным) или анимационным фильмам. Еще один термин — «медиатексты» (по определению Г. Г. Слышкина, это тексты, образующие единую группу по способу восприятия (аудиовизуальному) и способу предъявления (экранному) [Слышкин, Ефремова 2004: 12]) — применительно к политическому дискурсу представляется не вполне удачным, поскольку его часто применяют для обозначения креолизованных текстов, рассчитанных исключительно на зрительное восприятие (выше мы уже ссылались, в частности, на работы таких авторов, как Е. А. Слободенюк [Слободенюк 2015], О. О. Сподарец [Сподарец 2015], где термин «медиатекст» используется именно в этом значении). В этой связи в рамках изучения политического дискурса представляется целесообразным говорить об *аудиовизуальных политических текстах*. К их числу можно отнести транслируемые на телевидении (в прямом эфире или в записи), а также размещенные в сети Интернет видео политических интервью, дебатов, политическую рекламу, пресс-конференции, выступления политика и т. д. Насколько нам известно, даже если подобный текст сразу

же создавался как аудиовизуальный или становился таковым в результате видеозаписи устного выступления, в имеющихся работах анализу подвергается, как правило, собственно письменный текст заранее написанного выступления или расшифровка, сделанная на основе видеозаписи. Однако зритель воспринимает АВТ в неразрывном единстве лингвистических и нелингвистических звуковых и визуальных знаков — собственно слов говорящего, его жестов, мимики, позы, тембра голоса, диапазона, тональности, темпа речи, возможных эмоциональных реакций (смех, слезы), видеоряда (люди, предметы, животные, интерьер или пейзаж в кадре), музыкального или иного звукового сопровождения и т. п. [Слышкин, Ефремова 2004: 18—19].

Материалом для данной статьи послужили видеозаписи заявлений Х. Клинтон и Д. Трампа, ставшие своеобразной стартовой точкой в предвыборной кампании каждого кандидата на пост президента США в 2016 г., а именно видеозаписи выступления Х. Клинтон от 13 июня 2015 г. на первом крупном предвыборном митинге в Нью-Йорке и заявления Д. Трампа о намерении принять участие в выборах президента США от 16 июня 2015 г. Для анализа использовались видео в версии, опубликованной на «YouTube». Видеозапись речи Х. Клинтон длится 46 минут, Д. Трампа — 51 минуту. При необходимости мы также обращались к письменному тексту заявлений, опубликованному на сайте американского журнала «Time».

Следует отметить, что вербальная составляющая аудиовизуального текста может быть представлена как в виде звуковых, так и в виде воспринимаемых при помощи зрения языковых знаков, т. е. звучащего текста, субтитров и различных надписей, появляющихся в кадре. На момент написания данной статьи (июль 2016 г.) функция включения/отключения субтитров на английском языке была доступна для видеозаписи выступления Д. Трампа, но недоступна для видеозаписи выступления Х. Клинтон. На протяжении всего видео в ролике Х. Клинтон в правом нижнем углу присутствует надпись «C-SPAN» и веб-адрес *c-span.org*. Поясним: C-SPAN — это американская теле- и радиоконпания, доступная примерно для 100 млн семей в США (без учета интернет-пользователей, имеющих доступ к программам онлайн) и известная тем, что широко освещает важные политические события со всего мира, а также заседания конгресса США практически в режиме реального времени. Компания позиционирует себя как телесеть, чьи программы выходят в эфир без

редакторской правки и фильтров, и гордится своей независимостью от индустрии кабельного телевидения или правительства. Таким образом, надпись «C-SPAN», вероятно, призвана служить своеобразным «маркером» значимости выступления и непредвзятости его освещения.

Если говорить о надписях, появляющихся в тексте, в первую очередь внимание привлекают надписи на трибунах обоих ораторов. У Х. Клинтон на общем синем фоне мы видим логотип ее предвыборной кампании, представляющий собой первую букву имени кандидата на английском языке (H), где горизонтальная линия выполнена в виде стрелы слева направо, что, как мы полагаем, призвано символизировать движение вперед. Далее следует веб-адрес *hillaryclinton.com*, адрес официального вебсайта предвыборной кампании Х. Клинтон 2016 г. Цветовая гамма (синий, белый, красный), выбранная для оформления трибуны, соответствует цветам американского флага. Примечательно также, что сцена, на которой выступает Х. Клинтон, также оформлена в виде буквы H со стрелой в качестве горизонтальной линии. В видео несколько раз демонстрируется съемка с воздуха, позволяющая зрителям видеть эту особенность оформления сцены. В ходе выступления в кадре также на несколько секунд появляются плакаты в поддержку Х. Клинтон в руках зрителей.

Д. Трамп выступает за трибуной, на которой на синем фоне белыми буквами написана его фамилия TRUMP (крупными заглавными буквами вверх), в нижней половине — адрес сайта его предвыборной кампании *www.DonaldJTrump.com* и в самом низу — предвыборный слоган кандидата «Make America great again» (букв. «Сделать Америку великой снова», может также переводиться как призыв «Сделайте Америку великой снова»). Отметим также, что сама фамилия кандидата может также рассматриваться как своеобразный слоган, поскольку английское слово «trump» многозначно и имеет следующие основные значения: в качестве существительного оно может переводиться как «труба», «звук трубы или звук, похожий на трубу», «козырная карта, козырь, козырная масть», а в переносном значении — «решающий, перевешивающий фактор или финансовый ресурс», «надежный, заслуживающий доверия, образцовый человек». В качестве глагола «trump» означает «бить козырем», «превосходить», «взять верх» [Merriam Webster Dictionary Online]. Текст, представленный на трибуне, заключен в красную рамку. Таким образом, цветовое оформление также представляет собой

сочетание синего, белого и красного цветов — цветов американского флага.

В рамках лингвистического анализа мы также проделали анализ частотности ключевых слов произносимого текста, выполнявшийся при помощи онлайн-инструмента «Keyword Density Analyzer». С его помощью были отобраны слова (за исключением вспомогательных слов), а также выражения, состоящие из 2—3 слов, которые встречались в тексте 4 раза и более. В результате было установлено, что Х. Клинтон делает ставку на традиционную предвыборную тематику: Америка и американцы, семья, работа, женщина, здоровье и здравоохранение, экономические вопросы (в том числе малый бизнес), демократия, перемены и шансы, образование, современные угрозы, апелляция к своему прежнему политическому опыту. Внутри каждой темы можно выделить ключевые слова, также достаточно традиционные и предсказуемые для этой тематики. Например, тему «семья» у Х. Клинтон объединяет генерализирующая лексическая единица «family», которая встречается в тексте в единственном и множественном числе 27 раз (0,59 %). Внутри темы «семья» можно также выделить такие частотные единицы, как «women» (встречается 7 раз), «children» (6), «mother» (4), «parents» (4). Для сравнения: у Д. Трампа среди частотных единиц (от 4 употреблений в тексте) присутствует только «family», причем количественно гораздо меньше — всего 7 употреблений (0,12 %).

В выступлении Д. Трампа внимание привлекает большое количество оценочных (реже качественных) прилагательных: *great, good, right, big, ill, nice, bad, real, stupid, wonderful, rich, common*, а также частое употребление конструкции, использующейся для обозначения будущего времени *going to*.

По сравнению с Х. Клинтон у Д. Трампа очень много отрицательных конструкций, например: *I'm not, they don't know, not going to, we don't know, they're not, if you don't, but we don't, don't have to, don't want it, I'm not doing, they don't talk, you don't hear*.

В целом частотные слова, выделенные в выступлении Д. Трампа, более «хаотичны»: трудно определить основные темы его сообщения, в отличие от Х. Клинтон.

С точки зрения комплексного анализа АВТ внимания заслуживают также и присутствующие в нем неязыковые знаки, воспринимаемые при помощи зрения и/или слуха. Однако размер и тематика данной статьи не позволяют нам рассмотреть их подробно.

Особенностью аудиовизуального политического текста по сравнению, например, с кинотекстом является то, что он нередко

представляет собой видеозапись устного выступления. Соответственно аудиовизуальный политический текст будет также иметь черты устной речи, немаловажным компонентом которой является *эмоциональное состояние* участников коммуникативной ситуации.

Саму эмоцию, ее зарождение, причину возникновения увидеть невозможно. Но изучая выражения лица, можно с высокой долей вероятности говорить об испытываемой человеком эмоции [Экман 2014]. Мы не можем видеть эмоцию — движения лица являются лишь ее отображением, но мы можем многое узнать, если произведем измерения этого отображения с необходимой точностью. Для этих целей существует специальная методика измерений FACS (*Face Action Coding System* — «Система кодирования лицевых движений»), созданная Полом Экманом и Уоллесом Фризенем. С использованием FACS можно вручную закодировать практически любое анатомически возможное выражение лица, конструируя его из конкретных *единиц действия* («action units») и требуемого ими времени для воспроизведения того или иного выражения лица. В то время как единицы действия (ЕД) являются независимыми, они могут быть использованы для принятия любого решения высшего порядка, в том числе и для распознавания эмоций.

Использование данной методики позволяет определить эмоциональное состояние человека в момент произнесения речи, а сопоставление лингвистической части послания и кодов единиц действия FACS дает возможность умозаключать о внутреннем состоянии человека в момент произнесения речи. Данная методика широко используется в мире для исследования эмоциональной сферы и отчасти изучения невербальной части различных высказываний людей.

Исследуя выступления политиков, выбранные для написания данной статьи, с точки зрения кодирования выражений лица, можно выделить несколько моментов.

В речи Х. Клинтон при концентрации на наиболее важных моментах речи присутствуют ЕД 1 и 2, в некоторых случаях дополняемые указующими жестами. Их присутствие недостаточно для определения эмоции, их использование может трактоваться как определенная манерность речи.

В послании Д. Трампа можно выделить ЕД-20, появляющуюся в наиболее важных моментах речи, связанных с выдвижением на пост президента. Это связано скорее с индивидуальными особенностями и служит, вероятнее всего, признаком базовой манеры произнесения публичных речей.

В целом речь Х. Клинтон является достаточно хорошо структурированной: прослеживается определенный концепт пути, фундаментально начинающийся с высказываний «кто Я, кто мы», затем следуют обобщения с указанием направления возможного движения в рамках представленного выступления.

Речь Д. Трампа в этом аспекте более хаотична, направлена на особое значение и личную роль в решении задач и осуществлении намеченных планов.

Обе анализируемые речи являются хорошо продуманным, подготовленным и даже, вероятно, отрепетированным посланием, в связи с чем эмоциональное состояние ораторов достаточно сложно оценить. Однако проанализированный материал дает основания для установления некоторого нейтрального состояния каждого политика, относительно которого можно будет делать дальнейшие выводы. Для характеристики более выраженного эмоционального статуса выступающих, выявления возможных несоответствий вербального и невербального компонентов потребуются дальнейшие исследования в данной сфере, которые мы намерены продолжить в будущем.

В качестве перспектив исследования можно также наметить следующие: оценка эмоций в процессе выступлений; выявление соответствия и несоответствия между переживаемой эмоцией и лингвистическим компонентом высказываний; выявление эмоций, являющихся базовыми и наиболее часто проявляемыми для конкретных ораторов; оценка лингвистической части высказывания на фоне переживания определенных эмоций и их изменения в зависимости от переживаемой эмоции; создание рекомендаций по

написанию текстов для конкретной ситуации в зависимости от желания вызвать или подчеркнуть определенную эмоцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. — Екатеринбург, 2013. 194 с.
2. Мудрость Востока и Запада. Психология равновесия / под ред. П. Экмана. — Изд-во «Питер», 2015. 295 с.
3. Слободенюк Е. А. Особенности сочетания визуального и вербального в создании образа современного немецкого политика в британском медиадискурсе (на примере Ангелы Меркель) // Политическая лингвистика. 2015. № 2. С. 113—121.
4. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). — М.: Водoley Publishers, 2004. 153 с.
5. Сподарец О. О. Воздействующий потенциал изобразительного ряда в креолизованных текстах политического дискурса СМИ (на материале современного американского политического медиадискурса) // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 112—117.
6. Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. — Изд-во «Питер», 2014. 333 с.
7. Donald Trump Presidential Announcement Full Speech. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=q61B-DyPk> (date of access: 29.07.2016).
8. Donald Trump's Presidential Announcement Speech. URL: <http://time.com/3923128/donald-trump-announcement-speech> (date of access: 29.07.2016).
9. Ekman P. An Argument for Basic Emotions // Cognition & Emotion PCEM. 1992. № 6.3. P. 169—200.
10. Hillary Clinton Presidential Campaign Announcement Full Speech (C-SPAN). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZgGPMrLHRy0> (date of access: 29.07.2016).
11. Izard C. E. Emotion Theory and Research: Highlights, Unanswered Questions, and Emerging Issues // Annual Review of Psychology Annu. Rev. Psychol. 2009. № 60.1. P. 1—25.
12. Keyword Density Analyzer. URL: <http://tools.seobook.com/general/keyword-density> (date of access: 29.07.2016).
13. Merriam Webster Dictionary Online. URL: <http://www.merriam-webster.com> (date of access: 29.07.2016).
14. Scherer K. R., Heiner Ellgring. Are Facial Expressions of Emotion Produced by Categorical Affect Programs or Dynamically Driven by Appraisal? // Emotion. 2007. № 7.1. P. 113—130.
15. Transcript: Full Text of Hillary Clinton's Campaign Launch Speech. URL: <http://time.com/3920332/transcript-full-text-hillary-clinton-campaign-launch/> (date of access: 29.07.2016).

I. P. Ryabkova, M. V. Varganov
Izhevsk, Russia

AUDIOVISUAL POLITICAL TEXTS: ANALYSIS OF THE VERBAL COMPONENT AND THE ORATOR'S EMOTIONAL STATE

ABSTRACT. *The audiovisual political texts, analyzed in the paper, are the videos of Hillary Clinton and Donald Trump in which they announce the official launch of their 2016 US President election campaigns. In this study, the authors focus on both verbal and non-verbal components of the video recorded texts. The analysis of the verbal component includes linguistic signs intended for auditory and/or visual perception. In particular, the authors analyze the most significant written information shown in the video and frequent keywords of the pronounced text. Speaking about the non-verbal component of the text, the authors pay special attention to the study of the speakers' emotional state as an important aspect of the communicative situation. To assess the emotional state, they use FACS (Facial Action Coding System) developed by Paul Ekman and Wallace Friesen. So far, FACS has been the only accepted tool used worldwide to describe single facial expressions and objectively assess facial expression changes basing on the frequency of prototypical (standard basic emotions described by Ekman) facial expression of emotions. The authors believe that studying whether the emotions experienced by the speakers match the linguistic component of the statement might be an exciting opportunity for future research.*

KEYWORDS: *creolized political text; audiovisual political text; political discourse; election discourse; political communication; emotional state; FACS.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ryabkova Irina Pavlovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Translation and Applied Linguistics (English and German languages), Udmurt State University, Izhevsk, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Varganov Mikhail Vladimirovich, Doctor of Medicine, Associate Professor of the Department of Intermediate Level Surgery, Izhevsk, Russia.*

REFERENCES

1. Voroshilova M. B. Politicheskiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu. Ekaterinburg, 2013. 194 s.
2. Mudrost' vostoka i zapada, psikhologiya ravnovesiya: pod red. P. Ekmana. Izd-vo Piter, 2015. 295 s.
3. Slobodenyuk E. A. Osobennosti sochetaniya vizual'nogo i verbal'nogo v sozdanii obraza sovremennogo nemetskogo politika v britanskom mediadiskurse (na primere Angely Merkel') / E. A. Slobodenyuk // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2. S. 113-121.
4. Slyshkin G. G., Efremova M. A. Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza). — M. : Vodoley Publishers, 2004. — 153 s.
5. Spodarets O. O. Vozdeystvuyushchiy potentsial izobrazitel'nogo ryada v kreolizovannykh tekstakh politicheskogo diskursa SMI (na materiale sovremennogo amerikanskogo politicheskogo mediadiskursa) / O. O. Spodarets // Politicheskaya lingvistika. 2015. №4. S. 112-117.
6. Ekman P. Psikhologiya emotsiy. Ya znayu, chto ty chuvstvuesh'. Izd-vo Piter, 2014. 333s.
7. Donald Trump Presidential Announcement Full Speech [el. resurs]. Rezhim dostupa: https://www.youtube.com/watch?v=q_q61B-DyPk (data poslednego dostupa 29.07.2016).
8. Donald Trump's Presidential Announcement Speech [el. resurs]. Rezhim dostupa <http://time.com/3923128/donald-trump-announcement-speech> (data poslednego dostupa 29.07.2016).
9. Ekman, Paul. "An Argument for Basic Emotions." *Cognition & Emotion PCEM* 6.3 (1992): 169-200. Web.
10. Hillary Clinton Presidential Campaign Announcement Full Speech (C-SPAN) [el. resurs]. Rezhim dostupa <https://www.youtube.com/watch?v=ZgGPMrLHRy0> (data poslednego dostupa 29.07.2016).
11. Izard, Carroll E. "Emotion Theory and Research: Highlights, Unanswered Questions, and Emerging Issues." *Annual Review of Psychology Annu. Rev. Psychol.* 60.1 (2009): 1-25. Web.
12. Keyword Density Analyzer [el. resurs]. Rezhim dostupa <http://tools.seobook.com/general/keyword-density> (data poslednego dostupa 29.07.2016).
13. Merriam Webster Disctionary Online [el. resurs]. Rezhim dostupa <http://www.merriam-webster.com> (data poslednego dostupa 29.07.2016).
14. Scherer, Klaus R., and Heiner Ellgring. "Are Facial Expressions of Emotion Produced by Categorical Affect Programs or Dynamically Driven by Appraisal?" *Emotion* 7.1 (2007): 113-30. Web.
15. Transcript: Full Text of Hillary Clinton's Campaign Launch Speech [el. resurs]. Rezhim dostupa: <http://time.com/3920332/transcript-full-text-hillary-clinton-campaign-launch/> (data poslednego dostupa 29.07.2016).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

Х. А. Юсупов, Ш. А. Убайдулаева
Махачкала, Россия

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ДАРГИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В 30—40-Х ГОДАХ XX ВЕКА

АННОТАЦИЯ. В лексике языка отражаются те изменения, которые происходят в жизни общества. Язык находится в постоянном движении, его развитие тесно связано с духовной культурой и историей народа. Исходя из этого в статье рассматриваются особенности изменения лексики даргинского языка в 1930—1940-е гг. Рассматриваемый период является одним из переломных не только в социально-экономическом плане, но и в языковом. 30—40-е гг. XX в. — это годы реформирования письменности и установления наиболее употребительных терминов в быту, в школе, в политических, научных и других сферах, а также годы проникновения в национальные языки большого количества заимствований. Бурный процесс проникновения русизмов в этот период объясняется и тем, что даргинский литературный язык находился на стадии формирования. Авторы выделяют особенности лексики данного периода и обосновывают выводы о том, что это был один из важных периодов интенсивного заимствования русизмов, а также формирования даргинского литературного языка. Лексический фонд даргинского языка обогащался двумя путями: заимствованием терминов и лексем, а также созданием новых слов — неологизмов. Базой для создания терминов служили разные источники. Основным был родной язык. В этих целях были использованы также русские и интернациональные слова. Представленный в статье анализ позволяет, с одной стороны, выявить пути обогащения лексического фонда даргинского языка, с другой — показать основной пласт заимствований рассматриваемого периода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: даргинский язык; литературный язык; лексика; словарь; норма орфографии; терминология.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Юсупов Хизри Абдулмаджидович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, отдел лексикологии и лексикографии; 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45; e-mail: h-yusupov@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Убайдулаева Шамай Адзиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков экономического факультета Дагестанского государственного университета; 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45; e-mail: ub.maia@mail.ru.

Цель статьи — описать процессы заимствования русизмов в 30—40-е гг. XX в., показать пути обогащения лексического фонда даргинского литературного языка в начальный период его формирования и функционирования. Для достижения поставленной цели необходимо охарактеризовать исторические процессы, протекавшие в рассматриваемый период, и их влияние на освоение заимствований из русского языка.

Актуальность рассматриваемой в работе проблемы анализа особенностей изменения лексического состава даргинского языка в 30—40-е гг. XX в. обусловлена необходимостью комплексного изучения процессов и явлений, связанных с обогащением словарного фонда языка, а также значимостью изучения факторов, влияющих на формирование даргинского литературного языка в данный период. Сравнение лексики разных периодов может дать материал для выяснения закономерностей развития состава лексики языка как в количественном, так и в качественном отношении.

Литературный и письменный языки являются одними из главных критериев определения национальных черт. История любого этноса включает в себя постоянное развитие не только собственной культуры, но и языка. Как известно, язык является «основным и важнейшим средством общения» [Ахманова 2010: 530]. Но не следует забывать, что язык, особенно литературный язык, показывает культуру, искусство и даже мен-

тальные особенности того или иного этноса. Литературный язык объединяет народ в языковом плане и «сам по себе уже служит свидетельством степени духовного развития общества» [Тарланов 2005: 647].

Проблема изучения особенностей развития лексического состава и литературного языка в целом — наиболее важное направление в лингвистической науке. В даргиноведении в той или иной степени эта тема стала объектом исследования в трудах С. Н. Абдуллаева, З. Г. Абдуллаева, М.-С. М. Мусаева, А. А. Сулейманова, С. М. Темирбулатовой, Х. А. Юсупова и др. [Абдуллаев 1952; Абдуллаев 1993; Мусаев 2002; Сулейманов 2003; Темирбулатова 2008; Юсупов 2016].

Итак, если 10—20-е гг. XX в. — один из переломных периодов в политическом и социально-экономическом плане, то 30—40-е гг. XX в. — один из переломных периодов в языковом плане. Все новое, происходящее в обществе, отражается в языке народа. Именно в тридцатые годы в качестве основы даргинского литературного языка было выбрано акушинское наречие. В эти годы начались научные изыскания в области орфографии, лексикологии, диалектологии и терминологии. До этого (до 1928 г.) письменность развивалась на основе арабской графики, затем была переведена с арабской графики на латинизированную (1928—1938), а затем (с 1938 г.) стало развиваться письмо на русской графической основе. Развитию письменной формы языка придавали боль-

шое значение, потому что «письменная форма зависима от устной, но выполняет некоторые функции языка результативнее устной формы» [Миллер 2009: 80].

В лексическом фонде языка отражаются те изменения, которые происходят в жизни общества. Язык находится в постоянном движении, его развитие тесно связано с духовной культурой и историей народа. Изменения, вызванные Великой Октябрьской социалистической революцией во сферах жизни России, отразились и на словарном составе русского языка, что, в свою очередь, не могло не оказать влияния на все остальные языки, в том числе и на даргинский. Многие русские слова, такие, например, как *большевик, совет, ленинец, комсомол, комсомолец, пионер, субботник, колхоз, пятилетка*, появляются в даргинском языке вскоре после появления их в русском языке. Именно в этот период была создана письменность на даргинском языке, начали издаваться газеты, выпускаться учебники. Видимо, такие изменения выдвинули необходимость новых исследований, поэтому в 30-е гг. на базе Дагестанского института национальных культур, созданного в 1924 г., был организован Институт языка, литературы и искусства [Дагестанский научный центр РАН], где были созданы терминологические комиссии по всем литературным языкам Дагестана. Они проделали большую работу в теоретическом и практическом плане.

Благодаря деятельности лингвистов (С. Н. Абдуллаев и др.), а также творческих работников, в эти годы появились первые даргинские словари, в том числе и орфографический, учебники, учебные пособия, повысилась культура газетной речи. В 1940 г. разрабатывается первый основательный Орфографический свод правил. Все это послужило развитию лексического фонда и становлению литературного языка даргинцев.

Исследователь даргинского языка С. Н. Абдуллаев понимал, что создание норм орфографии литературного языка невозможно без должного изучения лексики и создания терминологии. Также необходимо детальное изучение всех диалектов. Однако нехватка специалистов-языковедов и отдельные разногласия среди ученых по поводу диалектной базы литературного языка затрудняли работу. Характеризуя деятельность этого периода и трудности, связанные с диалектной дифференциацией даргинского языка, С. Н. Абдуллаев писал: «При составлении свода орфографических правил даргинцам приходится включать в него и такие параграфы, которые нормируют не орфографию, а сам по себе литературный язык и некото-

рые его морфологические формы» [Абдуллаев 1954: 11].

Многие исследования по тем или иным темам публиковались на страницах периодических изданий, проблемы орфографии широко обсуждались не только специалистами, но и учителями школ, всеми любителями словесности. В этот период для учащихся школ 1-й и 2-й ступени были разработаны термины в области физики, математики, географии и др. В 30—40-х гг. наряду с терминологическими словарями началось составление двуязычных словарей. Так, в сводный тематический план Дагестанского научно-исследовательского института национальных культур на 1935 г. включено «составление русско-национальных словарей по языкам... б) даргинскому (начало — I кв., окончание — IV кв., 25 п. л., составитель С. Н. Абдуллаев)» [Рукописный фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН Д. 71, л.16].

Таким образом, в 1930—1940-х гг. была проведена большая работа по созданию терминологии и разработке орфографии даргинского языка, развитию и обогащению лексического состава даргинского литературного языка в целом.

30—40-е годы XX в. — это годы не только реформирования письменности и установления наиболее употребительных в быту, в школе, в общественной жизни политических, научных, педагогических и других терминов, но и годы проникновения в национальные языки огромного количества русских и интернациональных заимствований. Бурный процесс проникновения русизмов в этот период отчасти объясняется и тем, что даргинский литературный язык находился на стадии формирования. Среди заимствований не только термины, но и слова из разряда разговорно-бытовой лексики. Материал для анализа заимствований этого периода мы извлекли из первого альманаха даргинской литературы, который был издан в 1940 г. [Даргинский литературный альманах 1940].

Содержание альманаха красноречиво говорит о том, что даргинский литературный язык находится на пути своего становления. Большинство авторов пишут произведения на своих диалектах, а не на литературном языке. Так, А. Иминагаев (с. 3—19) пишет на урахинском диалекте, К. Магомедов (с. 58—65) и Ж. Гаджиев (с. 73—74) пишут на цудахарском диалекте, стихи классиков даргинской поэзии О. Батырая (с. 79—87) и С. Курбана (с. 88—93) тоже даются на диалектах (соответственно на урахинском и цудахарском). Лишь один автор, М. Багатир (с. 21—26), пишет на литературном языке. Два его

стихотворения: *Диалли жягял дявти* — «Если завтра будет война» (с. 21) и *Цаибил май* — «Первомай» (с. 25—26) — изобилуют заимствованиями из русского языка. Для на-

глядности мы приводим оба произведения с подстрочными переводами. Они ярко отражают не только дух времени, но и процессы, происходившие в языке.

ДИАЛЛИ ЖЯГЯЛ ДЯВТИ

*Ахъ шулла лусентиван
Техникализиб ахъси,
Лутиаагар урхъуван
Яшавлизиб гьарзаси,
Дунъяла рекордунас
Геройти абилкъуси!
СССР-ла халкъличил
Чи сая дяв бируси?
Пропеллер дунъяла,
Мотор лерил улкнала,
Бек! гиниз гилмуртала,
Штаб политикала,
Улка сабну гьунарла
Багъабгу цакъ нушала
Диалли жагял дявти
Биркъехлену уб-чебла!
Яшавличиб разиси,
Мурадлумазиб цаси,
СССР-ла улкалис
Дявти сереса сунес?
Хъанц! урхъула тулента
Се бареса арслантас?
Ишбархил хядурлира,
Диалли жягял дявти!
Диалли жягял дявти,
Гьаланачи бурулра,
Хурег хлушала саби
Авлакъла хъула къянбас!
Дигалли хлушаб дявти,
Диалли жягял дявти,
Хлунтлен байрахъла удир
Дирар хлушачир дявти.
Ванзанацирти дявтас
Озеро Хасан хлушаб,
Гьаваличир гьунартас
Северла полюс хлушаб.
Диалли жягял дявти,
Дигалли хлушаб дявти,
Баахъес бахъла мурад
Дирар хлушачир дявти!*

ЕСЛИ ЗАВТРА БУДЕТ ВОЙНА

Как утёсы высоких скал
В технике передовой (букв. высокий),
Как бездонное море
В житье привольный,
Для мировых рекордов
Героев поднимающий!
С народом СССР
Кто собрался воевать?
Пропеллер мировой,
Мотор для всех стран,
Источник всех наук,
Штаб политики,
Страна является мощной.
Пусть изведает мощь нашу,
Если завтра будет война,
Перевернем низ верхом!
В житье довольный,
В целях единый,
Стране СССР,
Зачем ей нужна война?
Синего моря тюлени
Что сделают для львов?
Сегодня же готовы,
Если завтра будет война!
Если завтра будет война,
Заранее говорим,
Еда из вас будет
Серым полевым воронам!
Если хочется вам войны,
Если завтра будет война,
Под красным знаменем
Будет у вас война.
Для войн на земле
Озеро Хасан вам (как пример),
Для подвигов на небе
Северный полюс вам (как пример).
Если завтра будет война,
Если хочется вам войны,
Чтоб многих исполнить желание,
Будет у вас война!

Во втором стихотворении представлено не меньше заимствований.

ЦАИБИЛ МАЙ

*Чикагола ругерта
Жявели океан ахъиб,
Лебилра дунъяличи
Ругерти чедиахъиб.
Цах!набли зулмукарти
Руржахъуси караван
Майла цаибил бархли
Тарихлизи кабикиб...
Гьар дус майла цаличиб
Дунъяла пролетарта*

ПЕРВОМАЙ

Чикагские волны
Быстро океан пересекли,
И на весь мир
Волны рассеялись.
Всех угнетателей
Дрожать заставляющий караван
В день Первого мая
В историю вошел...
Каждый год первого мая
Мировой пролетариат

*Душманти руржахъуси
Жаваб лугули бикъур:
«Эй, цлудар душман, хила,
Бархли ихъахъис хлела
Харабти хиялтала!»
Майла цаибил бархли,
Гъар шайчи хлериклули,
Союза къараулла
Бикъур глурра тламала:
**Вредитель, интервент,
Агрессортала агент!**
Вавнабяхъиб улкалис
Цлудара хила **бандит!**
Вари, **моторли** лукъад,
Эй, **тракторли** валцад,
Уббатину СССР,
Дуглехъи нушачивад!
**Шахта — Стахановла,
Север — Папанинтала,**
Улка — къиянна халкъла,
Сайри хлу нушаб дугла!
Хлунтлен байрахъла удиб,
Хлебла вавнала ургаб,
Цаибил майла байрахъ
Ахлен хлушагъунтала!*

Врагов дрожать заставляющий
Ответ как дает слышно:
«Эй, чёрный враг, кровавый,
День завершу твоих
Вопросов никудашных!»
В день Первого мая,
Глядя во все стороны,
Сторожа Союза
Снова слышат голос:
Вредитель, интервент,
Агрессоров агент!
Для цветущей страны
Черной крови бандит!
О, будешь смолот мотором,
И трактором вспашут,
Покинь же СССР,
Уйди от нас скитаться!
Шахта — у Стаханова,
Север — у Папанина,
Страна — народа трудового,
Ты для нас являешься лишним!
Под красным знаменем,
Среди цветов весенних,
Первомайское знамя
Не для таких, как ты!

Как видно, в этих двух небольших стихотворениях имеется большое количество (23 лексемы) заимствований из русского языка: *агент, агрессор, бандит, вредитель, герой, интервент, караван, май, мотор, озеро, океан, политика, полюс, пролетарий, пропеллер, рекорд, север, союз, техника, трактор, тюлень, шахта, штаб*. В последующем из этого списка часть слов (агрессор, бандит, вредитель, герой, караван, озеро, пропеллер) не вошла в даргинский язык, потому что их эквиваленты (гъармука, къчагъ, заралчи, игит, карбан, шара, чарчари) имелись в собственном лексическом фонде.

В 30—40-е годы наблюдался активный процесс заимствования и освоения политической лексики. Новые заимствования лексики политической сферы были весьма многочисленны, что, как мы отмечали выше, объяснялось особенностями экономической, политической и культурной жизни страны. Как отмечает исследователь Л. Е. Бессонова, «политический словарь заимствованных слов начала XX века не является однородным и делится на такие основные тематические группы, как государство, политика, экономика, которые включают в себя названия политических движений, течений, направлений (империализм, капитализм, социализм, либерализм, марксизм); названия общественно-политических групп и объединений (оппозиция, коалиция, парламент, фракция); наименования форм государст-

венного устройства, организации власти (республика, гегемония, монархия); обозначения политических акций, действий (агитация, демонстрация, реакция, митинг, манифестация); названия документов (декрет, декларация, петиция); наименования членов и сторонников политических течений (капиталист, социалист, либерал, марксист)» [Бессонова 2014: 103—108]. Естественно, такие заимствования русского языка через его же посредничество сразу попадали в национальные языки России, в том числе дагестанские. Об этом свидетельствуют не только лексикографические источники и газетные тексты, но и произведения художественной литературы.

В эти годы имела большое значение эмоционально-экспрессивная функция языка. Это заметно при чтении приведенных выше стихотворений. В них чувствуется пафос времени. Угрозы в адрес врагов, словословие в адрес руководителей партии — все это вылилось в соответствующие формы действия на читателей в этот период стали лозунги. Как видно из стихов, для обозначения противников коммунистической партии и советской власти употребляются резкие высказывания.

Еще одна особенность произведений этого периода — широкое употребление военной лексики. Она используется для придания экспрессии. Более тесными становятся русско-даргинские языковые контакты в

период Великой Отечественной войны. Встав на защиту Родины, даргинцы отважно сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны. Военная лексика используется не только для изображения военного времени, но и для обозначения явлений партийной и общественной жизни. Этот период характеризуется развитием даргинско-русского двуязычия и заметным пополнением даргинского языка военно-политической терминологией: *солдат* — «солдат», *апицер* — «офицер», *майур* — «майор», *генерял* — «генерал», *гякуп* — «окоп», *фрунт* — «фронт», *гараната* — «граната», *ттянка* — «танк», *бумба* — «бомба», *зенитка* — «зенитка», *мина* — «мина» и др.

В 30—40 гг. XX в. началось бурное развитие всех сторон жизни даргинцев. Это вызвало стремительное обогащение даргинского языка новыми словами, отражавшими новые реалии жизни. Лексический фонд даргинского литературного языка обогащался двумя путями: заимствованием терминов и лексем, а также созданием новых слов — неологизмов. Базой для создания терминов служили различные источники, но в первую очередь использовались лексические и грамматические возможности родного языка. В этих целях были использованы и русские, и интернациональные слова. Столь внушительная и кропотливая работа по терминологии даргинского языка во многом способствовала становлению лексических норм литературного языка.

Кроме терминов, в этот период в лексический фонд даргинского литературного языка проникли и другие лексемы, например: *пионер, комсомол, собрание, орден, культура, клуб, кино, школа, директор, ученик, парта, класс, математика, суффикс, падеж, волейбол, футбол, колхоз, звено, бригада, баня* и т. д. Многие заимствованные лексемы до сих пор не адаптированы. Этому мешает решение, принятое в рассматриваемый период. В 1930 г. на I Дагестанской орфографической конференции было принято решение о том, что русские и интернациональные слова, заимствованные даргинским языком, должны писаться так, как они произносятся даргинцами. Второй орфографической конференцией, состоявшейся в 1934 г., было принято новое решение: основы заимствованных из русского языка слов должны писаться так, как они пишутся по-русски. Именно это решение

способствовало большому расхождению между произношением заимствованных слов в даргинском языке и написанием, которое соответствует языку-источнику.

Как отмечает исследователь А. И. Дьяков, «заимствование иноязычной лексики как один из способов номинации новых явлений, а также замены существующих наименований в прагматических целях играет важную роль в пополнении словаря русского языка» [Дьяков 2012: 5]. Это в полной мере относится и к даргинскому литературному языку. Представленный в статье материал позволил, с одной стороны, выявить пути обогащения лексического фонда даргинского литературного языка, а с другой — показать основной пласт заимствований рассматриваемого периода. Основная масса русизмов, заимствованных в 30—40-х гг. XX в., относится к лексемам ограниченной сферы употребления — к терминологической и профессиональной лексике. Они, как правило, функционируют в научной и учебно-методической литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев З. Г. Даргинский язык. III. Словообразование. — М.: Наука, 1993. 443 с.
2. Абдуллаев С. Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). — Махачкала, 1954. 216 с.
3. Абдуллаев С. Н. Даргинский литературный язык // Дружба. 1952. № 32. С. 14—25.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 576 с.
5. Бессонова Л. Е. Иноязычные заимствования в политической лексике начала XX века // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 103—108.
6. Дагестанский научный центр РАН. URL: <http://dncran.ru/Article/Details/123?categoryid=13> (дата обращения: 30. 05. 2016).
7. Даргинский литературный альманах / сост. М. Мусаев. — Махачкала: Дагестанское гос. изд-во, 1940. 96 с.
8. Дьяков А. И. Особенности функционирования англицизмов тематической группы «Обиходно-бытовая лексика» // Язык и культура. 2012. № 4 (20). С. 5—21.
9. Миллер Е. Н. Что такое язык? Гносеологический аспект: учеб. пособие к спецкурсу. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 96 с.
10. Мусаев М.-С. М. Даргинский язык. — М.: Academia, 2002. 184 с.
11. Рукописный фонд Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 6.
12. Сулейманов А. А. Морфология даргинского языка. Морфологическая структура частей речи. — Махачкала: Юпитер, 2003. 384 с.
13. Тарланов З. К. Избранные работы по языкознанию и филологии. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 784 с.
14. Темирбулатова С. М. Отраслевая лексика даргинского языка. — Махачкала, 2008. 464 с.
15. Юсупов Х. А. Основные этапы изучения даргинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4, ч. 3. С. 162—164.

H. A. Yusupov, Sh. A. Ubaydulaeva
Makhachkala, Russia

FEATURES OF CHANGES OF LEXICAL STRUCTURE OF DARGIN LITERARY LANGUAGE IN THE 1930S AND 1940S

ABSTRACT. *The changes that occur in the society are usually reflected in the vocabulary and lexical fund of the language. Language is in constant motion, its development is closely connected with spiritual culture and history of the people. On this basis the article considers*

the features of changes of Dargin language literary vocabulary in the 1930s and 1940s. This period is one of the critical moments not only in socio-economic terms, but also in the language. The period of 30-40s is characterized not only by the reforms of writing and establishing of the most commonly used terms at home, at school, in public life, political, scientific, educational and other institutions but it is also the period of introduction of Russian and international borrowings into the national languages. The rapid penetration of Russianisms in this period happened due to the fact that the Dargin literary language was only developing. The authors highlight the main features of the vocabulary of this period and justify the conclusion that it was one of the most important periods of intense borrowing of Russianisms, as well as the formation and establishment of Dargin literary language. The lexical fund of the literary Dargin language was enriched in two ways: by borrowing of the terms and lexemes, as well as the creation of new words — neologisms. Various sources were the basis for building of terms. The main source was the native language. Russian and international borrowings were the other source. The analysis presented in this article allows on the one hand to identify the ways of enrichment of lexical fund of the literary Dargin language, and on the other hand to show the main reservoir of borrowings in the considered period.

KEYWORDS: *the Dargin language; literary language; vocabulary; dictionary; rule of spelling; terminology.*

ABOUT THE AUTHOR: *Yusupov Hizri Abdulmadjidovich, Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Academy of Science, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre, Russian Federation, Republic of Dagestan, Makhachkala.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ubaydulaeva Shamai Adzievna, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department of the Economic Faculty of the Dagestan State University, Russian Federation, Republic of Dagestan, Makhachkala.*

REFERENCES

1. Abdullaev Z. G. Darginskiy yazyk. III. Slovoobrazovanie. — M. : Nauka, 1993. 443 s.
2. Abdullaev S. N. Grammatika darginskogo yazyka (fonetika i morfologiya). — Makhachkala, 1954. 216 s.
3. Abdullaev S. N. Darginskiy literaturnyy yazyk // Druzhba. 1952. № 32. S. 14—25.
4. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 5-e. — M. : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2010. 576 s.
5. Bessonova L. E. Inoyazychnye zaимstvovaniya v politicheskoy leksike nachala KhKh veka // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 103—108.
6. Dagestanskiy nauchnyy tsentr RAN. URL: <http://dncran.ru/Article/Details/123?categoryid=13> (data obrashcheniya: 30. 05. 2016).
7. Darginskiy literaturnyy al'manakh / sost. M. Musaev. — Makhachkala: Dagestanskoe gos. izd-vo, 1940. 96 s.
8. D'yakov A. I. Osobennosti funktsionirovaniya anglizizmov tematicheskoy gruppy «Obikhodno-bytovaya leksika» // Yazyk i kul'tura. 2012. № 4 (20). S. 5—21.
9. Miller E. N. Chto takoe yazyk? Gnoseologicheskyy aspekt : ucheb. posobie k spetskursu. Izd. 2-e. — M. : Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2009. 96 s.
10. Musaev M.-S. M. Darginskiy yazyk. — M. : Academia, 2002. 184 s.
11. Rukopisnyy fond Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN. F. 3. Op. 6.
12. Suleymanov A. A. Morfologiya darginskogo yazyka. Morfologicheskaya struktura chastey rechi. — Makhachkala : Yupiter, 2003. 384 s.
13. Tarlanov Z. K. Izbrannyye raboty po yazykoznaniyu i filologii. — Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU, 2005. 784 s.
14. Temirbulatova S. M. Otraselevaya leksika darginskogo yazyka. — Makhachkala, 2008. 464 s.
15. Yusupov Kh. A. Osnovnyye etapy izucheniya darginskogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 4, ch. 3. S. 162—164.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. М. И. Магомедов.

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 811.161.1'271.1(091)
ББК ШП41.12-553+ШП41.12-03

ГСНТИ 16.21.55

Код ВАК 10.02.01

С. А. Громыко
Вологда, Россия

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

АННОТАЦИЯ. В работе на материале дискуссии в дореволюционной Государственной думе рассматриваются некоторые аспекты русской парламентской риторики начала XX века. В центре внимания — устная публичная речь русских националистов. Исследуются выступления в Думе наиболее известных депутатов-националистов: П. А. Крушевана, В. М. Пуришкевича, Н. Е. Маркова. Устанавливается особая роль в их выступлениях речевой агрессии. Выделяются три основных объекта речевой агрессии этих ораторов: депутаты, присутствовавшие в зале заседания (некоторые депутаты этой группы были зачинщиками думских скандалов), «нерусские» (при этом речевые атаки на евреев были мелкими и рассредоточенными по разным выступлениям, а на представителей других наций — развернутыми, интенсивными и содержащими угрозы), русские.

В основе речевой агрессии депутатов-националистов лежала ирония, переходящая в издевку и осмеяние. Распространение иронии в речах именно националистов объясняется развитием институциональных ограничений в думском дискурсе. С иронией тесно связано широкое использование крайне правыми депутатами прецедентных высказываний и имен.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; парламентская речь; парламентская риторика; речевая агрессия; ирония; прагматика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Громыко Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет»; 160000, Вологда, пр-т Победы, д. 37, к. 69; e-mail: ling2007@yandex.ru.

Экстремистский дискурс и экстремистский текст в последние несколько лет стали объектами интенсивного научного изучения. Активному исследованию подвергаются тексты экстремистских религиозных организаций [Балукова 2013], образы, использующиеся с целью коммуникативного воздействия на адресата [Злоказов 2015], когнитивные особенности и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса [Ворошилова 2014], информационно-психологическое воздействие религиозно-политических экстремистских текстов [Тагильцева 2015], жанры современного экстремистского дискурса [Бабикова 2015]. Несомненный научный интерес представляет коллективная монография «Экстремистский текст и деструктивная личность» [Экстремистский текст... 2014].

Такое внимание к различным аспектам речи националистов и экстремистов связано в первую очередь с ее распространением в современном мире и безусловным негативным влиянием как на общество, так и на личность с позиции современной аксиологии. В этом плане изучение риторики русских националистов в историческом аспекте [Громыко 2016] представляется также очень важным для понимания речевого генезиса русского национализма, выявления устойчивых форм, жанров, моделей и прочих констант речевой деятельности представителей данной политической группы. Датой зарождения русской националистической риторики следует счи-

тать начало XX в., когда были созданы сразу несколько печатных изданий для трансляции крайне правых и антисемитских идей (например, «Бессарабец» и «Знамя» П. А. Крушевана), а затем в 1905 г. был образован «Союз русского народа» со своим мощным печатным органом — газетой «Русское знамя». Эти издания сыграли большую роль в истории России: достаточно упомянуть хотя бы публикацию в «Знамени» в 1903 г. знаменитых «Протоколов сионских мудрецов».

На данном этапе националистический дискурс только оформлялся в качестве составляющей русского политического дискурса рубежа веков и не имел системного характера, выступления националистов были ограничены такими площадками, как небольшой сегмент правой печати, речи на митингах и собраниях единомышленников. Для полноценного развития националистического дискурса была необходима легитимизация путем представленности в институтах власти. Датой рождения русской националистической риторики как самостоятельной политической дискурсной формации следует считать 1907 г., когда русские правые радикалы впервые получили представительство во Второй Государственной думе и произнесли несколько речей, получивших широчайший резонанс в российском обществе. Так русская националистическая риторика стала институциональной.

Данная статья посвящена анализу речевой агрессии в выступлениях депутатов-

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 16-34-01050 «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссий начала XX века)».

националистов во Второй, Третьей и Четвертой Государственных думах. Сразу же заметим, что термин «националисты» нами употребляется условно. Сами себя депутаты в начале XX в. так, естественно, не называли. Мы используем современную дефиницию термина «национализм»: «...проповедь собственной национальной выделенности и исключительности, с необходимостью дополняемая недоверием к чужим этническим общностям» [НФС 1999: 465], т. е. понимаем под ним идеологию, являющуюся по своей сути экстремистской. О близости двух этих понятий в языковом сознании современного человека пишут и авторы упомянутой коллективной монографии [Экстремистский текст 2014: 9]. В качестве объекта для анализа были выбраны отраженные в стенограммах заседаний парламента развернутые выступления и реплики крайне правых консерваторов-монархистов, состоящих в руководящих органах «Союза русского народа» или других «черносотенных» организаций (например, «Русского народного союза имени Михаила Архангела»). Среди них наибольшее внимание обращалось на речи тех депутатов, которые вызывали ажиотаж не только в Думе, но и за ее пределами. Огромное влияние как на ход политической дискуссии, так и на развитие парламентских речевых практик в разное время оказали П. А. Крушеван, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков (Марков Второй).

Анализировались выступления в Государственной думе второго, третьего и четвертого созывов не только потому, что именно в них правые радикалы получили законное представительство и образовывали фракции: отдельные правые монархисты были избраны в парламент и ранее. Дело в том, что в Первой Государственной думе 1906 г. речевая деятельность вообще носила принципиально иной характер. Только что избранные депутаты, представлявшие различные сословия не номинально, а вполне реально, имели слабое представление об организации деятельности парламента, о поведении в нем и о регламенте. Отсутствие в политическом дискурсе «профессиональных» парламентариев привело к тому, что и речевая агрессия была чуть ли не основным компонентом дискуссии в первом российском парламенте.

Речевая агрессия — «проявление грубости в речи, негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение отрицательных эмоций и намерений в неприемлемой для данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме» [Щербинина 2012: 13]. Исследователь со-

временной речевой агрессии Ю. В. Щербинина рассматривает агрессивное речевое поведение как однозначно негативное воздействие или взаимодействие [Щербинина 2012: 15]. Не сомневаясь в верности данного утверждения по отношению к повседневному или педагогическому дискурсу, заметим, что применительно к политическому дискурсу, особенно к парламентскому, все не так однозначно.

Речевая агрессия в политическом общении — это «речевые акты и коммуникативные ходы, направленные на причинение ущерба политическому противнику» [Шейгал 2004: 230]. Речевая агрессия, в отличие от других средств отрицательной оценки, направлена на «понижение социального (политического) статуса объекта» [Шейгал 2004: 230—231]. В парламенте речевая агрессия является значимой для конвенциональности диалога и выполняет множество функций, в том числе ориентирующую, позволяющую при помощи различного рода вербальных маркеров обозначения оппонента публично определить позицию фракции или депутата по тому или иному дискуссионному вопросу [Громыко 2010: 158—170].

О том, что речевая агрессия играла большую роль в дискуссионной речи I Государственной думы, свидетельствуют воспоминания очевидцев и участников думских событий начала XX в. С первых дней существования Думы 1906 г. ее современники были поражены эмоциональным накалом всего того, что происходило в Таврическом дворце. Агрессивное речевое поведение Думы в целом было связано с политическим антагонизмом между депутатами и правительством. Либерально настроенные журналисты называли I Государственную думу «Думой народного гнева». Военный министр А. Редигер вспоминал: «У Думы серьезной работы не было, да едва ли она даже была бы в состоянии заняться ею — она всецело была поглощена ненавистью ко всему существующему, желанием сокрушить его в корне. Представители правительства, появившиеся в Думе, подвергались оскорблениям, и Дума, считая себя всемогущей, смотрела на них как на подсудимых, осыпала их бранью и криками „вон!“» [Редигер 1999: 51].

Вербальная агрессия в I Государственной думе была генетически связана с митингами и революцией 1905 года. Большинство депутатов Думы были свидетелями, а ряд народных представителей и непосредственными участниками крупнейших в истории России митингов, прошедших в 1905 г. в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе. Дума унаследовала митинговый пафос — особую ре-

лизацию гражданского пафоса, суть которой заключается в последовательном коллективном нагнетании эмоций, отодвигающих на второй план информационную составляющую речевого общения. В масштабах всей дискуссии при помощи речевой агрессии поддерживался единый модалный (эмоциональный) план думского текста [Громыко 2010].

В дореволюционных парламентах последующих созывов роль речевой агрессии меняется, она перестает быть единым модалным фоном дискуссии и становится прерогативой лишь некоторых депутатов, пользовавшихся этим средством воздействия наиболее ярко и искусно. Каждая фракция располагала как минимум одним-двумя трибунами, которым априори со стороны как фракции, так и ее оппонентов разрешалось агрессивное поведение и которые как бы специализировались на нем. В этом смысле правые националисты не уступали более многочисленным фракциям: В. М. Пуришкевич и Н. Е. Марков были самыми активными ораторами из всех депутатов Думы третьего созыва [Кирьянов 2009: 236], их выступления вызвали шум и свист с левой стороны и восхищенные аплодисменты справа.

В процессе анализа речевой деятельности депутатов-черносотенцев обращает на себя внимание в первую очередь **объект** речевой агрессии.

1. В большинстве случаев речевая атака производилась на депутатов-оппонентов, присутствующих в зале заседаний и недавно закончивших свои выступления. Это, как ни странно, довольно специфический объект, если иметь в виду, что депутаты других фракций, например конституционные демократы, предпочитали публичное понижение статуса не депутатов, а членов правительства, как присутствующих в Думе, так и уже покинувших ее. У националистов же начиная со Второй Думы наметились настоящие словесные дуэли именно с другими депутатами. Так, например, одно из самых ярких и длительных речевых противостояний в истории отечественного парламента — думский скандал между В. М. Пуришкевичем и лидером кадетов П. Н. Милюковым. *Пуришкевич: Но если бы я был морским министром (смех) или русским военным министром (смех) и если бы, господа, в такую комиссию, которая меня пригласила бы (смех) вошел депутат Милюков, я бы... (крики, стук, голоса: вон!) ...я бы застегнулся на все пуговицы и вышел бы из этой комиссии, зная, кто таков тот и как имя тому, кто в нее входит (поднимает воротник. Крики). — Милюков мерзавец. (С поднятым воротником сходит с трибуны и кричит: Милюков подлец... указывая рукой*

на Милюкова. Милюков подлец!) [ГД 1908: 1417—1419]. Как видно даже из этого небольшого фрагмента выступления, депутат использует самую жесткую разновидность речевой агрессии — публичное оскорбление, при этом сопровождает свое высказывание активным использованием паравербальных средств. Высказывание Пуришкевича было признано председательствующим «непарламентским», а сам депутат был удален на 15 заседаний. Такое поведение было в целом характерно для парламентской деятельности Пуришкевича. Трудно не согласиться с И. К. Кирьяновым, который считает В. М. Пуришкевича вместе с социал-демократом Г. А. Алексинским родоначальником традиции думского скандала [Кирьянов 2009: 277]. Заметим, что одной из главных особенностей риторики Пуришкевича является и постоянное обращение к этнической тематике [Матвеев 2016: 121].

Внутрипарламентская личностно ориентированная речевая агрессия была характерна и для Н. Е. Маркова, но выражалась она в менее деструктивных формах, зато по отношению к большему количеству депутатов. Жертвой Маркова Второго, как его называли в Думе, в разное время были тот же П. Н. Милюков, А. И. Шингарев, И. Л. Мерзляков, Н. С. Чхеидзе, В. В. Шульгин и другие. Случаи агрессии по отношению к членам правительства, посещавшим Думу, были единичны. Депутаты-националисты предпочитали критиковать министров, но не играть на понижение их статуса.

2. Важным объектом речевой агрессии депутатов-черносотенцев были различные национальные группы, которые можно условно назвать «нерусские». В первую очередь, конечно же, необходимо сказать о евреях, так как именно права этой национальной группы, а точнее необходимость сохранения черты оседлости, входили в перечень основных политических требований. Сразу же необходимо оговориться, что евреи очень редко были специфическим объектом атаки с думской трибуны, собственноручно еврейскому вопросу было посвящено лишь несколько выступлений. Вместо этого депутаты-националисты предпочитали резко негативные упоминания о евреях в речах различной тематики, подчас никак не связанной с национальными вопросами. Неудивительно, что и формы этой речевой агрессии были крайне разнообразны у разных ораторов.

Как ни странно, но мягче всех своих коллег по «Союзу русского народа» высказывался по отношению к евреям, пожалуй, главный антисемит Российской империи начала XX в. Паволакий Крушеван. В своих думских речах

он старался нарочито не упоминать евреев, а вместо этого использовал различного рода эвфемизмы [Громыко 2016]. Например, вместо националистического штампа «лживая еврейская печать» (он, нужно заметить, два раза встречается и в думских выступлениях Крушевана, но гораздо чаще в его неинституциональных речах: на митингах, собраниях, встречах с однопартийцами) политик произносит фразу: *О, если бы только тут действительно была эта правда, если бы не та печать, нерусская, которая, муслируя общественное мнение, заполняет всякой ложью народную душу, одурачила народ, если бы не это, вы увидели бы и услышали здесь совершенно другое* [ГД 1907: 233—334]. В отличие от непарламентских выступлений Крушевана его думские речи содержат скорее объяснение экономической подоплеки негативного отношения к евреям (евреи как перекупщики земли, закрепощающие русских крестьян), чем оголтелый национализм. Это является наглядным примером того, как вхождение правых радикалов в парламент заставило их рационализировать свое негативное отношение к «нерусским» и вербализовывать его в «парламентских» выражениях.

В то же время Н. Е. Марков в своих выступлениях активно эксплуатировал существовавшие стереотипы о евреях, еврейской печати и еврейском антироссийском заговоре, особенно в предвоенные месяцы 1914 г. Например, Марков Второй призывал не ссориться с Германией, так как это выгодно именно евреям: *...Нечего нам идти на поводу у этой левой печати, у международной шайки, которая, конечно, руководится, как вам известно, Всемирным израильским союзом, а Всемирный израильский союз ведет открытую, явную и тайную войну с Россией, и вся эта печать, на которую ссылаются, субсидируется из еврейских денег* [ГД 1914: 430]. В годы Первой мировой войны оратор повышает интенсивность речевой атаки на евреев, акцентируя внимание на различиях в поведении и социальном положении русских и евреев: *Университеты пусты, русские студенты взяты на войну, а туда шлют массу евреев; русские адвокаты ушли на войну, на их места шлют евреев, русские врачи работают, не покладая рук, на фронте, их места заполняют еврейские докторессы. Что вы делаете, господа, ведь вы готовите еврейский погром — ужасный, всемирный погром!* [ГД 1916: 1455].

Однако не только евреи подвергались речевой атаке с трибуны Государственной думы. Целые выступления депутатов-националистов были посвящены, например, финнам, причем объектом речевой агрессии в этом

случае становились не столько отдельные представители нации, сколько финское государство, общество и нация в целом. С точки зрения политкорректности современного институционального публичного выступления это выглядит дико и как раз создает впечатление «пещерного» национализма, но в самой дореволюционной Думе это не осуждалось председательствующим и не считалось нарушением парламентского регламента. При этом Марков Второй применительно к Финляндии создал и активно тиражировал несколько деструктивных стереотипов. Во-первых, представление о несостоятельности финской государственности (*Итак, никакого сейма в Борго не было, а было в Борго собрание изменников шведскому королю* [Речи 1908: 12]); во-вторых, утверждение о том, что Финляндия существует и развивается за счет России, при этом оратором использовались бытовые и соматические метафоры (*Финляндия за эти 100 лет разжирела и отъелась на русских деньгах за счет русской крови, русского пота. Нетрудно быть культурным, когда вас кормит все государство и когда вы государству почти ничего не платите. Я утверждаю, что культура финляндская — это тепличный цветок, возросший в российских парниках, на русском навозе, на русском удобрении. Финляндцы выросли на наш счет и нечего им гордиться тем, что на русском удобрении растут финляндские орхидеи* [Речи 1908: 14]); в-третьих, создание образа врага, готового в любой момент напасть на Россию и уничтожить русских (*Я не удивлюсь, если однажды 30000 или 40000 мирных финляндцев внезапно кинутся на Петербург, в то время, когда, быть может, в Петербурге не будет ни гвардии, ни других каких-либо войск* [Речи 1908: 19]).

Наиболее агрессивными представляются высказывания депутатов именно о финском народе. Излюбленный риторический прием Маркова Второго — сопоставление обсуждаемого предмета с бытовым примером и резкий, угрожающий вывод по результатам такого сопоставления — сработал и здесь. Для демонстрации своего понимания «финского вопроса» депутат привел в пример дворянина Курской губернии Макова, который отказался выполнять манифест об освобождении крестьян, подал в курский суд жалобу на императора Александра II, а затем был помещен в психиатрическую лечебницу. *Но что же делать нам с тем маленьким народом, который желает поступить в отношении к России точно так же, как курский дворянин Измаил Маков, хотевший доказать бумажными документами свои права на то, чего Россия ни в коем случае не может до-*

пустить и никогда не допустит...? Если целый народ нельзя заключить в сумасшедший дом, как это сделали с дворянином Марковым, то все же не пришлось бы надеть на него смиренную рубашку! [Речи 1908: 13].

Таким образом, речевая агрессия по отношению к евреям была «распылена» по большому количеству выступлений разной тематической направленности, а против других «нерусских» — сконцентрирована в специальных речах, посвященных только этому национальному вопросу, поэтому последние были более жесткими и деструктивными и почти всегда содержали угрозы.

3. Русские как объект речевой агрессии устойчиво отражаются в речах русских крайне правых депутатов. Правда, речевая атака носила несколько иной характер. Публичной дискредитации подвергались не все русские, а некоторые группы, в первую очередь левые и крестьяне, но ораторы стремились подчеркнуть не только их социальное положение и политические убеждения, но и национальную принадлежность. Интересно, что некоторые депутаты-черносотенцы даже приводили в пример русским другие нации, которые в ином контексте могли рассматриваться как враждебные. *Марков Второй: «Я к тому это привел, что все рассказчики, в особенности оттуда, где земли и без того много, — все эти пермские и вятские священники, которые вопят о бедствии пермских крестьян, они просто хлопчут о том, чтобы крестьянство пермское могло продолжить бездельничать, как оно бездельничает сейчас... Берите пример с поляков: поляки молчат, говорят, что могут жить при 3/4 десятины земли, а вы при 5 не можете! Разве у поляков лучше земля? Там есть и пески, и болота, но поляки трудятся, вкладывают пот и кровь в свою землю, и вы, русские пермяки, стыдитесь поляков»* [ГД 1995: 216].

Обращает на себя внимание и наметившееся в выступлениях депутатов Третьей Думы разделение позитивного или, по крайней мере, сочувственного отношения к крестьянину как к русскому человеку и резко негативного к коллективу крестьян, особенно к крестьянской общине: *Отдельный крестьянин, отдельный русский крестьянин — прекрасный, добрый, хороший, отзывчивый человек, но когда они собираются толпой, когда они составляют из себя общину, когда эту общину разные писари споят водкой, тогда действительно эта община является зверем, и с этим зверем надо бороться* [ГД 1995: 217]. Гневную отповедь всегда вызывали и любые апелляции русских к региональной специфике, жалобы на более тяжелую, чем в других регионах, жизнь. Это до-

вольно резко оценивалось депутатами-националистами чуть ли не как проявления сепаратизма, как, например, в ряде случаев с депутатами-сибиряками.

Русские как нация в целом скорее критикуются, чем подвергаются речевой атаке, за отсутствие прагматизма, мягкость, идеализм, излишнюю простоту и прямоту во взаимоотношениях с другими нациями и государствами. В российском парламенте националисты внедряли негативный стереотип «русских донкихотов» в международной политике [ГД 1914: 430].

В основе речевой агрессии русских националистов в Думе лежала **ирония**, переходящая в издевку и осмеяние. Этим они отличались от левых и кадетов, основывавших свои речевые атаки на революционном или гневном пафосе. Н. Б. Руженцева, рассматривая иронию в качестве одного из проявлений речевой тактики дискредитации, замечает, что ирония получила большое распространение в современном политическом дискурсе прежде всего вследствие ограничений в использовании прямых инвективных средств для умаления чьего-либо авторитета [Руженцева 2004: 68]. Безусловно, это глубокое и важное положение применимо не только к современной политической речи, но и к русскому политическому дискурсу начала XX в., когда первые публичные демократические институты власти начали накладывать серьезные ограничения на высказывания агентов дискурса. Этой же причиной можно объяснить и впечатляющее распространение иронии в выступлениях именно националистов в дореволюционных парламентах. Крупнейшая политическая партия России начала XX в. — Конституционно-демократическая партия — была центристской по своей политической платформе, концентрировалась в первую очередь на экономических и социальных требованиях, изначально быстро интегрировалась в политическую систему России и имела развитую систему коммуникации с общественностью (газета «Речь», журнал «Вестник партии народной свободы»), поэтому агрессивные высказывания ее представителей в Думе укладывались в зарождающуюся систему допустимых («парламентских») речевых средств дискредитации противника. Левые радикалы — социал-демократы — уже во Второй Думе продемонстрировали шаблонность вербализации речевой агрессии, основывавшейся на выработанных классиками социализма ярлыках: «угнетаемые классы», «эксплуататоры», «власть пролетариата», «кровавая революция» и т. п. Депутаты-социалисты использовали идеологически маркированную лексику, которая настолько

контрастировала с общелитературным языком, что коллеги по парламенту часто сравнивали их с попугаями, подчеркивая шаблонность высказываний и птичий язык, которым выражались левые (П. А. Крушеван, например, несколько раз называл их «красными какаду»). Таким образом, именно перед правыми радикалами в первую очередь стояла задача «перевода» речевой агрессии с языка митинга и собрания черносотенцев в цивилизованный парламентский регистр: самим депутатам было понятно, что, например, выражение «жидовское отродье» будет табуировано в парламенте, а различного рода идеологии типа «евреи — предатели русской земли» или «кадеты исполняют волю враждебных России стран» не могут бесконечно тиражироваться, не подвергнувшись инфляции персуазивности.

Ирония в политическом дискурсе, как и в сфере художественной коммуникации, представляет собой индивидуально-инициативный смех, который имеет отчуждающе-насмешливый характер [Хализев 1999: 77] и направлен на осмеяние, дискредитацию кого-либо. Обязательным компонентом иронии в политической коммуникации является комическое несоответствие, проявляющееся в том, что «лицо или явление неожиданно подводится под понятие, в основном чуждое ему» [Руженцева 2004: 69]. Уточним лишь, что, на наш взгляд, это несоответствие может быть не только логическим, но и языковым, стилистическим.

Классическим проявлением иронии думских националистов было осмеяние политического статуса и политических взглядов оппонента: *В Германии Либкнехт, друг Николая Семеновича Чхеидзе, — в тюрьме. И хорошо* [ГД 1995б: 78]. В данном случае высмеивается политический статус депутата: грузинский меньшевик Чхеидзе сопоставляется с влиятельнейшим и известнейшим немецким коммунистом Карлом Либкнехтом, причем последний называется «другом» Чхеидзе. Такое сопоставление фигур разной величины и разного влияния вкупе с косвенной угрозой тюрьмы играет на понижение статуса оппонента. Комментируя выступление Милюкова, Марков Второй следующим образом иронически переосмысливал тональность речи депутата-противника: *Касаясь дел Китая, получил и президент так называемой Китайской республики выговор, впрочем, вместе с ним и наш министр иностранных дел, который виноват в том, что затруднился назвать теперешнее правление Китая „республикой“, и профессор сейчас же его притянул к ответу* [ГД 1914: 426]. В ироническом высказывании зачастую одновременно присутствовали логическое и языковое несоответствия.

Например, Марков Второй следующим образом упоминал депутата Шульгина, перешедшего из фракции крайних правых во фракцию центристов: *Отныне этот быллой ярый антисемит Василий Витальевич Шульгин возлежит на лоне г. Фридмана и г. Бомаша (Смех)* [ГД 1916: 1443]. С одной стороны, сопоставляется антисемитизм Шульгина и национальность его новых единомышленников, с другой, — ситуация смены фракции обозначается возвышенным поэтическим фразеологизмом «возлежать на лоне», имеющим значение «стать близким кому-либо».

Ироническое высказывание, имеющее высокую степень инвективности, называется осмеянием. Цель осмеяния в политическом дискурсе — дать резко негативную оценку политическому оппоненту посредством грубой, а иногда и откровенно циничной иронии, основанной на особых «понижающих» средствах: сниженной лексике и фразеологии, сексуальных или бытовых метафорах, негативных прецедентных феноменах и т. п. В речах депутатов-националистов можно выделить несколько продуктивных моделей осмеяния.

1. Сочетание соматической или бытовой метафоры со сниженной лексикой. *Вы, конечно, можете думать, что я каждый завтрак закусываю по еврею, а за обедом ем по жидовке. Это ваше дело, но я хочу остеречь вас от ослепления, от теоретического увлечения* [ГД 1916: 1455]. Эта модель активно использовалась и по отношению к личности конкретных депутатов-оппонентов: *Мне эту мысль трудно понять. Я не получил домашнего воспитания на задворках скотного двора* [ГД 1916: 1584]. Высказывания, созданные по этой модели, использовались практически всеми депутатами-черносотенцами в той или иной мере и обладали высоким уровнем инвективности.

2. Трансформация прецедентных высказываний. Исследуемый круг депутатов часто использовал русские народные пословицы и поговорки применительно к оппонентам или к ситуации в Думе в целом. При этом данные пословицы, как правило, имели негативную оценочность. В ряде случаев негативная эвфемистичность достигалась за счет простой подстановки фамилии оппонента вместо слов «дурак», «пьяный» и т. п. *Депутат Чхенкели раскрыл скобки, которые искусно закрывал депутат Милюков, ибо, как вам известно, господа, то, что у депутата Милюкова на уме, то у депутата Чхенкели на языке* [ГД 1914: 422]. Эта модель была особенно частотной в речах Маркова Второго. В его же выступлениях можно встретить и другой тип прецедентных высказываний — библейские и евангельские выражения, которые чаще всего

использовались без отсылки к источнику. Эти высказывания зачастую были призваны адресовать слушателя к иудейской культуре, провести параллели с библейскими сюжетами, а иногда и просто подчеркнуть еврейское происхождение оппонента. Так, например, в своей речи депутат использует несколько трансформированное приемом умолчания о нации известное евангельское выражение «израильтянин, в котором нет лукавства»: *Когда г. Ефремов вышел на кафедру, я наслаждался, слушая его: вот человек, который говорит буквально то, что думает и чувствует, человек, в котором нет лукавства, чего, к сожалению, не могу сказать о других его друзьях. (Смех.) Так вот, этот человек, в котором нет лукавства, прямо сказал, что вам нужно: нам, говорил он, нужно, чтобы министры назначались большинством Государственной Думы [ГД 1916: 1441].*

3. Активное использование прецедентных феноменов. Помимо прецедентных высказываний и текстов выступления депутатов-националистов содержат большое количество прецедентных онимов, знаков и ситуаций из области русской и европейской истории и культуры. Вообще прецедентность в ряде случаев заменяла собой аргументацию, а в выступлениях Пуришкевича и Маркова Второго можно даже увидеть тенденцию подмены заявленной темы дискуссии различного рода историческими экскурсами, из которых делаются выводы о современном состоянии проблемы. Особенно это заметно в речах, посвященных внешнеполитическим вопросам. По логике депутатов-националистов, отношения с другими странами и нациями должны были строиться в первую очередь исходя из исторических связей, а не из современных реалий. И в этих случаях осмеянию подвергались не только оппоненты, не достаточно учитывавшие, по мнению националистов, исторический аспект, но и сами государства, нации, их представители и символы государственности. *Нельзя одними щитами загораживаться от явных нападений врагов, надо бить и поражать врага, а не только заслоняться заслонами. Я не могу допустить мысли, чтобы русский орел стал бояться северных кошек. Неужели у русского страха так велики стали глаза, что кошки уже кажутся львами?* [Речи 1908: 12].

Выявленные особенности речевой агрессии депутатов-националистов демонстрируют достаточно сложные и интересные механизмы ее формирования и функционирования. Ведущая роль иронии и осмеяния, а также распространенность прецедентности в развернутых выступлениях свидетельствуют о том, что процесс развития русской парламентской ри-

торики представлял собой совокупность качественных изменений в прагматике устной публичной политической речи под влиянием большого количества институциональных ограничений, которые, в свою очередь, сами стремительно видоизменялись в дореволюционной Государственной думе от созыва к созыву.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабикова М. Р., Ворошилова М. Б. Аллогенные жанры в современном экстремистском дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 160—164.
2. Балукова Н. А., Веснина Л. Е. Коммуникативные стратегии и тактики в текстах религиозной организации «Великое Белое Братство „Юсмалос“» // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 199—208.
3. Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 242—245.
4. Государственная дума. Созыв второй. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Том 1. Заседания 1—30. — СПб., 1907.
5. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Часть 4. Заседания 76—97 (с 7 по 28 мая 1914 г.). — СПб., 1914.
6. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. — Петроград, 1916.
7. Государственная Дума 1906—1917 : стенографические отчеты. — М., 1995. Т. III.(а).
8. Государственная Дума 1906—1917 : стенографические отчеты. — М., 1995. Т. IV. (б).
9. Громыко С. А. Кооперация и конфронтация в парламентских речах русских националистов в начале XX века (на примере выступлений П. А. Крушевана) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60). С. 70—73.
10. Громыко С. А. Приемы и средства речевого общения в I Государственной думе 1906 года. — Вологда, 2010.
11. Злоказов К. В., Софронова А. Ю. Образы коммуникаторов и стратегии воздействия при пропаганде идей террористической организации «Исламское государство» // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 247—253.
12. Кирьянов И. К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве : дис. ... д-ра ист. наук. — Пермь, 2009.
13. Матвеев А. В. Идеологема «русский» в думской риторике В. М. Пуришкевича (опыт контент-анализа) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69). Ч. 2. С. 118—122.
14. Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. — Минск, 1999.
15. Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. Т. 1. — М., 1999.
16. Речи членов Государственной Думы Маркова 2-го и Пуришкевича по запросу о Финляндии 12 и 13 мая 1908 года. — СПб. : Россия, 1908.
17. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004.
18. Стенографические отчеты / Гос. дума, третий созыв, 1907—1908 г., сессия первая. — СПб : Государственная типография, 1908.
19. Тагильцева Ю. Р. «В ту ночь, когда рождались волки», или «Поэзия» информационно-психологического воздействия религиозно-политического экстремизма // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 165—170.
20. Хализев В. Е. Теория литературы. — М. : Высшая школа, 1999.
21. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М., 2004.
22. Щербина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. — М. : Форум, 2012.
23. Экстремистский текст и деструктивная личность : моногр. / Ю. А. Антонова и др. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2014.

S. A. Gromyko
Vologda, Russia

THE FEATURES OF THE VERBAL AGGRESSION OF RUSSIAN NATIONALISTS IN PRE-REVOLUTIONARY STATE DUMA

ABSTRACT. Based on the analysis of discussions in pre-revolutionary State Duma, the paper considers some aspects of Russian parliamentary rhetoric of the early twentieth century. The main subject of the author's attention is oral public speech of Russian nationalists. In the paper, speeches of the most famous nationalists among the Duma deputies such as P.A. Krushevan, V.M. Purishkevich, N.E. Markov are studied. Verbal aggression has an important role in their speeches. There are three main objects of the speakers' verbal aggression: the deputies who were present in the meeting room (some members of this group were the instigators of scandals in Duma), «non-Russians» (the verbal attacks on Jews were insignificant and dispersed to several different speeches, while hate speeches against other nations were detailed, intense and contained threats), and the Russians.

Verbal aggression of the Duma nationalists was based on irony turning into mockery and ridicule. The expansion of irony in the speeches of the nationalists was due to the development of institutional constraints in the Duma discourse. The widespread use of precedent sayings and names in the speeches of extreme right-wing deputies is also closely related to irony.

KEYWORDS: parliamentary speech; parliamentary rhetoric; political linguistics; verbal aggression; irony; pragmatics.

ABOUT THE AUTHOR: Gromyko Sergey Alexandrovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, Journalism and Communication Theory, Philological Faculty, Vologda State University.

REFERENCES

1. Babikova M. R., Voroshilova M. B. Allogennyye zhanry v sovremennom ekstremistskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 160—164.
2. Balukova N. A., Vesnina L. E. Kommunikativnyye strategii i taktiki v tekstakh religioznoy organizatsii «Velikoe Beloe Bratstvo „Yusmalos“» // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3 (45). S. 199—208.
3. Voroshilova M. B. Kognitivnyy arsenal i kommunikativnyye strategii sovremennogo natsionalisticheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 242—245.
4. Gosudarstvennaya дума. Sozyv vtoroy. Stenograficheskie otchety. Sessiya vtoraya. Tom I. Zasedaniya 1—30. — SPb., 1907.
5. Gosudarstvennaya Дума. Chetvertyy sozyv. Stenograficheskie otchety. 1914 g. Sessiya vtoraya. Chast' 4. Zasedaniya 76—97 (s 7 po 28 maya 1914 g.). — SPb., 1914.
6. Gosudarstvennaya Дума. Chetvertyy sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessiya chetvertaya. — Petrograd, 1916.
7. Gosudarstvennaya Дума 1906—1917 : stenograficheskie otchety. — M., 1995. T. III. (a).
8. Gosudarstvennaya Дума 1906—1917 : stenograficheskie otchety. — M., 1995. T. IV. (b).
9. Gromyko S. A. Kooperatsiya i konfrontatsiya v parlament-skikh rechakh russkikh natsionalistov v nachale KhKh veka (na primere vystupleniy P. A. Krushevana) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 6 (60). S. 70—73.
10. Gromyko S. A. Priemy i sredstva rechevogo obshcheniya v I Gosudarstvennoy dume 1906 goda. — Vologda, 2010.
11. Zlokazov K. V., Sofronova A. Yu. Obrazy kommunikatorov i strategii vozdeystviya pri propagande idey terroristicheskoy organizatsii «Islamskoe gosudarstvo» // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 247—253.
12. Kir'yanov I. K. Rossiyskie parlamentarii nachala KhKh veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve : dis. ... d-ra ist. nauk. — Perm', 2009.
13. Matveev A. V. Ideologema «russkiy» v dumskoy ritorike V. M. Purishkevicha (opyt kontent-analiza) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 7 (69). Ch. 2. S. 118—122.
14. Noveyshiyy filosofskiy slovar' / pod red. A. A. Gritsanova. — Minsk, 1999.
15. Rediger A. F. Istoriya moey zhizni. Vospominaniya voennogo ministra. V 2 t. T. I. — M., 1999.
16. Rechi chlenov Gosudarstvennoy Dumy Markova 2-go i Purishkevicha po zaprosu o Finlyandii 12 i 13 maya 1908 goda. — SPb. : Rossiya, 1908.
17. Ruzhentseva N. B. Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse / Ural. gos. ped.un-t. — Ekaterinburg, 2004.
18. Stenograficheskie otchety / Gos. дума, tretiy sozyv, 1907—1908 gg., sessiya pervaya. — SPb : Gosudarstvennaya tipografiya, 1908.
19. Tagil'tseva Yu. R. «V tu noch', kogda rozhdalis' volki», ili «Poeziya» informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya religiozno-politicheskogo ekstremizma // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 165—170.
20. Khalizev V. E. Teoriya literatury. — M. : Vysshaya shkola, 1999.
21. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M., 2004.
22. Shcherbinina Yu. V. Rechevaya agressiya. Territoriya vrazhdy. — M. : Forum, 2012.
23. Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost' : monogr. / Yu. A. Antonova i dr. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2014.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.

К. В. Злоказов, Е. А. Рыбьякова, Р. И. Степанов
Екатеринбург, Россия

АНОНИМНАЯ УГРОЗА И ПЛАН ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЯ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АВТОРА

АННОТАЦИЯ. В статье обсуждается организация, ход и результаты экспериментального психолингвистического исследования анонимной угрозы. Анализируются перспективы применения психологических инструментов для оценки и прогнозирования реализации социально опасных действий автором угрозы. Описываются современные представления о лингвистических и социально-поведенческих критериях реализации угрозы. Формулируется авторский подход к эмпирическому исследованию, базирующийся на отечественной теории деятельности (А. Н. Леонтьев), саморегуляции деятельности (О. А. Конопкин), теории речевой деятельности (А. А. Леонтьев). С этой позиции анонимная угроза условно представляется в двух планах: вербальном (текст) и ментальном (образ деятельности). Ставится вопрос об отношениях между вербальными и ментальными составляющими угрозы как предикторе риска ее воплощения.

Данный вопрос через призму трех гипотез изучается в спланированной экспериментальной ситуации. Ее участнику ставилась задача сформулировать угрозу в отношении другого человека в виде анонимной записки. Анонимная записка подвергалась контент-анализу. Единицы контент-анализа были лингвистическими (лексические и грамматические), а также ментальными (образ угрозы, план реализации угрожающих действий). Помимо контент-анализа, с испытуемым проводилось интервью по плану действий, реализующих угрозу, а также оценивался образ жертвы. Данные контент-анализа, интервью и психосемантической оценки образа жертвы были подвергнуты математико-статистической обработке методом дисперсионного и корреляционного анализа. В результате гипотеза о соотношении вербальной и ментальной репрезентации угрозы получила частичную эмпирическую поддержку, гипотеза о влиянии образа автора в тексте на репрезентацию угрозы не подтвердилась.

Выводы работы показывают, что лингвистические параметры вербального воплощения угрозы соотносятся с ее ментальным образом в ряде характеристик. Об этом в тексте анонимной записки свидетельствуют акцентирование разрушительных действий автором, конкретизация цели действий, употребление местоимений, обобщающих автора и жертву. Грамматическими индикаторами являются вероятностная лексика, изъявительное наклонение глаголов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: анонимное письмо; угроза; психология автора; образ жертвы; ментальный образ; вербальный образ; лексико-грамматические признаки.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Злоказов Кирилл Витальевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620032, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 325; e-mail: zkrivit@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Рыбьякова Екатерина Алексеевна, курсант факультета подготовки следователей, Уральский юридический институт МВД России; адрес: 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: katu.rybyakova@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Степанов Роман Иванович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии служебной деятельности и педагогики, Уральский юридический институт МВД России; 620057, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66; e-mail: ramanist89@mail.ru.

Введение. Распространение анонимных текстов с угрозами актуализирует внимание к этому психолингвистическому явлению. Обращение к отечественным и зарубежным исследованиям позволяет очертить круг вопросов, нуждающихся в разрешении. Обобщенно их можно представить следующим образом: а) является ли анонимное сообщение угрозой; б) можно ли предсказать риск воплощения угрозы; в) можно ли установить автора анонимной угрозы, опираясь на ее текст? Анализ академических работ показывает, что исследование текстов с угрозами под углом лингвистических теорий не дает на эти вопросы однозначного ответа.

Применение психологических инструментов познания может помочь при изучении текстов с угрозами, автор которых неизвестен. Поскольку современные подходы базируются на методологии лингвистической науки, дополненной статистическим анализом текстов, психологические методы откроют возможность исследования личности автора. Что, думается, повысит надежность прогнозирования воплощения угроз.

В данной статье с помощью экспериментально-психологических методов исследуются связи между автором и текстом анонимной угрозы. Структурно работа состоит из нескольких частей: теоретическая часть включает социальные и лингвистические характеристики анонимной угрозы, черт автора и завершается изложением теоретических основ и гипотез экспериментального исследования. Методическая часть содержит описание экспериментального исследования: выборки, методов и показателей. Интерпретационная часть завершает работу и представляет результаты экспериментального исследования.

Анонимная угроза, ее влияние и лексико-грамматические признаки. Угрозы распространены в межличностном взаимодействии людей. В явной или скрытой форме они встречаются в общении детей и взрослых, во многих социальных сферах: образовании, производстве, политике и других. Угрозы выполняют несколько функций: сообщение информации об опасности (предупредить), обещание выполнить какие-либо

действия (обещание), оказание воздействия на поведение (манипуляция) [Shuy 1993]. У каждого из этих видов угроз различаются последствия. Предупреждение об опасности полезно для слушателя и не приводит к потере им контроля над своим поведением. Обещание, как и предупреждение, позволяет слушателю подготовиться к наступлению событий и управлять своим поведением. Манипулятивная разновидность угрозы несет негативные последствия, поскольку она нацелена на выгоду говорящего и передает ему контроль над поведением слушающего. При этом последствия угрозы, варьируются в зависимости от восприятия ее слушающим как таковой, а не шутки или розыгрыша [Storrey 1995].

Влияние анонимной угрозы прослеживается в психологическом и социально-поведенческом контекстах последствий. Психологические последствия анонимной угрозы чаще связываются с эмоциональной сферой: возникновением у адресата тревоги, страха, депрессивных состояний [Dietz, Matthews et al. 1991b], хотя исследователи сообщают и о когнитивных эффектах: растерянности, фокусировки на определенных мыслях [Melo, Hoffmann, Roshidi, Glaz-Ocik, Guldimmann 2013]. Социально-поведенческими последствиями угрозы становится изменение отношений между собеседниками: происходит установление власти говорящим над слушающим [Borum, Fein, Vossekuil, Berglund 1999], адресат действует или бездействует по указанию говорящего.

Для описания анонимной угрозы используется лингвистический и грамматический анализ [Fraser 1998]. Лексика угрозы включает агрессивные, манипулятивные, насильственные и пейоративные оттенки [Gale 2010]. В качестве грамматических маркеров угрозы называются изъявительное и побудительное наклонение глаголов, а также наречия, иллюстрирующие динамику агрессивного-деструктивного воздействия (*быстро, легко, просто*) [Злоказов, Софронова 2016]. Содержательно угроза может включать описание последовательности действий автора, последствия его действий для жертвы, описания поведения жертвы [Dietz, Matthews et al. 1991a]. Обращения к жертве конкретизируются местоимениями (*ты, он*) и дополняются описанием требуемого поведения в глаголах (*слушать, сделаешь*).

Автор анонимной угрозы. Определение реалистичности угрозы — ключевая задача предупреждения чрезвычайных происшествий, преступлений и насилия. Сообщение о планирующемся террористическом акте, захвате заложников и пр. высокоспе-

цифично. Как правило, оно отражает особенности ситуации и личности автора, его установок и психоэмоционального состояния. Способность все это установить и измерить позволяет оценивать, во-первых, реальность факта угрозы, а во-вторых, вероятность ее осуществления. Ключевыми обстоятельствами социального поведения авторов анонимных угроз являются опыт насилия в прошлом, употребление психоактивных веществ, неполное образование, слабая степень психических отклонений, враждебно-отчужденный стиль жизни [Wargen, Ogloff, Mullen 2013]. Помимо этого, выделяется ряд специфических особенностей, характерных для различных видов насилия — длительность и детальность подготовки. О ней свидетельствуют «утечки» информации близким родственникам, друзьям, коллегам а также высказывания о полезности совершения таких действий. Так, например, подростки, совершившие массовые убийства в школах, ранее обсуждали его детали с друзьями, а также угрожали своим учителям и классным руководителям [O'Toole 2000]. Детальность подготовки проявляется в приобретении огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, обучении обращению с ними, изучении расположения объекта нападения [Gollwitzer, Sheeran 2006]. В целом проблема идентификации автора анонимной угрозы в психологической науке расширяется до оценки риска насильственного и суицидального поведения. В настоящее время разработаны социально-психологические и криминологические модели измерения готовности человека к совершению террористических актов, убийств и сексуального насилия. Однако они выполнены преимущественно на основе статистического анализа уже реализованных угроз.

Представления автора анонимной угрозы. Представления и образы человека, ведущего анонимную переписку со своей жертвой, — сложная и недостаточно изученная область. В настоящее время она сопряжена с криминальным контекстом — преследованием, угрозами убийств, террористическими актами. Недостаток подобного подхода видится в *ex-post-facto* дизайне. В нем исследователю сложно вмешаться или контролировать процесс репрезентации угрозы, вербализации планов. Конечно, применяемый инструментарий позволил добиться важных результатов. Так, статистически определен ряд лингвистических, грамматических индикаторов, позволяющих судить о готовности человека перейти от слов к действию. К примеру, к наиболее обоснованным предикторам реалистичности

угрозы в тексте относятся к применению автором условных и вероятностных конструкций; низкая реалистичность угрожающих действий, несоответствие действий причинам угрозы; преобладание описания мотивов собственных действий («Почему угроза?») над операционализацией угрозы («Как воплощать?») [Sooniste, Granhag, Strömwall, Vrij 2014]. Наряду с этими признаками, исследователи отмечают неоднозначность отношений между угрозой и ее воплощением, объясняя это переменными, влияющими на стремление автора исполнить свой замысел: ситуативными обстоятельствами, изменениями образа мыслей насильника, поведения жертвы. Однако, стремясь усилить надежность и валидность прогноза, исследователи обращаются к инструментам измерения поведения. Успешно используются приемы изучения свойств лиц, склонных к подобным действиям, оценки их психической состоятельности [Logan, Johnstone 2010]. Направлением дальнейшего исследования, на наш взгляд может стать обращение к методологии когнитивной и деятельности психологии. Это позволит увязать ментальные образы цели, восприятие жертвы с вербальными репрезентациями в тексте, дополнить данные статистического анализа лиц, прибегающих к угрозам, новым, качественным измерением.

В свете сказанного усилия авторов статьи направлены на прояснение представлений о восприятии автором угрозы вербальных и невербальных действий. Теоретическим фундаментом нашей работы являются положения теории деятельности А. Н. Леонтьева, теории самоуправления О. А. Конопкина [Конопкин 1995], теории речевой деятельности А. А. Леонтьева.

Принимая во внимание представление о цели деятельности как образе предвосхищаемого результата, отметим, что ее детализация тесно связана с результатом деятельности. Детальность образа цели конструирует деятельность, влияет на планирование процесса, выбора средств достижения цели — ключевой этап организации деятельности. Применительно к угрозе цель деятельности можно представить в двух формах — вербальной и невербальной. При этом вербальная угроза опережает невербальную по времени возникновения, поэтому можно предположить, что на этапе вербализации автором конструируется образ результата и, вероятно, план действий по его реализации. Следовательно, обращение к жертве закрепляет образ результата, конечно при условии, что автор намерен его воплотить в

жизнь. В ином случае угроза представляется нам несостоятельной и нацелена на манипулирование поведением жертвы.

Таким образом, установление отношений между вербальным образом цели, т. е. ее декларацией, и ментальной репрезентацией действий автора позволит определить вероятность претворения угрозы в жизнь. Конечно, сопутствующие целеполаганию переменные — мотивация, образ автора — тоже должны быть учтены. С учетом этого наш исследовательский интерес сосредоточен на отношении между образом угрожающего воздействия и его вербальной репрезентацией. Для этого нами в форме эксперимента изучались внешний (вербальный) и внутренний (ментальный) планы репрезентации угрозы. Внешний план был представлен текстом записки с анонимной угрозой, а внутренний описывался испытуемым при оценке мотива своих действий, планировании действий и оценке образа жертвы. Проверялись следующие предположения:

1. Об отношении вербальной репрезентации угрозы к ментальному образу действий.

2. О существовании связи между вербальной репрезентацией угрозы, ментальным образом действий по ее реализации и образом жертвы.

3. О существовании связи между признаками автора в тексте угрозы и ментальным образом действий.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 45 обучающихся в возрасте от 18 до 22 лет ($M = 21,48$, $SD = 0,85$) института социального образования Уральского государственного педагогического университета, 52 % из них были юноши.

Ход эксперимента и методы. Экспериментальное исследование содержания анонимных текстов с угрозами реализовывалось в форме интервью, с применением специально разработанного для этого экспериментального планшета. Респондент получал задание, которое обдумывал и выполнял вербально.

Суть задания. Участнику сообщалось, что близкий (любимый) человек разорвал все отношения с ним и ушел к другому человеку. Ему предлагалось сформулировать текст анонимной записки и выразить отношение. Действия выполнялись без ограничения времени, в последовательном порядке, с перерывом в 5 минут между ними. Всего предлагалось выполнить угрожающее и рефлексивно-оценочное действия (см. табл. 1). Результаты фиксировались на специально отведенном для этого листе. Переворачивать листы, обращаться к ранее изложенным вопросам участнику запрещалось.

Таблица 1

Ход экспериментальных действий испытуемых

Угрожающие действия	Рефлексивно-оценивающие действия
Написание анонимной записки с угрозой в адрес близкого друга, ставшего причиной разрыва отношений с близким (любящим) человеком	Описание плана действий по реализации угрозы. Оценка образа жертвы

Таблица 2

Вербальные репрезентации угрозы в тексте анонимной записки

Разновидности лексики	Примеры категорий
1. Вероятностная лексика	1.1. Использование 1.1.1.) сослагательного наклонения, 1.1.2) вероятностных конструкций «если... то», «может...»; 1.1.3) условного наклонения глаголов
2. Повелительная лексика	2.1.1) изъявительное; 2.1.2) повелительное наклонение глаголов
3. Репрезентация насилия в лексике	3.1. Детализация насильственных действий: 3.1.1) высокая детализация: подробно и (или) последовательно описываются действия с адресатом; 3.1.2) низкая: действия обозначаются, подробно не описываются. 3.2. Акцентирование насильственных действий, применительно к 3.2.1) жертве, 3.2.2) обстоятельствам, вызвавшим угрозу. 3.3. Направленность действий: 3.3.1) деструктивная: причинить вред жертве, разрушить, разорвать отношения; 3.3.2) реконструктивная: понять причины ситуации, разобраться в случившемся; 3.3.3) конструктивная: найти выход из ситуации, не прибегая к насилию. 3.4. Характеристика насильственных действий: 3.4.1.) сложный, тяжелый, 3.4.2) простой, легкий. 3.5. Скорость насильственных действий: 3.5.1) быстро, 3.5.2) медленно.
4. Образ автора	4.1. <i>Обособление</i> : наличие в тексте указаний на автора, описаний его характеристик, в том числе его чувств, переживаний, сопровождающихся употреблением местоимения «я» 4.2. <i>Воздействие</i> : наличие в тексте указаний на действия автора, описанные с применением местоимений «мне» «мое», «мои» и дополненное глаголом 4.3. <i>Принятие</i> : указание на жертву в тексте, изложение ситуации с позиции адресата с приведением местоимений «ты» и его аналогов, дополненных глаголом действия либо наречием 4.4. <i>Слияние</i> : указание в тексте на сочетание автора и жертвы в местоимениях «мы», «наш», дополненное существительным, метафорически обозначающим проблемы

После сбора планшетов осуществлялся контент-анализ лексики угрожающих действий. Его цель — определение характеристик вербальной репрезентации угрозы автора. При этом мы опирались на показатели, ранее выявленные в ходе анализа работ, посвященных реалистичности анонимной угрозы (см. табл. 2).

Для заполнения таблицы применялись две системы кодирования признаков, в номинативной и относительной шкалах измерения. Номинативная шкала означала, что данные вводились в текстовой форме, относительное значение отражалось в накопительных значениях — частотах встречаемости признака. Наличие признака кодировалось значением «1», в случае нескольких признаков значения суммировались, а если лексический признак отсутствовал, то ставилась цифра «0».

Далее определялся **ментальный образ действий по воплощению угрозы**. Обобщение полученных экспериментальных данных позволило сформировать пять обобщенных ментальных образов действий: 1) причинение физического ущерба жертве (прямая физическая агрессия); 2) причинение материального ущерба жертве (косвен-

ная агрессия); 3) прямое оскорбление и угрозы жертве; 4) неагрессивное общение; 5) бездействие.

Завершающим этапом стало оценивание образа жертвы с помощью семантического дифференциала Ч. Осгуда (в адаптации А. М. Эткинда) [см.: Белянин 2009].

После первичной обработки и заполнения таблицы первичных значений к ней применялись методы математико-статистического анализа: дисперсионного и корреляционного.

Обзор результатов исследования. Изложение результатов структурировано в соответствии с тестируемыми экспериментальными гипотезами.

Гипотеза 1. Вербализированный образ угрозы соответствует ментальному образу действий. Гипотеза в целом получила поддержку при проведении многофакторного дисперсионного анализа (MANOVA). Ментальный образ действия соответствовал характеристикам угрозы в анонимной записке ($F(2, 143) = 6,25, p = 0,016$). Вместе с тем не все вербальные репрезентации, использованные нами, оказали статистически значимое воздействие и поэтому были исключены.

Всего установлено шесть вербальных лексико-грамматических характеристик, воздействующих на переменную образа действий. Лексические показатели: 1) «слияние» — указание в тексте на сочетание автора и жертвы в местоимениях «мы», «наш», в том числе дополненное существительным ($F = 2,23$, $p = 0,09$); 2) *акцентирование в тексте угрозы действий, нацеленных на причинение ущерба жертве* ($F = 3,17$, $p = 0,02$); 3) *конкретизация разрушительной цели* ($F = 4,17$, $p = 0,01$), *детальное изложение способа действий* ($F = 3,61$, $p = 0,01$). Грамматические показатели: 4) «вероятностная лексика» ($F = 2,14$, $p = 0,01$); 5) «изъявительное наклонение глаголов» ($F = 2,49$, $p = 0,06$).

Можно полагать, что эти вербальные характеристики оказывают воздействие на ментальный образ действий и могут быть использованы в качестве вербальных предикторов реализуемости угрозы. Вместе с тем влияние этих переменных было установлено изолированно, без связи друг с другом, и не дает возможности говорить о сочетающемся, изолированном или ином взаимовлиянии переменных на ментальные представления угрозы и с достаточной степенью вероятности предсказывать воплощение угрозы. Но в целом эти результаты соответствуют полученным на англоязычной выборке описаниям анонимных текстов с угрозами, а также косвенно подтверждают теоретические представления речевой теории деятельности.

Гипотеза 2. Существует связь между образом вербализированной угрозы, ментальным образом действий и образом жертвы. Методом расчета коэффициентов корреляции Пирсона была установлена связь между анализируемыми показателями. С ментальным образом действий коррелировал показатель семантического дифференциала «Активность» ($r = 0,35$, $p = 0,01$), вербализация угрозы представлена показателями «Детализация насильственных действий» ($r = -0,42$, $p = 0,01$) и «Направленность действий» ($r = -0,39$, $p = 0,01$).

Психологический смысл полученных связей специфичен и, как нам представляется, может находиться под влиянием экспериментальной ситуации. Речь идет о снижении разрушительности действий из-за увеличения представлений об активности жертвы. С одной стороны, активность жертвы действительно способна побудить преступника отказаться от своего замысла (отпор, данный грабителю, повергает его в бегство). С другой стороны, эксперимент носил мысленный характер, и, вероятно, полученная

связь отражает представление участников об их реакции на поведение жертвы. Другие связи, объединившие детализацию насильственных действий и направленность говорящего, не противоречат смыслу показателей. Действительно, представляя себе жертву пассивной, авторы формулировали «зловещие» угрозы, давали более развернутое перечисление обстоятельств и операций возмездия.

Гипотеза 3. Ментальный образ действий соотносится с вербализированным образом автора.

Гипотеза не нашла подтверждения. Используемые показатели не обнаружили статистически значимой связи или эффекта влияния лингвистических обозначений автора на образ действий по реализации угрозы. Вместе с тем С. Смит рассматривает упоминание о связях между автором текста и жертвой в качестве предиктора риска воплощения угрозы [Smith 2008]. Так, ей показано, что близость автора и жертвы способствует угрозе. Несоответствие наших результатов видится в специфике экспериментальной ситуации, не предполагающей обращения к конкретным образам, и должно быть подвергнуто самостоятельной проверке.

Рассматривая в целом экспериментальное исследование, отметим влияние дизайна и экспериментальной задачи на полученные результаты. В этой связи поставленные гипотезы и сформулированные выводы нуждаются в опытно-экспериментальной проверке с использованием альтернативного инструментария.

Заключение. В статье представлены результаты исследования параметров вербализированных угроз и ментальных образов действий авторов анонимных текстов по их воплощению. Основным выводом работы в том, что изучение текстов с угрозами под углом речевой деятельности авторов обогащает и расширяет представления о реалистичности и реализуемости угрозы. В ходе проведенного исследования установлено, что а) параметры вербализации угрозы в тексте соотносятся с образом действий (планом) автора по их воплощению; б) активность жертвы в представлении автора угрозы снижает меру детализации угрозы в тексте, а также способствует снижению вербализации агрессии. Вербальный образ автора не оказывает влияния на планируемые действия по реализации угрозы. Продолжение исследований видится необходимым шагом на пути противодействия вербальному насилию в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянин В. П. Психолингвистика : учеб. 6-е изд. — М. : Флинта : Москов. психолого-социальный институт, 2009. 420 с.

2. Злоказов К. В., Софронова А. Ю. К оценке риска воплощения анонимной угрозы // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 98—104.
3. Конопкин О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психол. 1995. № 1. С. 5—12.
4. Borum R., Fein R., Vossekuil B., Berglund J. Threat assessment: Defining an approach for evaluating risk of targeted violence // Behavioral Sciences & the Law. 1999. № 17. P. 323—337.
5. Dietz P. E., Matthews D. B., Martell D. A., Stewart T. M., Hrouda D. R., Warren J. Threatening and otherwise inappropriate letters to members of the United States Congress // Journ. of Forensic Science, 1991a. № 36 (5). 1445—1468.
6. Dietz P. E., Matthews D. B., Van Duyne C., Martell D. A., Parry C. D., Stewart T., Crowder J. D. Threatening and otherwise inappropriate letters to Hollywood celebrities // Journal of Forensic Sciences. 1991b. № 36. P. 185—209.
7. Fraser B. Threatening revisited // Forensic Linguistics. 1998. № 5 (2). P. 159—173.
8. Gale T. A. Ideologies of Violence: A Corpus and Discourse Analytic Approach to Stance in Threatening Communications : unpubl. doctoral dissertation / Univ. of California. — Davis, USA, 2010.
9. Gollwitzer P. M., Sheeran P. Implementation in intentions and goal achievement: A metaanalysis of effects and processes // Advances in Experimental Social Psychology, 2006. № 38. P. 69—119.

K. V. Zlokazov, E. A. Rybyakova, R. I. Stepanov
Ekaterinburg, Russia

**ANONYMOUS THREAT AND PLAN OF HER EMBODIMENT:
EMPIRICAL RESEARCH OF REPRESENTATIONS OF THE AUTHOR**

ABSTRACT. *In article the organization, the course and results of a pilot psycholinguistic study of anonymous threat is discussed. The prospects of use of psychological tools for assessment and forecasting of implementation of socially dangerous actions by the author of threat are analyzed. Modern ideas of linguistic and social and behavioural criteria of implementation of threat are described. The author's approach to an empirical research which is based on the domestic theory of activities (A. N. Leontyev), activities self-control (O. A. Konopkin), theories of speech activities (A. A. Leontyev) is formulated. From this line item an anonymous threat is conditionally posed in two plans: verbal (text) and mental (image of activities). The question of the relations between verbal and mental components of threat as a predictor of risk of its embodiment is put.*

The matter through a prism of three hypotheses is studied in the planned experimental situation. To its participant the task was set to formulate threat concerning other person in the form of an anonymous note. The anonymous note was exposed to the content analysis. Units content - the analysis were linguistic (lexical and grammatical), and also mental (an image of threat, the plan of implementation of the menacing actions). In addition to the content analysis, with the examinee the interview according to the plan of the actions realizing threat was conducted and also the image of the victim was estimated. This the content analysis, an interview and psychosemantic assessment of an image of the victim were subjected to mathematico-statistical handling by method of the dispersive and correlation analysis. As a result the hypothesis of a ratio of verbal and mental representation of threat got partial empirical support, the hypothesis of influence of an image of the author in the text on representation of threat didn't prove to be true.

Conclusions of work show that linguistic parameters of the verbal embodiment of threat correspond to its mental image in a number of characteristics. Emphasis of destructive actions by the author, a specification of the purpose of actions, the use of pronouns testify the generalizing author and the victim to it in the text of an anonymous note. Grammatical indicators are probabilistic lexicon, an indicative mood of verbs.

KEYWORDS: *anonymous letter; threat; psychology of the author; image of the victim; mental image; verbal image; lexical and grammatical signs.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zlokazov Kirill Vitalievich, Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Rybyakova Ekaterina Alekseevna, Cadet, Ural Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Stepanov Roman Ivanovich, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Psychology of Service and Pedagogy, Ural Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Belyanin V. P. Psikholingvistika : ucheb. 6-e izd. — M. : Flinta : Moskov. psikhologo-sotsial'nyy institut, 2009. 420 s.
2. Zlokazov K. V., Sofronova A. Yu. K otsenke riska voploshcheniya anonimnoy угрозы // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 3 (57). С. 98—104.
3. Konopkin O. A. Psikhicheskaya samoregulyatsiya proizvol'noy aktivnosti cheloveka (strukturno funktsional'nyy aspekt) // Voprosy psikhhol. 1995. № 1. S. 5—12.

10. Logan C., Johnstone L. Personality disorder and violence: Making the link through risk formulation // Journ. of Personality Disorders, 2010. № 24. P. 610—633.
11. Meloy J. R., Hoffmann J., Roshdi K., Glaz-Ocik J., Guldemann A. Warning behaviors and their configurations across various domains of targeted violence // International handbook of threat assessment. — New York, NY : Oxford Univ. Pr., 2013. P. 39—53.
12. O'Toole M. E. The school shooter: A threat assessment perspective. — Washington, DC : Department of Justice, Federal Bureau of Investigations, 2000.
13. Shuy R. Language crimes: The use and abuse of language evidence in the courtroom. — Cambridge, MA : Blackwell, 1993. 314 p.
14. Smith S. S. From Violent Words to Violent Deeds: Assessing Risk From FBI Threatening Communication Cases // Stalking, threatening, and attacking public figures / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). — New York : Oxford Univ. Pr., 2008. P. 435—455.
15. Sooniste T., Granhag P. A., Strömwall L. A., Vrij A. Discriminating between true and false intent among small cells of suspects // Legaland Criminological Psychology. Advance online publication, 2014.
16. Storey K. The language of threats // Forensic Linguistics. 1995. № 2 (1). P. 74—80.
17. Warren L. J., Ogloff J. R., Mullen P. E. The psychological basis of threatening behavior // Psychiatry, Psychology and Law. 2013. № 20. P. 329—343.

inappropriate letters to Hollywood celebrities // Journal of Forensic Sciences. 1991b. № 36. P. 185—209.

7. Fraser B. Threatening revisited // Forensic Linguistics. 1998. № 5 (2). P. 159—173.

8. Gale T. A. Ideologies of Violence: A Corpus and Discourse Analytic Approach to Stance in Threatening Communications : unpubl. doctoral dissertation / Univ. of California. — Davis, USA, 2010.

9. Gollwitzer P. M., Sheeran P. Implementation intentions and goal achievement: A metaanalysis of effects and processes // Advances in Experimental Social Psychology, 2006. № 38. P. 69—119.

10. Logan C., Johnstone L. Personality disorder and violence: Making the link through risk formulation // Journ. of Personality Disorders, 2010. № 24. P. 610—633.

11. Meloy J. R., Hoffmann J., Roshdi K., Glaz-Ocik J., Guldemann A. Warning behaviors and their configurations across various domains of targeted violence // International handbook of threat assessment. — New York, NY : Oxford Univ. Pr., 2013. P. 39—53.

12. O'Toole M. E. The school shooter: A threat assessment perspective. — Washington, DC : Department of Justice, Federal Bureau of Investigations, 2000.

13. Shuy R. Language crimes: The use and abuse of language evidence in the courtroom. — Cambridge, MA : Blackwell, 1993. 314 p.

14. Smith S. S. From Violent Words to Violent Deeds: Assessing Risk From FBI Threatening Communication Cases // Stalking, threatening, and attacking public figures / J. R. Meloy, L. Sheridan, J. Hoffmann (eds.). — New York : Oxford Univ. Pr., 2008. P. 435—455.

15. Sooniste T., Granhag P. A., Strömwall L. A., Vrij A. Discriminating between true and false intent among small cells of suspects // Legal and Criminological Psychology. Advance online publication, 2014.

16. Storey K. The language of threats // Forensic Linguistics. 1995. № 2 (1). P. 74—80.

17. Warren L. J., Ogloff J. R., Mullen P. E. The psychological basis of threatening behavior // Psychiatry, Psychology and Law. 2013. № 20. P. 329—343.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

И. Н. Пушкарева, Ю. Р. Тагильцева
Екатеринбург, Россия

**«ТЫ ЗАПИСАЛСЯ ДОБРОВОЛЬЦЕМ?», ИЛИ АГИТАЦИОННЫЕ ПЛАКАТЫ
КАК ИНСТРУМЕНТЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МОЛОДЕЖЬ
В ПРАКТИКЕ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА**

АННОТАЦИЯ. Развитие информационных технологий предоставляет возможность экстремистским группировкам не только управлять информационными потоками в информационном пространстве, но и превращать страны, находящиеся под воздействием, в психологические мишени. Поэтому сегодня все чаще экстремистами избираются средства и приемы ведения информационно-психологических войн, которые могут привести, во-первых, к долговременным изменениям в социально-политическом строе общества, во-вторых, к обострению политической борьбы и использованию прямых форм насилия, в-третьих, к частичному изменению или поражению центральной нервной системы человека. В качестве основных приемов информационно-психологического воздействия на массовое сознание чаще всего используются политическими (религиозно-политическими) экстремистскими группировками технологии психологического манипулирования в СМИ, средства и приемы пропаганды и агитации и дезинформирование, направленные на создание ложных стереотипов, моделей поведения, выгодных для манипулятора. Активным средством или агитационной практике религиозно-политического экстремизма становится агитационный плакат, характеризующийся своей образностью, информативностью, доступностью для молодежи, являющейся психологически незащищенной и мало знающей об истории и основах ислама.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационно-психологическое воздействие; манипуляция, агитация; экстремизм; религиозно-политический экстремизм; экстремистские материалы; агитационный плакат, молодежь.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Пушкарева Инна Николаевна, кандидат биологических наук, доцент, зав. кафедрой теоретических основ физического воспитания, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 253; e-mail: inna.ru.80@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Уральский государственный педагогический университет; адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 148; e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

Сегодня вряд ли можно удивить искусленного зрителя плакатной вывеской, но именно агитплакат как форма массового искусства был востребован во все времена. Считается, что агитплакаты в Европе как сформировавшийся жанр в привычной нам форме появились во второй половине XIX в. (некоторые исследователи утверждают, что в первой половине XIX в. — в 1830—1840-х гг.) и представлены работами профессиональных живописцев, среди которых были П. Гаварни, Г. Доре и Ж.-И. Гранвиль. До этого периода аналогичные произведения представляли публике в виде крупных гравюр. Популярность этого жанра в указанный период вызвала острую необходимость регламентировать приемы и правила, которых необходимо придерживаться при создании агитплаката. Как отмечает Н. П. Ледовских, именно Ж. Шере впервые смог их четко сформулировать, и с тех пор они являются незыблемыми:

- красочность, яркость;
- минимальное содержание слов при их внешней выразительности;
- четко поставленная и выраженная ключевая мысль;
- узнаваемость образов;
- индивидуальность шрифта [Ледовских].

Природа воздействия картинки такова, что зрительные образы, запечатленные на ней, обладают, как отмечает С. Г. Кара-

Мурза, «суггесторным значением и порождают цепную реакцию воображения» [Кара-Мурза]. В результате зрительный образ как сигнал вызывает, а затем и формирует в человеке нужные чувства, мнение и поведение. Как правило, зрительные образы употребляются с текстом, что способствует увеличению кооперативного эффекта, который «связан с тем, что соединяются два разных типа восприятия, входящих в резонанс и взаимно „раскачивающих“ друг друга — восприятие семантическое и эстетическое. Самые эффективные средства информации всегда основаны на контрапункте, гармоничном многоголосии смысла и эстетики. Они одновременно захватывают мысль и художественное чувство („семантика убеждает, эстетика обольщает“»)» [Там же]. Поэтому все плакаты сопровождалось ритмизованными призывами либо слоганами (девизами), которые раскрывали программу необходимых действий.

И как показывает история, агитплакаты становились востребованы в определенные этапы развития общества, связанные с какими-либо событиями, влияющими на жизнь в целом. В России они появились примерно с 1812 г. и связаны были с деятельностью московского губернатора Ф. И. Ростопчина [Ледовских]. Но именно после октября 1917 г. наблюдается расцвет данного жанра, поскольку именно плакаты позволяли донести

Статья написана в рамках работы по гранту Российского фонда фундаментальных наук (проект № 16-29-09512 «Интернет как инструмент формирования психологической готовности молодежи к экстремистскому поведению»).

© Пушкарева И. Н., Тагильцева Ю. Р., 2016

аудитории, широким массам необходимую информацию о событиях, происходящих как в стране, так и за ее пределами, в достаточно емкой и образной форме. В 1950-х гг. этот жанр постепенно исчезает, сегодня в информационной политике нашего государства практически не применяется, хотя «значительную часть его характеристик можно найти в современной рекламе» [Там же].

Тем не менее в связи с активизацией распространения националистических и ре-

лигиозно-политических идей можно отметить возрождение жанра агитплаката, но несколько видоизмененного под влиянием новых коммуникативных технологий. Все чаще его стали использовать в практике религиозно-политического экстремизма в качестве информационно-психологического инструмента воздействия на аудиторию. Рассмотрим некоторые примеры, размещенные в социальной сети «ВКонтакте» на страницах некоторых пользователей.

Рис. 1.

Представленный в виде плаката фотоматериал (рис. 1) содержит информацию, направленную на формирование ненависти и вражды к представителям неисламского мира в лице Барака Обамы (президента США), Реувена Ривлина (действующего президента Израиля) и Шимона Переса (бывшего президента Израиля), ведущим военные действия в Сирии. Формированию «образа врага» служат следующие манипулятивные приемы.

Во-первых, прием «навешивание ярлыков», заключающийся в выборе оскорбительных названий, эпитетов, вызывающих эмоционально-негативное отношение и ассоциирующихся у аудитории с низкими поступками, способствует созданию «кровавых» образов первых лиц государств

США и Израиля — вампиров, алчущих крови, прежде всего сирийских мусульман: об этом свидетельствует залитые кровью глаза президентов и истекающая кровью звезда Давида (эмблема в форме шестиконечной звезды).

Во-вторых, прием «экспрессивный удар», заключающийся в намеренном транслировании ужасов, совершаемых первыми лицами государств США и Израиля в отношении мирных жителей Сирии, с целью вызвать протест и желание наказать виновных. Для создания этого эффекта используются образы атакующих истребителей BBC Израиля — McDonnell Douglas F-15E Strike Eagle (американский двухместный истребитель-бомбардировщик), а также образы плачущих раненых детей и пожилых людей.

Рис. 2.

Следующий материал (рис. 2) направлен уже на формирование ненависти и вражды к представителям православного христианства. На картинке изображены символы двух мировых конфессий — ислама (полумесяц со звездой) и христианства (православный крест), перечеркнутые крест-накрест красными линиями, что свидетельствует о недопустимости, невозможности сосуществования символически изображенных религий вместе. Все это сопровождается надписью — цитатой из Корана, взятой из суры 5, «аль-Маида», или «Трапеза», аята 51:

О те, которые уверовали! Не считайте иудеев и христиан своими друзьями, поскольку они друзья друг другу.

Согласно исследованиям, данный аят был ниспослан пророку Мухаммеду после битв при Бадре (624 г.), где мусульмане одержали победу над курейшитами (арабами-язычниками), и Ухуде (625 г.), где последние взяли реванш. Дело в том, что после битвы при Бадре иудеи Медины были вынуждены признать, что в Аравии появилась новая серьезная политическая сила, с которой необходимо считаться, поэтому между ними и пророком Мухаммедом был заключен равноправный договор. Несмотря на это, как отмечают мусульманские историки, иудеи все же не доверяли мусульманам, опасаясь их усиления, и старались использовать любую возможность для ослабления влияния последних. Например, иудеи способствовали возрождению вражды между мединскими племенами — аус и хазрадж, — вооруженному конфликту между иудеями из племени Кайнука и мусульманами. Известны и провокации иудеев из племени Кадир после поражения последних в битве при Ухуде, а также при битве «у рва» (627 г.), где иудеи-надиристы сыграли решающую роль в объединении противников мусульман против них.

И как отмечают те же источники, даже сам пророк и некоторые его сподвижники — Абде ибн Самет Хазраджи и Абдолла ибн Аби — не доверяли своим союзникам-иудеям. По замечаниям Абу Абдуллах Абд ар-Рахман б. Насир б. Абдуллах б. Насир Аль Саади, данный аят прежде всего предупреждает правоверных мусульман не вступать в какие-либо союзы с иудеями и христианами, поскольку они, объединившись, стремятся навредить мусульманам, а незначительные дружеские отношения с ними могут привести к заблуждению и отступлению от своих религиозных традиций и воззрений. Таким образом, данный аят прежде всего отражает события именно периода VII века. К мирному времени изречение не относится.

Стоит отметить еще один момент: в некоторых переводах в этом высказывании вместо «друзья» встречаются другие слова, такие как «помощники», «покровители», «союзники».

Э. Р. Кулиев: *О те, которые уверовали! Не считайте иудеев и христиан своими помощниками и друзьями, поскольку они помогают друг другу. Если же кто-либо из вас считает их своими помощниками и друзьями, то он сам является одним из них. Воистину, Аллах не ведет прямым путем несправедливых людей.*

М.-Н. О. Османов: *О вы, которые уверовали! Не дружите с иудеями и христианами: они дружат между собой. Если же кто-либо из вас дружит с ними, то он сам из них. Воистину, Аллах не ведет прямым путем нечестивцев.*

В. М. Порохова: *О вы, кто верует! Вы не берите в покровители себе Ни иудеев и ни христиан: Они — друзья один другому.*

А тот из вас, кто в покровители их взял, —

Тот сам из их числа.

Господь, поистине, не станет направлять

Тех, кто (Его пределы) преступает.

Коллектив Аль-Азхар (первый перевод Корана на русский язык, изданный в Египте, в Исламском университете Аль-Азхар, являющимся одним из старейших в мире, а также наиболее престижной мусульманской духовной академией-университетом): *О вы, которые уверовали! Не берите себе в союзники и покровители ни иудеев, ни христиан! Они одинаковы в своей враждебности к вам. Тот, кто берет их в сторонники и покровители, тот сам из них. Аллах не ведет к прямому пути несправедного, который вредит самому себе, делая неверующих своими покровителями и сторонниками.*

По данным Большого толкового словаря, у выделенных слов следующие значения [Большой толковый словарь http]:

ПОКРОВИТЕЛЬ, -я; м. Тот, кто покровительствует кому-, чему-л. *Оставить кого-л. без покровителя. Жить в доме своего покровителя.*

СОЮЗНИК, -а; м.

1. Тот, кто находится, действует в союзе (1 зн.) с кем-, чем-л. *Считать кого-л. своим союзником.*

2. То, что содействует, помогает кому-, чему-л. *Страх — плохой с.*

ПОМОЩНИК [шн], -а; м.

1. Тот, кто помогает кому-л. в чём-л. *Хороший, плохой п.*

2. Должностное лицо, непосредственно подчинённое основному (обычно руководящему) работнику и помогающее ему. *П. капитана.*

Исходя из контекста, во всех случаях реализуется прежде всего сема «тот, кто помогает» в каких-либо действиях.

Таким образом, этот аят не подразумевает полного разрыва отношений — культурных, экономических, социальных, поли-

тических — мусульман с иудеями и христианами, а лишь напутствует, чтобы мусульманские государства в своей внешней политике не позволяли немусульманским странам «господствовать» над собой, ибо единственный, кто может быть над ними — это Аллах. Ко всему можно добавить, что в целом ислам одобряет и поощряет мирное сосуществование приверженцев Аллаха с последователями Писаний — христианами и иудеями.

Основным компонентом исследования в материале, отображенном на рис. 3, стало изречение, репрезентирующее имплицитное превосходство исповедующих ислам над всеми теми, кто не исповедует ислам — «мушриками», посредством прилагательного «правильная».

That is the right religion, so don't wrong yourselves, and fight against the Mushrikun collectively, as they fight against you collectively. — Это правильная религия, поэтому не обманывайте себя и боритесь против мушриков коллективно так же, как и они, объединившись, борются против нас.

У слова «правильный» следующая дефиниция [Большой толковый словарь http]:

ПРАВИЛЬНЫЙ, -ая, -ое; -лен, -льна, -льно.

1. Соответствующий установленным правилам, не отступающий от существующих правил, норм, порядка. *П-ое произношение, написание.*

2. Верный, безошибочный; истинный, соответствующий реальной ситуации. *П-ое решение. П. ответ, расчёт, постулат.*

3. Настоящий; такой, какой нужен; хороший, справедливый. *П. поступок. П. совет, принцип.*

4. Регулярный, равномерный, ритмичный. *Взять п. ритм. П-ое движение поездов. П. пульс.*

5. Удовлетворяющий правилам пропорции и симметрии. *П-ые черты лица. Придать правильную форму чему-л.*

Рис. 3

Исходя из контекста, слово используется в своем первом значении, поскольку в высказывании имплицитно подчеркивается, во-первых, правильность избранного пути — познание истины и изучение законов ислама, претворение их в жизнь на практике, во-вторых, представители всех других конфессий находятся на ложном пути, ибо они познали истину и отвернулись от нее, на что указывает существительное «мушрики».

Вот как понимается это слово мусульманами:

МУШРИК — «язычник, признающий наряду с Творцом наличие и других божеств или полубожеств» [Исламский энциклопедический словарь].

Агрессивный смысл изречения реализуется в глаголе повелительного наклонения «боритесь» со следующей дефиницией:

«**БОРОТЬСЯ**, борюсь, борешься; нсв.

1. (с кем). Схватившись друг с другом, стараться повалить, положить на лопатки. *Б. с одноклубником.*

2. за что. Состязаться в чём-л., стараясь одержать победу. *Б. за призовое место на конкурсе.*

3. с кем-чем, против кого-чего, за что. Активно действовать против кого, чего-л., стремясь преодолеть или уничтожить; сопротивляться кому-, чему-л. *Б. с конкурентами. Б. с мафией.*

4. за кого-что. Отстаивать кого-, что-л., добиваться чего-л. *Б. за мир, за власть. Б. за свою идею, кандидатуру.*

5. Вступать в противоречие, сталкиваться (о чувствах, стремлениях). *В душе боролись любовь и страх»* [Большой толковый словарь http].

Исходя из контекста, глагол реализуется в своем третьем значении, поскольку указывается объект воздействия — «мушрики». Использование военной лексики, к которой относится глагол «боритесь», является примером явного призыва к активным действиям.

Кроме того, использование языковой демагогии — коммуникативный принцип деления мира на «своих» и «чужих» — дает возможность создавать фантомный социум, к которому относится говорящий (манипулятор), — группу «истинно» верующих мусульман, сражающихся во имя Аллаха. Подобный эффект создается за счет использования личных местоимений «нас» и «они», существительного «мушрики»: *Это правильная религия, поэтому не обманывайте себя и боритесь против мушриков; борются против нас; и боритесь против мушриков коллективно так же, как и они, объединившись, борются против нас.*

В результате создается фантомный биполярный образ мира, за счет которого упрощается его восприятие и дается только односторонняя интерпретация происходящих событий.

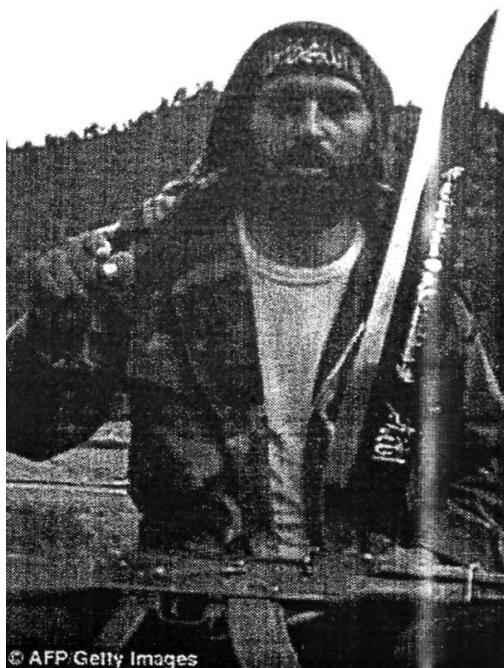

Рис. 4

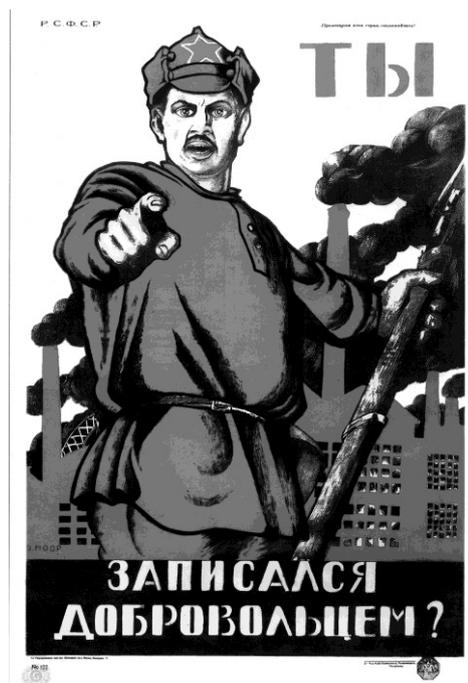

Рис. 5

Представленный на рис. 4 фотоматериал выполнен в духе вербовочных плакатов периода Первой мировой войны и Гражданской войны. Общие черты таких плакатов (наставленный на зрителя указательный палец, вопрос, обращение «ты») воплощены в работе Дмитрия Моора (настоящее имя — Дмитрий Орлов) «Ты записался добровольцем?», созданной в июне 1920 г. (рис. 5). На переднем плане современного агитационного материала (рис. 4) изображен боевик с черной повязкой, на которой выписана белыми буквами шахада, обращающий суровый взгляд к зрителю (если взглянуть в образ красноармейца, то на нем тоже можно заметить головной убор: буденовку с отличительным знаком — красной звездой). В левой руке находится неимоверных размеров кинжал, выполненный в черно-белой расцветке с выгравированной надписью в виде арабской вязи, на коленях — автомат, а указательный палец правой руки обращен в сторону зрителя. Таким образом, данный фотоплакат осуществляет информационно-психологическое воздействие на сознание индивида с целью создать у зрителя мнимое чувство вины, подвигающее его впоследствии на конкретные действия.

Как мы неоднократно подчеркивали в своих работах [см., напр.: Карапетян, Тагильцева 2015], идеи религиозно-политического экстремизма в форме ваххабизма, джихадистского салафизма большее воздействие оказывают на молодежь, психологически незащищенную и плохо знающую историю и основы ислама. Психологическое воздействие на такую аудиторию состоит прежде всего в «разжижении» сознания посредством манипулятивных приемов, муссированной пропаганды и агитации через вербальные (устные/письменные) и аудиовизуальные материалы, содержащие «идеи необходимости возрождения халифата, а также призывы к гражданскому неповиновению

и джихаду» [Вершинин]. Особенно следует подчеркнуть, что важным фактором вовлечения людей в ряды религиозно-политических экстремистских группировок становится использование лидерами подобных организаций идей, лозунгов и символов религиозных учений, о которых «малообразованная» молодежь почти ничего не знает, но в какой-то степени соотносит с собственными внутренними представлениями о «добре и зле», «правосудии» и «возмездии».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абу Абдуллах Абд ар-Рахман б. Насир б. Абдуллах б. Насир Аль Саади Толкование Священного Корана. 2011.
2. Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. — М.: Ансар, 2007. 400 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Большой толковый словарь. URL: <http://www.gramota.ru/slovari>.
5. Вершинин М. Методы вербовки и идеологической работы террористических религиозных движений в Поволжье, на примере «Хизб-ут-Тахрир». URL: <http://psyfactor.org/lib/vershinin5.htm> (дата обращения: 29.09.2014).
6. Зелинский С. А. Манипуляции массами и психоанализ // ПСИ-ФАКТОР : сайт. URL: <http://psyfactor.org/lib/zel9.htm>.
7. Ислам : энцикл. слов. — М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. 315 с.
8. Исламский энциклопедический словарь. URL: <http://slovar-islam.ru/books/>.
9. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. URL: http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul_content.htm (дата обращения: 27.07.2016).
10. Карапетян А. А., Тагильцева Ю. Р. Игры с разумом, или Приемы и средства информационно-психологического воздействия в практике религиозно-политического экстремизма // Вестн. Пятигор. гос. лингвист. ун-та. Пятигорск, 2015. № 1. С. 270—272.
11. Османов М.-Н. Коран : перевод с арабского и комментарий. — СПб., 2009.
12. Порохова В. М. Коран. Перевод смыслов и комментарий В. М. Пороховой. 12-е изд. — М.: Рипол-классик, 2013.
13. Кулиев Э. Р. Коран. Перевод смыслов Э. Р. Кулиева. 9-е изд. — М.: ЭКСМО, 2012. 808 с.
14. Коран: тафсир Аль-Коран. Аль-Мунтахаб фи Тафсир Аль-Кур'ан аль-Карим (рус. язык). — Каир : Издат. дом «Министерства ВАКУФОВ ЕГИПТА», 2000. 463 с.
15. Ледовских Н. П. Отечественная художественная культура. URL: http://www.rsu.edu.ru/wordpress/wp-content/uploads/e-learning/History_of_Art/List.html (дата обращения: 29.07.2016).

I. N. Pushkareva, Y. R. Tagiltseva
Ekaterinburg, Russia

“ARE YOU A VOLUNTEER?”, OR PROPAGANDA POSTERS AS AN INSTRUMENT OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL INFLUENCE ON THE YOUTH IN RELIGIOUS AND POLITICAL EXTREMISM

ABSTRACT. *Development of information technologies gives extremist groups an opportunity to not only manage information flows in the informational space, but to transform strata that are under this influence into psychological targets. Today extremists choose ways and means of information and psychological wars, which can lead, first of all, to the long-term changes in the social and political order, secondly, they can cause escalation of political struggle and violence and thirdly, they can partially change or harm the central nervous system of a person. The main means of information and psychological influence on mass consciousness used by political (religious-political) extremist groups are technologies of psychological manipulation in mass media, ways and means of propaganda and misinforming aimed at construction of false stereotypes and models of behavior suitable for manipulator. A wide-spread means of manipulation in religious-political extremism is a propaganda poster, which is characterized by its imagery potential, informative component, accessibility for the youth who are psychologically immature and have little knowledge of the history and bases of Islam.*

KEYWORDS: *information and psychological influence; manipulation, propaganda; extremism; religious-political extremism; extremist materials; propaganda poster; the youth.*

ABOUT THE AUTHOR: *Pushkareva Inna Nikolayevna, Candidate of Biology, Associate Professor, Head of Department of Theoretical Bases of Physical Education, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Tagil'tseva Yuliya Rinatovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Advertising and Public Relations, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Abu Abdullakh Abd ar-Rakhman b. Nasir b. Abdullakh b. Nasir Al' Saadi Tolkovanie Svyashchennogo Korana. 2011.
2. Ali-zade A. Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. : Ansar, 2007. 400 s.
3. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 2000. 1536 s.
4. Bol'shoy tolkovyy slovar'. URL: <http://www.gramota.ru/slovari>.
5. Vershinin M. Metody verbovki i ideologicheskoy raboty terroristicheskikh religioznykh dvizheniy v Povolzh'e, na primere «Khizb-ut-Takhrir». URL: <http://psyfactor.org/lib/vershinin5.htm> (data obrashcheniya: 29.09.2014).
6. Zelinskiy S. A. Manipulyatsii massami i psikhoanaliz // PSI-FAKTOR : sayt. URL: <http://http://psyfactor.org/lib/zel9.htm>.
7. Islam : entsikl. slov. — M. : Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1991. 315 s.
8. Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar'. URL: <http://slovar-islam.ru/books/>.
9. Kara-Murza S. G. Manipulyatsiya soznaniem / S. G. Kara-Murza. URL: http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul_content.htm (data obrashcheniya: 27.07.2016).
10. Karapetyan A. A., Tagil'tseva Yu. R. Igry s razumom, ili Priemy i sredstva informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya v praktike religiozno-politicheskogo ekstremizma // Vestn. Pyatigor. gos. lingvist. un-ta. Pyatigorsk, 2015. № 1. S. 270—272.
11. Osmanov M.-N. Koran : perevod s arabskogo i komentariy. — SPb., 2009.
12. Porokhova V. M. Koran. Perevod smyslov i komentariy V. M. Porokhovoy. 12-e izd. — M. : Ripol-klassik, 2013.
13. Kuliev E. R. Koran. Perevod smyslov E. R. Kulieva. 9-e izd. — M. : EKSMO, 2012. 808 s.
14. Koran: tafsir Al'-Koran. Al'-Muntakhab fi Tafsir Al'-Kur'an al'-Karim (rus. yazyk). — Kair : Izdat. dom «Ministerstva VAKUFOV EGIPTA», 2000. 463 s.
15. Ledovskikh N. P. Otechestvennaya khudozhestvennaya kul'tura. URL: http://www.rsu.edu.ru/wordpress/wp-content/uploads/e-learning/History_of_Art/List.html (data obrashcheniya: 29.07.2016).

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. М. Б. Ворошилова.

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.111'42:811.111'27:811.111'38
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш143.21-006.21

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.04

Цзи Сяосяо
Москва, Россия

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ МЕТАФОРЫ В АМЕРИКАНСКОМ ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ. В статье проводится анализ употребления концептуальных метафор в выступлениях четырех американских президентов — Дж. Буша-ст., Билла Клинтона, Дж. Буша-мл. и Барака Обамы — на предмет выявления повторяющихся метафорических моделей в президентской риторике. С помощью используемой в работе методики «критического анализа метафоры» («critical metaphor analysis») Джонатана Чартериса-Блэка делается попытка продемонстрировать, как использование концептуальной метафоры в речи президентов упрощает понимание сложных политических событий, рисует знакомые всем образы и, как следствие, является эффективным средством манипуляции массовым сознанием. На основе данных исходных доменов в работе Джонатана Чартериса-Блэка в статье проводится сравнение и контрастивный анализ метафор, использованных четырьмя президентами. Сравнение показывает, что, во-первых, среди всех областей исходных доменов в текстах выступлений выявляются три наиболее частотные модели: МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ, ПЕРСОНИФИКАЦИЯ и ПУТЕШЕСТВИЕ. Во-вторых, среди четырех президентов Билл Клинтон и Барак Обама используют метафору чаще, чем другие. Частота использования метафоры также способствует популярности президентов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептуальная метафора; президентский дискурс; президенты США; критический анализ метафоры.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Цзи Сяосяо, аспирант, кафедра английского языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 119234, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51, ауд.1045/46; e-mail: rabbitjixiao@mail.ru.

The conceptual metaphor theory founded by Lakoff and Johnson in their seminal work *Metaphors We Live By* (1980) has provided a new perspective for metaphor research in various fields, the political domain being no exception. Lakoff then in his book *Moral Politics* (1996) systematically analyzed the worldviews underlying political thinking in the United States and worked out two opposing cognitive models based on the conceptual metaphors — a STRICT FATHER model and a NURTURANT PARENT model. In Europe, Musolff [1996, 2004] made a corpus-based analysis of metaphors underlying public discourses in Europe. It was later echoed in the works of J. Charteris-Black (2004, 2011). Charteris-Black proposed a corpus-based methodology called “critical metaphor analysis”, and then applied it to analyze metaphors used in speeches by major British and American politicians.

This is to suggest that studying metaphor in politicians' rhetoric is increasingly popular with researchers. This paper focuses on metaphor use in American presidential discourse as language of American presidents may disclose quite a few important things for getting a better grasp of the country and its leader. Metaphor in presidential discourse is not only a rhetorical device which helps a president sound eloquent, but also a conceptual tool which can reveal a president's thinking patterns and underlying mindset in various communication settings. Meanwhile, metaphor in political discourse is also one of the most effective ways of manipulating human consciousness (Mukhortov, 2015a). Presidents condensed their hopes and intentions into a vivid image which can be easily understood and accepted by audiences.

There are several questions lying before presidential speech researchers. One of them is the authorship of political speeches. It is well known that presidential speeches in most communication situations are combined work of political advisers and speech-writers. Therefore, how can we differentiate conceptual metaphors produced by presidents themselves from those of speech-writers? Although speech-writers create speeches with consent of presidents, to what extent do speechwriters' mindsets influence presidential cognition of reality through metaphors? A key to solving this puzzle is differentiating prepared speeches from spontaneous speeches. The prepared speech usually suggests that it was made by political advisors or speechwriters, such as inaugurals. While a spontaneous speech, without scripts, on the contrary, goes off the cuff, as it were, and can be heard in debates, talk shows, Q&A sessions, and briefings. The metaphor researchers may compare metaphor variety and frequency in prepared speeches and spontaneous speeches related to a specific topic. The comparison and contrast may help researchers draw inferences about consistency across the conceptual metaphors being used. And should there be any inconsistencies in metaphor use or sudden loss of figurative language, a researcher should seek a well-grounded explanation.

Methodology is another stumbling block. The first problem before metaphor researchers is how to identify metaphors. Conceptual metaphor theory expands the definition of metaphor and its application by saying that “human thought processes are largely metaphorical” [Lakoff, Johnson 1980: 6]. However, the definition of metaphor as “understanding of one thing

in terms of another" [Lakoff, Johnson 1980: 3] certainly could not provide sufficient and specific criteria for researchers to identify metaphor in real discourse. To solve the problem, a group of researchers called "the Pragglejazz Group" (2007) developed a metaphor identification procedure (MIP) based on their cooperative work from 2000 to 2006.

Simply, MIP includes the following steps. First of all, read a text thoroughly in order to understand it. Second, divide the text into lexical units. Third, analyze whether each unit has more basic meaning than its contextual meaning. If each lexical unit has a basic meaning which is different from its contextual meaning, then the unit is metaphorical. During the process, a certain dictionary will be used in order to make sure of the basic meaning of each unit. To simply illustrate how MIP works, let us assume the sentence *Your claims are indefensible* is part of a text. The lexical units in the sentence are *your*, *claims*, *are*, and *indefensible*. It is clear that among these words, *indefensible* means some statement or idea cannot be justified or supported because it is completely unacceptable. However, *indefensible* also has a more basic meaning which is places or buildings cannot be defended if they are attacked according to Collins English Dictionary. Therefore, the lexical unit *indefensible* is metaphorical in sentence and may be analyzed for pragma-semantic purposes.

It can be seen that the word-by-word analysis provides detailed elaboration of each metaphorical expression. It is an "explicit set of steps allowing scholars to pinpoint the locus of their disagreements as to why, or why not, a word is presumed to convey metaphorically meaning in context" [Pragglejazz Group 2007: 13]. Researchers oftentimes identify metaphor according to their own intuitive knowledge and they attempt to determine and define a metaphor with different criteria and theoretical choices. MIP provides "a research tool that is relatively simple to use and flexible for adaption by scholars interested in the metaphorical content of realistic discourse" (Pragglejazz Group, 2007: 2).

Another problem is how to group and interpret metaphors after identifying them. To reiterate, one of the most comprehensive frameworks of analyzing metaphors in political dis-

course was proposed by Jonathan Charteris-Black. In the book *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis* (2004), he proposes a corpus-based methodology called "critical metaphor analysis", which integrates cognitive linguistics, pragmatic approaches to metaphors, critical discourse analysis, and corpus linguistic approaches. Based on his consideration that "metaphor has a number of different roles in language: a semantic role in creating new meanings for words, a cognitive role in developing our understanding on the basis of analogy and a pragmatic role that aims to provide evaluations" [Charteris-Black 2004: 23—24], metaphor can only be explained with the consideration of the interdependency of its three dimensions — semantic, pragmatic, and cognitive. The approach encompasses three stages: metaphor identification, metaphor interpretation and metaphor explanation.

In the identification stage, metaphors can be extracted by close reading of a corpus of thematically related texts and considering the possible relation between a literal source domain and a metaphoric target domain. Then, a relationship between metaphors and the pragmatic and cognitive factors will be established in the second stage. The last stage involves an explanation of the way the metaphors are interrelated in the text or texts, and a consideration of the discourse functions realized by the metaphors (Charteris-Black, 2004). Charteris-Black (2004, 2011) then applied his methodology to analyze speeches by major British and American politicians and provided a detailed procedure of analysis.

Among other purposes, his data may as well serve to compare and contrast the metaphors used, for instance, by successive presidents. Take George H. W. Bush, Bill Clinton, George W. Bush, and Barack Obama. By comparing source domains of the metaphors used by each president, we can work out similarities and differences in metaphor use of these presidents. In the comparison table below the columns show how often each of the presidents used each type of metaphor and the rows show frequency of each of the metaphor source domains. For comparison's sake, we slightly changed the order of succession and put Presidents Bush together.

Table 1

An overview of metaphor types by source domain in George H. W. Bush, Bill Clinton, George W. Bush, and Barack Obama [Charteris-Black, 2011: 344—355]

Source domain	George Bush Senior	George Bush Junior	Bill Clinton	Barack Obama	Total
JOURNEY	29	30	76	85	220
REIFICATION(INCLUDING CREATION AND DESTRUCTION)	52	43	118	115	328
PERSONIFICATION	60	50	9	39	158
LIFE/REBIRTH			68	3	71
FINANCE	3	26		21	50
CONFLICT			7	40	47
SLEEP/DREAM				36	36
LIGHT AND DARKNESS	12	11		12	35
CRIME AND PUNISHMENT	3	21			24
RELIGION AND MORALITY			18	14	22
FIRE			10	10	20
BUILDINGS				18	18
READING				17	17
HEALTH			6	11	17
ANIMALS	2	8		5	15
LANDSCAPE			7	6	13
WATER			5	7	12
WEATHER			6	3	9
OTHER	62	42	29	5	138
TOTAL	223	231	359	447	1260

The first observation to be made is that among all the source domains, some domains are ubiquitous in presidential speeches while others are only used by particular politicians. It can be seen that all the four presidents used the source domains REIFICATION, JOURNEY, and PERSONIFICATION frequently.

The *reification* metaphor is quite a common metaphor which represents abstractions such as mental states and processes as if they were material ones, tangible and concrete. This happens because presidential language may be full of complicated and abstract political ideas or notions and in order to make those accessible to an average audience, it is necessary to make them concrete and tangible. In this paper, the *creation* metaphor and *destruction* metaphor all belongs to the reification metaphor. Usually *reification* metaphor from the domain of creation applies phrases related to building and manufacture while *reification* metaphor from the domain of destruction focuses uses phrases related to damage. Examples of the reification metaphors from the creation domain and the destruction domain used by the four presidents are as follows:

1) From our Revolution to the Civil War, to the Great Depression, to the Civil Rights movement, our people have always mustered the determination to *construct from these crises the pillars* of our history. (Bill Clinton, 20 January 1993)

2) We don't have to *wrest* justice from the kings. (Bush Senior, 20 January 1989)

3) After the *shipwreck* of communism came years of relative quiet, years of repose, years of sabbatical, and then there came a day of fire. (Bush Junior, 20 January 2005)

4) That's why we were able to reform a death penalty system that *was broken*. (Obama, 10 February 2007)

The source domain JOURNEY seems favored by American presidents. Statistically, they use journey metaphor most frequently. *Journey* is a kind of physical movement in which a subject moves towards a certain destination. When American presidents use *journey* metaphor in domestic affairs, they usually conceptualize their country or their people as a traveler who walks down the road along with the president who understandably comes as the guide and leader. Whatever the obstacles, they will deal with them bravely, and eventually achieve the goals set. When journey metaphor is used to talk about foreign affairs, American Presidents tend to emphasize the unparalleled advantages of their journey compared to other choices [Mukhortov 2015a: 177]. It should also be said that frequency of journey metaphor by American presidents has an explanation which is rooted in American immigration history.

1) With a new vision of Government, a new sense of responsibility, a new spirit of community, we will sustain America's *journey*. (Bill Clinton, 20 January 1997)

2) Great nations of the world *are moving toward* democracy through the door to freedom. (Bush Senior, 20 January 1989)

3) Start on this *journey* of progress and justice, and America will *walk* at your side. (Bush Junior, 20 January 2005)

4) This is the journey we continue today. (Obama, 20 January 2009)

The second observation is the individual variations. It can be seen that clearly among the four presidents the two presidents, Bill Clinton and Barack Obama, use metaphor more frequently than Presidents Bush, which make them quite persuasive speakers. Some scholars indicate that there exists a relationship between the rated charisma of American presidents and their frequency of use of metaphors in inaugurals (Jeffery Scott Mio et al., 2005). From this point of view, it can be seen that frequency of metaphor use is one of the factors which contributes to the popularity of presidents in certain communication settings.

From table 1 it can be seen that among the presidents listed Barack Obama used metaphors in high frequency than others and more types of source domains than the others. As far as the frequency of metaphor use is concerned, he uses nearly 10 metaphors every 1000 words (Charteris-Black, 2011: 295). As for metaphor type, he not only used the conventional ones like *journey* metaphor, but also less common source domains such as *reading* metaphor, *sleep/dream* metaphor and *fire* metaphor. The high frequency and diversity of metaphor use shows his creativity of metaphor use and his ability of creating images for audiences.

Take *reading* metaphor for example, Obama related certain situations to books, and bad history as “dark chapter” and to change means to “turn the page”. This metaphor originates from the understanding that history is written in books and therefore arises a concept that HISTORY IS A BOOK. The metaphorical linguistic expressions are as follows:

1) We are shaped by every language and culture, drawn from every end of this Earth; and because we have tested the bitter swill of civil war and segregation, and emerged from that *dark chapter* stronger and more united, we cannot help but believe that the old hatreds shall someday pass. (Obama, 20 January 2009)

2) It's time to *turn the page* on health care. (Obama, 10 February 2007)

3) If you believe America is still that last, best hope of Earth, then it's time to *turn the page*. (Obama, 28 April 2007)

It can be seen from above analysis metaphor use in presidential discourse not only uncovers the influence of same national and cultural background on presidents' linguistic char-

acteristics, but also shows their personal differentiation of rhetoric style. The linguistic characteristics of a president can uncover his speech patterns and reveal his character, his views and his manners of political decision making [Mukhortov, 2015b: 93]. Therefore, reading metaphor in presidential discourse can reveal who these presidents are, or at least what they want to sound like.

To sum up, a combination of conceptual metaphor theory and critical discourse analysis is a useful tool for metaphor researchers in political discourse. The conceptual metaphor theory founded by Lakoff and Johnson mainly focuses on the cognitive aspect of metaphor in which metaphor is a way of thinking. From 1980 and to the present day, researchers have elaborated Lakoff and Johnson's theory and read into it in many other ways. Charteris-Black integrated cognitive semantics of metaphor and traditional view of metaphor in which metaphor is treated as a linguistic device and a way of argumentation and style. The integration way of researching metaphor in presidential discourse not only may figure out thinking patterns of some presidents, but also figure out what they mean pragmatically when metaphors are used in a particular context. Furthermore, the corpus-based methodology also gives empirical support to metaphor research and maintains validity.

ЛИТЕРАТУРА

1. Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004.
2. Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor. — London : Palgrave Macmillan, 2011.
3. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1980.
4. Lakoff G. Moral Politics, How Liberals and Conservatives Think. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1996.
5. Mio Jeffery Scott, Ronald E. Riggio, Shana Levin, Renford Reese. Presidential Leadership and Charisma: The Effects of Metaphor // The Leadership Quarterly. 2005. № 16. P. 287—294.
6. Musolff A., Schaeffner C., Townson M. (eds). Conceiving of Europe, Diversity in Unity. — Aldershot : Dartmouth, 1996.
7. Musolff A. Metaphor and Political Discourse, Analogical Reasoning in Debates about Europe. — London : Palgrave-Macmillan, 2004.
8. Мухортов Д. С. Метафора во внешнеполитическом дискурсе как проявление общности идеологических установок англо-саксонских политиков (на материале выступлений Б. Обамы, Д. Кэмерона, Т. Эбботта и С. Харпера в 2014—2015 гг.) // Политическая лингвистика : проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (27 нояб. 2015 г.) / Урал. гос. пед. ун-т ; гл. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург, 2015. С. 175—182.
9. Мухортов Д. С. Практика когнитивно-дискурсивного анализа языковой личности политика (опыт прочтения публичных выступлений Билла Клинтона) // Коммуникативные исследования. 2015. № 2 (4). С. 86—95.
10. Pragglejaz Group. MIP: A Method for identifying metaphorically used words in discourse // Metaphor and Symbol. 2007. № 22 (1). P. 1—39.

Zi Xiaoxiao
Moscow, Russia

INSIGHTS INTO METAPHOR USE IN AMERICAN PRESIDENTIAL DISCOURSE

ABSTRACT. *The paper seeks to analyze the conceptual metaphors occurred in the presidential speeches of four US Presidents, George Bush, Bill Clinton, George W. Bush, and Barack Obama, and to discuss recurrent patterns of metaphor use in the presidential rhetoric. The paper applies J. Charteris-Black's "critical metaphor analysis" so as to show how conceptual metaphor in presidential inaugurals can help the presidents simplify complicated political events, draw comprehensible images, and, hence, manipulate the mass consciousness. Based on Black's data of source domains occurred in every president's speech, the paper makes a comparison and contrast of metaphor use by the four presidents. The comparison shows that at first among all the source domains REIFICATION, JOURNEY, and PERSONIFICATION are ubiquitous in presidential speeches. Secondly, among the four presidents Bill Clinton and Barack Obama use metaphor more frequent than the others. The frequency of metaphor use also contributes to the popularity of presidents in certain communication settings.*

KEYWORDS: *conceptual metaphor; presidential discourse; US Presidents; critical metaphor analysis.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zi Xiaoxiao, Post-graduate Student, Department of English Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

REFERENCES

1. Charteris-Black, J. (2004) *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
2. Charteris-Black, J. (2011) *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor*. London, Palgrave Macmillan.
3. Lakoff, G. and Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
4. Lakoff, G. (1996) *Moral Politics, How Liberals and Conservatives Think*. Chicago: University of Chicago Press.
5. Mio, Jeffery Scott, Ronald E. Riggio, Shana Levin, and Renford Reese. (2005) 'Presidential Leadership and Charisma: The Effects of Metaphor', *The Leadership Quarterly* 16: 287-294.
6. Musolff, A. Schaeffner, C. Townson, M. (eds) (1996) *Conceiving of Europe, Diversity in Unity*. Aldershot: Dartmouth.
7. Musolff, A. (2004) *Metaphor and Political Discourse, Analogical Reasoning in Debates about Europe*. London: Palgrave-Macmillan.
8. Mukhortov D. S. *Metafora vo vneshnepoliticheskom diskurse kak proyavleniye obshchnosti ideologicheskikh ustanovok anglo-saksonskikh politikov (na materiale vystupleniy B. Obamy, D. Kemerona, T. Ebbotta i S. Kharpera v 2014-2015 gg.)* // *Politicheskaya lingvistika*. 2015. № 427. С. 175-182.
9. Mukhortov D. S. *Praktika kognitivno-diskursivnogo analiza yazykovoy lichnosti politika (opyt prochteniya publichnykh vystupleniy Billa Klinton)* // *Kommunikativnye issledovaniya*. 2015. № 2 (4). S. 86—95.
10. Praggeljaz Group, 2007, *MIP: A Method for identifying metaphorically used words in discourse*. *Metaphor and Symbol* 22(1): 1-39.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Д. С. Мухортов.

М. Эдельман
США

Перевод с английского И. С. Пирожковой, С. М. Полякова

КАТЕГОРИЗАЦИЯ, ВОСПРИЯТИЕ И ПОЛИТИКА

АННОТАЦИЯ. Перевод главы из книги «Политический язык: успех слова и провал политики» («Political Language: Words that succeed and policies that fail», 1977). Рассматривается важность для политического дискурса категоризации. Ведущая роль категоризации обусловлена взаимосвязью языка и мышления: слово соотносится с передаваемой им мыслью, а не является средством выражения заранее сформированной мысли. В процессе говорения или письма люди создают в своем сознании мысли, которых они не имели до того, как высказали их; при реагировании на слова собеседника слушающий или читающий подобным же образом порождает в своем сознании представления и тем самым осуществляет коммуникацию. Политические и идеологические дебаты в основном состоят из попыток добиться принятия определенной категоризации проблемы в борьбе конкурирующих направлений. Наиболее значимыми в политике видами категоризации являются представления о будущем. В свете этих представлений рассматриваются различные аспекты и приемы политического дискурса: языковое структурирование социальных проблем, ссылка на мифические общности как референтные группы, категоризация врагов, языковая реконструкция фактов в таком ключе, чтобы они соответствовали общим убеждениям о том, что должно произойти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; языковая категоризация; образ врага; социальный консенсус; метафорика; стереотип мышления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мюррей Эдельман (1919—2001), магистр исторических наук (1942), доктор политических наук. Работал в Иллинойском университете (с 1948 г.), в Висконсинском университете в Мадисоне (с 1966 г.), с 1990 г. официально не работал.

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ: Пирожкова Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: irene22@live.ru.

Поляков Сергей Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Шадринский государственный педагогический университет; 641800, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3; e-mail: sepol@list.ru.

Восприятие предполагает категоризацию (частично глава представляет собой доработанные выдержки из статьи: [Edelman 1975]). Для того чтобы отнести объект к одному классу вещей, а не к другому, необходимо определить основные характеристики этого объекта и сформировать предположения о вещах, которые невидимы глазу. Для создания образа «созработника» необходимо выделить его главные отличительные особенности, предположить наличие некоторых других черт и пренебречь второстепенными характеристиками, которые не являются специфическими для роли созработника, хотя он может ими и обладать. Языковая категоризация в значительной мере затрагивает политическую сферу каждого человека, поскольку большая часть деятельности политиков остается вне поля зрения общественности и профессиональных журналистов и поскольку категоризация придает значение как наблюдаемым фактам, так и предполагаемым умозаключениям.

Другое свойство наблюдателя политического процесса усиливает этот эффект. По определению, действия такого человека не имеют заметных последствий. Для наблюдателя важна не информация о достигнутых политических действиями результатах; для него важно, насколько эффективны его собственные представления о возможном снижении

тревоги и пробуждении надежд. Его роль в политическом процессе определяется не личным участием, а вербальной категоризацией.

Последние работы по феноменологии по-новому оценивают потенциальные возможности языка, особенно в двусмысленных ситуациях. Морис Мерло-Понти отмечает, что игра актера в роли короля Лира характеризует для зрителей Лира, а не самого актера; подобным же образом слово соотносится с передаваемой им мыслью, а не является средством выражения заранее сформированной мысли. В процессе говорения или письма люди создают в своем сознании мысли, которых они не имели до того, как высказали их; при реагировании на слова собеседника слушающий или читающий подобным же образом порождает в своем сознании представления и тем самым осуществляет коммуникацию.

Мысль и ее выражение... формируются одновременно... Сказанное слово сравнимо с естественным жестом и выражает свое значение точно так же, как и жест. Именно этот факт позволяет осуществлять коммуникацию [Merleau-Ponty 1962: 183].

Ведущая роль языка в абстрактном мышлении и восприятии ситуаций, включающих объекты, недоступные непосредственному наблюдению с помощью зрения, также подтверждается наблюдением над поведением людей, страдающих афазией.

Перевод выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

© Эдельман М., 1977

© Пирожкова И. С., Поляков С. М., перевод на русский язык, 2016
244

Афазия — это утрата способности выражать мысли, которая является следствием повреждения мозга. Страдающие афазией люди не способны создавать представления о возможных ситуациях, которые не существуют на самом деле; они также не смогут сгруппировать объекты по цвету или другим общим признакам, если их попросить сделать это. Только через название ситуаций или свойств, посредством которых они создаются, передаются или воспринимаются, и только благодаря тому, что название также предполагает категоризацию и абстрагирование (к чему люди, страдающие афазией, неспособны), актеры и зрители на политической сцене создают образы, которые либо ненаблюдаемы, либо вообще не существуют.

Рассмотрим пример, который поясняет, насколько глубоко категоризация формирует как видимые, так и невидимые образы в политической сфере. В любой психиатрической больнице есть пациенты с диагнозом «параноидальная шизофрения», которые считают, что они смогли бы спасти мир, если бы только люди прислушались к их советам. Знающие о том, что категоризация таких людей носит параноидально-шизофренический характер, естественно чувствуют иррациональность таких пациентов. Однако большая доля населения, особенно среди тех, кто занимает высокую должность или стремится к ней, и значительное количество людей, принадлежащих к определенной идеологии, также полагают, что они смогли бы спасти мир, если бы только люди прислушались к их советам. Судя по результатам их деятельности, зарегистрированным в истории, они так же могут быть правы или ошибаться, как и «шизофреники». Большинство населения воспринимает их некомпетентными, если врачи признают их больными; но если они занимают высокие политические должности, то все считают их компетентность выше среднего уровня.

В документах Пентагона говорится, что умные, высокообразованные и опытные политики администраций Кеннеди и Джонсона были убеждены в том, что интервенция во Вьетнам остановит распространение «мирового коммунизма» посредством войны, в которой будет одержана быстрая победа при малых затратах, и что они продолжали верить в это в течение нескольких лет, даже получая опровергающие это предположение данные. Такая практика является примером такой реконструкции реальности, к которой вряд ли пришли бы даже психически больные люди. Тысячи подобных примеров можно найти в политической истории мира.

Политические и идеологические дебаты в основном состоят из попыток добиться принятия определенной категоризации проблемы в борьбе конкурирующих направлений; но в связи с тем, что участники склонны считать дебаты спорами о фактах или индивидуальных свойствах, языковая (т. е. социальная) сущность восприятия обычно не замечается. Авторитетный статус источника категоризации создает благоприятные условия для принятия определения проблемы колеблющейся публикой, которую призывают отреагировать на двусмысленную ситуацию.

Что касается политических убеждений, то наиболее значимыми видами категоризации являются представления о будущем. Типизация нового лидера сильного государства-конкурента как симпатичного и миролюбивого человека создает представление о будущем как времени разрядки и сотрудничества в отношениях между двумя странами. Характеристика бедняков как некомпетентных или как людей, размножающихся гораздо быстрее представителей среднего класса, возможно, с помощью метафорического образа охлократии (власти толпы), создает картину будущего, в котором недостойные люди управляют праведниками. Такие представления сосуществуют с противоположными идеями и восприятиями. Так, человек, обеспокоенный высоким уровнем рождаемости бедняков, в некоторых ситуациях положительно оценивает их вклад в национальную культуру или их роль в обеспечении необходимых человеческих ресурсов для промышленности и армии. Для политика такие проблемные и двусмысленные категоризации представляют вызов и возможность продвинуться вверх. Для широкой публики они являются источником постоянной тревоги или надежды.

Однако такие представления редко бывают оригинальными. Они, по сути, являются примером того, что Альфред Шюц называет «сокровищницей готовых заранее построенных типов и характеристик, имеющих социальное происхождение и несущих огромный объем изученного содержания» [Schütz 1953: 10]. Как примеры типизации, они концентрируются на общих признаках и свойствах ситуаций, проблем, событий или людей, но они не учитывают их уникальных характеристик. Мышление в основном предстает именно в таком виде, так как обращение внимания на специальные характеристики каждой ситуации явно потребует от человека больше времени, энергии и умения, чем у него имеется. Следствием непроизвольно формирующейся типизации является то, что политические убеждения усили-

вают тот или иной ранее установленный социальный консенсус. Они вряд ли способны учитывать уникальные и важные свойства проблемы, хотя именно эти свойства создают условия для ее эффективного решения. Общие характеристики, тем не менее, оправдывают общие цели.

Языковое структурирование социальных проблем

Рассмотрим скрытый политический смысл обычного способа называния и классификации самых общих социальных «проблем»: бедности, преступности, психических заболеваний, профессиональных болезней, наркомании и низкой образованности. Мы формируем специальные министерства для работы с этими на первый взгляд ясно очерченными проблемами (например, министерство социального обеспечения, министерство юстиции, образования, здравоохранения и т. д.) и подбираем людей, специально обученных выделять специфический набор симптомов и определять характерные причины для каждого из них. Такая классификация пробуждает понятия и чувственные образы, которые мы обычно принимаем как само собой разумеющееся, потому что они неуловимо подсказываются терминами, их обозначающими. Такая схема классификации основана прежде всего на том, что эти проблемы отличаются друг от друга как своими причинами, так и симптомами.

Многие исследователи полагают, что такой подход является упрощенным и искажает истинное положение дел, поскольку он представляет все эти проблемы как вытекающие из деятельности экономических институтов. Если бы экономические институты функционировали в условиях отсутствия безработицы, низкооплачиваемой работы, униженного труда или неудовлетворительных программ пенсионного обеспечения и здравоохранения, то не было бы и бедности. В таком случае является ли бедность проблемой политики «соцобеспечения» или проблемой экономических институтов? Таким образом, существует две противоречивых точки зрения; ученые, принимающие за основу исследования второго направления, считают, что обвинение политики соцобеспечения в бедности населения представляет собой подмену причины проблемы ее симптомами.

Изучение текста недавно опубликованного отчета «Работа в Америке» обнаруживает, что для взрослого человека работа занимает центральное место в жизни и имеет большое значение для самовосприятия и самооценки; однако это же исследование

показывает, что многие работники разных профессиональных уровней считают свою работу такой отупляющей и унижительной, что она приводит к физическим заболеваниям, эмоциональному расстройству и злоупотреблению наркотиками [U. S. Department... 1972]. Это и многие другие исследования показывают, что рассматриваемые отдельно различные социальные «проблемы» являются в значительной степени симптомами одной и той же проблемы: проблемы экономической системы, которая предоставляет мало рабочих мест, обеспечивает недостаточный уровень доходов и безопасности и дает слишком мало возможностей для самореализации.

Термины типа «психическое заболевание», «преступник» и «злоупотребление наркотиками» концентрируют внимание на предполагаемой слабости и патологии индивида и отвлекают внимание от окружающей его патологической социальной и экономической среды — это представление о причинности явления, которое в лучшем случае лишь частично соответствует действительности и поэтому вряд ли может быть взято за основу государственной политики. Как следствие, мы содержим тюрьмы, которые способствуют закреплению преступления как образа жизни для многих содержащихся в них заключенных, психические больницы, утверждающие «психические заболевания» как образ жизни для своих пациентов, и наблюдаем высокий уровень рецидива всех этих «проблем». Но слова, с помощью которых мы называем этих людей, продолжают тонко, но убедительно удерживать внимание властей, профессионалов и общественности на надежде на реабилитацию индивида и отвлекают внимание от тех результатов установившейся практики, которые ухудшают положение дел.

Общепринятые названия социальных проблем вызывают другие неоднозначные понятия и чувственные образы. Ярлык «соцобеспечение» для многих значит, что проблема заключается в пособии по безработице, которое поощряет лень. Это широко распространенное мнение о причине бедности еще больше утверждается с помощью других политических терминов, таких как «Положение о пособиях», широко освещаемое в Поправках к закону о социальной защите 1967 и 1971 гг. Наш язык создает образ сотен тысяч получателей социальных пособий, отказывающихся от огромного набора рабочих мест, в то время как соответствующее исследование показывает (1), что только небольшой процент получателей пособий физически способен работать, и даже они

обычно не могут найти работу при уровне безработицы в лучшем случае 5—8 % и гораздо выше в районах, где получатели имеют наибольшую концентрацию; и (2) что социальные пособия не снижают эффективность мотивации к работе [Goodwin 1972; U. S. Department... 1973].

Кроме того, что государственная политика и риторика могут сформировать ложные представления о причинах и природе этих проблем, они также могут создать условия, при которых эти проблемы не получают максимально эффективного разрешения. Вместе с увеличением расходов, расширением бюрократического аппарата и ростом количества профессионалов, занимающихся проблемами преступности, соцобеспечения, эмоциональных расстройств и заболеваний, продолжает расти и количество страдающих от них людей (подробнее см.: [Alford 1975]). Вопросы реабилитации и разумного решения этих проблем часто поднимаются в риторике. Такая повседневная языковая практика и мифы, которые она поддерживает, позволяют нам жить среди людей со всеми нашими проблемами; они также гарантируют, что понимание угроз и попыток их предупреждения будет всегда поддерживать социальную напряженность, беспокойство и постоянную восприимчивость к вербальным намекам, которые позволяют легализовать государственную политику вне зависимости от ее эффективности.

Преобладающее количество категоризаций этих проблем создает гораздо более сложные когнитивные структуры, чем те, о которых мы уже говорили в этой главе. Они убеждают, что недостатки бедных и непослушание подростков могут быть исправлены и что гарантируемые правительством и профессионалами вознаграждения, наказания и лечение изменят их в лучшую сторону; но такая схема классификации вместе с тем определяет экономические институты в качестве неизменных элементов, которые не могут рассматриваться в качестве источника проблем. Подобным же образом название проблемы влияет на формирование мнения о том, какие условия государственная политика может изменить, а какие находятся вне зоны ее влияния.

Другой аспект этой когнитивной структуры касается социального статуса людей. Когда мы называем проблему и отводим ей место в классификации, мы подсознательно определяем статус и роли входящих в нее людей, включая их самовосприятие. Если за проблемой стоит экономическая система, которая оказывает недостаточную финансовую и психологическую поддержку, то работающие бедняки и безработные считаются

жертвами; но если проблема возникает по причине личной патологии, то они считаются лентяями или профессионально непригодными людьми. Представители экономической элиты могут классифицироваться как удачливые или как бессовестные либо как изобретательные и трудолюбивые люди. Те члены общества, которые отказываются играть общепринятые роли, могут быть представлены как независимые, высоко моральные или защищающие себя люди либо как психически больные, аморальные личности; и т. д. Характер номинации проблемы определяет альтернативные сценарии, включающие различные факты, оценки и эмоции. Самовосприятие проблем отдельными людьми, которое является частью этих противоречивых когнитивных структур, объясняет упорство и страсть, с которой люди держатся за них и относят все перемены на счет той или иной структуры; так происходит потому, что выбор личных убеждений имеет далеко идущие последствия для индивида: они определяют его роль и статус, возможности и ответственность, идеологию и конечный успех для каждого.

Никакая структура политических представлений не может существовать без поддержки людей, которая укрепляет общепринятое убеждение. Ни один человек не может считаться успешным или проблемным, ни одна проблема не может рассматриваться как отчетливо определенная или достаточно важная, если другие люди не будут считать их таковыми. Поэтому авторитет и статус государственных деятелей, политиков и социальных работников зависят от публичного принятия их оценки положения вещей и определения проблемы. Незащищенность власти и ее потребность в публичной поддержке находятся в соответствии с обеспокоенностью общественности проблемами, которые, по уверениям властей, они в состоянии решить.

Ссылки на мифические общности как референтные группы

Возможно, основным инструментом влияния на политическое мнение является создание убеждений о проблемах, намерениях или моральных качествах людей, само существование которых весьма проблематично, но которые выступают в качестве эталона, с помощью которого реально существующие люди формируют свои политические убеждения и представления.

Иногда такие формулировки являются в основном правильными. Когда Франклин Рузвельт во время Великой депрессии заявил, что «треть населения плохо питается, одевается и имеет плохое жилье», он явно

использовал риторический прием для того, чтобы получить финансовые средства для поддержки своей политики; но его утверждение о положении значительной части американского народа не воспринималось как преувеличение и не подвергалось сомнению.

Заявления политиков о положении «невидимых» людей либо не могут быть проверены, либо явно не соответствуют действительности. Когда Ричард Никсон в ответ на широкий публичный протест против войны во Вьетнаме сослался на «молчаливое большинство», поддерживающее его агрессивную военную политику, то его заявление прозвучало двусмысленно в свете соответствующего исследования [Mueller 1971]. Задачей такого заявления было создание у людей впечатления, что существует некая референтная группа, которая отличается от явно видимой и немолчаливой группы и включает в себя большое количество людей, которые не могут определить свое отношение к войне. Для такой цели идеально подходит «большинство», которое невидимо, потому что оно «молчаливо». Для каждого, кто ищет предлог для поддержки президента и войны, «молчаливое большинство» выполняет свою роль, даже если оно не существует в реальности.

Заинтересованные люди, зависимые от двусмысленных и противоречивых подсказок, могут выбрать такое публичное послание, которое соответствует их экономическим или идеологическим интересам. Поэтому группы, пытающиеся заручиться поддержкой своей позиции, получают выгоду, делая политические заявления, которые оправдывают позиции своих потенциальных сторонников. Факты, связанные с противоречивыми политическими явлениями, обычно настолько сложны и запутаны, что можно легко подобрать заявления, которые выполняют эту оправдательную функцию и в то же время не выглядят явно ложными. Эти заявления могут быть откровенной ложью и иногда такими и являются; часто они представляют собой интерпретации, которые публика распознала бы как двусмысленные, если бы знала достаточно много об их реальной сущности; иногда они соответствуют действительности. Однако со стороны воздействия на политические взгляды их проверяемость менее важна, чем их доступность, учитывая их роль в создании тревоги в душе многих и двусмысленности во всех областях, где формируется противоречивая политика.

Статистика создает свои мифические референтные группы, часто делая это незаметно для общественности. Почему для действующей администрации важно, чтобы месячные статистические данные по безра-

ботице показали снижение ее уровня, а для политической оппозиции выгодно, чтобы они зарегистрировали повышение уровня безработицы? Люди страдают от безработицы независимо от того, какую общую тенденцию показывает государственная статистика, и их собственный опыт имеет гораздо большее значение для формирования их убеждений, чувств и политического поведения, чем новости об экономических тенденциях. Дело в том, что статистика действительно является главным показателем для большинства людей, которые напрямую не затронуты безработицей. Обеспокоенность о сохранности своего рабочего места и работы своих друзей и родственников распространена широко; поэтому представление о надежности правящей администрации касается многих. И в этом случае достоверность такого представления достаточно ненадежна, так как официальная статистика регулярно занижает уровень безработицы, игнорируя неполное трудоустройство и не учитывая как безработных тех людей, которые настолько разочаровались в успехе поиска работы, что перестали ее искать вообще; и наконец, официальная пропаганда всегда переоценивает роль правительства в случаях, когда условия на рынке труда улучшаются без его участия. Статистические данные выполняют свою задачу независимо от того, искажают они действительность или нет, и они выполняют эту задачу весьма успешно, так как представляются как «достоверные данные». Эти данные вызывают впечатление, что количество безработного населения увеличивается или уменьшается в размере, что конкретный месячный рост является временным отклонением или частью долгосрочной тенденции. Поэтому они порождают публичную поддержку или недоверие среди людей, которые озабочены состоянием экономики и своим собственным будущим.

Подобным же образом статистические данные в других областях порождают фиктивные группы и базы. Снижение темпов роста зарегистрированной преступности убеждает заинтересованных людей в том, что правительство восстанавливает право и порядок; однако такое снижение статистических показателей обычно зависит от метода их компьютерной обработки (одинаковое увеличение количества преступлений каждый год с очевидностью демонстрирует заметное снижение темпов роста) или от того, насколько достоверно правоохранительные органы регистрируют преступления.

Статистика так умело используется для формирования политической поддержки или оппозиции, что иногда правительства публи-

куют статистические данные, которые мало относятся к вызывающей обеспокоенность проблеме или вообще не имеют с ней ничего общего по причине того, что нужная статистика просто отсутствует или подтверждает нежелательные тенденции. Например, если война в Юго-Восточной Азии принимает катастрофический ход, минимальная общественная поддержка может быть все равно завоевана путем распространения сведений о потерях врага, в которых сообщается, что каждую неделю или месяц погибает в десять раз больше солдат вражеской армии, чем американских военнослужащих. Как видимые и легко понятные «достоверные данные» статистические результаты маскируют как свою неспособность ответить на вопрос, кто выигрывает войну, так и фальсификацию сведений армейскими командирами, чье продвижение по службе зависит от сообщений о значительных потерях живой силы противника. Это экстремальный пример, но по этой самой причине он является яркой иллюстрацией возможности создания убедительных эталонов для заинтересованных людей, которые хотят найти предлог для того, чтобы поверить в то, что послужит на руку их интересам или идеологическим склонностям.

Неприметные или имплицитные ссылки могут создать впечатление, что государственная политика помогает нуждающимся даже в том случае, когда она осуществляется в пользу обеспеченных людей. В течение по крайней мере четырех десятилетий американское законодательство, имея целью помощь «семейному фермерству», передало миллионы долларов налогоплательщиков корпоративным фермерским хозяйствам, тем самым помогая вытеснить семейного фермера в город. Сочетание сочувствия мелкому фермеру и желания доверить разработку политики тем, кто знает, как обращаться с проблемами, наделяет повседневное слово способностью порождать полити-

чески значимые представления, независимо от того, являются ли они обоснованными или нет.

Иногда идеологический призыв символа сильнее наблюдаемых условий повседневной жизни людей. В одном из исследований говорится, например, что одни получатели пособий почти всегда по отношению к другим получателям пособий употребляют местоимение «они», а не «мы»; и что большинство людей, получающих социальные пособия, поддерживает ночные обыски домов других получателей и их обязательное бюджетное консультирование [Piven, Cloward 1971]. Эти люди легко игнорируют свой собственный опыт и концентрируют внимание на мифической группе социальных паразитов, созданной языком их политических противников.

Такие символические приемы не всемогущи. Люди часто сопротивляются им, когда они противоречат самоочевидным или осознанным интересам; многие явно не проявляют такого сопротивления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Alford Robert. Health Care Politics. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1975.
2. Edelman M. Language and Social Problems // Society. 1975. № 12 (July—Aug.). P. 14—21. © 1975 Transaction, Inc.
3. Goodwin Leonard. Do the Poor Want to Work? — Washington, D.C. : The Brookings Institution, 1972.
4. Merleau-Ponty Maurice. Phenomenology of Perception. — London : Routledge and Kegan Paul, 1962.
5. Mueller John E. Trends in Popular Support for the Wars in Korea and Vietnam // American Political Science Review. 1971. № 65, June. P. 358—375.
6. Piven Frances F., Cloward Richard A. Regulating the Poor. — New York : Vintage, 1971.
7. Schütz Alfred. Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action // Philosophy and Phenomenological Research. 1953. № 14, Sept.
8. U. S. Department of Health, Education and Welfare. Work in America. — Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1972.
9. U. S. Department of Health, Education, and Welfare. Report of the New Jersey Graduated Work Incentive Experiment. — Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1973.

M. Edelman
USA

CATEGORIZATION, PERCEPTION, AND POLITICS

ABSTRACT. *This is a translation of a chapter from the book "Political Language: Words that succeed and policies that fail" by Murray Jacob Edelman, published in 1977. The chapter studies the importance of categorization for political discourse. The leading role of categorization is substantiated by close relationship between language and thought: a term is the thought it evokes, not a tool for expressing a preexisting thought. In the act of speaking or writing, people create ideas in themselves of which they were not aware before they were expressed; and in responding to others' language, auditors and readers similarly engender cognitions in themselves, thereby communicating. Political and ideological debate consists very largely of efforts to win acceptance of a particular categorization of an issue in the face of competing efforts in behalf of a different one. The most potent categorizations almost certainly are visions of the future. The author studies various aspects and means of political discourse in the light of these assumptions: the linguistic structuring of social problems, the evocation of mythical populations as reference groups, the categorization of enemies, the linguistic generation of assumptions, that are uncritically and unconsciously taken for granted.*

KEYWORDS: *political discourse; linguistic categorization; образ врага; social consensus; metaphor; stereotypes of thinking.*

ABOUT THE AUTHOR: *Edelman Murray Jacob (1919—2001), master's degree in history (1942, University of Chicago), Ph. D. in Political Science (University of Illinois, 1948). University of Illinois (since 1948), University of Wisconsin — Madison (since 1966), retired in 1990.*

ABOUT THE TRANSLATORS: *Pirozhkova Irina Sergeevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*
Polyakov Sergey Mikhaylovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Alford Robert. Health Care Politics. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1975.
2. Edelman M. Language and Social Problems // Society. 1975. № 12 (July—Aug.). P. 14—21. © 1975 Transaction, Inc.
3. Goodwin Leonard. Do the Poor Want to Work? — Washington, D.C. : The Brookings Institution, 1972.
4. Merleau-Ponty Maurice. Phenomenology of Perception. — London : Routledge and Kegan Paul, 1962.
5. Mueller John E. Trends in Popular Support for the Wars in Korea and Vietnam // American Political Science Review. 1971. № 65, June. P. 358—375.
6. Piven Frances F., Cloward Richard A. Regulating the Poor. — New York : Vintage, 1971.
7. Schütz Alfred. Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action // Philosophy and Phenomenological Research. 1953. № 14, Sept.
8. U. S. Department of Health, Education and Welfare. Work in America. — Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1972.
9. U. S. Department of Health, Education, and Welfare. Report of the New Jersey Graduated Work Incentive Experiment. — Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1973.

РАЗДЕЛ 6. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'42:81'38
ББК Ш105.51+Ш105.551.5

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

М. Р. Бабикова, А. П. Чудинов
Екатеринбург, Россия

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ВЕРБАЛЬНОЙ И ИКОНИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПЕЧАТНЫХ СМИ

АННОТАЦИЯ. Публикация представляет собой рецензию на монографию Л. А. Мардиевой «Социокультурная реальность и ее интерпретация в медиатекстах. Опыт интегративного исследования». Предлагается оригинальный и перспективный вариант методики лингвистического исследования и описания воспринимаемой органами чувств реальности, с одной стороны, при помощи вербальных знаков, а с другой — при помощи иконических знаков. Эта методика может быть положена в основу исследования иных сфер, в том числе межъязыкового сопоставления. В монографии существенно пополняется и уточняется понятийно-терминологический аппарат медиалингвистики, теоретически обосновано новое направление функциональной медиалингвистики, которое автор определяет то как стилистику поликодовых текстов, то как функциональную стилистику (медиастилистику) семиотически осложненных текстов. Практическая значимость рецензируемого исследования определяется возможностью использования его результатов на занятиях в вузах, при создании учебных пособий для будущих преподавателей русского языка, специалистов по рекламе и теории коммуникации. Материалы исследования найдут применение в практике судебной лингвистической экспертизы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: репрезентация знаний; вербальная репрезентация; иконическая репрезентация; прецедентность; невербальные прецедентные феномены; прецедентные визуальные образы; невербальная коммуникация; медиастилистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Бабикова Марина Рашитовна, аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург); адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: marina-anvarova@yandex.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Чудинов, Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации проректор по научной и инновационной деятельности, заведующий кафедрой. 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, оф.219, e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

XXI столетие внесло существенные изменения во многие сферы деятельности человека, изменив и способ восприятия окружающей действительности. Перемены характеризуют и лингвистику. Сегодня сообщение может сводиться лишь к визуальному компоненту и быть при этом более эмоционально наполненным, чем если бы та же информация была выражена вербально. Подобные явления требуют тщательного изучения со стороны лингвистов.

Монография, рецензируемая авторами, посвящена одному из важных вопросов кодирования человеческой реальности в моно- и поликодовых медиатекстах.

В науке существует большое количество работ, предметом которых являются визуальные средства хранения и передачи информации, а также семиотически осложненные тексты. Л. А. Мардиева раскрывает еще один немаловажный аспект данного вопроса: детально охарактеризовав прецедентные визуальные образы.

Как известно, в отечественной науке в соответствии с концепцией Ю. Н. Караулова и его последователей традиционно выделяют четыре группы прецедентных феноменов: это прецедентные имена, высказывания, ситуации и тексты; значительно реже рассматривают прецедентные поля, прецедентные миры, прецедентные атрибуты, прецедентные даты. В рассматриваемом

исследовании Л. А. Мардиева существенно дополнила существовавшие представления о видах прецедентных феноменов, выделив принципиально новый разряд — прецедентные визуальные образы, в том числе прецедентные жесты и прецедентные культурные знаки.

Материалы медиакоммуникации все больше и больше привлекают внимание специалистов (и общества в целом) [Клушина 2003; Сметанина 2002; Чернышова 2007; Чернявская 2013 и др.], но по-прежнему нуждаются в глубоком многоаспектном постижении с использованием современных подходов. Исследование Л. А. Мардиевой посвящено взаимосвязи и взаимодействию языковой и иконической репрезентации реальности в российских печатных СМИ. Эти проблемы уже неоднократно привлекали внимание специалистов [Садуов 2013; Сорokin, Тарасов 1990; Ворошилова 2013 и др.], но автор сумел рассмотреть соответствующий материал в оригинальном ракурсе, сосредоточив свое внимание на вербальной и иконической репрезентации образов визуального поведения в его вербальной и иконической репрезентации современными СМИ.

Монография отличается социальной актуальностью проблематики: те или иные претензии к практике печатных и иных СМИ высказываются в нашей стране уже много сто-

летий, и, возможно, новые научные исследования в этой сфере, с одной стороны, помогут лучше понять специфику медиатекстов, а с другой — позволят выявить те свойства, которые хотя и вызывают раздражение, но неизбежны в соответствующей сфере.

На основе глубокого рассмотрения трудов предшественников высказаны идеи и положения, существенно расширяющие традиционные представления о соотношении слова и изображения в медийном тексте. Автор предлагает оригинальный и перспективный вариант методики лингвистического исследования и описания воспринимаемой органами чувств реальности, с одной стороны, при помощи вербальных знаков, а с другой — при помощи иконических знаков. Эта методика может быть положена в основу для исследования иных сфер, в том числе для межъязыкового сопоставления.

В монографии существенно пополняется и уточняется понятийно-терминологический аппарат науки о СМИ, теоретически обосновано новое направление функциональной медиалингвистики, которое автор определяет то как стилистику поликодовых текстов, то как функциональную стилистику (медиастилистику) семиотически осложненных текстов. В научный оборот введены новые материалы и предложены нетрадиционные пути для исследования проблем медиалингвистики.

В заключительной главе детально охарактеризованы прецедентные визуальные образы. Как известно, в отечественной науке в соответствии с концепцией Ю. Н. Караулова и его последователей традиционно выделяют четыре группы прецедентных феноменов: это прецедентные имена, высказывания, ситуации и тексты [Караулов 1987; Гудков, Красных, Захаренко, Багаева 1997; Гудков 1999 и др.], значительно реже рассматривают прецедентные поля, прецедентные миры, прецедентные атрибуты, прецедентные даты [Лавриненко 2007; Нахимова 2011, Нахимова 2008; Садуов 2013; Слышкин 2000 и др.]. В рассматриваемом исследовании Л. А. Мардиева существенно дополнена существовавшие представления о видах прецедентных феноменов, выделив принципиально новый разряд — прецедентные визуальные образы, в том числе прецедентные жесты и прецедентные культурные знаки.

Интересным в данном аспекте стало выделение таких визуальных прецедентов, как *открытка* и *фотография*. Автор монографии справедливо говорит об условности их прецедентности. Прецедентность возможна лишь в том случае, если речь идет об открытках из прошлого и фотографиях, также

фиксирующих события прошлых лет или прецедентное имя. Конечно, ни один из указанных феноменов в полной мере не отвечает требованиям прецедентности, но автор монографии приводит весомый довод в пользу отнесенности последних к числу прецедентных: значимость в эмоциональном отношении, хотя, если автор отмечает именно открытки прошлых лет, все-таки считаем этот момент спорным, так как вряд ли на молодежь изображение с такой открытки произведет впечатление.

Подлинным украшением монографии стал параграф, посвященный прецедентному предметному знаку «тюбетейка», который предстает в виде взаимосвязанных смысловых вариантов: тюбетейка в различных контекстах — это и «головной убор татар», и «головной убор мусульман», и «праздничный головной убор», и головной убор как своего рода символ Татарстана. Можно было бы отметить также, что названные смысловые варианты в полной мере воспринимаются лишь в некоторых регионах России.

Практическая значимость рецензируемого исследования определяется возможностью использования его результатов на занятиях в вузах, при создании учебных пособий для будущих преподавателей русского языка, специалистов по рекламе и теории коммуникации. В конечном счете идеи автора, материалы его работы могут способствовать более глубокому пониманию медийных текстов, включающих те или иные визуальные образы. Материалы исследования найдут применение в практике судебной лингвистической экспертизы, поскольку юристы и эксперты до настоящего времени нередко скептически относятся к семиотическому анализу визуальных метафор и не воспринимают такой анализ как достаточно веский аргумент. Все это свидетельствует о том, что представленные в данной монографии факты, положения и выводы требуют расширенного использования в указанных выше областях. В представленном исследовании автор получил научные результаты, которые необходимо будет учитывать едва ли не при любом обращении к теории и практике исследования взаимодействия вербальных и иконических образов в медийных текстах.

При рассмотрении столь значительного научного исследования закономерно возникает желание обратиться и к дискуссионным вопросам: не со всеми идеями автора можно согласиться в полной мере, в ряде случаев возможна иная оценка рассматриваемого материала. В связи с этим необходимо выделить следующие дискуссионные аспекты

рассматриваемого исследования: как показывает изучение текста монографии, автор по существу анализировал только русскоязычные СМИ, однако многие выводы по книге в целом и по ее отдельных главам (разделам) сформулированы таким образом, что они воспринимаются как относящиеся к языку СМИ вообще, без учета его национальных особенностей. Между тем у рецензентов возникают сомнения, что выводы автора имеют настолько глобальный характер и могут быть применены в равной степени к испанским или японским СМИ.

Не всегда убеждает авторская аргументация выдвигаемых положений. Например, в одном из разделов исследователь пишет о том, что «во втором десятилетии XXI века авторы газетных текстов охотнее ретранслируют наваянные словом ассоциации интервьюированных ими субъектов, нежели свои личные, о чем свидетельствуют, в частности, следующие примеры». Далее автор приводит три примера. Никита Михалков считает, что «слово „счастье“ похоже на „сейчас“, а потому оно не может быть чем-то постоянным». А Иван Охлобыстин уверен в том, что «слова „истина“ и „любовь“ — это глаголы» (с. 49). Думается, что три примера (или даже 10—20 примеров) не могут служить подтверждением того, что во втором десятилетии нашего века авторы действительно «охотнее ретранслируют наваянные словом ассоциации».

Представленная монография в полной мере демонстрирует ясность и точность авторского стиля, хотя в столь объемной работе можно обнаружить и другие дискуссионные вопросы, например, автор сообщает, что «в качестве материала исследования выбраны тексты печатных СМИ с воздействующей направленностью». Хотелось бы узнать, как именно автор отличал СМИ «с воздействующей направленностью» от СМИ без указанной направленности и много ли удалось обнаружить СМИ, в которых совсем не оказалась «воздействующей направленности».

При обращении к общей оценке монографии необходимо отметить, что высказанные замечания имеют дискуссионный или

частный характер (в науке возможно сосуществование различных точек зрения). Рецензенты не ставят под сомнение саму концепцию автора, его методику анализа текстового материала или общие результаты этого анализа. Об актуальности разрабатываемой темы свидетельствует и то, что в Казанском федеральном университете подготовлена к защите докторская диссертация Л. А. Мардиевой «Виртуальная действительность в языковой и внеязыковой репрезентации (на материале медиатекстов)».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013.
2. Гудков Д. Б., Красных В. В., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 9, Филология. 1997. № 4. С. 106—117.
3. Гудкова Д. Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности. — М.: МГУ, 1999.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987.
5. Клушина Н. И. Общие закономерности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М.: МГУ, 2003.
6. Мардиева Л. А. Виртуальная действительность в языковой и внеязыковой репрезентации (на материале медиатекстов) : дис. ... д-ра филол. наук / Казанский (Приволжский) федерал. ун-т. — Казань, 2016.
7. Мардиева Л. А. Социокультурная реальность и ее интерпретация в медиатекстах. Опыт интегративного исследования. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. — 358 с.
8. Нахимова Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.
9. Нахимова Е. А. Прецедентное поле «Смутное время» в современных отечественных СМИ // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3, Вопросы образования, науки и культуры. 2008. № 1.
10. Садуов Р. Т. Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте // Политическая лингвистика. 2013. № 4.
11. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М., 2000.
12. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). — СПб., 2002.
13. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. — М.: Наука, 1990.
14. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. — М.: Эдиториал УРСС, 2007.
15. Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве. — М., 2013.

M. R. Babikova, A. P. Chudinov
Ekaterinburg, Russia

THEORY AND PRACTICE OF VERBAL AND ICONIC REPRESENTATION OF SOCIOCULTURAL REALITY IN PRINT MEDIA

ABSTRACT. This is a review of the monograph “Sociocultural Reality and Its Interpretation in Media Texts. The Experience of Integrative Research” by L.A. Mardieva. The author works out a new and promising system of methods of linguistic research and description of the reality perceived by the organs of speech, on the one hand with the help of verbal signs and on the other — by means of iconic symbols. This system of methods may be the basis for the research of the other spheres including intercultural comparison. The monograph enriches the terminology of medialogistics; gives theoretical grounds for the new field of functional medialogistics, which the author defines as the stylistics of poly-code texts and as functional stylistics (mediastylistics) of semiotically complicated texts. The practical value of the monograph is determined by the possibility of the use of its results in teaching practice, in the course books for future teachers of Russian, advertising specialists and in theory of communication. The materials of the research may be used in the practice of forensic linguistic expertise.

KEYWORDS: *representation of knowledge; iconic representation; precedence; non-verbal precedent phenomena; precedent visual images; non-verbal communication; mediastylistics.*

ABOUT THE AUTHOR: *Babikova Marina Rashitovna, Post-graduated Student of the Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).*

ABOUT THE AUTHOR: *Chudinov Anatoly Prokopievich, Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Vice-Rector for Academic and Innovative Activities.*

REFERENCES

1. Voroshilova M. B. Politicheskiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013.
2. Gudkov D. B., Krasnykh V. V., Zakharenko I. V., Bagaeva D. V. Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya pretsedentnykh vyskazyvaniy // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 9, Filologiya. 1997. № 4. S. 106—117.
3. Gudkova D. B. Pretsedentnye imena i problemy pretsedentnosti. — M.: MGU, 1999.
4. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. — M.: Nauka, 1987.
5. Klushina N. I. Obshchie zakonomernosti publitsisticheskogo stilya // Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya. — M.: MGU, 2003.
6. Mardieva L. A. Virtual'naya deystvitel'nost' v yazykovoy i vneyazykovoy reprezentatsii (na materiale mediatekstov): dis. ... d-ra filol. nauk / Kazanskiy (Privolzhskiy) federal. un-t. — Kazan', 2016.
7. Mardieva L. A. Sotsiokul'turnaya real'nost' i ee interpretatsiya v mediatekstakh. Opyt integrativnogo issledovaniya. — Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2016. — 358 s.
8. Nakhimova E. A. Pretsedentnye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011.
9. Nakhimova E. A. Pretsedentnoe pole «Smutnoe vremya» v sovremennykh otechestvennykh SMI // Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 3, Voprosy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2008. № 1.
10. Saduov R. T. Pretsedentnye verbal'nye, vizual'nye i verbal'no-vizual'nye fenomeny v kreolizovannom tekste // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4.
11. Slyshkin G. G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse. — M., 2000.
12. Smetanina S. I. Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa KhKh veka). — SPb., 2002.
13. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya. — M.: Nauka, 1990.
14. Chernyshova T. V. Teksty SMI v mental'no-yazykovom prostranstve sovremennoy Rossii. — M.: Editorial URSS, 2007.
15. Chernyavskaya V. E. Tekst v medial'nom prostranstve. — M., 2013.

Е. В. Дзюба, А. В. Цыганкова
Екатеринбург, Россия

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРСЫ:
ПРАКТИКА КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТАКТИК В ГЛОБАЛЬНЫХ СМИ**

АННОТАЦИЯ. Публикация представляет собой рецензию на монографию А. Б. Бушева «Глобальный медиадискурс и межкультурная коммуникация» (Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2016. — 383 с.). Предметом данного монографического исследования является специфика дискурсивных характеристик текстов глобальных СМИ, а также воздействующий потенциал языковых и риторических приемов, актуальных в следующих видах медиадискурса: политическом (в том числе электоральном, протестном, оппозиционном, террористическом, дискурсе постконфликтного урегулирования), экономическом и межкультурном (межэтническом и межконфессиональном). Основным методом, позволяющим вскрыть воздействующий (в частности, манипулятивный) потенциал стратегий и тактик современных глобальных массмедиа, по мнению А. Б. Бушева, является критический дискурс-анализ. Данный метод позволил исследователю выявить наиболее частотные приемы, обладающие воздействующим потенциалом. Среди таковых автор монографии выделяет «стереотипию», создаваемую растрасшированными штампами, клише, избитыми метафорами и эпитетами, эвфемизацию и перифразировку, направленные на смягчение или усиление оценочной коннотации, прием лексической интерпретации, вуалирование смысла за счет неясности или дефинитивной сложности терминов и специальной (особенно экономической) лексики и мн. др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: критический дискурс-анализ; глобальный медиадискурс; языковые и риторические приемы манипулирования; политический дискурс; экономический дискурс; межкультурный дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Дзюба Елена Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, д. 26, к. 285; e-mail: elenacz@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Цыганкова Анна Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методик преподавания школьных дисциплин в специальной (коррекционной) школе; Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 116; e-mail: usrumpsd@mail.ru.

Проблема критического подхода к информации, воздействующей на сознание современного человека со стороны глобальных массмедиа, вне всякого сомнения, является чрезвычайно актуальной на сегодняшний день. Одним из продуктивных и потому перспективных методов, обеспечивающих именно критический подход к анализу текстов СМИ, является метод критического дискурсивного анализа. В этом концептуально-методологическом поле выполнено исследование А. Б. Бушева «Глобальный медиадискурс и межкультурная коммуникация». Исследователь ставит перед собой масштабную задачу — показать значимость современных методов исследования (прежде всего метода критического дискурсивного анализа) при рассмотрении наиболее актуальных видов дискурса: электорального, экономического, военно-политического, протестного, межконфессионального, межэтнического, а также дискурса терроризма и дискурса постконфликтного урегулирования (стр. 5).

Отправной точкой для такого масштабного исследования становится предложенное в первой главе монографии описание специфических признаков современных СМИ (гипертекстовость, мультимедийность, интерактивность, трансграничность — стр. 9) и определение сущности современной журналистики как вида деятельности (стр. 15—26). Исследователь декларирует важное отличие журналистики от пропаганды и марке-

тинговой коммуникации, которое заключается в наличии особой, независимой гражданской позиции «профессиональных коммуникаторов». Вряд ли можно возразить мнению, высказанному А. Б. Бушевым, что настоящий журналист как «социально ответственный автор» должен отличаться гражданским самосознанием, человеческим неравнодушием, чувством сопричастности, которые не противоречат требованиям объективности и даже отстраненности журналиста, а также критичности восприятия всего окружающего.

Следующим этапом исследования является обзор направлений изучения политической коммуникации. Автор монографии поражает читателя исследовательской эрудицией при упоминании многочисленных актуальных для данной проблематики работ, начиная с античной риторики до самых современных научных изысканий: политической лингвоконцептологии, политической коммуникативистики, политической журналистики, политической метафорологии, психополитики, президентской риторики, семиотических исследований политической сферы, дискурсивных исследований (стр. 26—32). Особую роль в изучении политической коммуникации автор монографии отводит методу дискурсивного анализа. Казалось бы, этому вопросу стоит уделить особое внимание, но логика данного исследования развивается иначе. А. Б. Бушев сосредоточивает внимание на описании культурного пространства, в котором живет человек эпохи

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

© Дзюба Е. В., Цыганкова А. В., 2016

глобализации и мультикультурализма, и обусловленных этим контекстом изменениях сознания современного человека. Исследователь подчеркивает, что результатом многочисленных преобразований в повседневной жизни, в системе образования, в сфере трудовых отношений и т. д. становится фрагментаризация картины мира, которая представляет собой сочетание глобального и локального, сочетание невежественности в фундаментальном и осведомленности в узких вопросах. Автор рецензируемого исследования не эксплицирует такой вывод, но этот вывод напрашивается сам: в такой ситуации, когда манипулятивные тактики, применяемые в политике, СМИ, торговле и т. д., стремительно совершенствуются, а уровень развития общекультурной компетентности и критического мышления среднестатистического гражданина современного мира падает, критический дискурс-анализ, попадающий в руки квалифицированного филолога, лингвиста или журналиста (т. е. интерпретатора), выполняет серьезную просветительскую функцию.

Обзор работ, посвященных дискурс-анализу, представлен в следующей части монографии (стр. 67—77). Однако заметим, что если взыскательный читатель пожелает найти в данном разделе подробное описание сущности критического дискурс-анализа, то он будет немало разочарован. Автор монографии ограничивается лишь перечислением дискурсивных исследований, отсылая к работам тех или иных авторов, но не сосредоточивает внимания на сущности ключевого вопроса, не описывает дискурсивных составляющих, не раскрывает методологии дискурс-анализа и не указывает, какой вклад каждый из упомянутых им специалистов вносит в развитие теории и методологии дискурсивного анализа. Более того, на наш взгляд, суть метода критического анализа представлена в работе достаточно поверхностно, ср.: «...дискурс представляет собой такую технику интерпретации, которая бы выявила социокультурные, идеологические, политические религиозные и прочие предпосылки организации высказывания» (стр. 71, авторская пунктуация сохранена). Иное определение дискурса в исследовании, к сожалению, найти не удалось. Наиболее близко к сути и значению критического дискурсивного анализа, какими они видятся нам, А. Б. Бушев приближается лишь на стр. 164 монографического исследования, когда рассуждает об эристике, хранящей пафос убеждения при отсутствии строгих аргументов: «Журнальная и массовая информация относится к видам словесности, где эристика

входит в конструкцию текста, являются одновременно по своему складу и ориентирующими для перехода к действию. Поэтому без знания законов построения этих текстов получатель безоружен перед эристикой. Риторическая подготовка заключается не только в воспитании хорошего оратора, но и сознательного слушателя. Широкая аудитория не должна быть лишена возможности оценить спекулятивность применяемых средств».

Вторая глава «Политика и экономика в глобальном медиадискурсе» посвящена аналитическому описанию манипулятивного потенциала некоторых языковых средств и риторических приемов, используемых в современных и зарубежных СМИ для формирования у массового потребителя заданного ими же стереотипа восприятия того или иного политического события или явления экономической жизни. Начинается глава с параграфа «Международный контекст деловой коммуникации» (п. 2.1., стр. 89—101), однако читатель оказывается в плену эффекта обманутого ожидания: автор предлагает не анализ собственно обозначенного в заглавии явления, а методические рекомендации для обучения студентов деловому английскому языку с использованием аутентичных материалов и специализированных сайтов, пространно рассуждая о методических вопросах электронного обучения английскому языку и повышения «онлайновой грамотности». Подобные исследовательские фортели, приводящие к жанровой и содержательно-тематической разногласии, также ожидают читателя в параграфах 2.6 и 2.7 (стр. 165—182).

Однако, абстрагируясь от указанных особенностей авторского идиостиля, затрудняющих восприятие содержания, сосредоточимся собственно на предлагаемом в работе анализе манипулятивных приемов. Одним из таких приемов, актуальных для экономического медиадискурса, А. Б. Бушев считает использование варваризмов из области микро- и макроэкономики, международного маркетинга, менеджмента, туризма, антикризисного управления, розничной торговли, финансов и т. д. (ср.: *инсайдер, мерчандайзинг, маржа, альянс, бенефиты, билборд* и под.). Исследователь, на наш взгляд, справедливо отмечает, что, с одной стороны, это «злоупотребление англоязычной терминологией может маскировать отсутствие самостоятельного мышления, усвоение истин извне, без критической оценки, пустоту речи...» (стр. 116), с другой стороны, может свидетельствовать о смене парадигмы экономического мышления, смене концептов, о возникновении нового менталитета в экономической сфере (стр. 120).

Серьезным манипулятивным потенциалом, по мнению автора монографии, обладают языковые средства и риторические приемы, позволяющие авторам политических текстов выдавать мнения за знания, формировать стереотипное восприятие явлений политической жизни. А. Б. Бушев широко цитирует те массмедиа, которые тиражировали банальные метафоры и аксиологические высказывания, представляющие, например, смерть Каддафи как *избавление народа от диктатора*, как *открытие дороги демократии* и т. п. Исследователь приводит многочисленные примеры языковых средств, направленных на формирование стереотипов восприятия (штампы, клише, эвфемизмы, избитые метафоры и эпитеты, лексическая интерпретация, языковые оценочные коннотации, неясность терминов и др.; стр. 139—141), и в духе критического дискурс-анализа задается вопросами: *почему кровавого диктатора еще вчера принимали в самых прогрессивных столицах мира; почему этими СМИ не обсуждается, каковы социологические характеристики ливийского общества, каковы экономические параметры жизни, каков уровень гражданских и политических свобод; почему не упоминается, что произошло вмешательство во внутренние дела суверенного государства* и т. д. (стр. 137).

Перечисленные выше языковые и риторические приемы манипулирования и создания стереотипного восприятия автор исследования обнаруживает также в дискурсе протеста, дополняя этот список показательными примерами выражения оценки посредством языковой игры, ср.: *трепорттер, смеходержава, брехлама, словоние, дуривестник, голодообразующее предприятие* и под. Далее автор сосредоточивает внимание на описании оппозиционного дискурса постперестроечного времени и современности, подчеркивая конвергентность официальных СМИ и вытеснение СМИ, критически настроенных по отношению к действующей власти, на периферию, чаще в интернет-пространство (рассуждению о маргинализованном характере критического, протестного и оппозиционного, дискурса также будет посвящен параграф 3.3 рецензируемого исследования).

Неподдельный интерес читателя может вызвать параграф 2.8 монографии (стр. 183—196), посвященный изучению спин-докторинга как PR-технологии, нацеленной, как правило, на спасение имиджа политического деятеля. А. Б. Бушев с опорой на исследование доктора социологии Дункана Уоттса описывает пять типов спин-докто-

ринга: 1) *до-спин* — технологии, предполагающие идеологическую подготовку перед общественно значимым событием; 2) *после-спин* — технологии, нацеленные на наведение необходимого «блеска» на событие; 3) *торнадо-спин* — технология, нацеленная на эффект отвлечения внимания, перевода общественного интереса на другие события; 4) *спин-контрол* — технология, предполагающая менеджмент событий, выходящих из-под контроля; 5) *спин-даун* — технологии, предотвращающие дальнейший ущерб имиджу в условиях вышедших из-под контроля событий. Исследователь приводит интересные примеры из политической жизни разных стран, демонстрируя разнообразные проявления манипулятивного спин-докторинга. Так, описывая американский спин-докторинг во время афганской войны, А. Б. Бушев анализирует следующие приемы: *запоздывание негативной информации, неоднозначное информирование, увод внимания, параллельное наращивание выгодного негатива* и др. Например, прием намеренного неоднозначного информирования иллюстрируется ситуацией, когда *Дж. Буш, бомбя Афганистан, одновременно поздравлял исламский мир с Рамаданом* (стр. 189).

В последнем параграфе второй главы автор вновь возвращается к анализу языковых особенностей экономического дискурса с акцентом на его кризисный характер и выявляет так называемые «конституенты дискурса экономического кризиса», к которым относит «метафоры, эвфемизмы и перифразы, неясные и сложные термины, аббревиатуры и неологизмы, работающие на неясность» (стр. 203).

Третья глава монографии посвящена изучению этнического и конфессионального медийного дискурса. В дискуссионном ключе автором освещается концепция европейской идентичности, выделяются специфические черты общеевропейского жизнеустройства, определяющие специфику и общеевропейского дискурса. Яркими примерами, иллюстрирующими искажение действительности средствами политического языка, насыщен следующий параграф данной главы, представляющий рассмотрение языковых и риторических особенностей дискурса постконфликтного урегулирования. Показательны, по мнению автора монографии, такие примеры: *бомбежки = хирургические удары, оккупированные земли = спорные территории, эскадроны смерти = элитные подразделения, убийства = точечная ликвидация, террористы = борцы за свободу* (стр. 227). Штампы, клише, речевые стереотипы, эвфемизмы, избитые метафоры и эпитеты,

языковые оценочные коннотации, неясность терминов — эти и другие языковые и риторические приемы (тактики дезинформации и пропаганды, опора на авторитеты, автоматизация и деавтоматизация и др.) свойственны также протестному дискурсу (стр. 234—256). А. Б. Бушев иллюстрирует эти положения многочисленными примерами из отечественных и зарубежных СМИ: «При описании политического протеста явственны эвфемизация и стереотипы. Показательна сама номинация события: *justice movement, протесты* или *беспорядки, вооруженные столкновения*. Характерна стигматизация участников беспорядков: *банды, мародеры или повстанцы, недовольные, демонстранты, отбросы общества или недопривилегированные слои, отвергнутые, униженные и оскорбленные, бездельники, подстрекатели*» (стр. 244).

Анализу конструктивной и деструктивной этноцентрированной коммуникации посвящен следующий параграф третьей главы (п. 3.4., стр. 257—270). А. Б. Бушев считает актуальным рассмотрение конкретных примеров религиозно-политического взаимодействия во всех мировых религиях, вовлекает в круг рассматриваемых проблем вопросы существования разных религиозно-политических режимов, подвергая анализу идеи исламского и православного фундаментализма, теории отождествления религии с нацией и т. д.

Уделяется внимание и украинскому кризису. Автор исследования приводит примеры языковых и риторических приемов, которые используются в русско- и англоязычных СМИ, предлагающих оценку свергнутого режима, нового руководства, военно-политической и экономической ситуации на Украине, распространения идей о сохранении территориальной целостности, о возможности/невозможности вооруженного вмешательства в украинский конфликт, о целесообразности/нецелесообразности введения санкций против России и т. д. Заключительные параграфы исследования (п. 3.5. — 3.11., стр. 288—372) посвящены критическому анализу межкультурного, миграционного и террористического дискурсов. Исследователь выявляет такие приемы манипулятивного воздействия, свойственные указанным дискурсам, как «модальные суппозиции» (предъявление спорных суждений «под соусом» «кажимо-сти»), эвфемизация и перифразирование (ср.: *антиглобализм, (анти)террористические действия, миротворчество, зачистка* и под.), использование клише и штампов для создания стереотипного восприятия, персонификация информации для усиления

воздействия, т. е. тиражирование в СМИ трагических индивидуальных историй (ср. случай с курдским мальчиком-мигрантом, тело которого было выброшено на берег Средиземного моря и под.), широкое использование оценочной лексики с заданной коннотацией (ср.: *опасный прецедент, рекордное количество мигрантов, справедливое распределение мигрантов между европейскими государствами, повстанцы, преступники, погромщики, трагедия, жертвы чудовищных пыток* и др.), употребление сложных в дефиниционном отношении терминов (ср.: *права человека, демократический режим*), использование приема противопоставления (ср. оппозиции «мы — они», «свои — чужие» для усиления воздействия) и т. д.

При богатстве интереснейшего материала, при убедительности многих аналитических и критических зарисовок, касающихся современного политического, экономического и межкультурного дискурса, монография не свободна, как, вероятно, любое столь масштабное исследование, от бросающихся в глаза недостатков. Обилие повторов целых фрагментов текста в разных, даже соседствующих параграфах вызывает у читателя вряд ли приятное ощущение *déjà vu*. Затрудняют восприятие (иногда существенно) логические, грамматические и пунктуационные ошибки, что, вероятно, объясняется отсутствием какой-либо корректуры — авторской и издательской (что, попутно заметим, удивительно для столь широко рекламирующего себя издательства).

Не способствует усвоению предлагаемой концепции отсутствие выводов по главам и заключения, которое должно было бы подвести итоги предпринятого масштабного исследования.

Каждая часть (если не каждый параграф монографии) является отдельным исследованием, при этом разделы нередко выполнены в разных жанрах: то в жанре рецензии на чью-либо работу (п. 2.7), то в жанре методических рекомендаций для преподавателей английского языка (п. 2.1) и межкультурной коммуникации (п. 3.4, отчасти 3.5), то в жанре научно-исследовательского сочинения. Более того, при знакомстве с достаточно объемным исследованием, к сожалению, не складывается впечатления о каком-либо приращении смысла по мере развития содержания. Выводы по разным частям исследования однотипны и часто формулируются одинаково. Вероятно, задачей автора был широкий охват, но не глубокое рассмотрение изучаемых явлений.

Вряд ли лингвокогнитологу и специалисту по лексической семантике будет близка

предлагаемая А. Б. Бушевым интерпретация некоторых терминов: метафора здесь понимается отнюдь не в когнитивном, но в прагматическом ключе, исключительно как стилистический прием, но не как когнитивный механизм познания, конструирования знания, что свойственно когнитивно-дискурсивному подходу. Но даже при понимании метафоры как приема стилистики она часто отождествляется автором исследования с перифразами и эвфемизмами, а это далеко не всегда одно и то же. Едва ли носителю классического филологического образования покажутся научно корректными такие выражения: *медийный функциональный стиль*

(стр. 83), *политический дискурс* — это *часто стиль информационный, функциональный стиль массовой коммуникации в газете* — *средство информации и средство убеждения* (стр. 146) и др.

В целом работа вызывает несомненный интерес, так как она содержит богатейший материал, весьма убедительные критические оценки современных русско- и англоязычных СМИ. Она, несомненно, имеет практическую значимость, так как может предоставить богатый иллюстративный материал для учебных курсов по журналистике, межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистике и другим дисциплинам.

E. V. Dziuba, A. V. Tsyankova
Ekaterinburg, Russia

**POLITICAL, ECONOMIC, INTERETHNIC AND INTERCONFESSIONAL DISCOURSES:
PRACTICE OF CRITICAL ANALYSIS OF MANIPULATIVE TACTICS IN THE GLOBAL MASS MEDIA**

ABSTRACT. *This is a review of the monograph "Global Mediadiscourse and Intercultural Communication" (Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2016. — 383 p.) by A.B. Bushuev. The subject of this monograph is the specificity of the texts in the global mass media, and the potential of the language and rhetoric means relevant to the following types of mediadiscourse: political (including electoral, protest, oppositional, terrorist and discourse of conflict accommodation), economic and intercultural (interethnic and interconfessional). According to A.B. Bushuev the main method to reveal the persuasive potential (manipulative in particular) of the strategies and tactics of the contemporary global mass media is critical discourse analysis. This method helped the author reveal the most frequent means having persuasive potential. Among them are "stereotypy" build by means of wide-spread stock-phrases, clichés, hackneyed metaphors and epithets, euphemisms and paraphrase aimed at moderating or intensification of evaluative connotation, the means of lexical interpretation, fogging of the meaning by means of vagueness or difficulty of the terms and special (especially economic) vocabulary and many others.*

KEYWORDS: *critical discourse analysis; mediadiscourse; language and rhetoric means of manipulation; political discourse; economic discourse; intercultural discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Dziuba Elena Vyacheslavovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ABOUT THE AUTHOR: *Tsyankova Anna Vladislavovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Methods of Teaching School Subjects in a Special (Correctional) School, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки, а также работы современных исследователей, написанные на иностранных языках.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Научные направления:

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в каталог Роспечать. **Индекс 81954.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидат наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования** (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).
- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 то-

чек/двойм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2016. ВЫПУСК 4 (58)

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 26.08.2016. Формат 60x84/8.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 28,6. Усл. печ. л. — 30,4. Тираж 500 экз. Заказ 4731.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru